УНИВЕРСИТЕТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ БРИКС
МГИМО МИД РОССИИ
МИРЭА – РОССИЙСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «НАУКА» РАН
ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ
РОССИЙСКИЙ СОЮЗ НАУЧНЫХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
АССАМБЛЕЯ НАРОДОВ МИРА

СТРАНЫ БРИКС: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Материалы Третьей международной научно-практической конференции

(20–22 мая 2026 г.)

В двух частях

Часть 2

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

УДК 327.5; 339
ББК 66.4
С83

Редакционный совет:

Агеев А.И. – д.э.н., профессор, гендиректор Института экономических стратегий РАН, гендиректор МНИИ проблем управления, *Бельянинов А.Ю.* – д.э.н., д.полит.н., заслуженный экономист РФ, генеральный секретарь Ассамблеи Народов Мира, *Белявский О.В.* – к.ю.н., директор Российского центра научной информации, *Бордюжа Н.Н.* – председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, почетный профессор Орловского государственного университета, *Винокуров О.Е.* – проректор РТУ МИРЭА, *Гуляев Ю.В.* – академик РАН, член Президиума РАН, президент Российского Союза научных и инженерных общественных объединений, *Иванов В.В.* – д.э.н., к.т.н., член-корреспондент РАН, член Президиума РАН, заместитель Президента РАН, *Квардаков В.В.* – член-корреспондент РАН, председатель Совета Российского центра научной информации, *Ленчук Е.Б.* – д.э.н., руководитель центра Института экономики РАН, *Ратникова М.А.* – доктор экономики и менеджмента, вице-президент, директор ВЭО России, *Слоботчиков О.Н.* – к.полит.н., профессор, ректор Университета мировых цивилизаций, председатель, *Толорая Г.Д.* – д.э.н., профессор, исполнительный директор, Национальный комитет по исследованию БРИКС.

Редакционная коллегия:

Августманова Т.В. – к.п.н., член-корреспондент РАЕН, руководитель Дирекции устойчивого развития Ассамблеи Народов Мира, *Акимов А.В.*– д.э.н., зав. отделом Института востоковедения РАН, *Бактышева М.К.* – заместитель начальника Управления международных связей РЦНИ, *Булавина М.А.* – к.ю.н., доцент, проректор по научной работе Университета мировых цивилизаций, отв. редактор, *Герасимов В.И.* – к.ф.н., в.н.с. Университета мировых цивилизаций, отв. редактор, *Дарда Е.С.* – к.э.н., зав. Кафедрой статистики и математических методов в управлении РТУ МИРЭА, *Друкаренко С.П.* – к.т.н., вице-президент РосСНИО, *Золотарева О.А.* – к.э.н., доцент, директор Центра демографии и статистики Института экономических стратегий; доцент МИРЭА – Российского технологического университета, *Коданева С.И.* – к.ю.н., в.н.с. ИНИОН РАН, *Крюкова О.С.* – д.филол.н., зав. Кафедрой словесных искусств Факультета искусств МГУ, *Лепский В.Е.* – д.психол.н., директор центра, МНИИПУ; гл.н.с. Института философии РАН, *Лутовинов В.И.* – д.филос.н., профессор РАНХиГС при Президенте РФ, *Молчанов И.Н.* – д.э.н., профессор Экономического факультета МГУ; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, *Попова С.А.* – к.э.н., доцент, руководитель Научного центра по исследованию и развития мировых цивилизаций, Университет мировых цивилизаций, *Радюк А.А.* – помощник проректора по редакционно-издательской работе Университета мировых цивилизаций, *Семедов С.А.* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой «Международное сотрудничество» РАНХиГС, *Усольцев А.В.* – к.э.н., начальник Управления международных связей РЦНИ, *Чумаков А.Н.* – д.филос.н., д.ф.н., профессор, Факультет глобальных процессов МГУ, главный редактор журнала «Век глобализации», *Ярыгина И.З.* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой МИЭП МГИМО, директор по научной работе НКИ БРИКС, сопредседатель.

С83 **Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире:** материалы Третьей международной научно-практической конференции (20–22 мая 2026 года): в 2-х ч. Ч. 2 / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — Москва : Издательский дом УМЦ, 2026. — 368 с.

ISBN 978-5-908135-56-6

Часть 2

ISBN 978-5-908135-

Рассматриваются актуальные проблемы сотрудничества и взаимодействия, цивилизационной и национальной идентичности, регионального и экологического развития стран БРИКС.

Для специалистов в области международных отношений, государственного управления, научно-технологического развития и сотрудничества, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

УДК 327.5; 339
ББК 66.4

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений.

ISBN 978-5-908135- (ч. 2)
ISBN 978-5-908135-57-3

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВО «УМЦ», 2026

Содержание

Сотрудничество и взаимодействие в современном мире

Бабанов В.Н.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО НАРОДОВ В СФЕРЕ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ – БАЗОВЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО МИРОПОРЯДКА 11

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.
КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ 14

Brambila M.F.H.
PRIORITIES AND MECHANISMS OF BRICS SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION: ANALYSIS OF BARRIERS AND PROSPECTS FOR JOINT INNOVATION PROGRAMS 21

Гарбузарова Е.Г.
СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И БРИКС: ФАКТОРЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 24

Гудков Е. С.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА . . . 29

Гумеров Р.Р.
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 32

Гусарова С.А.
РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН БРИКС 36

Додонов О.В.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС 43

Дудина К.Э.
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ БРИКС: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ 53

Еловская М.А.
ЦИФРОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ПЛАТФОРМЕННЫЙ ПОДХОД И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 58

Захарова С.В.
АНАЛИЗ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС+ 63

Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н., Королева Е.М.
БОЛЬШЕ ПРАГМАТИКИ В ОТНОШЕНИИ БРИКС 69

Качелин А.С.
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО БРИКС В ТЭК: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ И НЕФТЕХИМИИ 72

Князева И.В.
НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА БРИКС 84

Кравченко В.В.
РЕЛИГИОЗНОЕ СОГЛАСИЕ В ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС КАК ЗАЛОГ ДОЛГОСРОЧНОГО И ПЛОДОТВОРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА . . . 88

Краснопольский Б.Х.
БРИКС И СОТРУДНИЧЕСТВО В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СЕВЕРОТИХООКЕАНСКОГО СЕКТОРА НА СТЫКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И США 92

Курумчина А.Э.
РОЛЬ «НЕПОЛИТИЧЕСКОГО» ПРОСТРАНСТВА В ПОДДЕРЖАНИИ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ СТРАНАМИ БРИКС 100

Ли Фэн, Сазонов С.Л.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУХОПУТНО-МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ КОРИДОР (КНР – СТРАНЫ АСЕАН, ЕВРОПЫ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ) 104

Линь Юнь
КИТАЙСКО-РОССИЙСКАЯ ТРАНСГРАНИЧНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИКС 110

Молчанова Н.П.
СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС 114

Мухаметзянов Р.Р., Сторожев Д.В., Мухаметзянова О.Н.
ЗНАЧЕНИЕ БРИКС+ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ЕГИПТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ 119

Орлова Н.Л.
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН БРИКС 125

Рязанова Н.Е.
ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС 130

Сидорова Е.А.
ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ЮСТИЦИИ 136

Суворова А.П., Репина О.М., Судакова Н.Ю., Руденко С.А.
ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. 145

Сухоручкина И.Н., Сухоручкина А.А.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАМКАХ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ В КИТАЕ И СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС+ 154

Терновая Л.О.
ПЕРСПЕКТИВЫ КООПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВЫЗОВЫ БРИКС В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ 158

Тетеринец Т.А.
ГУМАНИТАРНЫЙ КОНСТРУКТ УПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА 164

Ткаченко И.Ю., Обжигайлов Т.А.
ИНТЕГРАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
БРИКС И ШОС: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 170

Черевык К.А.
ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЭФИОПИИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ
СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ 173

Чернов В.А.
МОНЕТАРИСТСКАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ
В МЕХАНИЗМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС 179

Шевченко И.Г., Меланин В.А.
БРИКС И СОЮЗНИКИ РОССИИ 186

Шугуров М.В., Шугурова И.В.
ПЛАТФОРМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БРИКС:
МЕХАНИЗМ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ . . 189

Цивилизационная и национальная идентичность
в современном мире

Абдыханов У.К., Латышев О.Ю.
СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 198

Аствацатурова М.А.
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОПТИКЕ
СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ РФ 203

Гришаева Ю.М., Нгуен Н.Н.З.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
ШКОЛЬНИКОВ ВО ВЬЕТНАМЕ 208

Журба А.Н. (Белов В.)
МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
НЕЗАПАДНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ОСНОВА
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС 212

Жэнь Гуанюань
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
ВЫЗОВЫ СОЗНАНИЮ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 218

Карнишина Н.Г.
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ 221

Котилко В.В.
МОЛОДЕЖЬ И СПОРТ: ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА 224

Кравченко В.В., Щичко С.В.
ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ
КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
В СФЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ БРИКС. 228

Латышев О.Ю., Латышева П.А.
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА ФАВОРСКОГО 232

Морозов А.В.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА 235

Небренчин А.С.
МЕСТО И РОЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ
УНИКАЛЬНОЙ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. 238

Оу Гуаньюань
ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОГО
ТУРИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА КИТАЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ 241

Сибиряков И.В.
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО
ОБРАЗА РОССИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БРИКС 244

Хилтухина Е.Г.
ЭТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ. 247

Чернякова Н.С.
ОТЧУЖДЕНИЕ ГРАЖДАН ОТ ВЛАСТИ
И ДЕГРАДАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КАЧЕСТВ
КАК ПРИЧИНЫ УТРАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА 250

Чжан Фань
ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ 253

Чэнь Хунли
ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
ГУМАНИТАРНОГО ОБМЕНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМНОГО ОБМЕНА
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. 254

Регионы и города

Антонова Н.Е.
ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА
КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МАКРОРЕГИОНА. 258

Ломакина Н.В.
ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СЫРЬЕВОЙ
ЭКОНОМИКИ В НОВОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ 260

Мурко Е.В.
РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ
РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ 263

Никулина И.Н., Потупчик М.Н.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ 265

Русавская А.В., Макаров Р.С.
ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 269

Рустамова Л.Р.
ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС ПО ЛИНИИ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ, ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЪЕДИНЕНИИ 276

Севостьянов В.Л.
НОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЛАНИРОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ – ФАКТОР ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ДЕМОГРАФИИ СТРАНЫ 280

Спасенов А.Ю., Русавская А.В.
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 282

Тришкин Б.В. , Жирина Л.С.
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ И МОНОГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ 287

Унтура М.В.
АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН 292

Страны БРИКС: экологические аспекты развития и сотрудничества

Алимов А.А.
МОЖЕТ ЛИ РАЗВИТИЕ СТРАН БРИКС БЫТЬ УСТОЙЧИВЫМ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ? 298

Андрианов В.Д.
РОЛЬ НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В СТРАНАХ БРИКС+ 304

Буркова Е.И.
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН БРИКС 314

Давиденко Л.М.
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ 319

Кожемяков С.А.
ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: ПОЗИЦИЯ СТРАН БРИКС
В ОТНОШЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО УГЛЕРОДНОГО НАЛОГА ЕС 328
Кокин А.В.
СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ
ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО И ПРИРОДООХРАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В ЭПОХУ МНОГОВЕКТОРНОГО РАЗВИТИЯ. 333
Никоноров С.М., Ефрем Р.Н.
ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
И ЗЕЛЕНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ БРИКС 343
Тагаева Т.О., Савина А.И.
ПРИРОДООХРАННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ
С ОТХОДАМИ В СТРАНАХ БРИКС. 354
Философова Т. Г., Сырцов Д.Н.
РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС+:
МЕХАНИЗМЫ, ВЫЗОВЫ, КООРДИНАЦИЯ 361

Сотрудничество и взаимодействие в современном мире

Бабанов В.Н.
д.э.н., профессор, руководитель Научно-исследовательского центра «Малахово», г. Тула
babanov45@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО НАРОДОВ В СФЕРЕ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ – БАЗОВЫЕ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО МИРОПОРЯДКА

Ключевые слова: устойчивость миропорядка, влияние науки, образования и культуры, идеальный миропорядок, модели реального миропорядка,
Key words: stability of the world order, influence of science, education, and culture, ideal world order, models of the real world order.

По замыслу автора целью данной статьи является исследование влияния науки, образования и культуры на устойчивость миропорядка. Достижение поставленной цели требует формирования образа устойчивого миропорядка. В качестве исходного момента может быть принят образ идеального миропорядка, который является структурным синонимом идеального мира.

Идеальный мир – это абстрактное понятие, которое описывает мир в его совершенном, гармоничном или желаемом состоянии. Представления об идеальном мире многочисленны, и это, в свою очередь, говорит о многообразии моделей реального мира.

Однако принципы идеального миропорядка могут являться своего рода ориентирами для формирования образа реального и предпочтительного миропорядка.

Если говорить о моделях миропорядка, встречающихся в литературных источниках, то они разнообразны и отражают различные подходы к организации международных отношений и взаимодействия государств. Среди этих моделей можно назвать, например, модель однополярного миропорядка, концепция которого предполагает доминирование одной из мировых держав, и это, по мнению сторонников этой модели, в частности, Збигнева Бжезинского, стабилизирует международную систему.

Збигнев Бжезинский – американский политолог и государственный деятель – являлся одним из самых известных теоретиков однополярного мира. Идеи однополярности он изложил в книге «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы»[1].

Противоположностью однополярному миру служит многополярный миропорядок[2], который нередко именуют многополюсным или полицентричным. Эта модель предполагает распределение мирового влияния между несколькими субъектами такого влияния, что снижает возможные негативные результаты доминирования одного государства.

Концепция многополярности находит поддержку мировой общественности, а также в ряде официальных международных документов. Например, в российско-китайской декларации 1997 года подчёркивалась идея и желательность многополярного мира[3].

Существуют и другие модели, каждая из которых имеет свои отличительные черты. Например, модель, предложенная С. Хантингтоном, по мнению которого она учитывает культурные и цивилизационные различия между государствами[4].

Другая модель – например, модель Дж. Бьюкенена, акцентирующая внимание на экономической интеграции и признающая основой мирового порядка свободную торговлю и открытые рынки, позволит странам эффективно использовать ресурсы и достигать экономического роста[5].

---

[1] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2002. – 254 с.

[2] *Торкунов А.В.* Современные международные отношения. – М.: РОССПЭН, 2001. – 584 с.

[3] Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Дипломатический вестник. – 1997. – № 5.

[4] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – С. 603.

[5] *Нуреев Р.М.* Теория общественного выбора. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005.

Говоря об иных моделях и концепциях миропорядка, можно вскользь упомянуть и о таких, как концепция «весь мир – одна семья», в которой подчёркивается важность единства и солидарности между людьми независимо от национальности, расы, религии или культуры. Принципы такого мироустройства были закреплены в принципах мирного сосуществования Панча-Шила[1].

Существует еще одна модель – модель, связанная с концепцией «умной силы» и предложенная Джозефом Найем, который рассматривал мировой порядок через способность сочетать жёсткую и мягкую силу для формулирования выигрышной стратегии[2].

Хиллари Клинтон, будучи сенатором от штата Нью-Йорк в ходе сенатских слушаний в январе 2009 года отметила, что следует «использовать то, что называется умной силой, – политические, правовые и культурные – выбирая правильный инструмент, или набор инструментов, в каждой ситуации. С умной силой дипломатия будет в авангарде международной политики».

Другой американский политический деятель Генри Киссинджер, известный тем, что организовал сближение США с Китаем, предложил в свое время модель миропорядка на базе общепризнанных принципов и правил международного сотрудничества и концепции баланса сил. Киссинджер инициировал политику разрядки международной напряжённости, которая привела к значительному ослаблению напряжения в американо-советских отношениях[3].

Позднее появилась Концепция «справедливого миропорядка», которая акцентирует внимание на принципах суверенного равенства государств, неприятия гегемонии, сотрудничества на основе баланса интересов и взаимной выгоды, верховенства международного права, многообразия культур и цивилизаций, а также отказа от навязывания другим странам своих моделей развития[4]. Вот ее основные положения[5]:

- суверенное равенство государств и уважение их права выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства;
- неприятие гегемонии в международных делах;
- сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды;
- невмешательство во внутренние дела других государств;
- верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ от политики двойных стандартов;
- неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах;
- многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказ от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок;
- ответственное лидерство ведущих государств, направленное на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития для всех стран и народов;
- главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности;
- обеспечение безопасности на глобальном и региональном уровнях, включая высокий порог применения силы, урегулирование и предотвращение вооружённых конфликтов;
- достойное представительство интересов широкого круга государств, особенно расположенных за пределами «западных демократий»;
- равный доступ всех государств к благам мировой экономики и современным технологиям в интересах равномерного развития, включая решение проблем глобальной энергетической и продовольственной безопасности.

Из приведенных выше материалов явствует, что конструктивные решения проблемы формирования приемлемого для всех жителей нашей планеты не найдено. Главная трудность заключается в чрезмерных различиях между людьми и отсутствием действенных способов преодоления этих различий.

---

[1] Пять принципов мирного сосуществования // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004-2017.

[2] *Най, Дж.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. [с англ.] В.И. Супруна. – Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006. – 221 с.

[3] *Киссинджер, Г.* Мировой порядок / [пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова]. – Москва: АСТ, 2024. – 512 с.

[4] *Селезнёв И.А.* Концепт справедливого миропорядка новейших внешнеполитических документах России: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 9.

[5] Там же.

Независимые исследования показывают, что человеческое общество не может быть полностью однородным – это противоречит его природе и законам развития.

Считается, что однородность человеческого общества невозможна по ряду причин. Среди них:

1. Биологические различия, так как люди изначально отличаются по возрасту; полу; физическим и умственным способностям; состоянию здоровья; темпераменту и психотипу[1].
2. Социальные различия, поскольку в любом обществе формируются статусные переменные – признаки, по которым людей относят к разным группам, в которых основными критериями служат уровень дохода; отношение к власти; престиж профессии; уровень образования; этническая и религиозная принадлежность; культурные ценности и стиль жизни[2].
3. Необходимость функционального разнообразия, так как обществу нужны работники разных профессий и навыков[3].
4. Психологические и мотивационные факторы, поскольку у людей разные: цели и амбиции; способности и таланты; потребности и предпочтения; степень активности и инициативности[4].

Попытки создать приемлемую модель однородного общества предпринимались, но не увенчались успехом. Например, марксистская модель[5] предполагала построение бесклассового общества, но на практике это приводило лишь к изменению форм неравенства в виде появления номенклатуры вместо буржуазии

В свое время Вебер отмечал[6], что неравенство возникает не только из-за собственности, но и из-за квалификации, престижа и стиля жизни.

Возникает вопрос, какие знания необходимы для обеспечения благополучия нынешнего и будущего поколений людей. Миропорядок как организационная система жизни и деятельности жителей нашей планеты должен учитывать все эти объективно существующие обстоятельства.

На наш взгляд, уместен вопрос: а настолько ли необходим поиск идеальной модели миропорядка или можно ограничится существующей квазиидеальной моделью, последовательно ее модернизируя в направлении исключения из ее состава элементов, порождающих антагонистические конфликтные отношения между акторами международной деятельности, не нарушая их суверенитета.

Продуцируемые наукой знания могут оказаться бесплодными, если не подкреплены соответствующей системой образования. Та система образования, которую мы имеем в России, к сожалению, не достаточно ориентирована на формирование человека, обладающего набором знаний и на их основе умений, которые адекватны имеющимся и будущим потребностям и необходимы для повышения его и общества благополучия.

При осуществляемой в настоящее время модернизации системы образования следовало бы глубже анализировать и использовать опыт предшествующих периодов.

По мнению автора, основанному на его собственном опыте, следовало бы подумать о широкой замене среднего общего образования на среднее профессиональное. Это повысило бы образовательный потенциал государства и профессиональную ориентацию молодежи.

Если говорить о постсоветском периоде организации профессионального образования, то недоумение вызывала, например, возможность поступления в магистратуру без соотнесения в ряде случаев ее профиля с профилем предшествовавшего бакалавриата или специалитета. То же

---

[1] *Русалов, В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий // Инновационные технологии обучения. – 2012. – № 1. – С. 22-35.

[2] Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / под общ. ред. д.соц.н., профессора Н.Г. Осиповой. – М.: Перспектива, 2021. – 276 с.

[3] *Певзнер М.Н.* Менеджмент многообразия: учеб. пособие / М.Н. Певзнер, П.А. Петряков, И.А. Донина, В.В. Стадник, У. Альгермиссен. – Великий Новгород, 2017. – 451 с.

[4] *Ткач Е.Н.* Актуальные проблемы психологии мотивации: монография / Е.Н. Ткач, Е.В. Гончарова. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 124 с.

[5] *Шихан Х.* Марксизм, наука и науковедение: история и перспективы // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 10–29.

[6] *Вебер, М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: 4 т. / [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

относится к переподготовке в рамках дополнительного образования. Получалось так: был пирожником, а стал сапожником. Или наоборот. На наш взгляд, получалась не совсем адекватная профессиональная трансформация.

Что касается культуры, то сформировать единообразное по своему составу культурное пространство вряд ли возможно.

Трудно представить единообразие в культуре общения людей, разных по происхождению, традициям, приоритетам, в их культуре потребления, охраны природы, поддержания порядка и т.д. А это означает, что сформировать единообразный миропорядок также вряд ли получится. К тому же, имеются сомнения, что это так уж необходимо. Поэтому вывод таков: следует повышать **благоприемлемость и** устойчивость сложившейся системы мировых отношений и взаимодействия, последовательно ослабляя влияние факторов ее дестабилизирующих, среди которых важную роль играет построение справедливых социальных отношений внутри каждого из существующих на нашей планете государств.

Боголюбова Н.М.
к.и.н., Факультет международных отношений СПбГУ

Николаева Ю.В.
к.и.н., Факультет международных отношений СПбГУ

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Ключевые слова: Россия, БРИКС, культура, креативные индустрии, международное культурное сотрудничество, киноиндустрия, телевидение, мода, гастрономия, креативные города ЮНЕСКО.

Key words: Russia, BRICS, culture, creative industries, international cultural cooperation, film industry, television, fashion, and gastronomy, UNESCO creative cities.

Цель настоящего исследования – выявить, в каких сферах креативной индустрии сотрудничество стран БРИКС развивается наиболее активно, и какие перспективы и возможности открываются для России

Сотрудничество стран БРИКС в области креативных индустрий

Понятие культурной индустрии объединяет культуру, творчество, интеллектуальную деятельность с экономикой и коммерцией. В самом общем понимании это отрасль экономики, основанная на творческом труде. Не существует общих взглядов и подходов к тому, что следует относить к понятию креативных индустрий. Наиболее распространенные примеры: кино, видео-, аудио-, анимационное производства, мода, дизайн, гастрономическая индустрия, музейная и издательская деятельность и др.

В настоящее время сотрудничество стран БРИКС в области креативных индустрий можно смело отнести к числу наиболее динамично развивающихся, о чем говорит значительное число выработанных документов, многочисленные примеры проведенных мероприятий и внимание со стороны первых лиц. Как заметил президент Российской Федерации В.В. Путин на саммите БРИКС в Казани (24 октября 2024 г.): «Креативные индустрии – это не только важная часть современной экономики, но и мощный инструмент «мягкой силы», способный укрепить позиции

БРИКС на международной арене».[1] Подобный подход объясняется тем, что сотрудничество в области креативных индустрий, культуры и творчества позволит странам-членам БРИКС совместно решить ряд насущных задач культурно-гуманитарного, социального и даже политического характера. По мнению экспертов, создание общего рынка креативных индустрий способно укрепить не только связи в рамках БРИКС, но и общий имидж объединения, особенно учитывая, что «согласно прогнозу G20 Insights, мировая креативная экономика может достигнуть 10% мирового ВВП к 2030 г.».[2]

Вопросы сотрудничества в сфере креативных индустрий нашли отражение в ряде документов БРИКС. Это Уфимская декларация, принятая на VII саммите БРИКС (2015), Итоговый документ встречи министров культуры в Тяньцзине (2017), Декларация Маропенга (2018), Итоговый документ встречи министров культуры стран БРИКС в Куритиба (2019), Пекинская декларация XIV саммита БРИКС и План действий, направленный на реализацию Соглашения о сотрудничестве в сфере культуры на 2022-2026 гг. (2022). В документах отмечено, что сотрудничество в области креативных индустрий представляет интерес для всех участников объединения, потому что оно соответствует их национальным интересам и позволяет решать важнейшие задачи в экономической, культурно-гуманитарной и социально-экономической сферах.

О том, что сотрудничество в области креативных индустрий занимает одно из центральных мест в палитре культурного взаимодействия БРИКС, говорит целый ряд встреч стран-членов, посвященных этой проблематике. Так, проблемы сотрудничества в креативной сфере обсуждались на Форуме креативного бизнеса стран БРИКС в формате Петербургского международного экономического форума (Петербург, 2024), на форуме творческих инноваций стран БРИКС в формате Восточного экономического форума (Владивосток, 2024), во время панельной сессии «БРИКС: креативные индустрии как фактор роста» в рамках Форума женского предпринимательства БРИКС (Москва, 2024), на Саммите креативных индустрий стран БРИКС (Москва, 2025) и др. Участники этих встреч обсуждали продвижение экономического потенциала творческого сектора, обращались к вопросам культурного многообразия, говорили об инновационных подходах в различных сферах креативных индустрий. Суммарное число просмотров в соцсетях составило около 2 млн, что говорит о необычайной популярности темы креативных индустрий и крайней заинтересованности широкой аудитории в ее обсуждении.

Общие итоги этих мероприятий сводятся к следующему. Креативные индустрии являются важнейшим инструментом для создания устойчивого будущего. Сотрудничество в сфере креативных индустрий способствует сохранению культурного многообразия и развитию творческого предпринимательства. Развивая сотрудничество в сфере креативных индустрий, необходимо делать акцент на национальную самобытность, синергию инноваций и творчества. Государства должны создавать условия для внедрения технологий и роста креативной экономики, сохраняя национальную культурную идентичность.

Опираясь на многочисленные примеры, можно отметить, что формы сотрудничества стран БРИКС в области креативных индустрий весьма разнообразны. Это обмен опытом и идеями; оказание финансовой поддержки проектам, используя налоговые льготы и гранты; разработка образовательных программ для молодежи в сфере креативных индустрий; формирование программ обмена студентами и специалистами; развитие цифровых онлайн-платформ; создание совместных продуктов, отражающих общие культурные ценности; формирование общего рынка товаров и услуг, предлагаемых сектором творческих индустрий и многое другое.

Что касается направлений сотрудничества, то, как показывает практика, наиболее динамично развивается оно в следующих областях:

Сотрудничество в сфере киноиндустрии

Примечательно, что первым многосторонним культурным проектом, реализованным в рамках БРИКС, стал проект именно в области креативной индустрии. Речь идет о кинофестивале

[1] БРИКС: Культурный вектор интеграции. Выступление В.В. Путина на саммите БРИКС в Казани 22-24 октября 2024 г. // Клаузура. – 2024. – 23 октября. – https://klauzura.ru/2024/10/briks-kulturnyj-vektor-integratsii/

[2] Креативная экономика БРИКС: будущее, созданное идеями // TV BRICS. – 2025. – 21 октября. – https://tvbrics.com/bricslife/kreativnaya-ekonomika-kak-kultura-tvorchestvo-innovatsii-vliyayut-na-finansy-i-umy/

стран-членов БРИКС, идею проведения которого впервые высказал в 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди. Фестиваль создавался как площадка для развития культурных обменов между странами БРИКС в интересах продвижения национальных кинематографов под девизом «Кино стран БРИКС – альтернативы Голливуду». Кинофестивали проходят ежегодно в разных городах стран-участниц, причем на территории России они проходи трижды (2020, 2024, 2026 гг.).

Кинофестиваль стран БРИКС постепенно обретает популярность и за пределами объединения. Интерес к нему проявляют другие страны, например, страны Латинской Америки. В декабре 2020 г. во время проведения конференции, посвященной роли БРИКС в мире, прошел первый онлайн-кинофестиваль БРИКС в Перу, во время которого были показаны лучшие фильмы стран, входящих в объединение, в т.ч. «Время первых» российского кинопроизводства. Таким образом, фестиваль вполне может рассматриваться как способ продвижения кинокультуры стран БРИКС во всем мире и как культурный бренд объединения.

Сотрудничество в сфере телевидения

Другим направлением активного взаимодействия стран БРИКС в области креативных индустрий является телевидение. Международная сеть TV BRICS была создана в 2017 г. как новейшая система многостороннего информационного обмена между СМИ стран БРИКС. Миссия TV BRICS заключается в создании единого информационного пространства БРИКС на условиях равноправного партнерства всех стран, а также в распространении объективной информации о гуманитарной и экономической деятельности участников объединения. Сегодня телевещание осуществляется в круглосуточном формате на русском, английском, китайском, португальском языках. Оно охватывает внушительную аудиторию – 31 млн чел. Партнерами являются более 100 крупнейших СМИ из 26 государств, информационное присутствие медиасети охватывает около 80 стран[1].

На канале создана международная библиотека цифрового видеоконтента, которая включает коллекцию телесериалов, художественных и документальных фильмов, телешоу, веб-сериалов и др. Есть программы, посвященные искусству, науке, путешествиям, национальным праздникам стран-участниц. Обширный охват зрительской аудитории, благодаря возможностям телевидения, и разнообразная тематика передач делает культуру стран БРИКС ближе, понятнее, интереснее.

Потенциал кино и телевидения БРИКС весьма значителен, они могут стать отличной платформой для обсуждения культурных контактов стран объединения, политических и экономических событий.

Сотрудничество в сфере моды

Мода – одно из наиболее динамично развивающихся направлений культурной индустрии и экономики в целом. Но мода выполняет и другие важные функции: она служит средством выражения культурной самобытности, популяризации культурного наследия и мостом для межкультурного общения.

Развивая сотрудничество в области моды, страны БРИКС обмениваются технологиями, делегациями модных дизайнеров, проводят совместные мастер-классы, устраивают модные дефиле. Начиная с 2023 г. в Москве проходит масштабный международный форум модной индустрии «BRICS+ Fashion Summit» с участием дизайнеров, экспертов и предпринимателей из стран БРИКС и других стран. Форум способствует установлению деловых контактов, обмену идеями и творческим опытом, созданию творческих коллабораций. Результатом сотрудничества стран БРИКС в области моды стало создание в 2023 г. Международной модной федерации БРИКС, которая, по замыслу организаторов, должна сближать страны, поддерживать совместное творчество и обеспечивать регулярное проведение показов мод.

[1] Жанна Толстикова: о роли медиасети TV BRICS в формировании единого информационного пространства // Эксперт-онлайн. Центр аналитики. – https://expertnw.com/ekspertnoe-mnenie/o-roli-mediaseti-tv-brics-v-formirovanii-edinogo-informatsionnogo-prostranstva/

Сотрудничество в сфере гастрономической индустрии

Это еще одно динамично развивающееся направление сотрудничества стран БРИКС, имеющее культурное и социальное измерение. Национальная кухня, как и мода, служит отличным способом популяризации культуры народов, их традиций и ценностей.

Страны БРИКС реализуют множество совестных кулинарно-гастрономических проектов: организация кулинарных выставок, круглых столов и мастер-классов ведущих шеф-поваров и кондитеров, проведение гастрономических фестивалей национальной и исторической кухни. Сейчас обсуждается возможность создания Ассоциации этногастрономического туризма и международного центра для продовольственной безопасности. В качестве примера можно привести социально значимый проект «BRICS Food» по ликвидации голода, который направлен на «обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»[1]. Для осуществления этого проекта был организован специальный фонд BFT (BRICS Food Token – продовольственный токен БРИКС) «для сбора средств на производство и поставку специальных продуктов питания для детей в проверенные благотворительные фонды»[2].

В качестве перспективных направлений сотрудничества стран БРИКС в области креативных индустрий сейчас обсуждается создание Альянса культурных институтов стран БРИКС для координация совместных проектов в области искусства, литературы, кино и др.; учреждение креативного фестиваля БРИКС, в программе которого будут представлены мода, кино, литература, танец, музыка, анимация; запуск проектов в области IT для продвижения креативных индустрий стран-членов; создание многоязычной цифровой платформы для продвижения культурного наследия и современного искусства стран БРИКС и организация Фонда поддержки креативных индустрий БРИКС для финансирования инновационных проектов на стыке культуры, искусства и технологий. Эту идею высказал президент В.В. Путин в 2024 г. году в рамках председательства России в БРИКС.

Для успешного развития взаимодействия в сфере креативных индустрий необходимо решить ряд актуальных задач, в первую очередь сформировать нормативно-правовые принципы и основы сотрудничества стран БРИКС в сфере креативных индустрий. Возможно, стоит подумать и над институциональным оформлением сотрудничества стран БРИКС в сфере креативных индустрий и создать специальную ассоциацию по аналогии с международными культурными ассоциациями: детских и юношеских театров BRICS, музеев, библиотек, художественных музеев и национальных галерей государств. В качестве новых перспективных направлений сотрудничества стран БРИКС в сфере креативных индустрий можно предложить игровую индустрию и киберспорт (одни из мировых лидеров игровой индустрии компании Tencent и NetEase из КНР), архитектуру и современное искусство (центры современного искусства в Москве, Пекине, Шанхае), культурный туризм (все страны БРИКС в той или иной мере обладают богатейшим культурным наследием, в т.ч. и находящимся под охраной ЮНЕСКО). Тем более, что в этих направлениях у большинства стран БРИКС есть большой задел и серьезные успехи на национальном уровне.

Россия как полноправный член БРИКС активно участвует во всех направлениях и формах сотрудничества в сфере креативных индустрий, рассматривая его как один из способов достижения целей, сформулированных в Плане развития креативной индустрии в РФ до 2030 года, а именно: увеличить вклад креативного сектора экономики в ВВП страны с 2,21% до 6% и повысить долю занятости населения в креативном секторе с 4,67% до 15%[3]. Сегодня доля креативной экономики в ВВП нашей страны уже составляет 3,5%, уровень занятости – 6,6%, а доход от экспорта товаров креативных индустрий 1 580 млн долл.[4]

В настоящее время в России к наиболее развитым видам креативных индустрий относятся программное обеспечение, кино, мода, реклама и пиар, архитектура и урбанистика, гастрономия, исполнительские искусства. При этом три первые индустрии аккумулируют 60% выручки

[1] Цифровой банк БРИКС послал токен за продуктами // Рамблер. – 2023. – 15 августа. – https://finance.rambler.ru/markets/51241558/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

[2] Там же.

[3] Перспективы развития креативных экономик БРИКС+. – М.: Кept, 2024. – С. 30. https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-07-01/18c5e5be-fa4a-4abc-a816-cf5e0fe6cbaa.pdf.

[4] Там же.

(8,7 трлн руб.); в них занято 43% работников (893,9 тыс. чел.) всего креативного сектора России[1]. Как мы видим, национальные приоритеты развития креативных индустрий в России во многом совпадают с наиболее развитыми направлениями сотрудничества стран БРИКС в этом секторе. В 2021 г. в России была принята Концепция развития творческих (креативных) индустрий до 2030 года, обозначившая основные виды креативных индустрий в нашей стране[2].

«Россия может стать драйвером развития креативной экономики BRICS+», – отметил старший вице-президент, директор департамента маркетинга и коммуникаций Сбербанка Владислав Крейнин на сессии Created in BRICS+ в рамках международного форума RICS, который проходит в Санкт-Петербурге 8 и 9 октября 2025 г., – «страны BRICS+ могут стать хабами развития креативных решений на базе прорывных технологий, а знак "Created in BRICS+" – новым символом качества и инноваций»[3].

Сегодня наша страна является инициатором многих международных мегапроектов в сфере креативных индустрий. Цивилизационный проект фонда Росконгресс «Душа России» реализуется с 2022 г. во время крупных мероприятий, в т.ч. форумов БРИКС. Новый проект ставит целью укреплять гуманитарный диалог России с миром. Предполагается, что проект станет значимой площадкой для продвижения потенциала российских креативных индустрий в соответствии с национальными задачами РФ. Россия выступила инициатором ряда значительных международных проектов в сфере креативных индустрий, предполагающих участие в т.ч. и государств БРИКС.

По инициативе Агентства стратегических инициатив и Правительства Санкт-Петербурга в 2025 г. был дан старт еще одному новому проекту в сфере креативных индустрий – «Российским международным креативным сезонам». Это международное мероприятие задумывалось с целью продвинуть экспертизу России в сфере креативных индустрий и подчеркнуть ее инвестиционную привлекательность. В первой встрече в Санкт-Петербурге приняли участие представители 20 стран СНГ, ШОС, БРИКС[4]. Креативные сезоны включают разные форматы взаимодействия: конференции, бизнес-миссии, творческие мастерские («резиденции»), создание и запуск новых продуктов (акселераторы), дополнительные мероприятия (сайд-ивенты).

По словам руководителя Агентства стратегических инициатив (АСИ) Светланы Чупшевой, «Россия уверенно выходит на роль глобальной площадки для консолидации креативных рынков стран-партнеров»[5]. И сейчас одна из главных задач, стоящих перед нашей страной в этой сфере, – участие в многочисленных мероприятиях, создание новых креативных партнерств, разработка инновационных проектов.

Россия в креативных проектах ЮНЕСКО

Россия обладает значительным опытом участия в проектах ЮНЕСКО, посвящённых развитию креативных (творческих) городов. Программа «Сеть креативных городов ЮНЕСКО» была запущена в 2004 г. и направлена на расширение сотрудничества между городами с высоким творческим потенциалом, который может быть использован для социально-экономического развития регионов[6]. Основная задача инициативы – развитие международного взаимодействия, обмен опытом и формирование стратегий развития креативных индустрий.

Сегодня в программе участвуют более 400 городов из 100 стран мира. Они представляют различные творческие направления: гастрономию, декоративно-прикладное искусство и народное творчество, дизайн, кинематограф, литературу, медиа-искусство (цифровое искусство), музыку

[1] Креативная индустрия стала новым экономическим сектором России // Lenta.ru. – 2024. – 17 декабря. – https://lenta.ru/articles/2024/12/17/nauchilis/

[2] Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. – http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf.

[3] Крейнин: РФ может стать драйвером развития креативной экономики BRICS+ // РИА Новости. – 2025. – 9 октября. – https://ria.ru/20251009/kreynin-2047304042.html.

[4] RICS Российские Международные Креативные Сезоны //Ассоциация анимационного кино: новости. – 2025. – 1 октября. – https://aakr.ru/rics-rossijskie-mezhdunarodnye-kreativnye-sezony/

[5] На конференции в Петербурге обсудят развитие креативных индустрий до 2050 года // ТАСС. – 2025. – 3 октября. – https://tass.ru/obschestvo/25242361.

[6] Сеть творческих городов ЮНЕСКО. – https://unesco.ru/activity/ccn/

и архитектуру. Важно отметить, что в проект включаются города, уже обладающие значительным опытом реализации креативных инициатив, который они демонстрируют в заявках, рассматриваемых экспертами ЮНЕСКО.

Участие в данной инициативе является престижным и открывает новые возможности для развития городов: способствует росту международного туризма, стимулирует экономику и повышает узнаваемость на мировой арене. Кроме того, эксперты ЮНЕСКО оказывают поддержку в формировании нормативно-правовой базы креативной экономики и реализации культурных проектов.

В настоящее время Россия представлена в «Сети креативных городов» пятью городами: Ульяновск (2015, литература), Казань (2019, музыка), Каргополь (2019, декоративно-прикладное искусство и народное творчество), Санкт-Петербург (2021, гастрономия), Великий Новгород (2023, музыка)[1]. Каждый из этих городов демонстрирует значительные достижения в соответствующих направлениях креативных индустрий.

Ульяновск (бывший Симбирск) известен как родина Ивана Гончарова и Николая Языкова. В разное время здесь бывали Александр Пушкин, Николай Карамзин, Денис Давыдов, Аркадий Пластов. В городе активно развиваются литературные традиции: проводятся фестивали, праздники, реализуются проекты по популяризации чтения, благодаря чему Ульяновск считается одним из наиболее «читающих» городов.

Казань представляет музыкальное направление. Здесь жили и работали выдающиеся композиторы и музыканты: Милий Балакирев, София Губайдулина, Салих Сайдашев, Фарид Яруллин, Олег Лундстрем, Михаил Плетнев, Альбина Шагимуратова, Аида Гарифуллина. Город не только сохраняет музыкальное наследие, но и активно развивает современную культурную среду, организуя международные фестивали и поддерживая музыкальное образование.

Каргополь – один из древнейших северных городов России, известный своими традициями народных промыслов. Несмотря на небольшое население, здесь активно сохраняются ремесленные традиции, развиваются мастер-классы, фестивали и образовательные программы. Особое внимание уделяется изготовлению традиционных глиняных игрушек, которыми славится регион.

Санкт-Петербург – культурная столица России – представлен в категории гастрономии, одной из наиболее динамично развивающихся сфер городской жизни. В городе проводится множество гастрономических фестивалей, конкурсов и мастер-классов. Рестораны Санкт-Петербурга регулярно входят в престижные международные рейтинги, включая список «50 лучших ресторанов мира»[2].

Великий Новгород стал участником программы в категории «музыка». Этот город связан с именем великого композитора Сергея Рахманинова. Включение в сеть совпало с празднованием 150-летия со дня его рождения. Здесь проводятся международные конкурсы и фестивали, в том числе юношеский конкурс пианистов имени Рахманинова[3].

Таким образом, участие российских городов в программе ЮНЕСКО подтверждает высокий уровень их креативного потенциала, признанный международным экспертным сообществом. Примечательно, что Россия занимает одно из лидирующих мест по числу креативных городов среди стран БРИКС и может поделиться своим опытом с партнерами. В 2024 г. проект «Креативные города ЮНЕСКО» получил интересное развитие благодаря оригинальной инициативе, объединившей креативные города стран БРИКС. В её рамках была организована фотовыставка «Вселенная БРИКС», участниками которой стали 48 российских и 41 зарубежный фотограф из стран объединения. Для экспозиции отобрали 40 снимков: половина из них была сделана с борта Международной космической станции летчиками-космонавтами, Героями Российской Федерации Сергеем Кудь-Сверчковым и Иваном Вагнером, а другая половина – талантливыми фотографами из креативных городов стран БРИКС.

---

[1] Сеть творческих городов ЮНЕСКО. – https://unesco.ru/activity/ccn/

[2] *Боголюбова Н.М.* Теоретические и практические аспекты современной гастрономической дипломатии // Межкультурный диалог в современном мире: материалы XII конференции с международным участием, 16 апреля 2023 г. – СПб.: Скифия-принт, 2024. – С. 32-34.

[3] География творчества. 20 лет программе ЮНЕСКО «Сеть творческих городов». – https://unesco.ru/news/creative-cities-network-20/

Выставка «Вселенная БРИКС» позволила по-новому взглянуть на знакомые виды городов России, Индии, Китая, Бразилии и Южной Африки – как с высоты более 400 километров, из космоса, так и с привычных городских ракурсов. В 2024 году экспозиция была представлена в Москве (в Музее космонавтики) и Санкт-Петербурге (в Петропавловской крепости), после чего отправилась в тур по восьми креативным городам ЮНЕСКО. Среди них – Каргополь, Нижний Новгород, Ульяновск, Казань, Рио-де-Жанейро, Пекин, Мумбаи и Дурбан. Этот проект можно рассматривать как успешный пример международного сотрудничества креативных городов, число которых в ближайшие годы, безусловно, будет расти.[1]

Для России сотрудничество в формате БРИКС в области креативных индустрий открывает большие перспективы. Прежде всего, диалог со странами-участниками позволяет обменяться опытом с зарубежными коллегами. У России появится возможность еще раз рассказать о себе в огромной многомиллионной аудитории, сформировать объективный образ страны с богатыми традициями и исключительным потенциалом.

Обстановка доверия и политической стабильности позволяет странам-участникам БРИКС создавать уникальные проекты, в которых участвуют страны с разнообразным культурным наследием, различными этническими и религиозными традициями. Россия может стать площадкой для проведения разных статусных международных мероприятий в сфере креативных индустрий стран БРИКС: форумов, выставок, конференций, спортивных игр и др. Опыт и возможности России могут быть полезными для стран-участников объединения и поэтому данное многосторонней сотрудничество, без сомнения, может быть взаимовыгодным и практически полезным для всех стран группы БРИКС.

Сотрудничество в сфере креативных индустрий открывает странам БРИКС, в т.ч. и России, огромные возможности для популяризации национальной культуры, для обогащения новыми идеями и успешным опытом в вопросах развития креативного сектора. Это прекрасная диалоговая площадка, позволяющая продемонстрировать свои успехи и познакомиться с успешными практиками стран-партнеров.

Креативные индустрии сегодня успешно объединяют культуру и экономику, ориентированы на достижение экономического эффекта. Очевидно, поэтому они так органичны для самой природы объединения БРИКС, за которым, несомненно, большое будущее.

[1] Выставка фотографий «Вселенная BRICS» https://unesco.ru/news/brics-universe-photo-exhibition/

Brambila M.F.H.
Candidate of Political Sciences, Leading expert at the Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge,
National Research University Higher School of Economics
fbrambila@hse.ru

PRIORITIES AND MECHANISMS OF BRICS SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION: ANALYSIS OF BARRIERS AND PROSPECTS FOR JOINT INNOVATION PROGRAMS

Key words: BRICS, science, technology and innovation (STI) cooperation; joint innovation programs; intellectual property governance; innovation performance

Ключевые слова: БРИКС; сотрудничество в области науки, технологий и инноваций (НТИ); совместные инновационные программы; управление интеллектуальной собственностью; инновационная эффективность.

Introduction

As inequality persists worldwide, the global order continues to shift from North Atlantic centrism towards regional centers.[1] Power distribution efforts have stimulated science, technology, and innovation (STI) cooperation among emerging powers, particularly within the framework of the BRICS Network University and the GRAIN platform, with the aim of pursuing institutional integration.

Despite current efforts, Kubota[2] demonstrated through bibliometric analyzes that BRICS have low levels of scientific cooperation particularly when compared with the United States and the European Union amid intellectual property challenges and misaligned national funding priorities.

This study integrates document analysis of ministerial declarations, joint funding mechanisms and cross-national innovation performances determined by the CRITIC method with Grey Relational Analysis (GRA),[3] while comparing results within the comprehensive competitiveness indicators established by Zhao et al.[4] Employing empirical and bibliographic data, this article argues that broad BRICS STI cooperation is unsustainable amid institutional and legal disparities, while proposing a collaboration model that integrates joint research in areas where countries demonstrate competitive advantages.

Priorities and institutional mechanisms

On an institutional level, BRICS STI cooperation has evolved from diplomatic dialogues initiated 2011 to a multi-tiered governance framework formalized in 2015 through the Memorandum of Understanding on STI Cooperation,[5] thus establishing a blueprint for multilateral initiatives under annual ministerial reviews and thematic working groups to drive policy implementation.

For instance, the BRICS STI Framework Programme considers the implementation of joint research projects curated by the bloc's thematic working groups, the BRICS Network University coordinates academic mobility and joint degree programs and the GRAIN (Global Research Advanced

[1] *Keim W., Sitas A.* A State-Led Strategy of Decentralization: The BRICS Experience // Decentering and Decentralizing Knowledge: Powers from the Peripheries / eds. L. Rodriguez Medina, S. Harding. – Durham: Duke University Press, 2025. – P. 261-287. – DOI: 10.1215/9781478060772-011.

[2] *Kubota L.C.* BRICS Cooperation in Science, Technology and Innovation: Progress to be shown // Revista Tempo do Mundo. – 2020. – N 22. – P. 96–109. – DOI: 10.38116/rtm22art5.

[3] *Baki R.* Comparison of Innovation Performances of BRICS Countries through CRITIC and GRA Methods // Gaziantep University Journal of Social Sciences. – 2024. – Vol. 23, N 4. – P. 1561–1570. – DOI: 10.21547/jss.1368192.

[4] The Innovation Competitiveness of BRICS Countries / eds. X. Zhao, A. Sokolov, J. E. Cassiolato. – Singapore : Springer Nature, 2025. – (Science, Technology and Innovation Studies). – DOI: 10.1007/978-981-97-8001-3.

[5] Memorandum of Understanding on Cooperation in Science, Technology and Innovation between the Government of the Federative Republic of Brazil, the Russian Federation, the Republic of India, the People's Republic of China and the Republic of South Africa: signed in Bras lia, March 2015. – http://brics.itamaraty.gov.br/images/Brics%20STI%20MoU%20english.pdf.

Infrastructure Network) platform facilitates access to 30 megascience facilities, including particle accelerators, nuclear reactors and advanced radio telescopes.

Whereas thematic working groups have consistently directed collaborative efforts towards strategic areas (such as astronomy, biomedicine, ICT and high-performance computing, energy efficiency, materials science and nanotechnology among others), efforts deemed by the block as capable of "bringing an important new perspective to the world scientific production",[1] while BRICS has successfully transitioned from declaratory diplomacy to a functional ecosystem of coordinated scientific governance, its evolution remains characterized by state-led coordination rather than market-driven integration.

Structural barriers and risks in joint innovation

Despite the proliferation of multilateral research initiatives, the transition from collaborative science to scalable innovation remains particularly limited by intellectual property (IP) governance: for instance, Kiselev and Nechaeva[2] emphasize, "The only source of information concerning intellectual property rights (...) are the tender documents of the BRICS countries' funding organizations (and do not) clearly explain how the parties should act to determine their contribution" further creating significant transaction costs that further participation from the private sector as well as severe risks critical technology loss. At the same time, the absence of a standardized IP framework can further exacerbate vulnerabilities to brain drain, as researchers and institutions across the bloc's smallest economies are incentivized to migrate innovations to more predictable legal environments.

The disparity between scientific outputs and commercialization across the block is also a key factor hindering scientific cooperation[3] in addition to underperforming innovation indicators despite high research outputs from countries such as Brazil and India[4] further point out to the bloc's innovation ecosystem as heavily skewed towards academic metrics rather than entrepreneurial outcomes.

The fragmentation of funding mechanisms and institutional mandates further constrains scalable innovation as evident in underfunded joint research programs relative to global counterparts in various orders of magnitude when compared to the United States and EU that limit their scope and duration. Limited funding is exacerbated by domestic institutional volatility, relative to frequent policy reversals and budgetary constraints[5] as well as innovation landscape realignments amid international sanctions and their severance of critical international technology transfer channels, isolated domestic R&D ecosystems and redirected state-led investments toward import substitution rather than globally competitive innovation.[6]

Finally, despite the bloc's efforts in pursuing scientific autonomy, BRICS researchers continue to prioritize high impact journals in the United States and Europe as validation metrics rely on historically built prestige of established centers while academic recognition is not only a matter of resources but requires a reconfiguration of visibility.[7]

---

[1] VII BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting (2019; Campinas, Brazil). Campinas Declaration. – Brasília: BRICS, 2019. – http://brics2019.itamaraty.gov.br/images/documentos/Campinas_Declaration_Final.pdf.

[2] *Kiselev V., Nechaeva E.* Priorities and Possible Risks of the BRICS Countries' Cooperation in Science, Technology and Innovation // BRICS Law Journal. – 2018. – Vol. 5, N 4. – P. 33–60. – DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-4-33-60.

[3] *Kubota L.C.* BRICS Cooperation in Science, Technology and Innovation: Progress to be shown // Revista Tempo do Mundo. – 2020. – N 22. – P. 96–109. – DOI: 10.38116/rtm22art5.

[4] *Baki R.* Comparison of Innovation Performances of BRICS Countries through CRITIC and GRA Methods // Gaziantep University Journal of Social Sciences. – 2024. – Vol. 23, N 4. – P. 1561–1570. – DOI: 10.21547/jss.1368192.

[5] *Podcameni M.G.V., Lustosa M.C., Queiroz J.* Sustainability as a Development Strategy for Brazil // The Innovation Competitiveness of BRICS Countries / eds. X. Zhao, A. Sokolov, J. E. Cassiolato. – Singapore: Springer Nature, 2025. – Ch. 7. – P. 153–166.

[6] *Gershman M., Gokhberg L., Kuznetsova T.* Science, Technology and Innovation in Russia: Development Challenges and Opportunities // The Innovation Competitiveness of BRICS Countries / eds. X. Zhao, A. Sokolov, J. E. Cassiolato. – Singapore: Springer Nature, 2025. – Ch. 10. – P. 207–226.

[7] *Keim W., Sitas A.* A State-Led Strategy of Decentralization: The BRICS Experience // Decentering and Decentralizing Knowledge: Powers from the Peripheries / eds. L. Rodriguez Medina, S. Harding. – Durham: Duke University Press, 2025. – P. 261–287. – DOI: 10.1215/9781478060772-011.

Prospects for wider inter-BRICS cooperation

As demonstrated on an empirical level, differences in innovation outputs demonstrate that broad STI cooperation is unsustainable in favor for a BRICS strategic complementary model that concentrates resources in domains in which each member holds competitive advantages. For instance, China leads in ICT, digital platforms, advanced manufacturing and renewable energy, thus joining innovative countries as its R&D intensity continuously.[1] India for instance, dominates in IT/software, biotechnology, pharmaceuticals and space technology against the background of a massive digital workforce[2] while Russia maintains robust capabilities in fundamental physics, materials science, aerospace and nuclear technology as well as extensive megascience facilities. Also stands out South Africa by its leadership in radio astronomy and advanced mining technologies that positions the country as a leading host of international research facilities.[3]

To translate these strengths into scalable research programs, BRICS should consolidate targeted areas along its working groups, thus shifting from state-led academic exchanges to market-oriented innovation frameworks with emphasis on SME participation that mirrors the EUREKA platform. At the same time, standardized IP frameworks through multilateral agreements are of key importance to attract private capital while ensuring inter-sectoral consortia aligned with commercial viability.

Finally, platforms like GRAIN and the BRICS Network University must be repurposed beyond academic mobility hubs into centers for joint development, as Keim and Sitas[4] note, "Collaboration is currently dominated through the mechanism of mega-science projects that have not been generated through the desire of the BRICS countries to collaborate in S&T." To overcome this inertia, mega-science infrastructure should be repurposed towards technology transfer.

Conclusion

This analysis demonstrates that while BRICS has successfully institutionalized STI cooperation through the 2015 MoU, joint funding calls and platforms like GRAIN, systemic challenges persist, ranging from a fragmented property rights' framework, limited funding and continued preference for traditional cooperation hubs in the United States and Europe.

To that end, BRICS require a unified STI IP Harmonization Protocol to secure commercialization rights in pre-funding stages, restructure joint research around strategic clusters (such as China's digital infrastructure with India's IT capacity and Brazil's agri-biotech with South Africa's ecological research), as well as shifting from state-led academic mobility to market-driven, public-private innovation consortia. As a result, BRICS can successfully transition from declaratory multipolarity to a tangible technological security.

[1] *Kang, Qi; Zang, Hongyan; Nie, Xiaowei; Yu, Qiang; Xin, Bingqing.* Science, Technology and Innovation Development of China // The Innovation Competitiveness of BRICS Countries. Science, Technology and Innovation Studies series. – Singapore, 2025. – P. 257-272. https://doi.org/10.1007/978-981-97-8001-3.

[2] *Gu, Peng; Ye, Han; Shan, Zuhua; Bai, Jie.* Science, Technology and Innovation Development of India // The Innovation Competitiveness of BRICS Countries. Science, Technology and Innovation Studies series. – Singapore, 2025. – P. 227-256. https://doi.org/10.1007/978-981-97-8001-3.

[3] *Wang T., Zhao X., Pang Y., Pan X., Liu D., Shen L.* Science, Technology and Innovation Development of South Africa // The Innovation Competitiveness of BRICS Countries. Science, Technology and Innovation Studies series. – Singapore, 2025. – P. 297–312.

[4] *Keim W., Sitas A.* A State-Led Strategy of Decentralization: The BRICS Experience // Decentering and Decentralizing Knowledge: Powers from the Peripheries / eds. L. Rodriguez Medina, S. Harding. – Durham: Duke University Press, 2025. – P. 261–287. – DOI: 10.1215/9781478060772-011.

Гарбузарова Е.Г.
д.полит.н., профессор кафедры международных отношений Восточного института-Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток
play_elenag@mail.ru

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И БРИКС: ФАКТОРЫ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Ключевые слова: страны Центральной Азии, страны БРИКС, международное сотрудничество.
Key words: Central Asian countries, BRICS countries, international cooperation.

В новых международно-политических реалиях страны Центральной Азии (ЦА) все больше укрепляют свою субъектность и стремятся проводить самостоятельную внешнюю политику несмотря на оказываемое на них политическое давление со стороны внешних сил. Для стран Центральной Азии демонстрация внешнеполитической активности уже давно стала привычным поведением, но в настоящее время произошло заметное усиление этой активности, триггером которого послужили глобальные геополитические трансформации, к которым республики стараются адаптироваться и максимально уйти от такого сценария, при котором они бы были втянуты в геополитическое противостояние между влиятельными центрами мировой политики или попали бы в сферу их непосредственного влияния.

Следуя принципу диверсификации своей внешней политики, страны Центральной Азии стремятся принимать самое активное участие в мировых политических и экономических процессах, но при этом селективно подходят к вопросам вступления в те или иные международные многосторонние структуры. Активная внешняя политика, основанная на принципах «стратегической автономности», помогает сгладить естественную асимметрию в отношениях с глобальными и региональными державами, с которыми страны Центральной Азии выстраивают сотрудничество.

В настоящее время БРИКС как многосторонняя глобальная платформа является символом формирующегося полицентричного мира и своей разносторонней повесткой с акцентом на развитии экономического, финансового, технологического сотрудничества, привлекает внимание членов международного сообщества. С 1 января 2024 г. межгосударственное объединение БРИКС существенно укрепило свой экономический, политический, демографический и культурный потенциал благодаря вступлению новых участников. В итоге, совокупный ВВП стран-участниц БРИКС составил 37%, а население – 46% всей Земли.

БРИКС не ставит перед собой цель быть геополитическим противовесом в отношении кого бы то ни было, он нацелен стать осью, вокруг которой объединяются близкие по идейным и прагматичным основаниям государства. Для стран Центральной Азии геополитические риски увеличиваются, и на этом фоне приоритетом для них становится усиление взаимодействия с внешним миром, включая участие в таких заметных и авторитетных структурах как БРИКС. Так, 1 января 2025 г. к БРИКС на правах государства-партнера присоединились Казахстан и Узбекистан. Растущая роль БРИКС в мировой политике и обостряющиеся глобальные вызовы будут усиливать интерес стран Центральной Азии к этой глобальной площадке не только для решения внешнеполитических задач, но и для придания импульса развитию национальной экономики.

Корреляция внешнеполитических принципов ЦА и БРИКС

Рост интереса стран Центральной Азии к БРИКС стал очевиден в октябре 2024 г., когда состоялся XVI саммит Объединения в расширенном составе в формате «БРИКС+/ БРИКС аутрич», на котором присутствовали лидеры всех пяти государств политико-географического региона. Политическая повестка БРИКС, выстраиваемая на принципах стратегического партнерства, сопрягается с принципами внешней политики развивающихся государств, включая страны Центральной Азии.

В условиях трансформации мирового политического порядка страны Центральной Азии стремятся реализовывать свою внешнюю политику на основе принципов открытости, прагматизма и многовекторности. Эти принципы, которыми руководствуются республики в своей внешней политике, обозначены в соответствующих доктринальных документах. Например, в Концепции внешней политики Казахстана до 2030 г. отмечается, что страна стремится содействовать построению стабильного, справедливого и демократического мирового порядка[1]. На фоне геополитических сдвигов Узбекистан также придерживается принципов открытой, прагматичной, активной внешней политики и, как отмечено в Стратегии-2030, стремится развивать взвешенный и постоянный диалог по региональным и глобальным вопросам в рамках авторитетных международных организаций[2]. В условиях меняющегося мира Киргизия взяла курс на усиление международного сотрудничества в соответствии с принципами многополярности[3]. Таджикистан позиционирует себя в качестве сторонника такого подхода, согласно которому новая формирующаяся международная система «должна быть полностью свободна от войн и конфликтов, грубости и насилия, религиозного и цивилизационного фанатизма и ксенофобии, и основана на равноправном и взаимовыгодном сотрудничестве и партнерстве всех государств мира»[4]. В своей внешней политике Туркменистан придерживается принципов нейтралитета, выступает с конструктивными инициативами на международных площадках и демонстрирует всё большую внешнеполитическую активность.

Для стран глобального Юга, весьма уязвимых в экономическом плане, БРИКС интересен своим нарративом, который составляет основу деклараций и совместных заявлений стран-участниц. Инклюзивность, равноправие и построение справедливого мирового порядка – главные императивы Объединения. В 2011 г. по итогам саммита БРИКС в г. Санья в Китае была принята Декларация, в которой ставились глобальные цели. В документе отмечалось, что Объединение стремится внести значительный вклад в развитие человечества, создание более равноправного и справедливого мира[5]. В Стратегии экономического партнерства БРИКС также подчеркивается, что страны-участницы привержены принципам полного уважения суверенитета государств-членов и учету национальных интересов[6].

В целом, одной из целей внешней политики стран Центральной Азии является активное участие в многосторонних институтах, что соответствует принципам их многовекторной внешней политики, направленной на защиту национального суверенитета. И страны Центральной Азии, как это отчетливо прослеживается в их внешнеполитических документах, и БРИКС, заинтересованы в том, чтобы формирующаяся международная система функционировала на принципах справедливости, равноправия и отличалась взаимовыгодностью.

Факторы заинтересованности стран ЦА в БРИКС

К настоящему времени государствами-партнерами БРИКС стали Казахстан и Узбекистан. При этом стоит отметить, что государства-основатели БРИКС еще в 2012 г. продемонстрировали заинтересованность в расширении Объединения в контексте продвижения новой модели партнерства для Африки.

Официально, о статусе государства-партнера можно говорить, начиная с 2024 г., когда в Казанской декларации, принятой по итогам XVI Саммита БРИКС, подчеркивалось, что Объединение поддерживает «Модальность категории стран-партнеров БРИКС»[7]. В документе, однако, не

[1] Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 гг. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280.

[2] Стратегия -2030. – https://lex.uz/docs/6600404

[3] Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 11 марта 2019 г. – https://cbd.minjust.gov.kg/30-157/edition/949067/ru.

[4] Концепция внешней политики Республики Таджикистан от 27 января 2015 г. – https://www.mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan.

[5] Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года). – http://www.kremlin.ru/supplement/907.

[6] Стратегия экономического партнерства БРИКС. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf.

[7] Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности от 23 октября 2024 г. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf.

раскрывается содержательная сторона модальности партнерства. В данном случае под модальностью, вероятно, можно понимать более гибкий статус государств-партнеров, который ограничивается установленными рамками, но открывает возможность участия в некоторых проектах, например, торгово-экономических или инфраструктурных, а также предполагает доступ к финансовым ресурсам.

Помимо привлекательной политической повестки, БРИКС отличается амбициозными экономическими целями. Особое внимание страны-участницы БРИКС уделяют развитию «зеленой повестки», т.е. переходу на модель низкоуглеродной экономики в рамках курса на устойчивое экономическое будущее. В условиях, когда климатические изменения все более актуализируют необходимость экономической модернизации, страны БРИКС, экономика которых зависит преимущественно от углеводородов, могут стать примером для других стран, демонстрируя успехи в переходе на «зеленые» технологии. Курс БРИКС на декарбонизацию соответствует стратегическим задачам таких передовых в региональном измерении с экономической точки зрения стран, как Казахстан и Узбекистан, стремящихся перейти на низкоуглеродную модель развития. Недавно принятые и разрабатываемые соответствующие национальные стратегии в этих странах подтверждают этот приоритет. Так, в 2023 г. в Казахстане была принята Стратегия достижения углеводородной нейтральности до 2060 г., в которой подчеркивается необходимость адаптации экономики страны к глобальным климатическим трендам и содействие её устойчивому развитию[1]. Курс на развитие «зеленой» экономики был провозглашен в Узбекистане в 2019 г., когда была принята соответствующая стратегия до 2030 г. В документе одной из задач признана необходимость повышения энергоэффективности экономики и рациональное использование природных ресурсов путем проведения технологической модернизации и развития финансовых механизмов[2]. Согласно материалам узбекских СМИ, в настоящее время запущен процесс разработки проекта нормативного акта «Об утверждении Стратегии низкоуглеродного развития и достижения углеродной нейтральности Республики Узбекистан к 2055 году»[3].

За последнее десятилетие страны-участницы БРИКС продемонстрировали серьезное намерение стать мощным драйвером глобального развития. В рамках Объединения были созданы такие институты как Новый Банк Развития (НБР) и Пул условных валютных резервов, принята Стратегия экономического партнерства БРИКС в области торговли, инвестиций, производства и переработки полезных ископаемых, энергетики, сельского хозяйства, науки, технологий и инвестиций, финансов и т.д. Например, в развитии инфраструктуры стран-участниц и реализации проектов устойчивого развития ключевая роль принадлежит НБР. Этот финансово-экономический институт призван «восполнить дефицит ресурсов для финансирования развития, не навязывая условий или стандартов, ограничивающих суверенитет заемщиков»[4]. С 2016 по 2025 гг. Советом директоров НБР были утверждены для реализации 108 проектов с общим финансированием 35,9 млрд долл.[5]. Это не только демонстрирует эффективную деятельность НБР, но и укрепляет его позиции в глобальной финансово-экономической системе. При этом НБР не бросает вызов Бреттон-Вудской валютной системе, а скорее нацелен дополнить ее или стать альтернативой. Все это дает основание говорить о том, что БРИКС формирует свою финансово-экономическую архитектуру, которая является своевременной в период, когда западные институты переживают системный кризис.

Финансовые институты, созданные в рамках БРИКС, являются привлекательными для стран Центральной Азии. Особенно интерес вызывает НБР БРИКС, который власти Казахстана и Узбекистана могут привлечь для реализации как национальных, так и региональных проектов. Для стран региона НБР БРИКС – это хорошая возможность совместного развития инвестиционных проектов и расширения финансовой кооперации.

[1] Стратегия достижения углеводородной нейтральности Республики Казахстан до 2060 г. от 2 февраля 2023 г. № 121. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121#z168.

[2] Стратегия по переходу Республики Узбекистан на «зеленую» экономику на период 2019-2030 гг. – https://lex.uz/ru/docs/4539506.

[3] Узбекистан готовит стратегию низкоуглеродного роста до 2055 г. – https://podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-gotovit-strategiyu-nizkouglerodnogo-rosta-do-2055-goda/

[4] *Далдеган В., Борба В.* Концепция развития БРИКС: Анализ проектов, финансируемых НБР // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 2.

[5] *Пилипенко И.* Новый Банк развития – итоги первых десяти лет операционной деятельности банка объединения БРИКС // Международная жизнь. – 2025. – № 9. – С. 99.

На фоне снижения доверия к доллару страны БРИКС активно осуществляют переход на взаимные расчеты в национальных валютах. Этот процесс актуализировался не только ввиду сложившейся международной конъюнктуры. Спрос на национальные валюты стран-участниц БРИКС усиливает торговля сельскохозяйственной продукцией, предметами потребления и сырьем[1]. Переход на национальные валюты предполагается достичь к 2030 г. Происходящие в мировой экономике турбулентные процессы могли бы стимулировать страны-участницы БРИКС создать единую валютную зону. Однако пока что речь идет об использовании национальных валют в обеспечении взаимодействия, что находит широкую поддержку не только у стран-участниц БРИКС, но и вновь присоединенных государств-партнеров. В настоящее время Казахстан и Узбекистан используют национальные валюты во взаиморасчетах с Россией, что связано как с антироссийскими санкциями, так и с желанием политических элит этих стран, а также бизнес-структур, укрепить позиции своих денежных единиц. Например, в 2024 г. доля рубля во взаиморасчетах с Узбекистаном достигла 58%, а в ноябре 2025 г. этот показатель во взаиморасчётах с Казахстаном превысил 96%[2].

Экономическая повестка БРИКС отвечает национальным ориентирам развития Кыргызстана. На саммите в Казане в 2024 г. президент Киргизии С. Жапаров выразил полную поддержку целям БРИКС, включая содействие предпринимательству, внедрение цифровых и «зеленых» технологий, а также решение глобальных климатических проблем. Также С. Жапаров подчеркнул, что принципы БРИКС сочетаются с Национальной стратегией развития республики до 2040 г. По мнению депутата киргизского парламента Б. Тулобаева, Киргизия рассматривает БРИКС как возможность развивать инфраструктурные и энергетические инициативы, а также реализовывать проекты, связанные с развитием редкоземельных металлов[3]. Однако на официальном уровне заявлений о вступлении в БРИКС пока не было.

Таджикистан одним из первых проявил интерес к БРИКС. В 2017 г. президент Таджикистана Э. Рахмон впервые был приглашен на саммит Объединения, который проходил в формате БРИКС+ в китайском городе Сямэнь. На этом мероприятии Э. Рахмон призвал участников укреплять сотрудничество на фоне климатических изменений и совместными усилиями стремиться к устойчивому развитию. Также Э. Рахмон сделал акцент на необходимости развития сотрудничества в сфере торговли, инвестиций и транспорта.

Для Туркменистана межгосударственное объединение БРИКС интересно как площадка для продвижения своей миротворческой позиции и укрепления имиджа страны, придерживающейся основ превентивной дипломатии. Например, в октябре 2024 г., впервые выступая на саммите БРИКС в формате «БРИКС плюс/аутрич», президент Туркменистана С. Бердымухамедов подчеркнул, что «Туркменистан принимает активное участие в усилиях международного сообщества, направленных на достижение и утверждение в мире принципов сотрудничества, взаимного уважения и учёта интересов. Наша страна использует свой нейтральный статус для продвижения миротворческой повестки, обеспечения глобальной и региональной безопасности, утверждения в межгосударственных отношениях культуры равноправного диалога, доверия и предсказуемости»[4].

Стратегические задачи экономического развития, которые ставит перед собой БРИКС, отвечают национальным интересам стран Центральной Азии, заинтересованным в поиске императивов экономического роста. Присоединение Казахстана и Узбекистана к БРИКС открывает не только широкие перспективы привлечения ресурсов, но и доступ к технологиям и инвестициям в экономические, транспортные и инновационные проекты. Помимо этого, для стран Центральной Азии вступление в БРИКС – это хорошая возможность расширить географию сотрудничества со странами Азии и Латинской Америки.

---

[1] *Панова Г., Ярыгина И.* Перспективы использования национальных валют межгосударственными объединениями. Опыт БРИКС и ЕАЭС // Международные процессы. – 2018. –Т. 16, № 2. – С. 217.

[2] Путин раскрыл долю нацвалют во взаимной торговле России и Казахстана. – https://www.gazeta.ru/business/news/2025/11/12/27167708.shtml.

[3] БРИКС и ОДКБ: стратегический выбор Кыргызстана глазами экспертов. – https://region.kg/article/briks_i_odkb_strategicheskij_vybor_kyrgyzstana.

[4] Выступление Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на Саммите БРИКС в формате «БРИКС плюс/аутрич». – https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/88799/vystuplenie-prezidenta-turkmenistana-na-sammite-briks.

Проблемы и перспективы развития взаимодействия

Дальнейшее укрепление сотрудничества между странами Центральной Азии и БРИКС упирается в несколько проблем:

Во-первых, смогут ли и дальше страны Центральной Азии поддерживать внешнеполитический баланс между евроатлантическими акторами и не-Западными центрами силы? Давление со стороны США и Европейского союза на страны Центральной Азии не ослабевает и, не исключено, что может возникнуть ситуация с выбором партнёров, т.е. страны региона попадут в ловушку «геостратегической дилеммы» и вынуждены будут выбрать сторону.

Во-вторых, на данный момент только два государства из пяти стран геополитического пространства Центральной Азии стали участниками БРИКС, и то на правах государств-партнёров. Существует вероятность вступления в ближайшем будущем Киргизии в БРИКС. Однако пока нынешний состав стран Центральной Азии в БРИКС будет ограничивать возможности их широкого участия и, соответственно, реализацию крупных проектов, связанных с масштабами всего региона. В нынешних обстоятельствах, когда наметился процесс интенсивной регионализации, и Центральная Азия формируется как самостоятельное геополитическое пространство, такие проблемы становятся особенно важными.

В целом, процесс взаимодействия стран Центральной Азии и БРИКС запущен. Насколько успешно будет развиваться сотрудничество между Казахстаном и БРИКС, Узбекистаном и БРИКС, настолько сильнее будет расти интерес у других стран региона присоединиться к Объединению. Однако все-таки одним из катализаторов вступления Киргизии и Таджикистана в БРИКС могут стать именно политические выгоды. Эти малые государства региона особенно уязвимы в условиях глобальной геополитической турбулентности, а вовлеченность в БРИКС может резко актуализироваться, если глобальная геополитическая турбулентность будет нарастать.

Заключение

В настоящее время все отчетливее вырисовываются контуры нового влиятельного центра формирующегося полицентричного мира, каким становится межгосударственное объединение БРИКС. Это объединение представляет собой новый тип международных отношений, альтернативный той неравноправной модели сотрудничества, которой не удалось закрепиться после краха биполярной системы. Для малых и средних государств БРИКС – это не только возможность усилить свои позиции в мире, это и дополнительный шанс реализовать национальные проекты.

Растущий интерес стран Центральной Азии к БРИКС – это демонстрация самостоятельности республик региона, которые осознанно и исходя из собственных национальных интересов подходят к вопросам выстраивания сотрудничества с внешним миром. Для стран Центральной Азии такое сотрудничество без обязательств, но с широкими перспективами, является не только привлекательным, но и действенным с прагматической точки зрения.

В целом, к факторам вовлеченности стран Центральной Азии в БРИКС можно отнести экономические и политические интересы. Ведущие экономики региона – Казахстан и Узбекистан – вступили в БРИКС на правах государств-партнёров исходя из экономических соображений. Киргизия и Таджикистан присматриваются к участию в БРИКС. Их вступление будет обусловлено скорее политическими, нежели экономическими целями, так как это повысит их международный авторитет и укрепит их позиции. В перспективе нейтральный Туркменистан продолжит принимать участие в БРИКС в статусе приглашенного/гостя, выступая со своей уже ставшей традиционной миротворческой повесткой дня.

Гудков Е. С.
аспирант, Университет мировых цивилизаций; страховой агент, ООО РИНС

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Ключевые слова: BRICS, многополярность, экономическое сотрудничество, диверсификация торговли, Новый банк развития, Глобальный Юг.
Key words: BRICS, multipolarity, economic cooperation, trade diversification, New Development Bank (NDB), Global South.

В настоящее время в мире происходит процесс трансформации международных отношений, модель однополярного мира, где большая часть экономической и политической власти сосредоточены в руках небольшого количества стран Запада, постепенно уходит в прошлое. Эрозия прежнего порядка была ускорена такими событиями, как пандемия COVID-19, односторонние санкции и использование доллара в качестве инструмента давления. Все эти события побуждают страны, которые не входят в коалицию со странами Запада или придерживаются нейтралитета, искать союзников и партнёров, чтобы не стать целью экономического и политического давления в случае несогласия с политикой ЕС или США. В этом контексте БРИКС выступает не просто как группа стран с формирующимися рынками, но и как локомотив трансформации, нацеленный на создание более стабильной и справедливой глобальной экономической архитектуры, основанной на принципах уважения к суверенитету друг друга и равного доступа к возможностям.

Экономическое сотрудничество стран БРИКС является стержневым для всего объединения. За почти два десятилетия существования формат эволюционировал от теоретической концепции до полноценного института, объединяющего ведущие экономики Глобального Юга.

Стоит особо отметить, что термин «Глобальный Юг» до сих пор не имеет чётко определенного содержания, каждая страна в рамках БРИКС интерпретирует его по-своему. Некоторые страны используют термин «Глобальный Юг» как определение стран, которые связаны друг с другом определёнными экономическими интересами, некоторые – как противопоставление странам «коллективного Запада»; некоторые страны используют данный термин для обозначения государств, входящих в определённый географический пояс[1].

Сегодня на долю стран БРИКС (с учетом новых членов и партнеров) приходится около 40% мирового ВВП и около 45% населения планеты. Темпы роста экономик блока (прогнозируемые на уровне 3,4%) стабильно опережают среднемировые показатели (2,8%), что подтверждает статус объединения как основного драйвера глобального развития в среднесрочной перспективе.

Страны-участницы БРИКС руководствуются рядом ключевых принципов[2]:

1) невмешательство в внутренние дела друг друга;
2) принцип равенства всех членов объединения;
3) взаимная выгода от сотрудничества.

Широкое экономическое сотрудничество между странами говорит о зрелости БРИКС как самостоятельного объединения. В 2025 году товарооборот между странами БРИКС впервые превысил знаковую отметку в 1 триллион долларов США. За последние пять лет среднегодовой рост взаимной торговли составлял 4,75%. Примечательно, что этот рост происходит на фоне изменения структуры расчетов: доля национальных валют во взаимной торговле превысила 67%, а в торговле с Россией этот показатель для некоторых стран достигает 90%. Такая динамика свидетельствует о постепенном, но неуклонном снижении зависимости от финансовой системы, завязанной на долларе, что является одной из стратегических целей объединения.

[1] *Новикова И.Н., Алексеева Е.В.* Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения БРИКС // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2025. – № 2 (859).

[2] *Сафина Г.Л., Закиров И.В.* Роль БРИКС в международных отношениях // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2025. – № 1.

Качественные изменения в структуре объединения произошли в результате расширения состава стран-участниц, которое произошло в последние годы. Первоначально в объединение входили Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, но позже к ним присоединились новые полноправные члены: Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия и Индонезия[1]. Кроме того, в 2025 году был разработан статус «страны-партнера», который получили Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Боливия, Вьетнам и Нигерия.[2] Это расширение значительно укрепило объединение и сделало БРИКС организацией с гораздо большей рыночной базой, но одновременно поставило объединение перед новыми вызовами, которые связаны с необходимостью согласования интересов весьма разнородных экономик и политических систем.

Проблемы экономического сотрудничества в рамках БРИКС требуют непредвзятого анализа, который направлен на существующие структурные и политические противоречия. Прежде всего, необходимо отметить, что в рамках блока существуют разные модели развития стран-участниц. Экономики БРИКС распределяются по разным кластерам, отражающим фундаментально различные модели роста. На одном полюсе находится Китай, на долю которого приходится около 70% торговли внутри блока и который выступает как ключевой поставщик промышленных товаров и потребитель сырья. На другом – страны, чей экспорт ориентирован преимущественно на сырьевые товары и сельскохозяйственную продукцию. Эта асимметрия создает риски закрепления иерархичной структуры торговли, где одни участники выступают в роли поставщиков ресурсов, а другие – в роли производителей высокотехнологичной продукции.

Существенным препятствием для углубления экономической интеграции является геополитическое давление. Применение санкций против отдельных членов БРИКС (прежде всего России и Ирана) усложняет их экономическое взаимодействие и создает внешние риски для совместных проектов[3]. Кроме того, несовпадение стратегических целей ключевых игроков является сдерживающим фактором. В то время как Бразилия и Россия активно стремятся минимизировать зависимость от доллара, Индия и Китай проявляют высокую осторожность в отказе от американской валюты, так как эти страны имеют огромные торговые связи с США и странами Запада, завязанные на поставке товаров, таких как высокотехнологичные чипы, и ресурсов, таких как редкие металлы.

Наглядным примером существующих сложностей внутри блока является создание единой системы трансграничных расчётов. Несмотря на десятилетнюю историю обсуждений, на сегодняшний день странам не удалось сформировать единый подход в этом вопросе[4]. Связано это во многом с тем, что многих членов до сих пор устраивают расчеты в долларах, а техническая сторона вопроса, связанная с интеграцией единой платежной системы, остается крайне сложной.

Также проблемами являются невозможность конвертировать ряд национальных валют стран БРИКС и отсутствие единых подходов к цифровизации валютного регулирования. Введение единой валютной системы будет способствовать снижению транзакционных издержек, которые возникают при обмене валют, что сделает торговлю более выгодной и облегчит доступ малых и средних предприятий на рынки стран-участниц[5]. В рамках проекта была запущена торговая валюта под названием БРИКС Unit, которая привязана к золоту на 40% и на 60% – к валютам стран БРИКС[6]. При этом данная цифровая валюта ещё далека от полноценного внедрения в торговую систему, так как пока не имеет чёткого юридического статуса и разрешения от центральных банков. Тем не менее, по нашему мнению, запуск цифровой валюты является

[1] Посол Бразилии: БРИКС утвердил критерии приема новых стран // Ведомости. – https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/12/24/1165880-posol-brazilii-briks.

[2] *Сафина Г.Л., Закиров И.В.* Роль БРИКС в международных отношениях // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2025. – № 1.

[3] Дедолларизация и многополярность – к формированию новой финансовой архитектуры БРИКС // Ведомости. – https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/08/18/dedollarizatsiya-i-mnogopolyarnost--k-formirovaniyu-novoi-finansovoi-arhitekturi-briks.

[4] Страны БРИКС не смогли договориться о расчетах в нацвалютах // Investing.com. – https://ru.investing.com/news/economy-news/article-2817797.

[5] *Керимов А.А.* БРИКС: состояние, проблемы и перспективы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2024. – Т. 50. – С. 52-61.

[6] Эксперты указали на сложности с запуском цифровой валюты для торговли в БРИКС // ТАСС. – https://tass.ru/ekonomika/26666487.

важным шагом для улучшения торговых отношений, так как цифровые валюты позволяют преодолевать ограничения, которые могут быть наложены в результате введения санкций.

Альтернативой введения единой цифровой валюты является создание единой платёжной системы. Сейчас разрабатывается система BRICS Pay, которая будет альтернативой SWIFT[1]. Россия не уходила из долларовой системы расчётов по собственной инициативе – это ей пришлось сделать из-за санкций, что в очередной раз доказывает, что должна существовать альтернативная система международных расчётов, где страны смогут свободно торговать вне зависимости от того наложены на них санкции со стороны Запада или нет.

Тем не менее, несмотря на названные трудности, перспективы экономического сотрудничества стран БРИКС выглядят обнадеживающими. Ключевую роль здесь играет Новый банк развития (НБР). К середине 2025 года банк одобрил порядка 122 инвестиционных проектов на общую сумму около 40 миллиардов долларов, направленных на финансирование инфраструктуры и устойчивого развития[2]. Важно отметить, что НБР последовательно наращивает долю операций в национальных валютах – около 24% инвестиционных операций и 31% операций по привлечению капитала уже осуществляются без привязки к доллару.

В качестве практических рекомендаций по повышению эффективности экономического взаимодействия стран БРИКС в условиях трансформации мирового порядка можно выделить следующие направления:

1. Приоритетное развитие расчетной системы. Необходимо ускорить техническую проработку и запуск BRICS Pay, что позволит сделать упор на совмещении существующих национальных платёжных систем, а не на создании единой валюты, что на данном этапе сопряжено с определёнными юридическими и техническими сложностями;
2. Диверсификация торговли внутри блока. Важной задачей является преодоление перекоса внутри БРИКС, где одни страны являются поставщиками сырья, а другие – поставщиками готовой промышленной продукции. Для этого необходимы совместные инвестиции через Новый банк развития и совместные проекты для создания новых предприятий, а также программы технологического обмена;
3. Снижение торговых барьеров внутри блока. Следует провести работу по взаимному признанию технических стандартов, сертификатов соответствия и упрощению таможенных процедур. Это может способствовать упрощению получения малому и среднему бизнесу доступа на рынки стран-партнёров.

Таким образом, экономическое сотрудничество стран БРИКС в условиях трансформации мировой политической системы представляет собой сложный, но постепенно развивающийся процесс. Развитие механизмов диалога и практической кооперации уже привело к созданию работающих альтернатив ориентированным на Запад моделям развития и финансирования. Главный вызов сегодня заключается не в недостатке ресурсов или политической воли, а в способности объединения на основе накопленного экономического веса и демографического потенциала превратиться в новый крепкий политический союз, который основан на принципах равноправия и взаимного учета интересов. Успех на этом пути будет во многом определять контуры будущей мировой экономической архитектуры.

[1] BRICS Pay против SWIFT: что пугает США в новой платежной системе // Парламентская газета. – https://www.pnp.ru/politics/brics-pay-protiv-swift-chto-pugaet-ssha-v-novoy-platezhnoy-sisteme.html.

[2] В Новом банке развития БРИКС оценили число инвестопераций в нацвалютах // Альта Софт. – https://www.alta.ru/external_news/118996/

Гумеров Р.Р.
к.э.н., доцент, в.н.с. Института макроэкономических исследований
Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН-ЧЛЕНОВ БРИКС В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: БРИКС+, продовольственная безопасность, продовольственные системы, структурные и институциональные дисбалансы, управление исками и резервами, гарантийные запасы и системы хранения.
Key words: BRICS+, food security, food systems, structural and institutional imbalances, claims and reserves management, guaranteed stocks and storage systems.

Контекст

Обеспечение продовольственной безопасности – глобальный вызов XXI века. Цель 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также продвижение устойчивого сельского хозяйства», включенная в одобренный всеми государствами-членами ООН набор из 17 Целей устойчивого развития, которые должны быть достигнуты к 2030 году, имеет тесные связи с большинством других Целей. Официальная позиция ООН заключается в том, что «необходимо коренным образом изменить глобальную продовольственную и сельскохозяйственную систему с тем, чтобы мы могли прокормить более 690 миллионов человек, которые сегодня голодают, и еще 2 миллиарда человек к 2050 году. Повышение производительности сельского хозяйства и устойчивое производство продовольствия имеют решающее значение для сокращения опасности голода»[1].

Позиции БРИКС на глобальных агропродовольственных рынках

Обеспечение продовольственной безопасности (ПБ) имеет особое значение в контексте перспектив развития БРИКС+. Помимо значимости самих задач обеспечения ПБ, это – пробный камень того, насколько эффективной может быть новая стратегия равноправного и взаимовыгодного сотрудничества стран, обладающих различным ресурсным, производственным, инновационным потенциалом, в решении фундаментальных глобальных проблем. *Продовольственные системы могут стать не только локомотивом, но и полигоном для отработки стратегий, форматов и институтов межстранового сотрудничества в рамках БРИКС+.*

С одной стороны, страны-члены БРИКС+ обладают высоким совместным ресурсным, производственным и рыночным потенциалом. В совокупности страны БРИКС формируют емкий рынок, который не только растет по объемным показателям, но и меняется структурно. Страны БРИКС являются ключевыми игроками в мировом производстве продуктов питания; их роль выходит за рамки снабжения продовольствием стран-членов объединения. Согласно Совместной декларации министров сельского хозяйства, на долю государств БРИКС+ приходится 54,5% населения мира, 33% площади сельскохозяйственных земель и 39% запасов пресной воды. Они производят 42% мирового объема сельскохозяйственной и 61,6% объема производства рыбы (24,7% продукции промышленного рыболовства и 75,3% всей аквакультуры)[2]. В 2024 году (начальный год расширения БРИКС) на долю БРИКС+ пришлось примерно 19,5% мирового объема торговли сельскохозяйственными товарами (около 1,1 триллиона долларов США). Страны объединения занимают доминирующее положение в производстве зерна, включая соевые бобы

[1] Цели в области устойчивого развития. ООН. –: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/hunger/

[2] Joint declaration of the 15th meeting of BRICS ministers of agriculture. 17th April 2025. – https://brics.br/en/documents/economy-finance-trade-and-infrastructure/250417-brics-agriculturewg-15thmeeting-ministerial-declaration.pdf.

(63%), в том числе кукурузы (20%) и пшеницы (23%)[1]. Внутри объединения сложилась взаимодополняемость в отношении экспортно-импортных потоков агропродовольственной продукции. Бразилия, Индия и Россия становятся доминирующими нетто-экспортерами сельскохозяйственной продукции, в то время как Китай и страны Ближнего Востока и Северной Африки в значительной степени удовлетворяют внутренний спрос за счет агроимпорта. В сложившейся структуре взаимной торговли продовольствия развитие торговых отношений будет производить различные синергические эффекты.

Дисбалансы

С другой стороны, в рамках БРИКС, особенно после принятия новых членов, наблюдается ряд структурных и институциональных дисбалансов. Модели национальных продовольственных систем (ПС) находятся на разных уровнях развития. В Докладе «Сельское хозяйство в странах БРИКС: расширение и углубление» используется градация от «кризисной» (Эфиопия) до «новой» (Россия, Бразилия, ОАЭ) модели ПС[2]. Различия касаются широкого круга производственных, ресурсных и инфраструктурных параметров. Соответственно, каждая страна имеет свои приоритеты и возможности, что затрудняет внедрение общей координированной политики.

Второй дисбаланс заключается в различных уровнях продовольственной безопасности и питательности рациона. Если в Эфиопии доля недоедающего населения близка к четверти, то в «старых» членах БРИКС она не превышает 6%. Эти различия также сказываются на приоритизации задач агропродовольственной политики.

Третий дисбаланс заключается в различных стандартах потребления. Внутренние дисбалансы наблюдаются и в национальных агропродовольственных системах. Парадоксально, но Бразилия и Индия, будучи нетто-экспортерами агропродовольственной продукции, страдают от внутренних проявлений продовольственной небезопасности. В Бразилии около 2,5 миллионов человек пострадали от острого отсутствия продовольственной безопасности[3]. Индия занимает 107 место из 121 страны в Глобальном индексе голода, насчитывая почти 195 миллионов недоедающих граждан (четверть от общей численности недоедающих в мире[4].

От стратегии к тактике

Изучение базовых документов объединения в сфере агропродовольственной политики и ПБ (Стратегия БРИКС по сотрудничеству в области продовольственной безопасности, Совместная декларация 15 заседания министров сельского хозяйства стран БРИКС, План действий БРИКС по сельскохозяйственному сотрудничеству на 2025-2028 годы) показывает, что декларативный этап интеграции завершен. Ключевой вызов сегодня заключается в переходе от рамочных меморандумов и деклараций к операционным практическим механизмам.

Специфика БРИКС+ накладывает два жестких ограничения – глубокие меж- и внутригосударственные дисбалансы агропродовольственных систем и уязвимость логистики поставок продовольствия в рамках объединения ввиду критического географического разброса стран-участниц (от Южной Америки до Юго-Восточной Азии).

Обобщая имеющиеся подходы, предлагается сфокусировать совместные усилия на трех операционных векторах. Предложенный комплекс операционных мер и платформенных проектов сформирован на основе методологии SWOT-анализа, что позволило превратить выявленные внутренние уязвимости и географический разброс стран БРИКС+ в точки роста через использование их совокупного ресурсного потенциала[5].

---

[1] *Kennedy H.J.* et al. BRICS+ Agri-sector: Strategic Overview and Policy Recommendations // International Trade. – 2025. – July. – https://agro.insper.edu.br/storage/papers/July2025/Brics_Agritrade_Outlook_and_Policies.pdf.

[2] Agriculture in BRICS countries: expansion and deepening. – 2024. – P. 30. – https://nccibc.ru/upload/iblock/cda/Doklad_BRIKS_en.pdf.

[3] UN Hunger Map: 2023 severe food insecurity drops 85% in Brazil. – https://www.gov.br/secom/en/latest-news/2024/07/un-hunger-map-2023-severe-food-insecurity-drops-85-in-brazil.

[4] Global Hunger Index. 20 years of tracking progress: time to recommit to zero hunger. – 2025. – https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2025.pdf.

[5] В рамках данного исследования методология SWOT-анализа использовалась как сквозной инструмент

Вектор 1. Платформенные решения в торговле. Цель – нивелировать логистический разрыв, исключить западных финансовых посредников из цепочек поставок, воздействуя в том числе и на механизмы ценообразования. Решения: запуск Зерновой биржи БРИКС+[1] и Платформы Агро-БРИКС.

Развитие Зерновой биржи БРИКС+, необходимость которой сегодня активно обосновывается в экспертном сообществе (в частности, в трудах Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко), позволит, в том числе, сформировать независимые ценовые индикаторы. Для наполнения данной инициативы конкретным содержанием предлагается триада проектных решений – использование нейтральной технологической юрисдикции ОАЭ в качестве торгового хаба, внедрение мультивалютного клиринга на базе расчетной системы BRICS Pay и создание суверенных стандартов агроконтрактов с независимым наднациональным арбитражем.

Развертывание торговой инфраструктуры на базе независимого международного хаба в юрисдикции ОАЭ на базе Дубайского многопрофильного товарного центра (DMCC) гарантирует проекту геополитический нейтралитет и технологическое доверие со стороны всех участников блока. Переход на суверенную площадку БРИКС+ позволит сделать сильный упреждающий ход в геополитическом противостоянии, перехватив инициативу у Чикагской и Лондонской бирж. Комплементарные производящие и потребляющие продовольствие страны могут и должны реализовать свое право на справедливое ценообразование, независимо от конъюнктуры на западных спекулятивных площадках.

Внедрение распределенной клиринговой системы расчетов, интегрированной с платформой BRICS Pay, позволит проводить мгновенную конвертацию в национальные валюты стран-участниц без использования западных межбанковских каналов. Критически важно, что такой подход обеспечит подлинное равноправие валют в расчетах и заблокирует риски доминирования какой-либо одной национальной валюты, которая в противном случае могла бы просто прийти на смену доллару США. Взаимный зачет обязательств позволит странам сохранять баланс национальных интересов без ущерба для своего финансового суверенитета.

Наконец, разработка и внедрение унифицированных спецификаций агроконтрактов (наднациональный стандарт БРИКС и типовые контракты «БРИКС-фураж», «БРИКС-продовольствие») и создание независимого арбитражного института, альтернативного западным ассоциациям (таким как Ассоциация торговли зерном и кормами, GAFTA), для юридической защиты участников торгов.

В заключение отмечу: создаваемая Зерновая торговая платформа БРИКС не должна оставаться узкоспециализированным изолированным проектом. Мы рассматриваем её как универсальную институциональную матрицу. По мере накопления операционного опыта новые суверенные принципы биржевой торговли могут быть успешно масштабированы сначала горизонтально – на рынки масличных культур, сахара и растительных масел, а затем и вертикально – переходя от поставок базового агросырья к торговле контрактами на продукты его глубокой промышленной переработки.

Платформа Агро-БРИКС (Цифровой логистический оптимизатор). Предлагается в качестве прикладного инструмента для решения логистических проблем в развитие официальных призывов министров сельского хозяйства БРИКС к цифровизации отрасли, который призван объединить транспортные потоки стран блока в единый цифровой контур. Из-за территориальной удаленности стран (например, Бразилии от Индии или России от Эфиопии) критически возрастает стоимость фрахта и транзакционные издержки. Необходим платформенный проект по интеграции национальных транспортных систем в единый цифровой контур. Единая база данных позволит оптимизировать встречные логистические потоки, рассчитывать кратчайшие мультимодальные маршруты (например, с использованием коридора «Север – Юг»). В рамках формата

стратегического планирования. Рекомендации получены путем перекрестного синтеза: сильные стороны объединения (лидерство, к примеру, в зерновом производстве и секторе минеральных удобрений) интегрированы с внешними возможностями (создание Зерновой биржи БРИКС+), что позволило выработать механизмы компенсации слабых сторон (внутренние дисбалансы, территориальная удаленность) и купирования внешних угроз (санкционное давление, климатические шоки).

[1] Создание Зерновой биржи было одобрено Казанской декларацией XVI Саммита БРИКС «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности».

также предлагается внедрить сквозные электронные фитосанитарные сертификаты, сокращающие простой судов в портах с недель до нескольких часов.

Вектор 2. Инфраструктурный: управление рисками и резервами[1]. Цель – создать материальную подушку безопасности против климатических шоков и логистических сбоев через систему коллективного управления продовольственными резервами. Параллельно с Платформой сельскохозяйственных исследований БАРП (BARP) необходимо развернуть единую систему мониторинга запасов. Страны должны в реальном времени видеть объемы свободных излишков продовольствия внутри блока, чтобы оперативно гасить локальные дефициты до того, как они вызовут панику на мировом рынке.

Ранее была обнародована идея пилотного проекта по созданию консорциума БРИКС+ по минеральным удобрениям[2]. Данный шаг позволит гарантировать бесперебойное снабжение участников блока ключевыми ресурсами интенсификации растениеводства. По мере накопления операционного опыта и отработки юридических механизмов, модель этого консорциума может быть успешно масштабирована на другие сквозные производственные секторы объединения.

В качестве прорывного направления предлагается создать сеть гарантийных мощностей хранения на территории РФ. Опираясь на успешный опыт КНР по управлению государственными резервами, мы предлагаем масштабировать эту практику на наднациональный уровень БРИКС+. Географический разброс требует наличия стабильного **физического «ядра».** *Перспективным проектом является создание крупных специализированных элеваторных и портовых мощностей хранения на территории России, сформированных за счет долевых финансовых взносов стран-членов БРИКС+*. Россия, как ведущий нетто-экспортер зерна, является идеальным физическим гарантом. В случае неурожая или блокады морских путей в любой из стран-импортеров БРИКС+, этот распределительный фонд гарантирует участникам проекта немедленную отгрузку зарезервированных объемов зерна по фиксированным внутриблоковым ценам.

Вектор 3. Трансфер технологий и проектных решений, сглаживание дисбалансов. Цель – использовать синергию Платформы BARP и странового опыта членов БРИКС для ликвидации зон недоедания в уязвимых регионах (Индия, Эфиопия).

Под эгидой Индии необходимо переориентировать BARP с чисто теоретических исследований на операционный обмен. В частности – запустить программы передачи засухоустойчивого семенного материала, систем точного капельного орошения и технологий сохранения почв из России, Китая и ОАЭ в Эфиопию и аграрные регионы Индии. *Укреплению продовольственной безопасности стран-членов БРИКС+ будет содействовать взаимный обмен и эмуляция*[3] *опыта программно-проектного управления в соответствующей области.*

Индия обладает уникальными механизмами адресного распределения продовольствия в рамках программы PM-GKAY, Китай демонстрирует эталонную модель защиты ресурсов и создания стратегических резервов в своей Национальной агропродовольственной стратегии, а Бразилия сильна социальными практиками реформы Fome Zero. Задача БРИКС+ – объединить эти национальные наработки в единый наднациональный операционный контур.

[1] О необходимости модернизации систем управления рисками и переходе к риск-ориентированным моделям АПК на платформе объединения см.: Воронина Н.П. Эколого-правовое обеспечение продовольственной безопасности в государствах БРИКС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 1.

[2] *Гумеров Р.Р.* Проект «Минеральные удобрения против мирового голода: производство, торговля, использование» как модельный формат стратегического сотрудничества стран-членов БРИКС // Материалы Второй международной научно-практической конференции «Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире. – 2024. – Ч. 1. – С. 455-458.

[3] Термин «эмуляция» используется здесь в контексте теории качественного экономического роста (по Э. Райнерту) и означает не слепое копирование, а осознанное воспроизведение передовых технологических и управленческих систем стран-лидеров с целью преодоления внутренних структурных дисбалансов.

Гусарова С.А.
д.э.н., профессор, Российский экономический университет, Москва
s-gusarova@mail.ru

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН БРИКС

Ключевые слова: Страны БРИКС, торгово-экономическое сотрудничество, искусственный интеллект, цифровая экономика, инвестиции, логистика, геоэкономика.
Key words: BRICS countries, trade and economic cooperation, artificial intelligence, digital economy, investment, logistics, geoeconomics.

1. Введение

Актуальность исследования обусловлена масштабной цифровой трансформацией мировой экономики, в которой искусственный интеллект (ИИ) стал ключевым драйвером изменения структуры глобальных рынков и международных торговых потоков.

Интеграция технологий ИИ в торгово-экономическое сотрудничество стран БРИКС открывает беспрецедентные возможности. Китайские экономисты отмечают, что технологии искусственного интеллекта стимулируют долгосрочный экономический рост, преобразуя данные в идеи и ускоряя инновации[1]. В условиях растущего геополитического давления и санкций, формирования многополярного мира перед межгосударственным объединением БРИКС стоит неотложная задача укрепления своего технологического и экономического суверенитета, формирования независимых от западных институтов механизмы взаимодействия.

В данном контексте искусственный интеллект перестает быть исключительно отраслевым инструментом и становится стратегическим ресурсом для макроэкономической интеграции и обеспечения цифрового суверенитета.

На долю государств межгосударственного объединения БРИКС Плюс сегодня приходится около трети мирового ВВП (27,4%, или 30,38 трлн долл.[2]) и почти половина населения планеты (48%, или 3914,1 млн чел.[3]). По оценкам ведущих экспертов, внедрение ИИ способно принести экономикам стран БРИКС около 2-3 трлн долларов к 2030 году[4]. Использование сквозных технологий позволяет кардинально оптимизировать трансграничные цепочки поставок, прогнозировать рыночные тенденции, снижать транзакционные издержки и автоматизировать таможенные процедуры. Особое значение ИИ приобретает при создании совместных цифровых платформ, независимых логистических коридоров и экосистем расчетов в национальных валютах.

Однако практическая реализация этого потенциала сталкивается с такими серьезными вызовами, как технологическая неравномерность, нормативно-правовая фрагментация, внешнее давление.

Таким образом, необходимость комплексного анализа роли ИИ как инструмента углубления торгово-экономической интеграции и разработки скоординированной стратегии стран БРИКС определяет высокую теоретическую и практическую значимость данного исследования.

Целью исследования – на основе комплексного анализа текущего состояния цифровой инфраструктуры и нормативно-правовой базы государств БРИКС определить ключевые направления, выявить эффекты и барьеры внедрения технологий искусственного интеллекта в систему их взаимной торговли, а также разработать рекомендации по формированию единого ИИ-пространства для углубления экономического партнерства.

---

[1] *Hou Y., Huang J., Xie D., Zhou W.* The limits to growth in the AI-driven economy // China Economic Review. – 2025. – Vol. 94, pt A. – https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102510.

[2] GDP (current US$) (2024) // World Bank Group. – https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2024&start=1960.

[3] Population, total (2024) // World Bank Group. – https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL.

[4] Чернышенко: внедрение ИИ даст экономикам БРИКС порядка $2-3 трлн к 2030 году // ТАСС. – https://tass.ru/ekonomika/24295701.

Для достижения этой цели в исследовании были поставлены и решены следующие задачи: а) изучение теоретических основ применения ИИ в международной торговле и логистике; б) анализ национальных стратегий и уровень готовности стран БРИКС к внедрению ИИ в реальный сектор экономики; в) оценка текущего опыта и результатов реализации совместных ИИ-проектов в рамках объединения (например, платформы BRICS+ AI Success Hub); г) выявление ключевых барьеров (правовых, технических, инфраструктурных), препятствующие технологической интеграции; д) разработка практических рекомендаций по созданию скоординированной модели управления ИИ в торговле стран БРИКС.

2. Направления интеграции ИИ в торгово-экономические процессы БРИКС

Применение систем ИИ в торгово-экономической сфере стран БРИКС осуществляется по следующим основным направлениям:

1) *Оптимизация трансграничных цепочек поставок и логистики.* Использование ИИ, прогнозной аналитики и машинного обучения позволяет моделировать альтернативные стратегии закупок и координировать действия участников рынка в режиме реального времени. Алгоритмы предиктивного анализа способны минимизировать риски возникновения логистических узких мест в морских портах и на сухопутных транспортных коридорах БРИКС, уменьшать дефицит товаров и перегрузку складов в распределительных центрах, прогнозировать колебания спроса на сырьевые и промышленные товары на основе анализа рыночных данных, сокращать издержки на трансграничную транспортировку за счет динамического планирования маршрутов. Системы ИИ в реальном времени подбирают комбинации морского, авиа, железнодорожного и автотранспорта. Модели учитывают заторы в портах, погодные аномалии, ремонт путей и геополитические риски. Оптимизация маршрутов сокращает время доставки грузов и минимизирует углеродный след. Датчики IoT под управлением ИИ оценивают техническое состояние судов, поездов и грузовых автомобилей.

2) *Интеллектуальный анализ рынков и поддержка принятия решений.* Интеграция генеративного ИИ и систем Big Data дает возможность государственным органам и частным предприятиям стран БРИКС осуществлять мониторинг торговых балансов. Нейросети обрабатывают неструктурированные массивы данных, выявляя скрытые закономерности в поведении потребителей, оценивая кредитные риски контрагентов и предоставляя точные рекомендации для заключения торговых сделок.

3) *Автоматизация и интеллектуализация таможенного администрирования.* Внедрение компьютерного зрения и когнитивных систем на таможенных пунктах стран БРИКС ускоряет процедуру досмотра грузов. Алгоритмы автоматически верифицируют сопроводительную документацию, сопоставляют коды товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности и с высокой точностью идентифицируют аномалии, указывающие на контрабанду или занижение таможенной стоимости, что снижает административные барьеры для легального бизнеса. Технологии NLP (обработки естественного языка) переводят и верифицируют мультиязычную документацию стран-участниц. Время прохождения таможенных границ сокращается до минут за счет автоматического выявления рисков.

Внедрение ИИ в логистические процессы стран БРИКС трансформирует разрозненные национальные грузопотоки в единую, гибкую и устойчивую к внешним шокам цифровую экосистему. Это закладывает прочный фундамент для кратного роста объемов взаимной торговли.

3. Сравнительный анализ потенциала стран БРИКС в сфере ИИ

Страны БРИКС обладают разным уровнем технологического развития, объемами инвестиций и государственными приоритетами в области искусственного интеллекта. Этот дисбаланс формирует уникальную структуру сотрудничества, где каждая страна занимает свою нишу. Уровень технологической зрелости участников БРИКС неоднороден, что определяет их специфические роли в цифровом сотрудничестве.

В Глобальном индексе инноваций (GII) Всемирной организации интеллектуальной собственности страны БРИКС демонстрируют широкий диапазон позиций. GII ранжирует 140 мировых

экономик по их инновационному потенциалу, состоящему из 80 показателей, сгруппированных по инновационным ресурсам и результатам, отражающих многогранность инноваций[1].

Бразилия по глобальному индексу инноваций находится на 52 месте в мире, 5 место – среди 36 стран с уровнем дохода выше среднего и 2 место среди 21 страны Латинской Америки и Карибского бассейна. За последние шесть лет (2020-2025) статистический доверительный интервал для рейтинга Бразилии в GII 2025 находится в диапазоне от 49 до 53 места. В Бразилии (согласно Глобальному индексу инноваций) находится 1 кластер, входящий в число ведущих инновационных кластеров мира (в Сан-Паулу – занимается медицинской техникой и технологиями).

В 2025 году в Бразилии в разделе «Инвестиции в науку и инновации» улучшились такие показатели, как научные публикации и международные патентные заявки. В разделе «Внедрение технологий» выросли следующие показатели – безопасная санитария (55 человек на 100 жителей), подключение к сети фиксированного широкополосного доступа к Интернету (22,4 человека на 100 жителей), подключение к связи 5G (62,7 человек на 100 жителей), оперативный парк промышленных роботов, рост числа электромобилей (0,7 штук на 100 автомобилей). В разделе «Социально-экономическое воздействие» увеличился показатель производительности труда (43 886,1 долл. на 1 человека), продолжительность жизни (75,8 лет).

В Бразилии уделяется большое внимание автоматизация сельского хозяйства и банкинга. В результате страна стала лидером в сферах финтеха и агротеха. В Бразилии происходит быстрое внедрение коммерческого ИИ. Однако в стране наблюдается зависимость от поставок зарубежного оборудования и технологий.

Россия по глобальному индексу инноваций занимает 60 месте в мире, 45 место среди 54 стран с высоким уровнем дохода и 32 место среди 39 стран Европы.

За последние шесть лет (2020-2025) статистический доверительный интервал для рейтинга России в GII 2025 находится в диапазоне от 54 до 68 места. В России (согласно Глобальному индексу инноваций) находится 1 кластер, входящий в число ведущих инновационных кластеров мира (в Москве – занимается компьютерными технологиями), он находится на 48 месте в мире.

В 2025 году в России в разделе «Инвестиции в науку и инновации» улучшились такие показатели, как количество сделок с венчурным капиталом и международные патентные заявки. В разделе «Внедрение технологий» выросли следующие показатели – безопасная санитария (58,2 человек на 100 жителей), подключение к сети фиксированного широкополосного доступа к Интернету (25,8 человека на 100 жителей), подключение к связи 5G, оперативный парк промышленных роботов, рост числа электромобилей (0,1 штук на 100 автомобилей). В разделе «Социально-экономическое воздействие» увеличился показатель производительности труда (74 659 долл. на 1 человека), продолжительность жизни (73,2 лет).

В России центральное место отводится развитию сильной фундаментальной школы, основанной на математической базе и программировании, а также на поддержании цифрового суверенитета. Россия занимается разработками собственных экосистем (например, Яндекс, Сбер). В стране делается акцент на импортозамещении софта и поставку решений в области кибербезопасности. Россия сохраняет сильные позиции в таких высокотехнологичных сферах, как ядерные технологии, исследования Арктики, реактивные двигатели, космическая промышленность, некоторые направления материаловедения.

Индия является цифровой фабрикой и кадровым гигантом в мировой экономике, обладает крупнейшим пулом IT-специалистов среди стран БРИКС. Специфика страны заключается в развитом секторе IT-аутсорсинга, в легкой интеграции в англоязычную экосистему. Индия – главный экспортер услуг НИОКР среди стран БРИКС

Индия по глобальному индексу инноваций находится на 38 месте в мире, 1 место среди 37 стран с уровнем дохода ниже среднего и 1 место среди 10 стран Центральной и Южной Азии.

За последние шесть лет (2020-2025) статистический доверительный интервал для рейтинга Индии в GII 2025 находится в диапазоне от 37 до 41 места. В Индии (согласно Глобальному индексу инноваций) находится 4 кластера, входящих в число ведущих инновационных кластеров мира: Бенгалор (цифровые коммуникации) – 21 место в мире, Дели (компьютерные технологии) – 26 место в мире, Мумбай (химия основных материалов) – 46 место в мире, Ченнаи (транспорт) – 84 место в мире.

[1] Global Innovation Index // WIPO. – https://www.wipo.int/gii-ranking/en.

В 2025 году в Индии в разделе «Инвестиции в науку и инновации» улучшились такие показатели, как научные публикации и международные патентные заявки. В разделе «Внедрение технологий» выросли следующие показатели – безопасная санитария (62,8 человек на 100 жителей), подключение к сети фиксированного широкополосного доступа к Интернету (2,7 человека на 100 жителей), подключение к связи 5G (82 человек на 100 жителей), оперативный парк промышленных роботов, рост числа электромобилей (0,5 штук на 100 автомобилей). В разделе «Социально-экономическое воздействие» увеличился показатель производительности труда (24818,8 долл. на 1 человека), продолжительность жизни (72 лет).

Китай – глобальный лидер и технологический драйвер развития мировой экономики, держит мировое лидерство по государственным инвестициям, является мощнейшей производственной базой микроэлектроники. Китай – главный экспортер ИИ-решений среди стран БРИКС, планирует занять ведущую позицию в сфере ИИ в мире к 2030 году[1] и увеличить объем ИИ-рынка до 155 млрд долл. [2]

Китай занимает высокие позиции в Глобальном индексе инноваций (10 место в мире), лидирует в робототехнике, активно развивает электронную коммерцию, искусственный интеллект и собственные цифровые валюты (например, цифровой юань). Китай также демонстрирует масштабные инвестиции в исследования и разработки (НИОКР). Страна занимает 1 место среди 36 стран с уровнем дохода выше среднего и 3 место среди 17 стран Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Океании. Статистический доверительный интервал для рейтинга Китая в GII 2025 (за 2020-2025 годы) составляет от 4 до 11 места.

В Китае насчитывается 24 кластера, входящих в число ведущих инновационных кластеров мира согласно Глобальному индексу инноваций: а) в Шэньчжэнь–Гонконг–Гуанчжоу по созданию цифровой связи (1 место в мире), б) в Пекине, занимающийся цифровой связью (4 место в мире), в) в Шанхай–Сучжоу, занимающийся разработкой компьютерных технологий (6 место в мире), г) в Ханчжоу по созданию компьютерных технологий (13 место в мире), д) в Нанкине (разработка компьютерных технологий – 15 место в мире).

В 2025 году в Китае в разделе «Инвестиции в науку и инновации» улучшились такие показатели, как научные публикации: инвестиции в НИОКР, количество сделок с венчурным капиталом и международные патентные заявки. В разделе «Внедрение технологий» выросли следующие показатели – безопасная санитария (68,9 человек на 100 жителей), подключение к сети фиксированного широкополосного доступа к Интернету (44,7 человека на 100 жителей), подключение к связи 5G (94 человек на 100 жителей), оперативный парк промышленных роботов, рост числа электромобилей (11 единиц на 100 автомобилей). В разделе «Социально-экономическое воздействие» увеличился показатель производительности труда (51455 долл. на 1 человека), продолжительность жизни (78 лет). Го Ю., Дун Б. (2021) отметили, что в округах с железнодорожным сообщением и более развитым производственным сектором объем производства на душу населения был выше.[3]

ЮАР по глобальному индексу инноваций находится на 61 месте в мире, занимает 12 место среди 36 стран с уровнем дохода выше среднего, 2 место среди 32 стран Африки к югу от Сахары. За последние шесть лет (2020-2025) статистический доверительный интервал для рейтинга ЮАР в GII 2025 находится в диапазоне от 58 до 66 места.

В ЮАР (согласно Глобальному индексу инноваций) нет инновационных кластеров, входящий в число ведущих инновационных кластеров мира.

В 2025 году в ЮАР в разделе «Инвестиции в науку и инновации» улучшились такие показатели, как научные публикации и инвестиции в НИОКР. В разделе «Внедрение технологий» выросли следующие показатели – безопасная санитария (73,8 человек на 100 жителей), подключение к сети фиксированного широкополосного доступа к Интернету (3,4 человека на 100 жителей), подключение к связи 5G (41,8 человек на 100 жителей), оперативный парк промышленных

[1] Китай собирается стать лидером в области искусственного интеллекта к 2030 году // КоммерсантЪ. – https://www.kommersant.ru/doc/3366230.

[2] Artificial Intelligence – China. // Statista. – https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/china.

[3] *Guo Y., Dong B.* Railway and trade in modern China: Evidence from the 1930s. // China Economic Review. – https://doi.org/10.1016/j.chieco.2021.101661.

роботов. В разделе «Социально-экономическое воздействие» увеличился показатель производительности труда (61 296,1 долл. на 1 человека), продолжительность жизни 66,1 лет).

ЮАР, являясь главным хабом африканского континента, обладает развитой академической исследовательской базой, проводником новых технологий в Африку. Страна занимается внедрением социальных и медицинских ИИ-проектов. Однако ограниченность внутреннего венчурного капитала не дает возможность широко заниматься развитием ИИ.

На основе проведенного анализа нами составлена обобщающая табл. 1, включающая основные направления специализации стран БРИКС, их сильные стороны в сфере искусственного интеллекта и вызовы, с которыми эти страны сталкиваются в настоящее время. Исследование подтвердило, что между странами БРИКС существует технологическое неравенство (разрыв в уровне ИИ-разработок и цифровой инфраструктуры).

Таблица 1

Потенциал стран БРИКС в сфере ИИ

Страна	Ключевая специализация и сильные стороны в сфере ИИ	Основные вызовы
Бразилия	Высокий уровень вовлеченности населения в использование генеративного ИИ, развитие финтех- решений	Зависимость от зарубежных облачных платформ и технологий
Россия	Сильная фундаментальная математическая школа, успехи в создании суверенных LLM-моделей и систем ИИ для промышленности	Ограниченный доступ к международному рынку полупроводников высокой производительности
Индия	Прорыв в области применения генеративного ИИ, колоссальный пул ИТ-кадров и разработчиков	Инфраструктурное неравенство и дефицит вычислительных мощностей
Китай	Глобальное лидерство по числу патентов и ИИ-кластеров, масштабное аппаратное производство (чипы, процессоры)	Жесткие регуляторные рамки и необходимость гармонизации стандартов с партнерами
ЮАР	Фокус на этическом регулировании ИИ и его адаптации для аграрного сектора	Относительно небольшие объемы внутренних инвестиций в НИОКР

Источник: составлено автором

Сравнительный анализ показывает, что страны БРИКС взаимно дополняют друг друга и обладают потенциалом торгово-экономического сотрудничества в сфере ИИ. Это создает следующие векторы для совместного взаимодействия: а) технологический обмен между странами БРИКС – соединение китайского «железа», российских алгоритмов и индийских кадров; б) создание единых стандартов, независимой регуляторной базы ИИ для трансграничной торговли; в) оптимизация логистики, внедрение ИИ в управление транспортными коридорами БРИКС.

4. Барьеры на пути развития сотрудничества в сфере ИИ

Несмотря на значительные положительные моменты, цифровая интеграция стран БРИКС сталкивается со следующими деструктивными факторами:

– *Инфраструктурный дефицит и аппаратная зависимость.* Большинство стран объединения зависят от поставок высокопроизводительных чипов (GPU), контролируемых США, что ставит под угрозу стабильность работы их нейросетей. Эффективность реализации трансграничной логистики внутри расширенной группы БРИКС зависит от таких вызовов, как значительные расстояния между странами, различия в таможенных законодательствах и инфраструктурный дисбаланс. Интеграция искусственного интеллекта становится ключевым фактором значительного повышения эффективности дорожной инфраструктуры стран БРИКС.

– *Нормативная фрагментация.* В группе стран БРИКС отсутствуют единые стандарты обмена данными, а также стандарты трансграничной верификации цифровых подписей, что тормозит сквозное внедрение систем ИИ во внутригрупповой торговле. В странах БРИКС существуют различия в законодательстве об интеллектуальной собственности и в управлении данными между странами, поэтому предлагается стандартизированная цифровой политики между странами группы для стимулирования экономического роста. В исследовании подчеркивается, что

совместные технологические инициативы необходимы для преодоления бюрократических препятствий и ускорения цифровой трансформации внутри группы[1].

– *Утечка умов и кадровый голод.* Наблюдается стабильный дефицит специалистов в области Data Science и Machine Learning, способных разрабатывать и поддерживать сложные промышленные алгоритмы.

Решение этих вопросов будет способствовать эффективному внедрению ИИ в торгово-экономическое взаимодействие стран БРИКС.

5. Институциональные механизмы и совместные проекты

Переход от разрозненных национальных практик к синергетическому сотрудничеству обеспечивается созданием наднациональных платформ в рамках БРИКС.

Важнейшим шагом стало учреждение Фонда цифрового суверенитета (Digital Sovereignty Fund) объемом 5 млрд долл.[2] Это специализированный инвестиционный инструмент Нового банка развития (НБР), созданный для финансирования и развития независимой цифровой и технологической инфраструктуры в странах БРИКС, нацеленный на создание безопасных независимых цепочек поставок для технологических секторов внутри блока. Средства фонда направляются на софинансирование критической инфраструктуры, центров обработки данных, научно-исследовательских парков и сетей периферийных вычислений (edge infrastructure), заводов по производству микроэлектроники, на поддержку центров проектирования и предприятий по производству чипов, на создание трансграничных облачных кластеров и образовательных зон для развития искусственного интеллекта.

Эксперты отмечают, что фонд призван консолидировать взаимодополняющие возможности государств-участников для снижения зависимости от западных монополий, Китай будет использоваться как база для передового производства электроники, роль Индии будет в специализации на проектировании и дизайне микроэлектроники. А Россия и Бразилия будут отвечать за стратегическое применение разработок и обеспечение сырьевой базой.

Рабочая группа БРИКС по исследованию проблем конкуренции на цифровых рынках координирует антимонопольную политику и препятствует монополизации ИИ-сферы со стороны западных ИТ-гигантов. В области нормативного регулирования ЮАР и Египет выступили инициаторами разработки Единой этической хартии ИИ, закрепляющей принципы прозрачности, уважения национального суверенитета и недопущения технологической дискриминации.

Особая роль отводится Центру поддержки внедрения ИИ в странах БРИКС+ (BRICS+ AI Success Hub[3]– международная цифровая база знаний и платформа для сотрудничества), который был запущен Сетью альянсов в области ИИ и ЮНИДО. Это единое, практичное пространство для правительств и предприятий, где они могут обмениваться, находить и масштабировать реальные, этичные решения в области искусственного интеллекта в ключевых секторах экономики. Центр содержит глобальную базу данных кейсов из 80 практических примеров использования ИИ в 30 странах мира. С помощью этих данных демонстрируется, как ИИ повышает эффективность в таких отраслях, как логистика, сельское хозяйство, здравоохранение и инфраструктура. Целевая поисковая система позволяет выделять конкретные проблемы внедрения ИИ и получать решения, которые применяли другие страны. Например, в базе данных был реальный кейс из России о том, ИИ позволяет системам бухгалтерского учета проводить ускоренный анализ контрактов и проводить распределение расходов. Кейс из Индии говорит о возможности использования ИИ в автоматизированных системах предотвращения столкновений поездов для улучшения планирования и безопасности железных дорог в суровых погодных условиях.

---

[1] *Hou Y., Huang J., Xie D., Zhou W.* The limits to growth in the AI-driven economy // Chins Economic Review. – 2025. – Vol. 94, pt A. – https://doi.org/10.1016/j.chieco.2025.102510.

[2] От импорта чипов до экспорта решений // BRICS Business Magazine. – https://bricsmagazine.com/idei/ot-importa-chipov-do-eksporta-reshenij.

[3] BRICS+ AI Success Hub: запущена международная платформа для проверенных примеров внедрения искусственного интеллекта в странах БРИКС+ и партнерах // Сбербанк. – https://www.sberbank.ru/ru/sberpress/all/article?blockID=1303&lang=ru&newsID=f671e346-93c6-4c58-8b65-1e7b5ed2c561&regionID=77&type=NEWS.

6. Заключение

Искусственный интеллект является не просто катализатором ускорения торговых операций, но и фундаментальной основой для формирования нового, многополярного цифрового уклада. Для максимизации экономического эффекта необходимо перейти от изолированных стратегий к глубокой интеграции.

Первоочередными шагами должны стать гармонизация нормативно-правовых режимов, совместное инвестирование в создание суверенной компонентной базы и запуск единых ИИ-платформ для управления трансграничной логистикой и финансами. Только скоординированный подход позволит государствам БРИКС нивелировать риски цифрового развития и занять лидирующие позиции в глобальной технологической конкуренции.

В результате проведенного исследования роли искусственного интеллекта в торгово-экономическом сотрудничестве стран БРИКС были сделаны следующие выводы и сформированы практические предложения:

- ИИ является драйвером торговли, технологии ИИ оптимизируют трансграничные цепочки поставок между странами объединения.
- Внедрение ИИ в логистику и таможенные процедуры способствует снижению издержек. сокращению времени транзита грузов.
- Рост электронной коммерции, создание интеллектуальных платформ максимизируют объемы взаимной электронной торговли.
- Между участниками БРИКС сохраняется цифровой разрыв и технологическое неравенство. в уровне развития ИИ-инфраструктуры.
- В странах БРИКС выявлены барьеры совместимости, отсутствие единых стандартов данных усложняет интеграцию интеллектуальных систем.
- Различия в законодательстве стран БРИКС в сфере ИИ, регуляторные риски сдерживают совместные ИТ-проекты.
- Необходимо создание общей ИИ-платформы БРИКС для мониторинга товарных потоков.
- Следует осуществить гармонизацию стандартов, унификацию технических регламентов и правил обмена данными в сфере ИИ.
- Создание Альянса ИИ, совместного исследовательского центра БРИКС позволит осуществить обмен опытом и трансфер технологий.
- Важным направлением является обеспечение кибербезопасности. Для реализации этой задачи необходимо разработать коллективные протоколы защиты данных при трансграничных ИИ-операциях.
- Для расширения финансирования информационно-коммуникационных технологий необходимо запустить целевые гранты Нового банка развития (НБР) для поддержки ИИ-стартапов.
- Важную роль играет подготовка кадров в сфере ИИ. Необходимо организовать программы академического обмена для специалистов по ИИ между странами БРИКС.

Додонов О.В.
к.э.н., доцент; в.н.с. Белорусско-Китайского аналитического центра развития,
Институт экономики Национальной академии наук Беларуси
oleg.dodonov.68@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

Ключевые слова: индекс инноваций, инновационное развитие, саммит БРИКС, сотрудничество.
Key words: innovation index, innovative development, BRICS summit, cooperation.

Введение

В июне 2009 г. лидеры 4 стран (Бразилии, Российской Федерации, Индии и Китая) на I Саммите БРИК в г. Екатеринбурге приняли совместную Декларацию, состоящую из 16 пунктов, итогом которой стала договоренность о «дальнейшем развитии последовательного, активного, прагматичного, открытого и транспарентного диалога и сотрудничества..., служащего не только общим интересам стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран, но и строительству гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание»[1].

Достижение общности интересов стран-участниц БРИКС с момента ее формирования по настоящее время состоит, с нашей точки зрения, в совместно принимаемых решениях лидерами и правительствами этих стран, включая результаты ежегодно проводимых саммитов. При этом, естественно, для каждой страны-участницы БРИКС приоритетом является соблюдение своих (государственных, национальных) интересов в социально-экономическом развитии. Таким образом, государственные приоритеты в социально-экономическом развитии любой из стран-участниц БРИКС не могут вступать в противоречие с решениями, принимаемыми главами государств и правительств этих стран в рамках данного межгосударственного блока.

В этой связи следует понимать, что на современном этапе достижение целей социально-экономического развития любой из стран непосредственно зависит от уровня ее инновационного развития, которое понимается нами как «процесс создания государством условий для стимулирования инноваций в организациях (на предприятиях) любой формы собственности, на основе чего достигается социально-экономический эффект» [1]. Достижение же баланса интересов в таком (инновационном) развитии в любом межгосударственном блоке, включая БРИКС, является сложной задачей, что обусловлено международной конкуренцией, где максимальный эффект получают страны, экспортирующие высокотехнологические товары и услуги.

При этом следует учитывать, что так называемый «инновационный ландшафт» стран-участниц БРИКС является неоднородным[2], внутри него должны взаимодействовать с пользой для своих национальных экономик разные страны – от лидеров (например, Китай) до аутсайдеров (например, Эфиопия).

Анализ результатов исследований, проведенных учеными, позволяет констатировать, что тематика социально-экономических отношений между странами-участниками БРИКС для многих из них является актуальной. При этом объектом для сравнительного анализа и определения перспектив сотрудничества между странами-участниками БРИКС становятся различные области социально-экономических отношений – макроэкономическое развитие, энергетика, охрана природы и экологическая безопасность, финансирование, развитие человеческого потенциала и др.

В контексте сравнительного анализа уровня инновационного и научно-технологического развития и перспектив инновационного сотрудничества между странами-участниками БРИКС

[1] 金砖国家成员国外交部联合网站 [Совместный сайт министерств иностранных дел государств-участников БРИКС]. – https://infobrics.org/ru/.

[2] Экспертный совет БРИКС России. – https://bricscouncil.ru/ru/analytics/sovmestnye-proekty-stran-briks-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta.

особый интерес представляют результаты исследований таких ученых, как: Герасимов В.И. и Коданева С.И. [2], Дудина Е.Э. [3], Сливицкий А.Б. [4].

С нашей точки зрения именно анализ инновационного развития стран-участниц БРИКС и определение перспектив взаимодействия между ними в этой области на современном этапе является особенно актуальной задачей, что вызвано двумя обстоятельствами: во-первых, подробный анализ содержания работы 17 проведенных саммитов БРИКС позволяет констатировать, что важные совместные решения по вопросам инновационного развития между странами-участницами данного межгосударственного блока начали обсуждаться сравнительно недавно; во-вторых, учитывая неоднородность в уровне инновационного развития стран-участниц БРИКС, особый интерес представляет определение возможных перспективных направлений сотрудничества между ними в этой области.

Таким образом, целью настоящего исследования является определение проблем и перспектив инновационного сотрудничества стран-участниц БРИКС, для чего требуется решить следующие задачи: изучить этапы становления БРИКС; проанализировать инновационное развитие стран-участниц БРИКС с определением их сильных и слабых сторон; проанализировать результаты работы саммитов БРИКС в части выработки совместных решений по инновационному развитию; определить ориентиры и перспективы инновационного развития стран-участниц БРИКС, исходя из общности их интересов в таком развитии.

Этапы становления

16 июня 2009 г. можно считать датой начала формирования межгосударственного блока БРИК (с 2010 г. – БРИКС), выразившегося в совместном заявлении лидеров Бразилии, Российской Федерации, Индии и Китая на I Саммите БРИК в г. Екатеринбурге1.

Процесс развития БРИКС состоит из нескольких этапов с присоединением новых членов, количество которых по состоянию на 6 января 2025 г. (дата присоединения последнего государства) составило десять стран.

Условно процесс становления БРИКС можно разделить на 4 этапа (табл. 1).

Таблица 1

Этапы становления БРИКС[1]

Страны	Дата, место	Характеристика этапа
Этап формирования		
Бразилия, Россия, Индия, Китай	Июнь 2006 г., г. Санкт-Петербург (Россия)	На полях Петербургского международного экономического форума(ПМЭФ) основание БРИК с участием министров экономики стран
Бразилия, Россия, Индия, Китай	Сентябрь 2006 г., г. Нью-Йорк (США)	На полях сессии Генеральной ассамблеи ООН по инициативе президента России встреча глав внешнеполитических ведомств стран в формате БРИК; подтверждение заинтересованности в развитии многопланового четырёхстороннего сотрудничества
Этап становления		
Бразилия, Россия, Индия, Китай	16 июня 2009 г., г. Екатеринбург (Россия)	На I Саммите БРИК сделано Совместное заявление лидерами 4 стран и достигнута договоренность о развития партнерских отношений
Страны	Дата, место	Характеристика этапа

[1] БРИКС. – https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1; Egypt, Iran, Saudi Arabia, UAE, Ethiopia formallyjo in BRICS. – https://www.dailynewsegypt.com/2024/01/01/egypt-iran-saudi-arabia-uae-ethiopia-formally-join-brics/; Индонезия стала полноправным членом БРИКС. – https://www.kommersant.ru/doc/7421966; Ingressoda Indonésia no BRICS / Официальный сайт МИД Бразилии. – https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/ingresso-da-indonesia-no-brics.

Окончание табл. 1

Страны	Дата, место	Характеристика этапа
Южно-Африканская Республика (ЮАР)	12 ноября 2010 г., г. Сеул (Республика Корея)	На саммите G20 ЮАР выразила желание присоединиться к БРИК, получила приглашение на участие в саммите в Китае в начале апреля 2011 г.
	14 апреля 2011 г., г. Санья, о. Хайнань (Китай)	Официальное вступление ЮАР в БРИК (стало БРИКС). Принята Декларация по итогам Саммита с участием глав 5 государств и правительств
Этап расширения		
Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия	23 августа 2023 г., Йоханнесбург (ЮАР)	На XV саммите БРИКС в Йоханнесбургской Декларации-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности» (п. 91) принято решение о приглашении Аргентины, Египта, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Королевства Саудовской Аравии и Эфиопии стать полноформатными членами БРИКС с 1 января 2024 г. (Аргентина и Саудовская Аравия отказались)
Индонезия	23 августа 2023 г., г. Йоханнесбург (ЮАР)	Кандидатура Индонезии получила одобрение глав государств-членов БРИКС на вступление Индонезии в блок в качестве полноправного члена
	6 января 2025 г., г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)	На официальном сайте МИД Бразилии размещена информация о том, что Индонезия стала полноправным членом БРИКС
Партнерство с БРИКС		
Алжир, Беларусь, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Узбекистан, Уганда	22-24 октября 2024 г., Казань (Россия)	На XVI саммите БРИКС, посвященном теме: «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» принято решение о приглашении этих стран в качестве партнеров с 1 января 2025 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что на каждом из представленных этапов стремление стран-участниц к развитию, равно как и стран-партнеров на последнем этапе, является основополагающим мотивом к вступлению в данный межгосударственный блок. Заинтересованность в развитии на основе сотрудничества между 4 странами стала основополагающим приоритетом еще на этапе формирования БРИК в 2006 г. В свою очередь, если на этапе становления БРИКС основной задачей являлось развитие партнерских отношений между странами-участницами в целом, то уже на этапе расширения данные партнерские отношения конкретизировались в форме стремления к ускоренному росту (прежде всего – экономическому) и устойчивому развитию.

В этой связи следует рассмотреть более подробно саму категорию «развитие» в ее экономическом значении. С одной стороны, экономическое развитие рассматривается как «процесс закономерного изменения, перехода из одного состояния в другое, более совершенное; переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему»[1]; с другой – имеет иное значение и «характеризуется качественными изменениями объектов, появлением новых форм бытия, инноваций и нововведений...»[2].

Из данных определений следует, что в социально-экономической системе любого уровня при внедрении инноваций должны произойти изменения с переходом данной системы в более качественное состояние, измеряемое социально-экономическим эффектом от полученного результата. Соответственно, при рассмотрении межгосударственного блока БРИКС в качестве глобаль-

[1] Экономика. Большой энциклопедический словарь. Т. 3. П – Я. Серия: «Библиотека высшего управленческого персонала» / В.Г. Гавриленко, П.Г. Никитенко, Н.И. Ядевич. – Мн.: Право и экономика, 2002. – С. 258.

[2] Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, экзотеризм, политэкономия / главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – С. 673.

ной социально-экономической системы экономика каждой из стран-участниц блока может быть рассмотрена как ее подсистемный элемент.

Таким образом, эталоном инновационного развития межгосударственного блока БРИКС можно считать совокупность полученных социально-экономических эффектов от внедрения инноваций в каждой из стран-участниц данного блока. И в этом случае, исходя из данного выше определения «инновационное развитие», задача правительства любой из стран – стимулировать получение такого эффекта посредством проведения соответствующей государственной инновационной политики.

Сравнительный анализ инновационного развития

Если рассматривать уровень инновационного развития стран-членов БРИКС, определяемый Всемирной организацией интеллектуальной собственности (WIPO), то следует отметить существенные отличия в этом уровне (табл. 2).

Среди стран-участниц БРИКС лидером, согласно версии WIPO, является Китай, который ежегодно улучшает свои позиции в рейтинге 139 стран мира по всем трем критериям «Глобального индекса инноваций» за проанализированный период. Аутсайдером же является Эфиопия, позиции которой находятся в замыкающей сотне по данному показателю, и ежегодно ухудшаются.

Условно к ТОП-50 из стран БРИКС по этому показателю можно отнести ОАЭ, Индию и Бразилию. Однако динамика инновационного развития у этих стран разная: если ОАЭ и Индия ее улучшили за последние 3 года, то Бразилия показала ухудшение.

Остальные же пять стран по рейтингу «Глобального индекса инноваций» находятся в диапазоне с 55 по 86 место по итогам 2025 г. При этом позиции Индонезии улучшились, Египта остались практически без изменений, а Ирана, России и ЮАР незначительно ухудшились.

Таблица 2

Рейтинг стран-участниц БРИКС по критериям «Глобального индекса инноваций» в 2023–2025 гг. [1]

Страна-член БРИКС	Позиция GII			Инновационные ресурсы			Результаты инновационной деятельности		
	2023	2024	2025	2023	2024	2025	2023	2024	2025
Бразилия	49	50	52	59	58	63	49	49	50
Египет	86	86	86	99	95	94	74	80	81
Индия	40	39	38	46	44	52	35	33	32
Индонезия	61	54	55	64	54	60	63	67	59
Иран	62	64	70	87	85	109	48	48	46
Китай	12	11	10	25	23	19	8	7	5
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	32	32	30	19	19	14	50	50	47
Россия	51	59	60	58	76	73	53	56	55
Эфиопия	129	130	134	130	133	138	109	112	108
Южно-Африканская Республика (ЮАР)	59	69	61	71	75	68	57	61	60

Таким образом, при условном разделении стран-членов БРИКС на три группы можно констатировать, что независимо от периода их вступления в данный межгосударственный блок уровень инновационного развития различен и динамика этого уровня не одинакова.

Более подробный анализ «Глобального индекса инноваций» показывает сильные и слабые стороны стран-участниц БРИКС. Для характеристики слабых сторон нами выбраны индикаторы, по которым та или иная страна заняло в рейтинге место ниже «100-го» среди всех 139 стран. Для характеристики же сильных сторон выбраны индикаторы, по которым та или иная страна

[1] Официальные данные WIPO «Глобальный индекс инноваций». – https://www.wipo.int/gii-ranking/en/.

заняла с «1» по «3» место среди всех 139 стран мира, анализируемых WIPO при расчете «Глобального индекса инноваций» (табл. 3).

Таблица 3

Слабые стороны стран-участниц БРИКС по «Глобальному индексу инноваций» в 2025 г.[1]

Страна-член БРИКС	Наихудшие индикаторы (с рейтингом ниже 100 места)
Бразилия	Стабильность ведения бизнеса (128); валовое накопление капитала (118); въездная мобильность в высшие учебные заведения (110); примененная тарифная ставка (106); эффективность государственного управления (102); выпускники естественно-научных и инженерных специальностей (100)
Египет	Валовое накопление капитала (130); выпускники естественнонаучных и инженерных специальностей (113)
Индия	Примененная тарифная ставка, средневзвешенная (116); въездная мобильность в высшие учебные заведения (113); чистый приток прямых иностранных инвестиций, % ВВП (107)
Страна-член БРИКС	Наихудшие индикаторы (с рейтингом ниже 100 места)
Индонезия	Расходы на образование (133); научно-технические статьи (133); публикации, созданные в сотрудничестве между научными исследованиями и промышленностью (117); въездная мобильность в высшие учебные заведения (114); экспорт культурных и творческих услуг (109)
Иран	Нормативно-правовое качество (138); операционная стабильность для бизнеса (135); примененная тарифная ставка, средневзвешенная (134); стабильность политики ведения бизнеса (129); полученный венчурный капитал (ВК), количество сделок (122); венчурные инвесторы, количество сделок (113); показатели логистики (107)
Китай	Чистый приток прямых иностранных инвестиций, % ВВП (110); въездная мобильность в высшие учебные заведения (107); демографический дивиденд молодежи (105); ВВП на единицу потребления энергии (102)
ОАЭ	Промышленные образцы по происхождению (115); торговые марки по происхождению (107); рост производительности труда (102); использование низкоуглеродной энергии (100)
Россия	Операционная стабильность для бизнеса (137); ISO 14001 окружающая среда (136); ISO 9001 качество (135); нормативно-правовое качество, верховенство права (131); чистый приток прямых иностранных инвестиций, % ВВП (125); полученный венчурный капитал (ВК), количество сделок/млрд долл. США в ВВП по ППС (121); ВВП на единицу потребления энергии (120); соучастие венчурных инвесторов/ млрд долл. США в ВВП по ППС (107)
Эфиопия	Расходы на программное обеспечение, % ВВП (138); доступ к ИКТ (136); экспорт культурных и творческих услуг, % от общего объема торговли (121); количество зарегистрированных патентов/ млрд долл. США в ВВП по ППС (100)
ЮАР	Валовое накопление капитала, % ВВП (125); соотношение учеников и учителей в средней школе (123); использование низкоуглеродной энергии, % (110); ВВП на единицу потребления энергии (106); операционная стабильность для бизнеса (103)

Данные индикаторы (табл. 3) указывают на те слабые места каждой из стран-участниц БРИКС, которые в большей степени снижали свой общий рейтинг «Глобального индекса инноваций» в 2025 г.

В табл. 4 представлены наиболее значимые индикаторы, которые способствовали повышению позиций в данном рейтинге.

[1] Официальные данные WIPO «Глобальный индекс инноваций». – https://www.wipo.int/gii-ranking/en/.

Таблица 4

Сильные стороны стран-участниц БРИКС по «Глобальному индексу инноваций» в 2025 г.[1]

Страна-член БРИКС	Наилучшие индикаторы (с рейтингом от 1 до 3 места)
Бразилия	Индикаторы с таким рейтингом отсутствуют
Египет	Индикаторов с таким рейтингом нет
Индия	Экспорт ИКТ-услуг, % от общего объема торговли (1); масштаб внутреннего рынка, млрд долларов США по паритету покупательной способности (3)
Индонезия	Индикаторы с таким рейтингом отсутствуют
Иран	Рыночная капитализация, % ВВП (1); торговые марки по происхождению (2)
Китай	Экспорт креативных товаров, % от общего объема торговли (1); масштаб внутреннего рынка, млрд долларов США по паритету покупательной способности (1); промышленные образцы по происхождению/млрд ВВП по паритету покупательной способности (1); Шкала PISA (результаты по математике и естественным наукам) (1); торговые марки по происхождению/млрд долл. США по ППС (1); полезные модели по происхождению/ млрд долл. США по ППС (1)
Страна-член БРИКС	Наилучшие индикаторы (с рейтингом от 1 до 3 места)
ОАЭ	Политика и культура предпринимательства (1); въездная мобильность в высшие учебные заведения (1); финансирование стартапов и компаний, находящихся на стадии масштабирования (3); исследование талантов (3)
Россия	Индикаторы с таким рейтингом отсутствуют
Эфиопия	Индикаторы с таким рейтингом отсутствуют
ЮАР	Индикаторы с таким рейтингом отсутствуют

Очевидно, что занимая лидирующее положение среди остальных стран-членов БРИКС, Китай имеет и максимальное количество индикаторов-лидеров в том или ином направлении.

Также обращает на себя внимание такой важный показатель, влияющий на «Глобальный индекс инноваций», как кластеризация, характеризующий наличие в стране ведущих мировых инновационных кластеров в той или иной области.

По итогам 2025 г. в странах-членах БРИКС сложилось следующее положение по наличию (отсутствию) ведущих инновационных кластеров, входящих в ту либо иную область (табл. 5).

Таблица 5

Сформированные инновационные кластеры в странах-участницах БРИКС по «Глобальному индексу инноваций»[2]

Страна-член БРИКС	Отрасль	Место кластеров в ТОП-100
Бразилия	Медицинские технологии	49
Египет	Медицинские технологии	83
Индия	Цифровые коммуникации	21
	компьютерные технологии	26
	химия основных материалов	46
	транспорт	84
Индонезия	нет	-
Иран	Медицинские технологии	63

[1] Официальные данные WIPO «Глобальный индекс инноваций». – https://www.wipo.int/gii-ranking/en/.
[2] Там же.

Окончание табл. 5

Страна-член БРИКС	Отрасль	Место кластеров в ТОП-100
Китай	Цифровые коммуникации	1, 4
	компьютерные технологии	6, 13, 15, 29, 44, 68, 80
	полупроводники	88
	фармацевтические препараты	18, 39
	термические процессы и аппаратура	24
	основные процессы и коммуникации	34, 93
	оптика	50
	станки	57
	транспорт	70
	материалы, металлургия	72
	электрические машины, аппараты	75
	энергия	81, 98, 99, 100
ОАЭ	нет	-
Россия	Компьютерные технологии	48
Эфиопия	нет	-
ЮАР	нет	-

Очевидно, что безусловным лидером по наличию инновационных кластеров, входящих в ТОП-100 не только среди стран-членов БРИКС, но и среди всех 139 стран, принятых для расчета «Глобального индекса инноваций», является Китай, где в области цифровых коммуникаций занимает лидирующие позиции, в области компьютерных технологий имеет максимальное количество кластеров (8), общее количество кластеров во всех областях составило в 2025 г. 24 (четверть всех мировых).

Таким образом можно констатировать, что страны-члены БРИКС имеют абсолютно различный уровень инновационного развития, где безусловным лидером является Китай, который для других стран может стать флагманом в повышении их уровня.

Результаты саммитов БРИКС

В этой связи особое значение имеет та совместная работа, которая проводится странами-участницами в рамках саммитов БРИКС (табл. 6).

Анализируя работу прошедших саммитов БРИКС, можно отметить, что лишь на VI саммите вопросы инновационного сотрудничества стали объектом обсуждения между странами-участницами, в результате чего было подписано соответствующее соглашение. Можно констатировать, что до этапа расширения БРИКС (2023 г.) страны-участницы развивали партнерские отношения в части инновационного сотрудничества, создавая необходимые платформы для обмена технологиями и инновациями (2015 г.), следуя трендам в развитии цифровой экономики (2016 г., 2018 г., 2021 г.), вырабатывая совместные планы взаимодействия (2017, 2021 гг.), рамочные документы по созданию сети совместных инновационных исследований (2018 г.) и регламенты по сотрудничеству в области НИОКР и НТИ (2022 г.).

Наиболее же значимые результаты работы саммитов БРИКС в части инновационного развития были достигнуты на этапе расширения в 2023-2025 гг., что соответствует приоритетам принятой на XV саммите БРИКС Йоханнесбургской Декларации-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития». Отличительными чертами данного этапа стали оказание целевой (включая финансовую) поддержки для формирования сетей и центров по обмену технологиями, разработка совместных программ обучения в сфере передачи технологий, реализации стартапов и проектов (2023 г.); развитие сотрудничества в области социальных и гуманитарных наук, формирование общих баз данных в области НТИ и других

(более совершенных) технологических платформ (2024 г.); выработка общих подходов к управлению искусственным интеллектом, развитию интеллектуального производства и робототехники в контексте Новой промышленной революции, заложенных в Инновационном плане развития на 2025–2030 гг. (2025 г.).

Таблица 6

Результаты работы саммитов БРИКС в части инновационного развития стран-участниц[1]

№ саммита	Дата, место проведения (страна)	Результаты
I саммит БРИК	16 июня 2009 г. г. Екатеринбург (Россия)	Значимых результатов не было
II саммит БРИК	16 апреля 2010 г., г. Бразилиа (Бразилия)	Значимых результатов не было
III саммит БРИКС	14 апреля 2011 г., г. Санья, о. Хайнань (Китай)	Значимых результатов не было
IV саммит БРИКС	29 марта 2012 г., г. Нью Дели (Индия)	Значимых результатов не было
V саммит БРИКС	29 марта 2013 г., г. Дурбан (ЮАР)	Значимых результатов не было
VI саммит БРИКС	15 июля 2014 г., г. Форталезе (Бразилия)	Подписано соглашение о сотрудничестве в области инноваций
VII саммит БРИКС	9 июля 2015 г., г. Уфа (Россия)	В рамках принятой Стратегии экономического партнерства БРИКС создана Платформа БРИКС для обмена экономической информацией, ускорения инновационного экономического развития, основанного на развитии новейших технологий и навыков, экономики знаний, наращивания взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС; к приоритетным направлениям реализации Стратегии отнесены, в т.ч. наука, технологии и инновации
VIII саммит БРИКС	16 октября 2016 г., г. Гоа (Индия)	Рассмотрены механизмы расширения взаимодействия в сфере цифровой экономики; подписан Меморандум о взаимопонимании по созданию Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС, способствующий наращиванию потенциала в сельскохозяйственной сфере на основе технологий и инноваций, включая технологии для мелких фермерских хозяйств стран БРИКС
IX саммит БРИКС	4 сентября 2017 г., г. Сямэнь (Китай)	Подписан Меморандум о взаимопонимании стран БРИКС по вопросу сотрудничества в сфере научно-технических исследований и взаимодействия в области инноваций и предпринимательства; разработан План действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на период 2017-2020 гг.
X саммит БРИКС	26 июля 2018 г., г. Йоханнесбург (ЮАР)	Подписан Меморандум о взаимопонимании в области совместных исследований по вопросам распределенного реестра и технологий «блокчейн» в контексте развития цифровой экономики
№ саммита	Дата, место проведения (страна)	Результаты

[1]金砖国家成员国外交部联合网站 [Совместный сайт министерств иностранных дел государств-участников БРИКС]. – https://infobrics.org/ru/; Официальный сайт Президента Российской Федерации. – http://kremlin.ru/; Национальный комитет по исследованию БРИКС; саммиты и документы. – http://nkibrics.ru/pages/summit-docs.

Продолжение табл. 6

№ саммита	Дата, место проведения (страна)	Результаты
XI саммит БРИКС	14 ноября 2019 г., г. Бразилиа (Бразилия)	Принята «Декларация Кампинаса» – Совместное заявление по итогам VII Встречи министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС; утвержден рамочный документ, регламентирующий деятельность Сети инновационных исследований БРИКС; принят документ о Новой архитектуре БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций
XII саммит БРИКС	17 ноября 2020 г., г. Москва (Россия)	Китаем инициировано создание инновационного центра Партнерства стран БРИКС по вопросам новой промышленной революции
XIII саммит БРИКС	9 сентября 2021 г., г. Нью Дели (Индия)	Утвержден План действий в сфере инновационного сотрудничества на 2021-2024 гг.
XIV саммит БРИКС	23 июня 2022 г., г. Пекин (Китай)	Стартовала Инициатива БРИКС по сотрудничеству в области цифровизации промышленности; принят регламент Целевой рабочей группы БРИКС по вопросам цифровизации, направленный на сотрудничество в области НИОКР и применения новых и новейших технологий; подведены промежуточные итоги работы Управляющего комитета БРИКС в области науки, технологий и инноваций (НТИ) – по продвижению ведущих проектов, направленных на поиск эффективных НТИ-решений глобальных проблем, продолжена работа по формированию полицентричной Сети БРИКС в области передачи технологий, Инновационной сети iBRICS, проектов совместных исследований, включая флагманские проекты
XV саммит БРИКС	24 августа 2023 г., г. Йоханнесбург (ЮАР)	Оказана поддержка реализации таких инициатив, как Сеть БРИКС по передаче технологий (Центры передачи технологий БРИКС) и Сеть iBRICS (специализированная инновационная сеть БРИКС); оказана поддержка Рабочей группе БРИКС по вопросам партнерства в области науки, технологий и инновационного предпринимательства (поддержка Учебно-инкубационной сети БРИКС, Программы обучения в сфере передачи технологий БРИКС и Форума стартапов БРИКС); отмечена успешная реализация пилотных проектов спутниковой группировки БРИКС; начата практическая деятельность Альянса БРИКС в области сотрудничества в сфере технического и профессионального образования и подготовки (ТПОП) и, в частности – интеграции ТПОП и промышленности
XVI саммит БРИКС	23 октября 2024 г., г. Казань (Россия)	Одобрен Протокол к Меморандуму о взаимопонимании в области сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций (НТИ) стран БРИКС; создана Рабочая группа БРИКС по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук; одобрено Положение о Рамочной программе БРИКС в области НТИ; поддержаны инициативы, направленные на исследование возможностей создания наукометрических систем и баз данных в области НТИ в странах БРИКС; инициировано создание инкубаторов и стартапов в целях стимулирования инноваций и развития технологий в соответствии с Рамочной программой БРИКС в сфере НТИ; поддержана инициатива России о создании под эгидой Делового совета БРИКС новой технологической платформы, призванной содействовать развитию сотрудничества между странами БРИКС в сфере технологий и инноваций

Окончание табл. 6

№ саммита	Дата, место проведения (страна)	Результаты
XVII саммит БРИКС	6 июля 2025 г., г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)	Согласовано заявление лидеров БРИКС по глобальному управлению искусственным интеллектом (ИИ); принят Регламент Рабочей группы по интеллектуальному производству и робототехнике; принят Регламент Рабочей группы по цифровой трансформации промышленности; начал работу Центр промышленных компетенций стран БРИКС в сотрудничестве с ООН по промышленному развитию и формированию навыков, необходимых для повышения производительности в условиях Новой промышленной революции; создан Китайский центр промышленных компетенций БРИКС; поддержана инициатива Индии в организации Сессии по наращиванию потенциала в области цифровой трансформации в БРИКС; одобрен Инновационный план действий на 2025–2030 гг.

Ориентиры и перспективы инновационного развития стран-участниц БРИКС (выводы)

Проведенные исследования позволяют констатировать следующее: несмотря на принимаемые решения по развитию сотрудничества между странами-участницами БРИКС, включая инновационное, уровень такого развития остается не одинаковым и у некоторых стран снижается.

Безусловное лидерство Китая среди остальных стран-участниц БРИКС стимулирует правительство этой страны в контексте соперничества с США бороться за пальму первенства в геополитическом пространстве. В итоговом коммюнике состоявшегося в конце октября 2025 г. IV пленума ЦК КПК XX созыва определено, что Китай во главу угла ставит инновационное развитие и укрепление национального технологического суверенитета [1]. Отдельные западные эксперты отмечают, что такой курс правительства Китая направлен на «научно-техническую самостоятельность и избавление страны от зависимости американских технологий»[2], защиту своей экономики и её «продвижение в условиях геополитического шторма» путем проведения «новой мировой технологической революции» [3].

Очевидно, что другие страны-участницы БРИКС таких (глобальных и амбициозных) задач в области инновационного развития перед собой не ставят. В этом контексте несмотря на заключенные в ходе саммитов договоренности и принятые документы рассчитывать на безвозмездную помощь от Китая и на то, что эта страна будет делиться своими современными научными разработками в ущерб собственной экономике и национальным интересам не приходится.

Необходимо нахождение взаимовыгодного и равного, насколько это возможно, партнерства между странами-участницами БРИКС в рамках выработанных в ходе саммитов решений и заключенных договоров. Барометром такого партнерства может быть постепенное повышение рейтинга стран-участниц БРИКС в «Глобальном индексе инноваций», который, к сожалению, несмотря на принимаемые на саммитах БРИКС решений, у отдельных стран снижается за последние три года.

Обращая внимание на индикаторы, влияющие на «Глобальный индекс инноваций», взаимовыгодное партнерство в области инновационного сотрудничества может проявляться в использовании сильных сторон одной страны для нивелирования слабых сторон другой. Безусловно, не все индикаторы могут быть применены при этом. Такие, как «стабильность ведения бизнеса», «эффективность государственного управления», «расходы на образование», «нормативно-правовое качество» и «верховенство права» можно отнести к группе индикаторов, не поддающихся

[1] Китай: пять стихий XV пятилетки. – https://russian.cgtn.com/news/2025-10-27/1982689365237866497/index.html .

[2] Приоритет Китая: технологическое превосходство, а не более высокий уровень жизни. – https://t.me/daokedao/41398.

[3] China doubles down on innovation course - Key takeaways from the Fourth Plenum. – https://merics.org/en/press-release/china-doubles-down-innovation-course-key-takeaways-fourth-plenum.

ни каким договоренностям в рамках БРИКС, и являющихся показателями эффективности государственного управления и нормативно-правового регулирования в отдельно взятой стране. Иные же могут быть улучшены при взаимовыгодной кооперации между странами-участницами БРИКС в рамках достигнутых на саммитах договоренностей и принимаемых документов.

Список литературы

1. *Додонов, О.В.* Парадигма инновационного развития сферы физической культуры и спорта Республики Беларусь // Известия Национальной академии наук Беларуси. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 151–159.
2. *Герасимов, В.И., Коданева, С.И.* Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Т. 5, № 1. – С. 204–229.
3. *Дудина, Е.Э.* Перспективы научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй международной научно-практической конференции (5–7 июня 2024 года): в 2-х ч. Ч. 1 / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. – Москва: Издательский дом УМЦ, 2024. – С. 479–482.
4. *Сливицкий, А.Б.* Глобальные тренды и приоритеты научно-технологического и инновационного развития и сотрудничества стран БРИКС // Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС. Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 208–218.

Дудина К.Э.
к.э.н., ведущий инженер ООО «Микротензор»
du.kr@yandex.ru

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЯ БРИКС: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Ключевые слова: БРИКС, международное партнерство, инновационное развитие, научно-технологическое взаимодействие, приоритеты сотрудничества.

Key words: BRICS, international partnership, innovative development, scientific and technological cooperation, priorities for cooperation.

В современном мире, характеризующемся стремительными технологическими прорывами и комплексными глобальными вызовами, особое значение приобретает международное сотрудничество. В этом контексте научно-технологическая синергия стран БРИКС является ключевым вектором развития, формируя мощный экономический и демографический блок, эти страны обладают научно-техническим потенциалом, который может стать катализатором инновационного развития как на уровне самого объединения, так и на глобальном уровне.

Научно-технологическая синергия БРИКС – это процесс скоординированного взаимодействия, обмена знаниями, технологиями, передовым опытом и ресурсами между научно-исследовательскими, образовательными и промышленными организациями стран-участниц, направленный на достижение общих целей и решение актуальных задач.

Ключевые цели и задачи такого взаимодействия представлены на рис. 1 и 2.

Для достижения поставленных целей в рамках БРИКС сформированы следующие механизмы:

- Рамочная программа инновационного сотрудничества БРИКС – стратегический документ, определяющий основные направления и приоритеты научно-технологического взаимодействия.
- Совместные научно исследовательские программы и гранты – финансирование коллаборативных проектов через специальные фонды и программы.

- Платформы трансфера технологий – цифровые платформы для обмена технологиями, патентами и лучшими практиками.
- Программы научной мобильности – обмен исследователями, студентами и специалистами между странами участницами.
- Инновационные кластеры и технопарки – создание физических пространств для взаимодействия учёных, предпринимателей и инвесторов.
- Регулярные саммиты и рабочие группы – встречи на высоком уровне для координации стратегий и мониторинга прогресса.
- Новый банк развития (НБР) БРИКС – финансирование инфраструктурных и инновационных проектов, поддержка стартапов и технологических компаний.

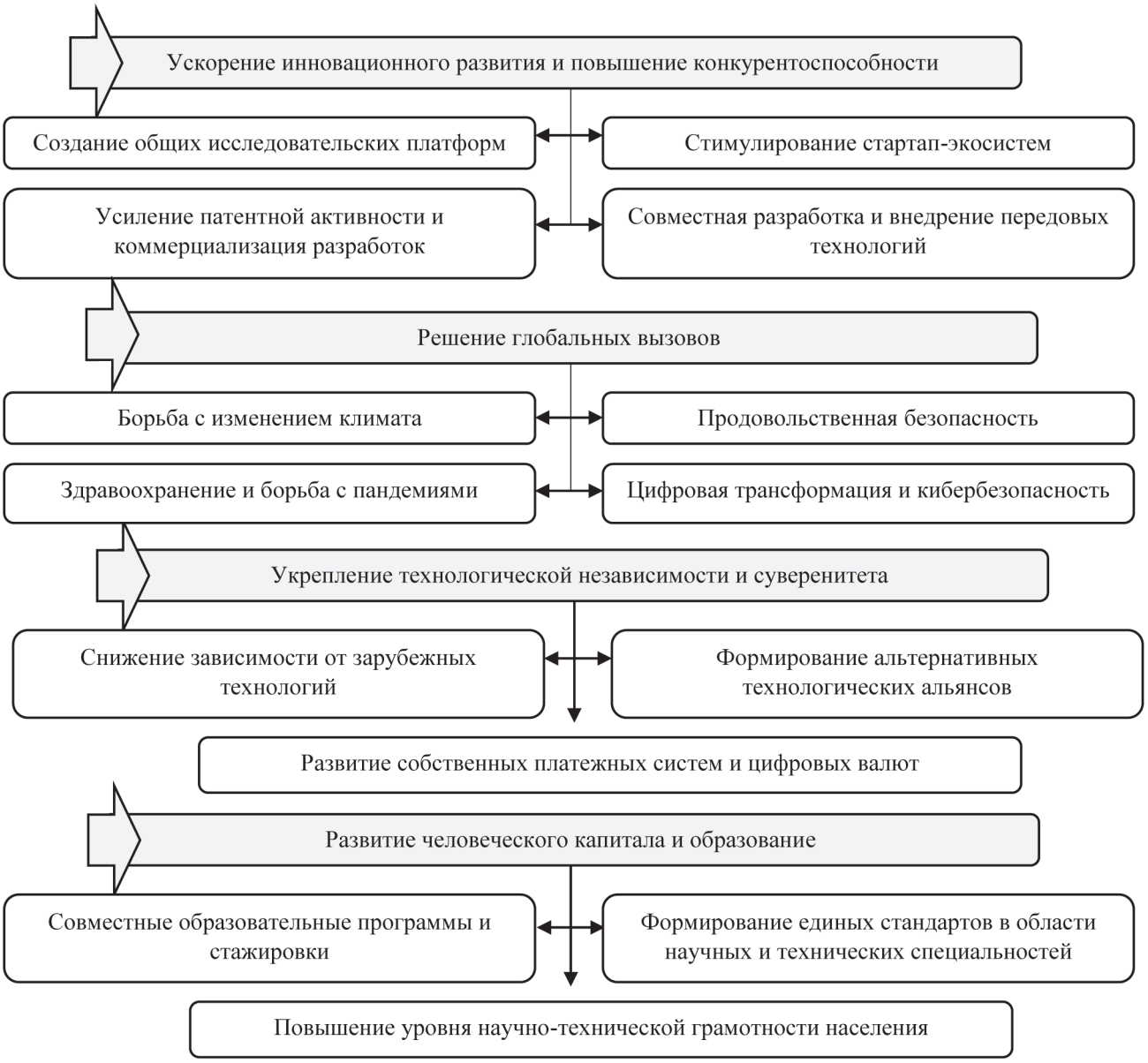

Рис. 1. Основные цели научно-технологической синергии БРИКС

Особое значение в рамках научно-технологической синергии БРИКС имеют совместные научно-исследовательские программы и гранты, которые обеспечивают прямую финансовую поддержку перспективных проектов. Они позволяют объединить ресурсы и экспертизу разных стран, ускоряя процесс разработки и внедрения инноваций.

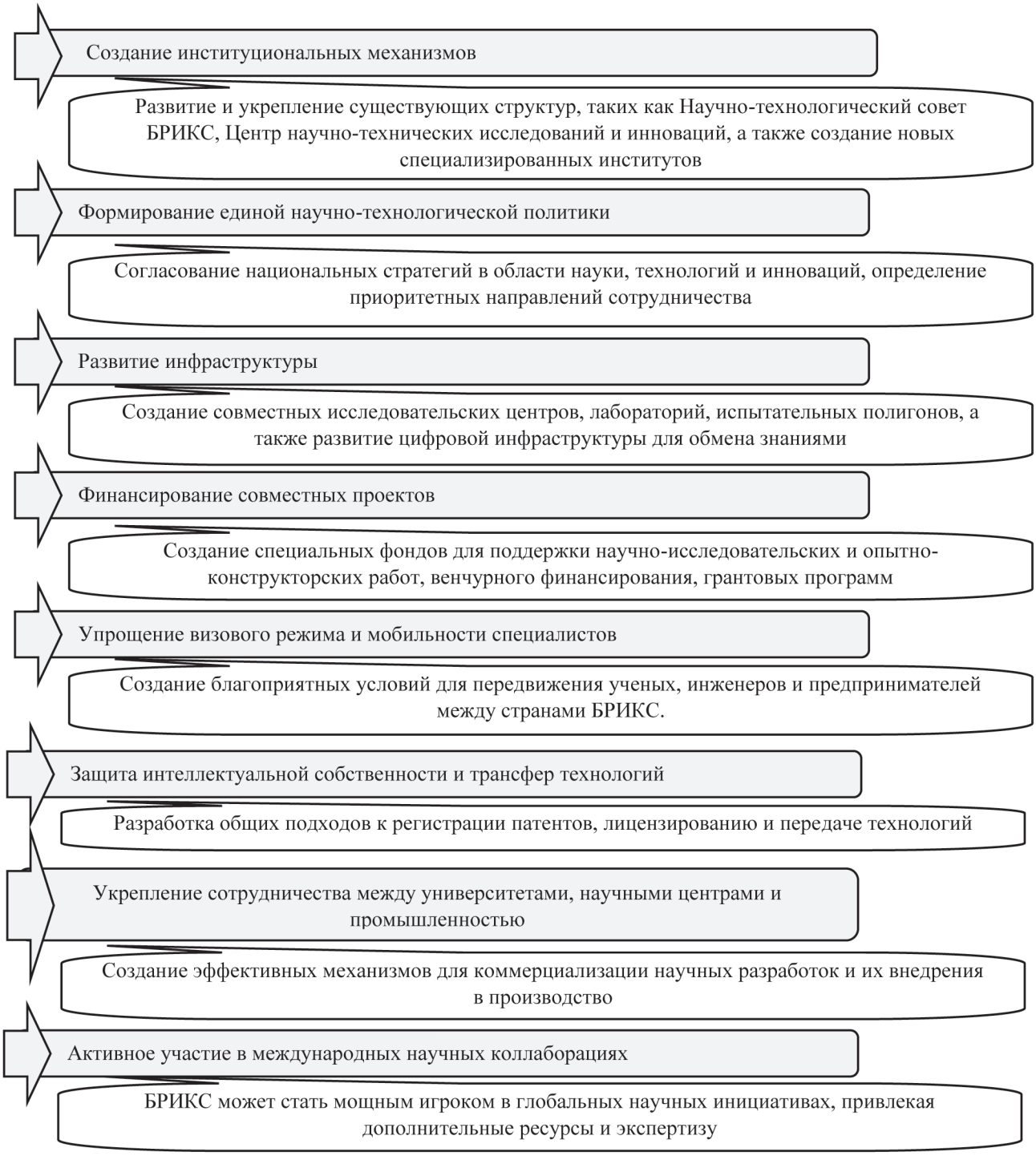

Рис. 2. Задачи научно-технологической синергии БРИКС

Так, в большинстве стран БРИКС ежегодные расходы на исследования и разработки остаются в диапазоне 0,2-1,5% ВВП против 3,2-6,4% в экономиках других стран. Согласно исследованию, потенциал расширения рынка финансирования технологического развития (на этапах исследований, разработок и венчурных инвестиций) в странах БРИКС оценивается в 406 млрд долларов в год [2].

В табл. 1 приведены основные финансируемые программы, реализуемые в России в 2024-2026 гг. в рамках научно-технологической синергии БРИКС. Эти программы являются конкретными инструментами поддержки международного сотрудничества и дают представление о масштабах вовлечённости российских организаций в совместные проекты с партнёрами из стран БРИКС.

Таблица 1

Основне финансируемые программы, реализуемые в России в 2024-2026 г. в рамках научно-технологической синергия БРИКС

№ п/п	Организатор	Наименование конкурсного отбора/программы	Цель
1	Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» (2025 г.)	Международный конкурс «БРИКС» (очередь 1) в рамках программы «Интернационализация» (в рамках федерального проекта «Технологии»)	Поддержка российских предприятий, выполняющих перспективные разработки и имеющих зарубежных партнеров в странах БРИКС, за счет взаимодействия с которыми возможно повысить конкурентоспособность своей продукции и коммерциализировать результаты научно-технической деятельности, а также вывести свою и/или совместно разработанную продукцию на зарубежные рынки
2	Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (2026 г.)	Конкурсный отбор на предоставление грантов в области науки в форме субсидий из федерального бюджета на обеспечение проведения научных исследований российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с организациями стран БРИКС в рамках обеспечения реализации программы двух-и многостороннего научно-технологического взаимодействия	Отбор на проведение международных научных исследований при выполнении флагманских проектов совместно с организациями стран БРИКС. Субсидии предоставляются российским научным организациям и (или) образовательным организациям высшего образования (за исключением казенных учреждений) по результатам отбора в целях обеспечения проведения российскими научными организациями и (или) образовательными организациями высшего образования совместно с иностранными организациями научных исследований в рамках обеспечения реализации программы дву- и многостороннего научно-технологического взаимодействия
3	Агентство стратегических инициатив (АСИ) совместно с Платформой НТИ и Торгово-промышленной палатой РФ (2024 г.)	Конкурс лучших технологических решений и практик стран БРИКС в различных сферах BRICS Solutions Awards.	Развитие системы независимого и многополярного сотрудничества через создание, совершенствование и внедрение новых технологий, отвечающих потребностям и интересам стран БРИКС. Выявление и поддержка лучших технологических решений и практик
4	Российский научный фонд (РНФ) (2024 г.)	Совместные международные исследовательские проекты с учёными из стран БРИКС	Финансирование междисциплинарных исследований по приоритетным направлениям научно-технологического развития с участием научных коллективов из стран БРИКС
5	Министерство промышленности и торговли РФ (2025 г.)	Программа поддержки совместных высокотехнологичных производств со странами БРИКС	Стимулирование создания совместных предприятий и локализация высокотехнологичных производств на территории стран БРИКС
6	Фонд «Сколково» (2024-2025 гг.)	Акселерационная программа для стартапов БРИКС	Поддержка стартапов из стран БРИКС на этапе масштабирования, предоставление доступа к инфраструктуре, экспертизе и инвесторам
7	Российская академия наук (РАН) (2025 г.)	Гранты на совместные научные экспедиции и полевые исследования со странами БРИКС	Организация совместных экспедиций и полевых исследований в области экологии, геологии, океанологии и других наук

На основе текущих тенденций и взаимных интересов можно выделить следующие приоритетные направления научно-технологического сотрудничества в рамках БРИКС:

- Цифровые технологии и искусственный интеллект: совместная разработка алгоритмов ИИ, инструментов анализа больших данных и цифровой инфраструктуры. Пример: создание единой платформы для обмена данными дистанционного зондирования Земли между странами БРИКС для решения задач сельского хозяйства и экологии.
- Зелёная энергетика и устойчивое развитие: исследования и внедрение возобновляемых источников энергии, технологий энергоэффективности и решений по сокращению углеродного следа. В качестве примера может привести совместный проект по разработке солнечных панелей нового поколения с участием научных организаций России и Индии.
- Биотехнологии и здравоохранение: сотрудничество в области фармацевтики, разработки медицинского оборудования, реагирования на пандемии и персонализированной медицины. Пример: программа совместных клинических испытаний вакцин с участием исследовательских центров Бразилии и ЮАР.
- Космические исследования и спутниковые технологии: совместные космические миссии, дистанционное зондирование Земли и навигационные системы. Пример: проект по созданию совместной группировки спутников для мониторинга климатических изменений.
- Передовые материалы и нанотехнологии: разработка новых материалов с уникальными свойствами для промышленного и потребительского применения. Пример: совместная лаборатория по созданию композитных материалов для авиастроения с участием российских и китайских учёных.
- Инновации в сельском хозяйстве: создание высокоурожайных сортов сельскохозяйственных культур, технологий точного земледелия и устойчивых агропрактик. Пример: обмен генетическими ресурсами и технологиями ирригации между странами БРИКС для повышения продовольственной безопасности.
- Кибербезопасность: разработка совместных решений для защиты критической инфраструктуры и данных. Пример: создание центра кибербезопасности БРИКС для противодействия киберугрозам и обмена опытом в сфере защиты данных.
- Робототехника и автоматизация: создание промышленных и сервисных роботов, автоматизированных систем управления. Пример: совместные разработки в области робототехники для горнодобывающей промышленности с участием ЮАР и России.

Несмотря на значительный потенциал, в отношении полномасштабной реализации научно-технологической синергии БРИКС существует ряд ограничений (рис. 3).

Рис. 3. Вызовы и ограничения научно-технологической синергии БРИКС и предлагаемые решения

Перспективы научно-технологической синергии БРИКС связаны с углублением интеграции в приоритетных направлениях; расширением круга участников за счёт ассоциированных членов и партнёров; развитием цифровых инструментов совместной работы; усилением роли молодёжных научных инициатив и студенческих обменов; а также созданием совместных исследовательских центров и лабораторий.

Научно-технологическая синергия в рамках БРИКС предоставляет стратегическую возможность для стран-участниц усилить свои инновационные возможности и коллективно решать глобальные проблемы. Сосредоточившись на приоритетных направлениях, используя существующие механизмы и преодолевая текущие препятствия, БРИКС может создать устойчивую и эффективную инновационную экосистему. Такая экосистема не только принесёт пользу странам-участницам, но и внесёт вклад в глобальный прогресс и устойчивое развитие. Дальнейшее укрепление этой синергии имеет решающее значение для формирования более справедливого и технологически продвинутого будущего мироустройства.

Список литературы

1. Научно-технологическое сотрудничество стран-членов БРИКС, подходы к расширению содружества с учетом национальных и наднациональных интересов / Е.В. Ситников, В.Ф. Вакуленко, Н.И. Гавриленко, Д.С. Лопаткин, Т.Н. Шушунова // Инновации. – 2022. – № 3 (281). – С. 3–11.
2. Страны БРИКС имеют значительный потенциал объединения в части технологического суверенитета. – https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40341&ysclid=moshyy7j17374761533.

Еловская М.А.
к.э.н., доцент, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск
Maria_bars@mail.ru

ЦИФРОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ПЛАТФОРМЕННЫЙ ПОДХОД И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: БРИКС, цифровое сотрудничество, технологический суверенитет, платформенная экономика, цифровая инфраструктура, трансграничные сервисы, региональное развитие.

Введение

Формирование нового миропорядка в условиях геополитической фрагментации и возрастающей конкуренции между центрами силы актуализирует поиск эффективных форм межгосударственного взаимодействия. БРИКС, объединяющий более 40% населения мира и около 30% глобального ВВП, является одним из ключевых игроков в этом процессе [4]. В рамках саммитов и рабочих групп БРИКС последовательно развиваются направления сотрудничества, среди которых цифровая экономика, инновации и технологический суверенитет занимают приоритетное место [3, 11].

Как отмечается в исследованиях, цифровая трансформация становится не только инструментом повышения эффективности национальных экономик, но и важнейшим ресурсом укрепления суверенитета государств в условиях санкционного давления и технологических ограничений [1, 12]. Для стран БРИКС, каждая из которых обладает собственной стратегией цифрового

развития, формирование согласованных подходов к цифровому сотрудничеству приобретает стратегическое значение [5].

Цель статьи – выявить ключевые направления и механизмы цифрового сотрудничества стран БРИКС, обеспечивающие технологический суверенитет, и предложить модель платформенного взаимодействия, адаптированную к региональным условиям.

Методика исследования

В статье использованы системный анализ стратегических документов БРИКС и национальных программ цифрового развития стран-участниц [3, 10]; компаративный анализ подходов к обеспечению технологического суверенитета в государствах БРИКС [1, 12]; метод моделирования для построения платформенной структуры взаимодействия; методика оценки готовности регионов к участию в цифровых проектах, включающая пять блоков показателей (цифровая инфраструктура, кадровый потенциал, нормативно-правовая база, инвестиционная активность, интеграционные связи) [8, 9]; статистический анализ данных о развитии цифровой экономики в субъектах РФ [10]. Апробация методики проведена на основе данных по Новосибирской области и другим регионам Сибирского федерального округа за 2023–2025 гг.

Результаты

Анализ итоговых документов саммитов БРИКС (Йоханнесбург-2023, Казань-2024) и стратегий цифрового развития государств-участников позволяет выделить три ключевых направления цифрового сотрудничества:

- Инфраструктурное – создание трансграничных цифровых коридоров, развитие спутниковой связи, обеспечение доступа к широкополосному Интернету [4, 11].
- Нормативно-правовое – гармонизация подходов к регулированию цифровых платформ, защите персональных данных, кибербезопасности [1, 12].
- Проектное – реализация совместных инициатив в области искусственного интеллекта, больших данных, электронного правительства, умных городов [5, 6].

Таблица 1

Приоритетные направления цифрового сотрудничества стран БРИКС

Направление	Ключевые инициативы	Участники	Статус реализации
Цифровая инфраструктура	Спутниковая группировка БРИКС, трансграничные ЦОД	Россия, Китай, Индия	Пилотные проекты
Кибербезопасность	Соглашение о сотрудничестве в сфере ИБ	Все члены БРИКС	Рамочное соглашение
Искусственный интеллект	Сеть исследовательских центров ИИ	Все члены БРИКС	Формируется
Электронное правительство	Обмен опытом, стандартизация госуслуг	Все члены БРИКС	Информационный обмен
Умные города	Платформа обмена лучшими практиками	Все члены БРИКС	Действует

Источник: составлено автором на основе [4, 11]

В контексте БРИКС технологический суверенитет рассматривается как способность государств самостоятельно определять траекторию технологического развития, обеспечивать независимость критической информационной инфраструктуры и защиту цифровых прав граждан [1, 12].

Анализ показывает, что страны БРИКС демонстрируют различные модели достижения технологического суверенитета.

В России основным приоритетом является опора на импортозамещение и развитие отечественного программного обеспечения, в том числе создание национальной системы маркировки и прослеживаемости товаров [9].

Китай делает ставку на стратегию технологического лидерства, концентрируя инвестиции в ключевых направлениях, таких как искусственный интеллект и квантовые технологии [5].

Индия делает акцент на развитие собственной цифровой инфраструктуры, включая биометрическую систему и платежную платформу UPI, а также на поддержку технологических стартапов [11].

Бразилия фокусируется на повышении цифровой инклюзии и развитии государственных технологических решений.

Южно-Африканская Республика уделяет особое внимание созданию центров обработки данных и развитию облачных сервисов как базовых элементов цифровой экономики [1, 11].

Таким образом, национальные стратегии цифрового развития России, Китая, Индии, Бразилии и Южно-Африканской Республики, хотя и различаются по акцентам – от импортозамещения и прослеживаемости (Россия) до технологического лидерства (Китай), от цифровой инфраструктуры и стартапов (Индия) до цифровой инклюзии (Бразилия) и центров обработки данных (ЮАР), – вместе формируют разнонаправленный, но взаимодополняемый цифровой ландшафт объединения.

Участие регионов в цифровых проектах БРИКС требует наличия определенного уровня цифровой зрелости. Поэтому для эффективного сотрудничества нами предлагается модель платформенного взаимодействия стран БРИКС, включающая три уровня (рис. 1).

Так же для количественной оценки предложена методика, включающая пять блоков показателей.

Первый блок – цифровая инфраструктура – оценивает доступность широкополосного Интернета, наличие центров обработки данных и уровень развития сетей связи. *Второй блок* – кадровый потенциал – включает долю специалистов в сфере ИКТ и уровень цифровой грамотности населения. *Третий блок* – нормативно-правовая база – отражает наличие региональных стратегий цифровизации и мер поддержки IT-сектора. *Четвертый блок* – инвестиционная активность – характеризуется объемом инвестиций в цифровые проекты и участием в федеральных программах. Пятый блок – интеграционные связи – учитывает наличие международных партнерств и участие в пилотных проектах [8, 9].

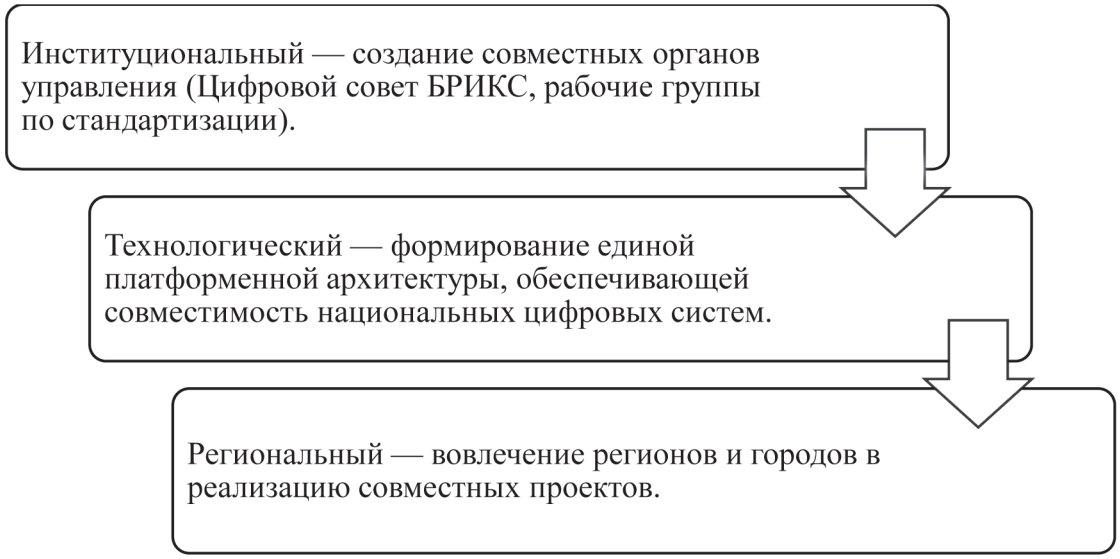

Рис. 1. Модель платформенного взаимодействия стран БРИКС

На основе выделенных блоков показателей был сформирован интегральный индекс готовности регионов к участию в цифровых проектах БРИКС, рассчитываемый как средневзвешенное значение нормированных оценок по каждому из пяти направлений. Весовые коэффициенты определялись экспертным путем с учетом приоритетности каждого блока для успешной интеграции в международное цифровое сотрудрудничество. Применение данной методики на примере регионов Сибирского федерального округа позволило выявить существенную дифференциацию в уровне цифровой зрелости [9]. Наибольшие значения интегрального индекса продемонстрировали Новосибирская и Томская области, что объясняется высокой концентрацией

научно-образовательных центров, развитой телекоммуникационной инфраструктурой и наличием действующих международных партнерств в сфере высоких технологий. В то же время ряд регионов, обладающих значительным ресурсным потенциалом, характеризуется низким уровнем цифровизации, что ограничивает их возможности по участию в совместных проектах стран БРИКС [8].

Проведенный анализ позволил выявить ключевые барьеры, препятствующие развитию цифрового сотрудничества стран БРИКС. К технологическим барьерам относится несовместимость национальных цифровых платформ и различия в технических стандартах, что затрудняет интеграцию информационных систем государств-участников [5]. Нормативно-правовые барьеры связаны с отсутствием единых подходов к регулированию трансграничного оборота данных, защите интеллектуальной собственности и юрисдикции при разрешении споров в цифровой среде [1, 12]. Кадровые ограничения обусловлены дефицитом специалистов, обладающих одновременно глубокими технологическими компетенциями и опытом работы в межкультурной среде [2]. Инфраструктурные барьеры проявляются в неравномерности развития цифровой инфраструктуры как между странами БРИКС, так и внутри них, что создает «цифровые разрывы» различного уровня [9]. Геополитические факторы, включая санкционные ограничения, препятствуют трансферу технологий и доступу к отдельным видам критического оборудования и программного обеспечения [6, 7].

Для преодоления выявленных барьеров предложен комплекс взаимосвязанных механизмов.

В институциональной плоскости предлагается формирование единой нормативно-правовой базы цифрового сотрудничества, включая разработку модельных законов в сфере цифровой экономики, гармонизацию подходов к защите персональных данных и создание механизмов взаимного признания электронных подписей [1, 12]. Технологический блок механизмов предполагает создание совместных платформенных решений с использованием открытых интерфейсов программирования приложений (API), обеспечивающих интеграцию национальных цифровых систем без ущерба для технологического суверенитета каждой страны [5]. В кадровой сфере предлагается развитие сетевых форм подготовки специалистов через создание консорциумов университетов стран БРИКС, организацию совместных образовательных программ и академических обменов [2].

Особое значение придается запуску пилотных проектов в регионах с высоким уровнем цифровой зрелости, что позволит апробировать модели сотрудничества в ограниченном масштабе перед их масштабированием [8]. Финансовое обеспечение предлагаемых механизмов может быть реализовано через создание специализированного фонда цифрового развития БРИКС, аккумулирующего ресурсы государств-участников и институциональных партнеров для софинансирования совместных проектов [11].

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать выводы о перспективах цифрового сотрудничества стран БРИКС.

Во-первых, цифровое сотрудничество является стратегическим ресурсом обеспечения технологического суверенитета государств-участников в условиях глобальной геополитической турбулентности [1, 12]. Формирование единой платформенной инфраструктуры создает условия для снижения зависимости от западных технологических решений и формирует альтернативные каналы цифрового взаимодействия [4, 11].

Во-вторых, предложенная трехуровневая модель платформенного взаимодействия (институциональный, технологический и региональный уровни) создает системную основу для интеграции национальных цифровых стратегий [5]. Особую значимость приобретает вовлечение регионов с высоким уровнем цифровой зрелости в реализацию совместных проектов, что позволяет использовать их как пилотные площадки и точки роста [8, 9].

В-третьих, разработанная методика оценки готовности регионов к участию в цифровых проектах БРИКС может быть использована для идентификации территорий-локомотивов и обоснования приоритетов инвестиционной политики в сфере цифровой инфраструктуры [10].

Заключение

Цифровое сотрудничество стран БРИКС, рассматриваемое в единстве институциональных, технологических и региональных аспектов, является ключевым фактором обеспечения

технологического суверенитета и устойчивого развития экономик государств-участниц [5, 12]. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности использования предложенных подходов органами государственной власти, региональными администрациями и бизнес-структурами для формирования стратегий участия в цифровом сотрудничестве, а также для обоснования инвестиционных приоритетов в сфере развития цифровой инфраструктуры [8, 9].

Список литературы

1. *Авдийский В.И., Иванов А.В.* Особенности влияния деструктивных событий цифрового пространства на экономическую безопасность в условиях цифрового суверенитета государства // Развитие и безопасность. – 2024. – № 3 (23). – С. 4-25.
2. *Боркова Е.А.* Цифровая трансформация управления бизнес-процессами в современных условиях // Социально-экономические предпосылки и результаты развития новых технологий в современной экономике. Материалы IV Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2022. – С. 17-20.
3. *Ватлина Л.В., Плотников В.А.* Цифровизация и инновационное развитие экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 1 (139). – С. 106-113.
4. Декларация XVI саммита БРИКС. Казань, 2024 // Официальный сайт председательства РФ в БРИКС. – https://brics-russia2024.ru
5. *Демура Н.А.* Инновации, цифровая трансформация и экономическое развитие: основные категории, подходы к исследованию, взаимосвязь и взаимозависимость // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2025. – № 1 (110). – С. 147-155.
6. *Еловская М.А.* Использование искусственного интеллекта в обеспечении экономической безопасности // Цифровые технологии: модели управления и экономическая эффективность. – СПб., 2025. – С. 90-96.
7. *Еловская М.А.* Кибербезопасность и защита данных: вызовы цифрового мира // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. – 2025. – Т. 13, № 1 (68). – С. 117-127.
8. *Кислая Т.Н., Щербакова Е.В.* Социально-экономическое развитие экономики региона на основе инноваций в системе обеспечения экономической безопасности // Мир экономики и управления. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 93-105.
9. Отчет о ходе реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» за 2024 год // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. – https://digital.gov.ru
10. Росстат. Цифровая экономика. Статистический сборник. 2025 // Федеральная служба государственной статистики. – https://rosstat.gov.ru
11. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. // Информационно-аналитический портал БРИКС. – https://infobrics.org
12. *Фадеева И.А.* Цифровая экономика и цифровой суверенитет: вызовы и угрозы экономической безопасности государства // Глобальная экономика и национальная безопасность. – 2023. – № 1. – С. 30-33.

Захарова С.В.
к.э.н., доцент Кафедры таможенного дела и товароведения,
Саратовский государственный технический университет

АНАЛИЗ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС+

Ключевые слова: внешняя торговля, импорт, экспорт, товарная структура внешней торговли, географические потоки, ЮНКТАД, ВТО, макроэкономические показатели.
Key words: foreign trade, import, export, commodity structure of foreign trade, geographical flows, UNCTAD, WTO, macroeconomic indicators.

Развитие интеграции, сотрудничества (экономического, политического, социального, культурного и др.), взаимодействия между странами в современных условиях – это одно из необходимых условий, которые лежат в основе торговой политики. Сегодня недостаточно говорить только о ресурсном потенциале, специализации государств в мировой экономике, нынешние реалии подчеркивают значимость совместных проектов. И страны БРИКС+ – не исключение.

Вопросы экономического, социального, технологического, инновационного, культурного, миграционного и иных направлений являются важными аспектами в повестках саммитов и итоговых докладов стран БРИКС. При этом немаловажным аспектом является торговый потенциал.

Для характеристики торговых показателей в мире используются данные Всемирной торговой организации, Всемирного Банка, ЮНКТАД, Международного торгового центра – ITC. Не все порталы, представляющие информацию торгового характера, отражают актуальные данные. Для отражения показателей мирового экспорта и мирового импорта государств, образующих БРИКС+, обратимся к статистическому порталу Всемирной торговой организации (табл. 1).

Таблица 1

Показатели мирового экспорта и мирового импорта БРИКС +, 2023-2024 гг.[1]

Страна	Экспорт				Импорт			
	млн долл. США	% в мире	млн долл. США	% в мире	млн долл. США	% в мире	млн долл. США	% в мире
	2024		2023		2024		2023	
Бразилия	337,0	1,4	339,7	1,4	278,0	1,1	252,7	1,0
Россия	433,1	1,8	424,7	1,8	300,1	1,2	303,1	1,2
Индия	442,8	1,8	431,6	1,8	718,3	2,9	673,9	2,8
Китай	3576,7	14,6	3379,0	14,1	2584,9	10,4	2557,0	10,5
ЮАР	110,1	0,5	110,6	0,5	123,5	0,5	130,7	0,5
Иран	112,6	0,5	97,6	0,4	69,4	0,3	65,8	0,3
Индонезия	264,7	1,1	258,6	1,1	233,7	0,9	221,9	0,9
Египет	42,2	0,2	42,1	0,2	86,0	0,3	83,2	0,3
ОАЭ	603,6	2,5	570,2	2,4	543,9	2,2	470,5	1,9
Эфиопия	4,5	0,02	3,5	0,01	21,5	0,1	17,1	0,1
Мир	24456,3	100	23885,6	100	24782,7	100	24278,3	100

Согласно данным табл. 1 мировой объём экспорта в 2024 году увеличился на 2,3% по сравнению с 2023 годом. Из обновленного состава БРИКС+ лидерами в мировом экспорте (по доли) в 2024 году были Китай, ОАЭ и с идентичными долями Россия и Индия.

Мировой импорт по итогам 2024 года увеличился по сравнению с 2023 годом на 2,1%. Из нового состава БРИКС+ к лидерам следует отнести Китай, Индию и ОАЭ.

Далее рассмотрим показатели внешней торговли государств БРИКС+, согласно данным Всемирного Банка. Так как данная международная экономическая организация представляет со-

[1] Таблица составлена автором по данным ВТО. – https://stats.wto.org/dashboard/merchandise_en.html.

вокупные данные по экспорту и импорту товаров и услуг, то сведения будут отражены в отношении данного параметра.

Для удобства восприятия статистических данных, считаем целесообразно представить их по каждой стране отдельно (табл. 2).

На основе представленных данных отметим, что по позиции Всемирного банка лидерами в области экспортного и импортного направления за 2024 год были – Китай, Индия и Россия. В отношении недавно присоединившихся государств – Эфиопии и ОАЭ – данные отсутствуют.

Таблица 2

Показатели внешней торговли стран БРИКС+, 2020-2024 гг.[1]

Период	Экспорт товаров и услуг, млрд долл. США	Экспорт товаров и услуг, % от ВВП	Импорт товаров и услуг, млрд долл. США	Импорт товаров и услуг, % от ВВП
Бразилия				
2020	242,9	16,5	233,9	15,8
2021	319,3	19,1	309,9	18,5
2022	383,2	19,6	374,5	19,2
2023	393,7	18,0	343,9	15,7
2024	392,6	18,0	381,8	17,5
Китай				
2020	2729,9	18,2	2374,7	15,8
2021	3554,1	19,5	3093,2	17,0
2022	3717,9	20,3	3140,0	17,1
2023	3490,1	19,1	3106,5	17,0
2024	3753,1	20,2	3219,3	17,2
Египет				
2020	47,9	12,5	75,4	19,7
2021	44,9	10,6	81,9	19,3
2022	71,9	15,1	104,4	21,9
2023	75,6	19,1	84,5	21,3
2024	63,7	16,4	90,4	23,2
Эфиопия				
2020	7,7	7,1	18,2	16,9
2021	8,5	7,6	18,6	16,7
2022	10,5	8,2	23,3	18,4
2023	н/д	7,0	н/д	14,0
2024	н/д	5,6	н/д	11,8
Индия				
2020	499,7	18,7	510,2	19,1
2021	677,8	21,4	760,9	24,0
2022	778,0	23,3	897,6	26,8
2023	780,4	21,4	856,7	23,5
2024	828,6	21,2	919,2	23,5
Индонезия				
2020	183,9	17,3	165,6	15,6
2021	254,1	21,4	222,9	18,8
2022	323,2	24,5	276,5	21,0
2023	298,3	21,8	268,5	19,6
2024	309,7	22,2	285,0	20,4
Иран				
2020	50,9	19,4	63,9	24,4

[1] Таблица составлена автором по данным Всемирного банка. – https://www.worldbank.org/en/home.

Окончание табл. 2

Период	Экспорт товаров и услуг, млрд долл. США	Экспорт товаров и услуг, % от ВВП	Импорт товаров и услуг, млрд долл. США	Импорт товаров и услуг, % от ВВП
2021	87,6	22,8	82,6	21,5
2022	105,8	26,8	97,7	24,8
2023	97,9	24,2	113,2	28,0
2024	100,03	22,9	117,2	26,8
РФ				
2020	381,1	25,5	305,3	20,4
2021	548,8	30,0	376,5	20,6
2022	635,2	27,7	245,2	15,1
2023	465,9	22,5	379,9	18,3
2024	476,4	21,9	382,4	17,6
ЮАР				
2020	93,2	27,6	78,4	23,2
2021	130,9	31,1	104,9	24,9
2022	135,8	33,4	127,8	31,4
2023	124,7	32,8	123,4	32,4
2024	127,5	31,8	119,5	29,8
ОАЭ				
2020	350,3	,2	297,2	85,1
2021	425,2	102,4	347,5	83,7
2022	521,9	103,8	428,0	85,1
2023	558,4	108,6	481,9	93,7
2024	н/д	н/д	н/д	н/д

Соотношение экспорта и импорта 8 стран-участниц БРИКС нового формата представлено на рис. 1.

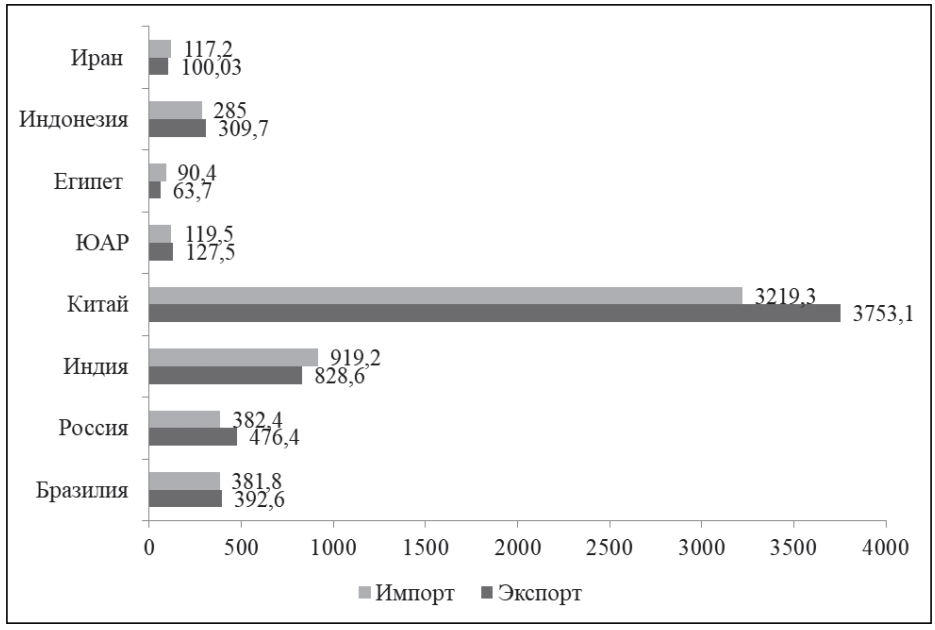

Рис. 1. Показатели экспорта и импорта стран БРИКС, 2024 г., млрд долл. США

Обращаясь к данным ЮНКТАД, отметим статистические показатели изучаемой нами группировки (табл. 3).

Таблица 3

Показатели экспорта мира и БРИКС+, 2022-2024 гг.[1]

Страна	2022		2023		2024	
	млн долл. США	% от мирового экспорта	млн долл. США	% от мирового экспорта	млн долл. США	% от мирового экспорта
Мир	24903220	100	23885681	100	24456413	100
БРИКС+	6007663	24,1	5657911	23,7	5927285	24,2
Бразилия	334136	1,3	339696	1,4	337046	1,4
Россия	592075	2,4	424749	1,8	433092	1,8
Индия	453515	1,8	431559	1,8	442762	1,8
Китай	3544435	14,2	3379044	14,1	3576653	14,6
ЮАР	122901	0,5	110855	0,5	110076	0,5
Египет	51280	0,2	42081	0,2	42247	0,2
Иран	97852	0,4	97351	0,4	112556	0,5
Индонезия	291979	1,2	258857	1,1	264706	1,1
ОАЭ	515621	2,1	570245	2,4	603646	2,5
Эфиопия	3970	0,02	3468	0,02	4501	0,02

Согласно данным табл. 3, Китай, Россия и Индия являются лидерами в экспортном направлении в рамках БРИКС+.

Таблица 4

Показатели импорта мира и БРИКС+, 2022-2024 гг.[2]

Страна	2022		2023		2024	
	млн долл. США	% от мирового экспорта	млн долл. США	% от мирового экспорта	млн долл. США	% от мирового экспорта
Мир	25 659 664	100	24 278 355	100	24 827 764	100
БРИКС+	49 62 967	19,3	4 775 925	19,7	49 59 155	20,0
Бразилия	292 245	1,1	252 710	1,0	277 954	1,1
Россия	276 511	1,1	903 086	1,2	300 124	1,2
Индия	720 441	2,8	673 929	2,8	718 261	2,9
Китай	2 706 507	10,5	2 556 941	10,5	2 584 912	10,4
ЮАР	136 207	0,5	130 747	0,5	123 469	0,5
Египет	95 670	0,4	83 200	0,3	85 986	0,3
Иран	58 784	0,2	65 826	0,3	69 414	0,3
Индонезия	237 447	0,9	221 886	0,9	233 659	0,9
ОАЭ	420 493	1,6	471 536	1,9	543 887	2,2
Эфиопия	18 663	0,1	17 063	0,1	21 489	0,1

Лидерами в области импорта по результатам 2024 года являлись Китай, Индия и ОАЭ.

Представленные статистические данные подтверждают тот факт, что рассматриваемое объединение государств имеет мощный торговый потенциал. На сегодняшний день показатели экспорта и импорта ЕС обладают более высокими параметрами, но и история ЕС ведется с 1951 года, а БРИКС – с 2006 года. На рис. 2 и 3 отразим соотношение долей БРИКС+ и ЕС за период с 2022 по 2024 гг.

[1] Таблица составлена автором по данным ЮНКТАД. – https://unctadstat.unctad.org/datacentre.

[2] Там же.

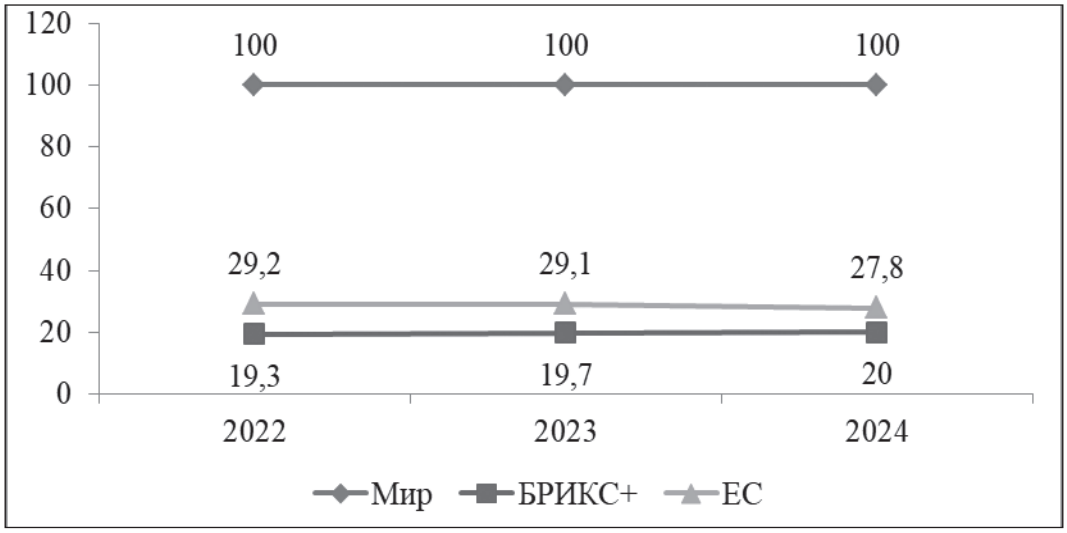

Рис. 2. Доля ЕС и БРИКС+ в мировом импорте, %

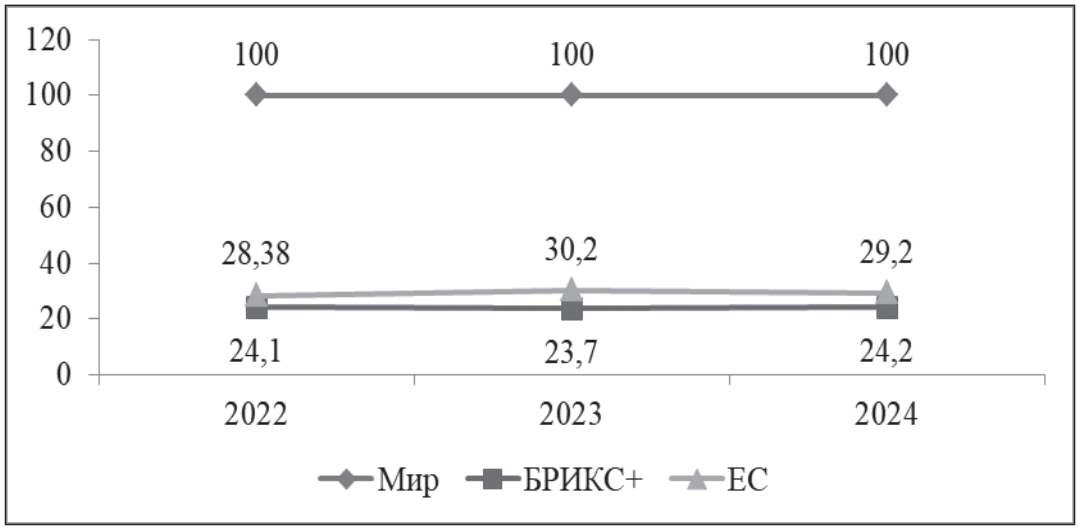

Рис. 3. Доля ЕС и БРИКС+ в мировом экспорте, %

В соответствии с представленными данными, можно констатировать, что разрыв в долях по мировому экспорту и мировому импорту у БРИКС+ и стран ЕС невысок, что может говорить о возрастании торгового преимущества стран БРИКС+ (безусловно, не за счет технологического продукта и товаров обрабатывающей промышленности).

Анализируя товарную составляющую экспортно-импортной политики государств, обратимся к статистическому порталу ВТО, который содержит информацию об объёмах экспорта и импорта стран по товарным позициям Гармонизированной системы описания и кодирования товаров. Практически для всех стран-участниц в области экспорта и импорта в 2024 году самыми популярными статьями были: топливо и продукция горнодобывающей промышленности (Fuels and mining products), машины и транспортные средства (Machinery and transport equipment), продукция обрабатывающей промышленности (Manufactures).

Исключение составляет Китай, у которого на 3 месте в области экспорта было офисное и телекоммуникационное оборудование (714053 млн долл. США), у Египта и Индонезии – сельскохозяйственная продукция (10309 млн долл. США и 62894 млн долл. США соответственно).

В структуре импорта были популярны аналогичные экспорту товарные группы, за исключением Египта и Ирана с сельскохозяйственной продукцией (19 080 млн долл. США и 17 003 млн долл. США соответственно), у ОАЭ – офисное и телекоммуникационное оборудование в объёме 71 296 млн долл. США, у Бразилии и Эфиопии – продукция химической промышленности (67 186 млн долл. США и 3020 млн долл. США соответственно).

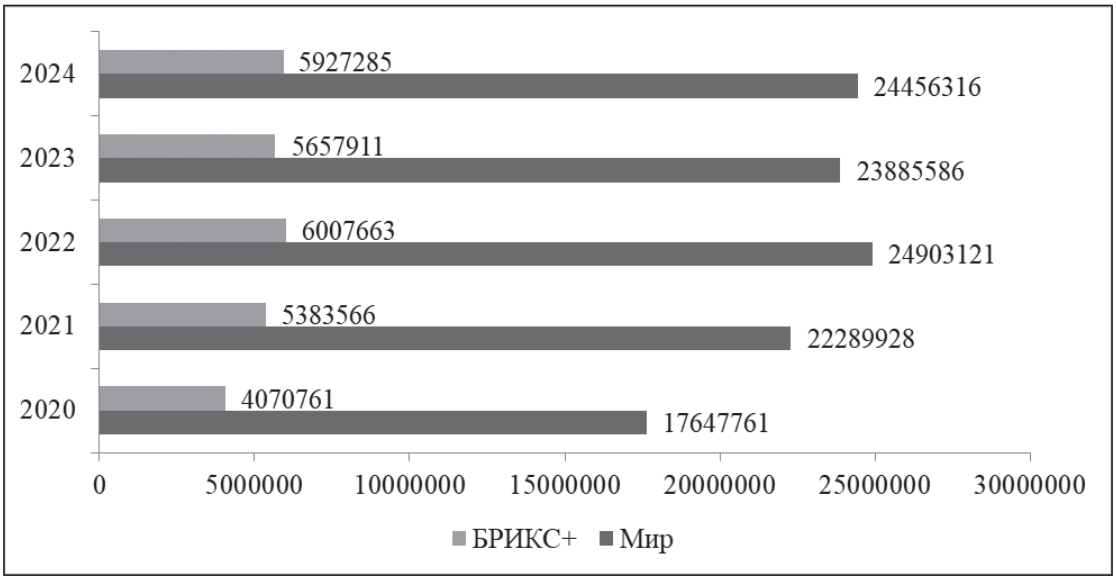

Рис. 4. Мировой экспорт и экспорт стран БРИКС, млн долл. США

На рис. 5 представлены параметры импорта.

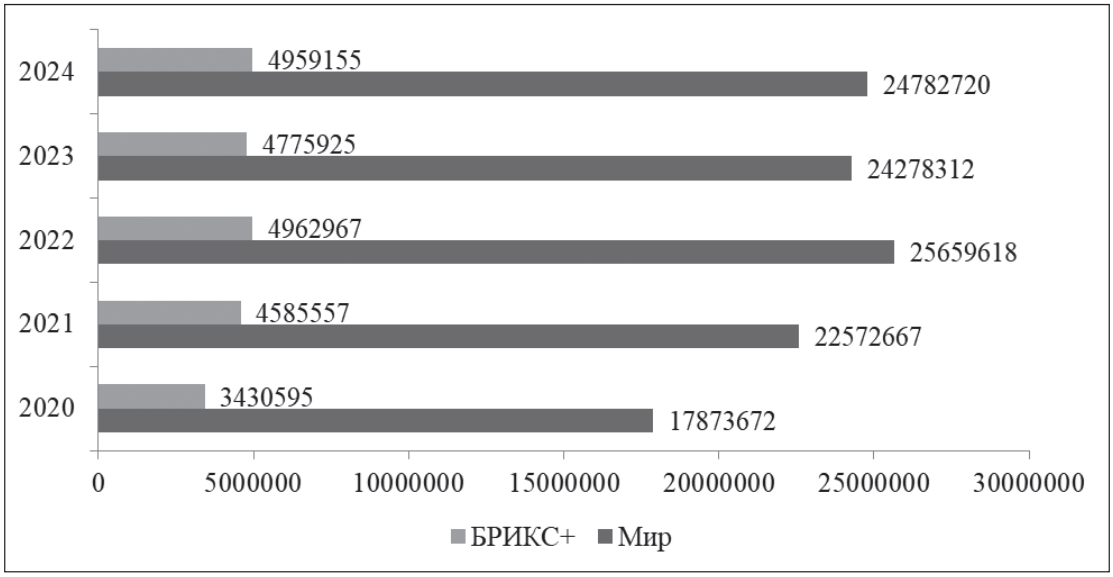

Рис. 5. Мировой импорт и импорт стран БРИКС, млн долл. США

Таким образом, товарообмен внутри БРИКС+ концентрируется на нескольких ключевых группах товаров:

– Энергоресурсы: нефть, газ и уголь. Главные потоки идут из России в Китай и Индию, а также между странами Ближнего Востока (ОАЭ, Иран) и Азией.
– Продовольствие: Бразилия доминирует как поставщик сои, мяса и сахара. Россия обеспечивает пшеницей Египет и Африку, Индия – рисом и чаем, а Индонезия – пальмовым маслом.
– Сырье: Россия, ЮАР, Бразилия и Египет являются ключевыми поставщиками удобрений (калийных, азотных) и металлов для Китая и Индии.

Промышленный кластер возглавляет Китай с его массовым экспортом электроники, автомобилей и товаров легкой промышленности. Индия добавляет к этому фармацевтику, а ОАЭ – реэкспорт. Российский экспорт в страны БРИКС+ пока носит преимущественно сырьевой характер.

По общей интенсивности торговли выстраивается следующая иерархия: на первом месте находится Китай, Россия, Бразилия и Индонезия. Индия и ОАЭ являются следующими по значимости игроками, в то время как ЮАР, Иран, Египет и Эфиопия выполняют важные специализированные функции в сырьевом и аграрном секторах.

Казеннов С.Ю.
к.э.н., в.н.с. Отдела военно-экономических исследований безопасности
Центра международной безопасности, ИМЭМО РАН
koroleva@imemo.ru

Кумачев В.Н.
с.н.с. Отдела военно-экономических исследований безопасности
Центра международной безопасности, ИМЭМО РАН
kumach-44@yandex.ru

Королева Е.М.
н.с. Отдела военно-экономических исследований безопасности Центра международной безопасности, ИМЭМО РАН
koroleva@imemo.ru

БОЛЬШЕ ПРАГМАТИКИ В ОТНОШЕНИИ БРИКС

Ключевые слова: организационное строительство в условиях нестабильности; глобальный кризис; количество и качество БРИКС; торможение и дробление; миротворчество; место России; «третья корзина»; приоритеты для будущего.
Key words: organizational building in conditions of instability; global crisis; quantity and quality of BRICS; deceleration and fragmentation; peacemaking; Russia's place; the "third basket"; priorities for the future.

О геополитической значимости и способности БРИКС влиять на происходящие сегодня в мире процессы могут быть разные мнения. Суммарный вес этого объединения в мировой экономике (по «статистической» доле в глобальном валовом продукте – ВВП) по паритету покупательной способности (ППС) в 2025 г. составил около 40% (для сравнения – вес стран «большой семерки» – 28%). В странах-членах БРИКС проживает половина населения земного шара. С другой стороны, отмечается организационная и идеологическая «рыхлость» БРИКС («за все хорошее»), что проявляется и в ходе войны в Персидском заливе, когда по обе стороны противостояния оказались члены объединения. Наконец, правы те, кто значимость БРИКС видит в растущей неприязни к объединению со стороны «заметивших» его в качестве соперника стран «коллективного Запада» (КЗ), в первую очередь США, лично Д. Трампа, ставящих БРИКС «палки в колеса» и «отговаривающих» от вступления в БРИКС возможных новых членов и от взаимодействия с БРИКС стран-партнеров. Кстати, уже имели место случаи, когда вроде бы собиравшиеся вступать в объединение страны в итоге повернули вспять. Что, впрочем, не спасло, например, Аргентину от жесткого экономического кризиса. Негативное отношение Д. Трампа к БРИКС обусловлено и тем, что лидером (одним из лидеров) объединения является Китай – главный на сегодня конкурент США в мировой экономике, а возможно уже и в геополитике.

БРИКС возник в середине нулевых годов в общем-то как некий «медийный» проект «подсветки» самых перспективных в мире, на тот момент, зон для инвестиций. В десятые годы и в начале двадцатых, в условиях все более ощутимого дуновения глобального системного кризиса, БРИКС стало «выносить» в первый ряд мировой геополитики, если не в качестве альтернативы нынешней экономической и геополитической системы, то как корректировщика происходящего в мире. Это происходит с учетом объективного и неизбежного смещения мирового развития в направлении глобальных Юга и Востока. На этот глобальный вызов «откликнулись» страны КЗ, США – и предприняли шаги, препятствующие полной и окончательной потере ими мирового лидерства. Это были самые разные действия – военные и военно-политические, финансово-экономические (информационная и финансовая сферы – все еще сферы доминирования КЗ), связанные с инструментами гибридной, когнитивной, психологической войны. Все это не могло не коснуться и объединения БРИКС.

Очень «кстати» для этого сегодня оказались две войны – конфликт на Украине (КНУ) и война в зоне Персидского залива. Это разрушение связей, логистики, коммуникационных коридоров, что очень негативно для БРИКС, расположенного на трех континентах. Причем это касается как морских, так и сухопутных маршрутов. Например, это «рукава» китайской системы «Пояс

и Путь», в Россию и через Россию, из Китая в Европу, на Ближний Восток, в Африку, через Средиземноморье и Аравийскую зону. Так, для России особенно важны маршрут Север – Юг, широтные и диагональные сухопутные коридоры из Китая. Значительная часть маршрута Север – Юг проходит через нынешнюю главную зону нестабильности – через Иран, Каспий, с заходом в Азербайджан. Вместо этого сегодня прокладывается маршрут в обход России – из Средней Азии через Каспий и Закавказье, в том числе через Зангезурский коридор, который, между прочим, курируется США («Мост Трампа»). Вашингтон забрал у контролируемых Китаем компаний вход и выход в Панамский канал, в том числе в целях «выдавливания» Китая (а также России) из Латинской Америки – своего «заднего двора». Есть много примеров установления США, в том числе в режиме «прокси», прямого и косвенного контроля, обозначения американского военного присутствия в ключевых точках мира, на маршрутах перемещения товаров, идей, вооружений, миграций. Например, может идти речь, вслед за Ормузским проливом, о взимании платы региональными партнерами США за проход судов через Малаккский пролив. А это важнейший маршрут для торговых связей Китая, для взаимодействия восточного и западного евразийских «крыльев» БРИКС.

Особую неприязнь у Д. Трампа вызывают разговоры о возможной интеграции финансово-валютной системы БРИКС, например, о выпуске объединенной валюты БРИКС (ее красивые образцы купюр были продемонстрированы, в частности, на саммите БРИКС в Казани). По этому поводу сыпались угрозы со стороны Д. Трампа в отношении стран-членов БРИКС и очередников на вступление в объединение. Хотя, безусловно, брутальные, разрушительные для глобальной экономики и геополитики действия Д. Трампа отчасти способствуют некоему сплочению незападных стран, в том числе и входящих в БРИКС. Что касается глобального системного кризиса, то его влияние на БРИКС двоякое. С одной стороны, это происходящее торможение развития, дробление связей, мировой торговли, сокращение процессов инвестиций, обмена технологиями. С другой – именно неопределенность заставляет страны-члены БРИКС держаться за прежних, уже проверенных партнеров под «шапкой» лидеров объединения.

В свете проводимой Специальной военной операции, которая давно превратилась в большую войну, особой критике со стороны КЗ подвергается Россия – один из лидеров БРИКС, по сути ее центральный, системообразующий член, инициатор многого происходящего в БРИКС. Определенное недопонимание политики России может исходить и от членов БРИКС. Война на Украине «мешает» мировой торговле, провоцирует вторичные санкции со стороны КЗ и иные ограничения для партнеров России по БРИКС. В качестве оппонентов России в КНУ выступают многие страны КЗ – важные торгово-экономические, политические, технологические партнеры стран-членов БРИКС. Например, Индия, один из главных импортеров российской нефти, вынуждена испрашивать у США разрешений на закупки нефти в России, с учетом введенных США ранее санкций. Это недопонимание можно почувствовать даже в ходе голосований, связанных с украинской проблематикой, на сессиях Генеральной ассамблеи ООН.

По нашему мнению, в условиях переходного миропорядка, нарастания глобальных проблем, экономического, политического дробления, торможения развития, противодействия со стороны КЗ, прежде всего США, объединение БРИКС должно вести себя достаточно осторожно. БРИКС не следует взваливать на себя обязанности «лидера» незападного мира и, без крайней необходимости, обострять отношения со странами КЗ. Вероятно, менее значительным будет приток в БРИКС новых членов, с учетом возможной нехватки средств для расширения и наращивания БРИКС у ведущих стран-доноров объединения. А это было одним из главных показателей значимости и благополучия объединения. Представление о БРИКС как о главной движущей силе, способной коренным образом трансформировать мировой порядок, сделать его «более справедливым», в первую очередь в экономике, является явным преувеличением.

Несостоятельными наверняка оказались бы попытки сделать БРИКС более политизированной, более единой и «управляемой» структурой, с учетом присутствия в ней стран самых разных интересов и ориентаций. Это тем более касалось бы задач придания БРИКС каких-либо военно-политических и военных функций. Притом, что ведущие страны БРИКС (не самого объединения) обладают военной мощью, необходимой для защиты своих национальных и экономических интересов. Впрочем, на сессии министров иностранных дел БРИКС в Нью-Дели (май 2026 г.) высказывалось мнение, что БРИКС «не хватает политического измерения». А значительное место в дебатах на сессии было отведено вопросам войны в Персидском заливе и ее последствиям, эко-

номическим и геополитическим. Многие спрашивают: почему «прогрессивная» БРИКС до сих пор не «возвысила свой голос» против политики США и Израиля на Ближнем Востоке. Гораздо эффективнее, не подставляя БРИКС, это может получиться у ведущих стран БРИКС, таких как Китай, который очень заинтересован в прекращении войны, Россия, Индия, Египет, Бразилия, Индонезия. Заметим, что США еще наделают в этом регионе ошибок. У стран БРИКС будет достаточно возможностей для проявления своих миротворческих умений.

Категорически не следует ожидать, что в условиях глобального кризиса именно БРИКС окажется неким «островом стабильности» в бушующем океане проблем и вызовов. Тем более, что, например, КЗ весьма комфортно чувствует себя в атмосфере «управляемого хаоса» и даже извлекает из нее дивиденды. В этой ситуации возможен и рост противоречий в самом объединении БРИКС. Например, по ходу и результатам войны в Персидском заливе, и это будет в первую очередь относиться к странам данного региона. Если остро встанет вопрос об оплате энергоносителей, поступающих из зоны Персидского залива, то может напрямую встать и вопрос о присутствии на данном рынке, наряду с «нефтедолларами», и китайского «нефтеюаня». И вообще БРИКС может в условиях кризиса испытывать «сползание» в сторону КНР, и без этого доминирующей в объединении. А это может «не понравиться» не только Д. Трампу, но и некоторым членам БРИКС, например, Индии.

Ну а сейчас нужно делать (и знать, чего не делать) все возможное, чтобы в условиях глобальной нестабильности «не навредить» БРИКС избыточной активностью, «инициативами», не способствовать ее «размыванию». Так, на наш взгляд, не следует травмировать БРИКС вроде бы напрашивающимся реформированием объединения – политическим, идеологическим, организационным. Для этого сегодня очень неудобное время, хотя бы с учетом присутствия в БРИКС разных стран с разными интересами и готовностью к изменениям. Можно сказать, что пока БРИКС, несмотря на некую организационную незавершенность, работает со своей уже «окукливавшейся» бюрократической машиной и многочисленными аффилированными ответвлениями, заинтересованными в работе по программам БРИКС. Если встанет вопрос, что сегодня важнее для развития и статуса БРИКС – ее дальнейшее ускоренное расширение или повышение экономической эффективности, то, скорее, второе. Хотя нынешняя градация «страны-партнеры» позволяет сочетать оба направления.

По нашему мнению, эффективной для БРИКС в настоящее время является деятельность в гуманитарной сфере, по линии «третьей корзины», что, собственно, сегодня и является зоной ответственности и приоритетных интересов России. Это образование, культура, спорт, всякого рода кибер-мероприятия в форме олимпиад, форумов, конкурсов, фестивалей под эгидой БРИКС, с участием представителей стран, не входящих в БРИКС, в первую очередь молодежи – будущего планеты. Эти публичные мероприятия, при их качественной информационной поддержке, могут дать зримый эффект. Только не следует какие-либо договоренности, решения, принятые в ходе двусторонних отношений стран БРИКС, выдавать за достижения, полученные благодаря членству в БРИКС. И вообще, кто может «на глазок» определить, какой вклад в развитие стран, входящих в БРИКС, принесло для них именно присутствие в этом объединении?

Насколько необходимо самой России объединение БРИКС? РФ – одна из основателей и лидеров объединения. Сегодня фундамент внешних отношений России – это страны мирового большинства. Авторитет России на международной арене, ее роль глобального балансира – главный вклад РФ в работу объединения. В то же время России нецелесообразно брать на себя роль «тягловой силы» БРИКС, «повышенные», в том числе спонсорские обязательства для продвижения БРИКС. И излишний энтузиазм по поводу БРИКС, тем более в качестве имитации кипучей деятельности, неуместен.

Задача БРИКС на обозримую перспективу – функционально «вмонтироваться», найти свое место в глубоко и тесно интегрированной, при этом стремительно меняющейся системе мировой экономики и международной безопасности, дабы не оказаться в ней «лишней», искусственно поддерживаемой, нужной разве что Китаю для продвижения и реализации своих интересов. В ином случае объединение БРИКС, так пока и не ставшее организацией, в общем-то «случайно» созданное, может также «случайно» потерять свою значимость.

Качелин А.С.
к.э.н., с.н.с. Института экономики РАН
kachelin@inecon.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО БРИКС В ТЭК: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ И НЕФТЕХИМИИ

Ключевые слова: БРИКС, энергетическое сотрудничество, технологический потенциал, нефтегазовый сектор, нефтехимия, глубокая переработка углеводородов, климатические цели, углеводородная реальность.
Key words: BRICS, energy cooperation, technological potential, oil and gas sector, petrochemistry, deep processing of hydrocarbons, climate goals, hydrocarbon reality.

1. Введение

Объединение БРИКС (ядро – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) после расширения в 2024 году превратилось в структуру, охватывающую практически весь глобальный энергетический рынок. Вступление Ирана и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) – крупнейших производителей углеводородов, а также активное участие Саудовской Аравии (в качестве приглашенного партнера) в деятельности группы наряду с присутствием крупнейших импортеров – Китая и Индии – делает БРИКС ключевым регулятором мирового энергетического рынка [3]. Предположение о том, что БРИКС после расширения превратился в ключевого регулятора мирового энергетического рынка, нашло эмпирическое подтверждение в ходе военной эскалации, начавшейся 28 февраля 2026 г. с авиаударов США и Израиля по территории Ирана.

Однако именно эта конфигурация, обеспечивающая БРИКС уникальный регуляторный потенциал, в условиях прямого военного конфликта между членами блока создала системный кризис, ставящий под сомнение способность объединения выполнять координирующую функцию. События, последовавшие за началом военных действий, продемонстрировали глубокий раскол внутри объединения и в марте 2026 г. блок оказался парализован. БРИКС+ как регулятор энергорынка временно недееспособен. В условиях, когда два крупнейших производителя-члена находятся в состоянии войны, а ключевой маршрут поставок (Ормузский пролив) фактически заблокирован (проход судов разрешен только для дружеских стран, таких как Россия, Китай, Индия, Ирак и Пакистан), объединение не может выполнять функцию координации энергетической политики.

Дальнейшее участие ОАЭ в БРИКС будет связано с продолжением военных действий США и Израиля против Ирана. Выход ОАЭ из БРИКС не будет немедленным, так экономические выгоды и геополитический статус, даваемый членством, перевешивают издержки от политического паралича внутри объединения. Удержать ОАЭ в БРИКС и сохранить видимость единства позволит только полный отказ от попыток выработки совместных политических заявлений и концентрация на экономических, технологических и инвестиционных проектах, инициированных председательством Индии. Таким образом, ОАЭ останутся в БРИКС до тех пор, пока объединение будет избегать принятия политических решений, затрагивающих их национальную безопасность. При попытке навязать антиамериканскую или проиранскую политическую линию риск выхода ОАЭ (и отказа Саудовской Аравии от вступления) станет крайне высоким.

На сегодняшний день страны БРИКС представляют более 49% населения мира, 40% мирового ВВП по паритету покупательной способности и почти четверть глобальной торговли [10]. В энергетическом секторе объединение играет еще более значимую роль: Россия, Иран, ОАЭ и Саудовская Аравия входят в число мировых лидеров по добыче нефти и газа, а Китай и Индия являются крупнейшими потребителями энергоресурсов [3].

В этих условиях технологическое партнерство стран БРИКС в сфере ТЭК приобретает стратегическое значение. С одной стороны, перед объединением стоят задачи обеспечения энергетической безопасности и удовлетворения растущего спроса. С другой – страны-участницы сталкиваются с необходимостью технологической модернизации, импортозамещения и адаптации к глобальному энергопереходу.

Настоящий доклад ставит целью систематизировать информацию о текущем состоянии и перспективах технологического сотрудничества стран БРИКС в нефтегазовой отрасли и нефтехимии, выделить ключевые направления кооперации и предложить практические рекомендации по их развитию.

2. Институциональные основы энергетического сотрудничества БРИКС

2.1. Дорожная карта энергетического сотрудничества на 2025-2030 годы

Ключевым документом, определяющим развитие энергетического взаимодействия стран БРИКС, является Дорожная карта энергетического сотрудничества на период 2025-2030 годов. Документ был принят в мае 2025 года на 10 юбилейной встрече министров энергетики стран БРИКС в Бразилии [5].

Дорожная карта ориентирована на совместную работу по следующим направлениям [5-8]:

- использование низкоуглеродных видов топлива и возобновляемых источников энергии (ВИЭ);
- развитие водородной энергетики и биоэнергетики;
- внедрение энергоэффективных технологий;
- укрепление международного научно-технического сотрудничества;
- развитие кадрового потенциала;
- инвестиционное сотрудничество.

Страны БРИКС подтвердили приверженность справедливому, безопасному, устойчивому и инклюзивному энергетическому переходу [8]. Впервые в работе заседаний приняли участие страны-партнеры, присоединившиеся к объединению после саммита в Казани в 2024 году [5].

2.2. Энергетическая платформа БРИКС

Энергетическая платформа БРИКС является ключевым механизмом энергетического диалога в рамках объединения. Российский секретариат платформы функционирует на базе Российского энергетического агентства (РЭА) Минэнерго России [5]. В рамках платформы Россия возглавляет два ключевых направления работы:

1. **Технологическое сотрудничество** – включает проведение онлайн-семинаров по водородной энергетике, углеродно-нейтральным технологиям, инновациям в переработке пластмасс и управлении отходами, а также по защите окружающей среды и стратегиям реагирования на разливы нефти.
2. **Подготовка кадров в условиях энергоперехода** – включает исследование кадрового потенциала с учетом перспектив новых стран-участниц (Эфиопии, Ирана, ОАЭ, Индонезии и Египта), а также разработку образовательной программы «Женское лидерство в энергетике».

В 2025 году состоялось четвертое заседание Рабочей группы БРИКС по новым и возобновляемым источникам энергии, которое было проведено Ираном в гибридном формате. В заседании приняли участие официальные представители и эксперты из Бразилии, Китая, Египта, Индонезии, Ирана, России, ЮАР и ОАЭ [1].

3. Технологический потенциал стран БРИКС в нефтегазовом секторе

Технологический потенциал в нефтегазовом секторе оценивается по четырем ключевым направлениям, формирующим полный цикл создания стоимости –: цифровые технологии (AI, Big Data, цифровые двойники), технологии добычи (шельф, трудноизвлекаемые запасы, горизонтальное бурение), технологии переработки и нефтегазохимии, а также инфраструктурные технологии (СПГ, трубопроводный транспорт, системы накопления энергии).

3.1. Российские технологии для экспорта: бурение, трудноизвлекаемая нефть, оборудование

Россия обладает наиболее сбалансированным технологическим портфелем в нефтегазовом секторе, охватывающим весь спектр от разведки до переработки, с особым акцентом на арктические условия и атомные технологии. Россия обладает значительным технологическим потенциалом в нефтегазовом секторе и готова предложить свои разработки партнерам по БРИКС. Как

заявил министр энергетики РФ в октябре 2025 года, российские ТЭК-компании разработали множество конкурентоспособных технологий, готовых к выходу на зарубежные рынки – преимущественно в страны БРИКС, на Ближний Восток и в Африку [2, 7, 9]. Наибольший экспортный потенциал, по оценке Минэнерго России, имеют следующие технологические направления:

1. Передовые методы бурения скважин сложной траектории. Россия накопила уникальный опыт строительства горизонтальных и многозабойных скважин, включая бурение на шельфе и в сложных горно-геологических условиях.
2. Технологии увеличения добычи трудноизвлекаемой нефти (ТРИЗ). Российские разработки в области гидроразрыва пласта, тепловых методов воздействия и использования химических реагентов позволяют эффективно разрабатывать запасы, которые во многих других странах считаются нерентабельными.
3. Оборудование и ПО для нефтегазовой отрасли:

- центробежные и поршневые компрессоры;
- насосные агрегаты различных типов;
- турбодетандерные установки;
- блочно-модульное оборудование;
- цифровых двойников месторождений;
- AI-систем для геологоразведки;
- автоматизированных систем управления бурением.

Министр энергетики подчеркнул, что сочетание доступной цены и высокой эффективности может стать решающим преимуществом российских технологий на внешних рынках [7]. Импортозамещение в нефтегазовой сфере в России практически завершено, что позволяет не только обеспечивать внутренние потребности, но и экспортировать технологические решения.

Для системного продвижения российских технологий за рубежом предлагается создать специализированный Институт по продвижению технологий ТЭК. Кроме того, Институт нефтегазовых технологических инициатив (ИНТИ) уже разрабатывает механизмы продвижения российского нефтегазового оборудования с помощью системы отраслевых стандартов и оценки соответствия [9].

Необходимо отметить, что Россия (ГК «Росатом») является абсолютным мировым лидером в области гражданской атомной энергетики, что имеет прямое значение для нефтегазового сектора через обеспечение энергетической базы для его развития и через прямое технологическое проникновение. Компетенции госкорпорации выходят далеко за рамки строительства атомных электростанций, формируя технологический суверенитет страны в самых энергоемких и сложных проектах:

- энергообеспечение удаленных месторождений (плавучие АЭС);
- развитие малых модульных реакторов (SMR) для питания нефтегазовых комплексов в Арктике;
- технологии замкнутого ядерного топливного цикла.

Особый стратегический аспект – это развитие Северного морского пути (СМП) как глобальной транзитной артерии и ключевого маршрута для вывода углеводородов с арктических месторождений. Его круглогодичная и безопасная навигация немыслима без атомного ледокольного флота, который является уникальной монополией России и Росатома. Строительство ледоколов нового поколения проекта 22220 («Арктика», «Сибирь», «Урал») и перспективного проекта «Лидер» закладывает основу для масштабного увеличения грузопотоков, в первую очередь СПГ и нефти. Атомные ледоколы не только обеспечивают проводку танкеров, но и могут выступать как энергетические центры для удаленных объектов, а их строительство и обслуживание стимулируют смежные отрасли – судостроение, металлургию, приборостроение. Росатом, как инфраструктурный оператор СМП, интегрирует логистические, ледокольные и портовые услуги, создавая комплексное предложение для нефтегазовых компаний, что снижает их операционные издержки и риски.

Особое место занимают технологии ледостойкого бурения и добычи полезных ископаемых. В условиях подвижных льдов и экстремальных температур требуются плавучие сооружения исключительной прочности и устойчивости. Российские судостроители и инженеры разработали концепции и реализовали проекты уникальных ледостойких платформ и буровых установок, способных противостоять давлению многометровых паковых льдов. Эти объекты оснащены система-

ми динамического позиционирования, позволяющими им сохранять стабильность без традиционной якорной стоянки. Для транспортировки сырья созданы танкеры и суда усиленного ледового класса, с усиленными корпусами и мощными энергетическими установками, которые могут самостоятельно преодолевать тяжелые льды без постоянного сопровождения ледоколов. Развитие атомного ледокольного флота, уникального в мире, обеспечивает круглогодичную проводку караванов по ключевым маршрутам, в частности по Северному морскому пути. Атомные ледоколы нового поколения обладают не только беспрецедентной мощью для разрушения льда, но и служат плавучими энергетическими базами и центрами управления для удаленных операций.

Не менее важна область связи, мониторинга и навигации. Из-за удаленности и особенностей атмосферы стандартные коммуникационные системы часто неэффективны. Развертываются специализированные спутниковые группировки, обеспечивающие покрытие высоких широт, а также сети радиорелейной и тропосферной связи. Для контроля за экологической обстановкой, движением льдов и климатическими изменениями используются автономные дрейфующие и стационарные станции, передающие данные по выделенным каналам. Навигация в районах со слабой геомагнитной активностью и ограниченными возможностями использования GPS дополняется отечественными системами ГЛОНАСС с усиленной арктической компонентой и наземными радионавигационными комплексами.

Таким образом, технологический арсенал для работы в арктических условиях в России представляет собой целостную, многоуровневую систему – от фундаментальных научных исследований физики льда и мерзлоты до практических инженерных решений в области энергетики, строительства, транспорта и коммуникаций. Эта система непрерывно развивается, адаптируется к новым климатическим и экономическим реалиям и служит основой для долгосрочного и устойчивого присутствия России в Арктике, превращая ее природные богатства и транспортные потенциалы в реальные ресурсы национального развития. Россия обладает уникальными компетенциями в арктических технологиях, атомной энергетике и цифровизации ТЭК, являясь ключевым поставщиком технологий для стран БРИКС в этих направлениях.

3.2. Компетенции стран БРИКС в энергетическом секторе

Страны БРИКС обладают взаимодополняющими компетенциями в энергетическом секторе.

Бразилия: «Зеленая энергетическая держава». Бразилия занимает уникальное место в энергетическом портфеле БРИКС, которое нельзя недооценивать, особенно в контексте перехода к низкоуглеродной энергетике. Бразилия является абсолютным мировым лидером в технологиях глубоководной добычи (предсолевой горизонт), что делает ее ключевым технологическим партнером для шельфовых проектов других стран БРИКС.

Гидроэнергетика и ВИЭ: Бразилия является одним из мировых лидеров по доле возобновляемых источников энергии в структуре первичного энергопотребления (около 45-48 %). Основу энергосистемы страны составляют гидроэлектростанции (ГЭС), обеспечивающие до 60-70 % выработки электроэнергии. Это делает Бразилию эталоном для обсуждения вопросов устойчивого развития в рамках БРИКС.

Биотопливо: Страна обладает самой развитой в мире программой по использованию этанола из сахарного тростника. Бразильский опыт декарбонизации транспорта (технология Flex-Fuel) является уникальным предложением для блока, который другие члены (особенно Индия и Китай) стремятся масштабировать.

Нефтяной сектор (предсолевой горизонт): Бразилия является крупным производителем нефти (около 3-3.5 млн баррелей в сутки), занимая 8-9 место в мире. В отличие от стран Персидского залива, бразильская нефть не входит в систему ОПЕК+, что дает БРИКС независимый канал поставок, не привязанный к воле картеля.

Бразилия возрождает собственное производство полупроводников, а Министерство науки, технологий и инноваций страны работает над развитием добычи редкоземельных металлов, необходимых для производства микрочипов. Бразилия занимает второе место в мире по запасам редкоземельных металлов после Китая [11]. Это создает сырьевую базу для производства чипов, критически важных для цифровизации нефтегазового сектора.

Роль в конфликте: В отличие от Ирана и ОАЭ, Бразилия географически удалена от зоны Персидского залива и не имеет в регионе прямых военно-политических обязательств. Это делает её естественным посредником. В условиях, когда Россия и Китай вынуждены лавировать между Ира-

ном и арабскими монархиями, Бразилия сохраняет возможность стать инициатором «нейтральной площадки» для обсуждения энергетической безопасности без военно-политической окраски.

Южно-Африканская Республика (ЮАР): «Ворота в Африку» и угольно-атомный мост. ЮАР играет ключевую роль в обеспечении связности БРИКС с африканским континентом и представляет интересы стран Глобального Юга в вопросах «справедливого энергоперехода» (Just Energy Transition).

Угольная держава: Энергосистема ЮАР на 80-85 % зависит от угля. Компания Eskom является крупнейшим производителем электроэнергии в Африке. ЮАР обладает компетенциями в технологиях «чистого угля» (Carbon Capture, Utilization and Storage – CCUS), что критически важно для Китая и Индии, которые также сохраняют значительную долю угля в своем балансе.

Атомная энергетика: ЮАР – единственная страна в Африке, имеющая действующую АЭС (Коберг). В партнерстве с Россией (Росатом) и Китаем ЮАР рассматривается как площадка для развития ядерных технологий малой и средней мощности на континенте.

Ключевые минералы (PGM): ЮАР обладает крупнейшими в мире запасами платиновой группы металлов (платина, палладий, родий). Эти металлы являются критически важными для производства водородных топливных элементов (электролизеры) и катализаторов для нефтепереработки. Без ресурсов ЮАР «водородная повестка» БРИКС теряет материальную основу.

ЮАР является центром угольных технологий и ядерного образования в Африке.

Иран: опыт развития технологий в условиях санкций. Иран демонстрирует уникальный опыт создания полностью локализованных технологических решений для нефтегазового сектора в условиях жестких внешних ограничений. Иран, обладая одними из крупнейших в мире запасов природного газа, имеет значительный опыт в разработке газовых месторождений и развитии газотранспортной инфраструктуры. Иранские энергетические проекты, представленные на заседании рабочей группы БРИКС в Тегеране, включают разработки в области интеллектуальных сетей, систем хранения энергии и гибридных энергетических решений. В условиях санкций Иран развивает отечественные цифровые решения для автоматизации нефтепереработки и управления месторождениями, используя локальные AI-платформы. Иран доказал, что развитие AI возможно в изолированной среде, хотя сталкивается с серьезными вызовами, включая «утечку мозгов» и ограниченный доступ к качественным данным [12]. Иран обладает значительным опытом разработки месторождений в сложных геологических условиях и развивает технологии повышения нефтеотдачи пластов.

Иран обладает уникальным опытом создания локализованных технологических решений для нефтегазового сектора в условиях изоляции, что является ценным знанием для других стран БРИКС, сталкивающихся с ограничением доступа к западным технологиям.

Объединенные Арабские Эмираты: цифровой лидер нефтегазового сектора. ОАЭ демонстрируют наиболее высокий уровень цифровизации нефтегазового сектора среди стран БРИКС, активно внедряя передовые технологии через государственную нефтяную компанию ADNOC (Abu Dhabi National Oil Company). ОАЭ являются лидерами по внедрению цифровых двойников активов в нефтегазовом секторе. ADNOC использует AI и блокчейн для управления активами, что позволяет:

- сокращать операционные затраты на 20-30%;
- повышать коэффициент извлечения нефти;
- прогнозировать отказы оборудования.

Китай: абсолютный лидер по AI и цифровизации. Китай является безусловным лидером технологического развития среди стран БРИКС, особенно в области цифровизации и искусственного интеллекта, которые становятся ключевыми драйверами эффективности нефтегазового сектора. Китай занимает доминирующее положение в развитии AI среди стран БРИКС, являясь глобальным конкурентом США. Страна контролирует более 47 % наиболее цитируемых научных публикаций в мире по искусственному интеллекту и занимает первое место по количеству патентных заявок. Эта научно-техническая база напрямую транслируется в нефтегазовый сектор, где AI применяется для:

- оптимизации процессов бурения и добычи;
- прогнозной аналитики состояния оборудования;
- моделирования геологических структур;
- управления логистическими цепочками.

В 2025-2026 годах Китай продолжает ускоренное развитие сотрудничества в области 6G технологии, создания интегрированных цифровых сетей и инфраструктуры для энергетического сектора в рамках БРИКС. Китайские компании создают совместные лаборатории искусственного интеллекта в странах БРИКС и участвуют в развитии «умных заводов» и отраслевых AI-моделей.

Китай реализует амбициозную программу достижения технологического суверенитета в производстве полупроводников, критически важных для цифровизации нефтегазового сектора. Третий этап государственного фонда поддержки полупроводниковой промышленности, запущенный в 2024 году, имеет объем финансирования около 40 млрд долл. США.

Китай планирует увеличить производство относительно продвинутых микрочипов, включая 7-нанометровые и, возможно, 5-нанометровые процессы, до 100 000 пластин в течение одного-двух лет по сравнению с текущими 20 000. По оценкам экспертов, Китай уже приближается к 70 % самообеспеченности микрочипами к 2030 году. Для нефтегазового сектора это означает возможность масштабного внедрения отечественных систем управления, датчиков и оборудования, независимых от западных поставщиков.

Китай играет ведущую роль в формировании технологической повестки БРИКС, являясь инициатором создания совместных AI-лабораторий, развития интегрированных цифровых сетей и поддержки компаний в области перспективных технологий для масштабирования систем в странах-участницах.

Китай обладает наиболее развитым и диверсифицированным технологическим потенциалом в нефтегазовом секторе среди всех стран БРИКС, являясь технологическим донором по направлениям AI, цифровизации, полупроводников и интеллектуальных систем управления. КНР является мировым лидером в области технологий возобновляемой энергетики, включая производство солнечных панелей, ветрогенераторов и электромобилей. Китайские компании также активно развивают технологии улавливания, хранения и использования углерода (CCUS) и водородную энергетику.

Индия: центр компетенций в дизайне микрочипов и цифровых сервисах. Индия занимает уникальную нишу в технологической экосистеме БРИКС, обладая одним из крупнейших в мире пулов талантов в области дизайна полупроводников и активно развивая цифровые платформы для управления энергетическими системами. Индия обеспечивает около 20% мирового кадрового резерва в области дизайна полупроводников. Это критически важная компетенция для нефтегазового сектора, поскольку современное оборудование (системы управления бурением, сейсморазведки, цифровые двойники) требует сложной микроэлектронной базы.

Правительство Индии реализует стратегическую инициативу India Semiconductor Mission (ISM) с объемом инвестиций 10 млрд долл. США, направленную на создание отечественной экосистемы производства полупроводников и дисплеев, а также развитие возможностей проектирования чипов. Индия делает фокус на развитии **интеллектуальных энергосетей (smart grid).** Эти компетенции имеют прямое применение в нефтегазовом секторе:

- управление распределенными энергетическими активами;
- прозрачные расчеты за поставки энергоресурсов;
- интеграция возобновляемых источников энергии в сети нефтегазовых компаний.

Индия демонстрирует одну из наиболее динамичных трансформаций от пилотных проектов к промышленному внедрению AI. Согласно отчету «The AIdea of India: Outlook 2026», 47% индийских предприятий уже имеют несколько операционных кейсов использования генеративного AI, а еще 23% находятся на стадии пилотирования. В нефтегазовом секторе это выражается во внедрении AI для:

- прогнозирования спроса на энергоресурсы;
- оптимизации логистики поставок;
- управления цепочками поставок оборудования.

Индия демонстрирует значительный прогресс в развитии солнечной энергетики и интеллектуальных энергосетей. Страна обладает компетенциями в области нефтепереработки и нефтехимии, являясь одним из крупнейших мировых центров переработки углеводородов.

Индонезия: биотопливные и геотермальные компетенции. Индонезия, присоединившаяся к БРИКС в январе 2025 года, привносит уникальные компетенции в области биотоплива и гео-

термальной энергетики, а также демонстрирует использование AI для решения национальных задач.

Индонезия обладает одними из крупнейших в мире запасов геотермальной энергии, что создает возможности для развития этого направления в рамках БРИКС. Геотермальные станции могут использоваться для энергообеспечения нефтегазовых месторождений на удаленных островах.

Как крупнейший в мире производитель пальмового масла, Индонезия является лидером в производстве биодизеля, что создает базу для диверсификации моторного топлива.

Индонезия демонстрирует, как AI может использоваться для решения специфических национальных задач, таких как развитие аквакультуры и образования в отдаленных регионах. В нефтегазовом секторе этот опыт может быть применен для управления удаленными активами.

Египет: региональный энергетический хаб с транзитными компетенциями. Египет, присоединившийся к БРИКС в 2024 году, обладает уникальными инфраструктурными компетенциями, связанными с контролем над Суэцким каналом и развитием регазификационных мощностей. Египет контролирует Суэцкий канал и трубопровод SUMED – критические артерии для транспортировки нефти и СПГ из Персидского залива в Европу и обратно. Страна обладает крупными мощностями по регазификации СПГ, что делает ее ключевым транзитным хабом. Египет развивает интеллектуальные сети и цифровизацию нефтегазового сектора, внедряет AI, облачные вычисления и автоматизацию.

Египет развивает цифровые технологии для управления энергетической инфраструктурой, являясь ключевым звеном в логистической цепочке БРИКС.

Эфиопия: начальный этап технологического развития. Эфиопия находится на начальном этапе технологического развития в нефтегазовом секторе, но демонстрирует активное участие в институциональных структурах БРИКС.

Эфиопия является участником ядерной платформы БРИКС, что создает возможности для развития атомной энергетики при технологическом содействии России и Китая.

Эфиопия делает первые шаги в применении AI и цифровых технологий. Страна планирует представить свои достижения в области устойчивого развития, обновления городов и зеленых технологий в рамках председательства Индии в БРИКС в 2026 году.

Завершение строительства ГЭС «Возрождение» (GERD) мощностью 6,45 ГВт превращает Эфиопию в гидроэнергетического гиганта Восточной Африки, что создает базу для энергообеспечения потенциальных нефтегазовых проектов в регионе.

Эфиопия находится на начальном этапе технологического развития, но активно участвует в институциональных структурах БРИКС и обладает значительным гидроэнергетическим потенциалом.

Технологический потенциал стран БРИКС в нефтегазовом секторе формирует многоуровневую систему взаимодополняющих компетенций:

1. Китай является абсолютным лидером по AI, цифровизации и полупроводниковым технологиям, обеспечивая технологическую базу для цифровой трансформации ТЭК.
2. Россия обладает уникальными компетенциями в арктических технологиях, атомной энергетике и цифровизации, являясь ключевым поставщиком технологий для стран БРИКС в этих направлениях.
3. Индия обеспечивает кадровый потенциал в дизайне микрочипов (20% мирового резерва) и развивает цифровые платформы для энерготрейдинга.
4. Бразилия является мировым лидером в технологиях глубоководной шельфовой добычи и обладает вторыми по величине запасами редкоземельных металлов.
5. ОАЭ являются интегратором передовых цифровых решений в нефтегазовом секторе, обладая уникальными компетенциями в AI и цифровых двойниках.
6. ЮАР обладает уникальными компетенциями в угольных технологиях (CCUS) и является центром ядерного образования в Африке.
7. Иран демонстрирует уникальный опыт создания локализованных технологических решений в условиях изоляции.
8. Индонезия привносит компетенции в геотермальной энергетике и биотопливе, а также опыт использования AI для управления удаленными активами.

9. Египет обладает уникальными транзитными компетенциями и развивает цифровые технологии для управления энергетической инфраструктурой.
10. Эфиопия, находясь на начальном этапе, активно участвует в институциональных структурах БРИКС, формируя базу для будущего технологического развития.

Нефтехимия и глубокая переработка углеводородов

Нефтехимия и глубокая переработка углеводородов в рамках БРИКС представляют собой не просто один из перспективных векторов сотрудничества, а стратегический императив, продиктованный логикой экономического развития и суверенитета государств-участников. Обладая колоссальными совокупными ресурсами углеводородного сырья, страны альянса исторически были ориентированы в большей степени на его экспорт в виде первичных продуктов. Однако нынешний глобальный тренд на декарбонизацию, волатильность цен на сырье и обострение геополитической конкуренции заставляют кардинально пересматривать эту парадигму. Переход от сырьевой модели к инновационной, основанной на глубокой переработке, становится ключом к созданию высокой добавленной стоимости, технологическому лидерству и укреплению экономической устойчивости всего объединения. Создание замкнутых технологических цепочек «добыча – переработка – химия – материалы» позволяет странам объединения снизить зависимость от внешних технологий и сформировать новые рынки сбыта.

Россия обладает компетенциями в области глубокой переработки углеводородного сырья, включая технологии производства полимеров и нефтехимической продукции с высокой добавленной стоимостью [2]. Индия также является одним из крупнейших мировых центров нефтепереработки и нефтехимии, что создает предпосылки для обмена опытом и совместных разработок [10].

В нефтехимии цифровые решения применяются для оптимизации режимов каталитических процессов, прогнозирования выхода целевых продуктов и управления качеством полимерной продукции. Глубокая переработка подразумевает максимально полное и комплексное использование молекулярного потенциала нефти и газа, трансформацию их не в топлива, а в ценнейшие химические продукты. Речь идет о создании разветвленных производственных цепочек, начинающихся с этановых, нафтеновых и других узких фракций, и заканчивающихся полимерами, каучуками, удобрениями, катализаторами и прекурсорами для фармацевтики. Совместные инвестиции в строительство современных этиленовых и пропиленовых комплексов, заводов по производству СПГ с последующей химической конверсией способны изменить ландшафт мировой индустрии. Анализ технологических и промышленных возможностей стран БРИКС показывает их взаимодополняемость в нефтехимической сфере (табл. 1).

Таблица 1

Основные направления сотрудничества и компетенции стран БРИКС в нефтехимической сфере

Страна	Ключевые компетенции и роль в технологическом партнерстве	Приоритеты для сотрудничества
Россия	Развитие технологий глубокой переработки (коксование, гидрокрекинг), катализаторов, оборудования для НПЗ и нефтехимии.	Замещение импортных технологий, экспорт инжиниринговых услуг и оборудования на рынки БРИКС.
Китай	Мировой лидер в производстве базовых нефтехимических продуктов (этилен, пропилен, ПЭТФ, синтетические волокна). Крупный потребитель сырья и технологий.	Инвестиции в проекты по переработке за рубежом, обеспечение доступа к сырью (в т.ч. сжиженным углеводородным газам), экспорт технологий для угольной химии.
Индия	Быстрорастущий рынок нефтехимии. Развитие производства полимеров, удобрений. Является чистым импортером многих нефтехимических продуктов и технологий.	Привлечение российских и китайских технологий для строительства новых мощностей. Совместное производство катализаторов и реагентов.

Окончание табл. 1

Страна	Ключевые компетенции и роль в технологическом партнерстве	Приоритеты для сотрудничества
Бразилия	Развитое производство биотоплива (этанол из сахарного тростника) и биохимии. Технологии в области «зеленой» нефтехимии.	Обмен опытом и технологиями в области возобновляемого сырья для нефтехимии.
ЮАР	Крупный производитель моторных топлив и базовых химикатов из угля (технологии CTL – Coal-to-Liquids).	Сотрудничество с Россией и Китаем в области углубления переработки угля и углеводородов.
ОАЭ, Саудовская Аравия, Иран	Обладают огромными ресурсами дешевого сырья (этан, СУГ) и развитой нефтехимической инфраструктурой.	Совместное производство полимеров и продуктов органической химии с высокой добавленной стоимостью с привлечением российских и китайских технологий.

Источник: составлено автором по материалам [13].

Доля в мировой нефтехимии: Страны БРИКС (с новыми участниками) контролируют уже более 45 % мирового производства базовых полимеров (полиэтилен, полипропилен, ПЭТФ). Лидирует Китай (более 30%), затем следуют Индия (около 7 %) и Россия (около 3 %).

Рост потребления: Среднегодовой рост потребления нефтехимической продукции в странах БРИКС составляет 4-6%, что значительно выше общемирового (2-3%) [13].

В 2024-2026 гг. активизировались переговоры между российскими нефтехимическими компаниями (СИБУР, «Татнефть») и китайскими партнерами (Sinopec, CNPC) о создании совместных производств на территории России и Китая. Примером является использование китайских технологий для строительства установок по производству малеинового ангидрида, а также обмен лицензиями на производство катализаторов для полимеризации пропилена.

Страны БРИКС демонстрируют высокий уровень самообеспеченности в технологиях повышения нефтеотдачи (EOR) [14]. Это критически важно для нефтехимии, так как методы EOR (полимерное, микробиологическое, щелочное заводнение) не только увеличивают коэффициент извлечения нефти, но и позволяют получать сырье с заданными свойствами для последующей переработки. В России активно развиваются и экспортируются в Иран и Индию технологии термогазового воздействия на пласт, что увеличивает ресурсную базу для нефтехимии.

Обсуждается создание специализированной биржи для торговли нефтехимической продукцией (полимеры, пластмассы, удобрения) с расчетами в национальных валютах. Это особенно актуально для экспорта российской и ближневосточной продукции в Индию и Китай. Как показало исследование, волатильность финансовых рынков и взаимосвязь между отраслями внутри БРИКС являются значимыми, что требует новых стабильных механизмов расчетов [13].

Энергопереход и баланс интересов: климатические цели и углеводородная реальность

Одной из ключевых особенностей энергетического сотрудничества БРИКС является противоречие между климатическими амбициями стран и их зависимостью от углеводородов. Как отмечают эксперты, в странах БРИКС сложилась «парадоксальная ситуация»: с одной стороны – климатические амбиции, с другой – растущий спрос на энергию и, как следствие, необходимость использования углеводородов [3].

Несмотря на экспорт технологий, энергетические стратегии стран БРИКС демонстрируют глубокую внутреннюю противоречивость (табл. 2) [15].

- **Китай и Индия** являются мировыми лидерами по темпам роста «зеленой» энергетики (солнечной и ветровой), но остаются крупнейшими потребителями угля. Для Китая характерна проблема «узких мест» сетевой инфраструктуры – потери возобновляемой энергии из-за нехватки мощностей сетей выросли в разы.
- **Россия и ОАЭ** продолжают делать ставку на углеводороды как основу бюджетных доходов.
- **Бразилия** выделяется на фоне остальных: ее энергобаланс один из самых низкоуглеродных (около 90 % электроэнергии – ВИЭ), и страна может занять место лидера «справедливого перехода».

Это создает для российских компаний двойную возможность: поставлять технологии для традиционной добычи (в краткосрочной перспективе) и участвовать в модернизации энергосетей (в долгосрочной).

Таблица 2

Страны БРИКС демонстрируют различные подходы к решению этого противоречия

Страна	Структура энергобаланса	Ключевые противоречия
Китай	1,9 ТВт установленной мощности ВИЭ (мировой лидер). Доля ископаемого топлива в общей генерации снижается, но уголь остается основой энергосистемы	Противоречие: мировое лидерство в «зеленых» технологиях – сохранение крупнейшего угольного парка в мире.
Индия	50% установленной мощности электростанций приходится на ВИЭ (цель 2030 г. достигнута досрочно). Однако уголь остается доминирующим в выработке электроэнергии	Противоречие: амбициозный рост «зеленой» генерации – необходимость обеспечивать доступной энергией быстрорастущую экономику и население.
Россия	Высокая доля природного газа и атомной энергии в структуре генерации. Возобновляемая энергетика (кроме ГЭС) развита слабо. Обладает крупнейшим в мире техническим потенциалом ВИЭ.	Противоречие: экономика, основанная на экспорте углеводородов – глобальный тренд на декарбонизацию и «углеродно-нейтральное» будущее.
Бразилия	86% электроэнергии – из возобновляемых источников (гидроэнергия – 49%, биотопливо, ветер, солнце). Один из самых низкоуглеродных энергобалансов среди крупных экономик.	Противоречие: необходимость балансировать между защитой Амазонии и развитием агропромышленного сектора, который является источником выбросов.
ЮАР	Около 80 % генерации – уголь. Наблюдается быстрый рост солнечной и ветровой энергетики (13,5 ГВт), но они пока не могут заменить угольные мощности.	Противоречие: острейший энергетический кризис (Eskom) и зависимость от угля – необходимость выполнять климатические обязательства.
Индонезия	Более 60 % электроэнергии вырабатывается на угле. 13,5 ГВт новых угольных мощностей находится в стадии строительства.	Противоречие: стремление стать центром производства электромобилей (за счет никеля) – сохранение угольной зависимости в собственной энергетике.
ОАЭ	Первая арабская страна, использующая атомную энергию (АЭС Барака – 25% потребностей). Введены в строй три крупнейшие в мире солнечные электростанции.	Противоречие: классическая нефтегазовая экономика – необходимость диверсификации для «пост-нефтяного» будущего.
Иран	Гидроэнергетика составляет 90 % мощностей ВИЭ (19 ГЭС). Первая геотермальная электростанция (5 МВт) введена в эксплуатацию. Более 300 солнечных дней в году создают огромный потенциал.	Противоречие: необходимость модернизации изношенной энергетической инфраструктуры в условиях санкций – огромный потенциал для развития ВИЭ.
Египет	Быстрый рост солнечной и ветровой генерации (рост на 24 % в 2024 г.). Ключевые проекты: солнечный парк Бенбан, ветряная электростанция в Суэцком заливе, зона «зеленого» водорода в Суэцком канале.	Противоречие: стремление стать экспортером «зеленой» энергии (водорода) в Европу – сохранение зависимости от природного газа для внутреннего потребления и бюджета.

Окончание табл. 2

Страна	Структура энергобаланса	Ключевые противоречия
Эфиопия	90 % выработки – гидроэнергия. Ввод в эксплуатацию ГЭС «Возрождение» (5,15 ГВт) на Голубом Ниле сделал страну региональным энергетическим центром.	Противоречие: климатическая амбициозность энергетики – уязвимость к изменению климата (засухи) и растущий спрос на энергию для индустриализации.
Саудовская Аравия (приглашенный член)	Развитие солнечной энергетики и «зеленого» водорода (проект NEOM). Тем не менее, нефть и газ остаются основой энергобаланса и экспортных доходов.	Противоречие: «нефтяное королевство» – необходимость диверсификации для обеспечения будущего страны в эпоху декарбонизации.

Источник: составлено автором по материалам [16].

Несмотря на эти различия, страны БРИКС объединяет понимание необходимости справедливого энергоперехода, учитывающего национальные особенности и приоритеты развития [8].

6. Вызовы и ограничения

Развитие технологического партнерства стран БРИКС сталкивается с рядом вызовов и ограничений:

1. **Геополитическая фрагментация.** Растущее геополитическое противостояние, в частности между Китаем и Индией, а также между странами БРИКС и западными государствами, создает препятствия для формирования единой стратегии. Как отмечают эксперты, «в настоящее время не существует коллективного подхода БРИКС к вызовам, исходящим от США» [10].
2. **Разнородность экономических и политических систем.** Страны БРИКС имеют различные модели экономического развития, что затрудняет унификацию подходов к технологическому сотрудничеству.
3. **Недостаточная институционализация.** Несмотря на наличие Энергетической платформы и других механизмов, эксперты отмечают необходимость перехода от «двусторонних переговоров к многосторонним решениям, от транзакционных договоренностей к институциональным рамкам» [10].
4. **Технологические разрывы.** Уровень технологического развития стран БРИКС существенно различается, что требует дифференцированного подхода к сотрудничеству.
5. **Проблемы координации.** Отсутствие единого подхода к формированию технологической повестки и механизмов ее реализации.

7. Заключение и рекомендации

Технологическое партнерство стран БРИКС в нефтегазовой отрасли и нефтехимии имеет значительный потенциал развития, что подтверждается как институциональными решениями (Дорожная карта на 2025-2030 годы, Энергетическая платформа), так и конкретными инициативами стран-участниц.

Россия обладает конкурентоспособными технологиями в области бурения, добычи трудноизвлекаемой нефти и нефтегазового оборудования, готовыми к экспорту на рынки стран БРИКС. Китай, Индия, Иран и ОАЭ имеют взаимодополняющие компетенции, что создает предпосылки для формирования устойчивых технологических альянсов.

Особое значение для технологического сотрудничества имеют цифровизация, искусственный интеллект, водородная энергетика и атомная энергетика. Развитие кадрового потенциала и создание эффективных финансовых механизмов являются необходимыми условиями успешной реализации технологического партнерства.

Вместе с тем, объединение сталкивается с серьезными вызовами, включая геополитическую напряженность, разнородность национальных интересов и недостаточную институционализацию сотрудничества.

Рекомендации

На основе проведенного анализа предлагаются следующие рекомендации по развитию технологического партнерства стран БРИКС в сфере ТЭК:

1. **В области институционального развития:**
- Укрепить роль Энергетической платформы БРИКС как координационного механизма технологического сотрудничества, наделив ее функциями мониторинга реализации совместных проектов.
- Разработать и утвердить «Технологическую дорожную карту БРИКС» с конкретными проектами и сроками реализации.

2. **В области технологической кооперации:**
- Создать совместные исследовательские центры по приоритетным направлениям: искусственный интеллект в ТЭК, водородные технологии, глубокая переработка углеводородов.
- Разработать механизмы трансфера технологий между странами БРИКС, включая систему лицензирования и защиты интеллектуальной собственности.

3. **В области кадрового обеспечения:**
- Расширить программы академического обмена и профессиональной подготовки специалистов для ТЭК.
- Реализовать совместные образовательные программы по направлениям, определенным в Дорожной карте (водородная энергетика, углеродно-нейтральные технологии, управление отходами).

4. **В области финансирования:**
- Расширить участие Нового банка развития в финансировании технологических проектов в сфере ТЭК.
- Создать специализированный технологический фонд БРИКС для поддержки совместных R&D-проектов в нефтегазовой и нефтехимической отраслях.

5. **В области координации:**
- Усилить взаимодействие между отраслевыми министерствами и ведомствами стран БРИКС для синхронизации технологических приоритетов.
- Обеспечить преемственность инициатив при смене председательства, в частности, использовать потенциал председательства Индии в 2026 году для продвижения технологической повестки.

Список литературы

1. Comprehensive Report of the 4th BRICS Working Group on Renewable and New Energies Hosted by Iran. – https://sti-brics.ir/en/full-report-brics-new-renewable-energy-2025-tehran/
2. Российские технологии ТЭК выходят на рынки БРИКС и Африки // Агентство нефтегазовой информации. – 2025. – https://angi.ru/news/2929003-.
3. Energy transition in BRICS countries: climate ambitions and hydrocarbon reality // BelTA – News. – 2026. – https://eng.belta.by/partner_news/view/energy-transition-in-brics-countries-climate-ambitions-and-hydrocarbon-reality-177797-2026/
4. South Africa hosts BRICS Plus expert session on nuclear energy // TASS. – 2026. – https://tass.com/economy/2097889/amp.
5. Страны БРИКС приняли дорожную карту энергетического сотрудничества на 2025-2030 годы // Energyland.info. – 2025. – https://energyland.info/analitic-show-270004.
6. *Wu, J., Xu, X., Wang, W., Jiang, J., Xue, Y., Jiang, L.* BRICS cooperation and ecological sustainability: Unveiling the roles of energy transition, technological innovation, and globalization // Gondwana Research. – 2026. – N 151. https://doi.org/10.1016/j.gr.2025.10.024

7. Россия готова экспортировать технологии ТЭК в страны БРИКС, Ближнего Востока, Африки // СберПро | Медиа. – 2025. – https://sber.pro/publication/minenergo-rossiya-gotova-eksportirovat-tehnologii-tek-v-strani-briks-blizhnego-vostoka-afriki/
8. BRICS countries have approved a roadmap for energy cooperation until 2030 // AK&M. – 2026. – https://www.akm.ru/eng/news/brics-countries-have-approved-a-roadmap-for-energy-cooperation-until-2030/
9. Цивилев: ТЭК России предложит технологии странам БРИКС, Ближнего Востока и Африки // Вести.Ru. – 2025. – https://www.vesti.ru/article/4752049.
10. BRICS for the future: India's chairship to lead from ideas to implementation // The Economic Times. – 2025. – https://s2soriginеeconomictimes.timesofindia.co.in/news/india/brics-for-the-future-indias-chairship-to-lead-from-ideas-to-implementation/articleshow/124575083.cms.
11. Semiconductors in BRICS countries: why chips serve as "oil of 21st century"// BelTA – News. – 2026. – https://eng.belta.by/partner_news/view/semiconductors-in-brics-countries-why-chips-serve-as-oil-of-21st-century-177894-2026/
12. Совместные проекты БРИКС в области искусственного интеллекта// https://bricscouncil.ru/en/analytics/sovmestnye-proekty-stran-briks-v-oblasti-iskusstvennogo-intellekta
13. *Hassan Javed, Arshad Hassan.* The Symbiotic Financial Web: Industrial and Economic Interconnections in BRICS Nations. – https://link.springer.com/article/10.1007/s10690-025-09564-0
14. Оценка технологий (патентов) и научных достижений в области повышения нефтеотдачи в странах БРИКС и за их пределами с учетом роста и специализации в рамках ответственного глобального энергетического перехода. – https://api.scienceopen.com/document/read?vid=6d59bdac-b091-4425-a5e8-cabe01bcfdd5.
15. Энергетический переход в странах БРИКС: климатические амбиции и реальность в сфере углеводородов. – https://mail.thediplomaticsociety.co.za/5543-energy-transition-in-brics-countries-climate-ambitions-and-hydrocarbon-reality.
16. *Anoushka Singh.* Fractured Climate Multilateralism and the BRICS Pathways to Energy Transition. – 2026. – https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=1&ls_id=14133&lid=8574.

Князева И.В.
к.э.н., с.н.с. Института международных экономических связей, Москва
kn.inga.v@gmail.com

НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА БРИКС

Ключевые слова: цифровая инфраструктура БРИКС, цифровая платежная инфраструктура, трансграничные расчёты, цифровые финансовые активы (ЦФА), BRICS Clear, BRICS Bridge, BRICS Pay, дедолларизация, цифровая торговля.
Key words: BRICS digital infrastructure, digital payment infrastructure, cross-border settlements, digital financial assets (DFA), BRICS Clear, BRICS Bridge, BRICS Pay, de-dollarization, digital commerce.

В 2025 году вклад БРИКС в мировой ВВП составил максимальное за всю историю объединения значение – 39,2%, увеличившись по сравнению с предшествующим годом на 0,5%, при этом на Китай приходится около 19% мирового ВВП, около 8% – на Индию, Россия вносит в показатель 3,4% [14].

Развивается и цифровое пространство БРИКС, которое сегодня превращается в цифровую экосистему.

Цифровое пространство БРИКС представляет собой совокупность инициатив и механизмов в сфере цифровой экономики, трансграничных платежей, искусственного интеллекта, цифрового суверенитета, электронной торговли и обмена данными между странами объединения. БРИКС уверенно превращается не только в экономический, но и в технологический блок.

Сегодня объединение усиливает спрос на независимую цифровую инфраструктуру и альтернативные финансовые технологии, формируется цифровая экосистема БРИКС.

Среди основных направлений цифрового развития БРИКС на современном этапе можно выделить следующие (рис. 1):

- совершенствование расчетно-платежной инфраструктуры, стремление к самодостаточной финансовой архитектуре;
- акцент на цифровое развитие развивающихся стран, преодоление цифрового неравенства;
- активная интеграция генеративного искусственного интеллекта (ИИ);
- развитие механизмов электронной торговли, включая антимонопольное регулирование и регулирование работы маркет-плейсов, механизмы защиты данных.

Рис. 1. Направления развития цифрового пространства БРИКС на современном этапе

Рассмотрим эти направления более подробно.

1. Самодостаточная финансовая архитектура

Представляется, что работа по формированию новой финансовой инфраструктуры происходит в нескольких направлениях.

Во-первых, происходит дедолларизация, что проявляется, прежде всего, в увеличении доли национальных валют в расчётах. В отдельных сегментах взаимной торговли (например, между Россией и Китаем) эта доля уже превышает 90% [10]. Также достаточно активно используются национальные платежные системы в качестве замещения SWIFT, транзакции обслуживаются, например, внутренними аналогами – российской СПФС (Система передачи финансовых сообщений) и китайской CIPS (Cross-Border Interbank Payment System), которые напрямую стыкуются между собой [13].

Во-вторых, созданы и развиваются независимые платежные решения, в частности BRICS Pay. Проект направлен на создание трансграничной розничной платежной экосистемы. Это позволяет гражданам и бизнесу стран БРИКС рассчитываться за товары и услуги в национальных валютах без конвертации через доллар и без участия западных карточных систем Visa, Mastercard [7].

Также сегодня обсуждается интеграция в расчеты цифровых валют центральных банков – цифрового рубля, цифрового юаня и других национальных цифровых платформ для мгновенных межгосударственных расчетов по системе mBridge [8].

В-третьих, недостаточно активно, но развивается и институциональный контур БРИКС. Для финансовой стабильности и реализации инвестиционных процессов в БРИКС формируются собственные институты. Так, Новый банк развития (НБР БРИКС) выступает как многосторонний институт развития, целью которого является не только финансирование инфраструктурных проектов, но и финансирование проектов устойчивого развития в государствах БРИКС и других развивающихся странах. Банк может использовать широкий спектр финансовых инструментов,

в частности займы, гарантии, может участвовать в капитале, оказывать техническое содействие [20].

Другим примером институциональной структуры БРИКС является, например, Пул условных валютных резервов (CRA – Contingent Reserve Arrangement). Пул является инструментом для предоставления поддержки ликвидности и финансовой стабильности для стран БРИКС в случае финансовых и экономических кризисов [9].

В качестве элементов институциональной структуры можно рассмотреть и суверенные сервисные институты. В БРИКС сегодня формируется альянс перестрахования [16]. Это независимая перестраховочная емкость, которая позволит осуществлять крупные международные торговые и инвестиционные сделки [7].

БРИКС нужны и собственные рейтинговые механизмы. Кроме того, предстоит создание единой системы методологии и оценки ресурсов стран БРИКС, что позволит унифицировать часто разрозненные по странам данные, включая макроэкономические показатели, экономические прогнозы, объемы запасов природных ресурсов, объемы внутренней и международной торговли стран-участниц объединения [11].

Таким образом, в целом речь идет о выстраивании параллельного финансового контура, который защищает суверенитет участников и снижает их зависимость от западной инфраструктуры (в частности, от доллара США и системы SWIFT). При этом финансовая архитектура БРИКС не жестко централизована, а формируется по принципу сетевой децентрализации.

2. Развитие механизмов электронной торговли

В области цифрового регулирования и платформенной экономики в БРИКС существует достаточно много аспектов рассмотрения.

Кратко затронем те, по которым не достигнуто сегодня достаточное согласие среди стран-участниц БРИКС:

- участие в Совместной инициативе по электронной коммерции – в инициативе участвуют сегодня Россия, Китай, Бразилия, ОАЭ, Индонезия, не присоединилась к инициативе такая крупная страна как Индия, не присоединились также ЮАР, Египет и другие страны;
- отношение к «Мораторию на таможенные пошлины на электронные передачи» (продлен на 13 министерской конференции ВТО в Абу-Даби). В БРИКС представлены и активные сторонники Моратория, например, ОАЭ, Китай, Россия, и активные противники Моратория, например, Индия, ЮАР, Индонезия [15];
- различные подходы к развитию системы налогообложения цифровых услуг. Действующая система такого налогообложения имеется в Индии и Индонезии, а Россия, Китай, ЮАР в целом не имеют такой системы;
- различные позиции стран-участниц БРИКС по организации трансграничной передачи данных – есть страны с жесткой суверенной позицией, такие как Россия и Китай, а есть страны, где даже не урегулирован правовой статус понятия «трансграничная передача данных», например, Эфиопия и Иран;
- позиции по локализации данных, Россия и Китай, например, выступают как сторонники обязательной локализации данных, а Египет и Эфиопия придерживаются литеральных подходов к локализации [15].

3. Активная интеграция ИИ в развитие цифровой экосистемы БРИКС

Страны БРИКС активно внедряют инструменты искусственного интеллекта в процессы электронной торговли, управления транзакциями, управление промышленными и другими бизнес-процессами, важную роль играет ИИ в социальной сфере стран-участниц объединения – в образовании и здравоохранении [18].

При этом существуют и особенности развития ИИ в БРИКС.

Исследования демонстрируют, что ожидаемый к 2030 г. экономический потенциал внедрения, например, технологий генеративного ИИ в БРИКС может составить 350-600 млрд долл. При этом почти 70% эффекта от интеграции генеративного ИИ в экономики стран БРИКС будет

приходиться преимущественно, по оценке экспертов, на шесть отраслей – машиностроение, энергетику, банковский сектор (около 20% эффекта), розничную торговлю, электронику и ИТ [1].

Второй особенностью активной интеграции ИИ в БРИКС является то, что основной эффект (около 86%, по оценкам экспертов) внедрения генеративного ИИ придется на Китай, Индия, Бразилия и Россия разделят 12% эффекта, а прочие страны – менее 2% эффекта [2].

Таким образом, эффект от внедрения ИИ странами БРИКС достаточно дифференцирован.

4. Цифровое развитие развивающихся стран БРИКС

Исследования показывают, что цифровое неравенство между странами БРИКС «делает универсальные решения малоэффективными и требует многоуровневой модели кооперации, учитывающей различия в регуляторных режимах, уровне платформизации и зрелости цифровых рынков» [17; 5].

Более развитые страны БРИКС сегодня участвуют в цифровом развитии развивающихся членов объединения. Происходит непрерывный трансфер технологий [3], в частности из России, российский рынок финансового и инженерного ПО вполне способен поставлять конкурентоспособные программные решения в страны БРИКС [6]. В рамках БРИКС активно развиваются открытые цифровые технологии [4], развиваются системы безопасных цифровых транзакций и трансграничных платежей. Процесс развития цифровой инфраструктуры развивающихся стран БРИКС происходит преимущественно через НБР БРИКС, общая сумма проектов, реализуемых через НБР и направленных на развитие стран Глобального Юга, достигла 39 млрд долл. [19].

Таким образом, цифровое пространство БРИКС находится на этапе активного формирования. Союз делает акцент на финансовую независимость, высокий уровень цифрового суверенитета стран-участников, эффективные трансграничные расчёты, развитие собственной технологической инфраструктуры.

В ближайшие 5-10 лет БРИКС может превратиться в один из крупнейших цифровых макрорегионов мира, особенно если будет реализована интеграция платёжных систем, цифровых валют центральных банков стран-участниц и платформ электронной торговли. Эффективность такой интеграции, безусловно, зависит от уровня координации между странами, технологической совместимости и политической устойчивости объединения.

Список литературы

1. *Болотских М.* Будущее генИИ в странах БРИКС+ / Консалтинговая компания «Яков и партнеры». – 2025. – Январь. – https://yakovpartners.ru/publications/gen-ai-brics/
2. Внедрение генеративного ИИ может принести странам БРИКС+ до 600 млрд долл. США к 2030 г. // Ведомости. 21.01.2025. – https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/01/21/vnedrenie-generativnogo-ii-mozhet-prinesti-stranam-briks-do-600-mlrd-doll-ssha-k-2030-g
3. *Володенков С.В., Кашин Е.А., Крайнов С.К.* Роль трансфера технологий в рамках геополитической стратегии России в многополярном мире // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 49-63.
4. *Кабанов Д.А.* Открытые цифровые технологии как новое направление сотрудничества стран БРИКС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 166-185.
5. *Киртон Д.Д., Ларионова М.В.* БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – № 2. – С. 7-30. – doi: 10.17323/1996-7845-2022-02-01.
6. *Князева И.В.* Развитие рынка инженерного российского ПО как фактор становления технологического суверенитета // Россия и мир: развитие цивилизаций. Уроки Великой Победы и новое мироустройство: Сборник материалов XV международной научно-практической конференции. Москва, 2-3 апреля 2025 г. В 2 ч. – Москва, 2025. – Ч. 2. – С. 335-339.
7. *Князева И.В.* Цифровизация рынков БРИКС // Цифровая трансформация международной экономической системы: глобальные вызовы: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Москва, 5 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2025. – С. 95-103. – EDN IXJQRT

8. *Князева И.В.* Цифровые валюты центральных банков в современном мире // Экономическая среда. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 95-111. – https://doi.org/10.22394/ee251.95-111. – EDN BGHIQD
9. Новая эра финансовой независимости от МВФ и доллара: CRA BRICS. Как резервный фонд BRICS бросает вызов западному финансовому доминированию // Новости БРИКС. 10.04.2025. – https://brics.zone/cra-brics-novaya-era-finansovoj-nezavisimosti-ot-mvf-i-dollara/
10. *Подругина А., Морозкина А.* Дедолларизация мировой экономики: в поисках нового равновесия // Эконс. – 2025. – 11 ноября. – https://econs.online/articles/opinions/dedollarizatsiya-mirovoy-ekonomiki-v-poiskakh-novogo-ravnovesiya/
11. Расширение БРИКС. Новый формат партнерства меняет правила глобальной игры // Фонд Росконгресс. 08.11.24. – https://roscongress.ru/materials/rasshirenie-briks-novyy-format-partnerstva-menyaet-pravila-globalnoy-igry/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F
12. Силуанов призвал БРИКС создать страховые компании для достойной конкуренции // ТАСС. 4.07.2025. – https://tass.ru/ekonomika/24434515
13. Система передачи финансовых сообщений. Национальная платежная система // Банк России. – https://www.cbr.ru/psystem/fin_msg_transfer_system/
14. Страны БРИКС вышли на рекордную долю в глобальной экономике // Москва 24. Новостной портал. – https://www.m24.ru/news/17042026/892305?utm_source=CopyBuf
15. *Уланов А.А.* Цифровая повестка в странах БРИКС: оценка развития и потенциал сотрудничества / А.А. Уланов, М.Ф. Ткаченко // Экономические отношения. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 215-238. – DOI 10.18334/eo.16.1.124843. – EDN RPNZHM. – https://1economic.ru/lib/124843
16. *Федорова Т.В., Князева И.В.* Особенности цифрового торгового взаимодействия стран БРИКС // Цифровая культура управления активами в новых бизнес-моделях. – Москва: МГИМО МИД РФ; Институт проблем рынка РАН, 2025. – С. 99-104.
17. *Чернышева Т.К.* Новые механизмы научно-технологической кооперации и расчетов в БРИКС+ в условиях геополитической напряженности // Вопросы инновационной экономики. – 2026. – Т. 16, № 2. – DOI 10.18334/vinec.16.2.125085. – EDN QXPILP.– https://1economic.ru/lib/125085
18. *Blanchet A.* Artificial Intelligence Governance in BRICS: Cooperation and Development for Social Inclusion // BRICS. Brazil. 11.04.2025. – https://brics.br/en/news/articles/artificial-intelligence-governance-in-brics-cooperation-and-development-for-social-inclusion
19. BRICS and UN Sustainable Development Goals: alternative model for Global South // TV BRICS. 17.02.2026. – https://tvbrics.com/en/bricslife/brics-and-un-sustainable-development-goals-alternative-model-for-global-south/
20. The 11th NDB Annual Meeting. May 14-15, 2026. – https://www.ndb.int/

Кравченко В.В.

д.филос.н., доцент, профессор Кафедры мировой политики и межцивилизационного развития, в.н.с. Университета мировых цивилизаций

РЕЛИГИОЗНОЕ СОГЛАСИЕ В ДУХОВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БРИКС КАК ЗАЛОГ ДОЛГОСРОЧНОГО И ПЛОДОТВОРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ключевые слова: БРИКС, Российская цивилизация, межрелигиозный диалог, межконфессиональный диалог, религиозное согласие, менталитет.

Key words: BRICS, Russian civilization, interreligious dialogue, interfaith dialogue, religious accord, mentality.

В исследовании религиозного согласия стран БРИКС акцентируется внимание на тех духовных основах, которые определяют не только целостность Российской цивилизации, но и возможность духовного единства со странами БРИКС.

До сих пор во многих исследованиях о межрелигиозных взаимодействиях разных стран основное внимание уделяется межрелигиозному и межконфессиональному диалогу. Однако ме-

жрелигиозный диалог и религиозное согласие, хотя и связанные понятия, кардинально различаются.

Межрелигиозный диалог представляет собой совокупность взаимодействий представителей различных религий между собой. В настоящее время зачастую речь идет не о «диалоге», а «полилоге», т.е. коммуникации многих участников взаимодействий. И сама коммуникация предполагает большое разнообразие: это и дискуссии, и проведение научных и массовых мероприятий, и организация социальных проектов и т.д.

Основная цель межрелигиозного диалога – достижение взаимопонимания между сторонами, обмен опытом, решение общих социокультурных, политических, экономических проблем, а главное – обеспечение безопасного существования верующих и мирное сосуществование религиозных организаций.

Религиозное согласие предполагает, в первую очередь, нахождение консенсуса по основным актуальным проблемам. Как правило, это определение общей позиции по некоторым фундаментальным проблемам, с возможностью расхождения во мнениях по частным вопросам. Религиозное согласие может быть результатом диалогов/полилогов, но может и не предполагать активного обмена мнениями.

Если достижению религиозного согласия предшествовал межрелигиозный диалог, то его результат будет во многом зависеть от вида и содержания диалога. В настоящее время сформулированы новые подходы к классификации видов межрелигиозных диалогов. Так, исходя из критерия «интенция», т.е. мотивации, побуждающей представителей разных религий вступать в общий разговор, С.В. Мельник выделяет четыре основных вида межрелигиозных диалогов: полемический, когнитивный, миротворческий и партнерский. Автор подхода выделяет также другие критерии классификации таких диалогов – цель, принципы и форма. В частности, в рамках критерия «форма» выделяется три уровня участников контакта: институциональный, экспертный/концептуальный и низовой [7, с. 70-71].

Совершенно очевидно, что не все виды межрелигиозных диалогов могут привести к религиозному согласию. Однако это возможно, как показывает опыт межкультурной коммуникации, подробно рассмотренный С.В. Мельником в его монографии. Так, например, в академическом проекте «Размышления над Писаниями» в «Академии иудейской философии», который начался в 1990-х гг. и до сих пор популярен в США и Великобритании, христианские, иудейские и мусульманские ученые (библеисты, экзегеты, богословы и философы) совместно читали и обсуждали Священные Писания христианства, иудаизма и ислама. К религиозному согласию в этих межрелигиозных диалогах приводили доброжелательность, дух открытости, осознание общности, поиск взаимопонимания и исправление искажений в представлениях о других религиях [8, с. 183-185].

В политической плоскости проблема межрелигиозных диалогов сегодня является чрезвычайно острой, тем более что даже в религиоведении она только обретает методологическую базу. Так, К. Антонов признает, что до сих пор в отечественном религиоведении сохраняются «рудименты натурализма, специфического научного «высокомерия» и связанного с ними монологизма...» [1, с. 10]. Ученый предложил обратиться к диалогической концепции М.М. Бахтина, в которой постулируется важнейший момент любого диалога – осознание активности Я в отношении Другого Я [2; 3]. Ведь именно осознание значимости другой стороны в диалоге и ведет к возможности согласия. И здесь раскрываются условия подлинного диалога, к которым относятся уважение мировоззрения собеседника; умение слушать, а не только говорить; стремление войти в перспективу религиозного опыта партнера; отказ от прозелитизма; доброжелательность; готовность к восприятию критики; готовность к духовному и личностному росту и т.д. [8, с. 8].

Однако сложность поиска современного религиозного согласия состоит еще и в том, что оно является результатом не только межрелигиозного, но и межконфессионального диалога, что далеко не одно и то же. Если межрелигиозный диалог представляет собой взаимодействие между представителями различных религий, то межконфессиональный диалог – это коммуникации между различными религиозными группами и организациями (или их представителями). У этих диалогов различные цели и задачи. Воспользовавшись выводами С.В. Мельника по результатам рассмотрения видов диалогов [8, с. 382-387], отметим, что межрелигиозные диалоги, в первую очередь, когнитивные и полемические, имеют целью понять другую религию, обеспечить духовный и личностный рост, установить личный контакт с собеседником, пытаться

искать истину, осмысливать соотношение разных религий, в конце концов, более глубоко изучать другие религии.

Межконфессиональный диалог (близкий к миротворческому, дипломатическому и партнерскому) использует авторитет и административный ресурс религиозных лидеров и организаций; стремится к разработке концепций, которые могут служить мирному сосуществованию последователей разных религий; он направлен на развитие взаимоуважения и гармоничных отношений между рядовыми верующими; ведет к сотрудничеству по обустройству совместного быта, помощи нуждающимся; пытается решать экологические проблемы и т.д.

Из сказанного выше понятно, что социально-экономические, политические и культурные взаимодействия стран БРИКС, которые строятся на основе признания общих ценностей и принципов сосуществования дружественных стран, государств и народов, поисках современного религиозного согласия должны опираться, в первую очередь, на межконфессиональные диалоги и отношения. Решение подобной задачи возможно в масштабе БРИКС, поскольку в России, например, есть успешный опыт в этом плане.

Как доказывают исследования, при безусловной значимости православия в России как Патриархия Русской православной церкви, так и прихожане христианских храмов стремятся к достижению взаимопонимания с другими конфессиями и верующими других религий [5]. В отдельных регионах России, отличающихся чрезвычайным разнообразием религий и конфессий, также налажен межконфессиональный диалог [4].

Итак, в настоящий момент религиозное согласие в странах БРИКС возможно на основе межконфессионального диалога.

Колониальная система прежнего мироустройства предполагала внутреннее убеждение подчиненных народов в том, что они не способны самостоятельно обустраиваться, развиваться, даже просто выживать. Духовное самоуничижение колонизованных народов, и одновременно – самоутверждение колонизаторов в их культурном, политическом и экономическом превосходстве, – вот что было исходной базой, многолетним фундаментом колониальной системы. В XX в. создание неоколониальной системы проходило под видом «помощи» в обретении «демократии», «независимости» и защиты «прав человека», но в сущности фундаментальная идея о неизбежной зависимости «освободившихся» стран от сильных стран-«покровительниц» оставалась неизменной.

Обретение духовного самостояния для стран, освободившихся от колониальной и неоколониальной зависимости, – это сложный и длительный процесс, во многом напоминающий подростковый период в развитии молодежи. В политическом, социокультурном и духовном плане этот период связан с кризисами, необходимостью решать множество неотложных проблем во всех сферах жизни государства и общества.

Однако, как показывают политические события, происходящие буквально на наших глазах, народы освободившихся стран уже совершенно ясно осознают истинную систему взаимодействий европейских стран как метрополий со своими южными колониями. Так, на саммите «Африка вперед», проходившем 11 и 12 мая 2026 г. в Найроби, выступление Эмануэля Макрона, французского президента, было фактически сорвано африканской молодежью, для которой Франция – это страна, которая долгие десятилетия была метрополией для многих африканских государств. И хотя Кения, где проходил саммит, исторически находилась под влиянием Британии, стало очевидно, что новое поколение африканцев выступает против любого неоколониального гнета, против западного влияния как такового.

Во главе БРИКС находятся страны, которые уже доказали свою политическую и духовную состоятельность, а Россия, Индия и Китай являются мощными цивилизациями, накопившими огромный опыт в преодолении трудностей роста и в стремлении к внутренней и международной стабильности.

Основной принцип взаимодействия стран БРИКС – создание системы плодотворного сотрудничества на основе подлинного равенства, взаимопомощи, коэволюционного развития. В этом союзе государств нет «слуг» и «господ», нет политических, экономических и социокультурных «ловушек», нет намерения «разделять и властвовать»... Совершенно очевидно, что подобное международное объединение действительно является абсолютно новаторским и для многих непривычным.

А главное – идейным фундаментом объединения БРИКС является осознанное стремление к мирному и взаимовыгодному взаимодействию, которое построено на единстве духовных ценностей, в конечном счете, восходящих к истокам любой религиозной веры. Имеются в виду общеконфессиональные ценности – добро, справедливость, взаимопомощь, честность...

Не случайно страны-организаторы БРИКС являются поликонфессиональными, прошедшими испытания не только политическими и социальными, но и религиозными конфликтами. У них есть опыт поиска и обретения достаточного хрупкого согласия во взаимодействии представителей различных религий.

Дело здесь оказывается не только в том, что акцент в подобных взаимодействиях делается на экономических, политических и социальных проблемах. Дело в том, что проявляется естественное различие в менталитетах народов различных стран, менталитетах, построенных на фундаментах различных религий.

Яркий пример принципиального столкновения менталитетов мы видим сегодня в противостоянии Ирана и США. Мусульманская страна не просто отстаивает свою независимость в политическом и экономическом смысле. Она проявляет поразительную стойкость, народное единство, невероятное мужество и верность своим духовным лидерам. Это оказалось совершенно неожиданным для Америки, которая строит свою политику исключительно на экономической выгоде и рациональном политическом расчете, хотя в подоплеке конфликта оказалось реальное противостояние мусульманского (шиитского) и сионистского (иудейского и протестантско-сионистского) менталитетов. Ведь именно Израиль, поддержанный протестантскими сионистами США, спровоцировал президента США начать военные действия против Ирана как давнего религиозного противника Израиля. Напомню, накануне начала военных действий США в Овальном кабинете Белого дома произошло беспрецедентное событие, когда под руководством официального духовного консультанта Трампа, евангелистки Паулы Вайт, около 20 протестантских пасторов провели коллективную молитву о «ниспослании силы» Трампу и высшей защите американских военных.

Сегодня нельзя не учитывать и тем более недооценивать религиозный фактор в том «столкновении цивилизаций», а точнее, конфликте менталитетов, который еще не завершился, и разрешение которого вполне вероятно может произойти не столько в результате военных действий, сколько на основе найденного духовного консенсуса.

Итак, совершенно очевидно, что религиозный фактор в международных отношениях приобретает высокую значимость. И во избежание множества недоразумений в решении вопросов, как будто напрямую не связанных с религией, необходимо учитывать особенности менталитетов разных народов, ориентирующихся на различные духовно-религиозные системы. Необходимо искать не только политический и социальный консенсус, но и религиозное согласие.

Если рассматривать БРИКС как уникальный клуб государств, объединившихся для решения общемировых актуальных проблем, то становится совершенно очевидно значение духовных, в том числе межрелигиозных взаимодействий, которые реально определяют возможность взаимопонимания и солидарного сотрудничества.

Так, подводя итоги встречи глав МИД БРИКС, прошедшей 14-15 мая 2026 г. в Нью-Дели, министр иностранных дел России Сергей Лавров высказал мнение о том, что Индия могла бы сыграть роль посредника в нормализации отношений между Ираном и арабскими монархиями. И это предложение было явно вызвано, в том числе, и тем, что в Индии, многоконфессиональной стране с большим числом мусульман, есть тонкое понимание исламского менталитета, что могло бы реально помочь в решении вопроса.

Как известно, БРИКС в настоящее время не планирует расширять состав своих членов. Выстраивание партнерских взаимоотношений между участниками объединения требует серьезной и напряженной работы. Как уже упоминалось, основные страны являются многоконфессиональными (Бразилия, Россия, Индия, Китай), в ЮАР преобладает христианство, а в остальных странах – ОАЭ, Иране, Эфиопии, Египте и Индонезии большинство населения исповедует ислам. При всех сложностях общие основы менталитетов позволят решать основные вопросы в области политики, экономики, культуры. Привлечение других стран естественно вызовет новые проблемы при неизбежном появлении разногласий и в поисках общих решений.

Учет особенностей менталитетов различных стран, как показывают современные события, становится важнейшим моментом в построении многополярного мира, имеющего множество

духовных измерений. Для решения глобальных и повседневных проблем необходимо учитывать не только материальные, но и духовные запросы народов.

Таким образом, формирование нового миропорядка, предполагающего коэволюционное развитие государств с различными экономическими, социальными и политическими укладами, неизбежно включает становление глубинного духовного, в первую очередь, религиозного согласия народов с различным историко-культурным и религиозным опытом.

Список литературы

1. *Антонов К.М.* Веберовское и коммуникативное понятие науки и миссия религиоведения в межрелигиозном диалоге // Религиоведческие исследования. – 2024. – № 1 (29). – С. 10-41. DOI: 10.23761/rrs2024-29.10-41.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // М.М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. – М., 2002. – С. 7-55.
3. *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60х – начала 70-х годов // М.М. Бахтин. Собр.соч. в 7 т. Т. 6. – М., 2002. – С. 533-700.
4. *Бурова Ю.В.* Межконфессиональное согласие как фактор стабилизации социальных процессов в регионе // Регионология. – 2013. – № 1 (82). – С. 75-82.
5. *Зенкин А.И.* Межконфессиональные и межрелигиозные отношения в современной России: состояние, специфика, перспективы // Научный журнал. – 2018. – № 1 (34). – С. 83-90.
6. *Кравченко В.В.* Цивилизационные основания политических трансформаций. – М.: Издат. дом «УМЦ», 2025. – 165 с.
7. *Мельник С.В.* Классификация видов межрелигиозного диалога: новый подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. – 2024. – № 1. – С. 61-101. DOI: 10.31249/rphil/2024.01.06
8. *Мельник С.В.* Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации. Монография. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – 398 с.

Краснопольский Б.Х.

д.э.н., профессор, гл.н.с., Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение РАН, г. Хабаровск

boriskrasno@gmail.com

БРИКС И СОТРУДНИЧЕСТВО В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СЕВЕРОТИХООКЕАНСКОГО СЕКТОРА НА СТЫКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И США

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ), Дальний Восток, высокоширотные территории, трансграничный «форпост», Северный морской путь, Берингов пролив, штат Аляска (США), БРИКС, трансграничное сотрудничество.

Key words: Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), Far East, high-latitude territories, transborder “outpost”, Northern Sea Route, Bering Strait, Alaska (USA), BRICS, transborder cooperation.

Акцент в данной статье сделан на дальневосточном трансграничном «форпосте» Северо-арктической зоны страны, включающем высокоширотные[1] непосредственно арктические улусы Республики Саха (Якутия) и районы Чукотского автономного округа, а также в соответствии с мезорегиональной концепцией поддерживающие их в плане пространственно-хозяйственного развития территории Крайнего Севера Дальнего Востока – срединные районы Якутии и районы Магаданской области. Их многоаспектное социально-экономическое интегрирование сложилось

[1] Напомним, что высокие широты в северном полушарии находятся между 60 градусом северной широты и

в течение длительного исторического периода посредством, прежде всего, элементов внешней, экзогенной инфраструктуры, ее магистральных видов деятельности. Зона, охватываемая этими территориями, ограниченна с юга 60 градусом северной широты, включая г. Магадан.

Эти территории в совокупности можно назвать, по мнению автора, Северо-Восточным мезорегионом[1].

Южная часть Якутии ниже 60 параллели в природно-географическом и хозяйственном плане имеет гораздо более глубокие связи с южными районами Дальнего Востока. В данном случае представляет интерес статья якутского исследователя М.Ю. Присяжного, в которой он называет южный район республики вообще «государством в государстве», подчеркивая, что этот район включает ряд транспортно-промышленных ареалов, длительная устойчивость которых объясняется его особым географическим положением и наличием железной дороги. Этот район характеризуется им как обособленный в развитии с преобладанием внешнего «вектора» экзогенных связей, что превалирует над эндогенным взаимодействием с высокоширотными административно-территориальными образованиями Якутии [8].

Вообще, самой идее о формировании в северо-восточной части Арктической зоны нашей страны (АЗРФ) и ее Крайнего Севера некого достаточно тесно интегрированного по основным структурообразующим параметрам крупного пространственно-хозяйственного образования уже несколько десятилетий[2]. В этом отношении можно привести для примера фундаментальную работу С.В. Славина «Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район» [10], а также работу, выполненную научными подразделениями Республики Саха (Якутия) [9].

Эта проблема должна быть поднята снова в связи с по-прежнему стихийным образом протекающими интеграционными процессами в этой зоне, которые до настоящего времени происходят преимущественно естественным путем, без какого-либо регулирующего влияния со стороны действующих здесь институтов власти. Они находят выражение в подчас разрозненных и нескоординированных действиях отдельных хозяйствующих субъектов, исходя из их индивидуальных рыночных интересов.

Вообще, всем дальневосточным территориям остро необходимо объединение, взаимопроникновение, но с учетом их существенных природно-экологических и прочих особенностей и пространственно-хозяйственной дифференциации в целом. Автор считает, что необходимо вернуться к предложению Министра по развитию Дальнего Востока и Арктики А. Чекункова, которое до настоящего времени почему-то так и не было реализовано. Он предлагал еще в 2022 г. на заседании Совета по вопросам развития Дальнего Востока, Арктики и Антарктики при Совете Федерации при реализации стратегического прогнозирования *разделить Дальневосточный макрорегион на четыре подрайона*, что связано с существенными их различиями по природно-хозяйственным характеристикам и другим параметрам, в числе которых он выделил и высокоширотный – Республика Саха (Якутия), Магаданская область и Чукотский автономный округ, которые занимают почти 60% площади и включают 15% населения всего Дальнего Востока[3].

На перспективное развитие и интеграционное взаимодействие высокоширотных дальневосточных территорий в настоящее время усилилось влияние различного рода как внутренних кризисов, так и внешних угроз, связанных с их трансграничным положением. По этой причине здесь необходимо сосредоточение усилий как административных, так и предпринимательских институтов управления и мобилизация всех ресурсов на формировании более устойчивой имен-

---

Северным полюсом. См.: Что такое высокие широты? – https://dzen.ru/a/ZZrJBGKWyggASKeP.

[1] Термин *мезорегион* идет от типологических соотношений таких понятий как макро-, мезо- и микро-. В нашем случае наиболее масштабной пространственно-хозяйственной структурой на Дальнем Востоке является *Дальневосточный федеральный округ (макрорегион)*. Именно относительно этого региона и идет речь о формировании Северо-Восточного мезорегиона как его высокоширотной части, который занимает срединное положение между региональными микро- и макроструктурами.

[2] Эта идея связана, если вспомнить историю нашей страны 1950-1960-х годов прошлого века, с созданием во времена СССР на этих территориях так называемого *Северо-Восточного совнархоза* в составе Якутии и Магаданской области (включая Чукотку, которая тогда административно входила в состав области). Это была своеобразная структура, в основном направленная на реализацию политико-административных реформ, происходящих тогда в стране, с переходом от в основном отраслевого управления экономикой страны к территориальному принципу.

[3] Дальний Восток предложили поделить на четыре макрорегиона. 24.11.2022. – https://www.pnp.ru/economics/dalniy-vostok-predlozhili-podelit-na-chetyre-makroregiona.html.

но в пространственно-хозяйственном плане структуры, охватывая и чисто рыночный сектор. Все эти территории проходят сейчас процессы *усиления системности* в их развитии и приоритетной реализации государственных интересов путем усиления государственно-планового управления, что диктуется как внутренними, так и внешними факторами.

Это важно также и в связи, по оценкам экспертов, с определенными финансовыми и ресурсными ограничениями в территориальном развитии страны в ближайшем будущем, а именно – предполагаемым снижением объёмов финансирования ряда программ развития регионов, в т.ч. Дальневосточного федерального округа — на 5% и АЗРФ в целом — на 12%[1].

Кроме того, в настоящее время рассматриваемые высокоширотные территории Дальнего Востока вместе взятые существенно отстают по социально-экономическим параметрам развития от соседствующего в северотихоокеанском секторе через Берингов пролив штата Аляска, что усугубляет проблемы их хозяйственной устойчивости и трансграничного противостояния с этим регионом (табл. 1).

Из данных таблицы видно, что при более высоких показателях общей площади территорий Северо-Восточного мезорегиона (СВМР) (в 2,5 раза) и численности населения (в 1,6 раза) по сравнению с такими же показателями штата Аляска, валовый региональный продукт (ВРП) в 1,5 раза, ВРП на душу населения в 2,0 раза и среднедушевой доход по всей зоне СВМР в 3,6 раза ниже тех же показателей штата.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели развития районов Северо-Восточного мезорегиона в сравнении со штатом Аляска, США (данные за 2024 г.)

Район	Площадь территории, тыс. кв. км.	Валовый региональный продукт (ВРП-GDP), млрд руб.	Численность населения, тыс. чел.	Доля коренных малочисленных народов Севера, %	ВРП на душу населения, млн руб.	Среднедушевой доход (Per Capita Personal Income), тыс. руб. в месяц
Штат Аляска, США	1723,3	54,9 млрд долл. 54,9 Х 92,6 руб. = 5083,7 млрд руб. (1 долл. = 92,6 руб. в 2024 г.)	740,1	16%	74,2 тыс. долл. 74,2 Х 92,6 = 6,8 млн. руб.	75,2 тыс. долл. в год разделить на 12 мес. = 6,3 тыс. долл. в месяц Х 92,6 руб. = 584,4 тыс. руб. в месяц
	Северо-Восточный мезорегион (СВМР)					
Чукотский автономный округ	737,7	186,7	48,2	33,7%	3,9	185,0
Магаданская область	462,5	489,6	133,3	3,2%	3,6	119,1
Республика Саха (Якутия) в целом	3084,0	2630,0	1006,0	4,2%	2,6	172, 6

[1] Денег нет, но вы держитесь: чем грозит экономике России дефицит бюджета. Об этом сообщает «Рамблер». 29.05.2025. – https://news.rambler.ru/finansovayagramotnost/55606254/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Окончание табл. 1

Район	Площадь территории, тыс. кв. км.	Валовый региональный продукт (ВРП-GDP), млрд руб.	Численность населения, тыс. чел.	Доля коренных малочисленных народов Севера, %	ВРП на душу населения, млн руб.	Среднедушевой доход (Per Capita Personal Income), тыс. руб. в месяц
Итого: СВМР (Чукотка, Магаданская область, Якутия)	4284,2 (в 2,5 раза больше Аляски)	3306,3 (в 1,5 раза меньше Аляски)	1187,5 (в 1,6 раза больше Аляски)	5,2% Суммарная по СВМР	3,4 (в 2,0 раза меньше Аляски)	158,9 (средний по региону) (в 3,6 раза меньше Аляски)

Источник: [4]

Такие «перекосы» в этих показателях не должны допускаться. Они демонстрируют не только отставание по социально-экономическим показателям наших приграничных территорий от соседствующего штата, но и дают повод недружественным странам для различного рода инсинуаций и искажений политики нашей страны в развитии АЗРФ и Крайнего Севера, как, например, в [11].

Что касается Севморпути (СМП), то если посмотреть на карту размещения морских портов в мировой Арктике, то видно, что они в основном расположены как раз в зоне действия этой морской транспортной магистрали и частично на морских коммуникациях, имеющих непосредственную связь с СМП. Что касается Северо-Западного прохода (СЗП) вдоль аляскинского и канадского побережий на Гренландию и Европу, то он не развит к настоящему времени в достаточной мере, нет соответствующей инфраструктуры и ледокольного флота, существуют большие климатические сложности в ледовой обстановке и др. Этот путь сейчас практически используется в основном для разовых транспортно-логистических операций и для туристических целей, в плане большеобъёмных грузоперевозок он пока не представляет интереса.

Обычно морские порты АЗРФ при анализе их работы разделяются на две группы – порты западной и восточной частей российского сектора Арктики.

Западные арктические порты оснащены достаточно развитой инфраструктурой, действуют в основном круглогодично и имеют более-менее современное техническое оснащение для перевалки больших объемов грузов. Портовое хозяйство восточной части АЗРФ в последние десятилетия подошло к глубокому системному кризису, что отразилось в негативном плане на показателях грузооборота, которые сравнительно малы по сравнению с западным сектором и составляет небольшую долю от всего объема грузооборота в АЗРФ.

Но несмотря на эту ситуацию, как отражено в Плане развития инфраструктуры СМП до 2035 г.[1], он также включает реализацию достаточно крупных инвестиционных проектов и в восточной части АЗРФ, направленных на решение вопросов расширения портовой инфраструктуры, что должно обеспечить рост грузооборота на прибрежных территориях дальневосточного «форпоста» Арктики. Среди дальневосточных портов, связанных с арктической акваторией, наибольшим потенциалом влияния на регион своего размещения располагает порт-хаб[2] «Петропавловск-Камчатский» при условии организации переработки здесь порядка 160 млн т транзитных контейнерных грузов, формируемых в основном по направлению Северо-Восточная Азия (Китай, Япония, Южная Корея и др.) – Западная Европа через СМП [2].

[1] Распоряжение Правительства России от 21 декабря 2019 года №3120-р «План развития инфраструктуры Северного морского пути до 2035 года». – http://government.ru/docs/38714.

[2] Порт-хаб – логистический центр, в который поступают партии грузов с дальнейшим распределением по местам их назначения на берегу, либо по другим направлениям транспортировки морским транспортом. Порт «Петропавловск-Камчатский» не относится непосредственно к северо-арктическим территориям, но он играет существенную роль в формировании транзитных грузопотоков по СМП.

Вообще, развитие Севморпути, являющегося важнейшей морской транспортной артерией, связано с его двойной ролью – и как национальной арктической транспортной системы России, и как международного транзитного коридора.

Что касается национальных проблем, то в его развитии очень важно преодолеть кризисное состояние его инфраструктуры, обеспечивающей технико-технологическую модернизацию и функционирование этой транспортной магистрали на уровне современных достижений НТП на всем ее протяжении. Именно данный подход может послужить основой интенсивного наращивания ее грузооборота в последующие годы [5; 6].

Позитивные шаги в данном направлении позволили уже в 2016 г. преодолеть максимальный показатель переработки грузов в советский период, который составлял 6,5 млн тонн в 1987 г. Итоги грузопотока по СМП за 2024 год составили почти 37,9 млн тонн, что превышает рекордный результат предыдущего года более чем на 1,6 млн тонн. Также в 2024 году было совершено рекордное количество транзитных рейсов – 92, и поставлен рекорд по транзитным грузам – более 3 млн тонн. Это почти в полтора раза больше, чем в 2023 году. В 2024 году выросла востребованность и безопасность маршрута СМП. Всего с начала года специалистами «ГлавСевморпути» было рассмотрено 1312 заявлений на плавание в акватории СМП. Это рекордный показатель за всю историю действия разрешительного порядка плавания (до этого максимальное количество выданных за календарный год разрешений составляло 1228 единиц)[1].

Объемы роста грузооборота были тесно связаны со стабильным наращиванием объёмов добычи в основном на вновь вводимых в эксплуатацию месторождениях на прибрежных арктических территориях таких сырьевых ресурсов как нефть, уголь, железная руда и СПГ крупными компаниями, такими как Норникель, Лукойл, Роснефть, Новатэк.

Дальнейшее расширение судоходства по трассе СМП в обозримой перспективе, скорее всего, в основном будет основано на российских грузах. Транзитные международные перевозки будут возрастать, но все-таки составлять сравнительно небольшую долю в общих объемах грузового трафика.

И здесь существенно возрастает роль таких стран БРИКС как Китай и Индия.

В этом отношении можно отметить сравнительно недавно прошедшее заседание в Харбине Подкомиссии по сотрудничеству по Северному морскому пути российско-китайской межгосударственной комиссии, на котором был утвержден план мероприятий по дальнейшему развитию грузоперевозок по СМП[2]. Разработка и утверждение дорожной карты на этом заседании были направлены на формирование устойчивого транспортного коридора, на сотрудничество во внедрение современных логистических и технологических решений для повышения эффективности перевозок и развития капитальных проектов и др. Это дает надежду на рост транзитных перевозок по СМП с участием Китая [7].

Сообщается, что когда впервые в истории судно с товарами из Китая прибыло в Европу по СМП, то путь его следования через российскую Арктику занял 20 дней, что значительно меньше, чем при использовании традиционных южных маршрутов.

Индия также намерена увеличить инвестиции в арктические проекты в России, чтобы гарантировать себе перспективное обеспечение необходимыми природными ресурсами в наиболее богатом мировом ресурсном арктическом регионе. Спрос на энергоносители в Индии будет расти самыми высокими темпами в мире. В Нью-Дели снова рассматривают возможность вхождения индийских компаний в проект «Восток Ойл». Северный морской путь обеспечит доступ к ресурсам Арктики[3].

Экспертами оценивается удвоение количества проходов судов под иностранными флагами по СМП по итогам 2025 года к уровню предыдущего сезона. В Росатоме, ледокольный флот которого обслуживает СМП, заявили о рекорде по контейнерообороту, который вырос со 180 тыс. тонн в 2024 году до 400 тыс. тонн в 2025 г.[4]

---

[1] Объем грузоперевозок по Северному морскому пути установил рекорд. – https://atommedia.online/press-releases/obem-gruzoperevozok-po-severnomu-mo.

[2] Россия и Китай утвердили план развития перевозок по Севморпути. РИА «Новости», 14.10.2025. – https://ria.ru/20251014/rossija-2048100520.html.

[3] В мире появился еще один претендент на ресурсы Арктики. – https://1prime.ru/energy/20210211/833022883.html.

[4] Китай освоил Северный морской путь // Деловая газета «Взгляд». 15 октября 2025. – https://finance.rambler.ru/economics/55463902-kitay-osvoil-severnyy-morskoy-put/#rcmrclid=c99506f161b1bfb1.

Но последняя информация по дальнейшему развитию СМП указывает на весьма большие проблемы с использованием этой морской магистрали[1]. Подчеркивается, что планы российских властей по росту перевозки грузов через СМП реализовать в полной мере весьма затруднительно. Более того, в 2025 году грузопоток на маршруте сократился на 2,3 процента, до 37,02 миллиона тонн. В первую очередь такой результат вызвало падение объемов перевозок навалочных грузов, в том числе угля, сжиженного природного газа (СПГ) и нефти. Основой грузопотока остаются экспортные грузы, на которые приходится 60 процентов от общего объема. Рост российских грузов может обеспечить только освоение новых нефтяных и газовых месторождений, ориентированных на внешние рынки. Оснований ожидать существенного роста международных перевозок по СМП в 2026 году нет. Для этого необходимо существенное усиление сотрудничества стран БРИКС в арктическом судостроении и формирование новых устойчивых рынков сбыта. Эксперты считают, что после 2035 года существует угроза снижения международного грузопотока по СМП. За десять лет все проекты и месторождения, обеспечивающие маршрут, будут выработаны. Развитию перевозок по СМП мешает неравномерное развитие инфраструктуры, нехватка ледоколов и аварийно-спасательных судов, а также высокая стоимость страхования[2].

Что касается непосредственно проблем высокоширотного дальневосточного «форпоста» АЗРФ и его трансграничного значения, то здесь в зоне Берингова пролива, этого узкого «горлышка» на трассе Севморпути нарастает в настоящее время опасность в случае какого-либо обострения политических отношений России с США по причине усиления экспансии Америки в Арктике, учитывая порой весьма непредсказуемые действия нынешней американской администрации, оказаться в ситуации, *схожей с проблемами в Ормузском заливе*.

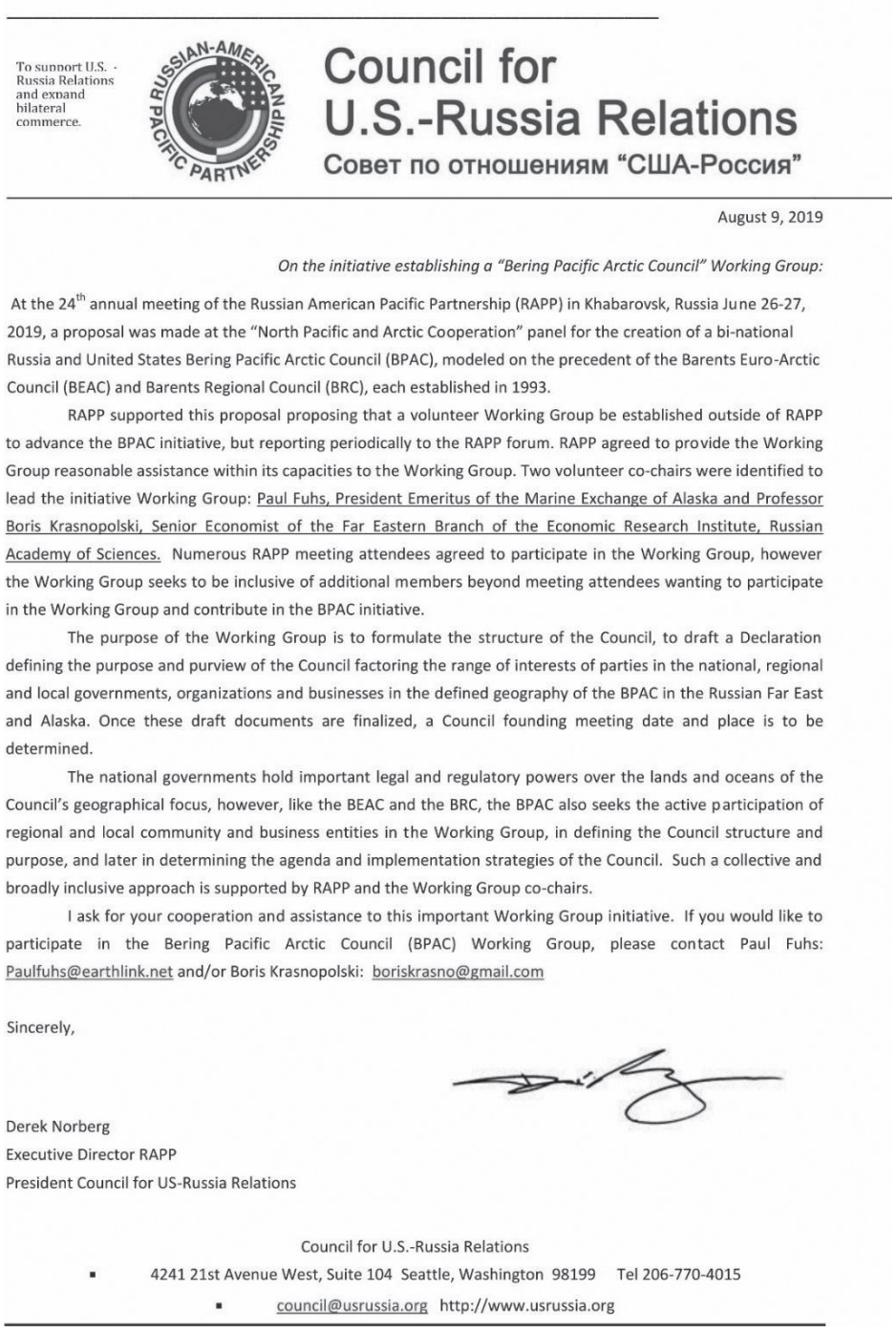
И в данном случае будет весьма полезным более активное подключение к обеспечению нормальной рабочей ситуации в зоне Берингии заинтересованных в использовании Севморпути стран БРИКС – Китая и Индии. Эти страны, как, впрочем, и Россия, стараются поддерживать сбалансированные отношения с США, что может путем их совместных усилий гарантировать на данном стратегическом этапе более-менее надежную работу СМП в этой зоне.

Кстати, что касается российско-американских трансграничных отношений в секторе Северо-тихоокеанской Арктики в зоне Берингова пролива, то в этом плане в 2019-2021 гг. по инициативе российской стороны было проведено в содружестве со специалистами штата Аляска, США под эгидой международной организации – Российско-Американского тихоокеанского партнерства (РАТОП) глубокое исследование возможностей нивелирования возникающих проблем в трансграничном сотрудничестве России и США в этой зоне [1; 3]. Было предложено на официальном уровне создание совместной межгосударственной / межрегиональной институциональной организации, а именно – *Совета Берингова / Тихоокеанско-арктического региона (СБТР)*, который должен был функционировать под эгидой Арктического совета и в тесной кооперации с Советом Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Данное предложение было поддержано международным Советом по отношениям «США – Россия», и для его реализации была создана Рабочая группа под руководством представителя Аляски, Почетного председателя морской биржи штата г-на Пола Фуза[3] и представителя России – автора данной статьи (рис. 1).

[1] В России не смогли увеличить перевозки по Северному морскому пути. Об этом сообщает «Рамблер». 09.02.2026. – https://finance.rambler.ru/economics/56017940/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

[2] Там же.

[3] Пол Фуз (Paul Fuhs). Ранее – министр торговли штата Аляска (США), мэр г. Уналяска – столицы Алеутских островов. В последнее время – основатель и руководитель Морской биржи штата, ныне ее почетный президент, имеющий многолетние дружеские и деловые контакты с Россией, с ее дальневосточными территориями, в том числе с Институтом экономических исследований ДВО РАН.

To support U.S. - Russia Relations and expand bilateral commerce.

RUSSIAN-AMERICAN PACIFIC PARTNERSHIP

Council for U.S.-Russia Relations

Совет по отношениям "США-Россия"

August 9, 2019

On the initiative establishing a "Bering Pacific Arctic Council" Working Group:

At the 24th annual meeting of the Russian American Pacific Partnership (RAPP) in Khabarovsk, Russia June 26-27, 2019, a proposal was made at the "North Pacific and Arctic Cooperation" panel for the creation of a bi-national Russia and United States Bering Pacific Arctic Council (BPAC), modeled on the precedent of the Barents Euro-Arctic Council (BEAC) and Barents Regional Council (BRC), each established in 1993.

RAPP supported this proposal proposing that a volunteer Working Group be established outside of RAPP to advance the BPAC initiative, but reporting periodically to the RAPP forum. RAPP agreed to provide the Working Group reasonable assistance within its capacities to the Working Group. Two volunteer co-chairs were identified to lead the initiative Working Group: Paul Fuhs, President Emeritus of the Marine Exchange of Alaska and Professor Boris Krasnopolski, Senior Economist of the Far Eastern Branch of the Economic Research Institute, Russian Academy of Sciences. Numerous RAPP meeting attendees agreed to participate in the Working Group, however the Working Group seeks to be inclusive of additional members beyond meeting attendees wanting to participate in the Working Group and contribute in the BPAC initiative.

The purpose of the Working Group is to formulate the structure of the Council, to draft a Declaration defining the purpose and purview of the Council factoring the range of interests of parties in the national, regional and local governments, organizations and businesses in the defined geography of the BPAC in the Russian Far East and Alaska. Once these draft documents are finalized, a Council founding meeting date and place is to be determined.

The national governments hold important legal and regulatory powers over the lands and oceans of the Council's geographical focus, however, like the BEAC and the BRC, the BPAC also seeks the active participation of regional and local community and business entities in the Working Group, in defining the Council structure and purpose, and later in determining the agenda and implementation strategies of the Council. Such a collective and broadly inclusive approach is supported by RAPP and the Working Group co-chairs.

I ask for your cooperation and assistance to this important Working Group initiative. If you would like to participate in the Bering Pacific Arctic Council (BPAC) Working Group, please contact Paul Fuhs: Paulfuhs@earthlink.net and/or Boris Krasnopolski: boriskrasno@gmail.com

Sincerely,

Derek Norberg
Executive Director RAPP
President Council for US-Russia Relations

Council for U.S.-Russia Relations
4241 21st Avenue West, Suite 104 Seattle, Washington 98199 Tel 206-770-4015
council@usrussia.org http://www.usrussia.org

Источник: [1]

Рис. 1. Распоряжение Исполнительного директора Российско-Американского тихоокеанского партнерства (РАТОП), Президента Совета по отношениям «США-Россия» Дерека Норберга об организации Рабочей группы по проработке вопроса о создании Совета Берингова / Тихоокеанско-Арктического региона (Bering Pacific Arctic Council – BPAC), 2019 г.

Рабочая группа в течение года подготовила необходимые материалы по данному вопросу, включая примерную структуру СБТР, которые были разработаны в прямом соответствии с вышедшем тогда распоряжением правительства РФ о Концепции приграничного сотрудничества[1] и обсуждены в различных экспертных сообществах в обеих странах. Подробная характеристика структуры СБТР, состава ее комитета старших должностных лиц, двухстороннего секрета-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 2577-р «О Концепции приграничного сотрудничества в РФ». – https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793.

риата, регионального совета и комитетов по всем направлениям международного сотрудничества, а также специального комитета по формированию Берингова/Тихоокеанско-арктического Пан-Евразийского транспортного «коридора» приведена в [4].

К сожалению, достаточно успешная работа российских и американских специалистов по созданию СБТР была прервана в связи с заморозкой в марте 2022 г. деятельности Российско-американского тихоокеанского партнерства (РАТОП) по причине начала нашей страной СВО на Украине. Американская сторона в лице исполнительного директора РАТОП Дерека Норберга официально заявила об отказе от продолжения взаимодействия с Россией на неопределенный срок.

Но мы глубоко убеждены, что введение в состав Рабочей группы по созданию СБТР ученых и специалистов из таких стран БРИКС как Китай и Индия, остро заинтересованных в регулярном и безопасном использовании такой важной арктической морской магистрали как Севморпуть, в том числе и в зоне Берингова пролива, позволит в какой-то мере реанимировать проработки по усилению кооперации трансграничных территорий России и штата Аляска и продолжить работу, хотя бы на научно-прикладном уровне, по реализации данного многообещающего проекта. Тем более, что в США, в особенности в штате Аляска в научных и предпринимательских кругах есть достаточно высокий интерес к восстановлению добрососедских отношений между нашими странами в зоне Берингова пролива и созданию в этих целях такой международной институциональной структуры как СБТР.

Список литературы

1. *Вороненко А.Л., Краснопольский Б.Х., Фуз П.* Совет Берингова / Северо-Арктического Тихоокеанского региона: Инициативная рабочая группа // Пространственная экономика. – 2019. – № 3. – С. 186-190.
2. Дальневосточная и Тихоокеанская Арктика: на перекрестке двух океанов и континентов / отв. ред. Б.Х. Краснопольский; Институт экономических исследований ДВО РАН. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 248 с.
3. *Краснопольский Б.Х.* Трансформация процессов развития трансграничных территорий Дальневосточной Арктики и механизмов их регулирования: роль критической инфраструктуры // Арктика и Север. – 2023. – № 52. – С. 62-86. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.62.
4. *Краснопольский Б.Х.* Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2023. – 234 с.
5. *Лазарев В.А.* Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из Северо-Восточной Азии // Регионалистика. – 2019. – Т. 6, № 6. – С. 77-87. DOI: 10.14530/reg.2019.6.77.
6. *Лазарев В.А., Фисенко А.И.* Транзитный потенциал Северного морского пути // Морские интеллектуальные технологии. – 2020. – № 1, ч. 2. – С. 257-261.
7. *Леонов С.Н., Заостровских Е.А.* Развитие Северного морского пути и рост активности КНР в Арктике как предпосылки усиления транспортного каркаса Дальнего Востока // Регионалистика. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 54-70. DOI 10.14530/reg.2021.2.54.
8. *Присяжный М.Ю.* Экономическое районирование как инструмент территориальной организации хозяйства Якутии // Вестник СВФУ. – 2011. – Т. 8, № 1. – С. 157-163.
9. Северо-восточный экономический район Российской Федерации: (обоснование выделения) / АН РС(Я). Ин-т регион. экон. – Якутск: Кудук, 1998. – 84 с.
10. *Славин С.В.* Северо-Восток СССР как новый формирующийся экономический район и межрайонные комплексные проблемы. – М., 1958. – 30 с.
11. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. – Cham, 2025. – 624 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-032-03031-3.

Курумчина А.Э.[1]
к.филос.н., доцент, Кафедра зарубежного регионоведения, Уральского гуманитарного института, УрФУ
a.e.kurumchina@urfu.ru; a.aspelt@gmail.com

РОЛЬ «НЕПОЛИТИЧЕСКОГО» ПРОСТРАНСТВА В ПОДДЕРЖАНИИ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ СТРАНАМИ БРИКС

Ключевые слова: «неполитическое» пространство БРИКС, синхронизация медиаконтента БРИКС, роль экспертных сообществ БРИКС, культурная дипломатия и альтернативные сферы коммуникации БРИКС.
Key words: "non-political" BRICS space, synchronization of BRICS media content, the role of BRICS expert communities, diplomacy, and alternative spheres of BRICS communication culture.

В мире культуры отмены, перманентных военных угроз и блокировок Интернета и информационных ресурсов второй четверти XXI в. вопросы коммуникации между государствами в «неполитическом» пространстве приобретают более важное значение, особенно из-за наметившегося формирования противоборствующих блоков – страны Запада, с одной стороны, альянс БРИКС – с другой.

Вопросам коммуникации между странами БРИКС в научных исследованиях уделяется значительное внимание: исследуется контент и авторство новостной повестки [9], коммуникация в сфере науки, образования и культуры как наиболее перспективная для преодоления конфликтов [1], роль экспертных сетей как «мягкой» модели регулирования связей внутри БРИКС [5], значение медиасистем БРИКС в контексте деглобализации [3].

Коммуникационная сеть западных стран формировалась не одно десятилетие, она охватывает практически все страны мира, что обеспечивает кросс-национальную синхронизацию медиаконтента, цитирование одних и тех же ньюсмейкеров, формируя единое, практически безальтернативное глобальное информационное поле. На этом фоне новости из одной страны БРИКС довольно редко попадают в инфополе других участников группы.

Цель данного исследования изучить роль «неполитического» пространства в поддержании коммуникации между странами БРИКС на современном этапе.

Задачами исследования являются: 1) анализ публикаций в СМИ стран БРИКС по синхронизации медиаконтента из стран альянса; 2) анализ потенциала экспертных сетей в коммуникации между членами группы; 3) анализ роли науки, образования и культурной дипломатии как альтернативных сфер развития коммуникации внутри БРИКС.

Под «неполитическим» пространством подразумевается сфера вне официальной политики, взаимодействие в которой формирует общий медиаконтент, создаваемый неполитическими акторами и их хедлайнерами из сферы науки, образования, культуры, экспертных сообществ, таких как гражданское общество и бизнес, а также взаимные публикации в СМИ о международной жизни в странах БРИКС.

Анализ публикаций в СМИ стран БРИКС по синхронизации медиаконтента из стран альянса

Для изучения контента были взяты ведущие национальные медиа Индии (The Times of India, The Hindu, The Indian Express, Hindustan Times), Бразилии (Globo.com), Китая (Xinhua News Agency и China Global Television Network), России (RT, The BRICS Times) и ЮАР (News 24), в которых были проанализированы публикации за 2024-2025 гг. В результате было выявлено, что максимальная синхронизация контекста существует только в сети TV BRICS, в которой подключено тридцать две страны и более ста десяти медиа [6]. Это дает возможность цитировать материалы, инициированные странами БРИКС.

[1] Сфера интересов – культурная дипломатия, глобализация, БРИКС.

Значительный информационный повод, объединяющий страны БРИКС – это Саммиты БРИКС, которые проходят ежегодно в разных странах альянса. Что касается национальных СМИ, то цитирование в них новостей из других стран БРИКС крайне мало, либо в них представлены некоторые страны БРИКС, такие как Россия или Китай, а не все. Чаще всего Россия предстает в подобных публикациях в политическом контексте, а Китай – в экономическом. Также в СМИ стран БРИКС практически отсутствуют интервью с экспертами из стран альянса. Только в 2025 г. в Бразилии, которая принимала Саммит БРИКС, было опубликовано интервью С. Лаврова, данное им для Globo.com [8].

Основными темами, которые обсуждаются в СМИ стран БРИКС, являются дедолларизация, реформа глобального управления, а также климатическая повестка в контексте ограничений стран БРИКС через экологические аспекты. Перекрестные ссылки чаще всего встречаются между Xinhua и RT. Однако каждая из стран БРИКС делает акцент на темах, которые интересны внутренней аудитории: в Китае – на формирование общей повестки и объединение стран глобального Юга, в Индии – на балансе интересов между Китаем и Индией, в российский RT подчеркивает важность борьбы с западной гегемонией и санкциями, Бразилия и ЮАР по таким острым вопросам не высказываются.

При анализе оценок БРИКС СМИ альянса и западными СМИ также существуют значительные отличия: западные СМИ чаще всего представляют БРИКС как угрозу западной гегемонии, как соперничество, в то время как в материалах стран БРИКС доминирует идея построения более гармоничного и справедливого мира для всех стран планеты, а не только отдельных регионов.

Проблема синхронизации глобальной повестки в странах БРИКС стала осознаваться на межгосударственном уровне, о чем свидетельствует проведение в 2026 г. «Глобальной медиапланерки»,, в которой участвуют руководители СМИ стран БРИКС, с целью обсуждения консолидированной новостной повестки БРИКС. В рамках этого мероприятия планируется обсудить следующие направления:

- «Как строить многополярную систему глобальных коммуникаций? (институциональный аспект)
- Как формировать объединённую мировую повестку? (контентный аспект)

Куда эволюционирует медиапространство к 2030 году? (прогностический аспект)» [2].

Для альянса это очень важный шаг на пути решения вопроса о преодолении гегемонии западного угла зрения на глобальную повестку.

Анализ потенциала экспертных сетей в коммуникации между членами группы БРИКС

На сегодняшний день в рамках БРИКС официально существует более пятнадцати профессиональных сообществ: Деловой совет (2013 г.), Альянс женщин-предпринимателей (2020 г.), Совет экспертный центров (2013 г.), Академический форум (2013 г.), Руководящий комитет БРИКС по науке, технологиям и инновациям (2015 г.), Библиотечный совет (2017 г.), Музейный совет (2018 г.), Игры БРИКС как спортивное сообщество (2017 г.), Совет регионов БРИКС (2015 г.), Молодежный совет (2023 г.), Альянс художественных музеев и галерей стран БРИКС (2018 г.), Лига университетов БРИКС (2013 г.), Медиафорум БРИКС (2015 г.), Сетевой университет БРИКС (2015 г.), Гражданский форум (2015 г.), в 2025 г. была создана инициатива «Педагогического совета БРИКС», которая пока не имеет официального межправительственного статуса, но в рамках которой уже состоялся I Съезд учителей стран БРИКС, в 2024 г. была учреждена «Ассоциация городов и муниципалитетов стран БРИКС+». Также в 2025 г. было декларировано создание «Платформы БРИКС для культурных и креативных индустрий». С 2017 г. в БРИКС проводится ежегодный конкурс профессионального мастерства «BRICS Future Skills Challenge», в основном связанный с развитием ИТ-сферы.

В начале работы БРИКС основной фокус интересов альянса был направлен на экономические вопросы, по этой причине первыми сообществами стали деловой, экспертный и академический союзы. Постепенно сфера внимания объединения распространилась и на другие важные области – культурную, спортивную, образовательную и др.

Каждая из этих площадок проводит регулярную работу, реализует совместные проекты, вырабатывает общие стратегии развития своей отрасли. Такая активная коммуникация в рамках профессиональных сообществ демонстрирует серьезные возможности и потенциал для формирования общего видения будущего в рамках БРИКС. К сожалению, оно пока до конца не сложилось в связи с многогранностью самого состава БРИКС, где каждый из его членов, партнеров и наблюдателей имеет свои цели, иногда препятствием становится разница государственных законодательств, культурные особенности, политические и экономические разногласия. Тем не менее, архитектура сообществ БРИКС позволяет сделать вывод о том, что большинство важных для альянса сфер уже охвачено вниманием и сетевыми связями, в них включены люди разного возраста – от школьников до академиков, разного профессионального статуса, что делает альянс все более привлекательным для его участников и граждан стран, входящих в группу.

Анализ роли науки, образования и культурной дипломатии как альтернативных сфер развития коммуникации внутри БРИКС

Экономические амбиции стран БРИКС, стремление выйти из зоны влияния доллара, желание технологического лидерства тесно взаимосвязаны с развитием и сотрудничеством в области науки, образования и культуры. Использование потенциала таких сообществ как Академический форум (2013 г.), Сетевой университет БРИКС (2015 г.), Совет Экспертных центров альянса (2013 г.), Комитет БРИКС по науке, технологиям и инновациям (2015 г.) дает возможность развивать указанные направления. Стоит отметить, что эти сообщества были созданы в период с 2013 по 2015 год и за десять лет своего существования они внесли существенный вклад в развитие группы.

Академический форум, который проходил в 2025 г. в Бразилии, работал над важным программным документом, представленным на мероприятии, – «Портфелем механизмов сотрудничества БРИКС» [4]. Академическое и экспертное сообщество БРИКС проанализировало 180 инициатив, реализованных в рамках группы, и наметило стратегию развития по актуальным направлениям работы на будущее. Этот документ включает рекомендации по пяти главным направлениям работы БРИКС: 1) мир и безопасность, 2) политическое и экономическое управление, 3) содействие сотрудничеству в целях экономического роста и развития, 4) прогресс посредством обмена знаниями и инновациями, и 5) социальная справедливость, устойчивое развитие и качество жизни [7]. В 2026 г. председательство перешло к Индии, и эта страна делает все, чтобы, с одной стороны, преодолеть политическую и экономическую турбулентность мира, в том числе для облегчения положения стран Глобального Юга, а с другой – на обострять конфронтацию альянса со странами Запада. Это сложная задача, поскольку БРИКС видит своей целью деdолларизацию мировой экономики и построение более социально-справедливого мира для всех стран, включая БРИКС, что очевидно, противоречит интересам глобального лидера.

Другой важный аспект в связи с целями БРИКС – сфера образования. Она была существенно унифицирована в послевоенный период посредством распространения Болонской системы, внедрения онлайн-образования и искусственного интеллекта, что приводит к расслоению вузов, частичному уходу науки в аналитические центры и упрощению системы высшего образования, ухудшению его качества, поскольку глобальный мир XX в. защищал интересы западных корпораций-производителей, не желающих иметь конкурентную базу высококлассных инженеров и ученых в странах Третьего мира, ограничивая их подготовку уровнем менеджеров по продажам. На современном этапе страны БРИКС пришли к пониманию того, что сильное национальное образование является залогом государственной независимости в научном, инженерном и производственном плане, что обеспечивает материальное благосостояние страны. По этой причине создаются совместные научные группы, проводятся грантовые конкурсы и другие исследовательские инициативы, целью которых является развитие диалога между научными школами БРИКС, обмен студентами, разработка программ двух дипломов и многое другое.

Кроме того, работа со студенческой молодежью – это хорошо зарекомендовавший себя инструмент культурной дипломатии, посредством которого формируются «адвокаты» страны обучения и пребывания, которые, став профессионалами в будущем, будут выстраивать добрососедские и взаимовыгодные отношения между странами альянса БРИКС. Пребывание на территории страны альянса подразумевает также изучение ее языка и культуры, что приводит к взаимному обогащению, расширению кругозора и росту взаимопонимания. В этом смысле

Сетевой университет БРИКС является прекрасной базой для развития культурной дипломатии и диалога в сфере образования. Начавшись с двенадцати вузов из пяти стран и шести направлений (информатика и информационная безопасность; исследования БРИКС; энергетика; экология и изменение климата; водные ресурсы и контроль загрязнения; и экономика), в настоящее время эта структура работает со ста сорока семью вузами (Бразилия – 20, Китай – 20, Египет – 20, Иран – 19, Россия – 20, ЮАР – 14, Индия – 12, ОАЭ – 12)[1] по одиннадцати направлениям – информатика и информационная безопасность; исследования БРИКС; энергетика; экология и изменение климата; водные ресурсы и контроль загрязнения; экономика; науки о здоровье; математика; естественные науки; социальные и гуманитарные науки; устойчивое сельское хозяйство и продовольственная безопасность. Это сотрудничество планируется осуществлять за счет магистерских программ двойных дипломов, грантов на академическую мобильность для студентов и преподавателей, а также за счет запуска нового научного журнала.

Таким образом, сфера науки, образования и культуры во многом работают на перспективу, развивая научный и образовательный потенциал стран альянса, формируя культурную основу для гармоничного будущего.

Заключение

Представленное исследование демонстрирует потенциал «неполитического» пространства коммуникации и диалога стран БРИКС, указывая на огромные возможности развития этого поля, несмотря на существующую развитую сетевую архитектуру этой сферы. Важной проблемой, которая остаётся пока нерешенной – огромное количество бедных жителей стран БРИКС, которым по тем или иным причинам пока не доступны возможности альянса. Социально-справедливое общество, ради построения которого существует БРИКС, –это перспективная задача на будущее, работа над которой требует не только обращения к опыту СССР как страны, реализовавшей многое из идей социально-справедливого общества, но и учета культурных и философских оснований каждой страны БРИКС и использования их в политическом пространстве для реализации намеченных высоких целей альянса.

Список литературы

1. *Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М.* Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс ПИ. – 2022. – № 3. – С. 101-121. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_101.
2. *Борисов А.* Глобальная медиапланерка – 2026: станет ли БРИКС хозяином мирового информационного поля? // News-Asia. Россия. – 2026. – 21 апреля. – https://www.news-asia.ru/view/ru/mass_media/17514.
3. *Вартанова Е.Л.* Национальные медиа в условиях деглобализации: альтернативность опыта БРИКС // Меди@льманах. – 2024. – № 3 (122). – С. 8-16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2024.816.
4. На Академическом форуме представлено портфолио механизмов сотрудничества стран БРИКС // Экспертный совет БРИКС-Россия. 25-26 июня 2025, XVII Академический форум БРИКС. – https://bricscouncil.ru/ru/sec
5. *Шарков Ф. И., Понеделков А.В.* Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». – 2018. – № 1. – С. 85-95. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95.
6. BRICS and partner states' media leaders hold "Global Media Briefing" to mark BRICS 20th anniversary // Belta. – 2026. – 10 May. – https://eng.belta.by/partner_news/view/brics-and-partner-states-media-leaders-hold-global-media-briefing-to-mark-brics-20th-anniversary-179364-2026.
7. BTTC recommendations to the leaders at the XVII BRICS summit. – 2025 // Экспертный совет БРИКС-Россия. – https://admin.bricscouncil.ru/assets/e9cf172b-6ce3-4e98-9e57-744315e92c56.
8. Las perspectivas de los BRICS y el conflicto de Ucrania: lo que Lavrov dijo a O Globo // RT. 28 abr 2025. – https://actualidad.rt.com/actualidad/547784-perspectivas-brics-conflicto-ucrania-lavrov.
9. *Santos, A., Cazzamatta, R.* Who Shapes Mediated Conversations Among Rising Global Powers? Examining News Geography, Authorship, and Media Sources within the BRICS Framework // The International Journal of Press/Politics. – 2025. – N 2. – P. 524-550. https://doi.org/10.1177/19401612241269835.

[1] The BRICS Network University includes 20 Brazilian institutions // BRICS Brazil 2025. – https://brics.br/en/news/collabs/collaborative-communication/the-brics-network-university-includes-20-brazilian-institutions.

Ли Фэн
аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН
lf515481@gmail.com

Сазонов С.Л.
к.э.н., в.н.с., Институт Китая и современной Азии РАН
sazonovch@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУХОПУТНО-МОРСКОЙ ТОРГОВЫЙ КОРИДОР (КНР – СТРАНЫ АСЕАН, ЕВРОПЫ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ)

Ключевые слова: Китай, страны ЮВА и Европы, залив Бэйбу, порты, контейнеры, железнодорожный транспорт, мультимодальные перевозки, транзит.

Key words: China, Southeast Asian and European countries, Beibu Bay, ports, containers, rail transport, multimodal transportation, transit.

Долгое время товары из Китая в страны АСЕАН доставлялись морским транспортом из портов восточного побережья КНР. 7 января 2019 г. в г. Чунцин местные власти 8 западных административных единиц провинциального уровня КНР (г. Чунцин, провинции Гуйчжоу, Ганьсу, Цинхай и Юньнань, ГЧАР, СУАР, НХАР) подписали соглашение о строительстве Международного сухопутно-морского торгового коридора (далее МТК), являющегося новым международным логистическим маршрутом, создаваемым в рамках реализации Китайско-сингапурской (Чунцин) демонстрационной инициативы по стратегической взаимосвязанности, инициированной западными провинциями Китая и государствами-членами АСЕАН в сентябре 2017 г. Новый МТК, который проходит через ключевой логистический узел Экономического круга Чэнду-Чунцин (ЭКЧЧ)[1] на юго-западе Китая через провинцию Гуйчжоу до Наньнина в Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР) и далее – до портов залива Бейбу и порта Янпу в провинции Хайнань на юге Китая, а затем по морю достигает страны АСЕАН. Сегодня, используя железнодорожный, автомобильный и морской виды транспорта, грузы из провинций западного Китая через ЭКЧЧ перевозятся на юг до залива Бейбу, а затем доставляются в страны АСЕАН морским транспортом из портов залива Бэйбу (Бэйхай, Фанчэнган и Циньчжоу), причем мультимодальная транспортировка грузов по МТК значительно сокращает стоимость и время перевозки грузов из КНР в страны Ассоциации. Согласно заявлению менеджеров по логистике китайской компании Chongqing Wankai New Material Technology Co Ltd, доставка товаров в страны АСЕАН через порт Циньчжоу в заливе Бэйбу уменьшает время транспортировки примерно на 10 дней и сокращает логистические расходы на 15% по сравнению с восточными портами Китая, причем обеспечивается надежное обслуживание независимо от погодных условий. Более того, товары из Чэнду теперь могут достигать Сингапура по МТК всего за девять дней – более чем на неделю меньше и на 28% дешевле чем по традиционным речно-морским маршрутам до восточных портов, а далее до Сингапура[2]. 18 марта 2026 г. начался ввод в эксплуатацию оборудования канала Пинлу (Pinglu Canal), флагманского проекта МТК и крупного речно-морского интермодального транспортного маршрута на юго-западе Китая с общим объемом инвестиций в размере 17 млрд юаней (2,3 млрд долл.). Это важное событие демонстрирует активные усилия Китая по развитию крупных межрегиональных транспортных коридоров в рамках общих усилий по стимулированию разви-

[1] С населением более 98 млн человек, ЭКЧЧ является еще одной важной инициативой регионального развития в Китае – она следует аналогичным стратегиям регионов Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй, дельты р. Янцзы и региона Большого залива Гуандун-Сянган-Аомэнь. Занимая всего 2% территории КНР, в 2024 г. объем ВРП ЭКЧЧ достиг 8,6 трлн юаней (1,17 трлн долл.), увеличившись более чем на 2 трлн юаней за последние пять лет, и составил более 6,5% от объема ВВП КНР (Chengdu-Chongqing economic circle achieves leapfrog development in 5 years. – http://www.china.org.cn/business/2025-01/10/content_117656982.htm). В 2025 г. объем ВРП ЭКЧЧ превысил 10 трлн юаней (около 1,44 трлн долл.), что составило 7,2% от объема ВВП КНР (Combined economic output of China's Sichuan, Chongqing exceeds 10 trillion yuan. – http://www.china.org.cn/2026-01/27/content_118301418.shtml).

[2] Land-sea trade corridor's efficiency makes it ideal route for businesses. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202509/29/WS68d9ded2a310f735438b2d4d.html.

тия «двойной циркуляции» на фоне замедленного роста мировой торговли и все более сложной внешней среды. Новый водный путь протяженностью 134,2 км рассчитан на суда водоизмещением 5 тыс. т. Наиболее непосредственная выгода заключается в повышении эффективности логистики. Канал обеспечит бесперебойные речно-морские интермодальные перевозки, напрямую связывая речную систему реки Сицзян с прибрежными портами залива Бэйбу[1]. Ожидается, что это сократит внутренние морские перевозки более чем на 560 км по сравнению с традиционными маршрутами через Гуанчжоу, а также значительно уменьшит время транзита – например, сократит время доставки из Чунцина в Сингапур с 22 дней до примерно 7 дней, обеспечит ежегодную экономию китайским предприятиям более 5,2 млрд юаней (373,25 млн долл.)[2]. Улучшение транспортной доступности также имеет очевидные последствия для структуры внешней торговли Китая, особенно в контексте растущей неопределенности мирового спроса. Расширяя прямой доступ из западных регионов к международным рынкам, особенно к рынкам стран АСЕАН, канал будет способствовать расширению региональной открытости, диверсификации торговых каналов и улучшению структуры внешней торговли Китая. Международная логистическая сеть Китая сделала еще один шаг вперед с запуском 24 декабря 2024 г. первого трансграничного железнодорожного грузового сервиса Чунцин-Вьентьян, в рамках Международного сухопутно-морского торгового коридора. Китайские эксперты отметили, что это стало значительным расширением МТК, придав мощный импульс экономическим и торговым связям между муниципалитетом Чунцин и странами АСЕАН. Поезд, перевозящий 30 контейнеров с товарами на сумму около 10 млн юаней (1,37 млн долл.), отправился из логистического центра Nanpeng Highway Bonded Logistics Center (Type B) в Чунцине, проследовал по железной дороге Китай-Лаос и достиг Вьентьяна через пять дней. Этот трансграничный железнодорожный грузовой маршрут является неотъемлемой частью МТК, формирующий замкнутую круговую логистическую цепочку и связывающий Чунцин, Вьентьян в Лаосе, Бангкок в Таиланде и Селангор в Малайзии[3]. 30 ноября 2025 г. грузовой поезд отправился из мегаполиса Чунцин в столицу Венгрии Будапешт, что ознаменовало запуск нового регулярного рейса по маршруту «Китай-Европа» с фиксированным расписанием и через 11 дней прибыл в Будапешт – крупный транспортный узел, обслуживающий Центральную и Восточную Европу. Поезд пересек госграницу на КПП Алашанькоу-Достык (СУАР) и проследовал через такие страны, как Казахстан, РФ, Белоруссия, Польша, Чехия и Словакия, прежде чем прибыл в Венгрию.[4] Новый маршрут представляет собой второе грузовое железнодорожное сообщение Чунцина с фиксированным расписанием в рамках международных железнодорожных грузоперевозок «Китай-Европа», вслед за маршрутом, связывающим этот город с Дуйсбургом (Германия). По сравнению с традиционными грузовыми поездами, поезда с фиксированным графиком следуют согласно расписанию и по установленным маршрутам, что значительно способствует повышению эффективности и надежности и позволяет сократить

[1] По оценкам китайских специалистов, дополнительная транспортная пропускная способность, созданная благодаря канала Пинлу, в период с 2027 по 2035 гг. может принести дополнительный объем внешней торговли в стоимостном выражении в размере почти 13 млрд юаней (1,89 млрд долл.) и более 130 млрд юаней в период с 2036 по 2050 гг. Помимо торговли, ожидается, что канал будет способствовать промышленному развитию регионов вдоль своего маршрута. Оптимизация размещения промышленных предприятий также будет способствовать более тесному сотрудничеству со странами АСЕАН в цепочках поставок и производственных сетях. Не менее важен вклад канала в «зеленое» развитие. По сравнению с автомобильным и воздушным транспортом, внутренние водные пути предлагают значительно большую пропускную способность при меньшем потреблении энергии и выбросах на единицу груза. Переведя часть грузоперевозок на водные пути, канал Пинлу поможет оптимизировать транспортную структуру и снизить углеродную интенсивность (*Wang Yi*. New canal illustrates China's efforts to boost trade amid global uncertainty. – https://www.globaltimes.cn/page/202603/1357176.shtml).

[2] *He Yuping*. Trade changing western region future. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202507/21/WS687d76eba310ad07b5d90e42.html.

[3] *Chen Qingrui*. China boosts international logistics with launch of Chongqing-Vientiane rail-road freight service. – https://www.globaltimes.cn/page/202412/1325685.shtml?id=11.

[4] В Китае насчитывается 311 КПП, открытых для внешнего мира, в том числе 125 морских портов, 85 аэропортов, 17 железнодорожных КПП и 84 автомобильных погранперехода. В настоящее время Китай имеет приграничные КПП с 11 соседними странами, а среди них 95 приграничных КПП, которые служат важными каналами передвижения людей и грузов между Китаем и соседними странами (*Zhong Nan*. Nation modernizing border ports to boost trade, business activities. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202410/22/WS6716facca310f1265a1c8d14.html).

время в пути примерно на 30%. Обслуживание по фиксированному графику обеспечивает более стабильную предсказуемость в планировании производства и улучшении трансграничной логистики для предприятий в таких отраслях, как электронная промышленность, автомобилестроение, а также производство оборудования[1].

Международный сухопутно-морской торговый коридор служит примером того, как западные административные единицы провинциального уровня Китая, не имеющие выхода к морю, органично интегрируются в мировую торговлю через мультимодальную транспортную сеть, объединяющую железнодорожные, автомобильные и морские виды транспорта. С главным операционным хабом в Чунцине МТК соединяет мировые порты посредством железных дорог, морских путей и автомагистралей через ГЧАР и провинцию Юньнань, значительно сокращая время транзита по сравнению с традиционными морскими путями вдоль восточного побережья Китая[2]. 26 декабря 2022 г. была запущена в эксплуатацию новая железная дорога Чэнду-Куньмин протяженностью 915 км, которая сократила время в пути между двумя городами до 7,5 часов[3]. Железная дорога Чэнду-Куньмин вместе с международной грузовой линией Lancang-Mekong Express сокращает поездку между Чэнду и столицей Лаоса Вьентьяном до двух дней и 17 часов. В июле 2023 г. был запущен экспресс Ланьцан-Меконг-Сычуань (Lancang-Mekong-Sichuan Express). Поезда отправляются из провинции Районг (Rayong province) в Таиланде и следует по китайско-лаосской железной дороге из Вьентьяна на международный железнодорожный вокзал в Чэнду, откуда они направляются в столице Венгрии Будапешт, расходясь оттуда по странам Европы. Этот маршрут соединяет железную дорогу Китай-Лаос и грузовое сообщение Китай–Европа, сокращая время железнодорожного транзита до 15 дней[4].

Международный сухопутно-морской торговый коридор, являющийся важным проектом в рамках инициативы «Пояс и путь», играет ключевую роль в соединении не имеющего выхода к морю западного Китая не только со странами АСЕАН, но и с другими мировыми рынками, причем Китай развивает систему мультимодальных перевозок, которая использует единый коносамент и устраняет необходимость в замене контейнеров, упрощает таможенные процедуры благодаря принципу «единая декларация, один сертификат на весь рейс» продолжает увеличивать долю железнодорожных, автомобильных, морских и внутренних водных грузовых перевозок в общем объеме грузовых перевозок транспортного комплекса страны. Такой подход позволяет использовать наиболее экономичные вида транспорта в зависимости от расстояния, объема и сроков доставки товаров, значительно сокращает время обработки грузов и таможенного оформления на границах. С целью снижения затрат на транспортировку грузов, обеспечение своевременной доставки грузов, соблюдения точного выполнения заказов и снижение количества ошибок при перевозках Китай и страны-участницы инициативы «Пояс и путь» внедряют инновационные информационные технологии, в первую очередь – цифровую логистику, которая включает следующие системы: TMS (transportation management system/управление и контроль грузоперевозок), Beidou/GPS-мониторинг (отслеживание местоположения транспортных средств и грузов), RFID-технологии (Radio-frequency identification/идентификация и контроль за движением товаров).

С 2024 г. маршруты МТК через страны АСЕАН были продлены до стран Ближнего Востока, а с 2025 г. были открыты прямые маршруты из залива Бэйбу на Ближний Восток и Латинскую Америку. В начале апреля 2025 г. «ро-ро» (roll-on/roll-off) недавно отправилось из залива Бэйбу на Ближний Восток, что ознаменовало запуск первого такого маршрута из порта залива Бейбу и его первого прямого морского сообщения с портом Джебель-Али (Jebel Ali Port) в эмирате Дубай (ОАЭ). Судно, перевозившее 1,5 тыс. транспортных средств, достигло крупнейшего порта Ближнего Востока после 18-дневного рейса[5]. Маршрут протяженностью 4,7 тыс. морских миль

[1] SW China's Chongqing launches fixed-schedule freight train service to Budapest. – https://en.people.cn/n3/2025/1201/c90000-20396978.html.

[2] *Ma Tong.* China's new land-sea trade corridor sees 4.5-fold surge in highway cargo value in Jan-Oct. – https://www.globaltimes.cn/page/202511/1348061.shtml.

[3] New railway line opens. – https://www.globaltimes.cn/page/202212/1282671.shtml.

[4] *Wang Binlai, Jiang Feng, Qu Xinming.* China vigorously advances construction of New International Land-Sea Trade Corridor. – http://en.people.cn/n3/2023/1212/c90000-20109053.html.

[5] *Liu Yukun.* Railway linking China's west and south in the works. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202503/07/WS67caee77a310c240449d977a.html.

соединил растущие центры автопроизводства на западе Китая с процветающим автомобильным рынком Ближнего Востока, сокращая время в пути на 9-10 дней и повышая эффективность логистики на 10-15% по сравнению с традиционными маршрутами. Этот маршрут стал частью Международного сухопутно-морского торгового коридора, ключевой логистической сети, соединяющей западные регионы Китая с мировыми рынками[1]. В марте 2025 г. 200 автомобилей автопроизводителя Changan Automobile, ведущего китайского автомобильного бренда, погрузились на специализированный грузовой поезд JSQ, предназначенного для транспортировки экспортных грузов. В отличие от традиционных грузовых поездов с контейнерами, этот поезд состоял из 29 специальных вагонов, каждый из которых вмещал от девяти до десяти автомобилей, которые можно было загружать и выгружать. Автомобили были погружены непосредственно на суда типа ро-ро (Ro-Ro) в порту Циньчжоу (ГЧАР), откуда они направились в крупнейший город ОАЭ Дубай[2]. В конце июня 2025 г. грузовой поезд, перевозивший 85 электромобилей, отправился из муниципалитета Чунцин по МТК. Грузовой состав достиг Бохайского залива в ГЧАР, а затем ЭМ были погружены на океанское судно, направляющееся в порт Чанкай в Перу. Порт Чанкай – это не только глубоководный хаб, но и первый в Южной Америке полностью автоматизированный и «зеленый» порт. Будучи флагманским проектом инициативы «Пояс и путь» между Китаем и Перу, порт сократил время морской транспортировки южноамериканского экспорта на азиатский рынок примерно с 35 до 25 дней.[3] 4 ноября 2025 г. из порта Гоюань в Чунцине, крупнейшего порта в верховьях р. Янцзы, в порт Циньчжоу в ГЧАР отправился грузовой состав с электронной продукцией, откуда он морским путем направился в порт Чанкай в Перу. Этот путь в Южную Америку сократил транзитное время транспортировки примерно на 15 дней и стоимость контейнерных перевозок примерно на 25% по сравнению с традиционными маршрутами «река-море»[4].

Международный сухопутно-морской торговый коридор Новый МТК эффективно связал такие города, как Чунцин и Чэнду с Россией,[5] Центральной Азией, Европой и АСЕАН, создав многонаправленную логистическую сеть, связывающую западные административные единицы провинциального уровня с мировыми рынками, позволяя западным провинциям и автономным районам увеличивать объемы экспорта своей продукции, развивать локализацию производства в странах-участницах инициативы «Пояс и путь» и участвовать в глобальных цепочках поставок. Завершение строительства высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) Чунцин-Куньмин (Юкунь) протяженностью около 700 км (включая 388,6 км в провинции Юньнань), на которой электропоезда будут развивать скорость в 350 км/ч, позволит сократить время в пути между Чунцином и Куньмином примерно до двух с половиной часов, укрепит связи между экономическим кругом Чэнду-Чунцин и центральным кластером городов провинции Юньнань. В стратегическом плане провинция Юньнань является воротами Китая в Южную и Юго-Восточную Азию, а Чунцин – крупным логистическим узлом для грузовых поездов, курсирующих по маршруту «Китай-Европа». Новая ВСЖД обеспечит формирование нового коридора, связывающего Юго-Восточную Азию, Западный Китай, страны Европы и Центральной Азии, предлагая более быстрые каналы для логистики и мобильности, обеспечивая увеличение объемов перевозимых транзитных грузов и товаров[6].

23 декабря 2025 г. Народный банк и Министерство финансов КНР, опубликовали ряд рекомендаций по финансовой поддержке ускорения развития Международного сухопутно-морского торгового коридора. В рекомендациях предложена 21 ключевая мера по развитию основных

---

[1] New rail-sea route boosts auto exports to Middle East. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202504/16/WS67ff134ba3104d9fd381f99f.html.

[2] China's inland municipality emerges as global logistics nexus. – https://en.qstheory.cn/2025-06/03/c_1097565.htm.

[3] Intermodal land-sea cargo route connects China's landlocked west to South America. – https://en.people.cn/n3/2025/0701/c90000-20334769.html.

[4] *Ma Tong.* China's new land-sea trade corridor sees 4.5-fold surge in highway cargo value in Jan-Oct. – https://www.globaltimes.cn/page/202511/1348061.shtml.

[5] В июле 2023 г. грузовой состав из Чунцина в Москву прибыл первый пилотный грузовой рейс в Москву. Грузовой состав, перевозивший товары из Китая и стран АСЕАН прибыл в столицу РФ через 17 дней после отправки их Чунцина, причем время доставки грузов, произведенных в Китае и странах АСЕАН, сократилось до 18 дней (по сравнению с 34-36 днями при предыдущих морских перевозках).

[6] China builds longest 350 km/h high-speed rail tunnel, reaching milestone. – https://www.globaltimes.cn/page/202512/1350247.shtml?id=11.

финансовых функций, а также по поддержке высококачественного развития МТК. Эксперты приветствовали эту инициативу как важный шаг к стабилизации иностранных инвестиций и торговли, отметив, что все более диверсифицированные торговые связи Китая – особенно со странами-участницами инициативы «Пояс и путь» и соседними странами – укрепили его позиции в глобальных торговых потоках и подтвердили его статус крупной торговой державы. Финансовая поддержка не только помогает решить проблемы финансирования в строительстве инфраструктуры и других трансграничных проектов сотрудничества, но и способствует интернационализации юаня за счет удобства расчетов, усиливая поддержку внешней торговли, причем логистические предприятия, внешнеторговые компании и даже производственные предприятия получат выгоду от такой финансовой поддержки. Трансграничное использование юаня будет и дальше расширяться в странах, расположенных вдоль МТК. Конкретные меры включают в себя укрепление валютного сотрудничества со странами АСЕАН и Центральной Азии для содействия трансграничному использованию юаня; повышение удобства расчетов в юанях в сфере торговли и инвестиций, а также поощрение банков к использованию юаня для трансграничного финансирования и обеспечения гарантий. В рекомендациях также уделяется внимание повышению финансовой открытости и сотрудничества, позволяя соответствующим банкам стран АСЕАН, Специальных административных районов (САР) Сянган и Аомэнь предлагать финансовые услуги странам, расположенным вдоль МТК, а также содействуя пилотному внедрению трансграничных платежей в цифровом юане с Таиландом, Гонконгом, ОАЭ, Саудовской Аравией и Сингапуром[1]. Запущенный в 2017 г. Международный сухопутно-морской торговый коридор представляет собой ключевую логистическую сеть, соединяющую западный регион Китая с мировыми рынками. Сочетая устойчивость железнодорожного транспорта к погодным условиям с большой грузоподъемностью морских перевозок, мультимодальные перевозки по МТК повышают эффективность и одновременно снижают общие логистические издержки. 29 января 2025 г. грузооборот по вышеупомянутому торговому коридору перешагнул рубеж в 100 тыс. контейнеров. Это был самый быстрый год в отношении преодоления рубежа в 100 тыс. контейнеров с момента запуска МТК и на 15 дней раньше, чем в 2024 г.[2] По данным железнодорожного оператора China Railway Nanning Group, в 2025 г. по Международному сухопутно-морскому торговому коридору было перевезено рекордных 1,425 млн контейнеров, что на 47,6% больше, по сравнению с 2024 г., впервые превысило отметку в 1 млн контейнеров. Из общего числа 701 тыс. контейнеров были перевезены из западных административных единиц провинциального уровня, таких как Чунцин, Сычуань, ГЧАР и Юньнань, в южные порты, включая порты залива Бэйбу, Янпу и Чжаньцзян, что на 40,4% больше, чем в 2024 г. Между тем, из портов во внутренние западные районы Китая было отправлено 724 тыс. контейнеров, что на 55,3% больше, чем в прошлом году.[3] В 2025 г. МТК соединял 160 железнодорожных станций в 75 городах 18 провинций в Китае с 571 портом[4] в 127 странах мира, что делает МТК «супермагистралью» для международной торговли. Чтобы повысить конкурентоспособность, China Railway Nanning Group расширила утвержденный перечень видов грузов для контейнерных перевозок до более чем 11 тыс. наименований, охватывая практически все товары, пригодные для перевозки в контейнерах. В настоящее время МТК беспрепятственно соединяется с железнодорожными экспрессами, следующими по маршруту «Китай-Европа» и грузовыми поездами «Китай – Центральная Азия»,

[1] *Tao Mingyang*. China unveils financial supports for New International Land-Sea Trade Corridor. – https://www.globaltimes.cn/page/202512/1351405.shtml.

[2] China's landmark trade corridor sees surge in transported goods. – http://en.people.cn/n3/2025/0205/c90000-20272406.html.

[3] По сообщению ГТУ КНР от 16 марта 2026 г., в начале 2026 г. число пилотных городов Китая, участвующих в кампании по упрощению правил трансграничной торговли, увеличилось до 45 по сравнению с 25 в начале 2025 г. В пилотный список были добавлены 20 новых городов, в том числе Хух-Хото, Чанчунь, Сучжоу, Цзиньхуа, Цюаньчжоу, Наньчан, Яньтай, Ухань, Чанша, Чжухай, Наньнин, Куньмин и Сиань. В рамках кампании будет внедрен ряд новых мер, направленных на расширение объемов внутренней и международной торговли. Эти меры включают в себя дальнейшее развитие международных транспортных коридоров, повышение эффективности трансграничной логистики, инновации в надзоре за таможенным оформлением, интеллектуальное развитие погранпереходов и усиление соответствия грузоперевозок международным стандартам (China expands pilot cities for cross-border trade facilitation campaign in 2026. – http://www.china.org.cn/2026-03/17/content_118386210.shtml).

[4] По данным сайта Oceanook.com, в мире насчитывается 12 055 портов.

что позволяет регулярно курсировать по таким маршрутам, как «Порт залива Бейбу – ЭКЧЧ Чэнду-Чунцин – Казахстан – Россия – Белоруссия – Польша – Германия» для перевозки товаров широкого потребления, «Хайнань-Циньчжоу-Сиань» для перевозки зерна и масла, а также «ОАЭ-Циньчжоу-Ланьчжоу». для экспорта автомобилей, причем МТК формирует эффективную международную логистическую сеть. МТК соединяет «Экономический пояс Шелкового пути» на севере с «Морским шелковым путем 21 в.» на юге, координируется с «Экономическим поясом р. Янцзы» и играет решающую роль в скоординированной стратегии регионального развития Китая. С момента своего пилотного запуска в 2017 г. он превратился в стратегический маршрут, связывающий внутренние регионы Китая с рынками стран АСЕАН и другими странами по всему миру.[1] 27 января 2026 г. в Китае официально вступил в силу новый режим таможенного контроля для мультимодальных перевозок. Главное таможенное управление КНР (ГТУ КНР) приняло решение о начале пилотной работы по надзору за мультимодальными перевозками импортных и экспортных товаров морским и железнодорожным транспортом, а также двумя видами водного транспорта. Эта инициатива основана на предыдущем пилотном проекте по экспортным перевозкам автомобильным и железнодорожным транспортом. Данная мера призвана повысить уровень упрощения таможенного оформления товаров международных мультимодальных перевозок, причем новый режим применяется к грузам, перевозимым в контейнерах. Первые в Китае партии товаров, оформленные по новой модели, успешно прошли таможенное оформление в портах и на терминалах Чунцина, Шанхая, провинций Сычуань, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Цзянси, Шаньдун, Хайнань, Юньнань и ГЧАР. Эта мера поможет объединить логистические цепочки между прибрежными портами, пограничными пунктами пропуска и внутренними регионами Китая, обеспечив скоординированное развитие по схеме «порт + железная дорога + внутренние водные пути». В рамках нового режима компаниям достаточно через «Единое окно» международной торговли подать в таможенные органы лишь одну заявку на мультимодальную перевозку, что позволит реализовать принцип «одна декларация – сквозное оформление». Это делает данные декларации более краткими, таможенные процедуры – более удобными, а логистические операции – более гибкими.[2]

Восточным полигоном глобального коридора маршрута является Международный сухопутно-морской торговый коридор, который, используя сеть Трансазиатской железнодорожной магистрали и порты в заливе Бэйбу в ГЧАР, обеспечивает транспортировку грузов из центральных и западных провинций КНР в порты стран АТР, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. Стыковка глобального коридора транзитных перевозок через ЭКЧЧ в западном направлении с евразийскими континентальными автомобильными и железнодорожными маршрутами («Чунцин–Россия–Европа», «Чунцин–Центральная и Южная Азия», «Чунцин–страны АСЕАН») обеспечивает пространственное объединение маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути», «Морского Шелкового пути 21 в.» «Экономического пояса реки Янцзы», «Китайско-пакистанского экономического коридора» в единый бесшовный глобальный инфраструктурный коридор, позволяющий выстроить материковую и портовую инфраструктуры в единую логистическую систему параллельно с развитием и расширением существующей региональной транспортной сети.[3] Тем самым, Китай приступил к созданию оптимальной конфигурации глобальной инфраструктурной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического и экстернального эффектов значительную и весомую выгоду смогут получить все участники региональных и мировых транзитных перевозок, поскольку новая архитектоника формирования международных транспортных коридоров направлена на укрепление региональных производственных цепочек и цепочек поставок. Речь идёт не только о перемещении товаров, финансов и людей, но и о координации политики между Китаем и Индокитайским полуостровом, о расширении связей с Восточной Азией, Центральной Азией, Южной Азией, странами Ближнего Востока и ЛАК и даже со всеми странами европейского континента, которые будут

[1] China's landmark trade corridor cargo volume hits record high in 2025. – https://www.chinadaily.com.cn/a/202601/07/WS695dbd6ca310d6866eb326b1.html.

[2] В Китае вступил в силу новый режим таможенного контроля для мультимодальных перевозок. – http://russian.people.com.cn/n3/2026/0127/c31518-20419374.html.

[3] China, ASEAN to step up cooperation amid fruitful achievements under BRI: NDRC. – https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303729.shtml?id=11.

значительно расширяться благодаря разветвлённой сети внутренних и морских транспортных путей, построенных в рамках инициативы «Пояс и путь»[1].

Россия также получает выгоду от развития новых маршрутов (Международного сухопутно-морского и Трансазиатской железнодорожной магистрали), которые начинаются в Китае и продолжаются в страны Евросоюза, АСЕАН, Ближнего Востока и Латинской Америки. За последние 2 года были отправлены пилотные грузовые составы из Чунцина в Москву, причем время сухопутной транспортировки грузов из Китая составило 17 дней, практические вдвое меньше по сравнению с 35 днями при транспортировке морским путем. Время транспортировки грузов, отправляемых из Москвы в Таиланд, которые проходят КПП Забайкальск-Маньчжоули, следуют по территории КНР до китайско-лаосского КПП Мохань-Ботэн, а затем прибывают в Таиланд по трансазиатской железнодорожной магистрали, составляет всего 14 дней, что на 21 день меньше, по сравнению с мультимодальной перевозкой грузов по Транссибу и через дальневосточные порты РФ. Министерству железных дорог КНР и ОАО «РЖД» следует рассмотреть вопрос о значительном увеличении объемов грузоперевозок по этим двум континентальным маршрутам, которые позволят значительно разгрузить восточный полигон Транссибирской магистрали и портовые мощности российских дальневосточных гаваней.

Линь Юнь
аспирант Кафедры философии Забайкальский государственный университет, г. Чита
1134074144@qq.com

КИТАЙСКО-РОССИЙСКАЯ ТРАНСГРАНИЧНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРИКС

Ключевые слова: страны БРИКС; трансграничная мобильность; китайско-российские отношения; межкультурное общение; гуманитарное сотрудничество; трансграничный информационный обмен.
Key words: BRICS countries; cross-border mobility; Chinese-Russian relations; intercultural communication; humanitarian cooperation; cross-border information exchange.

Сегодня Китай и Россия играют незаменимую и решающую роль в механизме БРИКС. Обе страны являются активными и дальновидными его участниками, поэтому двусторонние трансграничные связи между государствами долгое время остаются активными; трансграничные потоки людей, информации, капитала, культуры сформировали многоуровневую широкую и регулярную систему обменов, что позволило приобрести ценный практический опыт для многостороннего сотрудничества в рамках БРИКС. Более того, Китай и Россия осуществили эффективное практическое сотрудничество в таких сферах, как прохождение через пункты пропуска, образовательное сотрудничество, цифровизация, энергетика и инфраструктура, что реально укрепило двустороннее стратегическое доверие[2].

Трансграничная мобильность Китая и России в рамках общего сотрудничества БРИКС не ограничивается двусторонними вопросами, предоставляя воспроизводимую модель общения, способствуя укреплению взаимной идентификации, становясь важным примером для институционализации БРИКС. Китайско-российские трансграничные людские обмены характеризуются либерализацией политики и заметным двусторонним ростом. С сентября по декабрь 2025 года Китай и Россия официально ввели взаимный безвизовый режим на срок до 30 дней, что

[1] *Li Xuanmin, Zhao Juecheng.* Decade of BRI development brings ASEAN dream closer. – https://www.globaltimes.cn/page/202308/1296466.shtml.

[2]朱杰进.金砖国家合作机制的转型[J]. 国际观察, 2014(5): 157 [*Чжу Цзецзинь.* Трансформация механизма сотрудничества БРИКС // Международное обозрение. – 2014. – № 5.– С. 157].

окончательно сняло долгосрочные визовые ограничения и стимулировало увеличение масштабов двусторонней миграции.

Согласно имеющимся данным, в первом квартале 2026 года количество въездов и выездов через автомобильный пункт пропуска в Маньчжурии составило 222 тысячи человек, что на 40% выше аналогичного показателя предыдущего года; максимальное суточное количество пересечений границы достигло 6400 человек. За период с 1 по 18 января 2026 года общее число пересечений границы через три ключевых пункта пропуска Хэйлунцзяна – Суйфэнхэ, Хэйхэ и Тунцзян – превысило 80 тысяч человек, из них на пункт пропуска Хэйхэ пришлось 53 тысячи человек. В общенациональном масштабе число китайских туристов, посетивших Россию в 2025 году, достигло 848 тысяч человек, что в 4,2 раза больше, чем в 2023 году. С января по май 2026 года количество российских туристов, въехавших через пункт пропуска в Шанхае, составило 318 тысяч человек, что свидетельствует о явном увеличении обменов[1]. По структуре миграции основными центрами обменов являются приграничные города. В Хэйхэ – Благовещенске, Суйфэнхэ – Гродеково, Маньчжурии – Забайкальске сформировались регулярные форматы взаимодействия: однодневные поездки, выходные туры, трансграничные образовательные программы и семейные закупки. Внутренние города Китая, такие как Пекин, Сиань, Чэнду и Санья, стали популярными направлениями для глубокого ознакомления российских туристов с Китаем. Частые и тесные личные контакты способствуют преодолению стереотипов. В Хэйхэ торговцы свободно владеют базовым русским языком, а российские туристы пользуются китайскими указателями для повседневных поездок и покупок, что снижает барьеры в повседневном общении.

Быстрое развитие цифровых технологий кардинально изменило структуру трансграничного информационного обмена между Китаем и Россией. Сформировалась многоуровневая система коммуникации на основе государственных СМИ, социальных платформ, коротких видео и трансграничных прямых эфиров, что позволило преодолеть прежнюю одностороннюю модель передачи информации. В рамках официального сотрудничества в сентябре 2024 года в Москве состоялась церемония запуска телеканала «Панда-театр» и мероприятие по кино- и культурному обмену с участием сотен представителей государств-членов БРИКС, что способствовало культурному обмену и совместному показу кино- и телепродукции между странами-участницами. В сфере социальных медиа достигнуты заметные результаты – количество подписчиков китайских аккаунтов на ведущих российских платформах VK и Telegram ежегодно увеличивается на 60%; на китайских платформах коротких видео работают более 20 тысяч авторов, создающих контент на русском языке, а просмотры отдельных материалов превышают 5 миллионов. Трансграничные прямые эфиры, в которых в реальном времени используются стандартизированные двуязычные формулировки, стали новым направлением межкультурного общения. Ведущие из Суйфэнхэ и Маньчжурии регулярно ведут продажи для российской аудитории. Объем трансграничной электронной коммерции через прямые эфиры достиг 8 миллиардов юаней в 2025 году[2]. Благодаря этому расширилось информационное поле, которое перешло от официальных кругов к широкой публике, активизировав независимые гражданские обмены. Короткие видео и прямые эфиры отражают не только политические и международные вопросы, но и повседневность граждан, непосредственно демонстрируя общественную жизнь и быт обеих стран. «Близкий к народу» стиль дискурса легче вызывает эмоциональный отклик и способствует взаимопониманию, что расширяет и углубляет возможность для гуманитарных обменов.

Гуманитарные обмены являются важной частью китайско-российского трансграничного сотрудничества. На основе образовательного партнерства, изучения языков и участия в культурных мероприятиях строится многоуровневая сеть связей между молодежью, научными кругами и широкой общественностью двух стран. В 2024-2025 годах в рамках Китайско-российского года культуры были проведены массовые мероприятия, которые показали, что диалог цивилизаций стран БРИКС стал важной площадкой для межкультурного взаимодействия[3]. Образование и

[1] 姜毅.对发展中俄边境地区口岸经济的思考[J]. 欧亚经济, 2017(6): 31 [*Цзян И*. Размышления о развитии приграничной портовой экономики Китая и России // Евразийская экономика. – 2017. – № 6. – С. 31].

[2] *Li K*. Digital Media Drives Intercultural Communication to New Levels // Journal of Cross-Cultural Communication. – 2023. – Vol. 11, N 2. – P. 111

[3] 文记东.21世纪中俄人文交流与展望[J]. 中国社会科学院研究生院学报, 2016(6): 140 [*Вэнь Цзидун*. Гуманитарные обмены между Китаем и Россией в XXI веке и перспективы // Вестник аспирантуры Академии общественных наук Китая. – 2016. – № 6. – С. 140].

изучение иностранных языков стали базовыми условиями повышения коммуникативных способностей. Обучение за рубежом и исследовательские программы помогают молодежи формировать долгосрочные и подлинные межличностные связи. Разнообразные культурные мероприятия служат эффективной платформой для укрепления эмоциональной идентификации, смягчая разногласия и усиливая общность цивилизаций.

В приграничных районах сложилась характерная двуязычная среда, благодаря чему граждане обеих стран могут напрямую и полно ощущать образ жизни, ценностные ориентации и поведенческие особенности друг друга, меньше подвергаясь когнитивным искажениям под влиянием внешней информации. Студенты из приграничных районов, обучающиеся за рубежом, естественным образом интегрируются в местную учебную и повседневную жизнь; получают личный опыт в университетских, общественных и семейных условиях, что позволяет им избавиться от односторонних представлений, основанных на фрагментированной информации. А короткие видео и прямые эфиры отражают повседневную жизнь обычных людей, представленную в реалистичной форме, что естественно сокращает дистанцию и вызывает культурный отклик[1]. Население приграничных районов активно и естественно делится результатами сотрудничества, культурными особенностями и сценами повседневной жизни в социальных сетях, повышая достоверность коммуникации за счет правдивого и простого двуязычного контента, создание которого преодолевает языковые барьеры, обеспечивает двусторонний поток информации и формирует более сбалансированную и здоровую дискурсивную среду. Практика сотрудничества обеих стран в энергетике, инфраструктуре, гуманитарной сфере и в других областях естественным образом вырабатывает общие принципы взаимной выгоды, равноправия, уважения, открытости и толерантности, что является важным дополнением к дискурсивной системе БРИКС[2].

Из практики межличностных контактов жителей приграничных районов Китая и России видно, что развитие межкультурного познания опирается на реальные и прямые контакты, поэтому странам БРИКС следует сочетать в рамках приграничного сотрудничества образовательные обмены и цифровое распространение новостей, чтобы граждане всех государств могли лично познакомиться с культурами друг друга. Межкультурное общение в рамках БРИКС долгое время носило мероприятийный и краткосрочный характер, не имело устойчивого институционального обеспечения, поэтому было сложно добиться постоянного эффекта. Институционализированная модель политической координации, совместного построения платформ, согласования стандартов и гражданского участия, сложившаяся в китайско-российском сотрудничестве, имеет важное демонстрационное значение для институционального строительства БРИКС.

Взаимный безвизовый режим между Китаем и Россией сформировал полную и четкую рабочую цепочку от высшего проектирования до практической реализации, что позволило реально снизить институциональные издержки для миграции людей. Китайско-российский союз приграничных вузов создал эффективную платформу постоянного сотрудничества с институциональным обеспечением, что позволило сформировать устойчивые механизмы совместных научных исследований, взаимного признания кредитов и обменов преподавателями и студентами. На приграничных пунктах пропуска внедрена система совместной работы, меры информационного обмена, совместного контроля и унификации процедур, что значительно повысило пропускную способность. Мероприятия китайско-российского года культуры и года образования сформировали зрелую организационную модель с руководящей ролью правительства, координацией ведомств, что позволило реализовать их на местах с участием общества[3].

Частые обмены людьми и активное гражданское взаимодействие сокращают психологическую дистанцию, преодолевают политические разногласия и реально повышают общественную симпатию друг к другу. Принципы многосторонности, реформы глобального управления

[1] *Asadullina A.* 金砖国家框架下中俄经贸合作研究[D]. 江西:南昌大学,2019. -99 [*Асадуллина А.* Исследование китайско-российского торгово-экономического сотрудничества в рамках БРИКС: диссертация. – Нанчан: Нанчанский университет, 2019. – С. 99].

[2] 陈美含. 跨文化商务沟通中话语的比较研究[J].现代语言学, 2024, 12(7): 174 [*Чэнь Мэйхань.* Сравнительное исследование дискурса в межкультурной деловой коммуникации // Современная лингвистика. – 2024. – Т. 12, № 7. – С. 174].

[3] 余淼杰, 徐睿迪.中俄跨境次区域合作助力东北全面振兴：机遇、挑战与对策[J]. 辽宁大学学报（哲学社会科学版）, 2024, 52(5): 15 [*Юй Мяоцзе, Сюй Жуйди.* Трансграничное субрегиональное сотрудничество Китая и России как фактор комплексного возрождения Северо-Востока: возможности, вызовы и меры // Вестник Ляонинского университета (философия и общественные науки). – 2024. – Т. 52, № 5. – С. 15].

и многообразия цивилизаций, пропагандируемые Китаем и Россией, полностью соответствуют основным ценностям сотрудничества в рамках БРИКС, что способствует укреплению чувства национальной принадлежности, закономерного перехода к взаимовыгодному сотрудничеству[1]. Поскольку основная цель развития межкультурного общения – укрепление коллективной идентификации, странам БРИКС следует использовать успешный опыт Китая и России в области гуманитарного сотрудничества приграничных районов, ориентируясь на связи по интересам, эмоциональное общение. Это позволит формировать новые ценности добрососедства, активно углублять практическое сотрудничество, расширять гуманитарные обмены и, тем самым, укреплять сознание сообщества единой судьбы БРИКС.

Опыт китайско-российского приграничного сотрудничества открывает вызовы и риски, последствия которых тоже следует изучать. Межкультурное общение в рамках БРИКС, как и в частности между Китаем и Россией, ограничено множеством реальных факторов, что влияет на качество и эффективность сотрудничества. У стран-участниц различные языковые системы, отсутствует единый рабочий язык, остро не хватает профессиональных переводчиков, поэтому коммуникационные издержки высоки, а передача информации часто сопровождается неоднозначностью. Крайне остра и проблема информационной асимметрии: между государствами прямые каналы информационного обмена для межкультурной коммуникации еще не имеют должного уровня развития, поэтому представления друг о друге в основном формируются под влиянием СМИ, в том числе и западных. Стереотипы трудно преодолеть, а база взаимного доверия остается слабой. Кроме того, различная историческая традиция, религиозная культура и ценностные ориентации, а также непохожие модели мышления и поведенческие привычки приводят к недоразумениям в сотрудничестве и затрудняют достижение реальных результатов[2]. Отработанные практики, сложившиеся в двустороннем китайско-российском сотрудничестве, не могут достаточно четко трансформироваться в многосторонние механизмы БРИКС. Опыт безвизового режима, образовательной кооперации и цифрового распространения еще не получил должного распространения в рамках международного объединения. Взаимодействие между странами-участницами остается на уровне межгосударственного регулирования, а потенциал глубокого сотрудничества не реализован.

Для формирования языковой сервисной системы БРИКС необходимо преодолеть коммуникационные барьеры. Следует создать языковой центр БРИКС для подготовки многоязычных переводчиков, распространять ключевые языки в системе образования всех государств-участников и на этой основе развивать многоязычные цифровые платформы, чтобы реально снизить издержки общения. Для нейтрализации информационных искажений требуется сформировать независимую коммуникационную матрицу БРИКС. Через союз медиа-БРИКС обеспечить обмен новостями и совместный показ контента, поддерживать создание и распространение гражданского цифрового контента, а также использовать цифровые культурные фестивали как площадку для культурного обмена, чтобы естественно и надежно укреплять позитивный нарратив. Для углубления практического гуманитарного сотрудничества БРИКС необходимо преодолевать культурные различия. Университеты БРИКС в различных странах становятся в этой ситуации примером: обмен студентами, учреждение специальных стипендий, развитие взаимного признания академических кредитов и степеней способствует установлению дружественных связей. Это надо транслировать и на межвузовское приграничное сотрудничество между городами, что позволит реализовывать регулярные культурные, художественные и спортивные мероприятия, укрепляя базу народной дружбы[3].

В условиях глубокой перестройки глобального порядка и расширения БРИКС межкультурное общение становится критически важным фактором, определяющим качество и перспективы сотрудничества в рамках объединения. Китай и Россия, как ключевые члены БРИКС, об-

---

[1]沈逸.金砖机制扩容彰显开放与包容[J]. 当代世界, 2023(9): 54 [*Шэнь И.* Расширение механизма БРИКС как проявление открытости и инклюзивности // Современный мир. – 2023. – № 9. – С. 54].

[2]宫艳华.中俄跨境电商：现状、风险与制度安排[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2019(2): 125 [*Гун Яньхуа.* Трансграничная электронная коммерция Китая и России: состояние, риски и институциональные механизмы // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2019. – № 2. – С. 125].

[3]杜岩岩, 张男星.博洛尼亚进程与中俄教育交流合作的空间[J]. 俄罗斯研究, 2009(1): 117 [*Ду Яньянь, Чжан Нансин.* Болонский процесс и пространство образовательного сотрудничества Китая и России // Российские исследования. – 2009. – № 1. – С. 117].

ладают трансграничной мобильностью, характеризующейся масштабностью, цифровизацией, упрощением процедур и институционализацией в сфере людских обменов, информационного распространения, торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества. Их практика в формировании сознания, в построении дискурса, институциональном обеспечении и консолидации идентификации служит важным примером для повышения потенциала межкультурного общения в странах БРИКС[1].

Молчанова Н.П.
д.э.н., доцент, профессор Кафедры теории и технологий управления,
Факультет глобальных процессов МГУ

СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ФИНАНСОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

Ключевые слова: национальные и международные финансы, финансово-экономические институты, механизмы финансового регулирования, национальные валюты, коалиция БРИКС.
Key words: national and international finance, financial and economic institutions, financial regulation mechanisms, national currencies, BRICS coalition.

Введение

Сотрудничество в финансово-экономической сфере между дружественными странами предполагает реализацию согласованных действий по проведению национальных политик, гармонизации законодательства и правовых норм, созданию институтов и инструментов регулирования. В изменяющейся геополитической реальности одним из векторов международных экономических отношений является устойчивое функционирование и развитие разных форм интеграционных союзов.

Взаимодействие и партнерство стран неформального межгосударственного объединения БРИКС характеризуется динамичностью. Это можно наглядно представить в виде последовательно развивающихся этапов, отражающих переход от диалога заинтересованных сторон к взаимовыгодному сотрудничеству в торгово-экономической сфере, а в перспективе – к строительству полноценного интеграционного объединения.

Эволюция развития коалиции БРИКС

Первый этап (2006–2009 гг.) характеризуется поиском «точек соприкосновения» и общих интересов странами-партнерами БРИК: Бразилией, Россией, Индией, Китаем. Официальная дата образования – 16 июня 2009 года, Санкт-Петербург. В это время происходило сближение траекторий, формировалась своеобразная «платформа», на которой формирующиеся рынки крупных развивающихся государств могли на равноправной основе согласовывать свои позиции. Основное внимание на первом этапе было сконцентрировано на неприятии сложившейся системы глобального управления, что и послужило основой для выработки общих подходов к реформированию МВФ. В то же время, экономическая повестка в этот период оставалась на втором плане. Но именно на данном этапе неформальное межгосударственное объединение БРИК заявило о себе как «голос» Глобального Юга.

[1]蒲公英.金砖国家人文交流合作机制分析[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2017(4): 46 [*Пу Гунъин*. Анализ механизма гуманитарного сотрудничества БРИКС // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2017. – № 4. – С. 46].

Второй этап формирования БРИКС (2010–2014 гг.) ознаменовался появлением постоянно действующих структур данного объединения – Делового совета, Совета экспертных центров и присоединением ЮАР (18 февраля 2011 года) к группе развивающихся стран БРИК. Именно тогда была разработана на солидарной основе Стратегия экономического партнёрства, а сотрудничество дружественных стран стало приобретать многоотраслевой характер и распространилось не только на торгово-экономическую деятельность, но и на сферы науки, здравоохранения, инноваций. В целом, был заложен фундамент для дальнейшего развития коалиции стран БРИКС.

На третьем этапе (2014–2015 гг.) были сформированы первые формальные институты: 15 июля 2014 году заключено соглашение о Новом банке развития БРИКС (НБР) и создан Пул условных валютных резервов БРИКС (ПУВР). В этот период коалиция БРИКС из дискуссионного клуба ряда стран с крупными экономиками превратилась в официальный субъект международных отношений, в интересы которого входило формирование материального базиса для финансирования объектов инфраструктуры и поддержания макроэкономической стабильности.

Четвертый этап (2016–2021 гг.) стал временем консолидации: именно в этот период НБР существенно расширил портфель инвестиционных и кредитных проектов в самых разных сферах – цифровой экономики, промышленной кооперации, зеленого финансирования, климатических изменений и др. Но при этом группа БРИКС проходила проверку на прочность из-за внутренних разногласий, как, например, конкуренция Китая и Индии за первенство на международных рынках. По мере преодоления ряда противоречий в мировом сообществе было достигнуто восприятие БРИКС как устойчивой международной структуры, успешно функционирующей в сложных геополитических условиях.

Пятый, современный этап (2022 г. – н.в.): это время расширения коалиции и актуализации деятельности по ее дальнейшему развитию. Ускорение трансформационных процессов инициировал геополитический шок (введение беспрецедентных санкций против России странами коллективного Запада). Это подтолкнуло страны-участницы БРИКС к процессу дедолларизации финансово-экономических отношений. Совокупная доля пяти стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) к 2024 году в мировом ВВП по ППС составила 36,7%, что превысило долю стран G7 (30%)[1] . В этот период в странах БРИКС проживало около 40% населения мира, на их долю приходилось более 45% мировой добычи нефти и значительная часть запасов стратегических полезных ископаемых[2].

В 2024 году произошло расширение коалиции БРИКС. В состав БРИКС+ с 1 января 2024 года вошли Египет, Иран, ОАЭ, Эфиопия, а с 6 января 2025 года – Индонезия. В настоящее время объединение охватывает около 45% населения Земли и формирует около 25% мирового товарного экспорта. Этот период характеризуется активным развитием расчётов в национальных валютах, подготовкой к стыковке национальных платёжных систем стран БРИКС+: МИР, UnionPay[3] и других. Эксперты и специалисты дружественных стран обсуждают вопросы создания собственной финансовой экосистемы БРИКС, что превращает ее в открытую платформу для более продуктивного экономического взаимодействия стран Глобального Юга[4].

Поступательное движение превращает неформальное межгосударственное объединение БРИКС в ключевого игрока на глобальном экономическом пространстве, который активно трансформирует международные логистические потоки и связи. В настоящее время “объем торговли БРИКС с использованием национальных валют превысил 67%. При этом совокупные макроэкономические показатели БРИКС+ показывают его возрастающую роль в глобальной экономике. Так, доля БРИКС+ в мировом ВВП в 2025 году достигла 39,7%. Взаимный товарооборот стран

[1] БРИКС обогнал G7 по вкладу в мировую экономику // Известия. – 2025. – 30 апреля. – https://en.iz.ru/en/1879570/2025-04-30/economist-spoke-about-gap-between-contribution-brics-and-g7-global-economy?main_click .

[2] BRICS and the Multipolar Currency Era // EY. – 2024. – September. – https://www.ey.com/en_in/insights/tax/economy-watch/brics-to-pave-the-way-for-a-multipolar-currency-era?linkId=638397951.

[3] UnionPay – китайская международная платежная система, работающая в 183 странах мира. В России карты выпускаются несколькими банками. Они используются для удобных оплат внутри страны и зарубежных поездок (включая Китай, Турцию и ОАЭ), хотя санкции могут ограничивать работу за пределами Российской Федерации.

[4] XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. – 2024/ – 23 октября // – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2024/2024_10_23_Russia_Kazan__XVI_Summit__Declaration__ru.pdf.

БРИКС в 2025 году превысил 1 трлн $ (80,6 трлн рублей). За последние 5 лет объем торговли между странами объединения рос в среднем на 4,75 % в год»[1] (Оценка аналитиков экосистемы Sk Финтех Хаб – Группа ВЭБ.РФ).

Сотрудничество стран БРИКС в финансовой сфере

Международное сотрудничество в финансовой сфере проявляется в различных формах и характеризуется достаточно высокой гибкостью, носит межправительственный характер и базируется на проектном подходе. В практической деятельности наблюдаются координация позиций на международных площадках, реализация совместных инфраструктурных инвестиционных проектов, взаимная либерализация торговли и инвестиций, создание общих финансовых механизмов, сотрудничество в области технологий и «зеленой» трансформации.

Многогранность и стратегический характер финансового сотрудничества внутри коалиции БРИКС+ проявляются по целому ряду направлений, каждое из которых имеет характерные отличительные признаки. Прежде всего, в международных отношениях приобретает значение переговорная позиция, усиление «коллективного голоса» всех заинтересованных участников в рамках международных саммитов. Это особенно важно для стран Глобального Юга, экономики которых имеют весьма различную структуру, но на основе консолидации интересов внешнеторгового сотрудничества способны более эффективно лоббировать реформирование институтов Бреттон-Вудской валютной системы (МВФ, Всемирный банк) в сторону изменения формулы представительства и учета интересов развивающихся стран.

Следующим важным элементом для финансового взаимодействия стран БРИКС является укрепление финансовой инфраструктуры, необходимое для устойчивого межгосударственного сотрудничества. По мнению экспертов, стимулом для создания собственного финансового института развития в рамках БРИКС стало блокирование Конгрессом США Сеульского плана действий 2010 года (СПД-2010)[2]. Данное решение затруднило реформирование МВФ, но одновременно укрепило экономические предпосылки для продвижения идеи создания собственной финансовой инфраструктуры стран БРИКС[3].

Финансовая кооперация между участниками коалиции развивалась с начала 2010-х годов. На V саммите в Дурбане (ЮАР, 2013 год) получила одобрение инициатива о целесообразности реформирования глобальных финансовых институтов и повышении в них роли развивающихся стран[4]. На VI саммите БРИКС в Форталезе (Бразилия, 2014 год) были учреждены НБР с уставным капиталом $100 млрд и ПУВР[5]. В структуре ПУВР БРИКС доля Китая – 41 млрд $; России – 18 млрд $; Бразилии – 18 млрд $; Индии – 18 млрд $; ЮАР – 5 млрд $[6]. При этом ПУВР является механизмом взаимной финансовой поддержки для преодоления краткосрочных проблем с платежным балансом, и одновременно – инструментом финансового регулирования[7].

Деятельность НБР базируется на принципах, существенно отличающих его от МВФ. В условиях интеграции финансовых рынков НБР способствует странам-заемщикам в проведении суверенной политики. Получение кредитных рейтингов AA+ от Fitch Ratings и S&P Global Ratings дает Банку основания для привлечения финансовых ресурсов на международных рынках капи-

[1] Товарооборот стран БРИКС: новая торговая реальность // TVBRICS. 02.04.2026. – https://tvbrics.com/news/tovarooborot-stran-briks-novaya-torgovaya-realnost.

[2] СПД-2010 – это решение о перераспределении 6% квот МВФ в пользу быстроразвивающихся и недопредставленных стран мира, а также о создании Глобальной сети финансовой безопасности.

[3] *Алексеенко О.А., Ильин И.В.* Новый банк развития БРИКС и его роль в процессе реформирования системы глобального регулирования // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2016. – № 3. – С. 3-6.

[4] Этеквинская декларация и Этеквинский план действий. 27 марта 2013 года // БРИКС. Документы. – https://infobrics.org/ru/documents.

[5] Федеральный закон «О ратификации Договора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС» от 02.05.2015 N 107-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178877.

[6] *Перепелица М.А.* Значение финансовых институтов БРИКС на этапе формирования альтернативной денежно-кредитной системы // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 12. – С. 36. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.032-039.

[7] Соглашение о Новом банке развития БРИКС // Официальный сайт МИД РФ. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50003.

тала. НБР отличается от других международных кредитных институтов отсутствием нефинансовых условий при выдаче кредитов, а именно: основным критерием оценки инвестиционного проекта является его жизнеспособность[1].

Результаты работы НБР за период с момента его основания таковы: одобрено более 100 проектов на общую сумму свыше 33 млрд $, внимание сконцентрировано на «зелёной» экономике, цифровой инфраструктуре и транспортных коридорах[2]. По состоянию на 2025 год около 70% портфеля банка составляют «зелёные» инфраструктурные проекты – возобновляемая энергетика, энергоэффективность, очистка воды[3]. Наиболее крупные финансовые вложения предназначены для модернизации дорожной сети в индийском штате Мадхья-Прадеш (350 млн $), развития возобновляемой энергетики в ЮАР (180 млн $), модернизации систем водоснабжения в городах Бразилии (300 млн $)[4].

Снижение зависимости от доллара закреплено в Стратегии НБР на 2022-2026 годы, согласно которой финансирование инвестиционных проектов в местных валютах осуществляется на уровне не менее 30% от общего объёма операций. Министр финансов Российской Федерации А.Г. Силуанов заявил: «Трансформация НБР в полноценную платформу по расширению экономического и финансового сотрудничества между странами-акционерами банка должна стать одной из основных задач на следующий пятилетний период»[5]. Таким образом, объединение финансовых ресурсов на платформе НБР, как ключевого института для проектного финансирования в национальных валютах, позволяет реализовать критически важные инфраструктурные проекты в странах-участницах и за их пределами на условиях более выгодных и адаптированных к местным особенностям.

Используемые странами БРИКС финансовые механизмы направлены на создание альтернативных каналов расчетов, кредитования и резервирования. Это позволяет снизить зависимость стран с формирующейся экономикой и развивающихся стран от доминирования мировых валют и международной финансовой архитектуры, созданной после окончания Второй мировой войны. Именно финансовая независимость является ключевым фактором экономической безопасности в условиях нарастающего санкционного давления и сохраняющейся нестабильности геополитической ситуации. Еще одно преимущество состоит в возможности совместного формирования стандартов в области цифровых платежей, устойчивого финансирования и регулирования потоков информации.

Актуальные вызовы и тенденции развития неформального межгосударственного объединения БРИКС на современном этапе

Особое значение приобретает фактор синергии, получаемый от взаимодействия стран-партнеров. Успешность функционирования экономик крупнейшего в мире импортера сырья (Китай) и его крупнейших экспортеров (Россия, Бразилия, ЮАР) подкрепляется объединенным технологическим потенциалом (Китай, Индия). Это формирует логику взаимодействия всех участников в целях наращивания объемов взаимной торговли и инвестиций в национальных валютах, минуя посредников в лице глобальных институциональных структур. Коалиция БРИКС продвигает инклюзивные принципы развития стран, и поэтому перспективы экономического роста

[1] Новый банк развития – расширение членства и результаты операционной деятельности с момента основания. – 2025. – https://bricscouncil.ru/ru/analytics/novyy-bank-razvitiya-rasshirenie-chlenstva-i-rezultaty-operacionnoy-deyatelnosti-s-momenta-osnovaniya.

[2] *Шелепов А.В.* Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и её институтов // Вестник международных организаций. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 157–175. doi:10.17323/1996-7845-2025-01-09.

[3] BRICS New Development Bank expands local currency lending and green finance // TV BRICS. 11.07.2025. – https://tvbrics.com/en/news/brics-new-development-bank-expands-local-currency-lending-and-green-finance.

[4] *Шелепов А.В.* Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и её институтов // Вестник международных организаций. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 157–175. doi:10.17323/1996-7845-2025-01-09.

[5] Новый банк развития утвердил стратегию до 2026 года // БЮДЖЕТ.RU. – 2022. – 23 мая. – https://bujet.ru/article/442831.php.

рассматриваются в призме системных решений по преодолению неравенства в социально-экономическом развитии сообществ[1].

Для укрепления валютного сотрудничества (как наиболее продвинутой сферы финансовых отношений) высокую актуальность сохраняет построение независимой финансовой архитектуры для обеспечения устойчивого функционирования экономик стран-партнеров. Данный процесс протекает посредством создания и реализации двусторонних и многосторонних соглашений о расчетах в национальных валютах (юанях, рублях, и др.), подписания межбанковских меморандумов, технической стыковки IT-систем, выпуска «зеленых» облигаций НБР и т.д.

В рамках отраслевого и технологического сотрудничества происходит совместное развитие с ориентиром на ключевые векторы будущего. Инструментами здесь выступают Платформа партнерства в области промышленности и инноваций, и Повестка дня БРИКС в области науки, технологий и инноваций. Реализация идей осуществляется за счет создания совместных исследовательских центров, фондов, пилотных проектов в сфере чистой энергетики, цифровизации, биомедицины. Конкретное наполнение этих инструментов демонстрирует переход от деклараций к практической кооперации. Рабочей группой по науке, технологиям, инновациям и предпринимательству (STIEP) утвержден План инноваций БРИКС на 2025-2030 годы[2]. Запланировано создание 14 тематических рабочих групп, проведение 9 форумов молодых ученых и реализация совместных конкурсов исследовательских проектов. Платформа партнерства в области промышленности и инноваций ориентирована на внедрение научных разработок в реальный сектор, включая кооперацию в области зеленого водорода и технологий искусственного интеллекта.

Несмотря на успехи, сотрудничество сталкивается с рядом трудностей, основные из которых – гетерогенность и асимметрия, обусловленные различиями в масштабах экономик (Китай – Эфиопия), моделях роста (сырьевая – производственная), политических системах (республика – королевство) и др. – затрудняют выработку единых интегрированных решений, приемлемых для всех стран Глобального Юга. При этом страны БРИКС являются одновременно и партнерами, и конкурентами на глобальных рынках товаров, капиталов и влияния (например, конкуренция Индии и Китая в Азии, борьба за инвестиции). Отсутствие наднациональных органов и постоянного мощного секретариата (как, например, в ЕС) приводит к тому, что реализация принятых решений в определенной мере находится в зависимости от политической воли текущего председателя и может замедляться бюрократическими процедурами в национальных столицах.

В докладе на пленарной секции ПМЭФ-2026 Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил, что в условиях изменения модели глобального развития у России появились новые партнеры, рынки и технологические решения; акцентировал внимание на новых задачах, обусловленных структурной перестройкой мировой экономики, ростом роли БРИКС, необходимостью достижения технологического суверенитета, в основе которого три ключевые технологии будущего – искусственный интеллект, автономные системы и платформенные решения[3].

В перспективном периоде будет происходить дальнейшая конвергенция с акцентом на углубление сотрудничества и повышение технологичности (общие платформы цифровых валют центральных банков, цифровые идентификаторы), гармонизацию регуляторных механизмов и более тесную производственную кооперацию участников БРИКС. Ключевым вызовом будущего может стать способность стран-партнеров преодолеть внутреннюю асимметрию и трансформировать растущее политическое влияние в эффективную деятельность по налаживанию взаимоприемлемых экономических и финансовых механизмов. По достижении этой цели объединение БРИКС превратится в один из сбалансированных центров многополярной мировой архитектуры.

---

[1] *Судакова Н.Е.* Инклюзивные принципы устойчивого развития в перспективе расширения БРИКС: Россия как драйвер глобальной трансформации // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 2. – С. 14-24. https://doi.org/10.24158/pep.2024.2.1.

[2] BRICS Advocates for Global South Leadership in New Technologies and Innovation // Официальный сайт бразильского председательства в БРИКС. – 2025. – 25 июня. – https://brics.br/en/news/brics-advocates-for-global-south-leadership-in-new-technologies-and-innovation.

[3] Перестройка мировой экономики и рост значимости БРИКС: заявление Путина на ПМЭФ // Новые известия. – 2026. – 5 июня. – https://newizv.ru/news/2026-06-05/perestroyka-mirovoy-ekonomiki-i-rost-znachimosti-briks-zayavleniya-putina-na-pmef-440390?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

Заключение

За весь период своего функционирования неформальное межгосударственное объединение БРИКС демонстрирует динамичный переход от политического диалога к созданию прагматичных, устойчиво работающих финансово-экономических институтов, а в последние годы – к стратегическому переформатированию в ответ на геополитические вызовы. Генеральной линией становится ускоренное движение от координации к построению параллельной, менее уязвимой финансово-экономической инфраструктуры, основанной на национальных валютах и собственных платежных системах. Успех настоящего и последующих этапов финансового развития БРИКС будет во многом определяться совокупностью макроэкономических и внешнеполитических факторов. В данном контексте дальнейшее развитие БРИКС как ключевого торгового объединения будет зависеть от стремления к преодолению внутренней гетерогенности, нахождению баланса между расширением и эффективностью, политическими декларациями и углублением взаимных экономических связей в глобальной мир-системе.

Сотрудничество в рамках БРИКС реализуется через целый ряд взаимодополняющих видов деятельности, каждый из которых обладает своим инструментарием. В финансовой сфере развиваются интеграционные процессы, углубление которых возможно посредством гармонизации регуляторных финансовых норм, продуктивного использования национальных фиатных и цифровых валют, совместного развития платежных систем и цифровых платформ, что закономерно приведет к более интенсивному взаимовыгодному торгово-экономическому сотрудничеству стран-партнеров.

Мухаметзянов Р.Р.
к.э.н., доцент, с.н.с. Отдела научных исследования,
Институт международных экономических связей

Сторожев Д.В.
магистр экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Мухаметзянова О.Н.
магистр экономики, ведущий экономист,
Российский детско-юношеский центр

ЗНАЧЕНИЕ БРИКС+ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ЕГИПТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИЕЙ

Ключевые слова: БРИКС+, Египет, внешняя торговля, сельскохозяйственная продукция, экспорт, импорт, сальдо.
Key words: BRICS+, Egypt, foreign trade, agricultural products, exports, imports, balance.

Взаимная торговля сельскохозяйственной продукцией за период 2011-2020 гг. между пятью странами-основателями БРИКС (Бразилией, Россией, Индией, КНР и ЮАР) уже продемонстрировала растущую взаимодополняемость их аграрных экономик [1]. Каждое из этих государств обладает определенными сильными сторонами и конкурентными преимуществами в этом важнейшем сегменте народного хозяйства, отвечающем, прежде всего, за обеспечение продовольственной безопасности данных стран [2]. Усложнившиеся в начале XXI века геополитические реалии [3] предопределили необходимость развития в них национального агропродовольственного сектора, расширения его экспортного потенциала [4]. Это осуществлялось на основе инновационной трансформации сельского хозяйства [6], пищевой индустрии [7], логистической инфраструктуры [8].

В частности, в России значительно усилился производственный потенциал некоторых продовольственных подкомплексов, что позволило ей снизить параметры импорта сельскохозяйственной продукции [9], а по ряду категорий нарастить экспорт [10]. Во многом это произошло благодаря политике импортозамещения в отраслях отечественного АПК [11], которая была запущена после введенных в 2014 г. со стороны блока западных государств санкций в отношении российских физических и юридических лиц [12]. Как отмечают некоторые эксперты, еще предстоит оценить их экономические последствия как для РФ [13], так и для самих инициаторов, например, США [14]. Однако практика свидетельствует, что в итоге наша страна стала играть более существенную роль на глобальном рынке зерновых (особенно пшеницы) [15], и в настоящее время является важным поставщиком подсолнечного масла [16] и минеральных удобрений [17]. Положительные результаты достигнуты и в национальном мясном птицеводстве [18], свиноводстве [19], овощеводстве [20], садоводстве [21] и других отраслях. Тем не менее, Россия остается крупным предъявителем спроса на тропические и субтропические фрукты и ягоды, и будет им в будущем [22], в том числе на выращенных в таких государствах БРИКС+, как ЮАР и Египет [23].

Бразилия является ведущим мировым продуцентом и экспортером соевых бобов и продуктов их переработки [24], мяса (говядины и курятины) [25], сахара и кофе [26]. Среди стран Южной Америки она лидирует по положительному сальдо внешней торговли товарами выбранной для изучения продовольственной подгруппы [27], импортируя при этом пшеницу, солод, оливковое масло, молоко и сливки в твердом виде, вино, пальмовое масло и т.д. Индия, являясь нетто-экспортером сельскохозяйственной продукции, специализируется на поставках в другие государства риса, мяса КРС, сахара, кофе, табака, чая, специй, а закупает в основном растительные масла разных видов (пальмовое, соевое, подсолнечное), некоторые орехи и бобовые [28]. КНР, хотя производит и экспортирует весьма значительные объемы товаров изучаемой продовольственной подгруппы, выступает в качестве крупнейшего мирового импортера и переработчика сырья растительного и животного происхождения (в частности, соевых бобов, мяса КРС и др.), а также покупателя готовых продуктов питания, в том числе поглощая значительные объемы их поставок из других стран БРИКС [29]. ЮАР, имея положительно сальдо от внешней торговли сельскохозяйственной продукцией, производит и экспортирует фрукты и ягоды [30] кукурузу [31], вино [32], а импортирует пшеницу, пальмовое масло, рис, сахар-сырец. В 2024 г. к исследуемому интеграционному объединению присоединились ОАЭ, Египет, Эфиопия и Иран, а в 2025 г. – Индонезия. Новые члены имеют определенные финансовые и логистические возможности, довольно крупные рынки сбыта [33], а также значительный потенциал тропического и субтропического сельского хозяйства, в частности по плодово-ягодной продукции [34] и растительному маслу [35].

В рамках данной работы на основании данных Международного торгового центра (ITC) авторы решили исследовать значение БРИКС+ во внешней торговле Египта сельскохозяйственной продукцией (табл. 1). Заметно, что на первом месте как по экспорту из рассматриваемого государства, так и по его импорту оказалась наша страна. Египетские поставки в Россию товаров изучаемой продовольственной подгруппы в среднем за 2021-2025 гг. осуществлялись в объеме 531,217 млн долл., что составило 5,93 % от объема их экспорта во все государства, тогда как закупки в ней составляли соответственно 2796,135 млн долл. и 14,57% от общего их импорта из них. В основном из Египта в Россию направляется свежая плодово-ягодная продукция, среди которой превалируют цитрусовые [36]. По некоторым из них данное государство является ведущим экспортером в мире, в частности по апельсинам на первом месте [37], а по мандаринам на седьмом [38]. Так, в среднем за названный период апельсинов было поставлено в нашу страну на 139,124 млн долл., что составило 26,19% от египетского экспорта сельскохозяйственной продукции в РФ, а мандаринов на 37,875 млн долл. (7,13%). Также, на отечественный рынок направлялись некоторые тропические фрукты и ягоды, в том числе и экзотические [39]. Помимо этого, Россия является рынком сбыта для выращенного в Египте свежего продовольственного картофеля [40], среднегодовые поставки которого в течение рассматриваемого периода равнялись 103,588 млн долл. (19,50%).

Таблица 1

Значение БРИКС+ во внешней торговле Египта сельскохозяйственной продукцией в среднем за 2021-2025 гг.

Страна	2021-2025 гг. в среднем					
	экспорт		импорт		сальдо	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Россия	531,217	5,93	2796,135	14,57	-2264,917	22,13
Бразилия	106,942	1,19	2663,255	13,88	-2556,313	24,98
Индонезия	48,604	0,54	1264,645	6,59	-1216,041	11,88
Индия	205,008	2,29	945,823	4,93	-740,815	7,24
Иран	0,337	0,00	3,509	0,02	-3,172	0,03
Эфиопия	17,953	0,20	13,645	0,07	4,308	-0,04
ЮАР	34,216	0,38	12,688	0,07	21,528	-0,21
КНР	227,818	2,54	182,176	0,95	45,642	-0,45
ОАЭ	357,582	3,99	49,246	0,26	308,337	-3,01
Страны БРИКС+	1529,678	17,08	7931,121	41,33	-6401,444	62,55
Страны мира в целом	8953,794	100,0	19188,632	100,0	-10234,838	100,0

В импорте Египта из нашей страны превалировало зерно, в частности пшеница [41] и подсолнечное масло [42]. В среднем за 2021-2025 гг. закупки в РФ пшеницы осуществлялись на сумму в 2361,906 млн долл. (84,47%), а подсолнечного масла – на 299,021 млн долл. (10,69%). 95,16% египетского импорта из России товаров изучаемой продовольственной подгруппы приходилось на эти две категории.

В итоге, во взаимной торговле сельскохозяйственной продукции с нашей страной у Египта складывалось отрицательное сальдо в 2264,917 млн долл., что соответствовало 22,13% от аналогичного показателя в целом по БРИКС+. Однако, несмотря на передовые позиции РФ как по экспорту из рассматриваемого государства товаров изучаемой продовольственной подгруппы, так и по их импорту в него, лидером по их разнице стала Бразилия с 2556,313 млн долл. То есть почти четверть дефицита внешней торговли Египта формировалась за счет этой южноамериканской страны. В среднем в рассматриваемый нами период из нее в Египет было поставлено сельскохозяйственной продукции на сумму в 2663,255 млн долл., а закуплено в нем только на 106,942 млн долл. (1,19%). Главными импортируемыми в Египет из Бразилии категориями были: кукуруза – 1224,614 млн долл. (45,98%), сахар-сырец – 589,025 млн долл. (22,12%), замороженное бескостное мясо КРС – 311,350 млн долл. (11,69%), соевые бобы – 137,159 млн долл. (5,15%), живой скот – 93,657 млн долл. (3,52%). В принципе эти виды входили в число основных и в поставках товаров изучаемой продовольственной подгруппы из данной страны в международную торговлю [43]. Что касается экспорта, то из Египта в Бразилию направлялась преимущественно плодоовощная продукция, в состав первой пятерки вошли консервированные оливки – 23,687 млн долл. (22,15%), свежий продовольственный картофель – 15,101 млн долл. (14,12%), замороженная клубника – 14,936 млн долл. (13,97%), репчатый лук – 1,361 млн долл. (10,62%), апельсины – 8,802 млн долл. (8,23%).

Индонезия также внесла значительный вклад в образование дефицита внешней торговли Египта сельскохозяйственной продукцией в целом, и в рамках данного интеграционного объединения, в частности. В среднем за рассматриваемый период импорт из нее в Египет товаров изучаемой продовольственной подгруппы составил 1264,645 млн долл. или 6,59% от соответствующего суммарного параметра. При этом 95,09% пришлось на пять категорий: пальмовое масло – 1025,281 млн долл. (81,07%), кофе зеленый в зернах – 120,902 млн долл. (9,56%), пальмоядровое масло – 36,410 млн долл. (2,88%), гидрогенизированные растительные жиры, масла и их фракции – 19,924 млн долл. (1,6%). Среднегодовой экспорт из Египта в Индонезию осуществлялся всего на 48,604 млн долл., из них финики – 23,820 млн долл. (49,01%), свекольная меласса – 8,909 млн долл. (18,33%), свежий продовольственный картофель –4,818 млн долл. (9,91%), репчатый лук – 3,795 млн долл. (7,81%), апельсины – 1,977 млн долл. (4,07%).

Индия также внесла свой вклад в формирование у Египта отрицательного сальдо внешней торговли сельскохозяйственной продукцией. Импорт из нее в рассматриваемое государство был осуществлен на сумму в 945,823 млн долл. (4,93% от мира в целом), в котором 85,38% обеспечили пять категорий: замороженное бескостное мясо КРС – 642,402 млн долл. (67,92%), рис 94,883 млн долл. (10,03%), сырьевой табак – 27,854 млн долл. (2,94%), зеленый кофе в зернах – 21,918 млн долл. (2,32%), замороженная говяжья печень 20,489 млн долл. (2,17%). В то же время в египетском экспорте в Индию (в среднем за 2021-2025 гг. – 205,008 млн. долл. или 2,29% от соответствующего суммарного параметра) 85,59% пришлось на следующие пять видов: сырьевой хлопок – 102,165 млн долл. (49,83%), апельсины – 54,555 млн долл. (26,61%), соевое масло – 7,014 млн долл. (3,42%), семена люцерны для посева – 6,134 млн долл. (2,99%), переработанный непряденый лен (кроме ломаного, трепаного и высушенного) – 5,604 млн долл. (2,73%).

Отрицательный результат сложился у Египта и с Ираном, однако их взаимная торговля товарами рассматриваемой продовольственной подгруппы на фоне объемов названных выше стран БРИКС+ незначительна. То же самое можно сказать и про Эфиопию и ЮАР, с которыми Египет достиг положительного сальдо. Однако наибольший его размер получен в торговом обороте сельскохозяйственной продукцией с КНР и ОАЭ. Так, среднегодовой египетский экспорт в эти страны в течение рассматриваемого периода находился на уровне в 227,818 млн долл. и 357,582 млн долл., или 2,54% и 3,99% от соответствующих суммарных параметров, тогда как импорт из этих двух стран в Египет – 182,176 млн долл. (0,95%) и 49,246 млн долл. (0,26%). При этом в поставках из Египта в КНР 94,36% стоимостного объема пришлось на семь категорий (в том числе свекловичный жом, замороженная клубника, апельсины, лен сырьевой и различной степени переработки), тогда как в ОАЭ они были более дифференцированы (первая десятка товаров обеспечила только 56,94%). В них превалировали картофель, некоторые фрукты и ягоды [45], люцерновая мука и гранулы.

В среднем за 2021-2025 гг. совокупный удельный вес БРИКС+ в египетском экспорте сельскохозяйственной продукции составил 17,08%, в импорте – 41,33%, а в сальдо внешней торговли. Текущая модель торговли Египта в рамках БРИКС+ обеспечивает эту страну необходимыми для нее товарами рассматриваемой продовольственной подгруппы, но и создает определенные риски. Конечно, часть объемов импортируемой сельскохозяйственной продукции идет не на удовлетворение потребности местного населения, а в туристический сектор, за счет которого Египет получает приток иностранной валюты, тем самым сглаживая дисбаланс от торговли товарами рассматриваемой продовольственной подгруппы. Тем не менее, на перспективу данному государству необходимо не только сохранять существующие импортные потоки, но и по мере возможности наращивать поставки сельскохозяйственной продукции в страны БРИКС+, особенно в крупные страны, а также, в целях снижения рисков, диверсифицировать географию импорта внутри данного интеграционного объединения.

Список литературы

1. *Папцов, А.Г.* Возможности развития торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – № 3. – С. 84-95. – EDN VUUQIT.
2. *Ревенко, Л.С.* Продовольственная безопасность в современной повестке БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 6. – С. 53-64. – DOI 10.24412/2072-8042-2024-6-53-64. – EDN RUZPYU.
3. *Герасимов, В.И.* Место и роль БРИКС в формировании нового миропорядка // Век глобализации. – 2025. – № 1(53). – С. 63-76. – DOI 10.30884/vglob/2025.01.05. – EDN GCGTAG.
4. *Папцов, А.Г.* Новые возможности развития аграрного сектора БРИКС // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2025. – № 3 (121). – С. 4-17. – DOI 10.33938/253-4. – EDN RKNMBZ.
5. *Солдатенкова, О.И.* Влияние расширения состава БРИКС на мировую торговлю сельскохозяйственными товарами // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 248, № 4. – С. 384-393. – DOI 10.38197/2072-2060-2024-248-4-384-393. – EDN GODQOO.
6. *Чернер, Н.В.* Инновационный путь совместного создания ценности в сельском хозяйстве // Вестник МГИМО Университета. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 200-208. – DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-200-208. – EDN OJCIHB.
7. *Котеев, С.В.* Развитие пищевой промышленности: трансформация, специализация, интеграция // Агропродовольственная политика России. – 2012. – № 2. – С. 44-50. – EDN PWYTTZ.

8. *Федорова, Т.В.* Мировая логистика в условиях изменения миропорядка // Предпринимательство и сервис: стратегии и инновации для устойчивого развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Орёл, 23 мая 2025 г. – Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2025. – С. 335-345. – EDN LDLHOF.
9. *Котеев, С.В.* Изменение стоимостных объемов и структуры импорта в Россию агропродовольственной продукции // Агропродовольственная политика России. – 2024. – № 6 (113). – С. 26-37. – DOI 10.35524/2227-0280_2024_06_26. – EDN HAPMDX.
10. *Котеев, С.В.* Основные виды агропродовольственной продукции во внешней торговле России // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 7. – С. 130-135. – DOI 10.32651/247-130. – EDN XWBUJA.
11. *Гончаров, В.Д.* Импортозамещение в агропромышленном комплексе России // Инвестиции в России. – 2016. – № 9 (260). – С. 16-22. – EDN WRPKGJ.
12. *Гравшина, И.Н.* К вопросу о развитии аграрного сектора в условиях международных санкций // Агропродовольственная политика России. – 2015. – № 4 (40). – С. 17-20. – EDN TWIIFR.
13. *Солдатенкова, О.И.* Оценка эффективности санкционного воздействия на Российскую Федерацию: методический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 10. – С. 39-50. – DOI 10.24412/2072-8042-2023-10-39-50. – EDN GMVEYS.
14. *Солдатенкова, О.И.* К вопросу об оценке влияния антироссийских санкций на экономику США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – № 2 (662). – С. 66-80. – DOI 10.7868/s3034604525020056. – EDN INXJEV.
15. *Бесшапошный, М.Н.* Производство и экспорт зерна в странах СНГ // Перспективные технологии в современном АПК России: традиции и инновации: Материалы 72 Международной научно-практической конференции, Рязань, 20 апреля 2021 г. Ч. 1. – Рязань: Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А. Костычева, 2021. – С. 288-295. – EDN REIHBX.
16. *Федорова, Т.В.* Изменение общемирового экспорта подсолнечного масла // Инновационные направления интеграции науки, образования и производства: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Феодосия, 11-14 мая 2025 г. – Керчь: Керченский государственный морской технологический университет, 2025. – С. 601-606. – EDN BYCBHS.
17. *Гаврилова, Н.Г.* Состояние и перспективы экспорта российских минеральных удобрений в Африку // Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки. – М.: Институт Африки РАН, 2022. – С. 121-130. – EDN CPKQNC.
18. *Еремеева, Н.А.* Трансформация производства в мире мяса птицы: объемы, структура, тенденции // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, № 9(162). – С. 31-43. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.09.07.004. – EDN BLREYZ.
19. *Еремеева, Н.А.* Объемы, структура и тенденции глобального производства мяса // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 12. – С. 173-179. – DOI 10.31442/0235-2494-2025-0-12-173-179. – EDN TYMVFY.
20. *Костина, Р.В.* Овощеводство России и Сирии: экономические аспекты и сравнительный анализ // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 7. – С. 125-132. – DOI 10.31442/0235-2494-2025-0-7-125-132. – EDN BKATRY.
21. *Капустина, Н.В.* Тенденции развития садоводства в основных странах-продуцентах фруктов и ягод // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2024. – № 12. – С. 100-106. – DOI 10.31442/0235-2494-2024-0-12-100-106. – EDN KQEEBE.
22. *Dzhancharov, T.M.* [et al.] Factors and Trends in the Development of International Trade in Fruit and Berry Products // Digital Agriculture for Food Security and Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. – Cham: Springer, 2023. – P. 155-161.
23. *Koteev S.V.* [et al.] The Changing Role of Africa and Russia in International and Mutual Trade of Fresh Citrus Fruits // The Sustainable Development of the Entrepreneurial Economy in the Fifth Industrial Revolution. – 2026. – P. 161-172.
24. *Ананьева, Т.В.* Изменение производства соевых бобов и основных продуктов их переработки в России и других странах мира // Экономика сельского хозяйства России. – 2024. – № 9. – С. 135-143. – DOI 10.32651/249-135. – EDN WYXVYO.
25. *Силаков, А.В.* Глобальное производство мяса: структурные изменения, географические сдвиги и африканский парадокс // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 1, № 5(170). – С. 111-120. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.05.01.011. – EDN EMCQXM.
26. *Мухаметзянов, Р.Р.* Анализ динамики мирового производства и международной торговли чаем, зеленым зерновым кофе и какао-бобами // Научное обозрение: теория и практика. – 2021. – Т. 11, № 6(86). – С. 1680-1699. – DOI 10.35679/2226-0226-2021-11-6-1680-1699. – EDN GIITQU.

27. *Хежев, А.М.* Сальдо торгового баланса стран Южной Америки от экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции // Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: Сборник трудов XV Международной научно-практической конференции, Брянск, 14-15 марта 2024 г. – Брянск: Брянский государственный аграрный университет, 2024. – С. 166-170. – EDN GTETRA.
28. *Папцов, А.Г.* Некоторые аспекты формирования экспортной инфраструктуры в аграрном секторе экономики Индии // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 9. – С. 90-96. – DOI 10.31442/0235-2494-2020-0-9-90-96. – EDN SKJFHR.
29. *Аварский, Н.Д.* Стратегические направления развития аграрного сектора Китая в современных условиях // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – № 11 (105). – С. 4-19. – DOI 10.33938/2311-4. – EDN FUSECG.
30. *Васильев, В.В.* Экспорт из ЮАР главных фруктов и ягод: объемы, страны, тенденции // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 8, № 3 (168). – С. 124-137. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.03.08.013. – EDN ZXNYPN.
31. *Гаврилова, Н.Г.* Африка в мировом производстве кукурузы // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2025. – № 5. – С. 191-207. – DOI 10.26897/0021-342X-2025-5-191-207. – EDN QSYIQX.
32. *Гаврилова, Н.Г.* Виноградарство и виноделие в ЮАР: состояние, тенденции, значение в мире // Садоводство и виноградарство. – 2025. – № 3. – С. 47-53. – DOI 10.31676/0235-2591-2025-3-47-53. – EDN JMOGEV.
33. *Герасимов, В.И.* Перспективы сотрудничества незападных стран на евразийском пространстве и в рамках БРИКС+ // Век глобализации. – 2025. – № 4 (56). – С. 162-172. – DOI 10.30884/vglob/2025.04.14. – EDN WVXFDB.
34. *Ostapchuk, T.V.* [et al.] Changes in Global Production and Trade of Major Tropical Fruits. In: Digital Agriculture for Food Security and Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. – Cham: Springer, 2023. – P. 147-153.
35. *Аварский, Н.Д.* Современные тенденции на мировом рынке масложировой продукции // Экономика сельского хозяйства России. – 2016. – № 6. – С. 58-78. – EDN WAAGWT.
36. *Сторожев, Д.В.* Объемы экспорта из Египта плодово-ягодной продукции // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий: Сборник IX Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 20 декабря 2024 г. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2024. – С. 1529-1532.
37. *Чернер, Н.В.* Изменение объемов и структуры общемирового экспорта апельсинов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 10, № 10 (164). – С. 111-124. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.10.012. – EDN JZZJXZ.
38. *Чернер, Н.В.* Изменение объемов и структуры общемирового экспорта мандаринов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 10, № 2 (167). – С. 83-96. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.02.10.010. – EDN RXNHTJ.
39. *Платоновский, Н.Г.* Изменение объемов международной торговли экзотическими тропическими фруктами // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2024. – № 3 (399). – С. 326-329. – DOI 10.55186/25876740_2024_67_3_326. – EDN RSZQIN.
40. *Джанчарова, Г.К.* Импорт картофеля и основных видов овощей в Россию // Московский экономический журнал. – 2021. – № 11. – DOI 10.24412/2413-046X-2021-10686. – EDN YTBGYZ.
41. *Tyupakov, K.E.* [et al.] Development of the Grain Market Export Potential // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 8, N 3. – P. 7146-7152. – DOI 10.35940/ijrte.C6101.098319. – EDN YUUSYC.
42. *Мухаметзянов, Р.Р.* Изменение значения РФ в глобальном производстве и экспорте подсолнечника на семена и подсолнечного масла // Никоновские чтения. – 2025. – № 30. – С. 118-123. – EDN LIVZGY.
43. *Мухаметзянов, Р.Р.* Анализ внешней торговли стран Южной Америки сельскохозяйственной продукцией // Цифровая трансформация международной экономической системы: глобальные вызовы: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 5 декабря 2024 г. – М.: ООО «Русайнс», 2025. – С. 114-123. – EDN QPYFKV.
44. *Садыкова, З.Ф.* Изменение объемов производства свежей плодово-ягодной продукции в Индонезии // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2025. – № 5. – С. 118-123. – DOI 10.31442/0235-2494-2025-0-5-118-123. – EDN ABGRAZ.
45. *Васильев, В.В.* Экспорт из Египта главных фруктов и ягод: объемы, страны, тенденции // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 15, № 12 (153). – С. 51-62. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.15.007. – EDN EQFHPD.

Орлова Н.Л.
к.э.н., доцент Кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН БРИКС

Ключевые слова: БРИКС, цивилизационный ресурс, ресурсный вектор, трёхмерная культурная карта, транзакционные издержки, наукоемкие отрасли, ресурсная кооперация, кросс-цивилизационная транзакционная нагрузка.
Key words: BRICS, civilizational resource, resource vector, three-dimensional cultural map, transaction costs, knowledge-intensive industries, resource cooperation, cross-civilizational transactional load.

Расширение и институционализация БРИКС в начале 2020-х годов зафиксировали качественный переход объединения от формата дискуссионной платформы к контуру структурного экономического взаимодействия. Данная система формируется как реальная альтернатива западно-центричной модели глобального управления. В настоящее время доля стран БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности стабилизировалась на уровне немногим более 37%, а их участие в международной торговле товарами составляет около четверти мирового объёма. Вместе с тем за этими масштабными показателями скрывается глубокая асимметрия развития: страны-участницы объединения опираются на принципиально разные регуляторные философии и исторические траектории государственно-частных отношений.

В данном контексте цивилизационный подход выступает не как абстрактная культурологическая конструкция с ценностными ориентирами, а как аналитическая оптика. Она позволяет выявить устойчивые паттерны экономического поведения субъектов внешнеэкономической деятельности, укоренённые в историческом опыте, правовых традициях, национальных особенностях доверия и специфики восприятии суверенитета.

Анализ показал, что определяющую роль в интеграции играет ресурсный вектор. Страны БРИКС концентрируют значительную часть мировых запасов полезных ископаемых и топливно-энергетических ресурсов. Это создает прочный фундамент для построения новых производственно-сбытовых цепей и отраслевых платформ. При этом цивилизационная специфика находит прямое отражение в экономических предпочтениях: она определяет отношение к долгосрочному планированию, влияет на восприятие рисков, логику технологического развития и проведение предконтрактных этапов внешнеэкономических операций.

Цель статьи – систематизировать цивилизационные особенности экономического взаимодействия стран БРИКС через призму их ресурсного потенциала, ценностно-экономической близости и институционального оформления сотрудничества, а также оценить их влияние на перспективы взаимодействия и предложить инструментарий для снижения контрактных издержек в многополярной системе торговых отношений.

Научная новизна исследования заключается в синтезе институциональной экономики, сравнительного анализа ресурсных секторов и трёхмерного ценностно-экономического моделирования. В целях количественно-качественной оценки контрактных издержек в научный оборот вводится понятие «кросс-цивилизационная транзакционная нагрузка» (КЦТН). Кроме того, предложена авторская методика для оценки скрытого экспортного потенциала и перспектив ресурсной кооперации.

Важным методологическим шагом настоящего исследования стало переосмысление культурной карты мира Р. Инглхарта и К. Вельцеля. Напомним, что в оригинальной модели, основанной на данных Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), страны размещались в двухмерном пространстве:

- ось X отражала поляризацию между ценностями выживания и самовыражения, что связано с постиндустриальным переходом;
- ось Y – между традиционными и секулярно-рациональными ценностями, обеспечивающими связь с процессами индустриализации и модернизации.

Последние волны исследований (2017-2022 гг.) подтвердили устойчивость этих осей, но зафиксировали постпандемийные сдвиги – во всем мире усилился запрос на социальную защиту, цифровое доверие и пересмотр экологических приоритетов.

Однако для глубокого экономического анализа плоскостной проекции Инглхарта-Вельцеля, как представляется, недостаточно. Мы предлагаем расширить модель до трёхмерного ценностно-экономического пространства, введя ось Z, которая отражает интегральный уровень социально-экономического развития. Координаты по оси Z рассчитываются на основе нормализованных показателей ВВП, внешнеторгового оборота и объёма прямых иностранных инвестиций. Эти показатели отбираются в расчёте на душу населения. Базовая шкала по оси Z, как и по осям X и Y, варьирует от −3 до +3. Подобная пространственная модель позволяет одновременно учитывать ценностные ориентации, институциональный контекст и экономическую ёмкость рынков, что имеет особое значение при анализе взаимодействия столь разнородных систем.

В рамках этой модели предлагается ввести понятие **кросс-цивилизационной транзакционной нагрузки**.

Кросс-цивилизационная транзакционная нагрузка (КЦТН) – это совокупность дополнительных издержек, временных задержек, контрактных премий за неопределённость и институциональные противоречия, которые возникают при заключении и исполнении соглашений между субъектами из разных цивилизационных матриц.

КЦТН формируется из-за рассогласования национальных подходов к доверию, практик риск-менеджмента, а также разного восприятия справедливости в ценообразовании, подходах к защите данных или экологическим стандартам.

Логика модели следующая: чем меньше расстояние между координатами стран в 3D-пространстве, тем ниже КЦТН и тем выше вероятность формирования устойчивых, самоподдерживающихся цепей сотрудничества. Напротив, полярные дистанции требуют создания сложных буферных институтов, смешанных форм гарантий, привлечения нейтральных арбитражных площадок и более длительных циклов согласования. При этом КЦТН – не статичный барьер. Ею можно управлять и снижать нагрузку через взаимное признание стандартов, развитие интероперабельных клиринговых хабов и интеграцию нематериальных цивилизационных ресурсов в воспроизводственные циклы.

Помимо 3D-моделирования и расчёта евклидовых расстояний, методологический аппарат исследования включает качественный сравнительный анализ, институциональное картирование, а также анализ вторичных данных по ресурсным секторам и наукоемким отраслям за период 2015-2025 гг.

Экономику БРИКС сложно анализировать в отрыве от её ресурсной базы. Суммарно на страны объединения приходится около трети мировых запасов золота, свинца, селена и цинка, до половины ресурсов железной руды и молибдена, более половины олова, а также две трети графита, марганца и вольфрама. В топливно-энергетическом секторе БРИКС контролирует около 40% мировых запасов угля и четверть природного газа, при этом доля России в газовых запасах превышает 19%. Эти показатели формируют структурный фундамент для переориентации глобальных товарных потоков и создания новых отраслевых платформ.

Сравнительный анализ показывает, что ресурсные возможности государств БРИКС и их фактическое участие в глобальной торговле сырьем распределены неравномерно. Во многих случаях доля страны в мировых запасах конкретного ресурса кратно превосходит ее долю в глобальном экспорте. Этот дисбаланс указывает на наличие значительного нереализованного потенциала поставок.

Диспропорция между внутренними резервами и экспортной активностью наглядно прослеживается на примере ключевых участников объединения:

- Бразилия удерживает прочные позиции по запасам бокситов (9,0% от мировых при 2,7% в экспорте), графита (26,4% против 4,5%), марганца (14,2% против 3,6%), олова (16,3% против 0,6%) и золота (4,1% против 1,3%).
- Индия располагает масштабными объемами каолина (16,5%) и угля (10,3%), однако их поставки на внешние рынки остаются минимальными (1,7% и 0,1% соответственно).
- Китай, несмотря на традиционно высокую активность в экспорте плавикового шпата и графита, демонстрирует глубокий разрыв между резервами и продажами молибдена (38,7% против 4,8%) и вольфрама (52,3% против 0,9%).

- Россия сталкивается с похожей ситуацией в отношении селена (27,4% мировых запасов при 4,7% в экспорте) и золота (18,8% против 4,8%). В российском контексте сдерживающими факторами являются дефицит перерабатывающих мощностей и инфраструктурные ограничения.

Выявленная асимметрия выходит за рамки сугубо рыночной конъюнктуры. Она отражает фундаментальные различия в национальных подходах к управлению природной рентой и долгосрочные цивилизационные приоритеты государств. Часто государства БРИКС сознательно резервируют месторождения для будущих поколений или используют сырье как инструмент внутренней промышленной политики и обеспечения национальной безопасности.

Вместе с тем, этот скрытый потенциал открывает возможности для создания Ресурсной кооперационной биржи – отраслевой платформы с доминирующим участием развивающихся экономик. Такая структура способна укрепить статус экспортеров, защитить их интересы при ценообразовании и сформировать альтернативу западным сырьевым бенчмаркам. Цивилизационный ресурс здесь работает как катализатор: интеграция нематериальной составляющей (информационной, технологической, экспертной) в совместные воспроизводственные системы помогает адаптировать глобальные проекты к местной среде и снижает КЦТН благодаря общей долгосрочной ориентации участников.

Параллельно с развитием ресурсного сектора в странах БРИКС идет ускоренная модернизация обрабатывающей промышленности. Быстрый экономический рост потребовал кардинального пересмотра энергетических и технологических баз. За последние два десятилетия Китай увеличил выработку электроэнергии в 5 раз, а Индия и Саудовская Аравия – почти в 2,5 раза. В производстве первичного алюминия Китай сегодня доминирует с долей около 58% мирового рынка (против 16% в 2002 г.), при этом Россия и Индия сохраняют свои высокие позиции. В сталелитейной промышленности удельный вес КНР вырос с 20% до 53%, а Египет, Индия, Иран и Саудовская Аравия демонстрируют кратное расширение металлургических мощностей. Хотя по показателю добавленной стоимости обрабатывающей промышленности на душу населения большинство стран БРИКС пока находятся в третьем-четвертом десятке мирового рейтинга Индекса конкурентоспособности промышленности, масштаб абсолютных показателей уже вывел Китай на второе место.

Особый интерес представляют наукоемкие отрасли и высокие технологии. С 2015 года среднемировые темпы роста в этом секторе составили 2,7 раза, однако в странах БРИКС эти показатели были превышены многократно: в Китае – в 10 раз, в Индии – в 7 раз. Сегодня четверть всей мировой наукоемкой продукции производится в КНР. Доля Индии в глобальном объёме KTI выросла с 0,9% до 2,4%, Россия фиксирует рост с 0,7% до 0,9%, а Бразилия стабильно удерживает позиции на уровне 1,2%.

Такой рывок стал возможен благодаря эффекту догоняющего развития, адаптации передовых мировых стандартов и акцентированной государственной поддержке. При этом цивилизационная специфика государств БРИКС находит непосредственное отражение в национальных стратегиях технологического развития:

- Китай ориентируется на жесткое государственное регулирование оборота данных и масштабное развертывание базовой цифровой инфраструктуры;
- Индия делает акцент на формировании открытых экосистем программных интерфейсов (API) и создании публичных цифровых платформ;
- Россия концентрирует усилия на обеспечении технологического суверенитета и реализации программ импортозамещения;
- Бразилия и ЮАР подчиняют инновационную политику задачам инклюзивной цифровизации и преодоления глубокого социального неравенства.

Несмотря на институциональные различия этих моделей, внутри объединения усиливаются интеграционные процессы. Это выражается в расширении сети совместных исследовательских центров, гармонизации стандартов в сфере «зелёных» технологий и взаимном признании профессиональных квалификаций. Синергетический эффект от такого взаимодействия способствует постепенному снижению КЦТН в высокотехнологичных отраслях.

Применение трёхмерного моделирования позволяет верифицировать качественные характеристики и перевести анализ полярностей в плоскость точных расчетов. Вычисление евклидовых расстояний между странами-участницами позволило зафиксировать устойчивые закономерности, которые прямо коррелируют с интенсивностью их взаимной торговли и инвестиционных потоков.

Таблица 1

Цивилизационная близость отдельных стран

Пара стран	Коэффициент близости (дистанция в 3D)	Уровень КЦТН	Характер взаимодействия
Индия – Иран	~0,18	Минимальный	Высокая ценностно-экономическая согласованность, упрощенные контрактные практики, быстрое одобрение проектов.
Россия – Китай	~0,52	Низкий	Сходные модели государственного участия в экономике, бурный рост товарооборота, расчеты в нацвалютах без избыточных формальностей.
Бразилия – Китай	~0,90	Умеренный	Прагматичный подход, высокая взаимодополняемость (например, сырье в обмен на технологии), сглаживание барьеров через межправкомиссии.
Россия – Бразилия	~0,87	Умеренный	Умеренная нагрузка, использование смешанных форм гарантий и клиринговых механизмов.
Бразилия – Индия	~0,87	Умеренный	Стабильное торгово-инвестиционное партнерство, опирающееся на двусторонние соглашения.
Бразилия – Египет	~2,23	Высокий	Требуются сложные юридические инструменты, дополнительные страховые механизмы, длительные циклы согласования.
Китай – Египет	~2,58	Максимальный	Полярная дистанция. Необходимы институциональные буферы, нейтральные клиринговые центры и смешанные юрисдикции.

Анализ данных в табл. 1 показывает: цивилизационная близость не тождественна полной идентичности. Речь идёт о степени совместимости подходов к принятию решений, оценке рисков и распределению ресурсов как в бизнес-среде, так и на государственном уровне. Разброс цивилизационных дистанций внутри БРИКС оказывается не хаотичным, а структурирующим фактором: он порождает гибкую многоуровневую архитектуру, где рядом с глубоко интегрированными парами соседствуют ситуативные проектные альянсы. Неоднородность объединения не блокирует интеграционные процессы, а напротив, придаёт им сетевой и адаптивный характер. В этой оптике КЦТН перестаёт восприниматься как непреодолимая преграда и начинает работать как регулируемый параметр.

Западные интеграционные модели традиционно ориентированы на жёсткую унификацию и гармонизацию законодательства. БРИКС движется в ином направлении – здесь складывается архитектура мягкой координации, опирающаяся на консенсус, недоминирование, функциональную комплементарность и сетевые механизмы. Эта логика отчётливо просматривается в нескольких ключевых сферах. Во-первых, речь идет о финансовой сфере. Создание Нового банка развития и Пула условных валютных резервов – это не просто технические шаги, а осознанная попытка укрепить стратегическую автономию. Устав НБР фиксирует равное представительство и запрет на политические условия при кредитовании. Однако внутренние дискуссии по управлению рисками обнажают национальные акценты: Китай и Россия тяготеют к крупным инфраструктурным проектам с государственными гарантиями, Индия и Бразилия настаивают на жёсткой коммерческой дисциплине, а ЮАР выдвигает на первый план социальные и экологические критерии. Эти расхождения не парализуют работу банка – они заставляют его постоянно подстраивать требования, и тем самым институциональное трение снижается, а не нарастает. Во вторых, дедолларизация и расчёты в национальных валютах. За последнее десятилетие доля доллара во взаимных расчётах стран БРИКС сократилась с 80% (середина 2010-х) до 35-40% к 2025 году. Движущей силой стал исторический опыт валютных кризисов и санкционных ограничений – долларовая система всё чаще воспринимается как канал геополитических рисков. В ответ каждая страна развивает собственные инструменты: Китай продвигает юань и цифровой e-CNY, Россия – СПФС, Индия – интерфейс UPI для трансграничных переводов, Бразилия

и ЮАР активно задействуют локальные валютные свопы. На начальном этапе фрагментация платформ порождает дополнительные издержки, но постепенная совместимость достигается эволюционно, без навязывания единой валютной модели. В третьих, институционализация ресурсных рынков. На фоне фрагментации глобальных цепочек поставок проект Ресурсной кооперационной биржи приобретает особое звучание. Эта гибридная платформа – одновременно торговая площадка, аналитический центр и клиринговый узел – объединяет экспортёров критического сырья, удобрений и «зелёных» технологий. Её потенциал заключается в снижении транзакционных издержек и в создании защитного слоя от внешней волатильности за счёт взаимного признания торговых практик. И наконец, цифровое и технологическое сотрудничество. Совместные проекты в сфере искусственного интеллекта, космических исследований и биотехнологий строятся по гибкой схеме: государственные гарантии соседствуют с частными инвестициями, открытые стандарты – с защищёнными контурами обмена данными. Технологический суверенитет участников не ведёт к автаркии, а дополняется механизмами доверительного взаимодействия, что снижает риски недопонимания.

Экономическое взаимодействие внутри БРИКС глубоко укоренено в цивилизационных характеристиках внутренних систем – в исторически сложившихся моделях государственного участия, в национальных типах доверия, в отношении к суверенитету. Это формирует среду сотрудничества, которая принципиально отличается от западных интеграционных блоков.

Итоги исследования таковы:

– цивилизационные различия напрямую влияют на экономические предпочтения стран – от выбора контрактных форм до подходов к финансовой и технологической автономии;
– сохраняющаяся асимметрия между огромными запасами ресурсов стран БРИКС и их фактическим экспортом указывает на значительный скрытый потенциал, реализация которого возможна через создание суверенных отраслевых платформ и координационных бирж;
– трёхмерная ценностно-экономическая модель позволяет количественно оценивать цивилизационную дистанцию: при минимальных расстояниях (Индия–Иран, Россия–Китай) КЦТН низка, а проекты запускаются быстро, тогда как при максимальных (Китай–Египет) требуются специальные институциональные буферы;
– понятие кросс-цивилизационной транзакционной нагрузки получило эмпирическую верификацию как измеритель совокупных издержек культурно-институционального трения; для её снижения необходимы интероперабельные цифровые платформы, взаимное признание стандартов и гибкие арбитражные процедуры;
– институциональный дизайн БРИКС эволюционирует в сторону мягкой координации, где консенсус и функциональная комплементарность оказываются эффективнее жёсткой унификации законов, что обеспечивает системе высокую устойчивость к внешним геополитическим и геоэкономическим шокам.

В условиях масштабной трансформации глобальных рынков цивилизационный ресурс перестаёт быть абстрактной гуманитарной категорией, он становится измеримым и управляемым фактором международной конкурентоспособности – и потому требует системного учёта как в стратегическом планировании, так и в практике заключения внешнеторговых соглашений.

Список литературы

1. *Миловидов, В.Д.* Цивилизационный подход в экономических исследованиях // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № S1. – С. 62–78.
2. *Орлова, Н.Л.* Институциональные аспекты развития ресурсных секторов мировой экономики в новых условиях // Экономические науки. – 2023. – № 10. – С. 258–265.
3. *Хорос, В.Г.* От БРИКС к БРИКС+: на пути к новому миропорядку / В. Г. Хорос, Е. Ю. Потапова // Полицентричный мир. – 2024. – Т. 1, № 1–2. – С. 64–76. – DOI: 10.20542/pwj-2024-1(1-2)-64-76.
4. UNCTAD. Trade and Development Report: Rebalancing Global Value Chains. – Geneva: UNCTAD, 2024.
5. U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries 2025. – Reston, VA: USGS, 2025.
6. World Bank. BRICS Economic Monitor: Trends, Challenges, and Opportunities. – Washington, DC: World Bank, 2025.
7. World Values Survey Association. World Values Survey Wave 7: Technical Report. – Madrid: WVS, 2022.

Рязанова Н.Е.
к.геогр.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений (университет)
n.riazanova@inno.mgimo.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНТЕРЕСАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС

Ключевые слова: БРИКС, высшее образование, устойчивое развитие, сравнительная педагогика, образовательная стратегия.
Key words: BRICS, higher education, sustainable development, comparative pedagogy, educational strategy.

Введение

К началу 2026 года объединение БРИКС вступает в новый этап своего развития, характеризуемый не только расширением состава участников, но и качественной трансформацией механизмов многостороннего сотрудничества. Сегодня БРИКС объединяет 10 государств – Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, Египет, Эфиопию, Иран, ОАЭ и Индонезию. Расширение БРИКС в 2024-2025 годах привнесло в объединение новые образовательные традиции, системы аккредитации и приоритеты развития человеческого капитала, что создаёт как беспрецедентные возможности, так и серьёзные вызовы для гармонизации образовательного пространства.

Ключевым институциональным механизмом сотрудничества является Сетевой университет БРИКС (BRICS Network University), который после расширения объединения насчитывает 178 университетов из 9 стран по 11 приоритетным тематическим направлениям [1]. К традиционным направлениям – энергетика (координатор – НИУ «МЭИ», Россия), информационная безопасность, экономика, исследования БРИКС, экология и изменение климата, водные ресурсы и борьба с загрязнением – в 2025 году добавились новые: медицинские исследования, математика, естественные науки, социальные и гуманитарные науки, а также устойчивое сельское хозяйство и продовольственная безопасность [1]. Знаменательным событием стало включение в сеть Пенджабского сельскохозяйственного университета (Индия), известного как «колыбель Зелёной революции», который вошёл в тематическую группу по устойчивому сельскому хозяйству и продовольственной безопасности в качестве единственного сельскохозяйственного университета от Индии.

Несмотря на впечатляющую институциональную архитектуру, гармонизация образовательных систем остаётся фрагментарной. По имеющимся оценкам, только 23% университетов БРИКС имеют совместные образовательные программы по устойчивому развитию. Этот разрыв между институциональными рамками и реальной интеграцией образовательного контента представляет собой центральное противоречие, которое требует осмысления и разрешения.

Цели исследования:

1. Диагностическая цель – выявить структурные различия в организации высшего образования стран БРИКС, влияющие на интеграцию принципов устойчивого развития.
2. Сравнительно-типологическая цель – определить общие паттерны (устойчивые инварианты) образовательных реформ в странах объединения.
3. Стратегическая цель – предложить архитектуру сотрудничества, которая превращает различия из барьера в ресурс.

Задачи: проанализировать национальные кейсы, выделить успешные практики, провести SWOT и PESTEL анализ для обоснования стратегии.

Философское осмысление. Введение в проблему выводит на категорию «единство в многообразии». Кантовская идея всемирного гражданства встречается с реалией полицентричного мира. Образование в БРИКС становится полем, где встречаются (или сталкиваются) не просто методики, а цивилизационные матрицы – конфуцианский прагматизм Китая, индийская духовно-ориентированная педагогика, бразильская модель социальной инклюзии, советское наследие России. Устойчивое развитие является тем трансцендентальным горизонтом, который позволяет этим различным мирам вступить в продуктивный диалог.

Методы. Исследование выполнено в парадигме сравнительной педагогики с элементами политического анализа. Источники: национальные стратегии устойчивого развития стран БРИКС (2020-2025), отчёты Сети университетов БРИКС (BRICS NU, 2023-2025), данные рейтинга THE Impact Rankings 2025 [2]. Критерии отбора кейсов: университеты, входящие в BRICS NU, с опубликованными данными по ESG-компоненте. Отобрано 47 университетов из 9 стран.

Методы анализа: 1) сравнительно-сопоставительный по параметрам «структура управления вузом / наличие ESG-стандарта / формы международного партнёрства»; 2) контент-анализ образовательных политик.

Результаты

Общие паттерны высшего образования в странах БРИКС. Несмотря на различия, выявлены три устойчивые тенденции (рис. 1).

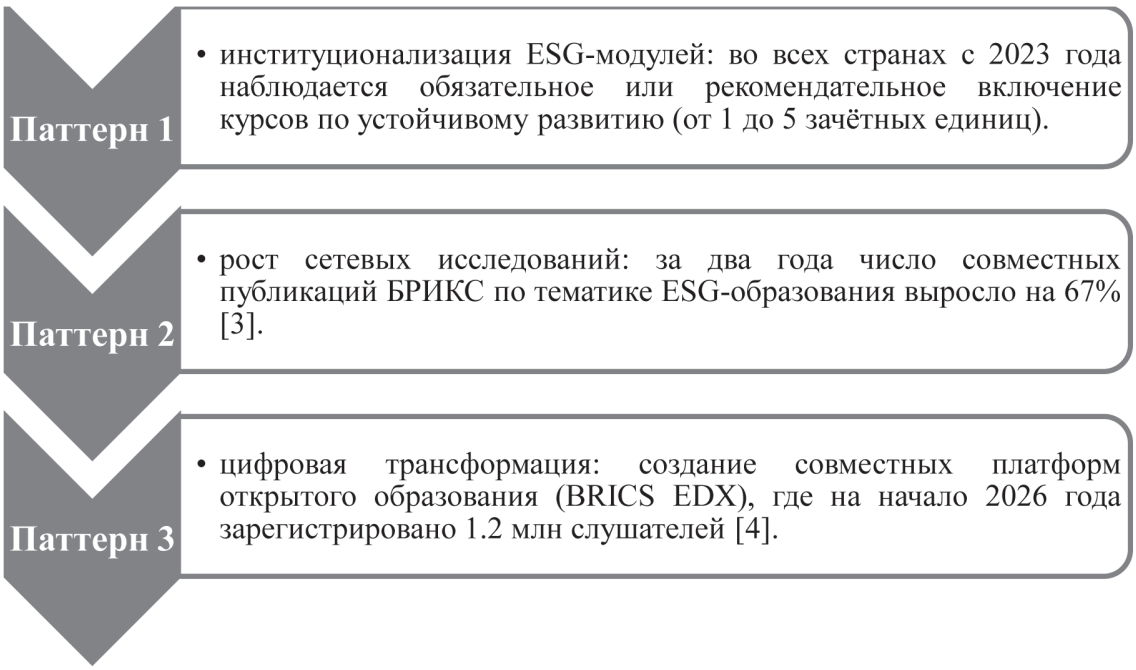

Рис. 1. Основные паттерны высшего образования в странах БРИКС

Китай и Россия демонстрируют централизованную модель: государство задаёт стандарты, университеты исполняют. Бразилия и Индия – децентрализованную: университеты обладают высокой автономией, а ESG-образование развивается через общественные и бизнес-инициативы.

Существуют различия и в приоритетных ESG-сферах или сферах образования в интересах устойчивого развития. Для Китая доминанта – это зелёная энергетика и технологии (78% программ). Для Индии – социальная инклюзия и борьба с бедностью (65% программ). Для Бразилии – устойчивое сельское хозяйство и сохранение Амазонии (70% программ). Россия делает акцент на экономической эффективности ресурсопользования (60% программ) [1].

Также есть различия и в темпах гармонизации. ОАЭ, Египет и Саудовская Аравия (новые члены с 2025 года) внедряют стандарты быстрее (полная гармонизация за 2-3 года), тогда как Индия и ЮАР сохраняют национальную специфику (гармонизация займёт 5-7 лет).

Полученные данные демонстрируют диалектику тождества и различия. Общее (ESG-повестка) не отменяет особенное (национальные приоритеты), а конкретизируется через него. Это напоминает гегелевскую триаду: всеобщее (устойчивое развитие как идея) – особенное (национальные модели ESG-образования) – единичное (программа конкретного университета). Стратегия сотрудничества должна сохранять эту триаду, а не редуцировать всё к единому шаблону. Устойчивость системы тем выше, чем более гибко она сочетает универсальные цели с локальными способами их достижения.

Обсуждение

Различия как ресурс: стратегический вывод. Традиционный подход рассматривает различия национальных систем как проблему, требующую унификации. Наши данные показывают иное: наибольший инновационный эффект возникает на стыках разных моделей. Например, китайский опыт тотальной цифровизации оценки знаний оказался полезен для бразильских университетов в период пандемийных ограничений (2024-2025), а индийские практики вовлечения местных сообществ в образование повысили эффективность российских программ по устойчивому развитию сельских территорий [5].

Рекомендации по разработке стратегии:

1. Создание «Банка образовательных паттернов БРИКС» – каталогизация успешных моделей с указанием условий их переносимости.
2. Введение вариативного ядра образовательных стандартов «40х60»: 40% содержания (общие цели ЦУР) унифицированы, 60% (методы, приоритеты) определяются национально.
3. Запуск программы «Академическая мобильность 4.0» с фокусом не на студентов, а на разработчиков образовательной политики (обмен министерскими командами).

Переход от вопроса «как устранить различия?» к вопросу «как сделать различия продуктивными?» знаменует сдвиг от метафизики тождества к философии различия (Ж. Делёз). Образовательное пространство БРИКС – это не мозаика, а ризома, где каждый узел (национальная система) связан с другими не иерархически, а сетевым образом. Устойчивое развитие в такой ризоме достигается не через выравнивание, а через резонанс – согласованное звучание разных голосов.

SWOT анализ. Проведение SWOT анализа в контексте разработки стратегии сотрудничества БРИКС обусловлено спецификой самого объекта: высшее образование – это система с высоким сопротивлением внешним изменениям (инерция академических традиций) и одновременно высокой чувствительностью к политическим и экономическим конъюнктурам (табл. 1). Без SWOT любая стратегия будет либо утопичной (игнорирующей реальные слабости), либо консервативной (упускающей возможности). В нашем случае SWOT позволяет локализовать точки напряжения между общими выявленными паттернами и различиями (которые могут стать как силой, так и слабостью).

Таблица 1

SWOT анализ сотрудничества в сфере высшего образования БРИКС

Положительное влияние	Отрицательное влияние
Внутренняя среда	
Силы (S): Наличие сетевой инфраструктуры (BRICS NU); растущий пул исследователей (1.7 млн); политическая воля лидеров стран	**Слабости (W):** Языковой барьер (английский не является родным для 80% студентов); несопоставимость кредитных систем; бюрократическая инерция.
Внешняя среда	
Возможности (O): Глобальный запрос на ESG-специалистов (рост рынка 25% в год); новые технологии (ИИ в адаптивном обучении); расширение БРИКС.	**Угрозы (T):** Геополитическое давление на отдельные страны БРИКС; утечка умов в западные университеты; разрыв цифрового доступа между новыми членами.

Практическая значимость и перспективы применения итогов SWOT-анализа. SWOT-анализ обнажает фундаментальную экзистенциальную коллизию: система образования БРИКС сильна ровно тем, что делает её уязвимой – своим многообразием. Силы (разные модели) без рефлексии превращаются в слабости (несопоставимость). Стратегия должна быть не «сглаживающей», а «трансформирующей»: не уничтожать различия, а создавать медиацию между ними (например, цифровую платформу автоматического пересчёта кредитов с учётом национальных особенностей). Перспективы применения: на основе данного SWOT можно построить дорожную карту на 2026-2030 гг. с приоритетом укрепления сил через использование возможностей (S+O)

и минимизации слабостей под угрозой (W-T). Без такого анализа БРИКС рискует воспроизвести ошибки Болонского процесса (унификация без учёта контекста).

PESTEL анализ. Если SWOT отвечает на вопрос «каково наше текущее положение?», то PESTEL даёт ответ на вопрос «как будет изменяться макросреда и как к этому адаптироваться?». Для высшего образования БРИКС это критически важно, поскольку образовательный цикл (4-6 лет) сопоставим с горизонтом серьёзных политических и технологических сдвигов. Без PESTEL-анализа разработка стратегии превращается в экстраполяцию прошлого, что в эпоху турбулентности (геополитика, климат, ИИ) фатально. В данной статье PESTEL позволяет верифицировать, насколько выявленные общие паттерны и различия устойчивы к внешним факторам (табл. 2).

Таблица 2

PESTEL анализ макросреды высшего образования БРИКС

Фактор	Тенденция (2026-2030)	Импликация для стратегии
P (Политический)	Рост полицентризма; конкуренция блоков G7 vs БРИКС	Необходимость нейтральных образовательных платформ (БРИКС как третий полюс)
E (Экономический)	Инвестиции в человеческий капитал (рост 12% в год в странах БРИКС)	Возможность создания совместных эндаумент-фондов для мобильности
S (Социальный)	Запрос на практико-ориентированное ESG-образование от Generation Alpha	Переход от лекционных курсов к проектному обучению (реальные кейсы в странах БРИКС)
T (Технологический)	Повсеместное внедрение ИИ-тьюторов и адаптивных систем	Унификация цифровых следов (общий стандарт данных об успеваемости)
E (Экологический)	Учащение климатических катастроф (наводнения, засухи в 5 странах БРИКС)	Обязательные модули по климатической адаптации во всех программах
L (Правовой)	Гармонизация законов об образовании внутри БРИКС (рамочное соглашение 2025 года)	Ускоренное признание дипломов по ESG-специальностям (пилотный проект)

Практическая значимость и перспективы применения итогов PESTEL-анализа. PESTEL-анализ обнаруживает, что время в образовании БРИКС не является линейным. Политические и правовые факторы (P, L) действуют как дискретные события (решения саммитов, ратификации), тогда как экологические и технологические (E, T) действуют как непрерывные процессы. Стратегия должна быть бинарной: она обязана иметь долгосрочную константу (ценности устойчивого развития) и тактическую вариативность (реагирование на шоки). Практическая значимость: разработанный PESTEL позволяет ранжировать угрозы и возможности по срочности. Например, экологический фактор требует немедленного включения климатических модулей (горизонт 1-2 года), а правовая гармонизация может быть растянута на 5 лет. Перспективы применения: матрица PESTEL станет основой для сценарного планирования – от оптимистичного (быстрая интеграция) до пессимистичного (распад кооперации под геополитическим давлением). Для каждой страны БРИКС на основе этих факторов может быть построена национальная адаптационная стратегия, что и составляет следующий шаг исследования.

Заключение

Проведённое исследование, базирующееся на сравнительном анализе образовательных политик стран БРИКС, позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов, имеющих как теоретическое, так и практико-ориентированное значение для развития интеграционных процессов в сфере высшего образования.

1. ***Различия в системах высшего образования стран БРИКС*** представляют собой не препятствие для сотрудничества, а его важнейший ресурс. Этот вывод противоречит устоявшемуся в сравнительной педагогике XX века представлению о том, что эффективная интеграция возможна лишь при условии высокой степени унификации национальных образовательных систем. Опыт Болонского процесса, навязывавший единые стандарты без учёта национальных и цивилизационных особенностей, привёл к кризису идентичности и отторжению в ряде стран. БРИКС, напротив, изначально строится как объединение, где уважение к суверенитету и многообразию является фундаментальным принципом. Наше исследование эмпирически подтверждает, что именно на стыках различных моделей управления (централизованной и децентрализованной), различных приоритетов (зелёная энергетика, социальная инклюзия, устойчивое сельское хозяйство) и различных темпов реформ возникает наибольший инновационный потенциал.

2. ***Природа общих паттернов,*** выявленных в работе. Институционализация ESG-модулей (78% университетов), рост сетевых исследований (+67% совместных публикаций за два года) и цифровая трансформация образования не являются простым копированием западных моделей. Они представляют собой конвергентную реакцию на объективные глобальные вызовы (изменение климата, технологическая революция, социальное неравенство), которая, однако, принимает различные национальные формы. Это подтверждает гипотезу о существовании «множественных модерностей» в образовании: универсальные цели устойчивого развития могут и должны достигаться различными культурно-историческими путями. ESG-образование в Китае, ориентированное на технологический прорыв, в Индии, нацеленное на социальную справедливость, и в Бразилии, сосредоточенное на сохранении биоразнообразия, – это не конкурирующие, а комплементарные модели, совместно покрывающие весь спектр вызовов устойчивого развития.

3. ***Стратегия и формулировка принципа*** «вариативного ядра» (модель 40/60). Суть его в том, что 40% содержания высшего образования в сфере устойчивого развития должны быть унифицированы для всех стран БРИКС. Это «ядро» включает: а) глобальные цели устойчивого развития как систему координат; б) ключевые компетенции (системное мышление, прогнозирование, нормативная компетенция, стратегическое мышление, междисциплинарность); в) базовые этические принципы устойчивого развития (межпоколенческая справедливость, precautionary principle, ответственность перед будущими поколениями). Оставшиеся 60% («вариативная оболочка») определяются национально и включают приоритетные ESG-сферы (энергетика для Китая, сельское хозяйство для Индии, биоразнообразие для Бразилии, эффективность ресурсопользования для России), методы обучения (проектные, исследовательские, community-based, кейс-методы), языковые и культурные форматы. Эта модель позволяет сохранить единство целей при многообразии средств, что принципиально отличает предлагаемый подход как от жёсткой унификации Болонского процесса, так и от изоляционистских стратегий, ориентированных исключительно на национальные стандарты.

4. ***Институциональные механизмы реализации стратегии.*** Каждый университет-координатор обладает автономией в разработке повестки своего направления, но действует в рамках общих целей и принципов, согласованных на уровне министерств образования. Такая архитектура устойчива к геополитическим шокам (санкции, разрыв дипломатических отношений) потому, что связи в ней горизонтальны и множественны: потеря одного узла не разрушает всю сеть. Одновременно, для преодоления языковых и аккредитационных барьеров необходимо создание «медиаторов», т.е. цифровых платформ автоматического пересчёта кредитов, систем машинного перевода образовательного контента, банков образовательных практик с указанием условий их переносимости. Это практическая реализация философии различия, когда разное не уничтожается, а соединяется через медиаторы.

5. ***Временная динамика и сценарное планирование.*** PESTEL-анализ показал, что факторы внешней среды действуют в разных временных горизонтах. Социальные и экологические факторы (запрос поколения Alpha на практико-ориентированное обучение, учащение климатических катастроф) требуют немедленной адаптации: введения климатических модулей уже в 2026-2027 учебном году. Политические и технологические факторы (рост полицентризма, внедрение ИИ) требуют среднесрочных решений (создание независимых образовательных платформ, унификация цифровых следов). Экономические и правовые факторы (гармонизация законов, создание эндаумент-фондов) могут быть реализованы в долгосрочной перспективе 5-7 лет. Стратегия сотрудничества должна учитывать эту гетерогенность времени и иметь бинарную структуру:

долгосрочные константы (ценности устойчивого развития, принцип вариативного ядра) и тактическую вариативность (способность быстро реагировать на шоки). На основе этого может быть построено сценарное планирование: от оптимистичного сценария «Интеграционный рывок» (быстрая гармонизация при высокой политической воле) до пессимистичного «Фрагментация» (распад кооперации под геополитическим давлением).

6. ***Практическая значимость исследования*** заключается в том, что предложенная стратегия вариативного ядра и конкретные механизмы её реализации (Банк образовательных паттернов, программа «Академическая мобильность 4.0», пилотный проект по взаимному признанию дипломов на 5-10 ESG-программах) могут быть непосредственно использованы при разработке документов BRICS Network University, а также национальными министерствами образования стран-участниц. Особую ценность представляют результаты SWOT и PESTEL анализов, которые позволяют ранжировать вызовы по срочности и строить обоснованные дорожные карты.

Перспективы дальнейших исследований. Данная работа открывает несколько направлений для будущих изысканий. Во-первых, требуется количественный анализ эффективности переноса образовательных паттернов между странами БРИКС: какие модели (китайская централизованная, индийская community-based, иранская виртуальных лабораторий) наиболее успешно адаптируются в других национальных контекстах и при каких условиях. Во-вторых, необходимо лонгитюдное исследование карьерных траекторий выпускников совместных программ БРИКС по сравнению с выпускниками традиционных программ – это позволит эмпирически верифицировать гипотезу о большей эффективности «пограничного» образования, возникающего на стыках разных моделей. В-третьих, требуется разработка конкретной методологии оценки ESG-компетенций, учитывающей как универсальные (глобальные) так и локальные (национальные, цивилизационные) компоненты. Наконец, выход за рамки БРИКС и сравнение предложенной модели с другими интеграционными образовательными проектами (АСЕАН, ШОС, Африканский союз) позволит определить место БРИКС в глобальной образовательной архитектуре XXI века.

Философское осмысление результатов. В более широком смысле, исследование подтверждает, что образование в эпоху полицентричного мироустройства перестаёт быть простой трансляцией знания от центра к периферии. Оно становится пространством диалога, где каждая цивилизационная традиция производит свои смыслы устойчивости, свои ответы на общие вызовы. Задача БРИКС – не унифицировать эти ответы, а создать условия для их резонанса. Именно в таком резонансе, а не в унисонном звучании, рождается та устойчивость, которая способна противостоять турбулентности XXI века. Предложенная стратегия вариативного ядра является практическим воплощением этого философского принципа на уровне образовательной политики [6].

Список литературы

1. 12th BRICS Education Ministerial Meeting. Joint Declaration. Brasília. – 2025. – June 5. – https://culture.infobrics.org/files/country/russia/documents/2025/social_issues/2025_07_06_XVII_Sammit_BRICS_Education_Joint_Declaration_en.pdf.
2. Times Higher Education. Impact Rankings 2025 Methodology. – https://www.timeshighereducation.com/impact-rankings-2025-methodology.
3. Scopus. Search query: “BRICS” AND “education” AND “sustainability” AND PUBYEAR = 2024-2025. Results: 1,247 publications. – https://www.scopus.com.
4. World Bank. The Digital Transformation of Higher Education in BRICS+ Countries. – Washington, D.C.: World Bank Group, 2025. – https://openknowledge.worldbank.org.
5. *Абилова, Г.В.* Эволюция образовательной политики в БРИКС: между глобализацией и национальным суверенитетом // Социально-политические науки. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 122-130. – doi: 10.33693/2223-0092-2026-16-1-122-130.
6. *Рязанова, Н.Е., Верховская, Е.В.* Трансформация сотрудничества в сфере образования в рамках БРИКС // Governance and Politics. – 2025. – Т. 4, № 4. – С. 86–95. – DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-86-95.

Сидорова Е.А.
к.э.н., государственный судебный эксперт, Ярославская лаборатория судебной экспертизы Минюста России
ekaterina-sidorova1@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ЮСТИЦИИ

Ключевые слова: правовая семья, романо-германская правовая семья, Министерство юстиции Российской Федерации, международно-правовая деятельность Минюста России, двусторонние договоры Российской Федерации в сфере юстиции со странами БРИКС, многосторонние договоры Российской Федерации в сфере юстиции с участием других стран БРИКС, страны БРИКС.

Key words: legal family, Romano-Germanic legal family, the Ministry of Justice of the Russian Federation, international legal activities of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Bilateral agreements between the Russian Federation and the BRICS countries in the field of justice, Multilateral treaties of the Russian Federation in the field of justice including other BRICS countries, the BRICS countries.

В соответствии с классификацией межгосударственных объединений, принятой в праве международных организаций, БРИКС по своим характеристикам можно отнести к таким межгосударственным объединениям, как «Группа семи» (G7) или «Группа двадцати» (G20). Для обозначения таких объединений часто используются термины «параорганизации» или «квазиорганизации». Политологи подобные объединения называют геополитическими сообществами и международными платформами[1]. Несмотря на отсутствие в своей основе учредительного международного акта, институциональной системы и международно-правовой базы, БРИКС активно участвует в решении важнейших проблем глобального и регионального характера.

5 июня 2026 года Президент России В.В. Путин на пленарном заседании XXIX Петербургского международного экономического форума указал, что за последние пять лет государства БРИКС обеспечили 49 % ежегодного прироста мирового ВВП, тогда как вклад G7 составил лишь 18%. При темпе роста мировой экономики в 2021-2025 годах на уровне 4,1% в год страны БРИКС давали 2 п.п. этого прироста, а G7 – 0,8 п.п. Доля БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности составила около 40%, тогда как доля G7 – менее 29%. По прогнозам, к концу десятилетия темп роста экономик стран G7 будет наблюдаться на уровне 1,5% в год, тогда как БРИКС – в среднем более 4% ежегодно[2].

В настоящее время БРИКС не имеет четких международно-правовых контуров, не обладает самостоятельной правовой системой ввиду самой правовой природы этого объединения, специфики взаимодействия государств, документов, принимаемых в рамках этого объединения.

Вместе с тем в современных условиях одной из важных тенденций правового развития демократических государств является расширение каналов взаимодействия международного права с национальными правовыми системами, включая заключение международных договоров, участие в межгосударственных интеграционных объединениях и различных международных организациях. В связи с этим особый интерес представляет сравнительный анализ конституционно-правового статуса международного права в государствах БРИКС, представленный в табл. 1.

[1] *Абашидзе А.Х.* БРИКС: международно-правовое измерение // Обозреватель-Observer. – 2024. – № 4. – С. 115-123.

[2] Пленарное заседание ПМЭФ'26. – https://cdnweb.roscongress.ru/upload/medialibrary/ffe/Пленарное_заседание_ПМЭФ260605.pdf?17807463783277706.

Таблица 1

Сравнительный анализ конституционно-правового статуса международного права в государствах БРИКС[1]

Правовая семья	Статус международных договоров	Особенности
Бразилия		
Романо-германская (латиноамериканская группа)	Умеренная монистическая позиция. Договоры о правах человека после утверждения приобретают конституционную иерархию.	Юридическая неопределённость относительно продолжительности действия, последствий и точного иерархического положения международных договоров во внутреннем праве.
Египет		
Смешанная (религиозная (мусульманская) и романо-германская)	Приобретают силу закона после публикации. Договоры о мире, союзные, затрагивающие суверенитет, требуют референдума.	Верховный конституционный суд проверяет конституционность международных договоров и решений международных организаций. Суд может приостанавливать действие аспектов международных договоров, если они противоречат Конституции.
Индия		
Смешанная (англосаксонская, романо-германская, религиозная (индусская, мусульманская), традиционная)	Дуалистическая модель. Договоры не являются автоматически частью национального законодательства и должны быть инкорпорированы через парламентский закон.	Суды активно ссылаются на международное право при толковании Конституции. Растущая роль судебной системы в развитии внутреннего права с учётом международных норм.
Индонезия		
Смешанная (романо-германская, религиозная (мусульманская), традиционная (адат), также сохраняется влияние голландского колониального права)	Внутреннее законодательство страны **признает приоритет международных обязательств**, но требует их формальной ратификации парламентом для применения внутри страны. Ратифицированные международные договоры стоят выше подзаконных актов и президентских указов.	На практике в случае коллизий суды склонны применять специальное внутреннее законодательство.
Иран		
Смешанная (религиозная (мусульманская) и романо-германская)	После ратификации имеют силу закона, но не могут противоречить Конституции и исламскому праву. Приоритет отдаётся внутреннему праву.	Законодатель тяготеет к сильному монизму, отрицая обязательную силу договорных положений, несовместимых с внутренним законодательством или исламским правом.
Китай		

[1] Составлено на основе: Бюллетень «Сравнительное правоведение». – 2024. – № 7. – https://izak.ru/img_content/pdf/byulleten-7-cmpisp.pdf; *Иллюк П.А.* Авиг-авиг в правовой системе Индонезии // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 5. – С. 66-71; *Кривошеев Е.В.* Конституционно-правовые условия применения международных договоров Российской Федерации // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 72-83; *Чернышева Д.М.* Особенности правовой системы Египта в разрезе истории и современности // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 251-254; *Пчелинцева В.А.* Общая характеристика смешанной правовой системы Республики Индия. – Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2020. – № 1 (70). – С. 38-44; *Иванова Ю.А., Долгий М.О.* Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ): конституционное законодательство // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 83-89.

Окончание табл. 1

Правовая семья	Статус международных договоров	Особенности
Смешанная («социализм с китайской спецификой», элементы романо-германского права).	Стоят ниже Конституции и на одном уровне с законом. Преимущественная сила возникает только в том случае, если внутренний закон прямо это предусматривает.	Закон КНР «О порядке заключения договоров» (1990) регламентирует виды договоров, подлежащих ратификации. Международные обязательства инкорпорируются в специальные национальные законы. Баланс между национальной законодательной властью и международной договорной практикой.
Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ)		
Смешанная (религиозная (мусульманская) и романо-германская).	Приравниваются к федеральным законам, но находятся ниже Конституции.	В случае коллизии применяется внутреннее право. Судебный контроль за конституционностью договоров (Федеральный Верховный Суд). Последующий закон должен толковаться так, чтобы не нарушать международные обязательства ОАЭ.
Россия		
Романо-германская.	Международные договоры наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью правовой системы. Они имеют прямое действие: для применения положений, не требующих дополнительных внутригосударственных актов, не нужно их имплементации в национальное законодательство. Если международный договор устанавливает иные правила, чем закон, применяются правила договора.	Существуют обязательные (соответствие международного договора Конституции Российской Федерации, его официальное опубликование, вступление в силу и наличие согласия на его общеобязательность) и факультативные (издание внутригосударственных актов для применения международного договора) конституционно-правовые условия применения международных договоров.
Эфиопия		
Смешанная (романо-германская, англосаксонская, традиционная, религиозная (мусульманская)).	Ратифицированные договоры являются составной частью правовой системы и имеют равный статус с Конституцией.	Ратифицированные международные договоры имеют преимущественную силу над противоречащими внутренними актами независимо от даты их принятия.
Южно-Африканская Республика (ЮАР)		
Смешанная (римско-голландская, англосаксонская, традиционная).	Становятся частью права после имплементации национальным законодательством. Обычное международное право также является правом, если не противоречит Конституции или Акту Парламента.	Одна из наиболее дружественных к международному праву Конституций в мире. Суды обязаны применять правила толкования Венской конвенции о праве международных договоров (1969).

Как видно из табл. 1, в странах БРИКС, за исключением ЮАР, присутствуют хотя бы отдельные элементы романо-германской правовой семьи. Причем данная правовая семья является основной и единственной для правовых систем России и Бразилии; правовые системы других стран БРИКС носят смешанный характер. Анализ конституций показывает, что, несмотря на различия, страны БРИКС признают важность международного сотрудничества и стремятся гармонизировать внутреннее законодательство с международными обязательствами.

Необходимо отметить, что в Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции, является Министерство юстиции Российской Федерации (Минюст России)[1].

В настоящее время Минюст России расширяет формы и направления сотрудничества с иностранными государствами и отдельными международными организациями. Международно-правовая деятельность Минюста России осуществляется в следующих пяти направлениях[2]:

1. Разработка, совершенствование и продвижение правовых инструментов международного сотрудничества в сфере юстиции.

Минюст России в соответствии с законодательством Российской Федерации представляет предложения о заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам:

- правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам;
- выдачи (экстрадиции);
- передачи лиц, осужденных к лишению свободы, а также по иным вопросам, относящимся к его компетенции.

Общий объем сотрудничества включает более 100 межгосударственных договоров универсального, регионального и двустороннего характера с более чем 130 странами, в том числе со странами БРИКС.

В настоящее время вследствие геополитической нестабильности, военных конфликтов, финансовых кризисов наблюдается замедление глобализационных процессов мировой экономики («slowbalization»), на фоне которой активно развивается двустороннее сотрудничество[3]. В табл. 2 представлен перечень двусторонних договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи, передачи лиц, осужденных к лишению свободы, а также в сфере юстиции со странами БРИКС.

Таблица 2

Перечень двусторонних договоров Российской Федерации в сфере юстиции со странами БРИКС[4]

Страна БРИКС	Двусторонние договоры	Дата
Бразилия	Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче	14.01.2002
Египет	Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам	23.09.1997
	Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы	23.06.2009
Индия	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче	21.12.1998
	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам	21.12.1998
	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам	03.10.2000
	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о передаче лиц, осужденных к лишению свободы	21.10.2013

[1] Указ Президента Российской Федерации от 13.01.2023 № 10 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/48837.

[2] Становление международно-правового сотрудничества в сфере юстиции. – https://cdn.legalforum.info/upload/uf/b1d/upbv3tuwey8irz6ba8a8bp3b12tkcrbi/PMJF_1_2025-Sp-v4.pdf?174716356310664471.

[3] *Тищенко Ю.С.* Дуализация международного экономического сотрудничества как новая парадигма развития международных экономических отношений // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 12. – С. 44-60.

[4] Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи, передачи лиц, осужденных к лишению свободы, а также в сфере юстиции. – https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh.

Окончание табл. 2

Страна БРИКС	Двусторонние договоры	Дата
Индонезия	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индонезией о взаимной правовой помощи по уголовным делам	13.12.2019
	Договор между Российской Федерацией и Республикой Индонезией о выдаче	31.03.2023
Иран	Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам	05.03.1996
	Протокол о внесении изменений в Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам	28.03.2017
	Соглашение между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о передаче лиц, осужденных к лишению свободы	28.03.2017
Китай	Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам	19.06.1992
	Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче	26.06.1995
	Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о передаче осужденных	02.12.2002
ОАЭ	Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам	25.11.2014
	Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче	25.11.2014
	Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о передаче лиц, осужденных к лишению свободы	26.06.2019

Стоит отметить, что в настоящее время между Российской Федерацией и Эфиопией и ЮАР не заключены двусторонние договоры по вопросам правовой помощи, выдачи, передачи лиц, осужденных к лишению свободы, а также в сфере юстиции. Вместе с тем в табл. 3 представлены отдельные многосторонние договоры Российской Федерации, в которых участвуют также другие страны БРИКС, в том числе Эфиопия и ЮАР. Так, например, согласно данным табл. 3, все страны БРИКС являются участницами Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10.06.1958; Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000; Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003.

Таблица 3

Отдельные многосторонние договоры Российской Федерации в сфере юстиции с участием других стран БРИКС[1]

Многосторонние договоры	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Эфиопия	ЮАР
Конвенция по вопросам гражданского процесса от 01.03.1954[2]		+							
Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10.06.1958[3]	+	+	+	+	+	+	+	+	+

[1] Международная практика – Верховный Суд Российской Федерации. – https://vsrf.ru/documents/international_practice/?category=mp_dogovor&year=2023.

[2] Convention of 1 March 1954 on civil procedure. – https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=33.

[3] Contracting States | New York Convention. – https://www.newyorkconvention.org/contracting-states.

Окончание табл. 3

Многосторонние договоры	Бразилия	Египет	Индия	Индонезия	Иран	Китай	ОАЭ	Эфиопия	ЮАР
Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов от 05.10.1961[1]	+		+	+		+			+
Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам от 15.11.1965[2]	+	+	+			+			
Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам от 18.03.1970[3]	+		+			+			+
Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 17.12.1997[4]	+								+
Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000[5]	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003[6]	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Также в 2025 году были подписаны 14 международных договоров.

2. Правоприменительная реализация инструментов международного сотрудничества в сфере юстиции, в том числе в цифровом формате.

Одним из важнейших направлений деятельности Минюста России является оказание правовой помощи по гражданским, семейным, уголовным и иным делам, которая касается:

- судебных запросов по вручению документов (копий исковых заявлений, повесток), о получении доказательств, а также ходатайств об исполнении иностранных судебных решений;
- заявлений об истребовании личных документов (о регистрации актов гражданского состояния, о трудовом стаже, обучении, гражданстве и судимости);
- запросов нотариусов об истребовании документов, судебных приставов в рамках исполнительного производства и иных компетентных органов.

Ежегодно документооборот центрального аппарата Минюста России составляет около 70 тыс. документов по вопросам международной правовой помощи.

Более того, в мае 2026 года в Королевстве Марокко состоялся XIV Международный форум по программе электронного апостиля (e-APP). В состав российской делегации вошли представители Минюста России и Министерства иностранных дел Российской Федерации[7].

[1] Convention of 5 October 1961 Abolishing the Requirement of Legalisation for Foreign Public Documents. – https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=41.

[2] Convention of 15 November 1965 on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters. – https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=17.

[3] Convention of 18 March 1970 on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters. – https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=82.

[4] WGB_Ratification_Status-August_2024.pdf. – https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/fighting-foreign-bribery/WGB_Ratification_Status-August_2024.pdf

[5] UNTC. United Nations Convention against Transnational Organized Crime. – https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-12&chapter=18&clang=_en.

[6] UNTC. United Nations Convention against Corruption. – https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=XVIII-14&chapter=18&clang=_en.

[7] В Королевстве Марокко состоялся XIV Международный форум по программе электронного апостиля (e-APP). – https://minjust.gov.ru/ru/events/51263.

3. Правовое обеспечение международной правотворческой деятельности Российской Федерации.

Наряду с разработкой собственных проектов международных договоров и иных правовых актов, Минюст России наделен полномочиями по рассмотрению проектов международных договоров, разработанных иными федеральными органами государственной власти, прежде всего, на предмет наличия оснований для их ратификации, в том числе в связи с наличием в проекте иных правил, чем предусмотренные законом. Ежегодно рассматривается около 250 проектов международных договоров Российской Федерации.

4. Осуществление межведомственного сотрудничества и представление интересов Российской Федерации в многосторонних форматах.

В настоящее время Минюст России заключил межведомственные акты о сотрудничестве в сфере юстиции с четырьмя из остальных девяти стран-участниц БРИКС, а именно[1]:

1. Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством права, юстиции и по делам компаний Правительства Республики Индии от 03.10.2000.
2. Меморандум о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Исламской Республики Иран от 03.11.2015.
3. Соглашение о контактах и сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Китайской Народной Республики от 03.09.2007.
4. Меморандум о взаимопонимании между Министерством юстиции Российской Федерации и Правительством Южно-Африканской Республики, представленным Министерством юстиции и конституционного развития Южно-Африканской Республики от 06.12.2011.

Активно развивается сотрудничество в многостороннем формате в рамках международных организаций и объединений (ООН, Союзное государство, ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ШОС, Гаагская конференция по международному частному праву, ЮНСИТРАЛ и др.), направленных на гармонизацию и унификацию норм права, включая развитие международных стандартов защиты прав человека. Так, в 2024 году было проведено более 20 мероприятий Минюста России с участием иностранных партнеров; было подписано 17 документов межведомственного характера.

В рамках года председательства России в БРИКС 18 сентября 2024 года в Москве проведено первое Совещание министров юстиции стран БРИКС, в котором приняли участие руководители ведомств России, ЮАР, Египта, Ирана, ОАЭ, КНР, а также представители Бразилии и Индии. Партнеры по объединению поддержали проводимый Российской Федерацией внешнеполитический курс в сфере юстиции, направленный на сохранение международного правопорядка, основанного на общепризнанных принципах и нормах международного права, суверенном равенстве государств и взаимном уважении.

В мае 2026 года в г. Гандинагаре, Республика Индия, проведено второе Совещание министров юстиции стран БРИКС под девизом «Укрепление альтернативных способов разрешения споров посредством наращивания потенциала в области медиации и арбитража». В мероприятии приняли участие министры юстиции Индии, Китая, Египта, Ирана, России, ЮАР, ОАЭ, представители Бразилии, Индонезии и Эфиопии.

Впервые в истории объединения была принята **Декларация министров юстиции стран БРИКС**, которая закрепила готовность стран развивать сотрудничество в таких областях, как:

- обмен передовым институциональным и нормативным опытом в сфере разрешения споров;
- укрепление профессионального потенциала и содействие сотрудничеству между арбитражными учреждениями, центрами медиации и учебными заведениями в странах-членах объединения;
- содействие досудебной медиации;
- осуществление программ профессиональной подготовки для юристов государственного и частного секторов, адвокатов, нотариусов, судей, арбитров, медиаторов.

[1] Перечень соглашений и договоренностей о сотрудничестве Министерства юстиции Российской Федерации с зарубежными партнерами. – https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-soglashenij.

Особую ценность также представляет высказанная министрами юстиции Ирана и Египта поддержка инициативы, продвигаемой Российской Федерацией, по созданию международного инвестиционного арбитражного центра БРИКС[1].

Стоит отметить, что в настоящее время подготовлено несколько основных документов для регулирования деятельности будущего арбитражного механизма в формате БРИКС: Соглашение между арбитражными учреждениями об учреждении единого механизма, Арбитражный регламент БРИКС+ (включает положения об арбитражных расходах и сборах), Рекомендуемая арбитражная оговорка о передаче судебных споров на рассмотрение в соответствии с Арбитражным регламентом БРИКС+[2].

В рамках второго Совещания министров юстиции стран БРИКС Министр юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко провёл серию двусторонних встреч с некоторыми главами министерств юстиции государств, входящих в объединение. В их числе: Государственный министр юстиции и судопроизводства Республики Индии Арджун Рам Мегхвал; Министр юстиции Арабской Республики Египет Махмуд Хелми Эль-Шериф; Министр юстиции Исламской Республики Иран Амин Хоссейн Рахими; Министр юстиции Объединенных Арабских Эмиратов Абдалла бин Султан бин Авад Аль-Нуайми; Министр юстиции и конституционного развития Южно-Африканской Республики Ммамолоко Трайпоса Кубаи.

Особое внимание во время встреч было уделено следующим вопросам:

– создания трансграничных правовых механизмов защиты граждан и юридических лиц;
– цифровизации процессов оказания взаимной правовой помощи;
– оптимизации процедур признания и исполнения судебных решений;
– ускорения передачи осуждённых лиц в государства их гражданства;
– скоординированной борьбы с транснациональной преступностью;
– совместного противодействия односторонним принудительным мерам[3].

5. Правовое обеспечение международной безопасности.

В рамках данного направления международно-правовой деятельности Минюст России обеспечивает реализацию российских стратегических интересов в области регулирования международной информационной безопасности.

С 2024 году в Санкт-Петербурге проводится Международная конференция по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. В ней ежегодно принимают участие представители зарубежных государств, в том числе представители государств БРИКС, международных организаций (ООН, ШОС, ОДКБ и СНГ), органов государственной власти России, бизнеса, науки и гражданского общества.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что, несмотря на различия, страны БРИКС признают важность международного сотрудничества и стремятся гармонизировать внутреннее законодательство с международными обязательствами. Так, например, в сфере юстиции все страны БРИКС являются участницами Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10.06.1958; Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000; Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003. Кроме того, развивается двустороннее сотрудничество. В настоящее время между Российской Федерацией и другими странами БРИКС, за исключением Эфиопии и ЮАР, заключены двусторонние договоры по вопросам правовой помощи, выдачи, передачи лиц, осужденных к лишению свободы, а также в сфере юстиции.

Анализ взаимодействия стран БРИКС в сфере юстиции демонстрирует их нацеленность на формирование долгосрочного механизма, который гарантирует защиту национальных интересов и приверженность идеям глобального управления. В настоящее время международно-правовая деятельность Минюста России как федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и норматив-

[1] В Индии начало работу второе Совещание министров юстиции стран БРИКС. – https://minjust.gov.ru/ru/events/51267.

[2] *Агоннуде Б.В.Ф., Беликова К., Глебов В., Маслов А., Платонов В.* Политико-правовые аспекты взаимодействия стран БРИКС в современных условиях // Международная жизнь. – 2025. – № 11. – С. 52-61.

[3] Константин Чуйченко провёл серию встреч с министрами юстиции стран БРИКС. – https://minjust.gov.ru/ru/events/51271.

но-правовому регулированию в сфере юстиции, осуществляется в следующих пяти направлениях: (1) разработка, совершенствование и продвижение правовых инструментов международного сотрудничества в сфере юстиции; (2) правоприменительная реализация инструментов международного сотрудничества в сфере юстиции, в том числе в цифровом формате; (3) правовое обеспечение международной правотворческой деятельности Российской Федерации; (4) осуществление межведомственного сотрудничества и представление интересов Российской Федерации в многосторонних форматах; (5) правовое обеспечение международной безопасности.

При этом с целью содействия дальнейшему сотрудничеству стран БРИКС в сфере юстиции можно предложить следующие меры:

1. Стандартизация и гармонизация законодательства стран БРИКС в сфере юстиции, в частности, речь может идти о сближении стратегических нормативно-правовых актов, обмене судебной практикой и формировании единой доктрины.
2. Интенсификация двустороннего взаимодействия и создание гибких коалиций, учитывая замедление глобализационных процессов вследствие геополитической нестабильности, военных конфликтов, финансовых кризисов.
3. Формирование Единой электронной системы обмена информацией между министерствами юстиции стран БРИКС, разработка которой позволит создать необходимые условия для развития и распространения трансграничного электронного документооборота между субъектами юстиции.
4. Организация взаимодействия по вопросам подготовки и повышения квалификации юристов государственного и частного секторов, адвокатов, нотариусов, судей, арбитров, медиаторов, судебных экспертов.
5. Проведение исследований, а также подготовка на их базе и публикация с последующим обсуждением на широком общественном форуме научных докладов по тематике «Сотрудничество стран БРИКС в области юстиции».

Суворова А.П.
д.э.н., профессор Кафедры менеджмента и бизнеса,
Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола.
saprof@mail.ru

Репина О.М.
к.э.н., доцент Кафедры менеджмента и бизнеса,
Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола.
repinaom@volgatech.net

Судакова Н.Ю.
к.э.н., доцент Кафедры менеджмента и бизнеса,
Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола.
sudakovany@volgatech.net

Руденко С.А.
к.э.н., доцент Кафедры менеджмента и бизнеса,
Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола.
rudenkosa@volgatech.net

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: суверенное технологическое развитие, устойчивое развитие, национальные интересы, национальные цели, глобальный индекс инноваций, индекс сетевой готовности.

Key words: sovereign technological development, sustainable development, national interests, national goals, global innovation index, network readiness index.

С 1 января 2026 г. функции председателя в БРИКС перешли к Индии, которая определила девизом своей «вахты»[1]: «Укрепление устойчивости, инновации, сотрудничество и стабильность (Building for Resilience, Innovation, Cooperation and Sustainability). Приоритеты индийского года в объединении включают повышение эффективности институтов глобального управления, углубление диалога по актуальным вопросам международной повестки дня, антитеррора, обеспечения безопасности информационно-коммуникационных технологий, инноваций, искусственного интеллекта, здравоохранения, науки, продовольственной и энергетической безопасности». В условиях отсутствия документа о стратегических контурах развития БРИКС считаем, что данные установки можно рассматривать как направления стратегического видения совместных усилий стран по укреплению силы влияния объединения на международной политической арене.

По нашему мнению, основным элементом устойчивого развития стран БРИКС является достижение суверенного технологического развития, что предполагает необходимость проведения научно обоснованной диагностики процессов импортозамещения, импортоопережения, инновационного потенциала и готовности к взаимодействию. В результате такой диагностики возможны более глубокое понимание текущих тенденций и выявление направлений устойчивого экономического развития и повышения независимости национальной экономики[2].

Предлагаемый нами подход к определению приоритетов технологического развития и построению национальной модели суверенного технологического развития основывается на по-

[1] О межгосударственном объединении БРИКС (справочная информация). – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1767167.

[2] *Митяков С.Н., Митяков Е.С., Ладынин А.И., Крюкова Т.М.* Инструментарий оценки импортозамещения экономических систем различных иерархических уровней // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 2 (209). – С. 74-85. DOI: 10.47711/0868-6351-209-74-8; *Песков Д.Н., Силинг А.Л., Потапов К.Е., Грибов Е.Н.* Методические подходы к разработке модели суверенного технологического развития // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 1 (208). – С. 62-77. DOI: 10.47711/0868-6351-208-62-77.

ложениях процессуальной теории мотивации Портера-Лоулера[1]. Данная теория обосновывает логику того, что для повышения эффективности любого организационного объединения, предпринимающего совместные усилия для достижения общих целей, необходимо переводить процесс принятия решений на уровень отдельных стран, где они должны и реализовываться, тем самым обеспечивая делегирование оперативных полномочий. В теории Портера-Лоулера приоритет отдается партнерскому взаимодействию стран объединения, которое реализуется посредством проведения ежегодных саммитов. Предполагается, что тактические задачи стран БРИКС будут выполняться преимущественно в рамках объединения, при этом участники объединения будут принимать решения по их распределению сообразно своим интересам. В соответствии с этим участники проектов, реализуемых в рамках партнерства стран БРИКС, должны определяться на основе диагностики процессов импортозамещения, импортоопережения, инновационного потенциала и готовности к взаимодействию.

Считаем необходимым в рамках нашего исследования проведение аналитических процедур, которые должны дать представление научному сообществу о факторах угроз и возможностей стратегического сотрудничества стран БРИКС и достижения ими согласованных целей.

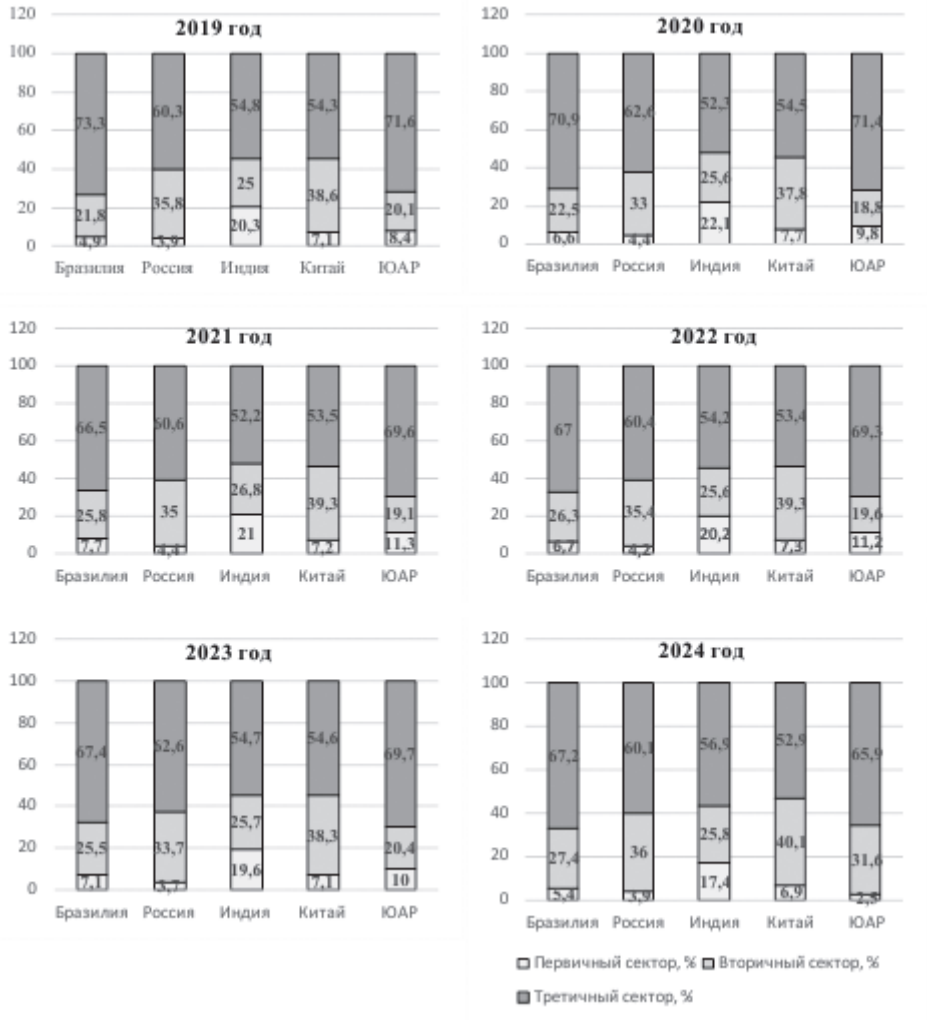

Рис. 1. Структура валового внутреннего продукта стран БРИКС по секторам экономики за 2019-2024 гг., %

[1] *Минцзин Ду.* Процессуальная теория Портера-Лаулера и ее возможности при разработке мотивационных технологий в странах с переходной экономикой // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 1. – https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-teoriya-portera-laulera-i-ee-vozmozhnosti-pri-razrabotke-motivatsionnyh-tehnologiy-v-stranah-s-perehodnoy-ekonomikoy.

Проведенный за 2019-2024 гг. анализ с использованием официальных статистических данных[1] структуры валового внутреннего продукта стран БРИКС, ориентированный на оценку влияния структурных изменений на обеспечение национальной экономической безопасности, свидетельствует о том, что существенных изменений в структурных пропорциях за анализируемый период не произошло. В структуре валового внутреннего продукта стран БРИКС очевидно преобладает доля третичного сектора экономики, которая на протяжении шести изученных периодов не опускалась ниже 50%. Характерной чертой для 4 из 5 стран БРИКС (Бразилия, Россия, Китай и ЮАР) является невысокий уровень доли первичного сектора экономики в структуре ВВП: значения этого показателя у стран не превышают 10-11%. Исключением является Индия, где первичный сектор экономики формирует порядка 20% от ВВП страны. В течение периода наблюдения сгладились различия в доле вторичного сектора в ВВП национальных экономик всех пяти стран, сосредоточившись к 2024 году в диапазоне от 25 до 40%: так, в экономике ЮАР доля вторичного сектора увеличилась с 20,1 до 31,6%, в структуре экономик остальных четырех стран доля этого сектора оставалась стабильной.

Анализ внешнеэкономической деятельности стран БРИКС за период 2019-2024 годов (табл. 1) отражает существенные различия в торговых балансах между участниками объединения и позволяет оценить импортозависимость экономик стран объединения. Стабильное положительное сальдо внешнеторгового оборота имеет место в четырех странах из пяти. В Индии наблюдается отрицательный внешнеторговый баланс на протяжении рассматриваемого периода, что согласуется, на наш взгляд, с данными аналитики структуры ВВП: страна направляет основные усилия экономики на обеспечение продовольственной безопасности (первичный сектор экономики) и обеспечение инфраструктурных секторов экономики (третичный сектор), что сказывается на возможностях экспорта.

Таблица 1

Динамика соотношения экспорта товаров и коммерческих услуг к импорту товаров и коммерческих услуг стран БРИКС за 2019-2024гг., %[2]

Страна	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Бразилия	96,7	104,8	105,1	102,6	114,2	102,8
Россия	136,7	125,1	145,8	184,5	122,5	124,9
Индия	87,3	97,3	89,0	86,5	90,8	83,0
Китай	105,3	115,1	114,9	118,4	112,4	116,6
ЮАР	101,9	118,9	124,8	106,2	101,0	106,7

Согласно результатам проведенного нами исследования Глобального индекса инноваций на информационной базе Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) за 2019-2025 гг.[3] у всех пяти стран БРИКС наблюдается превышение значения субиндекса «Ресурсы инноваций» над значением субиндекса «Результаты инноваций».

[1] BRICS Joint Statistical Publication 2024. – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2024/statistical/BRICS24_JointStatisticalPublication_FINAL.pdf ; BRICS Joint Statistical Publication 2025 / Brazilian institute of geography and statistics. – 2025. – P. 359.

[2] BRICS Joint Statistical Publication 2025 / Brazilian institute of geography and statistics. – 2025. – P. 359

[3] Global Innovation Index 2019. – https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf; Global Innovation Index 2020. – https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-2020-wipo_pub_gii_2020.pdf; Global Innovation Index 2021. – https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-2021-wipo_pub_gii_2021.pdf; Global Innovation Index 2022. – https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf; Global Innovation Index 2023. – https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf; Global Innovation Index 2024. – https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/assets/67729/2000%20Global%20Innovation%20Index%202024_WEB3lite.pdf; Global Innovation Index 2025. – https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/assets/89507/global-innovation-index-2025-en.pdf.

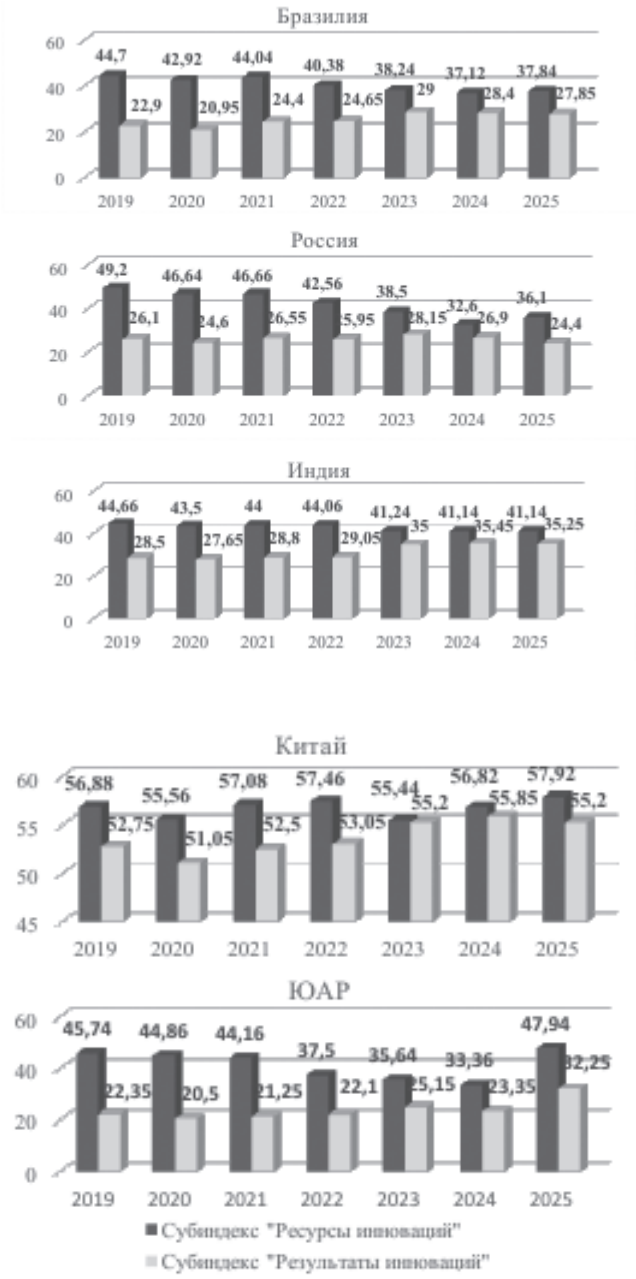

Рис. 2. Субиндексы Глобального индекса инноваций для стран-лидеров БРИКС, %

В ходе исследования авторами была сформирована матрица соотнесения субиндексов Глобального индекса инноваций, где определена линия единичных значений соотношения индекса результатов инноваций к индексу ресурсов инноваций как граница между зоной «неэффективности» использования ресурсов (значения менее 1) и зоной «эффективности» полученных результатов инноваций (значения выше 1). На протяжении периода с 2019 по 2025 год ни одна из стран БРИКС не преодолела эту границу, не сформировав в итоге эффективный результат от инноваций к затраченным ресурсам.

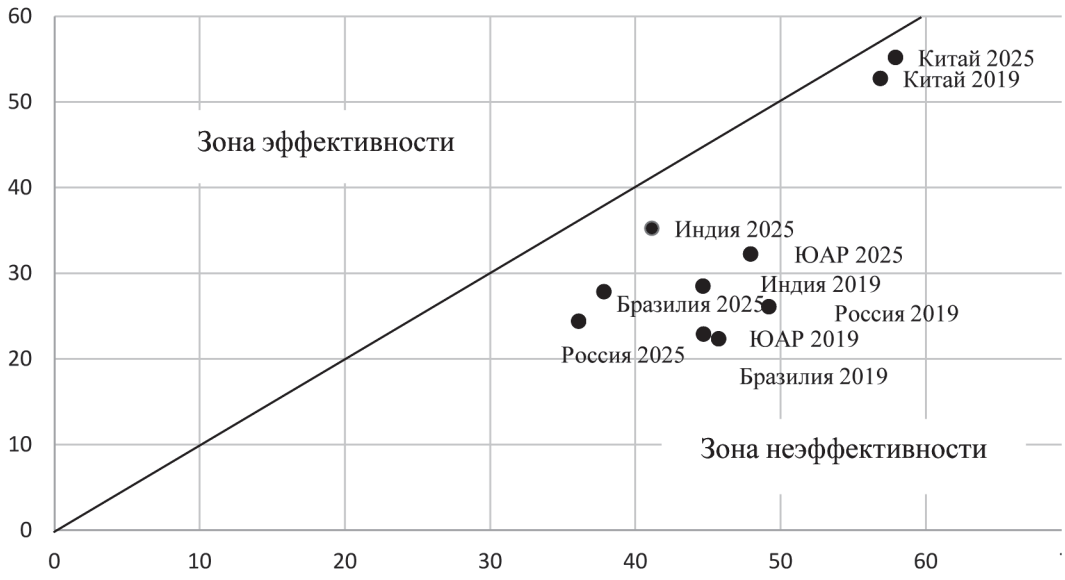

Рис. 3. Матрица эффективности инноваций с позиции соотнесения результата инноваций и ресурсов инноваций для стран БРИКС

Динамика изменений структуры показателей экономического развития и экономической безопасности анализируемых стран позволяет сделать вывод о необходимости поиска направлений повышения эффективности такого института глобального управления как БРИКС.

До конца 2025 года правительства стран БРИКС руководствовались в принятии решений по вопросам взаимодействия «Стратегией экономического партнерства БРИКС до 2025 года»[1]. Главы государств БРИКС осознанно стремились к совместной деятельности, основанной на использовании различных факторов, позволяющих обеспечивать интересы национальных экономик. В 2026 году при отсутствии официального документа о стратегическом партнерстве на предстоящую перспективу страны ведут переговорные процессы в рамках встреч на отдельных глобальных международных саммитах.

На наш взгляд, в условиях сложившейся структурной динамики приоритетами структурной модернизации, формирующими материальное наполнение устойчивого развития стран БРИКС, должны стать как новые индустрии третичного сектора национальных экономик, основанные преимущественно на собственных инновациях, так и расширение возможностей трансферта передовых зарубежных технологий в первичном и вторичном секторах экономики, обеспечивающих устойчивость развития экономик стран БРИКС и решение задач стратегического характера в соответствии с ключевыми индикаторами развития национальных экономик.

Страны БРИКС обладают разными стартовыми условиями для партнерства. Так, по данным исследований НИУ «Высшая школа экономики»[2] в 2024 году имеет место значительная дифференциация доли внутренних затрат на исследования и разработки в процентах к ВВП: лидером является Китай с долей в 2,58% от ВВП, среднюю группу образуют Бразилия и Россия с 1,16% и 0,97% соответственно, замыкают пятерку стран БРИКС Индия и ЮАР с 0,65% и 0,61% соответственно. Структура источников финансирования затрат на науку также имеет существенные отличия. В Китае основных источником финансирования научных исследований являются средства предпринимательского сектора (79,3%). В Бразилии и Индии вклад в финансирование науки разделяют в практически равной степени средства государства и средства предпринимательского сектора: в Бразилии государство – 53,8%, предпринимательский сектор – 43,2%; в Индии государство – 59,2%, предпринимательский сектор – 40,8%. В России и ЮАР наука преимущественно финансируется за счет государственных средств (65% и 50,5% соответствен-

[1] Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 года. – https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf .

[2] Индикаторы науки: статистический сборник / НИУ «ВШЭ». – 2026. – https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1138754795.pdf.

но). У ЮАР, единственной страны из БРИКС, значительная доля финансирования науки их иностранных источников. Вызывает интерес и разный подход государств БРИКС к формированию направлений затрат на научные исследования по секторам науки: в России формируемые в основном за счет государственных источников средства приоритетно направляются на предпринимательский сектор (59,5%); в Китае предпринимательский сектор финансирует собственные исследования (77,7%); в ЮАР паритетно формируемые государством и предпринимательским сектором средства примерно равными долями распределяются между государственными проектами, предпринимательским сектором и сектором высшего образования (23,8%; 35,5%; 36,4%); в Индии структура направлений вложения ресурсов соответствует структуре их формирования (государство – 54,8%, предпринимательский сектор – 34,8%).

Значительно отличаются направления затрат по секторам науки у стран БРИКС: Россия и Китай в качестве приоритетного направления рассматривают технические науки (71% и 70,8% соответственно), в Индии доминируют технические и естественные науки (47,6% и 22,6% соответственно), в ЮАР сразу несколько направлений наук получают финансовую поддержку: естественные – 30,8%, медицинские – 22,8%, общественные – 18,4% и технические – 17,5%.

Существенными отличиями страны БРИКС обладают и в области использования человеческого капитала в науке. Так, численность персонала, вовлеченного в научные исследования и разработки, в расчете на 10000 занятых в экономике по данным 2024 года у России и Китая практически идентична и составляет 100 и 98 человек соответственно. Существенно ниже значения этого параметра у Бразилии и ЮАР – 34 и 29 человек соответственно. Индия же сильно отстает по значению этого показателя: только 12 человек из каждых 10000 занятых в экономике в этой стране вовлечены в реализацию научных исследований и разработок. Аналогичная ситуация наблюдается и с численностью исследователей: у России этот параметр представлен 52 исследователями на 10000 занятых в экономике, у Китая – 41 человек, Бразилия и ЮАР – 19 и 18 человек соответственно, у Индии – 7 человек.

По данным BRICS Ratings system[1] в 2025 году в странах БРИКС функционирует 553 высших учебных заведения, распределённых неравномерно между участниками объединения. Около 39% общего числа вузов БРИКС размещены в Китае, более 30% – в России, около 18% – в Индии, 10% – в Бразилии, около 3% находятся в ЮАР. Такая структура высших учебных заведений в странах БРИКС подтверждает факт приоритетной роли Китая и России в развитии научных исследований и разработок по ряду областей наук.

Описанные нами тенденции связаны с использованием ресурсной базы научных исследований и инновационных разработок. Далее мы считаем необходимым исследовать результативность научных исследований и разработок – уровень технологического развития стран БРИКС. Научно-технологическое сотрудничество в рамках БРИКС опирается на уже достигнутый странами уровень развития в ключевых областях. Одной из оценочных метрик технологического развития стран может быть индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index, NRI) – это комплексный показатель, отражающий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой экономики. В настоящее время, начиная с 2019 года, он рассчитывается на основе 62 показателей, распределённых по четырём группам: технологии, люди, управление и влияние.

Развернем формулу индекса сетевой готовности и проанализируем позиции стран БРИКС по четырем группам показателей индекса (рис. 4, 5, 6, 7).

[1] Версия пилотного рейтинга университетов стран БРИКС 2025 года семейства рейтингов «Три миссии университета». – https://brics-ratings.org/ru/rating.

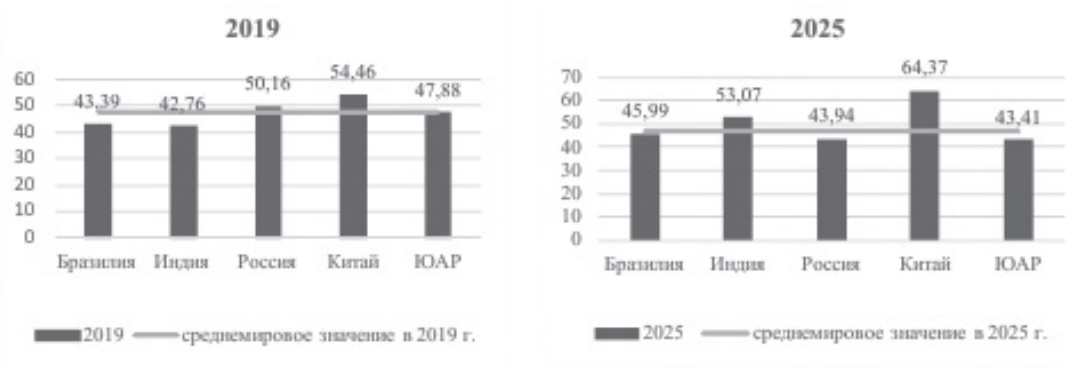

Рис. 4. Динамика группы показателей «Технологии» стран БРИКС индекса сетевой готовности за 2019 г. и 2025 г.

Группа показателей «Технологии» (рис. 4) в индексе сетевой готовности включает стоимость и доступность цифровых услуг, активность в цифровой среде и развитие инноваций. Среднемировое значение по этой группе показателей в 2025 году составило 50,43 пункта. Китай подтверждает позицию лидера стран БРИКС в области развития технологий с показателем 64,37 пункта и значительным ростом на 9,91 пункта по сравнению с 2019 годом. Россия и ЮАР за последние шесть лет по уровню развития технологий снизили свою позицию: значения показателей ниже среднемирового. Бразилия (45,99 пунктов в 2025 году) за анализируемый период не преодолела границу среднемирового уровня. Заслуживает внимание динамика данного направления у Индии (прирост на 10,31 пункта к 2025 году), что согласуется с динамикой параметров Глобального индекса инноваций за рассматриваемый период (рис. 3). Индия наращивает уровень развития технологии, однако это к настоящему моменту не сказалось на экспортно-импортном балансе и структуре национальной экономики.

Группа показателей «Люди» (рис. 5) в индексе сетевой готовности включает показатели, характеризующие уровень использования интернета населением, компаниями и правительством стран.

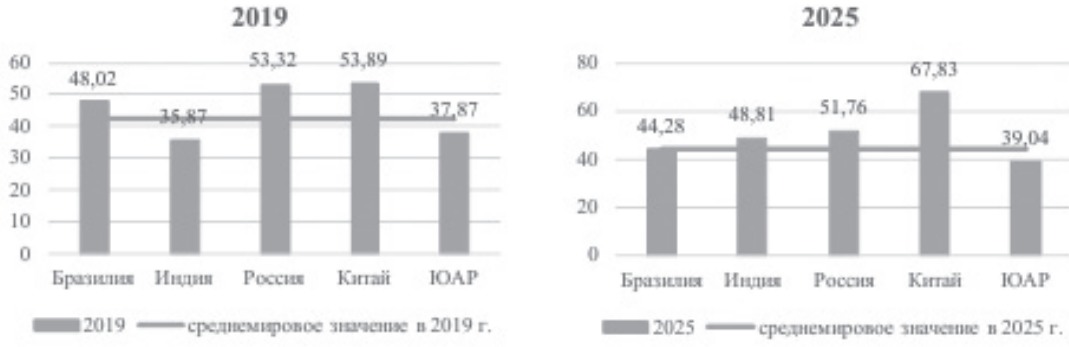

Рис. 5. Динамика группы показателей «Люди» стран БРИКС индекса сетевой готовности за 2019 г. и 2025 г.

По группе «Люди» среднемировое значение в 2025 году достигло 49,01 пункта. Значительный прирост показателя за рассматриваемый период наблюдается у Китая и Индии – на 13,94 и 12,94 пункта соответственно. Россия с показателем 51,76 пункта и Бразилия с 44,28 пункта фиксируют снижение относительно 2019 года, оставаясь около среднемирового уровня. ЮАР с показателем в 39,04 пункта находится ниже среднемирового значения. Очевидно, что Интернет-инфраструктура в странах БРИКС в целом создана.

В группе «Управление» (рис. 6) индекс сетевой готовности охватывает уровень госуправления и доверие к институтам, параметры цифровой инфраструктуры и кибербезопасности, регуляторную базу в сфере ИКТ и электронной коммерции, а также показатели инклюзивности, включая различные цифровые разрывы.

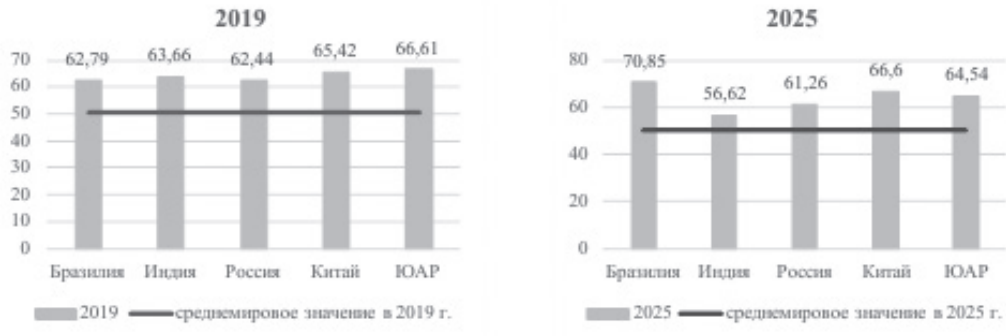

Рис. 6. Динамика группы показателей «Управление» стран БРИКС индекса сетевой готовности за 2019 г. и 2025 г.

В категории «Управление» среднемировое значение за 2019 и 2025 годы составляет 50, 55 и 50,01 пунктов соответственно. Все страны БРИКС показывают относительно высокие показатели, близкие к среднемировому уровню: Китай (66,60, +1,18) и ЮАР (64,54, –2,07) остаются в пределах среднего значения, Россия (61,26, –1,18) и Индия (56,62, –7,04) снизили значения показателей к 2025 году, Бразилия находится на уровне выше среднемирового, к 2025 году среди стран БРИКС стала явным лидером. В целом по группе показателей страны БРИКС подтверждают готовность к использованию цифровой инфраструктуры в рамках партнерского взаимодействия.

Группа «Влияние» (рис. 7) в индексе сетевой готовности объединяет экономические показатели, индикаторы качества жизни и вклад в достижение целей устойчивого развития (ЦУР) – в том числе по направлениям здравоохранения, образования, гендерного равенства, энергетики и устойчивого развития городов.

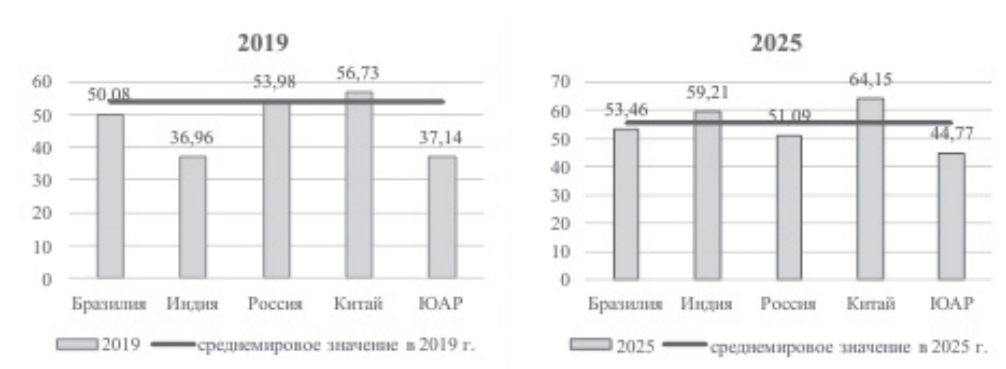

Рис. 7. Динамика группы показателей «Влияние» стран БРИКС индекса сетевой готовности за 2019 г. и 2025 г.

По группе «Влияние» среднемировое значение 2019 и 2025 годов зафиксировано на уровне 53,92 и 55,32 пунктов соответственно. Условия развития стран БРИКС, вошедшие в данную группу, имеют значительную дифференциацию: Китай выше среднемирового уровня по показателям группы в рассматриваемом периоде – 64,15 пунктов (+17,42 к 2019 году). Бразилия (53,46) и Россия (51,09) фиксируют снижение по сравнению с 2019 годом. Рост показателя у ЮАР (44,77) является умеренным, оставаясь ниже мирового уровня. Значительные положительные изменения зафиксированы по данной группе показателей у Индии – до 59,21 пунктов (+22,25).

Общий индекс сетевой готовности стран БРИКС (рис. 8) отражает аналогичную динамику. Среднемировое значение индекса сетевой готовности немного снижается в 2025 году по сравнению с 2019 годом. Китай в своих значениях существенно превышает среднемировой уровень, достигнув 65,74 пунктов, тогда как остальные страны БРИКС по своим показателям находятся на уровне или ниже среднемирового. Наблюдается общая тенденция к дивергенции – Китай

существенно отрывается от других участников БРИКС, в то время как динамика показателей остальных стран остаётся более умеренной.

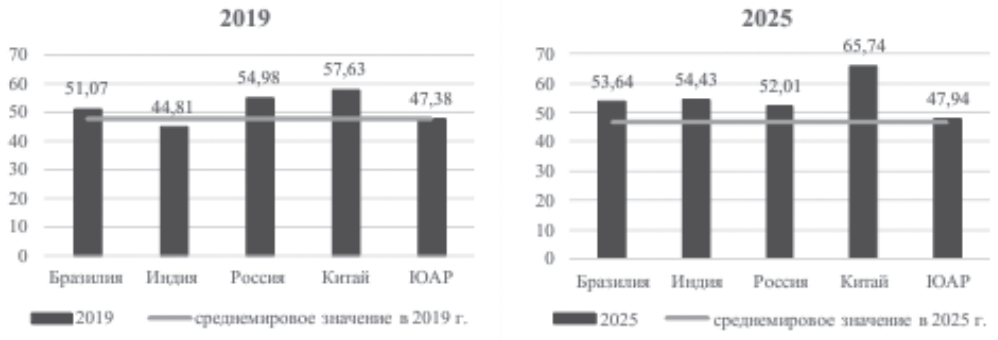

Рис. 8. Динамика общего индекса сетевой готовности стран БРИКС за 2019 г. и 2025 г.

Проведённый анализ индекса сетевой готовности позволил выделить отдельные группы показателей: в группе «Управление» страны БРИКС демонстрируют результаты, существенно превышающие среднемировые значения, тогда как в группе «Влияние» большинство государств объединения пока удерживают уровень ниже среднемирового. Факторы, входящие в группу «Влияние», по нашему мнению, можно расценивать как угрозы для достижения устойчивого развития стран БРИКС. Эксперты Российского Совета по международным делам при МИД РФ в своем аналитическом докладе «Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС»[1] отмечают, что реализация потенциала технологического сотрудничества стран объединения сталкивается с рядом вызовов. Среди ключевых проблем – различия в политических стратегиях и внешнеполитических целях стран БРИКС, геополитическая напряжённость, в частности, между Китаем и Индией, а также зависимость большинства стран объединения от западных технологий и финансирования.

Для достижения целей повышения эффективности этого института глобального управления необходимо рассмотреть возможности сотрудничества между странами-лидерами и отстающими странами БРИКС по актуальным вопросам устойчивого развития. Емкие рынки, наличие масштабных ресурсов и совокупный ВВП свыше 60 трлн долл. по паритету покупательной способности образуют технологический потенциал стран БРИКС. Внутренние разработки и партнерство стран БРИКС в перспективе позволят обеспечить суверенное технологическое развитие объединения[2].

[1] Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90. – 2023 / [*Г. Д. Толорая, А. Ю. Борзова, И. Г. Дежина , Р. О. Райнхардт, М. В. Никольская, Г. А. Краснова*; под ред. Е. О. Карпинской, Е. А. Солодухиной, С. М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2023. – 56 с.

[2] Пленарное заседание XXIX Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) 5 июня 2026 года. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79956 .

Сухоручкина И.Н.
к.т.н., с.н.с. ВИНИТИ РАН
insukhoruchkina@mail.ru

Сухоручкина А.А.
соискатель, Московский государственный лингвистический университет
aasukhoruchkina@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАМКАХ ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТОВ В КИТАЕ И СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС+

Ключевые слова: искусственный интеллект; Китай; БРИКС+; научно-технологическое сотрудничество; Трехлетний план развития индустрии искусственного интеллекта следующего поколения; Руководство по созданию национальных открытых инновационных платформ в области искусственного интеллекта нового поколения; Руководство по созданию национальной системы стандартов искусственного интеллекта нового поколения; Меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта; Концепция «ИИ +»; Программа «ИИ + производство»; Китайская ассоциация искусственного интеллекта; Китайская академия наук; Китайская академия информационных и телекоммуникационных технологий; Китайская ассоциация науки и техники; Китайская инженерная академия; Пекинский университет почты и телекоммуникаций; Рабочая группа БРИКС+ по высокопроизводительным вычислениям и искусственному интеллекту; Лаборатория БРИКС + по интеллектуальным вычислениям.

Key words: artificial intelligence; China; BRICS+; science and technology cooperation; Three-Year Action Plan for Promoting Development of the New Generation Artificial Intelligence Industry; Guidelines for the National New Generation Artificial Intelligence Innovation and Development a Zone Construction Work; Guidelines for Construction of the National New Generation Artificial Intelligence Standards System; Interim Measures for the Management of Generative AI Services; "AI +" Initiative; "AI+ Manufacturing" Action Plan; Chinese Association for Artificial Intelligence; Chinese Academy of Sciences; China Academy of Information and Communications Technology; China Association for Science and Technology; Chinese Academy of Engineering; Beijing University of Posts and Telecommunications; BRICS+ Working Group on High-Performance Computing and Artificial Intelligence; BRICS + Lab for Intelligent Computing & Data Asset.

Программные документы развития искусственного интеллекта (ИИ) в Китае реализуются с 2006 г., а с участием Китая в рамках сотрудничества стран БРИКС+ – с 2015 г. Китай занимает 1 место по количеству патентов в сфере ИИ – 25 тыс., это 60 % патентов в области ИИ в мире, согласно докладу о развитии цифрового Китая 2025 г., опубликованному Национальным управлением данных КНР.

Китайская ассоциация искусственного интеллекта[1] с сентября 1981 г. с филиалом при Пекинском университете почты и телекоммуникаций является членом Китайской ассоциации науки и техники, сотрудничает с Китайской академией наук и Китайской инженерной академией. Задачи ассоциации: взаимодействие специалистов вузов, исследовательских институтов, предприятий и студенческих сообществ в развитии технологий ИИ на основе НИОКР, внутренних и международных научных обменов, образования, выставок, публикаций, экспертиз, консультаций и премий сотрудникам ассоциации, исследователям и за выдающиеся докторские диссертации.

Основные программные документы развития технологий ИИ в Китае с 2006 г.:

- **Среднесрочный и долгосрочный план развития науки и техники на 2006–2020 гг.**[2], опубликованный 20.12.2005 и нацеленный на китайские передовые технологии, включая такие ИТ, как интеллектуальные сенсорные технологии, самоорганизующихся сетей и виртуальной реальности;
- Программа **«Сделано в Китае – 2025»** в рамках 13 (2016-2020 гг.) и 14 (2021-2025 гг.) пятилеток, опубликованная 08.05.2015 и утвержденная Госсоветом КНР с целями – интел-

[1] Chinese Association for Artificial Intelligence. – http://www.arcension.com/index.php/en/show-20-15.html.

[2] 国家中长期科学和技术发展规划纲要 (2006–2020年) . = Среднесрочный и долгосрочный план развития науки и техники на 2006–2020 гг. – https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/gjkjgh/200811/t20081129_65774.html.

лектуальное производство высокотехнологичной промышленной продукции, интеграция ИИ в оборудование в машино-, авиа- и судостроении, железнодорожном транспорте, в электронику, умные автомобили, интеллектуальные роботы, взаимодействующие с людьми и адаптирующиеся к окружающей среде.

- **Трехлетний план развития индустрии ИИ следующего поколения на 2018-2020 гг.**[1], опубликованный 15.12.2017 Министерством промышленности и информационных технологий;
- **Руководство по созданию национальных открытых инновационных платформ в области ИИ нового поколения**[2], изданное 01.08.2019 Министерством науки и технологий;
- **Руководство по созданию национальной системы стандартов ИИ нового поколения**[3], изданное 07.08.2020 Государственным управлением по стандартизации, Управлением по киберпространству, Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством науки и технологий и Министерством промышленности и информационных технологий;
- **Меры по управлению услугами генеративного ИИ** [1], изданные 13.07.2023 Госуправлением по вопросам Интернет-информации, Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством образования, Министерством науки и технологий, Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством общественной безопасности и Госуправлением радио и телевидения;
- **Концепция «ИИ +»**, предложенная 05.03.2024 в Докладе правительства на 2 сессии 14 Всекитайского собрания народных представителей с целью углубления НИОКР и применения больших данных и ИИ, создания конкурентоспособных на международном уровне кластеров цифровой промышленности;
- Система национальных стандартов в области ИИ, включая стандарт **«Основные требования безопасности для сервисов генеративного ИИ в технологиях кибербезопасности»** [2], опубликованный 25.04.2025 Национальным техническим комитетом по стандартизации в кибербезопасности и Госуправлением по регулированию рынка;
- **Кодекс этики ИИ нового поколения** [3], изданный 25.09.2025 Национальным комитетом по управлению ИИ нового поколения и Министерством науки и технологий;
- Программа **«ИИ + производство»** [4], изданная 25.12.2025 Министерством промышленности и информационных технологий, Управлением по киберпространству, Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством образования, Министерством торговли, Комиссией по надзору и управлению госактивами Госсовета, Госуправлением по регулированию рынка и Национальным бюро данных;
- **15 пятилетний план на 2026–2030 гг.**, опубликованный 13.03.2026 и нацеленный на самостоятельность и управляемость производственных цепочек, автономность вычислительных мощностей ИИ для конкурентоспособности в глобальном разделении труда, цифровизацию и внедрение ИИ, продвижение инициативы «ИИ +» для интеграции ИИ в промышленности, здравоохранении и транспорте; крупномасштабное моделирование, робототехнику как воплощенный интеллект и интеграцию квантовых вычислений и ИИ.

Китайская ассоциация ИИ (КАИИ) интегрирует деятельность 63 комитетов по областям технологий ИИ, включая по метакосмическим технологиям. Представляем институционально-географическое распределение направлений развития технологий ИИ по комитетам ассоциации на базе институтов Китайской академии наук, пекинских и провинциальных институтов и университетов.

В институтах **Китайской академии наук** (КАН) работают комитеты КАИИ по интеллектуальному инжинирингу и распределенному интеллекту на базе Института вычислительных технологий КАН; по нейронным сетям и вычислительному интеллекту на базе Лаборатории ней-

[1] 促进新一代人工智能产业发展三年行动计划 (2018-2020年). = Трехлетний план развития индустрии ИИ следующего поколения (2018-2020). – https://www.cac.gov.cn/2017-12/15/c_1122114520.htm.

[2] 国家新一代人工智能开放创新平台建设工作指引. = Руководство по созданию национальных открытых инновационных платформ в области искусственного интеллекта нового поколения. – https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/gfxwj/gfxwj2019/201908/t20190801_148109.html.

[3] 国家新一代人工智能标准体系建设指南. = Руководство по созданию национальной системы стандартов ИИ нового поколения. – https://www.cac.gov.cn/2020-08/07/c_1598355503455877.htm.

ронных сетей Института полупроводников КАН; по распознаванию образов, по социальным вычислениям и ИИ, по ментальным вычислениям в Лаборатории картирования мозга и интеллектуальных систем, подобных мозгу Института автоматизации КАН.

В НИИ и университетах в Пекине. В Пекинском университете почты и телекоммуникаций представлены комитеты КАИИ по ИИ и безопасности, по обслуживанию членов ассоциации, по интеллектуальным услугам, по пониманию естественного языка на базе Научно-исследовательского центра интеллектуальных технологий. В Университете Цинхуа в Пекине – комитеты по биоинформатике и искусственной жизни, по интеллектуальной оптимизации, по глубокому обучению, по интеллектуальному принятию решений, по ИИ в науке о мозге, по неопределенности в ИИ, по когнитивным системам и обработке информации. В Пекинском университете науки и технологий – комитеты по интеллектуальному управлению, по умному здравоохранению, по искусственным эмоциям и искусственной психологии. В Пекинском университете авиации и космонавтики – комитеты по интеллектуальным аэрокосмическим системам, по интеллектуальным технологиям, по интеллектуальному вождению и Фонд ИИ. В Пекинском технологическом институте – комитеты по проектированию интеллектуальных систем, по сетям интеллектуальной информации, «Женщины в науке и технике».

Комитеты КАИИ по направлениям ИИ в других **пекинских университетах и институтах**: по дискретным интеллектуальным вычислениям – в Пекинском университете; по интеллектуальным промышленным продуктам – в Пекинском университете технологий и бизнеса; по популяризации ИИ – в Пекинском технологическом университете; по интеллектуальным СМИ – в Пекинском институте графической коммуникации; по образованию по ИИ – в Столичном педагогическом университете; по языковому интеллекту – в Пекинском НИИ языкового интеллекта; по интеллектуальной энергетике – в НИИ энергетических систем Китайской электроэнергетической научно-исследовательской компании; по ИИ в спорте – в Институте ИИ в спорте при Столичном университете физического воспитания и спорта; по ИИ в искусстве – в Центральной консерватории; по работе с начальными и средними школами – в Китайском народном университете в Пекине.

Комитеты КАИИ по направлениям ИИ в университетах и институтах **в провинциях Китая**: на базе Института передовых технологий при Китайском университете науки и технологий в г. Хэфэй в провинция Аньхой – комитеты по этике управления ИИ, по промышленному ИИ. В Харбинском технологическом институте – по роботокультуре и искусству, по интеллектуальным роботам – на базе Института робототехники, а также по интеллектуальному сельскому хозяйству, по работе с молодежью.

Комитеты КАИИ по направлениям ИИ в **других провинциальных университетах и институтах**: в Университете Тунцзи – по вычислениям и цифровому интеллектуальному городу, по воплощенному интеллекту; в Чжэцзянском университете – по интеллектуальному творчеству и цифровому искусству, по интеграции мозга и компьютера и биологическому машинному интеллекту; в Чунцинском университете почты и телекоммуникаций – по гранулярным вычислениям и обнаружению знаний, организационный комитет; по машинному обучению – в Нанкинском университете; по технологии интеллектуального обнаружения и управления движением – в Нанкинском технологическом университете; по машинным играм – в Чунцинском технологическом университете; по интеллектуальным образовательным технологиям – в Восточно-китайском педагогическом университете в Шанхае; по экстерике и расширению инноваций – в НИИ распространения знаний и инноваций Гуандунского технологического университета; по интеллектуальному производству – в Ключевой лаборатории интеллектуальных производственных технологий Хуачжунского университета науки и технологий; по интеллектуальным транспортным системам – в Научно-исследовательском центре интеллектуальных транспортных систем Уханьского технологического университета; по интеграции человека и машины в интеллектуальных процессах – в Фуданьской академии инженерных и технологических наук; по многоязычной интеллектуальной информации – в Синьцзянском центре разработок ИТ исследований национальных языков; по обработке разведывательных данных; по интеллектуальному адаптивному управлению совместной оптимизацией – в Северо-восточном университете в г. Шэньян; по интеллектуальной оптической визуализации в – Ханчжоуском институте Чжуоси по изучению мозга и интеллекта; по логике ИИ – в Институте исследований интеллектуальной информации при Шэньчжэньском университете.

Китайская ассоциация ИИ организует конференции: Глобальную конференцию по технологиям ИИ, Международную конференцию Института инженеров электротехники и электроники по облачным вычислениям и интеллектуальным системам, Китайскую конференцию по ИИ и Китайский саммит интеллектуальной промышленности. Издает журналы «CAAI Transactions on Intelligent Systems», «CAAI Transactions on Intelligent Technology», «Chinese Journal of Artificial Intelligence», «Association Newsletter», онлайн-дайджест «AI Scholar» в Китае и «International Journal of Advanced Intelligence» в Японии. С 2015 г. выпускает статьи, отчеты и серийные издания «Робототехника и ИИ».

В рамках БРИКС+ **Китайская академия наук** участвует на образовательной платформе Сетевого университета БРИКС+ в проектах обеспечения научной базы межгосударственного сотрудничества, подготовки кадров в области ИИ, квантовых вычислений и кибербезопасности. В сотрудничестве БРИКС+ в области ИИ **Институт вычислительных технологий КАН** участвует в Рабочей группе БРИКС+ по высокопроизводительным вычислениям и ИИ, в проекте Сетевого университета БРИКС+ «Компьютерные науки и информационная безопасность», в интегрированном инновационном хабе для взаимодействия БРИКС+ в области ИКТ и высокопроизводительных вычислений; НИОКР технологий компьютерного зрения, интеллектуальных программных систем, больших языковых моделей; совместном проектировании высокопроизводительных систем суперкомпьютеров для инфраструктуры ИИ; в использовании больших данных для устойчивого развития, решения глобальных проблем изменения климата, продовольственной безопасности и общественного здравоохранения.

Таким образом, программы развития искусственного интеллекта с участием Китая в рамках сотрудничества стран БРИКС+ с 2015 г. развиваются в областях применения ИИ, таких как интеллектуальное управление, робототехника, технологии автоматизации, генетическое программирование, правовые информационные системы, здравоохранение, понимание языка и изображений. Для развития технологий ИИ в рамках БРИКС+ работают: Центр развития и сотрудничества в области ИИ Китай–БРИКС+ с 03.01.2025 в Шанхае на базе Китайской академии информационных и телекоммуникационных технологий и координации совместных НИОКР стандартов этики ИКТ и ИИ; Институт цифровой экономики и искусственных систем с участием МГУ им. М.В. Ломоносова и Сямэньского университета в Научно-инновационном инкубационном парке Китай–БРИКС+; Лаборатория БРИКС+ по интеллектуальным вычислениям в г. Сямэнь в провинции Фуцзянь с 10.09.2024 для разработок чипов памяти и вычислений для стран БРИКС+ и Центральной Азии.

Список литературы

1. 生成式人工智能服务管理暂行办法. = Меры по управлению услугами генеративного ИИ. – https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm.
2. 网络安全技术 生成式人工智能服务安全基本求, Cybersecurity technology – Basic security requirements for generative artificial intelligence service. – https://std.samr.gov.cn/gb/search/gbDetailed?id=33D40F1160BF5D92E06397BE0A0A5B93.
3. 新一代人工智能伦理规范. = Кодекс этики искусственного интеллекта нового поколения. – https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html.
4. 人工智能 + 制造. = Искусственный интеллект + производство. – https://www.nda.gov.cn/sjj/zwgk/zcfb/0112/20260107214358696030895_pc.html.

Терновая Л.О.
д.и.н., профессор, заместитель главного редактора, руководитель проекта,
журнал «Власть истории и история власти»
89166272569@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ КООПЕРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВЫЗОВЫ БРИКС В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Ключевые слова: государство-цивилизация, цивилизационный суверенитет, ценностный суверенитет, нравственный суверенитет, БРИКС, геополитика; полилог цивилизаций; универсализм и цивилизационная специфика.
Key words: state-civilization, civilizational sovereignty, value sovereignty, moral sovereignty, BRICS, geopolitics; polylogue of civilizations; universalism and civilizational specificity.

Современный мир необходимо понимать гораздо шире, чем только международные отношения, регулируемые системой, подобной предшественницам, начиная с Вестфальской. В той, первой, возникшей после Тридцатилетней войны в 1648 г., главными участниками были суверенные государства. В Венской системе, созданной после Наполеоновских войн, уже возник проблеск присутствия международных организаций, поскольку на том же Венском конгрессе 1815 г. была учреждена Центральная комиссия судоходства по Рейну (фр. *Commission centrale pour la navigation du Rhin, CCNR*). По завершению Первой мировой войны в Версальско-Вашингтонской системе уже зримо за спиной участников-государств стояли сформированные ими военно-политические блоки[1]. Когда после Второй мировой войны рождалась Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, эта модель региональной блокировки настолько мощно территориально расширилась, что привела к столкновению уже не просто лагерей, а систем с искрящей линией противостояния, обозначенной Уинстоном Черчиллем в его знаковой Фултонской речи 5 марта 1946 г. как «железный занавес» (англ. *Iron Curtain*)[2].

Именно после крушения в ноябре 1989 г. этой преграды, зримо воплощенной Берлинской стеной, ведут отсчет новой международной системы. Она долгое время была безымянной, называемой *Post-Cold War System* с отсылкой к предшественнице. Такое наименование имело очевидный недостаток, состоящий в том, что не оставляло места для выделения произошедших в мире изменений. Но они были.

Первое из них заключалось в том, что к традиционным формам взаимодействия международных акторов активно подключились самые разные несистемные участники, а способы осуществления их контактов резко расшили пределы внешней политики и дипломатии.

Второе выражалось в попытках выйти за рамки констатации запутанной реальности, что настраивает на стремление выйти из состояния непредсказуемости и сконструировать некую модель будущего.

Третье отличие новейшей системы обнаружилось в открытой демонстрации разного рода конфликтов, тогда как ранее старались стыдливо скрыть их подлинные причины и масштабы. Но и даже накрученное политиками, экспертами и СМИ противостояние сторон в таких конфликтах удерживает мир от превращения в постапокалиптическую пустыню[3].

Четвертая особенность проявляется в том, что в новой системе позитивный глобальный тренд, обусловленный укрепляющимся фактором взаимозависимости, приобрел искаженный характер. На поверхности международных связей возникло так много трещин, что специалисты обоснованно заговорили о конце или, вообще, о смерти глобализации[4]. Однако при этом в

[1] *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* От союзов к блокам: геополитическая логика истории // Власть истории и история власти. – 2020. – Т. 6, № 6 (24). – С. 824-836.

[2] *Терновая Л.О.* Холодная война: политизация проблемы постановки кавычек // Окончание «холодного мира». Сборник научных статей. – М.: Юдит, 2002. – С. 78-99.

[3] *Нигматуллина Т.А., Терновая Л.О.* Образ будущего в качестве индикатора настоящего // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2024. – № 4 (65). – С. 164-173.

[4] *Дудкевич П., Казаринова Д.Б.* Конец эпохи глобализации: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. № 1. – С. 7-14; *Manners-Bell J.* The Death of Globalization: How Politics, Ethics and the Environment Are Shaping Global Supply Chains. – 2023.

глубине произошла консолидация сил, которых собирательно называют глобалистами, а в последнее время все чаще применяют выражение «глубинное государство» (англ. *deep state*). Хотя это словосочетание изначально появилось в Турции в 1990-х гг. как обозначение скрытой власти военных и спецслужб, действующих вне рамок официальных государственных институтов, его современное толкование как части мировой элиты, особенно активной в военно-промышленной сфере, было задано профессором Калифорнийского университета в Беркли Питером Дейлом Скоттом, использовавшим его в 2007 г. в книге «Дорога к 9/11: богатство, империя и будущее Америки»[1].

Пятая существенная черта современной международной системы предлагает включение в нее особой модели глобального взаимодействия, в которой участвуют представители новой и одновременно исторической формы социальных акторов, которыми становятся государства-цивилизации. Начало выделения данной модели государства приходится на середину 1990-х гг., когда проблема историко-пространственной целостности социальных, экономических, политических и культурных явлений заинтересовала специалистов в области цивилизационных исследований. Они обратили внимание не на эмпирическую данность этой общности, а на возможность другого уровня их теоретического рассмотрения. Сам термин «государство-цивилизация» родился благодаря сравнительному исследованию геополитических потенциалов разных цивилизаций. Эту дефиницию предложил британский журналист и ученый Мартин Жак (р. 1945) в книге «Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка»[2].

Шестая характеристика ныне действующей системы международных отношений основана на специфике государств-цивилизаций. С одной стороны, за каждым из них стоит длительная история, которая, несмотря на то, что отражает его особый путь, имеет нечто общее. Это общее как раз состоит в том, что у всех стран, ныне идентифицирующих себя как государства-цивилизации, одновременно проявились потребности внутренней консолидации, утверждения суверенитета и, главное, утверждение их ценностей на мировой арене, а также в отличие от предшествующих систем международных отношений четко выраженная ориентация на будущее. Выражением потребности в такой именно консолидации стал формат БРИКС.

Для понимания сути данного формата и его отличий от известных международных объединений, блоков, союзов, пактов и пр., а также для прояснения видения его участниками модели оптимального перехода в будущее важнейшую роль приобретают теоретические обоснования разнообразных возможностей, которые позволяют находить реальные политические, социально-экономические и духовные рычаги для позитивного развития каждого государства-цивилизации и их общего пути, избегающего печального пророчества о конфликте цивилизаций[3].

С конца XIX столетия в условиях бурной индустриализации, выражавшей свой беспощадный характер, одним из востребованных властью и обществом научных подходов стал геополитический. Неслучайно сам термин «геополитика» был впервые употреблен в годы Первой мировой войны в работе шведского социолога и политолога Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни»[4]. Дальнейшее развитие этого учения привело к тому, что под влиянием постиндустриальных трансформаций уже не государство, а негосударственные акторы стали рассматриваться как наиболее эффективные участники международной системы. Однако классическая геополитика отказалась возлагать на транснациональных акторов ответственность за кризис такой модели международных отношений после холодной войны.

Фактический крах той системы, проявленная государствами как субъектами международных отношений способность противостоять множеству разноплановых вызовов, потребовала пересмотра теоретических основ международных отношений, насыщения их более глубокими смыслами, в том числе цивилизационным, что и может быть названо одним из наиболее весо-

[1] *Dale Scott P.* The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. – Berkeley: University of California Press, 2007.

[2] *Jacques M.* When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. – London: Penguin Publishing Group, 2009.

[3] *Тойнби А.Дж., Хантингтон С.Ф.* Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / пер. с англ. П. Черемушкина и др. – М.: Алгоритм, 2016; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. К. Королева. – М.: АСТ, 2021.

[4] *Челлен Р.* Государство как форма жизни / пер. с швед. М.А. Исаев. – М.: РОССПЭН, 2008.

мых оснований выделения цивилизационной геополитики[1]. Ее важнейшей теоретической задачей является обоснование нового качества суверенитета государства-цивилизации, который проявляется комплексно и включает не только политическую независимость, но и глубокую связь с культурной, исторической и духовной идентичностью[2]. Его базисные проявления обнаруживаются:

- во-первых, в интегральном суверенитете, что охватывает все сферы: геополитическую, политическую, экономическую, военную, идеологическую, культурную и даже эпистемологическую, закрепляющую суверенитет над знанием, образованием, наукой[3]. Это означает, что государство-цивилизация стремится к полной автономии в формировании собственной модели развития, не подчиняясь внешним шаблонам;
- во-вторых, в верховенстве власти внутри страны, когда государственная власть признается высшей, ее решения обязательны для всех. Такое верховенство выражается в приоритете Конституции и законов, а также в способности подавлять любые попытки сепаратизма или внешнего вмешательства;
- в-третьих, в независимости во внешних делах, когда государство самостоятельно определяет свою внешнюю политику, не допуская диктата со стороны других стран или международных структур, что особенно важно в условиях глобального противостояния;
- в-четвертых, в территориальной целостности и неделимости, так как суверенитет включает защиту границ и неприкосновенность территории, что является основой государственного бытия;
- в-пятых, в культурном суверенитете, выступающем как защита и развитие собственного ценностного кода, языка, традиций, религии. Государство есть главный хранитель цивилизационной идентичности[4];
- в-шестых, в понимании суверенитета как миссии, поскольку власть осмысляется не как бюрократический аппарат, а как выражение воли народа и носитель высшей идеи, например, «Русский мир» или «Поднебесная», что придает государству сакральный, а не только рациональный смысл;
- в-седьмых, в политическом контроле над «большим пространством» из-за того, что государство-цивилизация стремится к геополитическому влиянию в своем регионе, формируя зоны культурно-политического влияния, что соответствует концепции немецкого правоведа, философа, социолога и политического теоретика Карла Шмитта о «больших пространствах» (нем. *Grossraum*)[5].

Таким образом, для государства-цивилизации суверенитет есть не просто правовая независимость, а всесторонняя самодостаточность, основанная на уникальной цивилизационной миссии. Поэтому необходимо к отмеченным выше семи позициям добавить наличие у государства-цивилизации ценностного суверенитета. Под которым следует понимать способность этого государства самостоятельно формировать, сохранять и транслировать доминирующие в социуме нравственные, духовные и культурные ценности, не поддаваясь при этом внешнему идеологическому давлению или информационному влиянию извне[6]. Ценностный суверенитет не просто стал знаковым элементом общего суверенитета государства. Он занял особую нишу в государственной жизни в цифровую эпоху, отличительной чертой которой помимо технологического прорыва стало мощнейшее воздействие на сознание людей глобальных медиахолдингов и социальных платформ.

---

[1] *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Совместимость и расхождения классической и цивилизационной геополитики // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 9. – С. 23-31.

[2] *Гребнев Р.Д.* Теоретико-методологические аспекты роли и места государства в современной геополитике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 3. – С. 84-96.

[3] *Дугин А.Г.* Интегральный суверенитет. – https://izborsk-club.ru/23057? ysclid=l6xkmom0b9103260652

[4] *Арканникова М.С.* Культурный суверенитет как идеологема в медиадискурсе современной России // Российская школа связей с общественностью. – 2025. – № 36. – С. 84-103; *Романова А.П.* Культурная безопасность и культурный суверенитет // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: ИМЭМО РАН, 2023. – С. 146- 153.

[5] *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов jus publicum Europaeum / пер. К. Лощевский, Ю.Ю. Коринец. – СПб.: Владимир Даль, 2008.

[6] *Дегтярев Д.А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 352-371.

Основными задачами и проявлениями ценностного суверенитета государства-цивилизации становится защита традиционных ценностей. Это – семья, вера, патриотизм, коллективизм, справедливость... Именно государство выступает как гарант их неприкосновенности перед лицом глобальных либеральных вызовов или потребительских нарративов. Когда же речь заходит о государстве-цивилизации, то такая задача приобретает экзистенциальный характер[1]. Для ее решения требуется поддержание контроля над информационным пространством путем постоянного регулирования деятельности медиа, включая иностранные, соцсетей, активности блогеров, с целью предотвращения распространения идей, угрожающих национальной идентичности. Важной частью этой задачи становится формирование образовательной политики, в которой через всю систему образования, в том числе дополнительного, воспитывается поколение, понимающее и принимающее ценностный код страны. Без поддержки национальной культуры, касающейся не только развития отечественного кинематографа, литературы, медиа, искусства, которые транслируют внутренние, а не импортированные ценности, но и сохранения уникальной культурной среды, своеобразной духовной ауры каждого государства-цивилизации, не обходится набор инструментов поддержания ценностного суверенитета. Однако помимо действий, направленных на создание и утверждение этой базы, необходимо проявлять заботу о том, что были активированы механизмы сопротивления «мягкой силе» (англ. soft power) – противодействие попыткам других стран (например, через НКО, гранты, медиа) влиять на общественное мнение и политическую повестку[2].

Ценностный суверенитет имманентен государству-цивилизации, выступая основой его политического и государственного суверенитета. Это объясняется тем, что такой суверенитет удерживает нравственные ориентиры общества, не позволяя ему утрачивать свою способность к самоорганизации, а государству обеспечивать собственную легитимность. Такой суверенитет представляет собой очень широкую область приоритетов, охватывающую то, что наиболее значимо для общества – его национальную идентичность, историческую глубину, политические идеалы, культурные нормы, социальные установки, модели экономического развития, бытовые уклады, внешне отображая все самое ценное, включая семью, традиции, язык, государственность, превращаясь в механизм обеспечения выживания государства-цивилизации в условиях глобальной турбулентности, усиленной взрывной цифровой трансформацией.

В противоречие ценностному суверенитету нравственный суверенитет глубже, отражая внутренний этический императив социума, связанный с осознанием добра и зла, совести, чести, долга, ответственности[3]. Если ценностный суверенитет имеет социальную природу, формируясь государством, историей, культурой, образованием, то нравственный суверенитет оказывается продуктом воспитания, совести, веры. Он вырастает из личных переживаний человека, но не только связанных с ним самим, а касающихся мира, в котором жили его предки и будут жить его потомки. Это – уже не проблема выбора, как при определении ценностного суверенитета, а вопрос жизни и смерти, затрагивающий то, что представляет собой человек на самом деле, отдавая отчет не только в поступках, но даже запредельных мечтах.

Ответ на вопрос, почему нравственный суверенитет так важен для процветания государства-цивилизации, исключительно прост. Он служит очень точным камертоном чистого и точного звучания такого государства в общей мировой системе. А потребность в таком инструменте всегда обостряется в периоды геополитических штормов, помогая выбирать правильный курс, устойчиво придерживаться его, не прогибаясь под ударами бури, стремящейся превратиться в глобальную[4].

Нравственный суверенитет лежит в основе духовной безопасности государства-цивилизации[5]. Он дает такому государству силу расставлять приоритеты не только во внутренней и внеш-

[1] *Рябова Е.Л., Терновая Л.О.* Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. – 2024. – Т. 12, вып. 4 (39). – С. 120-128.

[2] *Най Дж.* Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. – Новосибирск: Тренды, 2006.

[3] *Ивентьев С.И.* Духовно-нравственная основа суверенитета России: четвертое и пятое поколения прав человека // Культурные ценности и традиции современного общества: сборник материалов II Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ЦРНС, 2018. – С. 67-70.

[4] *Терновая Л.О., Чапкин Н.С.* Архетип бури в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. – 2025. – № 9 (207). – С. 18-28.

[5] *Анисин А.Л.* Концептуальные основы обеспечения духовной безопасности России // Академическая

ней политике. Нравственный суверенитет является компасом глубочайших этических аспектов определения добра и зла, позволяет сопротивляться любым навязываемым правилам, сохранять то, что заложено предками и составляет красную нить цивилизационного кода нации. Благодаря ему государству и обществу можно находить все новые и новые истоки поддержания и развития этих смыслов.

Для современных государств-цивилизаций соединение всего многообразия проявлений их ценностного и нравственного суверенитета остановится гарантией не столько сохранения их геополитической и культурной идентичности, сколько ручательством, что всеми участниками сообщества таких государств, включая группу БРИКС, это своеобразие является залогом того, что цивилизационное многообразие признается как естественная и постоянная формы организации человечества. Это признание позволяет успешно преодолевать противоречия, являющиеся следствием экономической и технологической глобализации, находя верные решения для поддержания собственной уникальности или включения в мировые процессы. Также наличие общей платформы государств-цивилизаций служит некоторой защитой от возможных последствий разрушения привычной картины мира, девальвации ценностей и потери ориентиров, всегда сопровождающих кризисы идентичности в периоды перемен.

Сотрудничество государств-цивилизаций в рамках формата БРИКС или иных объединений расширяет потенциал диалога, позволяет преодолевать последствия длительного доминирования западной модели, находить пути преодоления напряжения между западным индивидуализмом, секулярным гуманизмом и восточным коллективизмом, религиозным мировоззрением, дает возможность вести диалог, основанный не на жестком универсализме одной модели, а на гибком взаимном признании и поиске общих принципов сосуществования.

Хотя между современными государствами-цивилизациями пролегают глубокие различия, нельзя не видеть их схожие реакции на глобальные вызовы, к которым прежде всего относятся экологический кризис и тупики роста, в которых их загоняет усиливающееся цифровое давление, и с разной скоростью и в неодинаковых формах проявляющаяся ревизия этических и эпистемологических основ бытия.

В этих условиях цивилизационный портрет современного мира, сохраняет свою мозаичность, присущую предыдущим историческим периодам, но он также начинает в некоторых своих частях приобретать более устойчивые краски и очертания. Это происходит не только потому, что налицо стремление государств-цивилизаций к полилогу, в котором каждое из них сохраняет свой голос и отстаивает логику развития, избегая соревнования и доказательств собственного совершенства и исключительности, что способствует созданию атмосферы доверия. Важно еще и то, что краски, которыми рисуется такой портрет, полихромны. Они податливы разным техникам нанесения, которые взяты из междисциплинарного арсенала истории, социальной антропологии, философии, политологии, культурологии и экономики. Такой набор позволяет привлекать широкий круг источников, критически использовать классические и современные геополитические теории, анализировать конкретные цивилизационные ареалы и в то же время, не зацикливаясь на исследовании конкретного опыта, подниматься к аналитическому описанию некоего общего понимания такими государствами-цивилизациями своего предназначения здесь и сейчас, а также в близкой и дальней перспективе.

Налицо острая научная необходимость комплексного исследования трансформации глобальной геополитической архитектуры сквозь призму цивилизационного подхода. Эта научная задача имеет четко выраженную практическую основу. А выбор ракурса БРИКС – объединения, выступающего не только как экономический альянс, позволяет глубже понять специфику современного пространства диалога различных цивилизационных матриц, обращаясь к фундаментальным противоречиям классической и цивилизационной геополитики, выявляя поля их совместимости и принципиальные расхождения в трактовке пространства, власти и идентичности.

В данном контексте особую остроту приобретает проблематика государств-цивилизаций, входящих в БРИКС. Речь идет не просто о росте их экономического влияния, но о фундаментальном вызове универсалистской картине мира, где ключевым становится вопрос о цивилизационном суверенитете. Участники объединения – от России и Китая до Индии, Ирана и Эфиопии – де-

мысль. – 2019. – № 4. – С. 90-95; Духовная безопасность и традиционализм – избранные материалы международной научно-просветительской конференции. / отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров: ВЕСИ, 2023.

монстрируют стремление отстоять право на собственную модель модернизации, не копирующую либеральные западные шаблоны. Однако внутри этого «клуба цивилизаций» кроется глубинное противоречие, проистекающее из шаблона о невозможности сохранить плюрализм идентичностей (конфуцианской, православной, индуистской, исламской, африканской), избежав при этом риска «анклавной модернизации», когда элиты, ориентированные на внешние коды, оказываются оторваны от цивилизационной матрицы собственных обществ.

Перед БРИКС стоит сложнейшая задача институционализации без унификации – поиска такого формата взаимодействия, где уважение к цивилизационной специфике станет базовым принципом нового миропорядка, способным трансформировать глобальную систему из «порядка правил» в «порядок согласованных интересов».

Особое место в анализе исторического опыта выживания крупных культурных систем в условиях турбулентности, которыми и являются государства-цивилизации, занимает диалектика единства и многообразия в связке «цивилизация и империя». Исследователям здесь может помочь сосредоточенность на нелинейных моделях развития: от концепций модерна, постмодерна и интермодерна до поиска универсальной матрицы управления социальной сферой, сочетающей мобилизацию и вовлеченность. Этот подход позволяет раскрыть фейерверк культурно-философских кодов стран-участниц БРИКС и глобального большинства. Механизмы формирования многополярного мира постигаются через призму уникальных феноменов – от китайской символики «золотых кирпичей» и философии йоги до африканской этики убунту, метафизики бразильского геополитического проекта, составляющих цивилизационные портреты России, Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, Ирана и арабского мира, демонстрирующие разнообразие стратегий сохранения идентичности в условиях резких глобальных трансформаций.

Современные государства-цивилизации как свой собственный путь, так и общую дорогу прокладывают в высоко конкурентном геополитическом пространстве, где есть как пространственно оформленные оппоненты их модели, так и теоретические соперники. Одним из наиболее оформленных и экономически подкрепленных предстают сторонники так называемой «Давосской цивилизации», как попытки навязывания миру универсальных шаблонов, вступающей в конфликт с цивилизационной субъектностью государств БРИКС[1].

Сегодня, когда страны БРИКС и глобальное большинство отказываются от роли «паствы» в пользу собственных цивилизационных проектов, американский миф сталкивается с пределом своей универсализации – точно так же, как ранее это происходило с другими имперскими/цивилизационными конструктами, пытавшимися представить свою локальную историю как всеобщий путь и предлагая образ будущего, конструируемый на основе цивилизационной специфики, а не универсальных шаблонов – модель, в которой будущее перестает быть линейным продолжением западного проекта, а становится пространством диалога равноправных культурно-исторических миров.

[1] *Aihwa Ong*. An Anthropologist at Davos: Civilization Reimagined from the Top of the World // Current Anthropology. – 2022. – October, N 63 (1).

Тетеринец Т.А.
к.э.н., доцент, ученый секретарь Института экономики Национальной академии наук Беларуси
s_secretary@economics.basnet.by

ГУМАНИТАРНЫЙ КОНСТРУКТ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Ключевые слова: человеческий капитал, индекс человеческого развития, Республика Беларусь, БРИКС, гуманитарное сотрудничество.
Key words: human capital, human development index, Republic of Belarus, BRICS, humanitarian cooperation.

Формирующаяся архитектура нового миропорядка существенно трансформирует сложившиеся подходы к управлению государственным устройством не только в целостной совокупности его составных элементов, но и в разрезе отдельных частей сложившегося национального механизма. Интеграционные и дезинтеграционные процессы мировой экономики, а также интенсивное преобразование технологических укладов выдвигают на передний план задачи управления развитием нематериальных факторов экономического роста, приоритетным из которых является человеческий капитал.

Система институциональных условий определяет направления и динамичность воздействия социальных, экономических и политических институтов на активность накопления человеческого потенциала. Объективные условия преобразования последнего в человеческий капитал существенно трансформируются при участии стран в тех или иных межгосударственных объединениях. Формируемая таким образом новая институциональная среда создает альтернативные возможности и предпосылки аккумуляции знаний, навыков, квалификаций, компетенций, практического опыта, позволяющих человеку выстраивать наиболее удобную и эффективную траекторию карьерного роста, реализации собственного потенциала, удовлетворения своих желаний и потребностей, что и является формой трансформации накопленного человеческого потенциала в капитал [2-4].

Развитие различных форм экономического, политического, социального партнерства между странами способствует не только формированию новых центров силы на мировой арене, но и существенно трансформирует сложившиеся подходы к управлению развитием человеческого капитала. Тем самым, формирование международных объединений, в том числе и БРИКС, оказывает существенное влияние на институциональную среду приращения человеческого капитала не только в рамках национальной экономики, но и на трансграничном уровне [1].

Приобретение Республикой Беларусь в ноябре 2024 года статуса страны-партнера БРИКС актуализирует поиск решений сохранения и приращения национального человеческого капитала с учетом его интеграционного взаимодействия. Тесное сотрудничество с Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой открывает новые горизонты гуманитарного сотрудничества, которое является ядром организационно-управленческого и социально-экономического механизма управления развитием человеческого капитала. Динамично развивающаяся информационная среда, успешно реализованные совместные социальные и экономические проекты создают объективные предпосылки накопления и развития транснациональной формы человеческого капитала, а также формируют его новые сетевые формы. Данное обстоятельство актуализирует задачи изучения новой институциональной среды формирования и развития человеческого капитала, ядром которой выступает гуманитарная составляющая.

Индекс человеческого развития (ИЧР) представляет собой комплексный индикатор, характеризующий уровень человеческого развития в различных регионах мира, который публикуется Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) и используется для межстранового сравнительного анализа качества жизни населения. При анализе ИЧР целесообразно рассматривать не только сам показатель, но и положение Республики Беларусь в мировом рейтинге. Такой подход позволяет получить наиболее объективную оценку (рис. 1).

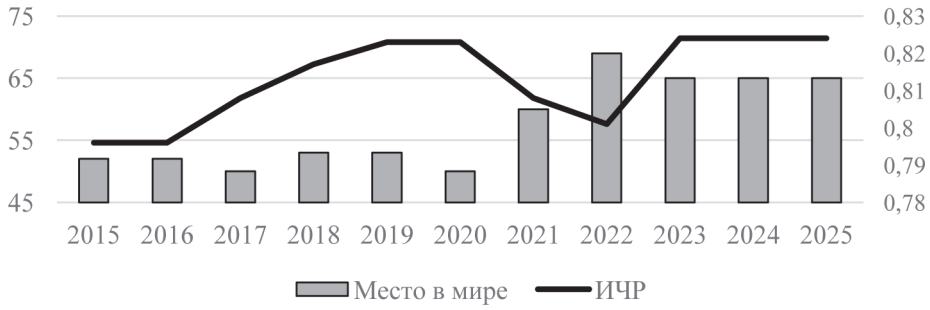

Рис. 1. Индекс человеческого развития Республики Беларусь[1]

Анализ данных показывает, что в Республике наблюдается резкий рост показателя ИЧР в 2016-2020 гг. с 0,796 до 0,823, однако место в мировом рейтинге упало с 52 до 50. В период с 2020 до 2022 гг. отмечается снижение ИЧР, в связи с чем связано и падение места в мировом рейтинге – с 50 до 69, что обусловлено конъюнктурными колебаниями подиндексов, которые формируют его комплексное значение. В 2023-2025 гг. ситуация стабильна, значение ИЧР составляет 0,824, место в мировом рейтинге – 65.

ИЧР – комплексный показатель, отражающий агрегированную оценку развития человеческого капитала. Его величина формируется под влиянием тенденций изменения его подиндексов (ожидаемая продолжительность жизни, средняя продолжительность обучения, ожидаемая продолжительность обучения, валовый национальный доход населения по паритету покупательской способности), которые могут иметь разнонаправленную динамику. Мониторинг подиндекса «ожидаемая продолжительность жизни» показывает, что в период с 2015 до 2019 года отмечается его рост с 72,5 до 73,4 лет, в 2019-2022 гг. спад с 73,4 до 72,4, в 2023 до 2025 гг. – рост с 72,4 до 73,1 лет. Средняя продолжительность обучения в Беларуси увеличивается и на конец 2025 года составила 12,3 лет. Анализируя подиндекс «ожидаемая продолжительность обучения» следует отметить его существенное снижение, которое обусловлено трансформациями в национальной системе образования и оптимизацией образовательных программ. С целью устранения дублирования учебных дисциплин в колледжах сокращены сроки обучения для заочной формы до 3 лет. Оценивая валовой национальный доход по паритету покупательной способности на душу населения, следует отметить увеличение данного подиндекса на 15,8 %, что эквивалентно 2,6 тыс. долл. США (рис. 2). Некоторое снижение данного индикатора в 2023 году обусловлено объективными факторами воздействия санкционной политики на интенсивность экономического развития в стране, а также «остаточным» влиянием пандемии.

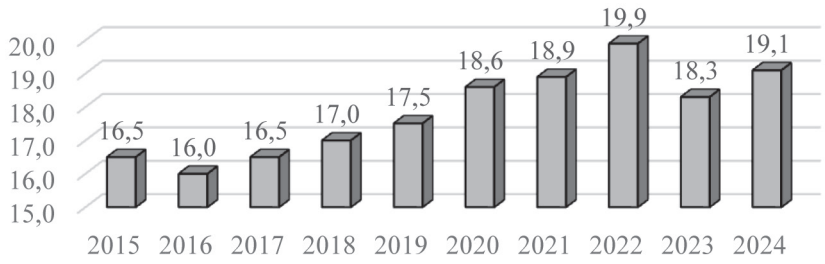

Рис. 2. Валовый национальный доход на душу населения по паритету покупательской способности, тыс. долл. США[2]

Комплексный анализ ИЧР и его компонентного состава позволяет установить его некоторое снижение в 2025 году, которое обусловлено сокращением сроков обучения, колебаниями валового национального дохода на душу населения по паритету покупательской способности. Следует

[1] Составлено на основе источника: Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития // Гуманитарный портал. – https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index.

[2] Составлено на основе источника: Рейтинг стран мира по Индексу человеческого развития // Гуманитарный портал. – https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index.

учесть, что место в мировом рейтинге определяется не только количественными параметрами подиндексов, определяющих его итоговую величину, но и их динамикой в исследуемых странах.

Одной из базовых составляющих гуманитарного конструкта формирования и развития человеческого капитала является сложившаяся система образования. Интенсивность проникновения инновационных технологий в повседневную и профессиональную деятельность людей актуализирует необходимость соответствующих трансформаций и в образовательной среде. Образование является одной из основных составляющих механизма управления развитием человеческого капитала, формируя его интеллектуальную платформу, способствуя социальному накоплению профессиональных, творческих, общекультурных, нравственных и духовных ценностей. В современных условиях этот процесс приобретает особую специфику, содействуя образованию новых форм и способов взаимодействия между странами. Накопленные различными народами и нациями знания, опыт, традиции, ценности оказывают существенное влияние на темпы развития и уровень воспроизводства человеческого капитала. В этой связи особую актуальность приобретает анализ государственных расходов на финансирование образовательной сферы в Республике Беларусь (рис. 3).

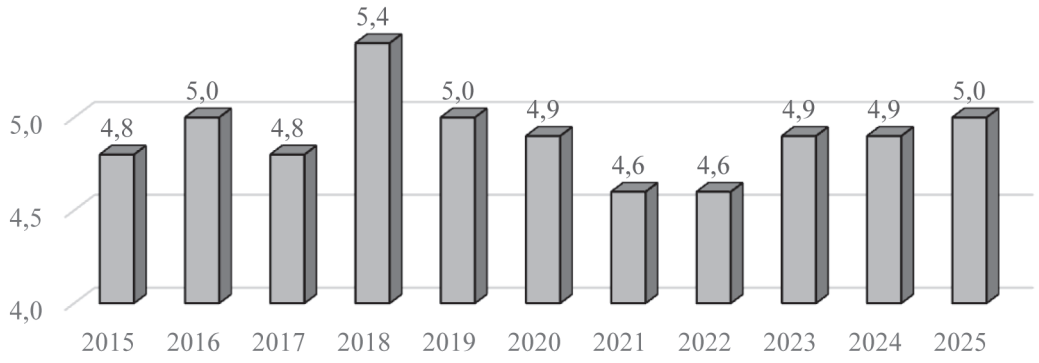

Рис. 3. Расходы на образование, в процентах к ВВП[1]

Средняя медианная удельного веса расходов на образование по отношению к ВВП в 2015-2025 гг. в Беларуси составляет 4,9%. Снижение исследуемого показателя в 2021-2022 г. обусловлено объективной необходимостью перераспределения государственных расходов в сферу здравоохранения вследствие пандемии коронавируса. Следует отметить рост данного индикатора в 2023-2025 гг., что способствует накоплению интеллектуальной составляющей человеческого капитала.

Следует отметить сокращение числа учреждений образования по всем сферам образования. Эта тенденция связана с сокращением численности молодого населения. Вместе с тем, снижение численности населения в возрасте моложе трудоспособного возраста в рассматриваемом периоде составляет 5,3%, в то время как число учреждений образования сократилось на 9,9%. В большей степени это затронуло учреждения профессионально-технического образования, количество которых снизилось на 20,9%. Почти на 13% стало меньше дневных учреждений общего среднего образования, что во многом обусловлено закрытием школ в сельской местности, т.к. нет необходимости их содержать в связи с оттоком населения в районные и областные центры. Практически на 10% стало меньше учреждений высшего образования, что обусловлено практически полной ликвидацией учреждений высшего образования частной формы собственности.

Одним из важнейших социальных институтов формирования и развития человеческого капитала в условиях цифровизации экономики является система высшего образования, характеризующая уровень его интеллектуалоемкости. Одним из индикаторов, отражающих динамику образовательного уровня населения и, соответственно, накопления запаса знаний, является количество выпущенных специалистов с дипломом о высшем образовании, а также доля тех, кто продолжил обучение в дальнейшем (рис. 4).

[1] Составлено на основе источников: Беларусь: Расходы на образование, процент ВВП // The global economy. – https://ru.theglobaleconomy.com/Belarus/Education_spending/; Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // Гуманитарный портал. – https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure.

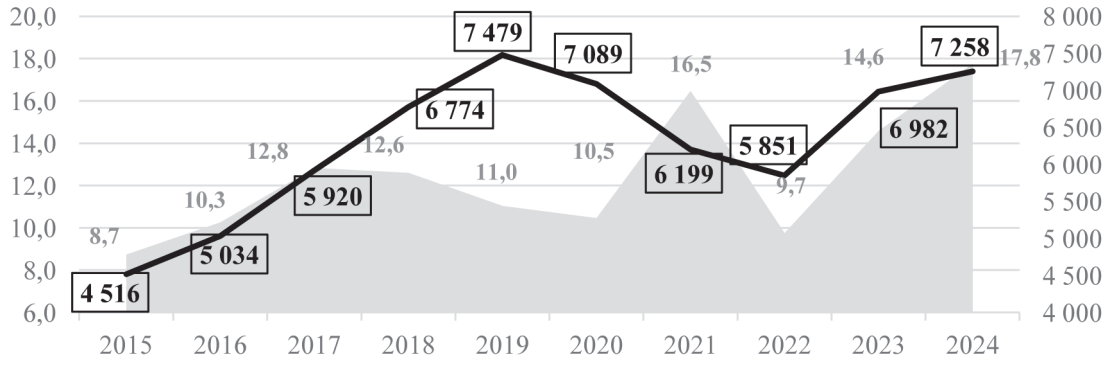

Рис. 4. Динамика количества выпущенных специалистов с дипломом высшего образования (чел.), а также поступивших из них в магистратуру, процент от общего количества выпускников, %[1].

При анализе жизненного цикла формирования и развития человеческого капитала важно выявить тенденции изменения количества выпускников II ступени высшего образования, т.е. магистратуры. Начиная с 2018 года, исследуемых показатели существенно меняют вектор своих изменений – увеличение численности выпускников не является маркером увеличения удельного веса поступающих в магистратуру и, наоборот, при снижении количества выпущенных специалистов с дипломом высшего образования отмечается увеличение в их составе удельного веса тех, кто решил освоить II ступень высшего образования. Динамика исследуемых показателей стала приобретать однонаправленность лишь с 2023 года.

Анализ статистических данных позволяет отметить отсутствие тесной корреляции между количеством специалистов, получивших диплом о высшем образовании, и исследователей, получивших диплом магистра. К числу основных причин следует отнести изменение мотивационных установок молодых людей, ориентированных на ускоренное превращение полученных знаний в ликвидные активы, формирующие материальную составляющую их человеческого капитала. Нельзя также исключать наличие временного лага поступления в магистратуру после получение диплома о высшем образовании. Это является свидетельством осознанного выбора молодых специалистов, формирующих свои профессиональные траектории с учетом весомого воздействия научной составляющей.

Вместе с тем почти пятая часть специалистов, получивших дипломом высшего образования, являются магистрантами. С одной стороны, это достаточно весомый задел для накопления научного потенциала и его перманентной трансформации в высокопродуктивный, инновационный человеческий капитал. С другой стороны, снижение коэффициента выпуска магистрантов является свидетельством неоправданности ожиданий будущих исследователей и потерь научного задела, а также снижения эффективности инвестиционных вложений, используемых для подготовки кадров высшей квалификации. С точки зрения накопления человеческого капитала, сложившиеся тенденции могут приводить к сокращению доли специалистов с углубленной подготовкой в технологичных и наукоемких отраслях, к падению престижа обучения и снижению привлекательности инвестиций в образование.

Как уже отмечалось, система образования является важнейшим компонентом гуманитарного конструкта, формируя интеллектуальный задел, возможности дальнейшего приращения, своевременность обновления и перспективы расширенного воспроизводства человеческого капитала. Успешность реализации перечисленных задач во многом определяется объемами инвестирования в сектор высшего образования (рис. 5). Инвестирование в человеческое развитие сквозь призму высшего образования является одним из приоритетных и стратегически важных направлений устойчивого экономического роста страны.

[1] Рассчитано на основе источников: Статистический ежегодник, 2025 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_152615/; Статистический ежегодник, 2020 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_18023/.

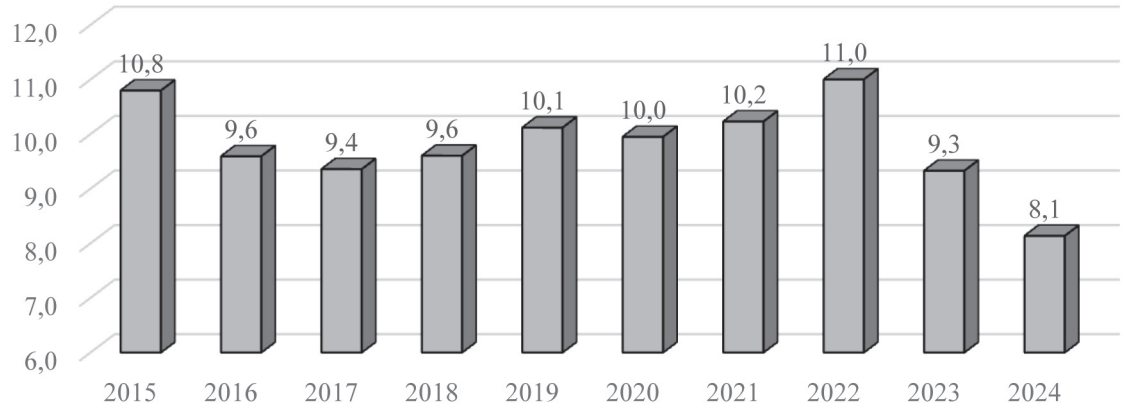

Рис. 5. Финансирование внутренних затрат на научные исследования и разработки в секторе высшего образования, процентов[1]

Таким образом, комплексная оценка гуманитарного конструкта формирования и развития человеческого капитала в Республике свидетельствует о стабилизации ситуации вследствие ослабляющего воздействия демографических факторов, влияния пандемии, сокращения инвестиционной поддержки образовательной сферы, снижения патентной активности. С позиции межстрановых сопоставлений Беларусь теряет лидирующие позиции вследствие опережающего развития наукоемких сфер в высокоразвитых государствах. Необходимость ликвидации возникающего разрыва обусловливает усиление мер по разработке новых механизмов и практикоориентированных направлений повышения эффективности инвестиций в развитие человеческого капитала.

Несмотря на то, что Республика Беларусь не является полноправным членом БРИКС, это не исключает возможностей взаимодействия и расширения спектра гуманитарного сотрудничества не только с основными партнерами, но и другими членами. В частности, расширение Сети Университетов БРИКС и открытие образовательных учреждений или филиалов действующих организаций в Республике Беларусь способствовало бы сетевизации человеческого капитала на международной арене, приращению человеческого потенциала на национальном уровне. Некоторые различия в менталитете стран-участниц БРИКС в реальности не являются сдерживающим фактором формирования многополярного мира. Республика Беларусь пропагандирует сохранение и защиту общечеловеческих ценностей, что подтверждается открытостью страны к международному сотрудничеству, в том числе в гуманитарной сфере.

Важным направлением развития международного взаимодействия, направленного на сохранение и расширенное воспроизводство человеческого капитала, является научная сфера. Реализация совместных многосторонних гуманитарных проектов фундаментальной и прикладной направленности будет способствовать транснациональному трансферу знаний, интенсификации передачи передового опыта, информатизации научной и научно-образовательной среды. Использование на начальных этапах сложившихся институтов финансового обеспечения научных исследований, таких как, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Российский научный фонд, Национальный фонд естественных наук Китая и другие, не исключают в будущем образования международной интеграционной структуры, деятельность которой будет направлена на финансирование совместных научных проектов не только стран-участниц, но и стран-партнеров БРИКС.

Важным направлением в управлении развитием человеческого капитала в условиях нового миропорядка является укрепление научного и образовательного сотрудничества. Усиливающиеся геополитические и геоэкономические риски выдвигают на передний план задачи усиления интеллектуальной компоненты национального человеческого капитала стран-участниц

[1] Рассчитано на основе источников: Беларусь: Расходы на образование, процент ВВП // The global economy. – https://ru.theglobaleconomy.com/Belarus/Education_spending/; Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // Гуманитарный портал. – https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure

и стран-партнеров БРИКС. Нарастающие темпы информатизации, а также территориальная разобщенность стран-участниц и стран-партнеров БРИКС обусловливают необходимость повышения уровня информационного взаимодействия в рамках гуманитарного сотрудничества. В частности, создание межгосударственной цифровой платформы позволит объединить научные и образовательные учреждения, создать на ее основе научно-исследовательские лаборатории и центры, продвигать результаты исследований в рамках реализованных и запланированных проектов, распространять накопленные знания путем создания совместных междисциплинарных научных журналов в цифровом виде. Организация такой цифровой платформы позволит активизировать проведение совместных научных конференций, обучающих семинаров и иных форм получения формального и неформального образования, усилить неформальное сотрудничество стран-участниц и стран-партнеров БРИКС.

Значимым элементом гуманитарного конструкта взаимодействия Республики Беларусь и стран-участниц БРИКС является развитие механизмов международного государственно-частного партнерства в научно-образовательной сфере. Накопленный теоретический и эмпирический опыт реализации гуманитарных проектов может найти практическое применение в Беларуси, которая может стать площадкой реализации некоторых пилотных проектов в научно-образовательной среде.

Подводя итог, можно отметить высокую заинтересованность Республики Беларусь в расширении сфер гуманитарного сотрудничества со странами-участницами БРИКС. Управление развитием человеческого капитала занимает весомую нишу в системе государственного регулирования страны. Развитие различных форм взаимодействия республики со странами-участницами БРИКС позволит укрепить роль страны на мировой арене, усилить меры государственной поддержки накопления национального человеческого капитала, внести весомый вклад в наращивание его транснациональной формы.

Список литературы

1. *Абдулкадырова, М.А.* Институциональные особенности развития человеческого капитала в условиях формирования инновационной экономики / М.А. Абдулкадырова, А.И. Багаева // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 4. – С. 11–15.
2. *Булавина, Е.А.* Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС в меняющемся мире / Е.А. Булавина, У.В. Кузнецова, А.Д. Кравец, А.Ю. Симакова, П.Э. Нефедова // Молодой ученый. – 2025. – № 17 (568). – С. 228–231.
3. *Дятлов, С.А.* Институционально-организационные формы сетевого человеческого капитала в цифровой экономике // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 3. – С. 7–11.
4. *Дятлов, С.А.* Сетевой человеческий капитал миллениалов как драйвер развития цифровой экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 4 (118). – С. 26–31.

Ткаченко И.Ю.
к.филос.н., доцент, профессор Кафедры мировой и национальной экономики, Всероссийская академия внешней торговли
irinautkachenko@gmail.com

Обжигайлов Т.А.
магистр экономики, Всероссийская академия внешней торговли
obzh.timur@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС И ШОС: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: БРИКС+, ШОС, инвестиционное сотрудничество, экономическая интеграция, Новый банк развития, финансовые механизмы, устойчивое развитие, многополярный мир.
Key words: BRICS+, SCO, investment cooperation, economic integration, New Development Bank of BRICS, financial mechanisms, sustainable development, multipolar world.

Введение

В современных условиях фрагментации мировой экономики, международно-правовой и геополитической нестабильности особую актуальность обретают вопросы формирования альтернативных механизмов международного инвестиционного взаимодействия.

БРИКС и ШОС как межгосударственные объединения нового порядка не ограничиваются решением исключительно политических задач. Сегодня они выступают в качестве ключевых центров притяжения инвестиционного капитала в рамках Глобального Востока и Глобального Юга. Совокупный экономический потенциал этих объединений, а также их природный и человеческий ресурс делают их ведущей силой мирового экономического роста.

***

В эпоху формирования многополярного мира БРИКС и ШОС становятся фундаментом новой глобальной архитектуры. Данные межгосударственные сообщества едины в своих устремлениях по созданию справедливых, равноправных условий для всех членов мирового сообщества. Эта цель достигается путем обеспечения финансового, технологического и ресурсного суверенитета, реализации крупных совместных инвестиционных проектов в рамках сообществ в сфере социальной инфраструктуры, логистики и автоматизации производств за счет внедрения современных передовых технологий. Огромное значение имеет и демографический ресурс – фактор, предопределяющий темпы роста экономики. Общая численность населения стран БРИКС в 2026 году оценивается в 4,5 млрд человек, т.е. более 55% мирового населения, ШОС – 3,45 млрд человек, 42% мирового населения[1].

Важным аспектом, объединяющим БРИКС и ШОС, является параллельное членство России, Китая, Индии и Ирана в обоих сообществах, при этом Россия и Китай являются странами-учредителями как БРИКС, так и ШОС. Беларусь и Казахстан являются полноправными членами ШОС и странами-партнерами БРИКС. Египет и ОАЭ – члены БРИКС и партнеры по диалогу ШОС[2]. Такое одновременное членство в обоих форматах взаимодействия, в особенности странами-учредителями, лишь подкрепляет тезис о единстве целей и интересов. Одновременное присутствие стран в БРИКС+ и ШОС открывает доступ к ряду стратегических, экономических и финансовых преимуществ, которые вместе создают мощный синергетический эффект. Эти объединения дополняют друг друга: БРИКС+ служит глобальным «финансово-экономическим

[1] Measuring the Power of BRICS that Now Covers Over Half the World's Population. – https://infobrics.org/en/post/53695; The Shanghai Cooperation Organisation: 2025 Demographics & Tianjin Summit Overview. – https://russiaspivottoasia.com/the-shanghai-cooperation-organisation-2025-demographics-tianjin-summit-overview.

[2] About the BRICS. – https://brics.br/en/about-the-brics; О Шанхайской организации сотрудничества. – https://rus.sectsco.org/20151208/16789.html.

треком», а ШОС – региональным «политико-безопасностным треком» для стран Евразии. Участие в обоих форматах дает ключевые возможности. Страны получают доступ к альтернативным финансовым системам, что снижает зависимость от Запада и нивелирует санкционные риски. Участие в обоих объединениях открывает доступ к обширным рынкам и упрощает торговые связи. Так, государства ШОС, многие из которых являются быстрорастущими экономиками, заинтересованы в инвестициях от более крупных и опытных стран БРИКС. Сотрудничество помогает встраиваться в протяженные экспортные цепочки глобальной добавленной стоимости и снижать валютные риски. Сотрудничество также позволяет координировать усилия в развитии энергетических рынков и крупных транспортно-логистических проектов, которые являются приоритетом для обоих форматов взаимодействия. Поскольку в настоящее время на первый план выходят проблемы национального технологического суверенитета, страны БРИКС и ШОС получают доступ к совместным программам и технологиям, ускоряя собственное развитие. Такие инициативы, как Центр промышленных компетенций БРИКС (BCIC), предлагают программы по развитию кадров в высокотехнологичных отраслях. При этом приоритетным направлением в БРИКС+, является развитие технологий искусственного интеллекта и инноваций, а ШОС делает ставку на достижение технологического суверенитета. Эффект от синергии развития обоих треков позволяет координировать подходы стран БРИКС+ и ШОС к данным вопросам и достигать максимальных результатов.

Нельзя также не иметь в виду, что сотрудничество между этими объединениями является очевидным реальным шагом к построению многополярного мира и усилению влияния развивающихся стран, поскольку ШОС является «стратегическим ядром евразийской стабильности», а БРИКС обсуждает глобальные вопросы мира и безопасности, что обеспечивает более надежную платформу для диалога.

Формально статус учредителя не дает каких-либо особых привилегий. Все решения принимаются консенсусом и коллегиально, однако очевидно, что фактический вес ведущих мировых экономик, являющихся членами данных сообществ, определяет стратегический вектор развития. В этом смысле Россия, Китай и Индия играют лидирующую роль при формировании повестки дня и инициатив, и от их совместных действий во многом будет зависеть успех формирования общих контуров инвестиционной и финансовой независимости БРИКС и ШОС.

На сегодняшний день в рамках каждой из рассматриваемых организаций действуют свои собственные финансовые институты – Новый банк развития БРИКС (далее – НБР) и Межбанковское объединение ШОС (далее – МБО). Тяньцзинской декларацией ШОС 2025 г. заявлено о создании Банка развития ШОС[1]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (далее – АБИИ), юридически не являясь институтом БРИКС или ШОС, на деле также играет существенную роль в реализации инвестиционных проектов на пространстве сообществ. Если НБР представляет собой международный банк в классическом понимании, то МБО ШОС – это скорее формат взаимодействия национальных банковских учреждений, институтов развития[2].

На первый взгляд может показаться, что множественность финансовых институтов является избыточной, однако в действительности благодаря ей достигается более высокая степень устойчивости всей финансовой архитектуры Глобального Востока и Глобального Юга, реализуется возможность использования перекрестного финансирования крупных инвестиционных проектов, в том числе в национальных валютах.

Данный механизм активно используется в вопросах инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества в рамках рассматриваемых сообществ. На двусторонней основе у России открыты прямые корреспондентские счета с Китаем, Индией, Ираном, Египтом, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Доля взаиморасчетов России с вышеперечисленными и другими партнерами из БРИКС и ШОС постоянно растет, а совокупный объем всех взаиморасчетов с Россией в рублях и национальных валютах дружественных государств на конец 2025 года составил 85,7%[3].

---

[1] На саммите в Тяньцзине учредили Банк развития ШОС. – https://www.rbc.ru/politics/01/09/2025/68b53c609a79472987f6b233.

[2] Межбанковское объединение ШОС. – https://rus.sectsco.org/20190716/565256.html.

[3] Доля расчетов с РФ в рублях и валютах дружественных стран составила 85,7%. – https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/8012 .

Благодаря синергии инвестиционных механизмов представляется возможным реализовать самые масштабные проекты. В частности, инициатива по созданию международного транспортного коридора «Север-Юг»[1], призванного соединить рынки ЕАЭС, Индии и Ирана, а также проекты в рамках инициативы «Пояс – путь»[2], направленные на формирование безопасной и надежной логистики, могут стать одним из ключевых направлений по сближению и объединению усилий БРИКС и ШОС на экономическом треке. Еще одним перспективным направлением в сфере инвестиционного сотрудничества БРИКС и ШОС может стать разработка соответствующего программного обеспечения и внедрение цифровых технологий в систему трансграничных платежей. В частности, при достижении соответствующего соглашения, уже имеющиеся разработки БРИКС в этой сфере (BRICS Bridge, BRICS Pay и др.)[3], а также отдельные национальные системы (СПФС, CIPS, SEPAM, SFMS и др.) могут стать незаменимыми платформами для реализации совместных проектов в вышеназванных сферах.

На сегодняшний день интенсивность расширения сотрудничества и совместного использования инвестиционных механизмов БРИКС-ШОС сдерживается рядом факторов, к числу которых следует отнести различия правового режима, валютные риски и опасения вторичных санкций.

Говоря о различиях правового характера, важно отметить, что международные инвестиционные отношения преимущественным образом регулируются актами национального законодательства, двусторонними инвестиционными договорами и, в самых общих подходах, универсальными международными договорами[4]. Иными словами, наблюдается определенная изолированность национальных правовых режимов, когда у всех свои, отличающиеся друг от друга правила ведения международной инвестиционной деятельности. На уровне бизнеса, с одной стороны, это может придавать гибкость, необходимую для быстрого принятия решений, а с другой стороны, создает условия для правовой неопределенности и отпугивает инвесторов. На макроуровне эта множественность правовых подходов однозначно затрудняет координацию действий.

Возможно, принятие соответствующего международного договора в рамках БРИКС+ и ШОС поспособствовало бы гармонизации общих подходов, а учреждение инвестиционного арбитража БРИКС-ШОС и инвестиционной платформы БРИКС-ШОС, которая бы обеспечивала страхование инвестиционных рисков и управляла совместными целевыми фондами, придало бы дополнительный импульс инвестиционному обмену в синхронизации действий в рассматриваемой сфере, повысило бы независимость и беспристрастность в принятии решений по инвестиционным спорам.

Валютные риски вызваны, прежде всего, волатильностью национальных валют и дисбалансом товарооборота государств. Безусловно, использование национальных валют обладает рядом преимуществ, а именно – способствует укреплению финансового суверенитета, снижает санкционные риски, однако оно неразрывно связано с ограниченной ликвидностью и сложностью расчетов, что нередко сдерживает бизнес от использования данного механизма. В то же время, что парадоксально, именно расширение использования данного механизма может уменьшить влияние дефицита ликвидности и устранить все вызовы и препятствия, которые стоят на пути сопряжения инвестиционных механизмов рассматриваемых международных объединений.

Таким образом, БРИКС и ШОС имеют схожие цели и интересы. Для государства-участника одновременная представленность в БРИКС+ и ШОС – это не просто дипломатический статус, а инструмент для решения широкого круга задач – от получения финансирования на выгодных условиях и выхода на новые рынки до укрепления своей безопасности и повышения международной значимости.

В то же время, несмотря на значительные успехи, инвестиционное сотрудничество внутри БРИКС и ШОС зачастую развивается параллельно, без должной координации. Важность интеграции их инвестиционных стратегий продиктована необходимостью создания устойчивой, суверенной финансовой архитектуры, способной противостоять внешнему санкционному давлению и волатильности традиционных рынков. Совместное использование имеющихся инстру-

[1] Международный транспортный коридор «Север-Юг». – https://tvbrics.com/shows/mezhdunarodnyy-transportnyy-koridor-sever-yug.

[2] Belt and Road Portal. – https://eng.yidaiyilu.gov.cn.

[3] BRICS Bridge. – https://bricsbridge.com.

[4] *Шумилов В.М.* Международное экономическое право. – М., 2021.

ментов позволит решить те проблемные вопросы, которые стоят на пути более тесной интеграции. Создание необходимой инфраструктуры и транспортных коридоров на сегодняшний день является общим приоритетом для инвестиций данных сообществ. Для достижения необходимого результата требуется совместная концентрация усилий в этом направлении. Использование независимых платежных систем и национальных валют позволит укрепить финансовый суверенитет сообществ и их членов. Это возможно за счет институционального сближения НБР, МБО ШОС и национальных банков и институтов развития. Объединение усилий данных институтов позволит не просто аккумулировать ресурсы для реализации масштабных трансграничных проектов, но и существенно сократить транзакционные издержки в результате перехода на взаиморасчеты в национальных валютах. Наконец, создание общего инвестиционного пространства БРИКС и ШОС становится необходимым условием для обеспечения экономической безопасности и ускорения интеграционных процессов, направленных на формирование справедливого многополярного мироустройства. При этом очевидно, что взаимная кооперация различных аспектов сотрудничества стран БРИКС и ШОС – это комплексный и многоуровневый процесс, который, с одной стороны, открывает для государств-участников стратегические и экономические выгоды, но, с другой, ведет к частичной утрате национальных суверенитетов стран-членов. Этот процесс, будучи направлен на создание альтернативной правовой инфраструктуры для бизнеса, которая была бы независима от западных институтов, представляется сложным и длительным периодом взаимной увязки интересов стран обеих форматов взаимодействия.

Черевык К.А.
к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и интеграционных процессов Факультета политологии МГУ
cherevyk_ka@mail.ru

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ЭФИОПИИ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

Ключевые слова: Специальная военная операция (СВО), Россия, Эфиопия, отношения, БРИКС+.
Key words: Special Military Operation (SVO), Russia, Ethiopia, relations, BRICS+.

После того как Россия в феврале 2022 г. была вынуждена начать Специальную военную операцию на Украине, началась не только полноценная война киевского режима с нашей страной, но и гибридная война против РФ, которую развернул коллективный Запад, всецело поддерживающий Украину. Одним из инструментов этой гибридной войны являются экономические санкции, которые регулярно вводятся не только против нашей страны, но и против дружественных нам стран. Кроме того, недружественные России страны делают все, чтобы любой ценой изолировать ее на мировой арене. Страны же мирового большинства за каждый шаг в сторону РФ подвергаются беспрецедентному внешнеполитическому давлению со стороны коллективного Запада. В условиях фактического разрыва Западом отношений с РФ во всех сферах, наша страна вынуждена значительно активизировать свою внешнеполитическую деятельность в других регионах мира, включая Африку.

После начала СВО украинский кризис из-за проукраинской позиции США и их приспешников сразу же приобрел глобальный характер, превратившись, по сути, в глобальный геополитический конфликт между коллективным Западом и странами мирового большинства. Значительно активизировались процессы формирования многополярной системы международных отношений, одним из центров которой сегодня являются страны БРИКС+. Таким образом, перед отечественной наукой на современном этапе стоит проблема оценки влияния фактора СВО

на внешнюю политику России в целом, ее особенности в различных регионах мира, специфику отношений нашей страны с другими акторами. Данная статья посвящена анализу всего комплекса отношений между Россией и Эфиопией – двумя членами БРИКС+ в условиях СВО.

Период СВО открыл новую страницу в отношениях России и Эфиопии – история взаимных дипломатических отношений пересекла столетний рубеж[1]. Дальнейшему сближению и укреплению двустороннего сотрудничества способствует участие Эфиопии в межгосударственном объединении БРИКС с 1 января 2024 г.[2].

Анализ двусторонних отношений в различных сферах традиционно начнем с *политического диалога*. После начала СВО в 2022 г. состоялось четыре встречи на высшем уровне, из них три между Президентом РФ В. Путиным и премьер-министром Эфиопии А. Ахмедом (одна из них по линии БРИКС)[3] и одна – между президентами двух государств[4].

В годы СВО активно продолжался *диалог двух стран по линии МИД*. Так, состоялось семь встреч глав МИД (две из них по линии БРИКС)[5].

Не сбавлял обороты после начала СВО и диалог России и Эфиопии *по линии старших должностных лиц*. Продолжали проводиться встречи спецпредставителя Президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя главы МИД М. Богданова с руководством МИД Эфиопии как в Москве, так и в Аддис-Абебе. Всего в рассматриваемый период состоялись четыре таких встречи. М. Богданов также периодически встречался с послом Эфиопии в РФ[6].

Отдельно отметим, что позиции двух стран по большей части нынешней международной повестки во многом близки или совпадают[7]. На вышеуказанных встречах продолжают регулярно обсуждаться кризисные ситуации на Африканском континенте, включая обстановку в Сахаро-Сахельском регионе, Судане и на Африканском Роге. Обе страны последовательно и принципиально выступают в поддержку политико-дипломатических методов урегулирования конфликтов в Африке при определяющей роли самих африканцев в соответствии с принципом «африканским проблемам – африканское решение»[8]. Важным фактором стабильности двусто-

[1] Россия-Африка: стратегическое сотрудничество: монография / М.Г. Троянский, О.Г. Карпович, Г.М. Сидорова, И.В. Шангараев. – М., 2023. – С. 261.

[2] Подведены итоги бизнес-форума «Россия – Эфиопия: время не ждет!» в Аддис-Абебе. – https://roscongress.ru/news/podvedeny-itogi-biznes-foruma-rossija-efiopija-vremja-ne-zhdet-v-addis-abebe/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

[3] Путин обсудил с премьером Эфиопии двусторонние отношения. – https://www.kommersant.ru/doc/8062429?ysclid=mnoj7fudbe48521657; Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et; Путин обсудил с премьером Эфиопии двусторонние отношения. – https://www.kommersant.ru/doc/8062429?ysclid=mnoj7fudbe48521657.

[4] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

[5] Российско-эфиопские отношения. – https://ethiopia.mid.ru/ru/countries/obshchaya_informatsiya/bilateral-relations-russia-ethiopia; Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1898881; О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Федеративной Демократической Республики Эфиопии Тайе Ацкеселассие. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1955610; О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Федеративной Демократической Республики Эфиопии Гедионом Тимотеосом. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1980298; Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et; Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе переговоров с Министром иностранных дел Федеративной Демократической Республики Эфиопии Гедионом Тимотеосом, Москва, 21 октября 2025 года. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/2054579.

[6] О встрече спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова с советником по внешней политике Премьер-министра ФДРЭ Тайе Ацкеселассие и заместителем Министра иностранных дел Эфиопии Мысгану Арегой. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1898208; О российско-эфиопских политических консультациях. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1929328; Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; О встречах спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова с руководством Министерства иностранных дел Эфиопии. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1961909.

[7] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

[8] О встречах спецпредставителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Афри-

роннего внешнеполитического диалога стал тот факт, что Эфиопия не поддержала введение западных антироссийских санкций[1].

В годы СВО продолжали активно развиваться *межпарламентские связи* двух стран. Так, состоялось четыре встречи спикеров верхних палат парламентов обоих государств и сопровождающего их депутатского корпуса, в т.ч. по линии БРИКС. В мае 2023 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между верхними палатами двух стран[2]. В июне 2023 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ создана Группа по сотрудничеству с Советом Федерации Эфиопии, а в нижней Палате народных представителей парламента Эфиопии – Группа российско-эфиопской дружбы.

В рассматриваемый период продолжалось *межпартийное взаимодействие двух стран*, а именно сотрудничество между правящей в РФ партией «Единая Россия» и правящей в Эфиопии «Партией процветания», начавшееся в 2021 г.[3].

Что касается сотрудничестве России и Эфиопии *в области обороны*, то в период СВО оно продолжает развиваться согласно Соглашениям 2018 г.[4] и 2021 г. В Эфиопии продолжает работать представительство Минобороны РФ[5].

Что касается *торгово-экономические связей*, то после начала СВО они продолжили развиваться согласно Соглашению об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и Торговому соглашению 1999 г.[6], а также Среднесрочной программе развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества 2002 г.[7] В этих документах были зафиксированы основные направления и проекты двустороннего взаимодействия, актуальные и сегодня, а именно: промышленность, электроэнергетика, геология и природные ресурсы, водное хозяйство и ирригация, освоение земель, сельское хозяйство, здравоохранение, транспорт и связь, образование, научные исследования, подготовка национальных кадров[8].

6-8 декабря 2022 г. в Аддис-Абебе, а 17 ноября 2025 г. в Москве состоялись соответственно 8 и 9 заседания *Межправительственной Российско-Эфиопской комиссии по вопросам экономического, научно-технического сотрудничества и торговли* – главного механизма торгово-экономического диалога[9]. В июне 2023 г. было открыто торговое представительство России в Аддис-Абебе[10].

ки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова с руководством Министерства иностранных дел Эфиопии. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1961909.

[1] *Агуреев, С.А.* Россия и Эфиопия: к 125-летию установления дипломатических отношений между двумя странами / С. А. Агуреев, Р. Н. Шангараев // Вестник ученых-международников. – 2022. – № 3 (21). – С. 337.

[2] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[3] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

[4] Россия-Африка: стратегическое сотрудничество: монография / М.Г. Троянский, О.Г. Карпович, Г.М. Сидорова, И.В. Шангараев. – М., 2023. – С. 161.

[5] Двусторонние договоры с Эфиопией. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/?page=2&kwFilter%5Bkeywords%5D=%D1%8D%D1%84%D0%B8%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%8F.

[6] Торговое соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Демократической Республики Эфиопии. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46957/?ysclid=mnu6s8nx9s437113968.

[7] Постановление правительства РФ от 28 ноября 2002 года № 842 «О подписании Среднесрочной программы развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Федеративной Демократической Республикой Эфиопией». – https://docs.cntd.ru/document/901834292?ysclid=mnu44j698j72386837.

[8] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; Постановление правительства РФ от 28 ноября 2002 года N 842 «О подписании Среднесрочной программы развития торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Российской Федерацией и Федеративной Демократической Республикой Эфиопией». – https://docs.cntd.ru/document/901834292?ysclid=mnu44j698j72386837.

[9] Итоги визита делегации ФТС России в Эфиопию. – https://customs.gov.ru/activity/mezhdunarodnoe-tamozhennoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-novosti/document/371669?ysclid=mnu4aemxpq11787697; Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; Россия и Эфиопия обсудили перспективы развития совместных проектов. – https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_efiopiya_obsudili_perspektivy_razvitiya_sovmestnyh_proektov.html?ysclid=mnu4lzd34w239281175.

[10] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

Далее проанализируем статистику *взаимной торговли двух стран. Общий объем товарооборота* после начала СВО в целом показал разноплановую динамику и в среднем составил 4,2 млрд эфиопских бырр. При этом доля России в общем объеме эфиопской торговли составляла менее 1%.

Импорт Эфиопии из России после начала СВО также показал разноплановую динамику и в среднем составил 5,6 млрд эфиопских бырр. При этом доля России в общем объеме эфиопского импорта в этот период составляла менее 1%. РФ находилась во второй десятке стран-экспортеров в Эфиопию.

Экспорт Эфиопии в РФ после начала СВО показал положительную динамику, а именно рост суммарно на 42% (с 727,5 млн бырр до 1,17 млрд бырр). При этом доля России в общем объеме эфиопского экспорта в этот период составляла менее 0,5%. РФ занимала 14 место среди стран-импортеров Эфиопии. Что касается *сальдо взаимной торговли*, то оно в годы СВО продолжало оставаться отрицательным для Эфиопии. Его среднегодовой показатель составил более 5 млрд бырр[1].

В *структуре российского экспорта* в Эфиопию основная доля поставок в рассматриваемый период пришлась на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (в основном пшеница и зерновые культуры), а также машины, оборудование и транспортные средства. В *структуре российского импорта* из Эфиопии основная доля пришлась на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (в основном кофе и овощи), текстиль и обувь[2].

В период СВО продолжало развиваться *научно-техническое сотрудничество* двух стран. Так, 27 июля 2023 г. в Санкт-Петербурге на саммите Россия-Африка состоялось подписание межправительственного соглашения о создании и функционировании Совместного Российско-Эфиопского центра биологических исследований. Это событие стало логичным результатом 35-летней работы российско-эфиопской биологической экспедиции, которая теперь становилась постоянно действующим научно-исследовательским учреждением[3].

Углубилось в рассматриваемый период российско-эфиопское сотрудничество *в области использования мирного атома*. В настоящее время идет реализация двухлетней дорожной карты на период до 2028 г. по строительству атомной электростанции и Центра ядерной науки и технологий, подписанной в 2025 г. Дополнительно предусматривается масштабная программа подготовки местных кадров[4].

В Эфиопии сегодня работают следующие *российские компании*: GPB Global Resources (разведка месторождений углеводородов), «Интер РАО-Экспорт» (модернизация ГЭС «Малка Вакана»), «Лада экспорт» (с 2023 г. занимается производством автомобилей Lada). Выйти на рынок африканской страны также планирует «Группа ГАЗ». Представительство российской Госкорпорации «Ростех» обеспечивает интересы Рособоронэкспорта[5]. Компания «Русал» в ноябре 2025 г. подписала документы о сотрудничестве с Эфиопским инвестиционным холдингом по строительству алюминиевого завода. Объединенная компания Wildberries и Russ (ООО «РВБ») развивает проект создания маркетплейса, который упростит доступ российских товаров на эфиопский рынок[6]. В Эфиопии также работает представительство Минсельхоза России.

На сегодня в целом рассматриваются планы организации совместных предприятий или агропромышленных кластеров с российским участием, ориентированных как на внутренний рынок, так и на экспорт. Россия в целом заинтересована в создании совместных производств ав-

---

[1] National Bank of Ethiopia. Annual Report 2021-2024. – https://nbe.gov.et/publications-statistics/statistics/annual-report.

[2] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; БРИКС, Россия и Эфиопия 2024: развитие событий и последствия. – https://russiaspivottoasia.com/russian/briks-rossiya-i-efiopiya-2024-razvitie-sobytij-i-posledstviya.

[3] Подписание межправительственного соглашения между Россией и Эфиопией о создании и функционировании Совместного Российско-Эфиопского центра биологических исследований. – https://ethiopia.mid.ru/ru/press-centre/news_ru/podpisanie_mezhpravitelstvennogo_soglasheniya_mezhdu_rossiey_i_efiopiey_o_sozdanii_i_funktsionirovan.

[4] Посол Терехин: российские специалисты поучаствуют в строительстве АЭС в Эфиопии. – https://www.kommersant.ru/doc/8420138.

[5] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[6] Интервью Посла России в Эфиопии Е.Е.Терехина в преддверии Дня дипломатического работника. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/2079076.

токомпонентов, двигателей, электроники и микроэлектроники, медицинского оборудования и инструментов, электротехнического оборудования[1].

С 12 по 14 ноября 2024 г. в Аддис-Абебе состоялся международный бизнес-форум «Россия – Эфиопия: время не ждет!», целью которого было развитие взаимовыгодного двустороннего бизнес-диалога и продвижение российских продуктов и технологий на африканском рынке[2].

В период СВО углубился российско-эфиопский диалог *в сфере воздушного сообщения*. Так, 28 июля 2023 г. в рамках II Экономического форума «Россия – Африка» было подписано новое межправительственное Соглашение о воздушном сообщении, целью которого является создание устойчивого регулярного воздушного сообщения между странами[3].

Вступление Эфиопии в БРИКС 1 января 2024 г. открыло ей доступ к альтернативным источникам финансирования инфраструктурных и аграрных проектов, снижая зависимость от традиционных западных институтов. Так, Россия и Эфиопия сегодня совместно работают над *созданием независимых финансовых механизмов взаимных расчетов*, двигаясь поэтапно: через расширение расчетов в национальных валютах и интеграцию платежных платформ. Общая цель двух стран – создание устойчивой к санкционным рискам финансовой архитектуры, что полностью отвечает интересам их суверенного развития[4].

Теперь проанализируем *гуманитарное сотрудничество* двух стран. В рассматриваемый период активно развивалось сотрудничество *в области образования*. В целом в российских вузах по гражданским специальностям сегодня обучаются несколько сотен граждан Эфиопии[5]. На 2025/2026 уч. г. Эфиопии было предоставлено 100 госстипендий для обучения в российских вузах за счет бюджета РФ[6].

Отдельным направлением диалога в годы СВО стала активизация со стороны России образовательной деятельности *по изучению русского языка и продвижению российского образования в Эфиопии в целом*. Так, помимо продолжения деятельности в данной сфере Российского центра науки и культуры в Аддис-Абебе[7], в 2025 г. в этой африканской стране был запущен международный гуманитарный проект «Российский учитель за рубежом» [8], а в 2023 г. созданы Центр открытого образования на русском языке и обучения русскому языку на базе Ульяновского государственного педагогического университета и специализированные классы российского Научно-исследовательского геологического института имени А.П. Карпинского[9]. Также 9 июня 2023 г. состоялось празднование Дня русского языка в Эфиопии[10]. В сентябре 2024 г. в Аддис-Абебе прошли Дни духовной культуры России[11]. Кроме того, в феврале 2023 г. состоялся визит представителей МГИМО в Аддис-Абебу. Делегация университета подписала соглашение с Аддис-Абебским университетом[12].

---

[1] *Бембеева, Б.* «Мы на пороге качественных изменений». Торгпред России – о новых возможностях сотрудничества с Эфиопией. – https://afrinz.ru/2025/11/my-na-poroge-kachestvennyh-izmenenij-torgpred-rossii-o-novyh-vozmozhnostyah-sotrudnichestva-s-efiopiej/?ysclid=mnp06t19yi226172025.

[2] Подведены итоги бизнес-форума «Россия – Эфиопия: время не ждет!» в Аддис-Абебе. – https://roscongress.ru/news/podvedeny-itogi-biznes-foruma-rossija-efiopija-vremja-ne-zhdet-v-addis-abebe/?ysclid=mnp14ggs46213173568&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

[3] Россия развивает воздушное сообщение со странами Африки. – https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10812?ysclid=mnp10rnlrc133263832.

[4] Интервью Посла России в Эфиопии Е.Е. Терехина в преддверии Дня дипломатического работника. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/2079076.

[5] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410; БРИКС, Россия и Эфиопия 2024: развитие событий и последствия. – https://russiaspivottoasia.com/russian/briks-rossiya-i-efiopiya-2024-razvitie-sobytij-i-posledstviya.

[6] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

[7] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[8] Интервью директора Департамента партнерства с Африкой МИД России Т.Е. Довгаленко интернет-изданию Института востоковедения РАН «Новое восточное обозрение». – https://www.mid.ru/ru/maps/et/2018588.

[9] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[10] О праздновании Дня русского языка в Эфиопии. – https://www.mid.ru/ru/maps/et/1886291.

[11] БРИКС, Россия и Эфиопия 2024: развитие событий и последствия. – https://russiaspivottoasia.com/russian/briks-rossiya-i-efiopiya-2024-razvitie-sobytij-i-posledstviya.

[12] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?

Отметим, что развитие культурных связей двух стран взаимно. С 1 сентября 2023 г. в московской средней школе № 1522 имени В.И. Чуркина старшеклассники приступили к изучению амхарского языка – государственного языка Эфиопии[1].

В период СВО продолжали поддерживаться также *контакты между Русской православной и Эфиопской церквами*[2]. В Москве и Аддис-Абебе прошли два заседания Комиссии по диалогу между двумя церквями, учрежденной в 2018 г.[3]. В ноябре 2024 г. российская делегация посетила с визитом Патриарха Эфиопского Матфия (Матиаса), в ходе которого ему были вручены церковные дары и награда[4].

Продолжало развиваться взаимное *сотрудничество в области медицины*. Так, в 2022 г. состоялось официальное продление работы госпиталя Российского Красного Креста (РКК) в Аддис-Абебе еще на 25 лет. Отметим, что госпиталь работает в Эфиопии уже более 80 лет.

Наконец, в годы СВО Россия, как и ранее, продолжала оказывать *гуманитарную помощь* Эфиопии по линии ООН. Так, в июне 2023 г. российским правительством было направлено 2,5 млн долл. США для Эфиопии[5]. А 9 января 2025 г. российская сторона передала 1630 т зерна этой африканской стране в виде продовольственной помощи[6].

Таким образом, анализ российско-эфиопских отношений в условиях СВО показывает, что сотрудничество двух стран не только не сократилось, а даже расширилось в ряде областей. Вступление Эфиопии в БРИКС заметно увеличило частоту межгосударственных контактов на всех уровнях. Однако при этом в двусторонних отношениях наблюдается ряд проблем, тормозящих их дальнейшее развитие. Основными из них являются следующие: небольшой уровень взаимного товарооборота; наличие трудностей для российских компаний, выходящих на эфиопский рынок (прежде всего, речь идет о подборе надежного партнера, расчетах и логистике[7]); наличие множественных бюрократических барьеров, несовершенство национального законодательства в целом для успешного взаимного сотрудничества.

Пути решения вышеуказанных проблем, конечно, существуют. Очевидно, что потенциал для развития взаимной торговли двух стран имеется. По словам посла РФ в Эфиопии Терехина Е., этому должно способствовать следующее: более интенсивный диалог между представителями деловых кругов, а именно активизация информационного обмена между предпринимателями по вопросам законодательства, условий ведения бизнеса в наших странах, а также повестки деловых мероприятий; повышение роли региональной торговли; увеличение числа регулярных рейсов прямого пассажирского и грузового авиасообщения между двумя странами[8]; активизация сотрудничества надзорных ведомств обеих стран, чтобы обеспечить возможность поставок животноводческой и растениеводческой продукции; упрощение процедур признания и регистрации российских лекарственных средств и медицинских изделий в Эфиопии; развитие цифровой инфраструктуры и ускорение внедрения инновационных решений в транспортной и логистической сфере.

По линии культурно-гуманитарного сотрудничества необходимо далее углублять диалог в сфере образования и подготовки новых кадров, изучения русского языка и обмена педагогиче-

---

ysclid=mnu482cnsk858744410.

[1] В нескольких школах Москвы стартовало изучение африканских языков. – https://ria.ru/20230901/shkola-1893532280.html?ysclid=mowis7mb8p844472237.

[2] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[3] Комиссия по диалогу между Русской Православной Церковью и Эфиопской Церковью. – https://patriarchia.ru/org/580.

[4] Подведены итоги бизнес-форума «Россия – Эфиопия: время не ждет!» в Аддис-Абебе. – https://roscongress.ru/news/podvedeny-itogi-biznes-foruma-rossija-efiopija-vremja-ne-zhdet-v-addis-abebe/?ysclid=mnp14ggs46213173568&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

[5] Межгосударственные отношения России и Эфиопии. – https://ria.ru/20241023/efiopiya-1979138373.html?ysclid=mnu482cnsk858744410.

[6] Российско-эфиопские отношения. – https://www.mid.ru/ru/maps/et.

[7] *Бембеева Б.* «Мы на пороге качественных изменений». Торгпред России — о новых возможностях сотрудничества с Эфиопией. – https://afrinz.ru/2025/11/my-na-poroge-kachestvennyh-izmenenij-torgpred-rossii-o-novyh-vozmozhnostyah-sotrudnichestva-s-efiopiej/?ysclid=mnp06t19yi226172025.

[8] Международная жизнь. Товарооборот между Россией и Эфиопией вырос на 50% за годовой период – посол Эфиопии в РФ. – https://news.tpprf.ru/ru/media/5091570/?ysclid=mnp0tvv071891645171.

ским опытом. Отдельного внимания требует развитие международно-правовой базы в сфере общего, профессионального, дополнительного образования, отдыха и оздоровления детей[1].

Чернов В.А.
д.э.н., профессор Кафедры бухгалтерского учета и аудита, профессор Кафедры финансов и кредита,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет,
г. Нижний Новгород, Россия.
chernovva@rambler.ru

МОНЕТАРИСТСКАЯ ПОЛИТИКА И РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ В МЕХАНИЗМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

Ключевые слова: страны БРИКС, банковский эмиссионный капитал, монетаризм, денежно-кредитная политика, бюджетно-фискальная политика, национальные интересы, суверенитет, доллароцентричная гегемония, дедолларизация, финансовые рынки, финансовая грамотность, реальный сектор экономики.

Key words: BRICS countries, bank equity, monetarism, monetary policy, fiscal policy, national interests, sovereignty, dollar-centric hegemony, de-dollarization, financial markets, financial stability, real economy.

Геополитика последнего времени показывает, что США пытаются сохранить свою гегемонию подавлением экономики других стран с помощью рестрикций или добиваются политического господства в них свержением неугодной власти и политических режимов с помощью цветных революций и вооруженных конфликтов. Их геополитика приводит к экономическим кризисам во множестве стран, к антиконституционным переворотам, свержению политических режимов, терроризму, фашизму, военной агрессии, вооруженным конфликтам, военной диктатуре.

В одиночку странам трудно отстаивать свой суверенитет и сохранять экономическую и политическую устойчивость, так как под влиянием внешних рестрикций страна попадает в политическую, экономическую, технологическую изоляцию и утрачивает многие функции, необходимые для существования и развития государства. Доллароцентричная МВФС доминирует над мировыми финансами, ограничивая возможности международных расчетов неугодных стран. Мы видим, как в одиночку страны терпят бедствия в условиях усиления международной агрессии, в т.ч. Иран, Венесуэла, Ливия, Газа в Палестине и др.

Для укрепления национальных суверенитетов, добрососедских отношений, освобождения от давления и агрессии мирового монополярного гегемона необходимо более организованное объединение усилий стран, создание ими своих платежных систем и логистических каналов, независимых от доллароцентричной МВФС. С нашей точки зрения сотрудничество стран БРИКС пока не достигло такого единства, достаточно организованного, эффективного взаимодействия, чтобы совместно успешно противостоять возникающим угрозам. Не достигла своих целей и дедолларизация в расчетах БРИКС, так как доллар остается мировой валютой и всеобщей мерой стоимости. Его сохранению способствуют не успехи экономики США, которых нет, когда экономика гегемона находится в кризисном состоянии. Его искусственно без объективных на то предпосылок удерживают в определённом коридоре методами таргетирования страны, которые инерционно продолжают использовать доллар США в расчетах и международных оценках. Поэтому падение курса доллара оборачивается для них спекулятивными потерями. Россия тоже

[1] Россия и Эфиопия обсудили перспективы развития совместных проектов. – https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_efiopiya_obsudili_perspektivy_razvitiya_sovmestnyh_proektov.html?ysclid=mnu4lzd34w239281175.

входит в число таких стран, сохраняя зависимость от моноцентричной валюты поддержанием курса доллара в определенном коридоре относительно национальной валюты.

Сохранение за неустойчивыми валютами их роли резервных для совершения международных сделок является одним из факторов ослабления финансовой политики государства и повышения риска системного кризиса в будущем. Доллар США и евро все еще остаются валютами якоря при определении покупательной способности рубля, валютами ценообразования по многим импортируемым номенклатурным позициям и валютами определения мировых цен на экспортные позиции, а также на услуги трансакционного сектора.

Это активирует попытки российского бизнеса оставить валютные запасы за рубежом с целью последующего их использования для совершения платежей и создает тенденцию к ослаблению рубля, несмотря на высокую процентную ставку [1, с. 27].

Первостепенным фактором для укрепления курса национальной валюты является рост реального сектора экономики. Установление процентных ставок как мера удержания курса рубля по отношению к валютам ценообразования экспортных товаров России может отрицательно сказаться на финансовой системе. Возможные последствия резкого ослабления рубля, по мнению Д.А. Динец, должны быть нейтрализованы в периметре национальной экономики за счет наращивания ее мощи [1, с. 27]. Данное утверждение не вызывает сомнений, но при этом названный автор не учитывает, что реальное воздействие сдерживающих процентных ставок при высоком уровне работоспособности трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики на инфляцию и инфляционные ожидания не приводит к снижению инфляции, но ослабляет мощь экономики, что будет доказано нами далее.

Освободиться любой стране от гнета кризисогенной доллароцентричной МВФС в одиночку не возможно. В этих условиях вопрос укрепления суверенитета, сотрудничества, экономической и политической безопасности для стран БРИКС становится все более актуальным, а объединение их усилий все более необходимым.

На XXXV Съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) 26 марта 2026 года Президент РФ В.В. Путин отметил необходимость расширения сотрудничества с иностранными партнерами, иностранными государствами из быстрорастущих регионов мира, АТР и юга Евразии. Планируется развитие такой кооперации, прежде всего по линии БРИКС. Для этого создан Национальный комитет по вопросам делового сотрудничества в рамках БРИКС. Президент призвал представителей российского бизнеса, членов РСПП активно подключаться к работе комитета, вместе готовить предложения по развитию экономических связей внутри БРИКС, по запуску новых, современных проектов с партнерами – в науке, инновациях, промышленности, сельском хозяйстве [2].

Ключевую роль в международных отношениях имеет финансовый аспект. На протяжении не одного десятилетия в мировой экономике противопоставляется монетаристская и кейнсианская модель развития. Однако в динамично меняющихся современных условиях любая из них не может быть задействована в чистом виде. Нужна интеграция не по догматической приверженности той или иной школе, а выбор тех инструментов и формирование тех механизмов не только из кейнсианских или монетаристских моделей, но и других экономических учений, которые способствуют решению актуальных задач текущего времени в их стратегической перспективе с учетом места, времени и обстоятельств.

Современная монетаристская политика оказалась сведенной к денежно-кредитной политике транснационального банковского эмиссионного капитала в интересах банковского сектора и мегарегуляторов финансовых рынков с доминированием доллароцентричной Федеральной резервной системы (ФРС) США с участием мегафондов [3, с. 83-89].

В следовании монетаристским догмам заявленные Центробанком цели и задачи заключаются в регулировании инфляции. ЦБ не интересует проблема роста реального сектора экономики, так как законодательно Банк не несет ответственности за его влияние на экономику. Мегарегуляторы финансовых рынков, их организаторы и посредники преследуют цель роста числа участников торгов на финансовых рынках и максимального увеличения количества трансакций на биржах, так как с каждой трансакции взимается комиссия, что является основным источником доходов мегарегуляторов. Для этого они повсеместно организуют обучение финансовой грамотности, с целью увеличения числа трейдеров и их активности на рынке финансовых активов и деривативов.

Таким образом, монетаристская политика ЦБ и политика мегарегуляторов финансовых рынков не направлены на повышение темпов роста экономики. Они преследует свои узкокорпоративные интересы, которые входят в противоречие с потребностями реального сектора экономики и становятся препятствием экономическому росту.

Их политика направлена на доминирование банковско-эмиссионного капитала и финансовых спекуляций над реальным сектором экономики [4, с. 16-29]. Тут налицо противоречия между промышленным и банковским, биржевым капиталами. Однако решить задачи укрепления экономики, повышения промышленного, технологического, финансового суверенитета, повышения благосостояния населения невозможно без роста реального сектора экономики, поскольку в реальном секторе экономики, а не в банковской сфере и не на биржах создаются общественные блага, современные конструкции, технологии выпуска продукции, без которых невозможно социально-экономическое развитие страны. И если политика выстроена так, что реальный сектор экономики служит интересам денежно-кредитной политики (ДКП), то это становится препятствием социально-экономическому развитию, что демонстрирует нам текущее падение темпов экономического роста в результате «мягкой посадки» и «охлаждения» экономики с помощью трансмиссионного механизма контрцикличной ДКП.

Таким образом, реальный сектор экономики является базисом её развития, а ДКП и биржевые спекуляции надстройкой. Необходимо, чтобы надстройка способствовала укреплению базиса, а не разрушала его. Для этого нужна финансовая политика государства, в которой банковская и биржевая система поставлены на службу реальному сектору экономики, а не наоборот.

В Основных направлениях единой ДКП ЦБ открыто заявлено о намерениях «охлаждения» и «мягкой посадки» экономики под видом борьбы с инфляцией. Заместитель председателя Банка России А.Б. Заботкин в своем выступлении в Госдуме утверждает, что высокая ключевая ставка значительно снизила инфляцию в России за последние 12 месяцев. По его словам, благодаря этому показатель снизился с 10% до менее 6% в годовом выражении [5].

С подобным утверждением выступила и глава ЦБ Э.С. Набиуллина на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы: «Именно жесткая денежно-кредитная политика стала причиной разворота инфляции вниз, несмотря на новые санкции, на дополнительные бюджетные расходы, другие факторы, которые мы не могли предвидеть тогда, в начале прошлого года» [6].

В письме Центрального Банка Российской Федерации от 03.03.2026 № 2–ОГ/2524 также сказано: «Ужесточение денежно-кредитной политики уже привело к существенному замедлению инфляции».

Однако проведенное нами научное исследование указывает на несостоятельность данного многократно повторяющегося утверждения.

Корреляционный анализ зависимости изменения уровня инфляции от изменения ключевой ставки ЦБ за период с сентября 2013 г. по ноябрь 2025 г. показал следующие результаты (табл. 1). Значение коэффициента корреляции по результатам расчета оказалось положительным. Это означает, что связь между ключевой ставкой и изменением уровня инфляции прямая. Следовательно, повышение ключевой ставки приводит не к снижению, а к увеличению инфляции. Связь между измеряемыми показателями слабая. Наибольшее значение 0,473 коэффициент корреляции получил при исключении из расчетов временного лага между фактором и результатом.

Таблица 1

Характер и степень зависимости уровня инфляции от изменения ключевой ставки ЦБ за период с 09.2013 по 11.2025

Показатели	Временной лаг (месяцев)				
	0	3	6	9	12
Коэффициент корреляции	0,473	0,472	0,355	0,213	-0,067
Коэффициент детерминации	0,224	0,223	0,126	0,046	0,005

Коэффициент детерминации имеет наибольшее значение 0,224 в исследуемой шкале возможных изменений лага. А это значит, что лишь 22% изменений результативного показателя объясняется изменением ключевой ставки. Остальные 78% соотношений между исследуемыми

показателями объясняются влиянием прочих, факторов, кроме ключевой ставки. Следовательно, влияние ключевой ставки ЦБ на изменение инфляции крайне незначительно и им следует пренебречь, что полностью опровергает утверждения ЦБ.

С увеличением величины временного лага в расчетах коэффициент корреляции становится ещё меньше, коэффициент детерминации стремится к нулю, что указывает на отсутствие влияния ключевой ставки на уровень инфляции при условии задержки времени между изменениями ключевой ставки и уровня инфляции.

Повышение ключевой ставки может лишь сгладить резкий скачек инфляции одномоментно в столь короткий период, за который повышение ставки не приведет к ощутимому сокращению кредитов для производства. В более длительный период, который мы наблюдаем в настоящее время, жесткая денежно-кредитная политика (ДКП) Центрального банка (ЦБ) с высокой ключевой ставкой является препятствием для роста объемов производства под видом сокращения инфляции, которое практически происходит под воздействием других процессов, альтернативных росту ключевой ставки.

Высокие проценты по вкладам, обусловленные ростом ключевой ставки без соответствующего прироста промышленного производства, формируют потенциал дальнейшего скачка инфляции, когда возросшие вклады граждане направят на покупку товаров. Это может произойти при существенном снижении процентных ставок по вкладам, связанных со снижением ключевой ставки. Поэтому увеличением процентов по вкладам Банк не решает проблему роста инфляции, а переносит её на более поздний период с многократным предстоящем увеличением, обусловленным ростом вкладов и отставанием производства. Причем причины такого скачка инфляции могут истолковываться неверно, выдавая за них снижение ключевой ставки ЦБ. В действительности это предопределено отставанием производства от роста процентов по вкладам, что является первостепенной сущностной причиной, лежащей в основе разбалансирования предложения и спроса, вызываемого заградительной для производства ключевой ставкой ЦБ.

На XXXV Съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Президент РСПП А.Н. Шохин отметил давние проблемы – дефицит кадров, высокая инфляция и фискальная нагрузка. Прогнозы компаний на 2026 год не предполагают успеха. Две трети компаний столкнулись в 2025 году со ставками по кредитам выше 18%. Проблема неплатежей, ставшая одной из ключевых для бизнеса, не находит решения более года, а снижение ключевой ставки остается традиционным запросом бизнеса в последние два года.

Бизнес опасался переохлаждения экономики. Падение инвестиций и ухудшение других макропоказателей указывают на то, что эти опасения сбылись. Допущенное снижение ключевой ставки недостаточно для бизнеса. Для большинства компаний заемные средства по-прежнему недоступны, – сказал Шохин. Глава РСПП подчеркнул, что при формировании ДКП нельзя ориентироваться только на инфляцию, а нужно учитывать и задачу восстановления экономического роста.

Заместитель председателя Правительства РФ А.В. Новак отметил, что высокая ключевая ставка серьезно ограничила доступ к инвестиционным кредитам и финансовым ресурсам. Уровень инвестиций за 2025 год в реальном выражении снизился на 2,3% [2].

Сохранению экономики способствовала система господдержки, которая в течение ряда лет компенсировала системные проблемы в экономике, прежде всего недоступность финансирования для реализации инвестпроектов, – пояснил А.Н. Шохин [2].

Однако господдержка охватывает незначительную часть экономики страны и избирательно направляет денежные потоки. От этого усиливается проблема концентрации финансовых ресурсов, их централизации и монополизации в отдельных секторах. [1, с. 29]. Это приводит к проблеме неравенства и подавления конкуренции, что препятствует развитию конкурентоспособной российской экономики [1, с. 29]. Обеспечение российского финансового суверенитета возможно исключительно за счет роста уровня конкуренции внутри страны [1, с. 30]. Данное утверждение не вызывает сомнений. Однако автор не учитывает, что реальное действие сдерживающих процентных ставок в рамках трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики приводит к уменьшению числа предприятий из-за недоступности заемных источников их финансирования, что и усиливает концентрацию финансовых ресурсов, их централизацию и монополизацию в отдельных секторах, подавляет конкуренцию, к росту уровня которой призывает Д.А. Динец.

Недоступность заемных средств и невозможность финансовой реализуемости проектов приводят к необходимости усиления механизмов финансовой и правовой поддержки инвестиционных проектов с целью сохранения бизнеса. В этой связи заместитель председателя Совета Федерации Н.А. Журавлев предлагает принятие законопроекта о реформе института банкротства с акцентом на реабилитационные процедуры. По его словам такой досудебный механизм будет помогать восстанавливать бизнес, а не ликвидировать его [2].

Министр финансов РФ А.Г. Силуанов отметил, что сбалансированный федеральный бюджет России даст пространство для смягчения денежно-кредитной политики. В задачи Минфина входит создание пространства для смягчения денежно-кредитной политики через баланс бюджета [2].

К этим способам защиты экономики вынуждает обращаться заградительная ДКП ЦБ в её противостоянии бюджетно-фискальной политике, которые рассматриваются в статье [7, с. 38-45]. Причем в этой статье автор не учитывает фактор роста реального сектора экономики, как основы (базиса) её развития, а ограничивается лишь надстройкой – вопросами регулирования инфляции, наращивания государственного долга и устойчивых дефицитов бюджетов без их взаимоувязки с ростом реального сектора экономики как цели взаимодействия бюджетной и монетарной политики, что в корне неверно.

Из выступлений участников XXXV Съезда Российского союза промышленников и предпринимателей мы видим, что ДКП ЦБ направлена на охлаждение и мягкую посадку экономики, а Правительство изыскивает всевозможные способы для её подъема. И противоречия между ними обостряются.

Чтобы достичь целей, поставленных Президентом РФ – рост экономики выше среднемирового уровня, органы государственной власти вынуждены преодолевать препятствия, создаваемые заградительной ДКП. Таким образом, меры, предпринимаемые правительством в бюджетной, фискальной политике прямо противоположны целям и тенденциям заградительной ДКП ЦБ. Они нивелируют деструктивное влияние жесткой ДКП, делая кредиты и инвестирование более доступными для приоритетных направлений развития. Подобными мерами деструктивные действия ДКП нейтрализуются, что и обеспечивает поддержку промышленности и является ключевым фактором снижения инфляции, генерируемой Центробанком, ограничивающем рост производства, предложения товаров на рынке и как следствие – способствующем росту инфляции.

Мы видим, как бюджетная и фискальная политика нейтрализует усилия ЦБ в её задачах «охлаждения» и «мягкой посадки экономики» в секторах, получающих господдержку. В таком противостоянии ДКП ЦБ с бюджетной и фискальной политикой для нейтрализации деструктивной ДКП и компенсирования потерь в реальном секторе экономики, вызванных заградительной ключевой ставкой, государство вынуждено тратить огромные средства в условиях возрастающего дефицита бюджета, а также и расходовать фонд национального благосостояния (ФНБ).

В процессе активизации заградительной ДКП глава Минфина РФ А. Г. Силуанов сообщил, что около 4 трлн рублей из ФНБ было направлено на инвестирование в инфраструктурные и технологические проекты, а также проводилась выдача регионам инфраструктурных бюджетных кредитов на поддержку экономики [8].

Указанные меры позволили России избежать инвестиционной стагнации в период максимально жесткой денежно-кредитной политики, отметил Первый вице-премьер Д.В. Мантуров на съезде РСПП. Он также сказал, что для устойчивой операционной деятельности предприятий необходима поддержка спроса на отечественную продукцию [2].

Итак, результаты исследования показывают, что не высокой ключевой ставкой, а государственным финансированием стратегического роста экономики было достигнуто снижение инфляции. При отсутствии такого финансирования рост инфляции был бы значительно выше и динамичнее. Такова результирующая противостояния ДКП ЦБ и государственной финансовой политики.

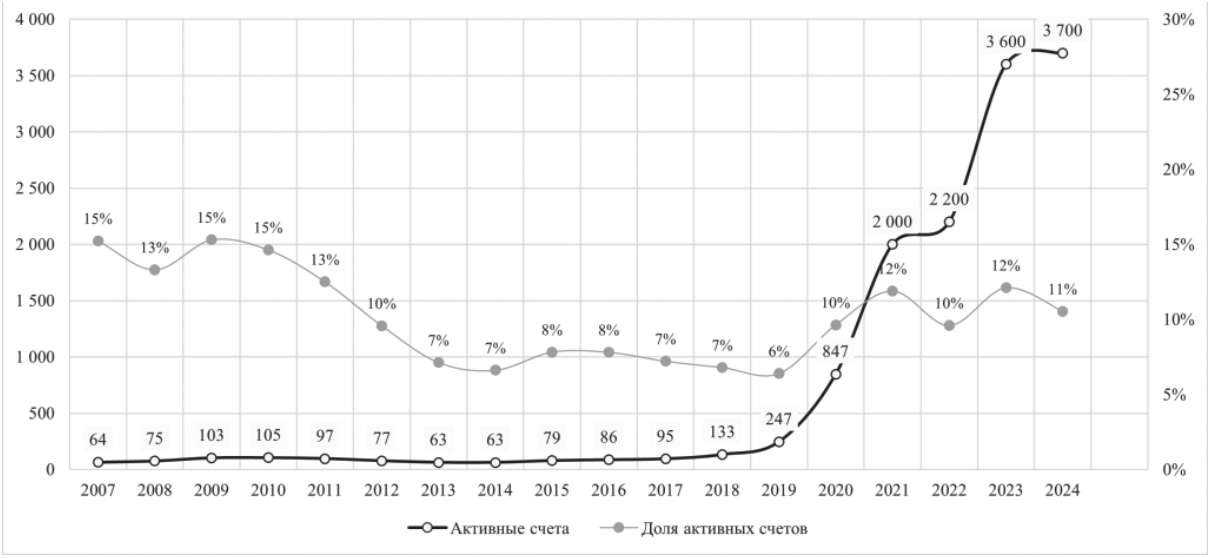
Из полученных результатов следует, что лучше изначально не проводить заградительную ДКП, останавливающую рост производства, чем потом с ней бороться, жертвуя весьма ограниченными до критических значений ресурсами государства и граждан. В столь значимых государственных расходах нет потребности, если их заменить максимально низкой ставкой кредитования за счет понижения ключевой ставки ЦБ как альтернативы бюджетным расходам и увеличению налоговой нагрузки. В этом случае будет эффективно задействован принцип

самоокупаемости и самофинансирования взамен государственному финансированию. А это возможно лишь при условии внесения изменений в Конституцию, приводящих ЦБ в подчинение государственным органам и возлагающих на ЦБ ответственность за действия, наносящие ущерб экономике. Предлагаемые изменения являются необходимым условием достижения финансового суверенитета страны.

Банком России установлена количественная цель по инфляции вблизи 4% за год, которая действует на постоянной основе [9, с. 4]. Сохранение инфляции на уровне 4% служит интересам организаторов и посредников финансовых рынков, в т.ч. брокерских компаний, форекс-клубов, депозитариев, так как вынуждает граждан искать способы защиты своих сбережений от инфляции на финансовом рынке, что умножает доходы мегарегуляторов финансовых торгов.

Но такая забота о преумножении участников финансовых рынков и жесткая ДКП ведут к истощению экономики, так как трудовые и финансовые ресурсы в условиях их дефицита перенаправляют не в производство общественных благ, а на финансовые спекуляции ЦБ и регуляторов финансовых рынков.

Общая статистика Мосбиржи по активным счетам, по которым было совершено не менее одной сделки за месяц в течение года, показывает стремительный рост их количества, начиная с 2019 г. (рис. 1). Такая тенденция не способствует деловой активности производителей в ключевых отраслях экономики, которые испытывают дефицит трудовых ресурсов.

Источник: https://smart-lab.ru/blog/1158687.php

Рис. 1. Динамика количества активных счетов на Московской бирже

Растущее число рыночных спекулянтов, как правило, не приводит их к финансовому успеху. Участие в торгах на финансовых рынках оборачивается потерями для основной массы игроков. По статистике, около 70-90% розничных трейдеров теряют деньги на валютном рынке Forex [10].

Поверхностный подход к торговле на финансовых рынках не может привести к финансово обоснованным решениям. Для этого нужно стать профессионалом в техническом анализе и изучении финансового рынка. По сути, требуется смена квалификации. Для этого существует система обучения финансовой грамотности, в которой заинтересованы мегарегуляторы финансовых рынков с целью расширения участников торгов и повышения их активности. Активное участие в торгах на финансовых рынках требует всецелого включения в трейдера в процесс, который поглощает его трудовой потенциал в ущерб профессиональной деятельности в другой сфере. Так что интеллект от производства уходит в торги с финансовыми активами в условиях дефицита кадров. Происходит утечка интеллектуального ресурса («мозгов») от производителей в финансовые торги. Такая тенденция возникает, когда политика финансовых рынков доминирует над реальным сектором экономики, подчиняя его спекулятивной деятельности. А не лучше ли работнику заниматься своей профессией в соответствии с базовым образованием на своем рабочем месте, создавая общественно полезную продукцию, технологии, конструкции, а не пе-

реквалифицироваться в финансового спекулянта, что оборачивается для основной массы участников торгов потерями. В результате вся армия самонадеянных спекулянтов несет потери как в своей профессии, обесценивая человеческий капитал, так и в финансовых торгах, но при этом является возрастающей «кормовой базой» мегарегуляторов финансовых рынков.

На своем рабочем месте работник увеличивает объемы производства и личные доходы, создает новые конструкции, технологи, повышая производственный и технологический суверенитет страны. От этого растут доходы предприятий и их капитализация, что приводит к росту стоимости их акций, снижению волатильности их котировок, росту биржевых индексов и укреплению финансового рынка. Увеличение производства приводит к росту предложения товаров на рынке, а значит – к удовлетворению спроса и снижению инфляции. И личные доходы граждан будут сохранены от инфляции. В этом заключается фундаментальный, научный подход к достижению экономического роста и финансовой стабильности. Такой подход разрешает противоречия между денежно-кредитной, биржевой, промышленной, бюджетной фискальной политикой в достижении единства их структуры целей, направленного на рост и укрепление экономики государства.

Сотрудничество государств БРИКС, объединение их усилий способно укреплять суверенитет участников и противостоять попыткам транснационального банковско-эмиссионного и биржевого капитала навязывать мировому сообществу преобладание спекулятивных (волюнтаристских) методов управления экономикой над фундаментальными, научными методами. Для этого нужно освобождение от догматического следования монетаристской доктрине в мировой валютно-финансовой системе. Странам участникам БРИКС необходимо создавать единое независимое пространство, защищенное от рестрикций монополярного гегемона и кризисогенной доллароцентричной МВФС в политическом, финансовом, информационном (ИТ), промышленном, технологическом взаимодействии. Это межгосударственное пространство должно быть закрыто для, рестрикций, неправомерных геополитических воздействий, ущемляющих права участников, и открыто для всех стран, которые принимают условия добрососедского сотрудничества на равноправной, взаимовыгодной основе в соответствии с международным правом.

Список литературы

1. *Динец, Д.А.* Российская финансовая политика: возможные пути развития // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2025. – № 1. – С. 26-31. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_82430261_21682259.pdf
2. На Съезде РСПП с участием Президента РФ Владимира Путина обсудили перспективы возвращения экономики к устойчивому росту // Российский союз промышленников и предпринимателей. 27.03.2026. – https://rspp.ru/events/news/na-sezde-rspp-s-uchastiem-prezidenta-rf-vladimira-putina-obsudili-perspektivy-vozvrashcheniya-ekonomiki-k-ustoychivomu-rostu-69c6a06a2db37/
3. *Чернов, В.А.* Укрепление финансового суверенитета как условие экономической безопасности // На страже экономики. – 2025. – № 2 (33). – С. 83-89. – EDN HYPQOW.
4. *Чернов, В.А.* Фундаментальный и спекулятивный подходы к финансированию устойчивого роста экономики // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2025. – № 4. – С. 16-29. – DOI 10.17586/2310-1172-2025-18-4-16-29. – EDN ADJMCK.
5. В ЦБ ответили всем, кто не верил в эффективность высокой ключевой ставки // News.ru. 23.03.2026. – https://news.ru/economics/v-cb-otvetili-vsem-kto-ne-veril-v-effektivnost-vysokoj-klyuchevoj-stavki
6. Выступление Эльвиры Набиуллиной на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2025 год // Банк России. 24.03.2026. – https://cbr.ru/press/event/?id=28421
7. *Тарасов, В.А.* Моделирование взаимодействия бюджетной и монетарной политики в текущих условиях // Вестник Университета Правительства Москвы. – 2025. – № 1. – С. 38-45. – https://www.elibrary.ru/download/elibrary_82430263_65197732.pdf
8. Путин заявил, что рост ВВП РФ к концу года ожидается в 3,5% // ТАСС. 14.12.2023. – https://tass.ru/ekonomika/19533927
9. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // Банк России. – 2025. – https://cbr.ru/Content/Document/File/180751/on_2026(2027-2028).pdf
10. *Бон В.* Можно ли заработать на форекс? Статистика и факты. – https://vc.ru/id2323743/832587-mozhno-li-zarabotat-na-foreks-statistika-i-fakty

Шевченко И.Г.
д.э.н. профессор Кафедры экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Меланин В.А.
к.э.н., доцент, зав. Кафедрой экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

БРИКС И СОЮЗНИКИ РОССИИ

Ключевые слова: БРИКС, многополярный мир, конфликт, Глобальный Юг, государственный суверенитет, стратегический коридор.
Key words: BRICS, multipolar world, conflict, global South, state sovereignty, strategic corridor.

Одним из наиболее динамично развивающихся международных объединений является БРИКС. Основанная в рамках Петербургского международного форума организация первоначально включала четыре страны: Бразилию, Россию, Индию и Китай. С 2011 года ЮАР активно участвует в деятельности организации. В 2024 году официально присоединились Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия. В 2025 году полноправным членом БРИКС стала Индонезия. Появился институт стран-партеров, в число которых входит Беларусь, Боливия, Вьетнам, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда, Узбекистан. В качестве страны-наблюдателя участвует в деятельности организации Саудовская Аравия, по завершении внутренних процедур, страна должна стать членом БРИКС.

Доля БРИКС в мировом ВВП (по паритету покупательной способности) достигла 40% и продолжает расти, превысив аналогичный показатель семи наиболее развитых стран Запада.

Авторитет БРИКС, колоссальный ресурсный, производственный и демографический потенциал породили иллюзорные представления о возможности быстрой победы в поединке за становление многополярного мира, дали второе дыхание дискредитировавшей себя в Грузии и на Украине парадигме «можно ничего не делать, противник сам развалится, нужно только подождать».

Когда мы говорим о многополярном мире и перспективах БРИКС, прежде всего следует понимать всю многослойность формирующих картину мира процессов.

Главный, глубинный конфликт находится в метафизическом измерении. Библия учит: «Бог есть любовь», осознание того, что все люди – частички единого планетарного организма. Ближе всего к пониманию этого подошла Россия благодаря экстремальным природным и геополитическим обстоятельствам, сложившемуся на их основе мобилизационному типу хозяйствования и влиянию христианской ортодоксии, заложившей ценностной каркас русской цивилизации.

Диаметрально противоположная система сформирована на Западе, последовательно дискредитирующая христианские ценности и вознесшая на пьедестал атомизированного человека.

Конфликт между Россией и Западной цивилизацией развивался на протяжении тысячелетия. Конфликт между соборностью и индивидуализмом, аскезой и сверхпотреблением, духовным и материальным. Признавая достижения друг друга, Россия и Запад одновременно отрицали существование цивилизации-антагониста.

Россия надеялась со временем стать лидером Западной цивилизации (в отдельные исторические периоды так оно и было), Запад считал Россию дикой, варварской страной, своей периферией. Такого рода оценки, как правило, были далеки от реального положения дел, но с завидной регулярностью порождали конфликты, время от времени перераставшие в масштабные военные столкновения.

Несмотря на научные представления о цивилизационной нетождественности России и Запада, представленные в работах Данилевского, Гумилева, Тойнби и Хантингтона, среди западных и российских элит десятилетиями бытовала идея объединения Европы в рамках единой цивилизационной общности. Такого рода взгляды нашли отражение в концепции «Европа от Лиссабона до Владивостока». Действительность опровергла подобные иллюзии.

Многовековое противостояние русской православной цивилизации и Запада привело к образованию обширного и могущественного российского государства и одновременно консолидиро-

вало страны Запада в устойчивое геополитическое образование, оформленное в военный, экономический и политический союз.

Второй слой современного геополитического рисунка был создан процессами формирования единого мирового хозяйства и активным развитием глобальных цепочек создания стоимости. Включение развивающихся стран в этот процесс сопровождалось переносом производственных мощностей и технологий в регионы с дешевой рабочей силой. В результате производственный, технологический, а порой и научный потенциал некогда отсталых стран, стал сопоставим со странами Запада.

Индустриализация Глобального Юга ускорила накопление капитала, сформировала в местных элитах группы влияния, благосостояние которых связано с успехами индустриального развития. Произошло усложнение элитных структур – одни группы были обязаны своим благополучием сотрудничеству с бывшими метрополиями, другие опирались на местные источники власти и капитала. Усиление последних объективно обусловило развитие тенденций к более самостоятельной политике стран глобального Юга. В этом контексте появление БРИКС и увеличение количества стран, желающих принять участие в деятельности этой организации, являются вполне закономерным процессом.

Однако и по сей день Западная цивилизация остается для развивающихся стран источником инвестиций, технологий, рынком сбыта произведенной продукции. Поэтому внешняя политика как развивающихся стран в целом, так и большинства членов БРИКС в частности, является в известной степени двойственной и противоречивой: наличествует стремление избавиться от назойливой опеки Запада, добиться равноправных условий экономического и политического сотрудничества, с другой стороны – боязнь потери выгод мировой системы хозяйства, которая создана и до сих пор контролируется Западом.

Третий слой геополитической суперпозиции связан с моделью сверхпотребления и связанного с ней истощения природных ресурсов. Изначально построенная на принципах грабежа более слабых соседей Западная цивилизация стала более агрессивной и беспринципной, что породило защитную реакцию стран Глобального Юга и их стремление объединиться вокруг стран, которые обладают возможностями противостоять западному диктату. В первую очередь речь идет о новом мировом экономическом лидере – Китае и военной мощи России.

Четвертый слой связан с закономерным и катастрофическим падением морально-нравственного потенциала Запада. В странах Глобального Юга, где достаточно сильны традиционные ценности, а экономизм всех сторон общественной жизни ещё не успел до конца проявить свои разрушительные последствия, утрата Западом морального лидерства вызвала реакцию отторжения и сделала более привлекательной позицию Россию, открыто провозгласившую защиту традиционных ценностей.

Таким образом мы видим, что появление на международной арене БРИКС и резко усилившаяся в последние годы популярность этого объединения является результатом сложного сочетания долгосрочных и краткосрочных (с точки зрения исторического анализа) факторов.

Но разнообразие движущих сил БРИКС явилось причиной достаточно пестрой картины её участников и существенной дифференциации их интересов. Более того, между странами-участниками имеются серьезные противоречия, которые могут доходить и до уровня военных (к счастью, пока ограниченных) конфликтов. Это и периодически вспыхивающая напряженность на индийско-китайской границе, и действия ОАЭ и Ирана во время недавнего конфликта в Персидском заливе.

При этом следует иметь в виду, что большинство участников БРИКС стремится пользоваться выгодами этого объединения и при этом активно развивать сотрудничество со странами Западной цивилизации. Лишь ограниченная со всех сторон санкциями Россия является открытым и принципиальным оппонентом Запада, хотя и в нашей стране длительное время были популярны идеи единения с Западом, и существуют социальные группы, которые не отказались от этих взглядов до сих пор.

В таких условиях утверждение, что весь мир с Россией в борьбе с Западом, является лишь продуктом смелого воображения, мир занимает позицию заинтересованного зрителя, пытается заработать определенные выгоды в сложившейся конъюнктуре. Страны БРИКС не исключение – они тоже пытаются соблюсти баланс интересов и собственных выгод. Идеализм, исторически присущий внешней политике России, здесь является исключением, а не правилом.

Как показал опыт СВО, открыто поддержали Россию в конфликте лишь Иран и Северная Корея, причем последняя членом БРИКС не является, хотя ее помощь оказалась весьма значительной, особенно если сопоставить эту помощь с величиной корейского национального хозяйства.

При этом в ОАЭ, Саудовской Аравии и на Кубе находятся американские военные базы.

Все попытки противопоставить БРИКС и Запад, записать страны БРИКС в союзники России, являются лишь умозрительной конструкцией, попыткой выдать желаемое за действительное. Хотя время от времени звучат яркие заявления лидеров этих стран, в реальности взаимодействие стран-участников носит фрагментарный характер, весьма далекий от той степени консолидации, которая сложилась у стран коллективного Запада.

Возникает вопрос: «Почему сотрудничество в рамках БРИКС является приоритетным направлением российской внешней политики?». Очевидно, что союзнические отношения здесь просматриваются лишь с Белоруссией и, возможно, с Ираном.

Значимость БРИКС заключается в том, что здесь создается образ будущего мира, формируется модель сотрудничества и взаимодействия – задача, с решением которой так и не справилась ООН.

Если раньше Россия фактом своего существования отрицала всемогущество Запада, в настоящее время эту функцию начинает выполнять БРИКС. Попытки Запада изолировать Россию, подорвать её экономику оказались безуспешными благодаря сотрудничеству со странами БРИКС. Особенно здесь следует отметить взаимодействие с Китаем.

Таким образом, хотя по сравнению с выстроенными Западом альянсами БРИКС выглядит достаточно аморфной организацией и не в состоянии решить проблему стратегического одиночества России, тем не менее, эта организация создает стратегический коридор перехода бывших сателлитов Запада в статус неврагов, а, возможно, и потенциальных партнеров России в политической, культурной и экономической сфере.

Что касается вопросов безопасности и защиты государственного суверенитета, то для России мало что изменилось со времен Александра III. Союзниками страны по-прежнему остаются её армия, флот и военно-промышленный комплекс. При этом следует иметь в виду, что во всех странах мира есть люди, симпатизирующие России, которые порой рискуют благосостоянием, личной свободой, а иногда и жизнью ради нашей Родины.

Шугуров М.В.
д.филос.н., доцент, профессор Кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия
shugurovs@mail.ru

Шугурова И.В.
к.ю.н., доцент, доцент Кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия
ivshugurova@mail.ru

ПЛАТФОРМА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БРИКС: МЕХАНИЗМ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ[1]

Ключевые слова: энергетическая повестка, энергетический диалог, экспертное сообщество, энергетические технологии, БРИКС, экспертные доклады.
Key words: energy agenda, energy dialogue, expert community, energy technologies, BRICS, expert reports.

Ситуация на мировых энергетических рынках, как и ситуация в энергетической отрасли, отличается повышенной динамикой. В связи с этим координация усилий стран БРИКС применительно к формированию совместной повестки, а также продвижение их интересов на мировых энергетических рынках предполагает опору на использование серьезных аналитических данных. Думается, что в этом случае научно-технологический суверенитет объединения дополняется суверенитетом экспертно-аналитическим. Как и научно-технологический суверенитет в целом, экспертно-аналитический суверенитет в частности нуждается в инновационных институциональных разработках организационного характера.

Применительно к энергетике такой разработкой является Платформа энергетических исследований БРИКС (BRICS Energy Research Cooperation Platform), которая за короткий период времени доказала свою актуальность и эффективность, в том числе в качестве одного из организационных механизмов осуществления многостороннего энергодиалога. По этой причине возникает потребность в превращении совокупности различных аспектов ее функционирования в отдельный предмет научного исследования, тем более, что несмотря на интерес представителей научного сообщества к энергетическому сотрудничеству в рамках БРИКС, его динамике, правовому регулированию и организационному обеспечению [1-6], специальные научные исследования деятельности Платформы пока что отсутствуют.

Инициатива по созданию Платформы была выдвинута Россией и озвучена на заседании Рабочей группы БРИКС по энергоэффективности (Пекин, 5-9 июня 2017 года). Согласно первоначальному представлению, цель платформы заключается в организационном содействии развитию «широкого диалога по вопросам энергетики между государствами-участниками, включая совместное формирование и верификацию прогнозов и оценок развития мировой энергетики»[2]. Платформа также рассматривалась как механизм, который будет обеспечивать отраслевой, информационно-аналитический и научный обмен. Таким образом в ее матрицу закладывалось единство практического и аналитического аспектов, что автоматически создавало условия для взаимодействия с ней как аналитических центров, так и энергетических компаний. По замыслам инициаторов создания Платформы, информационно-аналитическая и научно-исследовательская деятельности будет не только способствовать развитию энергодиалога в рамках БРИКС, но и содействовать выработке предложений, направленных, во-первых, на формирование энергетической повестки БРИКС, а, во-вторых, на выработку скоординированной политики и стратегии стран-участниц вплоть до формирования общего подхода, например, к сущности современного энергоперехода, а также к развитию тех или иных отраслей ТЭК.

В силу того, что данная идея нашла поддержку в лице экспертных сообществ, деловых кругов, государственных структур, а также институциональных структур БРИКС по энерге-

[1] Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории евразийского права и права БРИКС Института правотворчества и правового прогнозирования Саратовской государственной юридической академии.

[2] Страны БРИКС рассматривают возможность запуска энергоплатформы в 2018 г. // Минэнерго РФ (18.12.2017). – https://1prime.ru/20171218/828269224.html.

тическому сотрудничеству Президент России на официальном уровне предложил лидерам государств БРИКС на саммите 2017 года создать данную организационную структур[1]. Лидерами стран БРИКС данное предложение было поддержано. Перевод инициативы в практическое русло произошел на третьей встрече министров энергетики стран БРИКС (28-29 июня 2018 г., Йоханнесбург) в рамках X Саммита БРИКС. В п. 12 своей декларации министры закрепили решение о создании Платформы сотрудничества в области энергетических исследований БРИКС и разработке ее технического задания. Попутно они заявили о том, что рассчитывают на то, что «она будет коллективно использоваться для проведения совместных исследований, способствующих развитию сотрудничества БРИКС в различных областях (экологически и экономически устойчивые энергетические ресурсы, технологии, промышленность, рынки и развитие финансирования)»[2]. Данное решение было одобрено лидерами стран БРИКС на X саммите БРИКС (Йоханнесбург, 25-27 июля 2018 г.)[3].

Первая встреча учрежденной Платформы состоялась 17-18 июня 2019 г. в Москве. Как следует из официального сообщения, исходящего от 4 встречи министров энергетики стран БРИКС[4], страны БРИКС представили свои приоритетные направления научно-исследовательской деятельности в рамках Платформы. Помимо определения общих тематических направлений работы, на первой встрече были решены ключевые вопросы, которые касались создания организационной структуры Платформы. Кстати говоря, российская часть Платформы была сформирована уже в 2018 году и включала более 40 экспертов, представляющих Роснефть, Газпром, Россети, научно-исследовательские институты[5].

Далее по итогам 4 встречи Министров энергетики стран БРИКС (Бразилиа, 11 ноября 2019 г.) было утверждено Положение о деятельности Платформы (Terms of Reference for the BRICS Energy Research Cooperation Platform)[6]. Свою конкретизацию цели создания Платформы нашли в разделе «Видение». В частности, здесь указывается, что Платформа создается для оказания содействия развитию эффективных и устойчивых энергетических систем, продвижения распространения передовых энерготехнологий, осуществления сотрудничества в области укрепления потенциала, для интенсификации обмена статистическими данными, информацией о планах развития национальных энергетических систем и передовом опыте, а также о нормативно-правовой базе в энергетическом секторе, имеющейся в странах объединения.

Что касается миссии Платформы, то она усматривается в продвижении устойчивого развития энергетики посредством сотрудничества в сфере энергетических исследований, технологий, политики и инноваций. В дополнение к этому Платформа призвана оказывать содействие развитию широкого диалога по энергетическим вопросам в рамках БРИКС в целях обеспечения всеобщего доступа к доступной, надежной, устойчивой и современной энергии для всех, укрепления энергетической безопасности стран БРИКС и усиления влияния БРИКС в глобальных дискуссиях по энергетическим вопросам.

В документе приведен детальный перечень целей деятельности Платформы. Сюда включено следующее:

– укрепление сотрудничества в исследованиях развития энергетического сектора;
– содействие реализации совместных проектов;
– развитие сотрудничества в области энергетических технологий;

---

[1] Путин предложил странам БРИКС создать общую платформу энергетических исследований (04.09.2017). – https://tass.ru/ekonomika/4529058.

[2] Declaration of the 3rd BRICS meeting of energy ministers Johannesburg, Republic of South Africa (28 June 2018). – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2018/energy/2018_06_28_Declaration_of_the_Third_BRICS_Meeting_of_Energy_Ministers.pdf.

[3] Пункт 24 Йоханнесбургской декларации Десятого саммита БРИКС (26 июля 2018 года). – http://www.kremlin.ru/supplement/5323.

[4] 4th Meeting of BRICS Energy Ministers (11 November 2019, Brasilia, Brazil). Results of the First BRICS Energy Research Cooperation Platform. – https://www.gov.br/mme/pt-br/arquivos/document-0-6888761507266883.pdf.

[5] Страны БРИКС рассматривают возможность запуска энергоплатформы в 2018 году / Минэнерго РФ (18.12.2017). – https://1prime.ru/20171218/828269224.html.

[6] Terms of reference of the BRICS Energy research cooperation platform (November 11th, 2019 Brasilia, Brazil). – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2019/energy/2019_11_11_Terms_of_Reference_of_the_BRICS_Energy_Research_Cooperation_Platform_-_Brasilia_Brazil.pdf.

– разработка предложений по углублению энергетического сотрудничества между государствами-участниками BRICS;
– расширение образовательных и профессиональных обменов и взаимодействия между академическими кругами, бизнесом и другими заинтересованными сторонами в энергетической сфере;
– развитие синергии с другими механизмами BRICS, а также диалог с международными форумами по актуальным вопросам глобальной энергетической повестки дня;
– содействие обмену информацией, знаниями и передовым опытом в энергетической сфере.

Если переходить к рассмотрению формальных аспектов деятельности рассматриваемой организационной структуры, то она, как таковая, охарактеризована в качестве гибкого добровольного формата сотрудничества. Участие в ней открыто для государственных органов стран БРИКС и, по рекомендации соответствующего государства, также для научных и исследовательских организаций, экспертов, компаний и ассоциаций из стран-участниц БРИКС. Примечательно, что Платформа открыта и для представителей третьих государств и их организаций, которые могут быть приглашены по соглашению между членами БРИКС для участия в ее деятельности.

Ведущую роль в организационной поддержке, в том числе в проведении плановых и внеплановых исследований и мероприятий, играет страна, председательствующая в БРИКС. Страна-председатель координирует подготовку ежегодных отчетов и представляет их на заседании министров энергетики стран БРИКС.

Принятие Положения означало официальную легитимацию Платформы. Как отражение данного события в декларации, принятой по итогам XI саммита БРИКС в 2019 г., говорится о потенциале Платформы энергетических исследований БРИКС, а также отмечается ряд проведенных в 2019 г. встреч[1].

Важным моментом в институциональном развитии Платформы стало то, что с 2022 года Российское энергетическое агентство (РЭА) Минэнерго России выполняет функции ее российского секретариата. Данная функция заключается в координации подготовки и содействии распространению результатов исследований среди широкого круга представителей экспертных сообществ, а также иных стейкхолдеров. Другим важным моментом представляется создание в рамках Платформы в соответствии с решением министров энергетики Рабочей группы по энергетической безопасности.

В 2020 году экспертами Платформы подготовлен и опубликован первый цикл исследований – «Обзор энергетических секторов стран БРИКС»[2] и «Приоритеты технологического развития ТЭК стран БРИКС»[3]. В подготовке изданий принимали участие ведущие эксперты из стран объединения, которые опирались на национальные статистические и прогнозные данные. Поскольку обзоры включают прогнозную часть, то особенно важно, что они исходят из данных, непосредственно предоставляемых странами.

Указанные результаты исследовательской деятельности были рассмотрены и высоко оценены на пятой встрече министров энергетики БРИКС, которая состоялась 14 октября 2020 года на площадке Фонда «Росконгресс» под председательством Министра энергетики РФ А. Новака[4]. Рассмотрение данных докладов происходило в контексте обсуждения результатов работы в рамках основных направлений сотрудничества и одобрения дорожной карты энергосотрудничества БРИКС до 2025 года.

---

[1] Para 56 of Brasília declaration 11th BRICS Summit (November 14, 2019). – http://en.kremlin.ru/supplement/5458.

[2] Обзор энергетических секторов стран БРИКС (2020). – https://minenergo.gov.ru/activity/international-cooperation/cooperation/cooperation-within-the-framework-of-brics/brics-energy-research-platform?docs-group=file-861.

[3] Приоритеты технологического развития ТЭК стран БРИКС (2020). – ttps://minenergo.gov.ru/activity/international-cooperation/cooperation/cooperation-within-the-framework-of-brics/brics-energy-research-platform?docs-group=file-863.

[4] Министры энергетики отметили значительную роль стран БРИКС в мировой энергетической системе (15.10.2020). – https://www.in-power.ru/news/novostitek/33628-ministry-energetiki-otmetili-znachitelnuyu-rol-stran-briks-v-mirovoi-energetichesko.html.

Буквально на следующий день после министерской встречи, а именно 15 октября 2020 года, состоялось мероприятие, посвященное презентации исследований[1]. Данное мероприятие стало резонансным, поскольку в нем приняли участие представители не только крупных и известных исследовательских институтов и энергетических компаний из стран БРИКС, но и представители международных структур, функционирующих в энергетическом секторе, а именно международные организации (ОПЕК, ФСЭГ, Мировой энергетический форум, Межминистерская встреча по чистой энергии).

В общем плане цель проводимых исследований по расширяющемуся спектру вопросов заключается в выявлении перечня взаимных интересов, которые являются объективной основой сотрудничества и выработки совместного видения направлений развития ТЭК. Ввиду политической значимости подобных исследований, начиная с 2020 года их результаты рассматриваются и утверждаются на ежегодных совещаниях профильных министров. Как нам представляется, результаты подобных исследований позволяют конкретизировать энергетическую повестку БРИКС и выстраивать ее соотношение с глобальной энергетической повесткой.

Важнейшим аспектом институционального функционирования Платформы является организация и проведение ежегодных встреч (Annual meeting of the BRICS Energy Research Platform), которые приурочены к проведению крупных мероприятий в энергетической сфере, например, Российской энергетической неделе. Это позволяет вовлечь в обсуждение проблематики энергетического развития и сотрудничества широкий круг экспертов и представителей компаний. Первая встреча состоялась 13 октября 2022 года в рамках Российской энергетической недели. Функцию модератора мероприятия выполнял руководитель Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН В. Кулагин[2]. В рамках первой части мероприятия была осуществлена презентация трех ключевых исследований, посвященных технологиям ВИЭ, умным сетям и обзору энергетики стран БРИКС. В рамках второй части была проведена дискуссия, в центре которой находились актуальные вопросы развития энергетики стран БРИКС и направления дальнейшего энергосотрудничества.

Особенностью деятельности Платформы является то, что ее функционирование осуществляется в самых разных формах. Это не только проведение исследований, но и различные мероприятия. К ним относятся как регулярные встречи Платформы, так и переговоры. Последнюю форму можно проиллюстрировать на примере визита представителей Российского секретариата Энергетической платформы БРИКС в Южно-Африканскую Республику. В данном случае предметом обсуждения явилось развитие сотрудничества стран БРИКС в энергетической сфере, включая энергетические исследования в период председательства ЮАР в БРИКС в 2023 году[3].

Другой формой деятельности Платформы является информирование о результатах своей деятельности, что свидетельствует об ее открытом характере. Ключевая роль в привлечении внимания всех заинтересованных лиц и структур к деятельности Платформы принадлежит площадке Рабочей группы по рассмотрению вопросов сотрудничества с государствами-участниками БРИКС в сфере энергетики, функционирующей при Минэнерго России. РЭА, обеспечивающее деятельность секретариата ПЭИ, на постоянной основе знакомит Рабочую группу с ее деятельностью и планами работы. Так, в конце апреля 2022 года представители Платформы познакомили участников встречи Рабочей группы с перспективами расширения деятельности Платформы[4]. Что касается самого последнего мероприятия, то оно было проведено в апреле 2026 года. На 11 заседании указанной Рабочей группы генеральный директор РЭА А. Кулапин и директор по международной деятельности РЭА Е. Викулова представили итоги работы Платформы[5].

[1] Платформа энергетических исследований БРИКС подготовила доклады на перспективу до 2040 года (18.11.2020). – https://www.eprussia.ru/news/base/2020/5686329.htm.

[2] В Москве состоялась ежегодная встреча Платформы энергетических исследований БРИКС (13.10.2022). – https://news.rambler.ru/tech/49510688-v-moskve-sostoyalas-ezhegodnaya-vstrecha-platformy-energeticheskih-issledovaniy-briks.

[3] Платформа энергетических исследований БРИКС готовит исследование по теме рынка труда в условиях энергоперехода (17.03.2023). – https://sro150.ru/novosti/5224-17-03-2023-platforma-energeticheskikh-issledovanij-briks-gotovit-issledovanie-po-teme-rynka-truda-v-usloviyakh-energoperekhoda.

[4] Российский секретариат Платформы энергетических исследований БРИКС создается на базе РЭА Минэнерго России (29.04.2022). – https://sro150.ru/novosti/4570-29-04-2022-rossijskij-sekretariat-platformy-energeticheskikh-issledovanij-briks-sozdaetsya-na-baze-rea-minenergo-rossii.

[5] Итоги работы Энергоплатформы БРИКС и планы на будущее обсудили в Минэнерго России (15.04.2026). –

Одним из доказательств расширения тематической деятельности Платформы стало ее углубление в вопросы энергетической безопасности. Данной проблематикой, предложенной по инициативе России, она стала заниматься с 2023 г., заручившись поддержкой всех стран объединения. Возникшее новое предметное исследовательское поле предполагает изучение подходов стран объединения к пониманию и реализации энергетической безопасности. Это необходимо для выработки согласованного подхода к данному немаловажному аспекту энергетического перехода.

Дополнительным доказательством расширения тематики исследований является то, что эксперты Платформы обратились к изучению вопросов развития интеллектуальных сетей и возобновляемой энергетики в странах БРИКС (BRICS Renewable Energy Report 2022). Главным автором российской части данного доклада была Ассоциация развития возобновляемой энергетики (АРВЭ)[1]. Подчеркнем, что включение проблематики ВИЭ в исследовательское поле Платформы, непосредственно соотносится как с проблематикой энергобезопасности, так и энергетического перехода, являющихся их непосредственными аспектами.

Расширение тематики исследований сопровождается ее углублением. Например, исследования, касающихся развития рынка труда и кадрового обеспечения в условиях энергетического перехода, опираются на развернутый опрос, участниками которого являются более 100 энергетических компаний, а также вузы всех стран-участниц объединения. О масштабировании исследований, в том числе в сравнительном ключе, свидетельствует также и то, что в них вовлечены международные организации, такие как Международная организация труда (МОТ) и Международное агентство по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА).

Как можно было видеть из предыдущего изложения, промежуток между ежегодными встречами Платформы сопровождается динамичной и всесторонней работой. В свою очередь ежегодные встречи позволяют подвести ее итоги и наметить новые планы. Очередная ежегодная встреча Платформы была проведена 30 ноября 2023 года. Ее особенность заключается в том, что площадкой проведения стало заседание Рабочей группы по рассмотрению вопросов сотрудничества со странами-участницами БРИКС в сфере энергетики, которое было проведено в павильоне «Энергия жизни» в рамках Международной выставки-форума «Россия» (Москва, ВДНХ)[2]. В ходе встречи генеральный директор РЭА Минэнерго России А. Кулапин сообщил о новом тематическом блоке, а именно об энергобезопасности. Одновременно с этим были продемонстрированы результаты исследовательской работы в области развития рынка труда, а также подготовки кадров в условиях энергоперехода.

В рамках председательства России в БРИКС в 2024 году Платформа энергетических исследований сосредоточилась на следующих тематических направлениях – «Справедливый энергетический переход», «Технология» и «Подготовка кадров». В исследовании, посвященном справедливому содержательному формату энергоперехода, – «Справедливый энергетический переход стран БРИКС 2024»[3] – было представлено понимание справедливого энергетического перехода странами объединения, а также предпринята попытка выработки согласованного подхода к этому явлению. В сущности, общая концептуальная идея справедливого энергетического перехода заключается в признании независимости и свободы выбора путей энергоперехода, достижения технологической нейтральности, а также формировании энергетических балансов и развитие энергетики исходя именно из национальных приоритетов.

По второму направлению были организованы экспертные встречи, на которых рассматривались вопросы развития водородной энергетики; технологического сотрудничества; гармонизация национальных документов в сфере стандартизации технологий, обеспечивающих энергопереход; подготовка базы данных, включающих лучшие имеющиеся практики; ключевые вызовы, которые заявили о себе в сфере энергоперехода.

---

https://www.atomic-energy.ru/news/2026/04/15/165254; https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/itogi-raboty-energoplatformy-briks-i-plany-na-budushchee-obsudili-v-minenergo-rossii.

[1] ВИЭ стран БРИКС: опыт развития (январь 2023). –https://www.eprussia.ru/epr/453-454/4711018.htm.

[2] Алексей Кулапин представил результаты работы Платформы энергетических исследований БРИКС в 2023 году (30.11.2023). – https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/aleksey-kulapin-predstavil-rezultaty-raboty-platformy-energeticheskikh-issledovaniy-briks-v-2023-god.

[3] Справедливый энергетический переход стран БРИКС (2024). – https://rosenergo.gov.ru/upload/press-center/brics_2024_rus.pdf.

Третье направление предусматривало совместную работу, направленную на развитие как исследовательской деятельности, так и практического сотрудничества в области профессионального образования в энергетической отрасли и обмена знаниями.

На XVII саммите БРИКС 2025 года была принята дорожная карта энергетического сотрудничества стран БРИКС на период 2025-2030 гг.[1] В ней отмечается, что «страны БРИКС выиграют от включения новых тем и перспектив, что будет способствовать развитию новых направлений работы в рамках Платформы сотрудничества в области энергетических исследований БРИКС (ERCP), особенно в свете растущего разнообразия членского состава нашей группы в последние годы».

В 2025 году деятельность российского секретариата Платформы была сосредоточена на реализации исследовательских направлений, таких как «Технологическое сотрудничество» и «Подготовка кадров», а также на реализации бразильских приоритетов в энергодиалоге объединения[2]. Успехи России по этим направлениям за прошедшие годы и перспективные проекты были положительно оценены представителями стран объединения.

В рамках IV научно-практической конференции «Территория энергетического диалога» (22.10.2025) состоялась ежегодная встреча Платформы энергетических исследований БРИКС. Модератором мероприятия выступила директор по международной деятельности РЭА Минэнерго России Е. Викулова[3]. В мероприятии приняли участие представители стран БРИКС и стран-партнеров, Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ). Впервые в условиях изменения конфигурации объединения во встрече экспертов Энергоплатформы приняли участие страны-партнеры Куба и Казахстан. Их представители поделились планами в области сотрудничества в рамках БРИКС.

Кроме этого, в ходе встречи были подведены итоги и намечены новые планы. К итогам можно отнести проведение ряда технических семинаров, посвященных финансированию в энергетике, технологиям в области устойчивых энергетических систем, а также наилучшим практикам декарбонизации в нефтегазовой отрасли. Помимо этого, ведется работа над исследованиями «Доступ к энергии» и «Новые и устойчивые виды топлива». В связи с этим одной из основных тем встречи экспертов Платформы стало обсуждение подходов к пониманию определения «устойчивые виды топлива», которое в дальнейшем нашло свое отражение в исследовании, проведенного в 2025 году.

Как итог, в п. 8 заявления министров энергетики БРИКС, принятого по итогам 10 встречи, была подтверждена приверженность укреплению энергетического сотрудничества в рамках БРИКС. При этом особый акцент был сделан на основополагающей роли в этом процессе Платформы сотрудничества в области энергетических исследований БРИКС (BRICS ERCP)[4]. Отмечая продуктивную деятельность Платформы, в п. 9 заявления министры высказали намерение содействовать продолжению и расширению исследовательской деятельности, а также особое внимание уделять направлениям работы в целях практической реализации достигнутых соглашений. Особо пристальное внимание было уделено деятельности, которая проводится в рамках таких направлений, как «Технологическое сотрудничество» и «Навыки для энергетического перехода».

Высокая оценка деятельности Платформы прозвучала в сообщении, принятого по итогам встречи в 2025 году старших должностных лиц стран БРИКС в области энергетики. Так, в разделе 1 отмечается роль Платформы как надежной основы энергетического сотрудничества. Кроме этого, по мнению старших должностных лиц, Платформа всецело сосредоточена на обосновании

[1] Roadmap for BRICS Energy Cooperation 2025-2030 (May 17, 2025). – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2025/environment/2025_05_17_BRICS_Committee_of_Senior_Energy_Officials_Roadmap_for_BRICS_Energy_Cooperation_2025-2030.pdf.

[2] Энергоплатформа БРИКС: развитие научно-технологического и кадрового сотрудничества (23.05.2025). – https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/energoplatforma-briks-razvitie-nauchno-tekhnologicheskogo-i-kadrovogo-sotrudnichestva.

[3] На ежегодной встрече Платформы энергетических исследований БРИКС подвели итоги председательства Бразилии (22.10.2025). – https://rosenergo.gov.ru/press-center/news/na-ezhegodnoy-vstreche-platformy-energeticheskikh-issledovaniy-briks-podveli-itogi-predsedatelstva-b.

[4] 10th Energy Ministers Meeting - Joint Communiqué (Brasilia, 19 May 2025). – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2025/environment/BRICS_Energy_Ministerial_Communique.pdf.

энергетического перехода в русле реализации Цели устойчивого развития № 7 (ЦУР 7), одновременно учитывая национальные особенности и выступая за технологически нейтральные подходы[1]. Старшие должностные лица в п. 2.2 сообщения отметили прогресс, достигнутый Платформой в ключевых областях сотрудничества, включая сбор информации и официальных данных от экспертов и представителей компаний ТЭК в различных энергетических секторах.

В завершении исследования необходимо сделать вывод о том, что применительно к настоящему времени следует констатировать, что ПЭИ БРИКС представляет собой институциональную организационную структуру, обеспечивающую многостороннее энергетическое сотрудничество в рамках БРИКС. Участие в ее работе принимают представители более ста различных коллективных акторов из различных стран объединения. Их состав разнообразен, т.к. включает в себя не только компании ТЭК, но и научно-исследовательские институты, а также высшие учебные заведения. В состав платформы входит 15 рабочих групп, специализирующихся в тех или иных секторах энергетической повестки БРИКС. По итогам своей работы Платформа выпустила десять исследований. В дополнение к этому проводятся исследования по новым направлениям, которые характеризуются повышенной актуальностью. Сюда следует отнести подготовку двух исследований, а именно по новым и устойчивым видам топлива, а также по доступу к энергетическим услугам.

Результаты работы ПЭИ и сам характер ее деятельности показывает, что это не просто исследовательская ассоциация, а одна из важнейших площадок энергодиалога БРИКС, которая интегрирована в его другие площадки. ПЭИ выполняет функцию драйвера энергодиалога, вовлекая в обсуждение полученных результатов, а также в сам процесс их подготовки как можно больший круг заинтересованных стейкхолдеров. Именно это создает все условия для выполнения ее фундаментальной цели, которая состоит в укреплении позиций БРИКС в качестве коллективного актора, который не только формирует собственную энергетическую повестку, но и вносит вклад в ее формирование на глобальном уровне. Функция драйвера подобного рода вклада в формирование как собственной, так и глобальной повестки основана на том, что, во-первых, участие в работе Платформы принимают высококвалифицированные эксперты, а, во-вторых, в своей работе они используют новые и перспективные методы и подходы экспертно-исследовательской деятельности. Тематический круг ее исследований характеризуется постепенным расширением. В настоящее время он охватывает наиболее актуальные вопросы развития ТЭК, такие как технологическое развитие, энергетический переход, расширение использования ВИЭ, развитие водородной энергетики и т.д., сквозной нитью которых является проблематика справедливого и инклюзивного энергетического перехода.

Список литературы

1. *Korneeva, E., Skornichenko, N., Shamakova, N., Freze, T.* Sustainable energy development through BRICS cooperation in technology and innovations // E3S Web of Conferences 592, 03012. – 2024. – https://doi.org/10.1051/e3sconf/202459203012 EMMFT-2024; https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2024/122/e3sconf_emmft2024_03012.pdf.
2. *Легкодимов, М.* Роль энергетического диалога в отношениях стран БРИКС // Стратегии развития. – 2024. – № 3. – С. 26–30.
3. *Рязанова, М.О.* Факторы многостороннего энергетического сотрудничества стран БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 5. – С. 116–126.
4. *Юшков, И., Перов, А.* Формат БРИКС: на пути к раскрытию потенциала в сфере энергетического партнерства // Геоэкономика энергетики. Спецвыпуск. – 2018. – № 3. – С. 91–102.
5. *Родионова, И.А., Черняев, М.В., Шувалова, О.В.* Оценка потенциала БРИКС в мировой энергетике // Фундаментальные исследования. – 2017. – № 6. – С. 175–184.
6. *Мастепанов, А.М.* Сотрудничество стран БРИКС в энергетической сфере как фактор прогнозирования мирового энергопотребления // Бурение и нефть. – 2016. – № 1. – С. 13–19.

[1] BRICS Committee of Senior Energy Officials. Issues Note BRICS 2025. – https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2025/environment/BRICS_Committee_of_Senior_Energy_Officials_ISSUES_NOTE.pdf.

Цивилизационная и национальная идентичность в современном мире

Абдыханов У.К.
к.ф.н., академик и глава Южно-Казахстанского отделения Международной Мариинской академии,
профессор Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, г. Шымкент

Латышев О.Ю.
к.ф.н., профессор, президент Международной Мариинской академии

СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межэтническая коммуникация, цивилизационные трансформации, культура, литература, поэт, писатель, билингв.
Key words: intercultural communication, interethnic communication, civilizational transformations, culture, literature, poet, writer, bilingual.

Творчество писателей-билингвов показывает степень интенсивного взаимодействия духовных ценностей разных народов. В русскоязычной национальной литературе заметно влияние русской и других культур, также видно влияние национальной культуры на русскую. Можно утверждать, что произведения Р. Сейсенбаева «Честь», «Дом Орака», «У нас, в Чингистау», «Протез», «Отчаяние», «День, когда рухнул мир», «Ночные голоса» и другие знакомят иноязычных читателей со многими понятиями, выражениями, философскими, художественными, этическими и эстетическими ценностями родного народа. Мастер слова в системе русской литературы развивает свою национальную традицию, художественную и фольклорную. В романах «Лестница в никуда», «Трон сатаны», «Отчаяние» и рассказах развивается казахская лиро-эпическая традиция.

Взаимодействие художественных и эстетических систем в творчестве писателей-билингвов выводит их творчество за грань конкретной национальной литературы, тем самым выражая содержание и сущность межлитературного и межкультурного процесса. Именно в этом выражается одна из важнейших функций двойной литературной принадлежности. Своеобразие творчества писателей-билингвов заключается также в том, что, будучи детьми своего народа, своей национальной культуры, традиции, они несут в себе кроме глубинного национального мироощущения и некий взгляд со стороны. Их национальное творчество обогащается через сравнение с другой художественной и культурной традицией, иную манеру видеть мир. Мысль югославского учёного И. Станишича о том, что иноязычные писатели – «толкователи народного духа и посредники между двумя народами» очень верна и применительно к Р. Сейсенбаеву. Художники видят первейшую свою художественную задачу в том, чтобы через приобретённый, заимствованный язык в точности передать особенности мышления и психологии своего народа, особенности родного языка, который вошёл в его сознание вместе с генами его рода, молоком его матери, звуками и ритмами родной речи.

Англичанин Оскар Уайльд, писавший на английском и французском языках, возглавлял кружок декадентов, называвших себя эстетами, и стал известным как мастер формы и апологет культа красоты за пределами Англии. Интересен тот факт, что его известное декадентское произведение – драма «Саломея» – написано им на французском языке в возрасте 37 лет.

Французы Проспер Мериме и Жюль Верн обращались к английскому языку. Ирландский романист и драматург Сэмюэл Беккет писал на французском и английском языках. В XX столетии двуязычным писателем был Владимир Набоков, писавший на русском и английском. Его поздний роман «Ада» называли «смесью русского, французского и английского языков» (a medley of Russian, French, and English). На приобретённом языке писали Р.М. Рильке, Н. Саррот, И. Бродский. В это же время на испанском и французском языках писал чилиец В. Уидобро; на финском и эстонском – А. Калас; на немецком и французском – Иван Голль; на японском и китайском писал, будучи слепым, русский самородок В. Ерошенко; на французском, английском, итальянском – армянин по национальности Костан Зарян. Опыт этого прозаика интересен тем, что он

начал изучение родного языка в 24 года и свой лучший, по мнению критиков, роман «Корабль на горе» написал на армянском языке.

Вернёмся к нашему разговору о благотворном влиянии русского языка. Русский народ и царское, и советское правительства на евразийской территории вели себя иначе, чем европейские страны. Своеобразие русского народа наиболее ярко раскрыл крымско-татарский просветитель, издатель и политик дореволюционной России И. Гаспринский: «Самый многочисленный и главный народ России – русские – одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить с всякими другими племенами. Зависть, враждебность, недоброжелательство к инородцам не в характере обыкновенного русского человека. Это хорошая черта, несомненный залог величия и спокойствия России...»[1].

Действительно, ни одна из развитых литератур не сделала того, что совершила русская по отношению к литературе других народов. Из слов всемирно известного писателя Ч. Айтматова следует, что многие колониальные народы в социально-экономической сфере, культурно-этическом отношении и в области литературы отстали от развитых стран. Для достижения европейского или американского уровня им необходимо, как указывает Ч. Айтматов, несколько веков (если учитывать опыт Японии, являвшейся к середине XIX века цивилизованной страной, то – десятилетий). В то же время развитые страны не стоят на одном месте, они продолжают интенсивно использовать открытия науки и техники, достигая ещё больших успехов. А народы и в XX веке в своём социально-экономическом, культурном развитии находившиеся на уровне средневековья, не имевшие представления об образовании и современной этике и эстетике, склонные к сохранению всех форм и видов традиций и из-за невежества, ещё больше отстают от первых. Таким образом, достижения науки, литературы, искусства, многие грани культуры всего человечества, оставались для них неведомыми, практически недоступными. К тому же некоторые государства, господствующие во всех сферах жизни, используют своё военное преимущество и непременно проводят политику экономического, культурного давления на народы с низким социально-экономическим уровнем развития, что ведёт к вытеснению их культуры.

В настоящей работе нас интересует творчество национальных русскоязычных писателей. Исследователь данной проблемы У. Бахтикиреева отмечает: «В этом контексте становится чрезвычайно актуальной точка зрения Г. Гачева, высказанная им задолго до появления парадигмального сдвига в сознании общества. «Двуязычие – это диалог мировоззрения, систем мира. При нём получается стереоскопичность зрения, объёмность мышления. С другой стороны – на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двуязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноязычник», на каком бы великом языке он ни мыслил»[2]. Г. Гачев акцентирует внимание на одной их важнейших особенностей двуязычия, которая заключается в том, что писатель-билингв ярче раскрывает на другом языке художественные достоинства собственных творений, полнее передаёт национальное своеобразие.

Следующий аспект использования русского языка как языка творчества заключается в том, что он становится проводником национальной культуры на Западе и Востоке. Это, несомненно, очень важно для самой национальной культуры. Вопрос о том, кто окажется в ущербе, если не переводить на русский язык творения, созданные на национальном языке или наоборот: русские или другие национальности – риторичен. Ясно, что русская культура, зафиксированная в письменном виде в течение многих столетий, обладающая армией интеллигенции в несколько десятков миллионов людей, незакрытая культурно-этическим и социально-экономическим пространством беспрепятственно будет двигаться и без культуры народов Центральной Азии, Кавказа, Прибалтики. И бесспорно то, что национальные культуры этих регионов без взаимодействия опять будут обречены на стагнацию.

Авторы-переводчики сознавали, что монолингвальный писатель не в состоянии сделать адекватный перевод. При создании «чужого» художественного образа на языке своей культуры неизбежна потеря качеств, наиболее ценных в описаниях русскими писателями образов другого

[1] *Абдыханов, У.К., Латышев, О.Ю.* Salim Rollan Seisenbayeva: hero of our time?! // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции (Донецк, 15-17 октября 2024 г.). – Т. 4: Филологические науки. Ч. 2 / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2024. – С. 178-180.

[2] Там же.

народа. Этот вопрос хорошо освещён в не раз нами упоминаемой монографии У. Бахтикиреевой. Она верно определяет, что «для адекватной передачи «чужого» образа творческое сознание писателя/поэта должно подвергать осмыслению, то есть вычленению и категоризации объектов действительности, как это происходит в инородческой культуре, и находить адекватные варианты их актуального значения на своём языке. Этого не может сделать русский писатель, как и любой другой монолингвальный. Для этого необходимо овладение двумя способами постижения действительности. <...> Творческое сознание монолингвального автора при отражении художественного образа другой культуры не отражает зафиксированный итоговый результат процесса осмысления действительности чужой культурой, поскольку им не освоен язык описываемого объекта, приспособленный для выражения всех значений, присущих иной культуре»[1].

Процесс создания художественного образа первичной культуры на языке приобретённой культуры наиболее эффективен, при таком подходе адекватность перевода достигает своего апогея. У. Бахтикиреева подчёркивает особенность данного процесса. «Творческое билингвальное сознание, отображая национальный образ своей культуры, первичную картину мира, создаёт на языке приобретённой культуры текст, отличный от текста автора-монолингва, изображающего тот же национальный образ на том же языке. В восприятии чужого мира автором-монолингвом этот чужой мир остаётся только объектом сознания, а не другим – ещё одним сознанием – способом описания действительности, поскольку он владеет только одним способом описания действительности. Процесс именования и процесс осмысления объектов соседнего, но иного мира осваивается им через путь и способ освоения действительности, выработанный в его родной культуре»[2].

Таким образом, «билингв – это личность, которая может интегрировать различные языковые культуры ... в единое целое. Различное наполнение двух языковых культур снимается в тексте билингвального автора как в структурном целом»... «Билингвальное творческое сознание, в отличие от монолингвального, вмещает в себя два способа осмысления описания действительности, создаёт тексты на двух языках, реализуя в каждом из этих языков обобщённый итог осмысления действительности носителя той или другой языковой культуры»[3].

Свободно чувствуя себя в обеих стихиях – двух языковых культурах, билингвальный автор находит (активизирует) в русском языке такие речевые средства, которые наиболее адекватно выражают национальный образ его первичной культуры. Таким образом, механизм творческого сознания творческой билингвальной личности способен адекватно отражать художественный образ своей родной культуры на языке приобретённой культуры. И, наконец, среди задач и целей русскоязычных писателей была едва ли не самая главная – заявить о своём народе. Это давало возможность им жить осознанно и достойно в век катаклизмов.

Ч. Айтматов отмечал, что наступил такой момент, когда чужие переводы перестали его устраивать, и он стал переводить сам[4]. Как подчёркивает Ч. Джолдошева, «Ч. Айтматов очень строг в переводе реалий, он оставляет непереведёнными те слова, которые воспринимаются читателями как вошедшие в русский язык»[5]. Но главное, конечно, в том, что киргизский писатель, переводя собственные творения, намного тоньше, художественно выразительнее передаёт

[1] Цит. по: *Абдыханов, У.К., Латышев, О.Ю.* Отражение благородства устремления героя в романе Роллана Сейсенбаева «Отчаяние» // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции, Елабуга, 10 октября 2025 г. / отв. ред. В.М. Панфилова, А.М. Зиатдинова, науч. ред. Е.М. Шастина. – Елабуга: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2025. – С. 11-18.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] *Абдыханов, У.К., Латышев, О.Ю.* Салим Роллана Сейсенбаева: герой нашего времени?! // Языковое и культурное взаимодействие стран инициативы «Один пояс – один путь»: сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. В. Харченко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2025. – С. 434-440.

[5] Цит. по: *Абдыханов, У.К., Латышев, О.Ю.* Своеобразие типизации характеров Роллана Сейсенбаева // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5-7 ноября 2025 г.). – Т. 4: Филологические науки. Ч. 2 / под общ. ред. проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. – С. 185-187.

на русском картины жизни и природы, психологически достовернее раскрывает образы героев, чем другие переводчики.

Р. Сейсенбаев при переводе рассказов, повестей и романов на русский язык стремится разъяснить, донести национальные особенности казахской жизни, добивается естественного выражения чувств персонажей, своеобразных понятий и ситуаций в тексте прозы («У нас, в Чингистау», «День, когда рухнул мир», «Трон сатаны»).

Читатель, к которому обращено произведение, влияет на выбор писателем стилистических, эмоциональных средств выражения при переводе. Авторский перевод свободно ориентируется в стихии двух языковых культур, двух литературных стилей, явления одного измеряя процессами другого. В стиле произведения на русском языке происходит сочетание казахского и русского мироощущения: в речевой характеристике героев, авторской речи, в системе художественно-выразительных средств, где лексика с национально-культурной семантикой играет особую роль.

Основная забота автора о читателе: не затруднять его в отношении проникновения в суть национального характера казахов, не разрушать процесс восприятия цельности художественной ткани произведения. Потому у него не «торчат» из текста исторические и национальные реалии, естественно раскрываются чувства и мысли персонажей из гущи народа («Лестница в никуда», «Возвращение Казыбека»).

Как правило, автопереводы отличаются высоким художественным уровнем, они вызывают у читателей больше доверия, чем переводы чужие. Нельзя не отметить и того, что автор-переводчик, по понятным причинам, более свободен в выборе средств и приёмов для достижения адекватности в переводе, и он вносит порой в текст значительные изменения. Это легко заметить, например, при сопоставлении оригинала и перевода рассказа Р. Сейсенбаева «Фронтовые песни»: персонажи в казахском и русском текстах обращаются к разным по содержанию песням. В его же повести «Если хочешь жить» в русском переводе значительно сокращены некоторые эпизоды, наблюдается замена одних фактов другими.

Критик С. Рассадин писал: «Перевод, делаемый самим автором, есть в той или иной мере перевоплощение, перенесение вещи в иную языковую систему, приноравливание к несколько иной психологии восприятия»[1].

Подобные «вольности» встречаются также у других авторов, и это, несомненно, создаёт проблемы в восприятии художественных творений двуязычными читателями, при анализе, оценке оригинала и перевода со стороны критиков и литературоведов, ибо в процессе изучения данных текстов выявляется некоторое несовпадение в содержании и форме.

Исследователь Г. Гачечиладзе, который вслед за И. Кашкиным в 60-х годах разрабатывал теорию «реалистического метода» в переводе, для решения проблемы адекватности предлагал сопоставлять не только тексты оригинала и перевода, но и факты жизни, обстоятельства, стоящие за ними, выдвигая это в качестве критерия верности, полноценности перевода, что способствовало бы передаче не буквы, а духа подлинника.

Для нашего же времени, когда на первый план выдвигаются не соответствие произведения искусства самой жизни, а его самоценность, самостоятельность в оценке и отражении, ибо искусство является особой формой общественного сознания, критерий оценки адекватности, особенно при автопереводе, очевидно, должен быть иным. Коль скоро автор, переводя своё творение, совершенствует его образную структуру, при анализе следует сопоставлять оригинал и новый текст автора-переводчика, принимать во внимание его новое видение и решение, считаться с новым текстом. В работе автора над переводом собственных произведений мы должны видеть его стремление к большей художественной выразительности, заботу о глубоком освоении действительности, заботу о читателе. Своеобразие такого подхода к творчеству в том, что при работе автора над текстом несколько меняются условия перевода:

– снимаются такие проблемы, как проникновение в художественную ткань творения;
– отпадают такие этапы подхода к переводу, как изучение творчества автора оригинала, его стилевой манеры, то есть психологическая адаптация автора-переводчика происходит быстрее, глубже и органичнее.

«В этот контекст национальной прозы, – пишет Г. Гачев, – органично входят и остросовременные произведения Р. Сейсенбаева, исповедующие правду. Его критики отмечали, что в этих

[1] Там же.

произведениях идея целостной судьбы казахов прослеживается и утверждается на материале сегодняшней жизни, что историческое здесь ни в коем случае не отрицается современным, присутствует в нём естественно. Из этой почвы-синтеза прорастает и чувство исторического оптимизма, свойственного мироощущению героев писателя. Они не оторваны от жизни, они – в её эпицентре, и всё, что происходит в ней, кровно касается и их. Зависит от их прямого участия»[1]. Такой стиль Р. Сейсенбаева не противоречит традиции казахской прозы. Авторы, описывая прошлое, которое запечатлено в сознании, в душе народа, в его песнях, легендах, эпических поэмах, оценивают его с идейных позиций современности.

Таким образом, для мастеров слова история и современность неразделимы. «Не народный быт сам по себе волновал писателей, – заключает Е. Лизунова, – а исторические судьбы народа, его духовная жизнь, героические черты его характера, открытие того нового, что веками зрело в народном сознании... Писатели открывали исторические аспекты национальной истории и формирование особенностей национального характера»[2].

С выводами Е. Лизуновой перекликаются мысли Ш. Елеукенова: «Исследование прошлого, – пишет он, – осуществлялось не ради ухода в древность, подальше от «мирских сует». Искать и найти корни – вот какая ставилась задача. А поиски корней современности человеку нужны для самоутверждения, он всегда ищет опору в истории. Настоящую силу люди обретают, обогатившись историческим опытом, «удлинив» свой возраст веками и тысячелетиями жизни предыдущих поколений. Проецируя в своей тематике и проблематике прошлое и настоящее, казахский роман неизменно приходил к выводу, способствовавшему росту национального самосознания, мы шли тем путём истории, который привёл к тому, о чём мечтали многие поколения»[3].

Основываясь на суждениях Ш. Елеукенова, необходимо отметить, что, несмотря на внешне кажущуюся незначительность и статичность многовекового пути развития казахского народа, его история полна драматическими событиями, он всегда стремился к созданию государственности, духовному возрождению. Жизнь и быт казахов связаны со степью. Их история, на первый взгляд, так же, как и степь, ничем не примечательна. Но подобно тому, как недра земли их предков скрывают сказочные богатства, так и в прошлом казахского народа можно обнаружить немало интересного и поучительного.

Литература обращается к этому героическому прошлому не только потому, что тяжкая судьба прадедов, защитников родины, святы для народа. Решающее значение здесь имеет иное: ныне казахский народ поверил в своё будущее, а когда он обретает такую веру, то неизбежно ищет опору для неё в своей истории.

Критика и литературоведение выделили заслуги писателей в отражении роста самоутверждения казахского народа, осознания им себя как единой нации, освобождения его от косности, сближения с другими культурами, поиска в прошлом положительной стороны народа, опоры того, на чём зиждется нынешнее поколение. Однако некоторые исследователи и писатели не обращали внимание на такие черты человека, как приверженность к отсталым обычаям и традициям, которой обусловлены те или иные негативные процессы развития современного общества, проявления характера индивида. Эти явления тревожат Роллана Шакеновича Сейсенбаева и получают художественное отражение в его произведениях.

[1] Цит. по: *Абдыханов, У.К., Латышев, О.Ю.* Воссоздание «исторического горизонта» современности в культурологической концепции казахской литературы XX века // Человек в современных социально-философских концепциях: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Елабуга, 12 декабря 2025 г.) / отв. ред. С.В. Смирнов; науч. ред. Е.В. Громов; ред. кол.: А.Г. Ильин, Н.М. Асратян. – Казань: Издательство Казанского университета, 2026. – С. 78-92. –https://kpfu.ru/elabuga/struktura-instituta/osnovnye-podrazdeleniya/fakultety/fakultet-istorii-i-jurisprudencii/kafedra-filosofii-i-sociologii/elektronnye-resursy.

[2] Там же.

[3] Там же.

Аствацатурова М.А.
д.полит.н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра политических и этноконфессиональных исследований, Пятигорский государственный университет

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ОПТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ РФ[1]

Ключевые слова: этнокультурные процессы, этнополитические процессы, национальная политика, стратегические документы.
Key words: ethnocultural processes, ethnopolitical processes, national policy, strategic documents.

С начала 2010-х гг. Российское государство активизируется в сфере этнокультурных и этнополитических процессов, что соответствует общей тенденции упрочения роли государства как главного субъекта политики, задающего внутреннюю и внешнюю повестку. Необходимость усиления властных и управленческих позиций государства обусловлена как внутренними, так и внешними факторами.

Среди первых выделим дальнейшую демократическую эволюцию, которая принимает все более российский вектор, т.е. вектор, отвечающий российской традиции отношений государства и гражданского общества, предусматривающий не только любовь к Родине, но и гражданский патриотизм[2].

Среди вторых укажем на противоречия внешнего контура, обострившиеся с 2014 г. и тем более, с 2022 г. (начало ведения Россией Специальной военной операции на Украине), а также на многие конфликты, проявления терроризма и гибридные военные угрозы, которые актуализируют национальную безопасность РФ[3].

Россия выступает в качестве страны, которая осуществляет цивилизационную миссию достижения справедливого миропорядка и сохранения традиционных ценностей, поддержку достоверной исторической памяти, защиту лиц, которые тяготеют к российским социальным, культурным и политическим императивам. Таковым сегодня выступает оптимистичный, разумный консерватизм, который трактуется как политическая идеология, общая для государства и гражданского общества[4].

Обновленная оптика стратегических документов РФ предусматривает актуализацию традиционных норм человеческого общежития, а также реанимацию и реабилитацию таких социальных норм, как коллективизм, взаимопомощь, трудолюбие, честность, забота о близких. Обращение к собственно российским интенциям в отношении государственности, власти, независимости, безопасности и законности сегодня все в большей степени соотносится с достижением справедливости, согласия, единства, благополучия. Современные стратегии и концепции РФ приобретают «человеческое звучание» за счет введения в содержательные ниши жизненно важных потребностей и интересов граждан, а также за счет реагирования на их настроения и ожидания[5].

---

[1] Статья подготовлена в рамках проекта по мониторингу Распределенного центра межэтнических и религиозных проблем ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

[2] *Мартынова М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И.* Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 109-121.

[3] *Косенок Ю.Л.* Современные военные опасности и военные угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Безопасность в современном мире. – 2025. – № 2 (7). – https://lifesafetyjournal.ru/wp-content/uploads/2025/04/SMW20250210.pdf.

[4] *Фоменков А.А., Чадаева С.В.* Особенности современной российской консервативной идеологии // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – 2013. – https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovremennoy-rossiyskoy-konservativnoy-ideologii.

[5] *Мюллер, Д.Г.* «Новый консерватизм» в современной России (реальность и перспективы) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2004. – № 1. – С. 290-295.

Доктринальный поворот от неолиберального концепта национально-государственного строительства к концепту разумного консерватизма, который присущ и релевантен историко-культурному и общественно-политическому облику российского государства и российского общества, имеет прямое отношение к сфере этнокультурных и этнополитических интересов граждан по ряду причин[1].

Среди таковых мы выделяем следующие.

Во-первых, культурное наследие народов РФ составляет необходимый и масштабный базис, на котором формируются, сохраняются, передаются традиционные ценности, составляющие нематериальный комплекс морали, нравственности, народной этики и эстетики, кодексов поведения, а также ментальных свойств этнических сообществ России, которые обусловливают политику ценностей и ценности политики в современной РФ[2].

Во-вторых, этнокультурное и этнополитическое самоопределение граждан и сообществ осуществляется внутри правовых, доктринальных и управленческих контекстов, организуемых государством, создающим условия для социальной синергетики этнических коллективов.

В-третьих, этноидентификационные стратегии и тактики в их соотнесении с иными социальными и политическими идентификационными практиками являются значимыми основами гражданской самоорганизации внутри российского гражданского общества, что определяет необходимость политики идентичности и политики этнической идентичности[3].

В-четвертых, оптимизация этнополитического сегмента российской публичной политики и российских сетевых структур этнической детерминации является значимой в составе общественного договора, приобретающего новое значение в условиях внешнеполитических вызовов и трансформаций международной архитектуры, в которых этнический и религиозный факторы часто имеют проблемно-конфликтогенное выражение.

Отмеченные и многие иные тенденции и факторы обусловливают новые инициативы государства, адресованные этнокультурной и этнополитической сфере, прежде всего, на уровне нормативно-правового обеспечения.

В этом плане важна деятельность Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей, который действует в нескольких направлениях, соответствующих потребностям этносферы российского общества и интересам российской полиэтничной нации.

Отметим, что правовые новации легитимируют ряд поправок, которые зафиксированы в Конституции РФ в 2020 г. и которые прямо отнесены к сфере этнокультурных и этнополитических интересов граждан[4]. За последнее время особое внимание уделяется сохранению культурного наследия народов РФ, поддержке языков малочисленных народов, а также дальнейшему совершенствованию правового обеспечения национально-культурного самоопределения граждан РФ в форме национально-культурной автономии[5]. В рамках программ научно-экспертной и исследовательской работы в Государственной Думе ФС РФ на 2026 г. планируется провести экспертно-аналитическое исследование по теме: «Разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в части сохранения уникального уклада жизни, развития традиционной хозяйственной деятельности, подготовки кадров из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

---

[1] *Гиринский А.А., Азыркин П.Д.* «Консервативный модерн» // Россия в глобальной политике. – 2024. – Т. 22, № 5. – С. 41-58. – https://globalaffairs.ru/articles/modern-girinskij-azyrkin/.

[2] *Пушкарева Г.В.* Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 156-173.

[3] *Семененко И.С.* Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 102-113.

[4] Государственная Дума ФС РОФ «Полный текст поправок в конституции. Что меняется?» – http://duma.gov.ru/news/48045.

[5] См. принятые законы: «О внесении изменений в ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и статью 32 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» 2025 г.; «О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2022 г.; «О внесении изменений в статьи 6 и 7 ФЗ «О национально-культурной автономии» 2022 г.; «О внесении изменений в ФЗ закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2021 г.

Законотворчество РФ в сфере этнической идентичности, этнокультурного и этнополитического самоопределения отражает особенности российского федерализма, а также культурные особенности и потребности региональных сообществ, которые заметно дифференцированы по регионам страны в связи с особенностями этнодемографической карты.

Так, 15-17 мая 2026 г. в Пятигорске состоялось выездное заседание Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей, на котором обобщен опыт реализации государственной национальной политики РФ в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа и актуализированы проблемы межэтнических отношений, политико-управленческих практик, а также и национально-культурной самоорганизации. По итогам заседания заинтересованным федеральным органам исполнительной власти рекомендовано:

- разработать комплекс мер по организации работы с молодежью в рамках профилактики и противодействия экстремизму с учетом этнических, культурных и конфессиональных особенностей субъектов округа;
- рассмотреть возможность активного вовлечения молодого поколения журналистов и блогеров в освещение событий в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений с целью продвижения национальной тематики в современной медиасфере;
- обеспечить прогнозирование появления конфликтных ситуаций и своевременное принятие мер реагирования, в том числе, в рамках информационного взаимодействия с ситуационным центром ФАДН России[1].

Высокий уровень заинтересованности федерального центра в упрочении состояния и в оптимизации перспектив этнокультурных и этнополитических процессов подтверждается инициативами главы государства. Так, на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям 5 ноября 2025 г. были зафиксированы значимые и конкретные направления деятельности, а именно:

– образование правительственной комиссии по вопросам реализации государственной национальной политики РФ с включением в ее состав полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах или их заместителей;
– принятие дополнительных мер по информационному обеспечению реализации государственной национальной политики РФ, в том числе по противодействию негативному иностранному информационному влиянию на состояние межнациональных отношений;
– усиление мер исполнительных органов субъектов РФ по повышению эффективности реализации государственной национальной политики РФ;
– повышение внимания к реализации этнополитики на региональном уровне и упрочению обратной связи с населением;
– уточнение индикаторов эффективности реализации государственной национальной политики.
– проведение в 2026 г. в РФ Года единства народов и учреждение в РФ двух новых праздников: День коренных малочисленных народов – 30 апреля, День языков народов РФ – 8 сентября[2].

Важнейшей инициативой в обновлении политико-доктринальной оптики этнокультурных и этнополитических процессов стала новая редакция «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (далее – Стратегия). В качестве главной цели провозглашается укрепление единства многонационального народа России и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны. Документ фиксирует позитивные тенденции межэтнических отношений и перспективный общегражданский контекст их развития, а именно: доля граждан РФ, положительно оценивающих отношения между представителями различных национальностей, в 2024 г. составила 75,1%; общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) стабильно преобладает среди других форм коллективной идентичности (локальной, религиозной, национальной) и в 2025 г. превысила 92%[3].

[1] В Пятигорске состоялось выездное расширенное заседание Комитета по делам национальностей. Государственная Дума ФС РФ. – http://duma.gov.ru/news/61417.

[2] Под председательством Владимира Путина прошло заседание Совета при Президенте по межнациональным отношениям // Президент России. – http://kremlin.ru/events/councils/by-council/28/78409.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной националь-

Подчеркнута роль русского народа как государствообразующего, необходимость сохранения и развития его культуры и упрочения статуса русского языка в связи с современными вызовами и угрозами. В качестве таковых отмечены рост русофобии и попытки пересмотреть историческое прошлое РФ, умалить роль СССР во Второй мировой войне, а также мифические сценарии «деколонизации России». В документе отражены новые геополитические процессы – вхождение в состав РФ новых территорий и новый уровень геополитического противостояния. Также указаны риски миграционных процессов, провокационного воздействия из-за рубежа, вербовки российских граждан через НПО, НКО.

Закономерно, что многие новации Стратегии обусловлены изменениями международных реалий, а также внешнеполитическими негативами, которые организуются против России некоторыми странами и транснациональными альянсами. Стратегия в прогнозном режиме нацелена на профилактику геополитизации межэтнических отношений, которая может нанести ущерб суверенитету страны. В этом плане Стратегия, как и иные государственные документы долгосрочного планирования, не предусматривают экономической, политической и культурной изоляции России, но в то же время декларируют независимость внутренней политики и внешнеполитического курса.

Проектная оптика предусматривает, что к 2036 г. доля россиян, положительно оценивающих отношения между представителями разных национальностей, должна составить не менее 85% граждан; уровень общероссийской идентичности должен составить не менее 95% граждан; отсутствие дискриминации по национальному и языковому признаку должны отмечать не менее 90% граждан[1].

Вместе с тем Стратегия фиксирует многие проблемы, прежде всего внешней детерминации, которые способны при их игнорировании нанести ущерб поступательной реализации российских этнокультурных и этнополитических трендов. Это – вторжение внешних межэтнических и межрелигиозных противоречий и конфликтов на территорию РФ и вовлечение в них родственных этноконфессиональных групп, которые неравнодушны к социальным и политическим биографиям своих этнических и религиозных сородичей. Также это транслируемая из-за рубежа русофобия, которая из проявлений бытовой ксенофобии может трансформироваться и использоваться как националистический политический проект с весьма опасными результатами. Существенной проблемой является включение в пространство российской государственной национальной политики населения новых территорий, которое в течение десятилетий находилось вне политико-управленческого воздействия РФ. Также акцентируются возможное усиление внутрироссийских этнополитических рисков, которые в контексте социально-экономических проблем, а также в результате возможного внешнего манипулирования могут стать фактором дестабилизации по линиям: этническая группа – этническая группа; этническая группа – государство; федеральный центр – субъект федерации; местное населения – мигранты и др. Все это актуализирует новые формы и технологии «обращения» с этническими противоречиями и конфликтами, которые закономерно проявляются в социальных и политических процессах[2].

Не теряют своей актуальности отложенные этнические конфликты в некоторых регионах (прежде всего, на Северном Кавказе), «войны памяти», взаимные территориальные претензии субъектов, а также озабоченности этнических активистов в связи с сокращением пространства родных языков. Северокавказский вектор политико-управленческих усилий власти иллюстрирует важность этнокультурной и этнополитической безопасности регионального сообщества как составляющей безопасности российской гражданской нации. Это тем более важно, что субъекты РФ СКФО при видимой общности социального портрета и социальных стратегий населения имеют в своем составе многие этнические коллективы с разнонаправленными интересами[3].

ной политики Российской Федерации на период до 2036 года». Официальное опубликование правовых актов. – http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». Официальное опубликование правовых актов. – http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024.

[2] *Зазнаев О.И.* Этнический конфликт и форма правления: современные дискуссии // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 25-40.

[3] *Литвинова Т.Н.* Эффективность региональной власти: от теории к измерению (на примере республик Се-

Обновлённая доктринальная и политико-управленческая оптика «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» призывает органы власти и управления во взаимодействии с институтами гражданского общества к осмыслению категориального аппарата этнополитики, а также к обновлению техник и технологий ее реализации. Залогом успеха является не столько следование за временными и пространственными тенденциями национальных, федеративных и межэтнических отношений, сколько прогнозирование и предупреждение возможных вызовов и рисков[1].

Здесь стоит представить не только внешние провокационные детерминанты и кейсы, но и внутренние проблемы реализации государственной национальной политики. Среди них, на наш взгляд, очевидными являются:

– лабое кадровое обеспечение реализации этнополитики на местном уровне (отсутствие освобожденных специалистов в данной сфере в администрациях МСУ);
– придание профильным органам власти в регионах (министерствам, ведомствам, комитетам) функционала, не связанного напрямую с состоянием межэтнических отношений;
– запаздывание реагирования (информационного, политического, управленческого, общественно-инициативного) на провокационные, фейковые внедрения в сферу межэтнических отношений, этнокультурных и этнополитических интересов народов;
– разрастание этнического и религиозного фактора в общей парадигме акцентирования традиционных ценностей;
– неопределенность, противоречия и политико-управленческая недостаточность в отношении мигрантов, соотечественников из-за рубежа, лиц, ориентированных на российские традиционные духовно-нравственные ценности;
– камуфлирование канализированных межэтнических противоречий, этнических конфликтов (прежде всего, территориальных и статусных) в некоторых регионах общепатриотическим российским дискурсом и примитивное «патриотическое воспитание» с акцентированием оборонного контента;
– сужение пространства родных языков коренных народов РФ в связи с поправками в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», как и количественное и качественное сужение пространства русского языка в отдельных регионах вследствие уменьшения числа его носителей;
– воздействие на настроения в этнических и религиозных сообществах геополитических факторов, зарубежных инцидентов и конфликтов, а также политической, электоральной ситуации в странах ближнего зарубежья;
– опасения коренных (в том числе титульных) народов РФ и национальных меньшинств (диаспорных сообществ) утраты этнокультурной самобытности, этнополитического статуса в связи с провозглашением русского народа государствообразующим (в непрямой и далее в прямой форме) в Конституции РФ, в Стратегии и в иных доктринальных документах;
– формирование новых организаций этнической и религиозной направленности, имеющих и не имеющих правовых форм («Русская община», «новые мусульмане», «городские мусульмане» и др.) с неопределенной повесткой, целями и задачами.

В этой связи представляется целесообразным:

– разъяснение в референтных группах (профильные работники региональных органов власти и органов местного самоуправления, учительский, соответствующий педагогический состав, руководители национально-культурных общественных организаций) современных понятий государственной национальной политики в соответствии с «пересборкой» ядра социогуманитарного знания;
– включение смысловых и рамочных новаций государственного доктринального документа в практику национально-культурных организаций и автономий, форумов и

веро-Кавказского федерального округа) // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 137-152; *Салгириев А.Р.* Политические элиты Северного Кавказа: эволюция, структура, функционирование. – М.: Издательские технологии, 2026. – 341 с.

[1] *Найденко В.Н.* Этноконфликтность в контексте национальной безопасности России // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 150-162.

конгрессов народов, этнических советов, домов национальных культур, центров дружбы, региональных отделений Ассамблеи народов России и т.д.;
- обеспечение информационного сопровождения идей обновленной Стратегии в СМИ, в Интернет-ресурсах, на информационных платформах на региональном и местном уровнях с учетом региональной и местной этнокультурной и этнополитической специфики;
- внедрение идей Стратегии в молодежные сообщества (студенческие, этнические, религиозные, иные социальные молодежные страты) средствами образования, воспитания, общественной организации;
- поиск эффективных технологий, форм и методов внедрения в общественное сознание идеи российской цивилизационной идентичности и миссии России как страны-цивилизации;
- применение современных информационных, методических, организационных форм и методов работы с молодежью (в том числе, не организованной), тяготеющей к национально-культурному и религиозному самоопределению.

Гришаева Ю.М.
д.п.н., доцент, профессор, Московский педагогический государственный университет;
Финансовый университет при Правительстве РФ
j.m.g@mail.ru

Нгуен Н.Н.З.
аспирант, Московский педагогический государственный университет
nhudu2397@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВЬЕТНАМЕ

Ключевые слова: патриотическое воспитание; Вьетнам; Россия; национальная идентичность; международная интеграция.
Key words: Patriotic education; Vietnam; Russia; national identity; international integration.

Введение

Для Вьетнама, страны с тысячелетней историей государственного строительства и обороны, патриотизм – это не только моральное качество, но и непреходящая культурная и духовная ценность, движущая сила существования и развития нации. Начиная с феодальной эпохи, когда патриотизм был связан с верностью монарху, через войны сопротивления французскому колониализму и американскому империализму, до периода реформ и интеграции, содержание патриотизма постоянно дополнялось и обогащалось. Патриотическое воспитание среди школьников, будущих лидеров страны, всегда определялось Коммунистической партией Вьетнама и вьетнамским государством как стратегически важнейшая задача.

Между тем, в Российской Федерации патриотическое воспитание также рассматривается как важный инструмент укрепления социальной солидарности и утверждения позиций России на международной арене. Однако каждая страна имеет свой подход. В данной статье основное внимание будет уделено уточнению уникальных характеристик вьетнамской модели, а затем будет проведено сравнительное исследование с российской моделью, особенно с тенденцией «оборонительного патриотизма», которая активно реализуется в России.

Основные особенности патриотического воспитания школьников во Вьетнаме

Система патриотического воспитания школьников во Вьетнаме имеет ряд важных особенностей. Рассмотрим каждую из них.

Четкая и последовательная политическая и правовая база. Патриотическое воспитание во Вьетнаме систематизировано в рамках строгой правовой и политической системы. Закон об образовании 2019[1] года четко определяет цель подготовки вьетнамского народа к всестороннему развитию, включая «патриотизм, национальный дух, верность идеалам национальной независимости и социализма». Важные резолюции партии, такие как Резолюция № 9 Центрального комитета (11 съезда) о построении культуры[2]; документы 13 Национального съезда Коммунистической партии Вьетнама[3]; Директива № 42-CT/TW о воспитании революционных идеалов[4] или Заключение № 91-KL/TW о реформе образования[5], подчеркивают роль патриотического воспитания, национальной гордости и стремления к вкладу в общество у молодого поколения. Это демонстрирует системный характер и долгосрочное стратегическое видение вьетнамского государства.

Интеграция междисциплинарных предметов в основную учебную программу. В отличие от подхода, рассматривающего патриотическое воспитание как отдельный предмет или просто пропагандистскую деятельность, Вьетнам выступает за интеграцию этого содержания во многие предметы и образовательную деятельность[6].

Предмет «История». История не только дает знания, но и помогает школьникам понять героический процесс строительства и защиты страны, от побед Чан Хынг Дао, Ле Лой, Куанг Чунга до победы Дьенбьенфу и Великой весенней победы 1975 года. Цель – пробудить благодарность, национальную гордость и чувство ответственности за защиту Отечества.

Предмет «Гражданское образование». Этот предмет даёт школьникам знания о правах и обязанностях граждан, патриотизме, национальной солидарности и верности Отечеству.

Предмет «Литература». Через литературные произведения, такие как «Повесть о Киеу» Нгуен Зу и патриотические стихи авторов, в школьниках воспитываются духовные качества и любовь к своей Родине, стране и народу Вьетнама.

Предмет «География». Помогает школьникам четко понять суверенитет территорий, границ, морей и островов (особенно Хоанг Ша и Чыонг Ша), тем самым формируя чувство защиты территориальной целостности Отечества.

Разнообразие внеклассной деятельности и практического опыта. Другой выдающейся особенностью является обилие внеклассных мероприятий, создающих здоровую и полезную игровую площадку для школьников: 1) программа «Военный семестр»: это очень успешная модель практического обучения, где школьники живут в военной среде, практикуя жизненные навыки, дисциплину, волю и патриотизм; 2) онлайн-конкурс «Горжусь Вьетнамом»: привлекает к участию миллионы школьников, проверяет их знания по истории, культуре и географии в живой и современной форме, применяя информационные технологии к традиционному образованию; 3) конкурс «Я люблю море и острова моей Родины»: конкурс организован с целью подтверждения суверенитета морей и островов, чествования сил, защищающих суверенитет Вьетнама, и призыва к практическим действиям по защите суверенитета Отечества; 4) осмотр достопримечательностей и выезды в места исторической памяти: посещение музеев, исторических комплек-

[1] Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам (2019 г.). Закон об образовании № 43/2019/QH14. – https://hepo.iesalc.unesco.org/pc/static/countrydocs/cp/2025/vnm/vnm_HEEdLawLi.pdf.

[2] Коммунистическая партия Вьетнама. Постановление № 33-NQ/TW от 9 июня 2014 года Девятой конференции XI съезда партии о построении и развитии вьетнамской культуры и народа в соответствии с требованиями устойчивого национального развития.

[3] Коммунистическая партия Вьетнама. Документы XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама. – Ханой, 2021.

[4] Директива № 42-CT/TW от 24 марта 2015 года Центрального секретариата партии о «Укреплении руководства партии в работе по воспитанию революционных идеалов, морали и культурного образа жизни для молодого поколения на период 2015-2030 годов».

[5] Коммунистическая партия Вьетнама. Заключение № 91-KL/TW от 12 августа 2024 года о продолжении выполнения Постановления № 29-NQ/TW и Постановления № 71-NQ/TW от 22 августа 2025 года Политбюро о прорывах в развитии образования и профессиональной подготовки.

[6] Циркуляр 32/2018/TT-BGDĐT утверждает новую программу общего образования. – https://luatvietnam.vn/giao-duc/thong-tu-32-2018-tt-bgddt-ban-hanh-chuong-trinh-giao-duc-pho-thong-moi-169745-d1.html.

сов, традиционных ремесленных деревень, встречи с очевидцами исторических событий помогают школьникам подойти к изучению наиболее интуитивным и эмоциональным способом.

Мобилизация объединенных сил всего общества. Патриотическое воспитание во Вьетнаме является не только задачей школы, но требует тесной координации между семьей, школой и обществом. «Семья – ядро общества»[1] и «ядро общества – семья»[2]. Семья является первой основой формирования личности. Исторические рассказы, передаваемые бабушками и дедушками, родителями, традиционные моральные ценности, взращиваемые за семейными трапезами, дни поминовения предков и традиционные праздники, например, Тет, – это самый прочный фундамент.

Политические и социальные организации. Президент Хо Ши Мин говорил, что Союз молодежи является «эффективным инструментом партии для реализации революционной политики и принципов»[3]. В настоящее время Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина и Пионерская организация имени Хо Ши Мина играют ключевую роль в организации движений, волонтерской деятельности, конкурсов и создании среды, в которой школьники могут выражать свой патриотизм посредством конкретных действий (охрана окружающей среды, выражение благодарности, помощь сообществу). В частности, Союз коммунистической молодежи имени Хо Ши Мина усиливает работу по воспитанию молодежи на основе революционных идеалов, этики и политической идеологии, а также борется с деструктивными инициативами, направленными на вовлечение и подстрекательство молодежи к участию в противоправной деятельности[4].

Сравнение особенностей патриотического воспитания школьников во Вьетнаме и России

Россия проводит стратегию «оборонительного патриотизма», направленную на создание духовной крепости против западного культурного влияния. Эта модель имеет ряд поразительных сходств и одновременно различий по сравнению с Вьетнамом (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение особенностей патриотического воспитания школьников во Вьетнаме и России

Особенности	Вьетнам: патриотизм во имя развития	Россия: оборонительный патриотизм
Стратегические цели	Стратегическая цель – превращение патриотизма во внутреннюю силу, движущую силу национального развития и международной интеграции.	Защита «идеологического суверенитета», сопротивление культурному влиянию и ценностям Запада.
Основное содержание	Патриотизм – это хорошая учеба, творчество, предпринимательство, интеграция, сохранение идентичности, защита суверенитета.	Патриотизм – это абсолютная преданность государству, историческая бдительность, готовность бороться за защиту Отечества.

[1] Заключение Политбюро № 80-КЛ/ТВ от 25 декабря 2013 года об ускорении реализации Резолюции № 25-НК/ТВ. – https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Ket-luan-80-KL-TW-2013-thuc-hien-25-NQ-TW-lanh-dao-Dang-cong-tac-thanh-nien-cong-nghiep-hoa-227510.aspx.

[2] *Хо Ши Мин.* Полное собрание сочинений. Т. 13. – Ханой: Государственное политическое издательство, 2011. – С. 538.

[3] *Хо Ши Мин.* Полное собрание сочинений. Т. 12. – Ханой: Государственное политическое издательство, 2011. – 300 с.

[4] *Хо Ши Мин.* Полное собрание сочинений. Т. 10. – Ханой: Государственное политическое издательство, 2011. – С. 439.

Окончание табл. 1

Особенности	Вьетнам: патриотизм во имя развития	Россия: оборонительный патриотизм
Методы в школе	1) начальная школа: интеграция по предметам, развитие любви к сообществу; 2) основная школа: обучение через проекты, знакомство с наследием; 3) средняя школа (старшая ступень): связь с карьерной ориентацией, глобальным гражданством, цифровым суверенитетом.	1) начальная школа: формирование духовной основы школьников через символы, ритуалы и участие в акциях; 2) основная школа: акцент в содержании гуманитарных предметов на культурную идентичность на основе исторической памяти и системы ценностей; 3) средняя школа (старшая ступень): основы начальной военной подготовки (предмет «Основы безопасности и защиты Родины»).
Типичные внеклассные мероприятия	«Военный семестр», памятные мероприятия и социальное волонтерство, посещение исторических мест, летние лагеря, исторические соревнования.	«Юнармия», учебный центр «Авангард», летние военные лагеря, исторические реконструкции.
Роль технологий	Приложение для оцифровки наследия, создания интерактивного опыта, проведения «цифровой культурной дипломатии».	Создание «суверенного киберпространства», использование социальных сетей для воспитания национального самосознания и борьбы с дезинформацией.
Внешнеполитическое отношение	Открытость и инициативность: интеграция ради развития, «гражданин мира с вьетнамской идентичностью».	Бдительность и защита: сопротивление навязыванию ценностей и защита традиционных устоев.

Обе страны ценят патриотическое воспитание, но их подходы различны из-за разных исторических и политических контекстов. Российская модель сильная, жесткая, «оборонительная», готовящая молодое поколение к борьбе с внешними угрозами. Вьетнамская модель является более гибкой и «развивающей», обеспечивая как традиционное образование, так и обеспечивая школьникам интеграцию, превращая патриотизм в конкурентоспособность и творчество в эпоху глобализации.

Некоторые проблемы и направления для улучшения

Несмотря на многочисленные достижения, патриотическое воспитание во Вьетнаме по-прежнему сталкивается с рядом трудностей, таких как: региональные различия, нехватка местных материалов, временами формализм и отсутствие конкретных критериев оценки. В будущем Вьетнаму необходимо обеспечить внедрение ряда инноваций для повышения качества патриотического воспитания, в том числе: 1) персонализация и обучение на основе опыта – переход от механического запоминания к конструктивному обучению, поощрение школьников к самостоятельному исследованию и практике; 2) расширение применения цифровых технологий – создание виртуальных интерактивных пространств, оцифровка культурного наследия и создание увлекательных медиапродуктов на цифровых платформах; 3) более тесные связи с местными сообществами и предприятиями – связь патриотического воспитания с практическими местными проблемами посредством инновационных конкурсов стартапов и преобразование идеалов в конкретные социально-экономические действия.

Заключение

Патриотическое воспитание школьников во Вьетнаме представляет собой комплексную систему, обладающую глубоким историческим опытом и научно-обоснованным подходом. В рамках стратегии «Патриотизм во имя развития» Вьетнам воспитывает поколение школьников, глубоко укорененных в национальных традициях, уверенных в себе, динамичных, творческих и способных к международной интеграции. В то время как Россия играет ведущую роль в реши-

тельном противостоянии западным ценностям, демонстрируя модель надежной стратегической обороны, Вьетнам подходит к этому вопросу проактивно и с четкой ориентацией на будущее. Это не только различие в образовательной политике, но и отражение стратегического видения сильного и процветающего Вьетнама, стоящего плечом к плечу с ведущими мировыми державами, как того желал президент Хо Ши Мин.

Журба А.Н. (Белов В.)
независимый исследователь, ФРГ
belov909@mail.ru

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ НЕЗАПАДНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ОСНОВА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, национальные ценности, безграничность потребления, исчерпаемость природных ресурсов, стратегическая нестабильность, капитализм, конкуренция, прибыль, новая социально-экономическая модель, взаимовыгодное сотрудничество.

Key words: civilization identity, national values, unlimited consumption, depletion of natural resources, strategic instability, capitalism, competition, profit, a new socio-economic model, mutually beneficial cooperation.

1. Введение

Вплоть до нового времени человечество развивалось в рамках традиционных культур и традиционных верований, общим стержнем которых была гармония и тесная взаимосвязь с матерью-природой, с космосом, с окружающими людьми. Уважительное отношение к предкам, высокая духовность, почитание семьи, сородичей, совместный труд на общее благо были неотъемлемыми чертами жизнеустройства традиционного общества.

В результате трех революций, случившихся в Европе – Реформации, Просвещения и промышленной революции – на Земле появился новый культурно-исторический тип человека – homo economicus, который стал носителем прямо противоположных традиционному человеку качеств, противопоставлявших личные интересы общественным. Новый человеческий тип – атомизированный индивид – в свою очередь, создал новый тип социально-экономических отношений, получивший название капитализм. Он отличался от всех предыдущих типов как динамичным развитием техники и технологий, так и непрерывным делением общества на две неравные части – победителей и побежденных.

Под воздействием острой критики, массового недовольства «проигравших» и ряда национально-освободительных и социальных революций, капитализм был вынужден несколько смягчить свои формы, но суть его осталась неизменной – экспансия и прибыль по-прежнему являются его основной движущей силой. Ульрике Херман по этому поводу выразилась так: «Капитализм следует логике раковой клетки. Он должен непрерывно расти, уничтожая при этом всю окружающую его среду и тем самым, в конечном счете, уничтожает самого себя» [1, с. 96].

Это, имманентно присущее капитализму свойство – безграничный рост, безудержное расширение – находится в непримиримом противоречии с конечностью природы и ограниченностью её ресурсов. Неуёмное потребительство как самого капитала, так и воспитанной в его духе человеческой массы неизбежно уткнётся в земные пределы. И в тот момент, когда рентабельность рыщущего по всему миру свободного предпринимательства повсеместно обратится в нуль и дальнейший рост капитала станет невозможным, капитализм погибнет сам собой, без пролетарских

революций и забастовок профсоюзов. Это одно из тех неразрешимых противоречий, которые со всей очевидностью означают, что у капитализма нет будущего и он заведомо и безоговорочно обречен на исчезновение.

Однако прежде чем погибнуть самому, он погубит всю планету со всеми населяющими её людьми, точно также, как погибает раковая клетка. Отсюда следует непреложный вывод – капитализм должен погибнуть и он погибнет, но это не означает, что вместе с ним должно гибнуть все человечество. Поэтому уже теперь перед человечеством во весь рост стоит экзистенциальная задача разработки и повсеместного внедрения новой социально-экономической модели, надежно оберегающей природу и самих людей от перманентных кризисов, деградации и, в конечном счете, от полного исчезновения.

Ещё в начале XX века Сунь Ятсен попытался наметить контуры такой модели для Китая в своей знаменитой речи «Три народных принципа» [2, с. 110]. Третьим принципом стал принцип народного благосостояния. Предупреждая о том, что западная цивилизация несет с собой как благо, так и зло, Сунь Ятсен предлагал «воспользоваться благом и избежать зла». По его мнению «блага» можно достичь, устранив неравенство путем регулирующего вмешательства государства в естественное течение хаотически разрастающихся социальных явлений.

Тот же самый принцип народного блага постоянно провозглашается на всех саммитах БРИКС последних лет. Второй пункт итоговых деклараций неизменно гласит, что главной целью сотрудничества составляющих БРИКС государств является «благо граждан наших стран».[1] Разумеется, при этом имеется в виду благо ВСЕХ граждан. Но что является, или должно являться благом для граждан незападных стран? Каким образом оно может быть достигнуто?

2. Благо народа и барьеры, стоящие на его пути

Частично на вопрос о том, что составляет «благо народа» ответил сам Сунь Ятсен. Он указал, что в целях достижения общенародного блага, прежде всего, необходимо отказаться от доктрины капитализма, выстроенной на непрерывных столкновениях частных интересов бесчисленного множества индивидов, которые неизбежно приводят к образованию «диктатуры богачей». А, поскольку, деловые интересы последних находятся в прямом противоречии с жизненными интересами основной массы народа, то такое развитие событий неотвратимо наносит непоправимый вред принципу народного благосостояния. Капиталистические отношения на тот момент ещё не проникли во внутренние районы Китая, поэтому Сунь Ятсен, опережая события, предлагал в Китае, как аграрной стране, в первую очередь запретить свободную продажу земли: «Что касается такого зла, как монопольное право кучки богатых на эти доходы, то оно, разумеется, должно быть уничтожено навсегда». Земельная рента, по мнению Сунь Ятсена, должна была быть передана в руки государства, выстроенного на принципах народовластия.

Эта мера полностью соответствовала не только традиционным ценностям китайского народа, но и в известной степени перекликалась с многовековыми убеждениями русских крестьян – представителями другой незападной цивилизации. Профессор А. Пыжиков, долгие годы детально изучавший обычаи и духовную жизнь русского народа сообщает, что согласно традиционному мировоззрению русского крестьянства, товаром могло быть только то, что человек произвел собственными руками: «само понятие собственности для человека с общинной психологией было неразрывно связано с трудом. Любые имущественные приобретения без трудовых усилий считались незаконными и несправедливыми. А частное владение землей, недрами, водами вообще рассматривалось как невозможное, поскольку эти богатства не являются продуктом человеческой деятельности» [3, с. 640].

В модели Сунь Ятсена роль арбитра и, одновременно, руководящей и направляющей силы отводилась компетентному государству, которое кроме известных трех властей, по замыслу автора, должно было включать в себя еще две независимых власти – экзаменующую и контролирующую. Эти дополнительные ветви власти должны были поднять авторитет и компетентность государства, непрерывно заботящегося о народном благе. Современный Китай во многом соответствует этому завету Сунь Ятсена.

[1] Декларация Рио-де-Жанейро. 06-07-2025. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf .

К сожалению, сегодняшний глобальный мир плотно опутан экономическими стандартами, финансовыми протоколами и прочими нормативами, основанными на капиталистической модели развития, от которых даже технически очень трудно отказаться в одночасье. Однако угроза стагнации и гибели действующей социально-экономической модели должна оказать решающее влияние на пересмотр этих норм, прежде всего у незападных стран, поскольку распад капиталистической системы в первую очередь именно в этих странах приведет к неизбежному развалу всех систем жизнеобеспечения с последующим непредсказуемым разрастанием массовых народных бедствий. Для предотвращения развития подобного сценария незападным странам следует, хотя бы в отношениях между собой, проводить политику постепенного отказа от главных императивов капитализма – погони за прибылью и конкуренции, подменяя их доверием и тесным, взаимодополняющим сотрудничеством.

Из этого положения вытекает первая задача для новой социально-экономической системы – экономика незападных стран должна быть перенацелена с поисков способов извлечения прибыли конкурирующими субъектами на удовлетворение РАЗУМНЫХ потребностей населения, обеспечиваемое компетентным народным правительством. То есть экономика должна вернуться к своему изначальному предназначению, определенному ещё Аристотелем. Несмотря на кажущиеся трудности выполнения этой задачи, она не представляет собой неисполнимой утопии и, тем более, невиданного «социального эксперимента». Все эти идеи были основательно опробованы и успешно работали в XX веке. Имеется в виду не только опыт социалистических стран, но и опыт военной экономики США, опыт построения «государства всеобщего благоденствия» в Великобритании, когда были национализированы железные дороги, ведущие отрасли экономики и даже Банк Англии. Опыт скандинавских стран также заслуживает пристального внимания и изучения с тем, чтобы при построении новой социально-экономической модели свести возможные ошибки к минимуму. И, наконец, в деле построения новых, справедливых социально-экономических отношений не обойтись без богатого практического опыта плодотворного взаимодействия стран СЭВ.

Однако самым важным фактором, отвечающим за успешную адаптацию новой социально-экономической модели к условиям отдельной взятой страны, является царящий в стране духовно-нравственный климат, основанный на основополагающих ценностях того или иного народа.

«Хозяйство (экономика) – один из важнейших «срезов» жизнеустройства народа. В нем сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания и умения. Вариантов комбинации всех этих элементов большое множество, поэтому хозяйство каждой этнической общности обладает неповторимым своеобразием. Этнос – творец своей самобытной системы хозяйства. Но хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится. То есть, в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса» [4, с. 22].

Очевидно, что способы и методы производства в совокупности с производственными отношениями неразрывно связаны с особенностями нации, с её культурным кодом. Другими словами, тесная связь приемов организации экономической деятельности со специфическими представлениями человека о мире и о себе подобных, составляет основу объединения людей в нации, позволяет говорить о неповторимом, самобытном национальном облике. Именно потому, что угроза утраты «национального характера» и, соответственно, распада нации при смене социально-экономической модели очень велика, реформаторы, берущиеся за эту операцию, в первую очередь должны учитывать в конструкции новой модели традиционные подходы и культурную составляющую как минимум в организации жизненно важных национальных структур.

Новая модель не должна противоречить основополагающим ценностям народа, а тем более быть насильно навязана с одновременным сломом прежних нравственных ориентиров и традиционных установок. Принуждение к чуждым ценностям и приоритетам неизбежно порождает мировоззренческий конфликт с приобретенным ранее, с младенческих лет мировосприятием. Это противоречие самым трагическим образом отражается на жизни человека – оно лишает его устойчивой жизненной позиции, пробуждает неуверенность в себе и окружающих, вносит тревогу и беспокойство в его повседневную жизнь, сказывается на его поведенческих реакциях, порождает социальную апатию. В конечном счете, это противоречие ведет к тяжелой форме ано-

мии, грозящей личности и обществу полным распадом. Поэтому сохранение основополагающих ценностей в неприкосновенности является второй и важнейшей задачей, которую требуется решить в ходе построения новой социально-экономической модели для успешного преодоления всегда болезненной смены устаревшего мирохозяйственного уклада.

Необходимо также всегда помнить, что создание новой, альтернативной существующей модели развития НЕВОЗМОЖНО, если постоянно опираться на методологию старой модели. Для незападных обществ решительный отказ от конкуренции и норм прибыли потребуется, прежде всего, в системах жизнеобеспечения. К таким системам относятся: ТЭК, транспортная система, ЖКХ, финансово-кредитная система, ВПК, здравоохранение, фармацевтика, образование, наука. Эти системы должны функционировать вне рынка и вне закона стоимости. Очевидно также, что в разных цивилизациях и тем более в разных странах значение этих систем различно – исправно работающая система ЖКХ в РФ имеет несравненно более высокий приоритет для населения, чем в Индии. И это тоже требуется учитывать. Что же касается розничной торговли, сферы услуг, мелкотоварного производства, обеспечивающих изменчивый спрос потребительского рынка, то в этих секторах наоборот, необходимо сохранение и поощрение рыночных отношений, но, разумеется, в рамках, определяемых компетентным государством.

В условиях параллельного функционирования в экономике государственного и частного секторов практически неизбежно появление криминальных коррупционных схем. Для противодействия этому разрушительному явлению необходимо использовать как хорошо зарекомендовавшие себя прежние методы расчетов – взаимозачеты, клиринг, двухконтурную систему денежного обращения, так и применять новые приемы, например, путем введения электронных меток осуществлять блокировку несанкционированного использования бюджетных денег.

Для создания новой, успешной социально-экономической модели требуется также незамедлительно признать ошибочным и вредным изобретенный капитализмом миф о якобы безграничных материальных потребностях человека. Как уже говорилось выше, в самой идее безудержного развития производства товаров и услуг, безграничного насыщения рынка всё новыми и новыми продуктами изначально заложена цепь противоречий. И первое из них состоит в том, что рост материальных потребностей человека должен неизбежно упереться в ограниченные возможности ресурсов планеты Земля.

«Нужно понять, наконец, что программирование бесконечного экономического роста производства и потребления было безумной идеей. Между тем именно на этой идее безграничного экономического роста построено все наше общество, наше государство. Ориентация людей на все больший рост производства и потребления создала счета, по которым некому платить. Конечность природы, ограниченность ее ресурсов не дают возможностей для безграничного роста производства. Процесс эксплуатации природы упирается в объективные границы» [5, с. 199].

Задача непрерывного роста материального потребления принципиально неразрешима в масштабах всего населения планеты, а потому изначально лжива. Однако для ограниченного круга особ она вполне выполнима. Но такое решение проблемы прямо противоречит поставленной задаче общенародного блага, поэтому должно быть отметено безоговорочно и навсегда. Из неразрешимости задачи удовлетворения «непрерывно растущих» материальных потребностей всего человечества следует «неутешительный», но неизбежный вывод – эти потребности должны удовлетворяться в разумных пределах.

Другое дело духовные потребности человека – они безграничны и неисчерпаемы, как Вселенная, поэтому на их удовлетворение никаких ограничений быть не может.

На пути планомерного выполнения условий и решения задач по выстраиванию новой социально-экономической модели, сама методология капитализма, и все сопровождающие её мифы должны быть продуманно и последовательно заменены точно рассчитанной, долгосрочной программой достижения общенародного блага на основе взаимовыгодного сотрудничества стран БРИКС, объединяющих сегодня четыре континента планеты. Новая стратегия развития этих стран неизменно должна опираться на новые межнациональные структуры и укрепляться всевозможными межнациональными равноправными связями – культурными, экономическими, туристическими и т.д. Результатом этого сближения должно стать образование мегацивилизации дружбы и взаимовыгодного сотрудничества.

3. Заключение

Суть кризисных явлений, охвативших весь мир в последние десятилетия, заключается в том, что прежняя модель социально-экономического развития, рожденная и навязанная всему миру западной цивилизацией, морально и физически устарела и совершенно не годится для выросшего самосознания и экономической мощи незападных цивилизаций.

На протяжении столетий капитализм достиг немалых высот, в том числе и социальных. Однако большей частью все достигнутые капитализмом «блага цивилизации» реализовались в странах Запада, оставляя остальному миру, за счет которого, в основном, это благополучие и достигалось, лишь крохи. За относительную современную «зажиточность» западной цивилизации человечеству пришлось заплатить столетиями «социального ада» – начиная с политики «огораживания» в Европе и кончая колониальными захватами и работорговлей, которые поставили на грань исчезновения многие народы традиционных культур. Сегодня, в XXI веке господство западной модели общества завело человечество в «цивилизационный тупик», поэтому можно утверждать, что времена политэкономии, основанной на приоритете интересов индивида, культе прибыли и потребительском сознании масс безвозвратно ушли в прошлое. Этот вывод со всей очевидностью доказывается царящей в мире хронической нестабильностью, непрекращающимися кризисами в различных сферах жизнедеятельности начиная социальной и кончая финансово-кредитной.

Ограниченность природных ресурсов и необходимость сохранения среды обитания с одной стороны, а с другой стороны предельно высокий уровень научно-технического и технологического развития человечества, подкрепленный ИИ, не оставляют пространства на сохранение в будущем примитивной и весьма затратной хищнической капиталистической модели развития, характерной неуемным потреблением и безудержным расходом исчерпаемых природных ресурсов. Прежний несокрушимый довод апологетов капитализма о непревзойденной эффективности частного владельца в сравнении с «ничейной» общественной или государственной собственностью, с активным развитием ИИ становится малоубедительным – с рациональным проведением анализа, с алгоритмами расчетов всех возможных вариантов машиной не может сравниться ни один человеческий мозг, к тому же обремененный иррациональными эмоциями и предпочтениями. Сегодня менеджмент крупных компаний активно использует ИИ. А коллективный характер принятия решений в сложном современном производстве, основанном на передовых достижениях науки и техники, еще Йозефом Шумпетером был признан ведущим в условиях НТР [6].

В XXI веке развитие общества не может и не должно опираться на слепую случайность, на метод проб и ошибок, лежащий в основе т.н. «созидательного хаоса» свободного рынка и конкуренции. Надежда на саморегуляцию рыночной стихии в век исчерпания природных ресурсов планеты является абсурдом, самоубийственной утопией. Только осознанные и определенные самим человеком цели, методы и средства развития общества, способны это общество сохранить и вывести на более высокий уровень самосознания, самоорганизации и обеспечения его разумных потребностей. Стихийная, рыночная саморегуляция допустима только локально и исключительно в рамках, определяемых самим обществом.

Капитализм обречен, но его удивительная изворотливость и способность к адаптации, которую он неоднократно демонстрировал («великая депрессия» – кейнсианство; крах колониальной системы – неоколониализм и т.д.) позволяет предположить, что его идеологам удастся и на этот раз найти «спасительные снадобья». Другими словами, вполне возможно, что западная цивилизация и в условиях современного системного кризиса сумеет найти способ собственного сохранения. Однако любая очередная тактическая победа капитализма станет очередным паллиативом, который не в состоянии устранить основные его противоречия – между трудом и капиталом, между непрерывной экспансией и конечностью природы и т.д.

В том же случае, когда речь идет о незападных странах, то им категорически не следует руководствоваться полумерами, не исправляющими, а камуфлирующими губительные для человечества неотъемлемые свойства системы. Дело в том, что, продолжая оставаться на платформе капиталистической политэкономии с её законом стоимости, перманентным расширением производства и обязательной погоней за прибылью, эти страны НАВСЕГДА останутся всего лишь ПОДСИСТЕМОЙ развитых стран Запада, каких бы объемов производства и рекордов производи-

тельности труда они не добивались. А это означает полную зависимость собственного социально-экономического развития от того же Запада.

Чтобы избежать этой участи, страны БРИКС должны сами определять стратегию своего развития, осуществляя разумное, плановое ведение народного хозяйства, умело при этом определяя баланс между потребностями населения и возможностями их удовлетворения, не приносящими ущерб среде обитания. Взамен прежних показателей экономической эффективности потребуется разработка новых индикаторов, дающих оценку, прежде всего эффективности использования ресурсов, внедрения инноваций и т.п. В новой системе выборочно должно оставаться место и для рыночных структур, и для характерных для них экономических стимулов и показателей – экономической эффективности, прибыли, рентабельности и т.д. Но главными показателями как для частного, так и для государственного секторов экономики, и, говоря шире – для всех сфер деятельности человека – должны стать социальная эффективность, природосберегающие технологии, показатели уровня обеспеченности населения здоровой и разнообразной пищей, современным медобслуживанием, комфортными бытовыми условиями и т.д.

Смена приоритетных направлений развития общества потребует очень ответственной, кропотливой и творческой работы от государственных и общественных органов, неусыпный контроль за которыми должен осуществлять сам народ через соответствующие демократические институты. Поэтому нам есть смысл пересмотреть своё сегодняшнее отношение к собственности, деньгам, окружающим нас людям и природе с тем, чтобы привести отношение к ним в соответствие с нашими традиционными ценностями. Частное владение уникальной красотой природы и её недрами не должно допускаться ни прямо, ни косвенно. Общество должно бескомпромиссно встать стеной и на защиту нематериальных ценностей, надежно препятствуя их обращению в товар. Неуемной должна быть не жажда потребления, а жажда созидания, хотя бы потому, что, согласно практически всем традиционным преданиям и верованиям, человек изначально является клоном Создателя, а не Потребителя. Человеком должно руководить не стремление к обладанию несметными богатствами, а вдохновляющая страсть созидания всего – новых машин, технологий, продуктов, произведений искусства, семьи, дома. В конечном счете, в странах БРИКС должно строиться общество тружеников и творцов, а не собственников и потребителей.

Таким образом, для создания по словам Си Цзиньпина **«сообщества единой судьбы человечества»**[1], или новой модели развития, нам не нужно формировать «новое мировоззрение, новое мировосприятие, новое сознание и новую духовность». Нужно просто очиститься от доминирования эгоистичных, рыночных, «купи-продажных» ценностей западной цивилизации и вернуться к собственным основополагающим ценностям в стратегически важных сферах деятельности. Не имеет никакого значения, какое название будет носить альтернативная нынешнему капитализму новая социально-экономическая система незападных стран – народный этатизм, зрелый социализм или радикальная демократия – в любом случае она должна основываться не на спонтанном рынке и хаосе борьбы множества частных интересов, а на хорошо продуманной, планомерно исполняемой солидарной политике повышения благосостояния всех граждан до тех пределов, которые нам позволит природа и современные технологии. Важнейшую роль при выполнении этой задачи будет играть бережное, компетентное отношение к природе и людям, их благополучию, наполненному счастьем существованию и уверенности в завтрашнем дне, основанными не на спонтанном хаосе и эгоизме индивида, а на науке при поддержке ИИ, на достоверной статистике, высоких технологиях и, конечно же, на дружбе и сотрудничестве всех возрастов и слоев населения, больших и малых стран и народов.

Список литературы

1. *Herrmann U.* Das Ende des Kapitalismus / Kiepenheuer & Witsch. – 2022.
2. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. – М.: Наука, 1985.
3. *Пыжиков А.* Грани русского раскола. – М.: Древлехранилище, 2013.
4. *Кара-Мурза С.* Политэкономия индустриализма. – М.: Родина, 2018.
5. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. – М.: ИФРАН, 1996.
6. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995.

[1] Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на юбилейном собрании. 28-06-2024. – https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202406/t20240628_11443855.html.

Жэнь Гуанюань
аспирант Кафедры философии, Забайкальский государственный университет, г. Чита
renguangyuan4@gmail.com

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ В ЗЕРКАЛЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ВЫЗОВЫ СОЗНАНИЮ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: цифровизация, китайская философия, цивилизационная идентичность, сознание, традиционные гуманитарные ценности, БРИКС, цзыжань, увэй, культурная память, алгоритмическое управление.
Key words: digitalization, Chinese philosophy, civilizational identity, consciousness, traditional humanitarian values, BRICS, Ziran, Wuwei, cultural memory, algorithmic management.

В третьем десятилетии XXI века человечество не просто использует цифровые технологии, а существует внутри цифровой среды. Большие данные, искусственный интеллект, Интернет вещей, виртуальная реальность изменили не только экономику и систему государственного управления, но и саму структуру человеческого бытия. Внимание, память, эмоции, идентичность, восприятие времени – всё это частично перенесено в цифровое пространство и подчинено алгоритмической логике. Для стран БРИКС цифровизация имеет двойственный характер. С одной стороны, она открывает возможность сократить разрыв в социально-экономическом развитии, повысить эффективность государственного управления и сформировать новые высокотехнологичные отрасли. С другой стороны, большинство государств БРИКС обладают глубокими не-западными цивилизационными традициями – китайской, индийской, исламской, православной и другими. Они формируют иное видение человека, общества, соотношения духа и техники, нежели западные модели, лежащие в основе современных глобальных цифровых платформ и бизнес-моделей (прежде всего, американских). Без осмысленной рефлексии цифровизация может превратиться в форму мягкой культурной гомогенизации, размывающей цивилизационную идентичность стран-участниц БРИКС.

Китайская философия, сформировавшаяся за тысячелетия, содержит уникальные концептуальные инструменты, позволяющие диагностировать духовные вызовы цифровой эпохи и предложить альтернативные принципы организации цифровой среды. В данной статье последовательно рассматриваются: 1) основные вызовы цифровизации для человеческого сознания и цивилизационной идентичности; 2) релевантные идеи китайской философии (цзыжань, увэй, чэн, тяньжэнь хэи) и их применимость к анализу цифровых процессов; 3) практические рекомендации для сотрудничества стран БРИКС в сфере защиты традиционных гуманитарных ценностей.

К трем основным вызовам цифровой трансформации необходимо отнести: фрагментацию сознания и рассеивание «сердца-ума»; подмену аутентичного «Я» цифровыми конструктами; алгоритмизацию культурной памяти и кризис цивилизационной идентичности.

Фрагментация сознания и рассеивание «сердца-ума» (синь 心). В классическом конфуцианстве и даосизме центральное понятие «синь» (心) объединяет когнитивные, эмоциональные и волевые аспекты человеческой души. Мэн-цзы подчеркивал необходимость «искать утраченное сердце» (求放心), возвращать рассеянное внимание к целостному самоощущению[1]. Чжуан-цзы призывал «использовать сердце как зеркало» (用心若镜), то есть сохранять чистоту и спокойствие, отражая мир без искажений[2]. Цифровой интерфейс устроен противоположным образом. Бесконечная лента контента, push-уведомления, многозадачность, короткие циклы обратной связи систематически разрушают способность к глубокому сосредоточенному вниманию. Нейрофизиологические исследования подтверждают, что постоянное переключение между задачами снижает активность префронтальной коры головного мозга, отвечающей за рефлексию и самоконтроль[3]. Феноменологически человек перестаёт переживать внутренний мир как непрерывный поток; он превращается в совокупность дискретных реакций на внешние стимулы. Это

[1]孟子. 《孟子·告子上》. 北京 : 中华书局, 2010.
[2]庄子. 《庄子·应帝王》. 北京 : 中华书局, 2014. (Фрагмент «用心若镜»)
[3]*Carr, N.* The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York: W.W. Norton & Company, 2010. – P. 132–135.

прямо противоречит даосской и конфуцианской практике «взращивания сердца» (养心). Фрагментация сознания ведёт к утрате способности строить долгосрочный нарратив собственной жизни, основу личной идентичности.

Подмена аутентичного «Я» цифровыми конструктами. В социальных сетях, видеоиграх и метавселенных пользователи взаимодействуют через несколько цифровых аватаров. Множественность социальных ролей не является новым феноменом, но цифровая среда создаёт беспрецедентную систему поощрений – лайки, комментарии, рейтинги, виртуальные достижения. Поведение, ожидаемое алгоритмом, приносит немедленное подкрепление. В результате человек бессознательно подстраивает реальные эмоции и убеждения под нормы, одобряемые цифровой средой. Чжуан-цзы в главе «Ци у лунь» («Выравнивание вещей») критиковал «готовое сердце» (成心) – окостеневшее, фиксированное представление о себе, препятствующее следованию Дао. Он вводил понятие «утраты “Я”» (吾丧我) – не уничтожение самости, а освобождение от ложных, навязанных извне идентичностей[1]. В цифровом обществе алгоритмы непрерывно формируют «цифровой отпечаток» пользователя (профиль интересов, предпочтений, психологических особенностей) и предъявляют контент, закрепляющий этот образ. Так возникает алгоритмически зафиксированное «Я», ещё более жёсткое и трудно преодолимое, чем традиционные социальные роли.

Алгоритмизация культурной памяти и кризис цивилизационной идентичности

Цивилизационная идентичность опирается на культурную память как совокупность текстов, ритуалов, символов и нарративов, передаваемых из поколения в поколение. Немецкий учёный Ян Ассман отмечал, что культурная память обладает «конденсирующей структурой», обеспечивающей единство и самобытность сообщества[2]. В цифровую эпоху она подвергается тройному искажению – деконтекстуализации, алгоритмической фильтрации, платформенной монополии. При деконтекстуализации культурные феномены извлекаются из исторической среды (семьи, школы, храма) и превращаются в короткие клипы, лишающиеся глубинного смысла. При алгоритмической фильтрации рекомендательные системы отдают предпочтение эмоционально насыщенному контенту, вытесняя традиционные ценности, требующие вдумчивого усвоения. Платформенная монополия обеспечивает функционирование ведущим глобальным цифровым платформам, которые базируются в США и несут в своей архитектуре ценности западного модерна – индивидуализм, гедонизм, универсализм. Традиционные культурные коды (коллективизм, почтительность к старшим, религиозные нормы) игнорируются или подаются в развлекательном ключе. Для стран БРИКС это означает, что молодое поколение усваивает образ собственной культуры не через подлинные классические тексты и живую традицию, а через контент, «выстреливший» в алгоритмах. Тем самым формируется симулякр национальной идентичности – внешне похожий на традицию, но лишённый её внутренней логики и духовной глубины. Российский философ А.Г. Дугин характеризует это как новую форму колониализма: без военной оккупации, но с полным контролем над символическим пространством[3].

Сегодня, обращаясь к древней китайской философии, современные философы стремятся найти у нее ответ на возникающие проблемы, который вскрывается в принципах поведения: «Цзыжань» (自然 · естественность), «Увэй» (无为 · недеяние-следование), «Чэн» (诚 · искренность/подлинность), «Тяньжэнь хэи» (天人合一 · единство Неба и человека).

«Цзыжань» (自然 · естественность) как принцип границ для технологий

В даосизме он означает «само-так-бытие» – действие в согласии с собственной природой без внешнего принуждения. «Дао следует цзыжань» (道法自然) – гласит «Дао дэ цзин» (Лао-цзы, гл. 25)[4]. Современная цифровая экономика строится на нарушении принципа естественности: алгоритмы эксплуатируют психологические уязвимости (дофаминовые петли, страх пропустить

[1]庄子. 《庄子·齐物论》. 北京 : 中华书局, 2014. (Фрагменты «吾丧我», «成心»)

[2] *Assmann, J.* Cultural Memory and Early Civilization. – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – P. 27–30.

[3] *Дугин, А.Г.* Цифровой колониализм. Новый мировой порядок и Россия. – М.: Академический проект, 2021. – С. 45.

[4]老子. 《道德经》第二十五章. 北京 : 中华书局, 2006. («道法自然»)

событие, социальное сравнение), провоцируя компульсивное поведение. С позиции даосизма – это насилие над человеческой природой. Принцип цзыжань требует, чтобы технология не подменяла свободное самоопределение личности. Конкретные выводы: алгоритмы не должны стремиться к максимизации времени пользователя; пользователь должен иметь возможность «легко выйти» из цифровой среды без психологических барьеров; информационное пространство должно включать паузы и незаполненные интервалы – зоны для возвращения к себе. «Увэй» (无为, недеяние-следование) может быть рассмотрена как стратегия управления цифровой средой. Данный принцип часто неверно трактуется как бездействие. В «Дао дэ цзин» (гл. 37) сказано: «Дао постоянно осуществляет недеяние, но нет ничего, что оставалось бы несделанным» (道常无为而无不为)[1]. Увэй – это действие, согласованное с естественным ходом вещей, а не продиктованное произвольной волей. Поэтому в контексте цифровой политики увэй означает: государство не должно стремиться к тотальному контролю и сбору всех данных граждан (это «пере-действие», 过为); платформы должны отказаться от манипуляции пользователем во имя коммерческих целей; индивид может культивировать «цифровой увэй» – сознательно ограничивать цифровую активность. Стоит заметить, что китайские нормативные акты 2022 года («Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями») частично реализуют этот подход[2]. Следующий принцип «Чэн» (诚, искренность/подлинность) может быть рассмотрен как основа цифровой коммуникации. Конфуцианство считает «чэн» главной добродетелью, обеспечивающей гармонию между внутренним состоянием и внешним выражением. «Чэн – это путь Неба; стремиться к чэн – это путь человека» (诚者天之道也, 诚之者人之道也) – «Чжун юн» (гл. 20)[3]. Цифровая среда насыщена симуляцией: дипфейки, боты, вырванные из контекста цитаты, эмоционально манипулятивные заголовки. Экономическая логика платформ поощряет привлечение внимания любой ценой, что прямо противоречит чэн. Поэтому восстановление подлинности требует маркировки синтезированного контента; снижения анонимности для распространителей заведомо ложной информации; алгоритмического поощрения достоверного контента. И как бы завершает эту систему, классический принцип «Тяньжэнь хэи» (天人合一, единство Неба и человека) как основа межцивилизационного диалога. «Тяньжэнь хэи» – одна из фундаментальных идей китайской мысли, которая утверждает, что человек и Небо (космический порядок) не противопоставлены как субъект и объект в западной метафизике, а образуют единое целое[4]. Техника в такой картине мира не является орудием покорения природы и не должна противоречить человеческой духовности. Для стран БРИКС эта идея даёт основание для критики западного техногенного проекта и позволяет предложить плюралистическую модель цифровой цивилизации – разные культуры имеют право на собственные «естественные» пути цифровизации, не подгоняемые под единый западный стандарт.

На основе философского анализа древних идей можно сформулировать рекомендации, которые могут быть включены в повестку сотрудничества БРИКС: защита цивилизационной идентичности в цифровую политику; развитие «гуманистической цифровой этики» на основе философского диалога; создание совместных программ оцифровки культурного наследия без потери его контекста; поддержка молодёжных образовательных программ, соединяющих цифровую грамотность с философской рефлексией.

Рабочие группы БРИКС по цифровой экономике сейчас фокусируются на инфраструктуре, кибербезопасности, электронной торговле. Поэтому необходимо создать постоянный механизм оценки влияния цифровых платформ на традиционные ценности. А для этого необходима разработка общих индикаторов «цифрового благополучия» (digital well-being); издание ежегодного доклада «Цифровая цивилизация БРИКС». БРИКС может предложить альтернативу западной утилитарной этике искусственного интеллекта. Китайская философия может предложить ключевые принципы, вдохновлённые ее мудростью – принцип естественности (цзыжань) предполагает, что технология не должна принуждать к неестественным паттернам поведения; принцип неманипуляции (увэй) учитывает, что алгоритмы не могут эксплуатировать психологические уязвимости в коммерческих целях; принцип искренности (чэн) предполагает, что синтетический контент маркируется, так как распространение ложной информации влечёт ответствен-

[1] 老子. 《道德经》第三十七章. 北京 : 中华书局, 2006.

[2] 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 《互联网信息服务算法推荐管理规定》, 2022. Ст. 7, 12.

[3] 子思. 《中庸》第二十章. 载于《四书章句集注》. 北京 : 中华书局, 2011.

[4] 冯友兰. 《中国哲学简史》. 北京 : 北京大学出版社, 2013. С. 45–47.

ность; принцип целостности сознания предполагает, что должно быть запрещено проектирование интерфейсов, намеренно дробящих внимание. Предлагается создать Цифровую библиотеку культурного наследия БРИКС с едиными техническими стандартами, которые будут учитывать уважение к локальной структуре знания. А для этого необходима методология «контекстуальной оцифровки», когда каждый артефакт сопровождается не только метаданными, но и нарративом о его месте в живой традиции. Так как цифровизация стала сферой общения молодежи, то необходимо поддерживать молодёжные образовательные программы, соединяющие цифровую грамотность с философской рефлексией. Здесь требуется включение модулей по философии техники с опорой на национальные цивилизационные традиции в университетские курсы по информатике и медиа. Ежегодные летние школы для молодых учёных БРИКС на тему «Цифра и традиция: конфликт или синтез?» будут поддерживать разработку игр, приложений и виртуальных сред, передающих этические и эстетические ценности культур БРИКС.

Цифровизация не является нейтральным процессом, она трансформирует внимание, идентичность и культурную память. Если страны БРИКС пассивно примут западные платформенные стандарты, они рискуют утратить цивилизационную самобытность, растворив её в унифицированном цифровом глобализме. Китайская философия с концепциями цзыжань, увэй, чэн и тяньжэнь хэи предлагает концептуальный инструментарий и этические ориентиры для формирования альтернативной цифровой парадигмы, ставящей во главу угла не эффективность любой ценой, а сохранение человеческой целостности и культурного многообразия. Сотрудничество стран БРИКС в цифровой сфере должно быть не только техническим и экономическим, но и глубинно цивилизационным. Способность предложить миру модель «человекоцентричной» цифровой этики станет важным вкладом БРИКС в формирование нового многополярного миропорядка.

Карнишина Н.Г.
д.и.н., профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЕ ПЕРИОДЫ ИСТОРИИ

Ключевые слова: переходные периоды истории, цивилизационная целостность России, епархиальное духовенство, земский начальник, коллективная историческая память, идея государственного единства, стратегии выживания народа, имперский опыт организации населения.

Key words: transitional periods in history, Russia's civilizational integrity, diocesan clergy, zemstvo chief, collective historical memory, the idea of state unity, strategies for the people's survival, the imperial experience of population organization.

Анализ стратегии выживания народа в условиях ответов на исторические вызовы, на наш взгляд, напрямую связан с осмыслением особенностей Российской цивилизации в контексте цивилизационной идентичности России через призму ее полиэтнической природы. Методологически мы исходим из трактовки цивилизационной идентичности с точки зрения ее субъектной характеристики как процесса осознания человеком своей принадлежности к определенной культуре, освоения и следования традиционным базовым ценностям данной цивилизации. Безусловно, исходным тезисом является понимание, что цивилизационная идентичность базируется на этнической, религиозной, культурной и социальной составляющих.

С точки зрения одного из авторов теории «вызов-ответ» А.Дж. Тойнби, «Цивилизация – это ответ на вызовы. Русская православная цивилизация испытывает вызов постоянного внешнего давления. Цивилизации, которые не нашли адекватного ответа на вызов, погибают, в лучшем

случае их завоевывают». А.Дж. Тойнби рассматривал религию как «ведущий консолидирующий принцип, объединяющий общество и критерий оценки деятельности цивилизации»[1].

Н.Д. Кондратьев в теории больших циклов конъюнктуры и теории предвидения концепцию «вызов – ответ» трактует как сменяющие друг друга периоды подъема и спада мировой экономической системы с периодичностью раз в 45-60 лет, а длину технологической волны – в 40 лет. Очень актуален проведенный автором в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» анализ практик и последствий ответа цивилизации на такой вызов как мировая война[2].

Современные конфликты – информационные, психологические, финансово-экономические, дипломатические войны сопровождаются такими рисками, как техногенные, экологические катастрофы, массовые эпидемии, гуманитарные катастрофы. Как следствие, происходят глубокие общественные трансформации, что актуализирует использование субъектного, а, зачастую, и личностного подхода к анализу стратегий выживания.

Позицию Русской православной церкви по вопросу идентичности озвучил Патриарх Кирилл в своем выступлении на XXII Всемирном Русском Народном Соборе. Он отметил: «Вопрос о цивилизационной идентичности – это не вопрос какого-то изоляционизма, или превосходства, или противопоставления себя остальному миру. Это, прежде всего, вопрос единства нашего цивилизационного пространства, во многом совпадающего с канонической территорией нашей Церкви, где живут представители различных национальностей и вероисповеданий» [3].

На наш взгляд, в истории становления и развития российской цивилизации большую роль играли традиционные институты, такие как государство, церковь, крестьянская община, их самоорганизация и взаимодействие. Особый интерес в этом плане представляет имперский период.

Можно выделить несколько критически-важных для сохранения цивилизационной целостности переломных периодов в русской истории. Например, организация взаимодействия государственных и церковных институтов в целях мобилизации населения в кризисных ситуациях конца XIX – начала XX вв. При изучении стратегий выживания крестьян интересен анализ фигуры земского участкового начальника, выступавшего зачастую посредником между крестьянским миром и губернскими властями, призванного не просто адаптировать крестьян к новым условиям, но и мобилизовать на решение жизненно-важных задач. Выбор и разработка стратегий выживания в этот период, сопровождавшийся засухой, эпидемиями, войнами и революциями, промышленным подъемом и спадом, попытками реформ, происходили подчас даже не на губернском, а на уездном уровнях, а часто – на уровне мирового участка, прихода. В этой работе земскому начальнику активно помогало приходское духовенство.

Епископ Пензенский и Саранский Митрофан при приведении к присяге земских начальников Пензенской губернии 1 июля 1891 г. сформулировал основы и принципы взаимодействия светской и духовной власти в Российской империи. В своей речи он подчеркнул: «Надо, конечно, желать, чтобы вы благоустроили жизнь народную на началах не только христианских, а православно-церковных, составляющих душу жизни народной. Необходимо, чтобы вы и сами были истинными добрыми сынами Церкви и имели постоянное живое и доброе общение с духовными благоустроителями жизни народной – пастырями Церкви. Вразумлять бесчинных, т.е. вводить в жизнь сознание и чувство закона и долга, уничтожать в ней произвол и всякое своеволие и бесчинство, утешать малодушных, т.е. поддерживать и ободрять дух народа в его нуждах и трудах, охранять от уныния и отчаяния. Защищать немощных, уничтожать насилие и притеснения слабых сильными, ограждать честь и права всех без различия, утверждать мир и любовь между семействами и обществами – вот, что предстоит делать земским начальникам в жизни народной»[4]

Программа направлений взаимодействия представителя царской власти в уездах и сельского духовенства была выработана в 1898 г. уже с учетом наработанного опыта стратегий выживания в 1890-е гг. В Духовном журнале за 1898 г. епархиальные власти призывают наладить совместную работу по следующим направлениям:

---

[1] *Тойнби, А.Джё.* Постижение истории. – М., 2002. – С. 28-29.

[2] *Кондратьев, Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: сборник научных трудов. – М., 2020. – 640 с.

[3] *Каргаполов, Е.П.* Цивилизационная идентичность России: проблемы и решения // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 61-62.

[4] Пензенские епархиальные ведомости. – 1891. –15 июля, № 14. Часть неофициальная.

- в мерах, обеспечивающих народное здравие (устройство источников здоровой воды; соблюдение чистоты в жилищах и в селении; санитарные мероприятия; устройство сельских лечебниц и аптек; помощь родильницам; искоренение народных предрассудков, касающихся врачевания; искоренение пьянства и устройство чайных и пр.);
- в мерах, содействующих умственному развитию (убеждение крестьян в пользе обучения детей и устройства школ, в том числе и для девочек; устройство при школах общежитий; устройство библиотек, чтений и пр.);
- в мерах, содействующих материальному благосостоянию (образование пожарных округов и дружин; устройство водоемов, древесных насаждений вокруг построек; разведение садов, огородов, устройство пасек; развитие кустарных промыслов; улучшение пород скота, лошадей и домашней птицы; охранение народа от местных ростовщиков; устройство сберегательных касс и проч.). «Здесь нужна большая и сильная работа всех, кому дорога Россия, работа плодотворная, ожидающая призыва любящего и просвещенного сердца, на любовь которого с верой уповает русский народ»[1].

И эта работа на уровне мировых участков – епархий – уездов проводилась весь период существования института земских участковых начальников, о чем свидетельствовали губернаторы в своих отчетах. Так, губернатор Пензенской губернии А.А. Горяйнов в тяжелейшем 1891 году, в условиях голода и последовавших за ним двух эпидемий писал: «Помимо деятельности земских начальников в тяжелое время недорода и холерной эпидемии результаты этой деятельности выразились в достижении еще некоторых немаловажных успехов. Земские начальники активно участвовали в организации благотворительности, взаимодействуя с губернским благотворительным комитетом и епархиальными учреждениями. Они способствовали открытию столовых для самых беззащитных – детей, стариков и инвалидов, помогая найти помещение и контролируя качество пищи. Особого упоминания заслуживает эффективная деятельность земских начальников в борьбе с эпидемиями и решении проблем топливного обеспечения. Когда в селе Конная Слобода Пензенского уезда была обнаружена вспышка тифа, земский начальник 1 участка принял меры по организации противоэпидемических мероприятий. Губернский комитет признал необходимым выдать земскому начальнику 1 участка Пензенского уезда 52 рублей для найма четырех изб и прислуги для тифозных больных; а также организовать отопление и освещение данных помещений»[2].

В 1913-1914 гг., в официальной периодической печати мы встречаем в редакционной статье следующее заявление: «Спасайте народ! В жизни современной деревни широко развернулись все звериные инстинкты. Нет сейчас той власти, которая могла бы сдержать торжествующее шествие зла»[3] .В царском Указе от 30 января 1914 г. именно перед земскими начальниками (как на «ближайшую к населению власть») была поставлена задача «начертать ближайшие пути к увеличению производительных сил государства и удовлетворению народных нужд»[4].

Обеспокоенность губернских властей настроениями в крестьянской среде в 1914 г. неоднократно высказывал Пензенский губернатор А.П. Лилиенфельд-Тоаль. В своих письмах и официальных записках начальник губернии не скрывал, что возлагает особые надежды в воздействии на настроения населения в условиях войны на земских начальников и на духовных пастырей. Он писал: «Земские начальники, вполне проникшись осознанием огромного значения и важности возлагаемой на них работы, должны быть в тесном единении с чинами других ведомств и должностными лицами общественного крестьянского управления, с епархиальным духовенством и отдать свои знания, опыт, и влияние среди местного населения на дело разумной и настойчивой борьбы с опасным злом народной жизни»[5].

В свою очередь Пензенская Духовная Консистория, «вследствие отношения Пензенского Губернатора циркулярно предписала отцам благочинным» взаимодействовать с губернским комитетом и земскими начальниками по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, по борьбе с пьянством и поддержанию морального духа населения[6].

---

[1] Пензенские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 июля, № 13.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284 Оп. 223 Д. 181. ЛЛ. 22, 23, 100.

[3] Россия. – 1913. – № 2194.

[4] Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5 Оп. 1 Д. 7996 Л. 44.

[5] (ГАПО). Ф. 5 Оп. 1 Д. 7996 Л. 45 об.

[6] Пензенские епархиальные ведомости. – 1914. – 1 октября, № 19.

В истории России мы видим вызовы, которые имели различные последствия для страны – от системных реформ до политических потрясений и военных конфликтов.

В многовековой истории многоконфессиональной, многонациональной российской цивилизации мы наблюдаем четкую закономерность проявления феномена сплочения народов перед теми или иными потрясениями. Переходный период истории напрямую связан с актуализацией внутреннего или внешнего вызова, ответ на который несовместим с инерционным сценарием развития страны. Субъектный, сравнительно-исторический подходы к анализу цивилизационной идентичности напрямую связаны с исследованием проблем шкалы традиционных ценностей народа, преемственности традиций и новаций, дихотомии национальная – цивилизационная идентичность в контексте выработки стратегий выживания в условиях исторических вызовов.

Котилко В.В.
д.э.н., профессор, академик РАЕН, Москва

МОЛОДЕЖЬ И СПОРТ: ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА

Ключевые слова: национальные цели, стратегические задачи, органы управления, целевые задачи, показатели оценки, массовый и профессиональный спорт.
Key words: national goals, strategic objectives, governing bodies, target objectives, evaluation indicators, mass and professional sports.

Национальные цели и стратегические задачи Российской Федерации предусматривают сохранение населения, сохранение здоровья и благополучия людей, создание возможностей для самореализации талантов и комфортной среды для жизни, ускорение технологического развития, цифровую трансформацию социальной сферы и обеспечение темпов роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности.

Целью Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года является формирование приоритетов государственной политики в сфере физической культуры и спорта, основных направлений и механизмов, способствующих созданию условий, обеспечивающих равные возможности гражданам страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, а также сохранению конкурентоспособности российского спорта и формированию базы для эффективной работы системы российского спорта при различных сценариях развития геополитической и экономической ситуации в стране. При этом стоит особенно отметить цели Стратегии на период 2023-2025 годов, сформированные в связи с возникновением для системы российского спорта беспрецедентных внешних вызовов. Основные мероприятия в этот период направлены на увеличение масштабов вовлечения населения в занятия спортом и развитие внутренних профессиональных соревнований, а также на дальнейшее совершенствование системы подготовки спортивного резерва и сохранение потенциала спорта высших достижений.

Целевые показатели и задачи реализации развития спорта в России:

- обеспечение доступных условий и равных возможностей для занятий физической культурой и спортом для граждан всех возрастных категорий;
- обеспечение условий для занятий физической культурой и спортом, спортивной реабилитацией для лиц с ограниченным возможностями здоровья и инвалидов;
- формирование системы мотивации различных категорий населения, включая лиц старшего возраста, социально незащищенных слоев населения, к физическому развитию и спортивному образу жизни, в том числе за счет популяризации профессионального спорта;
- улучшение качества создаваемого спортивного контента и его активная интеграция в информационное поле с целью популяризации занятий физической культурой и спортом;

- создание возможностей для самореализации и развития способностей граждан в сфере физической культуры и спорта;
- повышение эффективности Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) как инструмента вовлечения населения в регулярные занятия физической культурой и спортом;
- развитие корпоративного спорта;
- совершенствование системы спортивной подготовки детей и молодежи, а также формирование условий для развития школьного и студенческого спорта;
- разработка мотивационной и идеологической составляющей спортивной подготовки, включающей в себя миссию спорта и ролевую модель российского спортсмена на основе биографий спортсменов прошлого и современности;
- повышение эффективности системы поиска, отбора и сопровождения спортсменов на каждом этапе спортивной подготовки;
- содействие развитию отечественного производства спортивного инвентаря, экипировки, цифровых продуктов;
- создание межотраслевой кластерной системы научно-методического и медико-биологического и медицинского обеспечения спорта с развитием экспериментальной и инновационной деятельности;
- формирование условий нулевой толерантности к нарушению антидопинговых правил, улучшение имиджа страны;
- обеспечение условий для устойчивого самостоятельного развития профессионального спорта благодаря снижению зависимости от прямого бюджетного финансирования и внедрению мер, способствующих росту внебюджетного финансирования;
- выработка и реализация системного подхода к проведению на территории Российской Федерации крупнейших международных физкультурных и спортивных мероприятий и эффективному управлению их наследием;
- выработка и реализация системного подхода к организации на территории Российской Федерации как внутренних, так и международных профессиональных турниров по наиболее популярным видам спорта;
- совершенствование модели государственного управления сферой физической культуры и спорта на основе межведомственного и межуровневого комплексного подхода к организации деятельности;
- обеспечение эффективного взаимодействия между субъектами физической культуры и спорта;
- создание эффективной системы управления стратегическим развитием сферы физической культуры и спорта;
- совершенствование подхода к управлению спортивной инфраструктурой, в том числе на этапах планирования, проектирования и эксплуатации.

Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года

Стратегия спорта в России включает такие понятия, как Миссия, ценности физической культуры и спорта, принципы, увязку федеральных и региональных целей и задач спорта.

Под миссией понимается:

- формирование культуры и ценностей здорового образа жизни как основы устойчивого развития общества и качества жизни населения;
- создание необходимых условий для поступательного развития сферы физической культуры и спорта;
- повышение экономической привлекательности и эффективности функционирования сферы физической культуры и спорта;
- обеспечение прозрачности и честности соревновательного процесса;
- укрепление международного сотрудничества и повышения авторитета России на международной спортивной арене.

Под ценностями физической культуры понимаются следующие аспекты:

– ориентированность на человека – формирование навыков и умений в сфере физической культуры и спорта, прежде всего для сохранения здоровья и активного долголетия, обеспечения физического и духовного благополучия;
– доступность – адаптация территорий, сооружений и помещений для максимального удовлетворения всех категорий граждан в занятиях физической культурой и спортом;
– неразрывность – гармоничное существование всех видов физической активности, их паритетное взаимодействие, взаимозависимость и взаимодополняемость, а также активная интеграция в жизнь общества;
– партнерство – учет региональных особенностей развития физической культуры и спорта, формирование согласованных интересов и равного сотрудничества работников, работодателей, государства и бизнеса, направленных на устойчивое развитие сферы физической культуры и спорта;
– открытость миру – верность олимпийским принципам, равенству и справедливости, готовность воспринимать и делиться всем лучшим в мировом спорте и активно бороться против попыток использования спорта в неспортивных интересах;
– прозрачность – свободный доступ к информации, открытые и двусторонние коммуникации. Прозрачность финансовых потоков, направляемых на профессиональный и массовый спорт;
– безопасность – обеспечение надежного функционирования объектов спорта, механизмов и систем защиты участников занятий физической культурой и спортом, спортивных состязаний и других массовых спортивных мероприятий;
– равенство – возможность для занятий физической культурой и спортом для всех категорий и групп граждан вне зависимости от возраста, пола, социального статуса и места жительства;
– свобода выбора – обеспечение многообразия видов физической культуры и спорта, предоставляющих человеку широкие возможности самореализации и их доступности;
– устойчивое экономическое развитие – стремление к инновациям, поддержка конкуренции и частной инициативы, а также развитие форм пропорционально сочетанного бюджетного и внебюджетного финансирования спорта.

Принципы физической культуры и спорта включают:

– соответствие национальным целям и стратегическим задачам развития Российской Федерации;
– обеспечение равных возможностей для занятий физической культурой и спортом по месту жительства, учебы и работы для всех категорий и групп граждан;
– открытость и доступность информации в сфере физической культуры и спорта для граждан;
– удовлетворенность граждан условиями для занятий физической культурой и спортом;
– обеспечение условий для подготовки высококвалифицированных спортсменов, их спортивного долголетия, саморазвития и самореализации, духовно-нравственного и патриотического воспитания;
– ориентация на долгосрочную перспективу стратегического планирования развития физической культуры и спорта с учетом мировых тенденций научно-технологического и цифрового развития;
– обеспечение «чистоты» и безопасности спорта, а также нетерпимость к нарушению антидопинговых правил;
– учет региональных особенностей развития физической культуры и спорта.

Реализации Стратегии предполагает адаптацию системы российской физической культуры и спорта, сформировавшейся под влиянием различных вызовов, к новым условиям функционирования, связанным с экономической и геополитической обстановкой. Для этого усилия по развитию будут сфокусированы на реализации инициатив, обеспечивающих повышение массовости занятий спортом среди различных возрастных групп, увеличение внебюджетного финансирования сферы физической культуры и спорта, развитие профессионального спорта и его активную популяризацию, повышение удовлетворенности граждан от создаваемых условий для занятия физической культурой и спортом и ускоренную цифровизацию этой сферы.

Кроме того, реализация Стратегии предполагает использование эффекта от развития профессионального и массового спорта, активное содействие субъектам физической культуры и спорта в части достижения высоких спортивных результатов и повышения качества жизни граждан посредством занятий физической культурой и спортом, повышение качества работы системы подготовки резерва за счет укрепления ее связи с профессиональным спортом, внедрения инновационных подходов и технологий в систему управления сферой физической культуры и спорта, а также увеличения вклада сферы физической культуры и спорта в экономику Российской Федерации. Особое внимание предполагается уделить обеспечению для большей части населения в шаговой доступности организационных и инфраструктурных условий для занятий физической культурой и спортом, включая адаптивный спорт.

Массовый и профессиональный спорт

Макроэкономический вклад массового спорта определяется в первую очередь инвестициями в человеческий капитал посредством влияния на здоровье и производительность труда. Спорт также влияет на социальный капитал страны, способствуя развитию спортивных клубов и ассоциаций. Массовый спорт сокращает масштабы бедности, преступности, алкоголизма и наркомании. Таким образом, помимо рыночных массовый спорт создает нерыночные блага, которые способствуют экономическому росту. Мировой доход от рыночных услуг массового спорта оценивается в 75 млрд долл. Массовый спорт и спорт высших достижений связаны между собой. С одной стороны, спорт высших достижений в значительной степени определяет популярность массового. С другой стороны, развитие спортсменов начинается в юном возрасте в общих спортивных учреждениях, и уровень и распространенность массового детского спорта определяют впоследствии уровень профессиональных спортсменов.

Выводы

Анализ текущего состояния спорта позволяет сделать выводы об увеличении доли граждан Российской Федерации, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности населения (в настоящее время этот показатель превысил 50%; обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности этой категории населения (выше 83 %); занимающихся в специализированных спортивных учреждениях, в общей численности возрастной категории от 6 до 15 лет (этот показатель достиг 50%); лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности этой категории населения (этот показатель превысил 22%).

Список литературы

1. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (с изменениями на 29 апреля 2023 года)./ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р.
2. *Котилко, В.В.* Пространственная безопасность и роль спорта в развитии России. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2023. – 82 с.
3. *Котилко, В.В.* Социально-экономические цели и задачи спорта // Наука и образование: история, современное состояние, перспективы: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Тюмень, 12 октября 2023 г.). – Стерлитамак: АМИ, 2023. – С. 107-110.
4. *Котилко, В.В.* Экономика спорта: зарубежный опыт // Экспериментальная наука: механизмы, трансформации, регулирование: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17 октября 2023 г.). – Саратов: Omega science, 2023. – С. 66-68.

Кравченко В.В.
д.филос.н., доцент, профессор Кафедры мировой политики и межцивилизационного развития, в.н.с. Университета мировых цивилизаций

Щичко С.В.
аспирант Университета мировых цивилизаций

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ КАК РЕСУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В СФЕРЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ БРИКС

Ключевые слова: цивилизационная идентичность России, страна-цивилизация, БРИКС, многополярный мир, политические трансформации, глобальное управление, сетевое взаимодействие, международное сотрудничество.

Key words: Russia's civilizational identity, country-civilization, BRICS, multipolar world, political transformations, global governance, networking, and international cooperation.

В XXI веке мир вступил в эпоху глобальной неопределенности, охватывающей различные сферы жизни и затрагивающей глубинные основы цивилизационного развития разных стран и народов. Одним из наиболее наглядных проявлений этой неопределенности является разворачивающаяся на наших глазах кардинальная геополитическая трансформация, связанная с формированием многополярного мира. Главный вызов, который встает перед Россией в данной ситуации, заключается в необходимости не просто примкнуть к какому-то полюсу силы, а стать одним из центров притяжения для других государств, союз которых мог бы образовать блок, способный конкурировать в глобальном пространстве. Для этого нужны, как минимум, три составляющие: материальные (и прежде всего природные) ресурсы, надлежащий уровень научно-технологического развития и духовный потенциал нации, подтверждающий ее претензии на такую цивилизационную идентичность, которая несет в себе ценности и поведенческие модели, притягательные для потенциальных союзников[1].

Исследование проблем русской идентичности дает основание выделять ее цивилизационную составляющую как форму особого понятийного единства, актуальную для современного российского массового сознания. Так, в монографии В.В. Кравченко Россия рассматривается как особая цивилизация, обладающая основными цивилизационными признаками. А именно: 1. Суперэтнос (полиэтничность), как сложное объединение многообразных этносов, подчиняющихся единым неформальным социокультурным регуляторам – харизматическим лидерам, социальным мифам, социокультурным матрица и т.д.; 2. Месторазвитие, географическое и геополитическое объединение суперэтноса, это сфера его само-проявления, само-деятельности, само-утверждения (а не просто ландшафт, в котором суперэтнос способен потреблять природные ресурсы и выживать); 3. Единая духовная основа, ориентированная на мировые религии, идеологии или идеопрактики, отражающаяся в общем суперэтническом менталитете; 4. Эволюционное государство, организующее эффективное взаимодействие этносов в суперэтносе и выступающее мощным актором на международной арене[2].

Россия напряженно ищет выход из цивилизационного тупика, навязанного ей внешними и внутренними европоцентристами, она наконец обратила внимание и на азиатский вектор развития. Россия стала активно участвовать в интеграционных процессах в мире (БРИКС), в Азии (ШОС, ЕАЭС). Но глобалистские тенденции усиливаются, давление на Россию стран Запада переходит в новую фазу. Чтобы обеспечить цивилизационную идентификацию России, необходима четко продуманная идеология, вытекающая из цивилизационного кода России и ее национальной идеи[3].

---

[1] *Матыева А.Р.* К вопросу о цивилизационной идентичности России // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2024. – № 2 (9). – С. 54.

[2] *Кравченко В.В.* Цивилизационные основания политических трансформаций. – М.: Изд. УМЦ, 2025.

[3] *Контарев А.А.* Цивилизационный подход к проблеме государственной идентичности России // Философия права. – 2023. – № 4 (107). – С. 204.

Как отмечается в отечественной литературе, наступает время стран-цивилизаций как главной силы, поддерживающей формирующуюся геополитическую картину мира. Данное положение приобретает особое значение при анализе сотрудничества России со странами БРИКС, так как сама структура объединения строится на собственной модели модернизации и возможности согласования интересов без отказа от цивилизационной самобытности. В настоящее время это проявляется в расширении БРИКС, где наряду с Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР в состав объединения входят Египет, Эфиопия, Индонезия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ, что усиливает его межцивилизационный характер и переводит сотрудничество в более широкий трансрегиональный формат.

Современные геополитические процессы оказывают не меньшее влияние на страны-цивилизации, создавая угрозу цивилизационным основам многих государств. В условиях формирования нового миропорядка цивилизации вынуждены адаптироваться к новым вызовам, балансируя между сохранением собственной идентичности и необходимостью интеграции в мировые процессы. Участие России в БРИКС связано одновременно с защитой собственных культурно-исторических оснований и с включением в широкое пространство многостороннего сотрудничества, где представлены государства с различными религиозными, правовыми, экономическими и политическими системами. Цивилизационная идентичность в данном случае выполняет функцию смыслового основания для равноправного диалога, в котором Россия может выстраивать отношения с Китаем, Индией, Бразилией, Южной Африкой, Ираном, Египтом, ОАЭ, Эфиопией, Индонезией и другими участниками расширенного формата через признание различий как нормального условия международного взаимодействия.

Внешнеполитическое значение данной идентичности закреплено на уровне стратегического документа. В соответствии с пунктом 4 Концепции внешней политики РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»[1], Россия является не просто национальным государством, но и отдельной цивилизацией со своим неповторимым историческим путем, традиционными ценностями и правовой культурой. В Концепции отмечается, что особое положение России определяется тысячелетним опытом государственности, культурным наследием, связями с европейской культурой и культурами Евразии, а также умением обеспечивать на общей территории сосуществование разных народов, этнических, религиозных и языковых групп; именно эта характеристика позволяет рассматривать Россию как самобытное государство-цивилизацию и евразийскую державу.

Объединение БРИКС – международная организация нового типа, основанная на том, что его страны-участники имеют ряд общих целей и сходных интересов, но при этом сохраняют свою независимость и идентичность. В этом проявляется принципиальное отличие БРИКС от жестких интеграционных моделей, где политическое сближение часто предполагает нормативное выравнивание и передачу части суверенных полномочий наднациональным структурам. Официальная характеристика БРИКС как форума политической и дипломатической координации стран Глобального Юга показывает, что его цели связаны с укреплением экономического, политического и социального сотрудничества, а также с повышением влияния стран Глобального Юга в международном управлении. Для России такая форма взаимодействия создает возможность соединить собственную цивилизационную повестку с более широкой задачей реформирования глобальных институтов, где вопрос идентичности переходит из культурной сферы в сферу политического устройства мира.

В настоящее время данная характеристика подтверждается не только общими декларациями, но и конкретными институциональными решениями. На саммите БРИКС в Казани, проходившем 22-24 октября 2024 г., была утверждена новая категория стран-партнеров БРИКС, а уже с 1 января 2025 г. первыми партнерами объединения стали Беларусь, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан и Нигерия. Позднее к партнерскому формату присоединился Вьетнам, в результате чего в 2025 г. число стран-партнеров достигло десяти. Данная мера показывает, что объединение стремится выстраивать не закрытый блок, а расширяемую систему политико-дипломатического взаимодействия.

БРИКС в качестве международного объединения, занимающего значимое место в мировой экономике, влияет тем самым на глобальное управление. По данным официального сайта бра-

[1] Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023 г. – № 14. – Ст. 2143.

зильского председательства в БРИКС, доля объединения составляет около 48,5% населения планеты, 39% мирового ВВП по паритету покупательной способности, 24% международной торговли, 36% территории мира, 43,6% мировой добычи нефти и 36% мировой добычи природного газа[1].

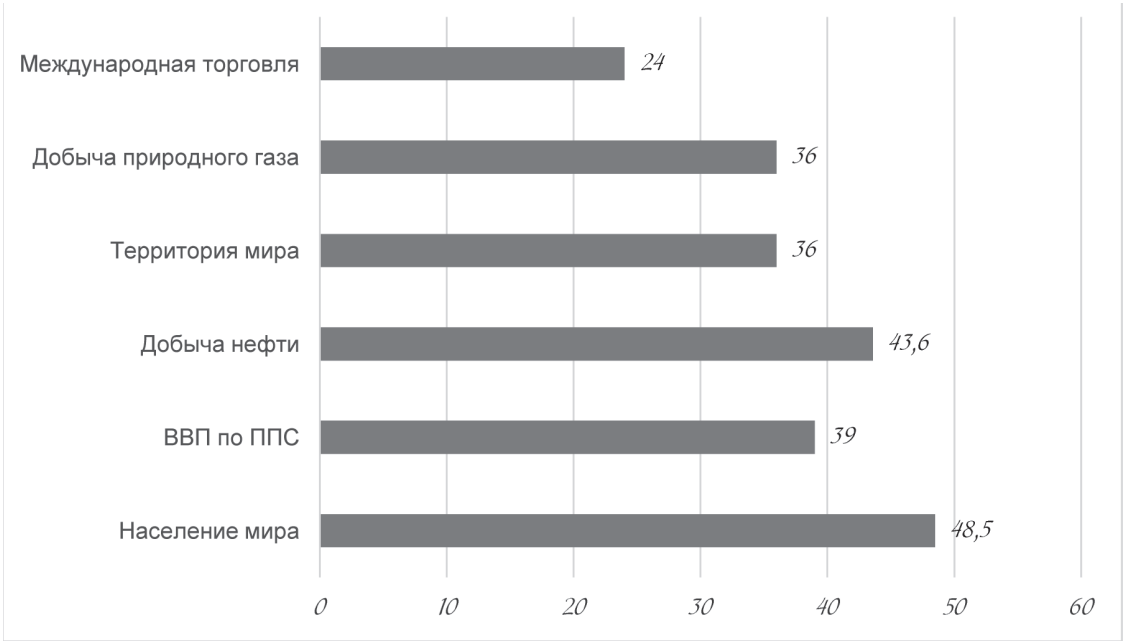

Рис. 1. Ресурсный масштаб БРИКС как основа политико-цивилизационного сотрудничества, %

Представленные данные показывают, что БРИКС обладает ресурсами, позволяющими переходить от консультационного формата к роли одного из центров формирования нового политического порядка. Ресурсный потенциал объединения характеризуется не одними количественными показателями; его политическая устойчивость определяется способностью согласовывать интересы участников, различающихся по историческому опыту, экономическим моделям и цивилизационным основаниям. В российском внешнеполитическом контексте цивилизационная идентичность может стать механизмом смысловой консолидации сотрудничества, где идея многополярности получает дипломатическое и ценностное содержание. Экономическое измерение БРИКС показывает масштаб возможностей объединения, а цивилизационное измерение формирует язык их легитимации, благодаря которому сотрудничество воспринимается не как временный тактический союз, а как движение к более сбалансированной системе международных отношений[2].

Перестройка политической организации мира, по всей видимости, идёт по направлению мультилатеризма – взаимодействия государств, негосударственных акторов, международных организаций, структур бизнеса, форумов и т.п., позволяющим каждому участнику пользоваться привилегиями в отношениях со всеми партнёрами.

Одновременно БРИКС активно формирует сетевые взаимоотношения, что отвечает современной тенденции развития политической организации мира. БРИКС отличается высокой концентрацией ресурсов в сети, действующей на основе группового интереса, основанного на культуре консенсуса, обеспечивающей устойчивость и стабильность действия сети даже в условиях внутриполитических изменений и двусторонних противоречий.

Гуманитарное измерение сотрудничества является отдельным направлением политико-цивилизационного взаимодействия, поскольку трансформация международных связей не может ограничиваться контактами официальных институтов и требует включения культурных, образовательных, научных и общественных механизмов. Исследования культурной дипломатии

[1] BRICS Data // BRICS Brazil 2025. – https://brics.br/en/about-the-brics/brics-data.

[2] *Марков А.П.* БРИКС как цивилизационная альтернатива Западной гегемонии: проблемы и ресурсы солидарности народов и культур // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 4 (120). – С. 28.

БРИКС показывают, что в условиях становления многополярного мира возрастает роль ценностных нарративов, а культурная дипломатия становится одним из инструментов поддержания взаимодействия в периоды осложнения экономических и политических связей. Российская цивилизационная идентичность в данном контексте опирается на исторически сложившееся соединение различных культурных, языковых и религиозных традиций в пределах единого политического пространства. В сотрудничестве со странами БРИКС данный опыт может использоваться как основа межкультурного диалога, образовательных программ, научного обмена, культурных форумов и публичной дипломатии, в рамках которых Россия представляется как многоуровневая цивилизационная общность с устойчивым потенциалом международного гуманитарного взаимодействия.

В научной литературе БРИКС рассматривается как пространство цивилизационной альтернативы западной гегемонии, при этом подчеркивается, что консолидирующий потенциал России связан с инициативами, направленными на интеграцию народов и культур Малой и Большой Евразии. Такой подход позволяет рассматривать российское участие в БРИКС как форму политической трансформации, в которой меняется сам характер международного сотрудничества: оно перестает быть только обменом экономическими выгодами и становится механизмом утверждения нового принципа мирового развития, основанного на множественности цивилизационных траекторий. При этом результативность такого подхода зависит от способности России переводить ее в конкретные формы сотрудничества, понятные партнерам и применимые в практической политике[1].

Если исходить из сетевой структуры политической организации мира, то БРИКС хорошо вписывается в неё в качестве формирующихся параллельных структур глобального управления. Суть данного явления заключается в том, что вместо реформирования плохо работающих международных институтов, создаются новые, параллельные им структуры, в данном случае – структуры БРИКС.

Цивилизационная идентичность России выполняет комплекс значимых функций в развитии сотрудничества со странами БРИКС. Она обеспечивает идеологическое и политико-правовое обоснование самостоятельности внешнеполитического курса, формирует смысловую основу взаимодействия с незападными центрами силы, усиливает посреднический потенциал России между различными культурно-политическими пространствами Евразии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, а также способствует переносу проблематики БРИКС из преимущественно экономической сферы в область политико-ценностного проектирования. Существенный механизм данного влияния заключается в том, что российская позиция ориентирована не на воспроизводство собственной модели в странах-партнерах, а на признание цивилизационной самостоятельности как одного из условий формирования более устойчивого международного порядка. Данная модель взаимодействия соответствует внутренней природе БРИКС, где различия между участниками создают основу для более гибкой и равноправной формы многосторонности.

В последние годы экономические рамки становятся всё более тесными для БРИКС, что влечёт за собой стремление к активному участию в решении политических вопросов. При этом политическая организация мира и БРИКС всё в большей степени трансформируются в сетевые структуры. Данная трансформация повышает значение «силы идей», так как ресурсный масштаб объединения сам по себе не гарантирует политического лидерства. Исследователи прямо указывают, что успешное участие БРИКС в формировании новой политической организации мира возможно при наличии предложений о том, какой должна быть эта организация, а также при активизации негосударственных акторов и цифровой координации[2].

Таким образом, цивилизационная идентичность России является ресурсом политических трансформаций в сотрудничестве со странами БРИКС, так как она позволяет обосновывать многополярность не только через распределение экономической и демографической силы, но и через признание культурно-исторической множественности современного мира. В рамках БРИКС данный ресурс проявляется в переходе от экономической координации к более широкому политическому, гуманитарному, сетевому и институциональному взаимодействию, где Россия

[1] *Конопий А.С.* Российская цивилизационная идентичность в современных геополитических реалиях // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 31.

[2] *Грибовод Е.Г., Голоскоков В.А.* Культурная дипломатия стран БРИКС в эпоху становления многополярного мира: теоретические рамки и практические аспекты // Дискурс-Пи. – 2025. – Т. 22, № 4. – С. 86.

может использовать собственный опыт многонациональной государственности, евразийского посредничества и ценностного суверенитета. **В целом же БРИКС может участвовать в глобальном управлении и быть одним из звеньев сетевой политической организации мира, причём довольно крупным звеном, а может стать архитектором новой политической организации мира, предложив её контуры и принципы функционирования.** В этом переходе российская цивилизационная идентичность приобретает значение внешнеполитического инструмента, способного участвовать в формировании новых правил, новых форматов сотрудничества и новых смысловых координат международного развития.

Латышев О.Ю.
к.ф.н., профессор, президент Международной Мариинской академии

Латышева П.А.
исполнительный директор, Международная Мариинская академия

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВИЧА ФАВОРСКОГО

Ключевые слова: культурное наследие, Фаворский, Шервуд, фон Дервиз,
Key words: cultural heritage, Favorsky, Sherwood, von Derviz.

Культурное наследие Владимира Андреевича Фаворского широко и разнообразно и не ограничивается материальным характером его многочисленных произведений. Это и его теоретические и художественные воззрения, и обширная школа, в которую входят многие прославленные мастера советского изобразительного искусства, и неизмеримый вклад в развитие отечественной системы художественного образования на теоретическом, научно-организационном, методологическом, методическом и практическом уровнях. В материальном же выражении культурное наследие Фаворского, требующее бережного сохранения в веках – это более 700 гравюр, более 150 рисунков, ряд скульптур, эскизы монументально-декоративных работ и театральных декораций, костюмов для театральных постановок, керамические изделия.

14 марта (по иным данным – 15) 2026 года исполнилось 140 лет со дня рождения члена Союза художников СССР, русского советского графика[1], иллюстратора, ксилографа, искусствоведа, сценографа и педагога Владимира Андреевича Фаворского[2].

Будущий художник появляется на свет в Москве. Его отец – адвокат и земский деятель, депутат Государственной думы Андрей Евграфович Фаворский[3].

В «Павловских очерках» русского писателя, журналиста, прозаика и редактора, общественного деятеля, Почётного академика Императорской Академии наук по разряду изящной словесности Владимира Галактионовича Короленко повествуется о том, как в 1872 году в Павлове Андрей Евграфович Фаворский «отстаивал совместно с инженером-технологом Н. П. Зерновым интересы бедняков-кустарей по делам мелкого кредита»[4].

[1] Фаворский Владимир Андреевич // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

[2] *Чегодаева М.А.* Владимир Андреевич Фаворский / Совет по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН; Институт научной информации по общественным наукам РАН; Государственный институт искусствоведения. – М.: ГЕОС, 2004. – 68 с. – (Природное и культурное наследие Москвы).

[3] Московский коммерческий суд. Очерк истории московского коммерческого суда 1833-1908 и его современные деятели. – Санкт-Петербург, 1909. – http://electro.nekrasovka.ru/page/643/195.

[4] *Короленко В.Г.* Павловские очерки // Собрание сочинений в 6 т. – М., 1971. – Т. 5. – С. 55–57.

Мать Владимира Андреевича – Ольга Владимировна, в девичестве Шервуд[1], дочь автора проекта Государственного исторического музея на Красной площади в Москве, архитектора и живописца Владимира Осиповича Шервуда. Она дома учила сына в детстве хорошо рисовать и водила по музеям и выставкам.

Во время посещения Государственной Третьяковской галереи наиболее глубокое впечатление на Володю произвело творчество русского живописца и рисовальщика еврейского происхождения, одного из самых знаменитых пейзажистов времён контрреформ и начала Серебряного века, Академика Императорской Академии художеств Исаака Ильича Левитана[2].

Из увиденного в Третьяковке наибольшее влияние на творчество Фаворского в дальнейшем окажет наследие гениального исторического живописца, пейзажиста и портретиста Александра Андреевича Иванова.

В Румянцевском музее внимание будущего художника привлекло эпохальное полотно Александра Андреевича Иванова «Явление Христа народу». Также запомнились юному Фаворскому и многочисленные подготовительные этюды Александра Андреевича к этой уникальной картине[3], заполнившие впоследствии две большие экспозиционные комнаты Государственной Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке в Москве, которые расположены по левую и правую руку от зала, представляющего колоссальный результат двадцатилетнего титанического труда Александра Андреевича.

Владимир Андреевич Фаворский занимался в школе-студии Константина **Фёдоровича** Юона и его сподвижника Ивана Осиповича (Иосифовича) Дудина. «Очень простой, но правдивый преподаватель» – так позднее характеризовал Ивана Осиповича в автобиографии Фаворский[4].

По вечерам Фаворский занимался скульптурой в Строгановском Центральном училище технического рисования, которое теперь известно нам как Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова. В 1905 году Владимир Андреевич уехал в столицу Баварии город Мюнхен для поступления на обучение рисунку и живописи в оригинальную частную художественную школу венгерского художника армянского происхождения, рисовальщика и живописца, педагога Шимона Холлоши.

Владимир Андреевич в 1907 году открыл для себя высокое искусство гравюры на дереве – ксилографии, и с течением времени предстал перед миром как признанный виртуоз торцовой гравюры. При этом Фаворский стал разработчиком особой теории оформления изданий художественной литературы, понимая каждую издаваемую при его непосредственном участии книгу как целостный эстетический организм, который по праву может называться также «инструментом для чтения»[5].

В 1907 году по возвращении в Москву Владимир Андреевич поступает в Московский университет для обучения на историко-филологическом факультете. В 1911 году Фаворский впервые поучаствует в художественной выставке, на которой представит вырезанный им из дерева комплект шахматных фигур[6].

В 1912 году Владимир Андреевич женится на потомственной художнице Марии Владимировне Дервиз, специализировавшейся на живописи и керамике. Мария Владимировна была дочерью художника Владимира Дмитриевича фон Дервиза и Надежды Яковлевны Симонович – двоюродной сестры вышеназванного Валентина Александровича Серова. За двадцать четыре года до свадьбы, в 1888 году, живописец запечатлел её на полотне «Портрет Надежды Яковлевны Дервиз с ребёнком», находящемся сейчас в собрании Государственной Третьяковской галереи.

У Фаворских родится трое детей. Никита и Иван, будучи тоже художниками, мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны, и ни один из них не вернется домой. Об их безвременной гибели родители и младшая сестренка узнают только в победном в 1945 году. Продолжит дело родителей только младшая Мария. Ей, в дальнейшем советскому и российско-

---

[1] *Халаминский Ю.* Владимир Андреевич Фаворский. – М.: Искусство, 1964.

[2] *Латышев О.Ю.* Станислав Жуковский. Необыкновенный художник. – https://philately.ru/article/philately/45305/gukovskiy.

[3] *Голицын С.М.* Слово о мудром мастере. – М.: Детская литература, 1977.

[4] *Герчук Ю.Я.* Фаворский. – М.: РИП-холдинг, 2018.

[5] *Адаскина Н.Л.* В. Фаворский – педагог-теоретик // Советское искусствознание: сборник статей / Редкол.: В. М. Полевой и др. – М.: Советский художник, 1978. – Вып. 77.2.

[6] *Климов Р.* Заметки о Фаворском, в сборниках: Советское искусствознание (74. – М., 1975 и 75. – М., 1976).

му скульптору и художнику-керамисту, предстоит стать членом-корреспондентом Российской академии художеств, Членом Союза художников СССР, а также Лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области архитектуры[1].

В 1912 году Фаворский вновь поучаствует в художественной выставке, где будут представлены две его гравюры на тему «Георгий Победоносец».

В 1913 году Владимир Андреевич окончил искусствоведческое отделение историко-филологического факультета Московского университета, в организации которого по инициативе профессора Николая Ильича Романова он принимал активное участие наряду со своими сверстниками Борисом Робертовичем Виппером, Константином Николаевичем Истоминым и Дмитрием Саввичем Недовичем.

Тему дипломной работы подсказала Владимиру Андреевичу поездка по Италии на велосипеде, предпринятая им по совету Шимона Холлоши: «Джотто и его предшественники».

Также в 1913 году Фаворский совместно с живописцем и графиком Николаем Борисовичем Розенфельдом перевёл с немецкого на русский книгу скульптора, архитектора, живописца, рисовальщика и медальера Адольфа фон Гильдебранда «Проблема формы в изобразительном искусстве», под воздействием которой Владимир Андреевич создаст для ВХУТЕМАСа программу курса «Теория композиции».

23 мая 1915 года у четы Фаворских родится первенец – Никита, который пойдет по стопам своего отца, будет его учеником, но выработает совершенно самостоятельную манеру в графическом и декоративно-монументальном творчестве. В этом также проявится отцовское стремление – всегда и во всем быть новатором. В качестве своей дипломной работы по окончании в 1938 году Московского полиграфического института Никита очень самобытными гравюрами проиллюстрирует пушкинскую «Капитанскую дочку».

В 1918 году для театра марионеток, петрушек и теней Нины Яковлевны Симонович и её супруга Ивана Семёновича Ефимова, которые называли себя в шутку «петрушечниками», Фаворский вырежет из дерева и распишет серию кукол-марионеток для постановки «Давид» по мотивам одноимённого сочинения М. Королькова. Все эти удивительные в своей самобытности работы бережно хранятся в собрании Музея театральной куклы при Государственном центральном театре кукол. В его экспозиции представлены также и куклы-марионетки для спектакля этого же театрального коллектива по сказке русского собирателя фольклора, исследователя духовной культуры славянских народов, историка и литературоведа Александра Николаевича Афанасьева «Липанюшка» (в книге Голицына – «Липунюшка»).

Также к 1918 году Фаворским подготовлены куклы-марионетки к неизвестному спектаклю, являющиеся собственностью семьи его сподвижника П. Я. Павлинова.

Для театра под руководством Наталии Ильиничны Сац, чей творческий путь тогда еще только начинался, Фаворский также вырезал куклы из дерева. При этом значительно быстрее и дешевле было изготавливать куклы из материала, но Владимир Андреевич понимал, что в таком его исполнении герои кукольных спектаклей будут выглядеть значительно убедительнее и выразительнее. Наталии Ильиничне очень нравилось приходить к Фаворскому в мастерскую, и подолгу, насколько позволяла работа, беседовать с умудрённым опытом художником.

В этот же период Владимир Андреевич иллюстрирует «Озорные сказки» французского романиста, драматурга, литературного и художественного критика, эссеиста, журналиста и издателя, одного из основоположников реализма в европейской литературе Оноре де Бальзака. «Озорные сказки» издавались с иллюстрациями Фаворского в переводе русского поэта, писателя, драматурга, публициста и переводчика Фёдора Кузьмича Сологуба.

В 1918-1919 годах Владимир Андреевич преподаёт в московских Вторых свободных художественных мастерских[2].

От живописца, реставратора, просветителя и музейного деятеля, профессора Игоря Эммануиловича Грабаря Владимир Дмитриевич получает рекомендацию для работы в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, к которой приступает 5 ноября 1920 года.

---

[1] Книга о Владимире Фаворском / сост. Ю.А. Молок. – М.: Искусство, 1967.

[2] *Лазарев С.Е.* Фаворский Владимир Андреевич // Россия в Гражданской войне. 1918-1922: Энциклопедия : в 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – Т. 3: Р–Я. – С. 527–529.

Традиционный объём статьи побуждает остановиться на данном периоде формирования художественного мировоззрения Фаворского, который в значительной степени оказал влияние на характер культурного наследия Владимира Андреевича. Для подробного изложения проявления таланта мастера в различных областях изобразительного искусства авторам потребуется многократное возвращение к теме, затронутой в данном исследовании.

Морозов А.В.
д.п.н., профессор, гл.н.с. НИИ ФСИН России
doc_morozov@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, народ, образовательный процесс, цифровая трансформация, обучающиеся, система образования, педагог.
Key words: artificial intelligence technologies, digitalization, human intelligence, educational process, digital transformation, students, education system, teacher.

Основой национальной идентичности любого народа, наряду с языком и культурой, является его историческая память, опирающаяся на самобытную историю, в которой закрепляются культурное наследие, религиозные и духовные практики, традиции, обычаи, ритуалы, духовно-нравственные ориентиры и ценности, наиболее значимые события. Всё это даёт возможность последующим поколениям взглянуть не только на давно минувшие, но и на текущие события через призму истории, сопоставить происходящее с уроками истории для того, чтобы сделать взвешенные и адекватные выводы, способствующие принятию верных и обоснованных решений.

Национальная идентичность, являясь сложным многомерным феноменом, отражающим осознание отдельно взятым индивидом (или группой людей) принадлежность к определённой нации, обеспечивает формирование чувства солидарности, единства и сопричастности к общему прошлому, настоящему и будущему[1].

На протяжении нескольких десятилетий после тщательно спланированного и срежессированного распада Советского Союза было не принято говорить об исторической памяти как, собственно, и о национальной идентичности, без которой нет и не может быть речи о преемственности поколений. В свою очередь, без преемственности поколений нет истории народа. Отрицание того, что было создано предшествующими поколениями, – это путь в никуда, в бездну, в пропасть...

[1] *Гаджиев, К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3-16; *Грязнов, К.С.* Формирование гражданской идентичности студентов в российских вузах в условиях цифровой трансформации / К.С. Грязнов, А.В. Морозов // Человеческий капитал. – 2026. – № 5 (209). – С. 205-215; *Ковалев, А.А.* Национальная идентичность в эпоху глобализации // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2024. – № 3 (29). – С. 150-161; *Крючек, П.С.* Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость / П.С. Крючек, В.Н. Сергеев // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. – 2025. – № 1 (293). – С. 5-10; *Морозов, А.В.* Информационно-психологическая война и её влияние на историческую память и национальную идентичность // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – С. 627-629; *Мухаев, Р.Т.* Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 1. – С. 199-215.

В этой связи считаем уместным вспомнить замечательные слова нашего гениального поэта А.С. Пушкина, писавшего о том, что «дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»[1].

Вне всякого сомнения, прошлое и настоящее представляют собой уникальный «сплав» единого целого. Точно так же, как не бывает прошлого без настоящего, не может быть и настоящего без прошлого. Историческая память о прошлом помогает народам сохранить свою культуру, традиции, национальные ценности и, опираясь на них как на прочный фундамент, развиваться далее, не теряя своей неповторимой национальной идентичности в окружающем мире.

В условиях навязываемых современными глобалистами мировых трансформаций, значение исторической памяти переоценить невозможно: без неё утрачивается не только национальная идентичность, в целом, но и язык, культура – всё то, что объединяет людей в единую этническую общность. Именно историческая память обеспечивает единство и целостность общества, вне зависимости от того или иного конкретного этапа его развития[2].

История и память неотделимы друг от друга и существуют в режиме «сообщающихся сосудов»[3]. Бережное отношение к сохранению исторической памяти, обеспечение её преемственности, является на сегодняшний день одной из важнейших государственных задач, что нашло своё отражение в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где в качестве одного из важнейших национальных интересов закреплена «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»[4].

Одной из стратегических аксиом современного мирового устройства в идеологии Западного мира стало положение о том, что для того, чтобы уничтожить любое, даже самое мощное государство, с ним вовсе не обязательно вступать в непосредственное военное противоборство: гораздо проще и эффективнее добиться своих целей путём экономического давления, различного рода санкций и элементов внутренней дестабилизации противника, информационных операций, кибератак, гибридной дипломатии и т.д.

По подсчетам экспертов, в современных конфликтах 80% усилий тратится не на поле боя, а на экономическое удушение, кибератаки и промывку мозгов. Гибридная война призвана победить противника без ядерного оружия, танков и ракет. При этом гуманитарное воздействие наиболее результативно осуществляется через такую чувствительную точку для общества и нации, как историческая память.

Данное влияние реализуется путем изменения трактовки некоторых исторических событий, а иногда и периодов истории. В большинстве случаев такая подмена происходит постепенно, маленькими шагами, иногда даже растягивается на десятилетия. В конечном итоге исторические события интерпретируются так, как это выгодно внешним силам, целью которых является разобщение нации, подрыв моральных ценностей народа. Потеряв свой фундамент в виде осознания исторических событий, подтверждающих давнее происхождение, героических подвигов, ознаменовавших право на существование, народ становится лёгкой добычей даже без военной агрессии.

Прошлое невозможно изменить, но его образ легко поддаётся переделке, контуры которого определяются потребностями настоящего. Историческая память вбирает в себя то, что помогает решать задачи сегодняшнего дня. Если общество заинтересовано в самосохранении, оно должно

---

[1] *Пушкин, А.С.* Сочинения в 3 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 484.

[2] *Бадмаев, А.Г.* Историческая память и конструирование национальной идентичности / А.Г. Бадмаев, З.А. Хутыз // Новые технологии. – 2009. – № 4. – С. 75-79; *Брель, А.С.* Историческая память нации как основа сохранения национальной идентичности / А.С. Брель, В.Н. Демидович // Беларусь в современном мире: материалы XVIII Международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2025. – С. 120-122; *Грибан, И.В.* Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 11 (12). – С. 334-342; Историческая память: истоки и современные смыслы / под общ. ред. Б.П. Черника. – Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2024. – 386 с.; *Кулиш, В.В.* Социальный механизм функционирования исторической памяти / В.В. Кулиш, Н.А. Матвеева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 10. – С. 16-23.

[3] Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон. 2020. – С. 7.

[4] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046.

своевременно озаботиться исправностью механизма функционирования исторической памяти и её преемственности. В этой связи, совершенно не случайно, оба этих концепта обозначены в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1] в контексте реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

Самым тесным и непосредственным образом с исторической памятью связан патриотизм. Патриотизм немыслим без национальной идентичности. Американский исследователь С.Ф. Хантингтон в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» высказывает мнение о том, что идентичность, то есть самосознание, присуща не только индивиду, но и социальным группам и народам. Без идентичности нет ни индивида, ни группы, ни народа[2].

Интересный факт: самые ярые сторонники глобализации в лице США вовсе не отказались от патриотизма. Они никоим образом огульно не критикуют своё историческое прошлое. Более того, стараются не освещать многие факты своей истории, которые могли бы помешать патриотическому воспитанию граждан. В современном мире американцы хотят занять господствующее положение. В этой связи, вовсе не случайно З. Бжезинский открыто заявлял о том, что цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей:

1) необходимо закрепить полностью собственное господствующее положение хотя бы на период существования одного поколения (но, предпочтительно, на ещё больший период времени);
2) необходимо создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчить неизбежные потрясения, неизбежное выживание[3].

Такое неприкрытое, наглое навязывание своих идеалов и целей вызвало ответную реакцию стран и народов, не разделяющих подобной «гегемонии». Эта реакция, направленная на защиту уникальности своей культуры, национальной идентичности, нашла своё отражение в патриотизме[4].

Российский патриотизм воспрепятствовал возможности окончательной распродажи нашей страны, её территорий и природных запасов, не дал возможности торжества сепаратизма на её просторах. Вместе с тем, российский патриотизм дал толчок к истинному осмыслению реальных интересов государства.

При этом сравнительный анализ российского и американского патриотизма даёт возможность убедиться в том, что это – совершенно разный патриотизм. Американский исследователь Г. Видал пишет, что США ведут вечную войну во имя вечного мира. «Каждый месяц нам преподносят нового омерзительного врага, по которому мы должны нанести удар, прежде чем он уничтожит нас»[5]. США объявили весь мир зоной своих жизненных интересов, навязывая американскую модель глобализации.

Американские власти провозгласили «право» и даже «долг» США насаждать свою политическую систему во всём мире. Историк Дж. Фиске писал, что в скором будущем американская система правления распространится от полюса до полюса, и на обоих полушариях установится

---

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». –http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K 8S.

[2] *Хантингтон, С.Ф.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2018. – 544 с.

[3] *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 254 с.

[4] *Артемов, В.Л.* Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: доклады и материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. – М.: Московский гуманитарный университет, 2017. – С. 450-458; *Инкижекова, М.С.* Категории «национальная идентичность» и «патриотизм» в современном образовательном пространстве // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 4. – С. 34-45; *Морозов, А.В.* Патриотическое воспитание молодёжи как объединяющая национальная идея // Драгомировские образовательные чтения: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции / отв. ред. И.И. Грачёв. – Пенза: ПГУ, 2019. – С. 173-180; *Нагорнова, А.Ю.* Патриотическое воспитание в современной России / А.Ю. Нагорнова, Л.В. Степаненко, Р.К. Стерледев [и др.]. – Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В., 2024. – 236 с.; *Стычинский, М.С.* Патриотизм в условиях цифровой культуры // Культура и цивилизация. – 2025. – Т. 15. – № 4А. – С. 166-176.

[5] *Видал, Г.* Почему нас ненавидят? Вечная война во имя вечного мира. – М.: АСТ, 2003. – С. 24.

господство США со своими политическими институтами и учреждениями. Американские идеологи назвали это стремление США к мировому господству «космической тенденцией»[1].

США ставят своей целью ослабление российского влияния в Европе, в странах СНГ и превращение этих регионов в сферу своего влияния. США намерены создать перманентные каналы влияния, чтобы не допустить возрождения бывшего Советского Союза. Очевидно, всё это предполагает и требует вполне определённых защитных мер. Возрождение и развитие российского патриотизма как раз и является такой естественной мерой.

Российский патриотизм никогда не был направлен на уничтожение другой цивилизации, другой культуры, другого государства. Россия, в отличие от США, никогда не уничтожала другие народы.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым подчеркнуть, что ведущая роль в формировании и трансляции исторической памяти в современном мире принадлежит государству. При переходе от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному, роль семьи в трансляции исторической памяти значительно уменьшилась, однако продолжает оставаться одним из её основных каналов. Ориентируясь на заимствование позитивного зарубежного опыта, необходимо опираться, в первую очередь, на собственные традиции и культурные ценности – только в этом случае можно сохранить свою национальную идентичность.

Небренчин А.С.

старший преподаватель Кафедры международного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности
РГУ нефти и газа (НИУ)

МЕСТО И РОЛЬ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ УНИКАЛЬНОЙ КИТАЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: китайский язык, Конфуцианская цивилизация, техносоциальная революция, традиционные смыслы, национальная безопасность, лингвокультура, вызовы и угрозы, лингвистический детерминизм, суперэтнос, национальная идентичность.

Key words: Chinese language, Confucian civilization, technosocial revolution, traditional meanings, national security, linguoculture, challenges and threats, linguistic determinism, superethnos, national identity.

Сегодня, в связи с усилившимся противостоянием в ходе глобального соперничества за ресурсы, влияние, культурное доминирование и геополитическое превосходство активную роль играют ведущие мировые цивилизации и их лидеры, во многом определяющие характер и содержание межкультурных и внешнеполитических коммуникаций[2]. Цивилизационные ценности, которые предопределяют мотивацию и дальнейшую эволюцию народов, главным образом базируются на этнокультурном, религиозном наследии и социокультурном опыте, которые постоянно трансформируются под влиянием различных факторов.

В истории становления и развития мировых цивилизаций ключевая роль прежде всего принадлежала однородному этнорелигиозному большинству (не менее 66%), носителю языка и лингвокультуры межнационального общения. Расширению цивилизационных границ во многом способствовала общая религиозная принадлежность, схожий этнокормящий ландшафт, незамкнутый с точки зрения географии (горы, моря, пустыни и т.п.) ареал совместного расселения народов.

Одной из важнейших составляющих формирования национальной культуры принято считать языковой фактор. Ещё в начале XIX века В. фон О. Гумбольдт предложил концепцию не-

[1] *Жукова, Н.Г.* Глобализация и сохранение национальной идентичности // Философия и общество. – 2006. – № 2 (43). – С. 146-152.

[2] *Тер-Минасова, С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – С. 123-128.

разрывной связи внутренних языковых форм и «духа народа» и обосновал идею общественной природы языка. Его последователи Э. Сепир и Б.Л. Уорф сформулировали теорию «лингвистического детерминизма». Согласно данной теории языковые формы оказывают воздействие на мыслительные и перцептивные процессы, формируя этноспецифическую картину мира. При этом язык является не средством выражения, а формой, определяющей образ наших мыслей[1].

Длительное сохранение доминирующего положения суперэтноса во многом предопределяло долгосрочные перспективы существования и развития цивилизаций и созданных на их основе геобразований. Однако заметное падение численности населения и деградация носителей языка и лингвокультуры, обеспечивавших консолидацию населения, устойчивость государственности, обороноспособность и безопасность, неизбежно приводили к подрыву цивилизационных основ, падению империй. Об этом свидетельствует отдельные периоды истории многотысячелетнего Китая, когда цивилизационные скрепы страны временно утрачивали свою ведущую роль в жизни государства и общества[2]. Тем не менее, на протяжении более чем четырехтысячелетней истории Китая ведущее положение нации хань (кит. 汉族 hànzú) по демографическим, экономическим и культурным критериям и на сегодняшний день не теряет своего значения.

Нарастающая мощь Китая во многом связана с геокультурным потенциалом конфуцианской цивилизации, духовно-историческим и лингвокультурным наследием[3]. КНР – это в большей степени однородное государство, где суперэтнос – ханьцы составляют более 90 % населения, китайский язык и, в первую очередь, путунхуа (кит. 普通话 pǔtōnghuà) (общепринятый официальный диалект китайского языка) остается предметом особого внимания со стороны государства. Он теснейшим образом связан с этико-философским учением, разработанным еще Конфуцием в 551-479 гг. до н.э., которое до сих пор выступает в качестве основы мировоззрения, общей этики, политической идеологии, общественной психологии, научной традиции, а также образа жизни большинства китайцев. На лингвокультурном фундаменте сино-тибетской языковой группы, которая по численности находится на первом месте в мире (около 19%) базируются идеология «социализма с китайской спецификой», Концепция «Великого единения» Датун (кит. 大同 Dàtóng) и др.[4]

В Китае официальный язык – это эффективное средство консолидации общества, укрепления государственности, обеспечения суверенитета, территориальной целостности и национальной безопасности государства. В современном Китае особые менталитет и лингвокультура занимают ведущие позиции в концептуальном проектировании процесса формирования и развития государственных и общественных институтов власти, механизмов управления обществом. Китайский язык, занимая исключительное положение в обществе, играет важнейшую роль в образовательных процессах, медиа коммуникациях, в деле гармонизации межнациональных отношений.

В китайском языке принято выделять от 7 до 10 основных групп диалектов. Эти группы сильно отличаются друг от друга, однако лексика и грамматика почти одинаковы. Сами иероглифы являются языковыми знаками, определяющими лишь значения, но не произношение.

Основная графическая единица китайского письма – иероглиф. Он соотносится с тонированным слогом и часто совпадает в своих границах со словом. Иероглиф строится по-разному в виде набора черт (до 28), которые в свою очередь составляют семантические ключи, которых насчитывается 214. В ходе развития письменности иероглифы сильно изменились, однако суть осталась неизменной – иероглиф олицетворяет образ предмета реальной действительности[5]. Иероглифы оказывают серьезное воздействие на мышление китайцев. Мысль становится конкретно символической, что проявляется в укоренившейся привычке к точности и определенности дат, имен, событий.

---

[1] *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку. – 1960. – С. 137–139.

[2] *Вавилов Н.Н.* Китай. – М.: АСТ, 2024. – С. 442–446.

[3] *Ся Липин, Цзян Сиюань.* Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая). – Пекин. 2004. – С. 256–260.

[4] *Небренчин А.С., Небренчин С.М.* КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы /Центр стратегических оценок и прогнозов. – Москва: АНО ЦСОиП, 2017. – С. 23.

[5] *Чжоу Югуан.* Модернизация китайского языка и письменность // Новое в лингвистике. – Вып. XXII. Языкознание в Китае / пер. с кит. – М.: Прогресс, 1989. – С. 379–380.

Фонетика формировалась под определенным влиянием буддизма, вместе с которым из Индии в Китай проникли интерес к поэзии, рифме, мелодике и тону. В качестве первичной фонетической единицы принято выделять не отдельный звук, а слог, являющийся неделимым целым.

Кроме фонетических и графических особенностей языка, стоит уделить внимание китайским пословицам и поговоркам, а также кратким идиоматическим выражениям (кит. 成语 chéngyǔ). Они образны и лаконичны, но при этом ясны и доходчивы. В них отражены особенности повседневной речи народа с ее яркой и самобытной лексикой. Владение наиболее популярными идиомами, пословицами и поговорками является характерной чертой образованного китайца.

Стоит упомянуть и о наличии особенностей невербального общения китайского народа[1]. Большое количество жестов в Китае закрепилось еще с древних времен. Так, обычай приветствовать сложением обеих рук перед грудью символизирует нежелание нанести первый удар, а раскрытая ладонь одной руки и обхваченный ею сжатый кулак другой отражают два противоположных начала китайской философии «инь» и «ян». Этим жестом китайцы поздравляют своих родственников и знакомых с наступлением Китайского Нового года (кит. 春节 Chūnjié), с днем рождения, а также повышением по службе. Молодое поколение китайцев реже использует данный жест уважения и приветствия, заменяя его европейским рукопожатием. При этом в китайском обществе считается нормальным протягивать для рукопожатия левую руку, если правая занята. Кроме того, многие китайцы имеют привычку трогать своего собеседника за локоть или плечо во время разговора. Считается, что такое телесное прикосновение открывает иное качество личных взаимоотношений, придавая им теплоту и доверительность, символизируя внимание и заботу. Соответственно, традиционные культурно-психологические феномены, связанные с осознанием тела, занимают ведущее положение и у современных китайцев.

Следует отметить, что китайский народ довольно усложненно воспринимает действительность. Это проявляется в частом употреблении символических форм и метафор в языковой коммуникации. В китайской литературе чрезвычайно развито искусство намеков, иллюзий и скрытых цитат.

В настоящее время китайский язык в отличие от многих других, в частности европейских языков, достаточно защищен от пагубного влияния, в том числе извне, активно развивается и обогащается на базе своего происхождения и эволюции[2]. Основываясь на собственном негативном историческом опыте, КНР избегает слепого заимствования иностранных идей и концепций, моделей и традиций государственного и общественного проектирования и управления, технологического развития страны. Китайское общество осознанно отвергает чужеродную мифологию, «по всему периметру китайской территории стоят фильтры, которые пропускают... только то, что не грозит его разрушить, только то, что полезно»[3].

В качестве реальной угрозы цивилизационным основам страны в КНР рассматривают последствия техносоциальной революции XXI века, нацеленной на унификацию языкового разнообразия и уничтожение уникальных лингвокультур, трансформацию мирового общественного мнения, его подчинение и управление в интересах сил глобального влияния. С появлением Интернета и его растущим влиянием на информационное поле в повседневной жизни в мировом общественном сознании культивируются принципиально иные образы, посылы и мифы, символы и знаки. Медиакультура формирует новые парадигмы мышления и социопсихологические алгоритмы поведения[4].

В настоящий момент на повестке китайского общества стоит вопрос о повсеместном внедрении «системы социального рейтинга» (SCS) (кит. 社会信用体系 shèhuì xìnyòng tǐxì). Она нацелена как на защиту китайского общества от деструктивного воздействия техносоциальной революции, так и на максимальное использование коллективных возможностей каждого гражданина вносить ощутимый вклад в процветание страны.

---

[1] *Ишутина Ю.А.* К вопросу о формировании этнической идентичности китайцев. // Россия и АТР. – 2006. – № 3. – С. 67–71.

[2] *Афонасенко Е.В.* Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. – 2004. – № 1. – С. 131–143.

[3] *Дугин А.Г.* Экспертиза Дугина // Завтра. – 2019. – № 3. – С. 3.

[4] *Дзялошинский И.М.* Медиатизация культуры в цифровой цивилизации: учебное пособие / И.М. Дзялошинский. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – С. 356–362.

Таким образом, во многом благодаря многотысячелетней истории, уникальности менталитета и особой роли лингвокультуры китайскому обществу сегодня удается успешно противостоять форс-мажорным обстоятельствам, вызванным обострением международной обстановки, последствиями финансово-экономического кризиса в мире. В условиях глубокого падения экономики и бизнеса, ухудшения социально-экономической обстановки в Китае руководство страны во главе с председателем Си Цзиньпином смогла словом и делом консолидировать общество перед лицом глобальных вызовов и угроз. Решение задачи выживания и сохранения уникальной Конфуцианской цивилизации невозможно без обращения к своему богатому историко-культурному достоянию – китайскому языку, традиционным смыслам, идеалам и символам. И, как следствие, в результате уже принятых и последующих стратегических мер страна выдвинулась на передовые роли в мире, она успешно конкурирует с США по всем направлениям.

Оу Гуаньюань
аспирант Кафедры философии Забайкальский государственный университет, г. Чита

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА КИТАЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Ключевые слова: туризм как народная дипломатия; туристический фактор для БРИКС; образ России; «мнимый» и «явный» образ России в Китае; стереотипы образа; туристические обмены; межкультурное общение.
Key words: tourism as public diplomacy; the tourism factor for BRICS; the image of Russia; the “imaginary” and “obvious” image of Russia in China; image stereotypes; tourist exchanges; intercultural communication.

Существующие исследования имиджа России в КНР фокусируются чаще всего на взглядах китайских официальных лиц и элиты, игнорируя конструктивную роль повседневного опыта простых людей. Поэтому особый научный интерес представляет повседневный опыт китайских туристов, посещающих Россию. Исследования показали, что он является основной движущей силой в формировании образа этой страны. Он способствует трансформации общественного восприятия от стереотипа к трехмерной реальности посредством культурного диалога, что обеспечивает эмпирическую основу для углубления культурных обменов между Китаем, Россией и странами БРИКС, создавая прочную основу для общения между людьми.

В контексте углубления сотрудничества в рамках БРИКС китайско-российский фольклорный туризм стал основным средством культурного обмена, а личный опыт китайских туристов сформировал образ России, который отличается от представлений официальных СМИ. Как показывают результаты исследований, образ России в глазах китайских туристов двойственный: здесь присутствуют как традиционные стереотипы, так и гуманистические характеристики, которые формируются в результате общения с российским населением, с российской природой, хотя и ощущается недостаток в языковом общении[1].

Говоря о России, первое, что приходит на ум большинству китайцев, – это давние ярлыки «воюющей нации», «тяжелой истории» и «королевства льда и снега». Эти образы формировались в результате десятилетий на основе информации, которая транслировалась новостными репортажами; интерпретации классических советских фильмов, а также современных онлайн-шуток[2]. Серьезные новости о международной ситуации, шутки о том, что «русские держат медведей в ка-

[1] 安峥,李宝花.普京宣布对华免签 · 中俄游客双向奔赴 [N]. 解放日报, 2025 (04): 2. [*Ан Чжэн, Ли Баохуа*. Путин объявил о безвизовом режиме для Китая: китайские и российские туристы устремляются друг к другу // Ежедневное Освобождение. – 2025. – № 04. – С. 2]. DOI: 10.28410/n. cnki.njfrb.2025.009166.

[2] 陈瑾,卢小祁.中俄旅游业合作发展理论、实践及对策研究[J].企业经济, 2023, (09): 133. [*Чэнь Цзинь, Лу Сяоци*. Теория, практика и контрмеры развития сотрудничества в туристической отрасли между Китаем и Россией // Экономика предприятий. 2023. – № 09. – С. 133.] DOI: 10.13529/j.cnki.enterprise. economy.2023.09.012.

честве домашних животных», герои-революционеры в фильме «Как закалялась сталь», неулыбчивые военные в кино- и телевизионных драмах – все это создало сильный, немного грубоватый, даже загадочный национальный образ. В едином и символическом коллективном сознании КНР Россия, кажется, навсегда привязана к холоду, упорству и серьезности, ей не хватает живой атмосферы, радостей и печалей обычных людей.

Но китайские туристы, которые действительно были на российской земле, как правило, уже не видят Россию через призму СМИ. Находясь в московском метро, в солнечных кафе Санкт-Петербурга и на чистых берегах Байкала, гуляя по улицам и переулкам, они соприкасаются с подлинной Россией. Этот опыт не имеет ничего общего с громкими политическими заявлениями, и в нем нет преднамеренной модификации фильтров. Китайские туристы воспринимают детали одежды, еды, жилья и впечатления от путешествий: аромат свежеиспеченного хлеба, доносящийся ранним утром из пекарни на углу; неторопливое выражение лиц местных жителей, прогуливающихся по улицам в парке; вечерний бриз с водяным паром, дующий ночью с Невы, ослепительный ассортимент молочных продуктов в супермаркете и реакцию кассира, которая с энтузиазмом помогает собрать купленные вещи[1].

Именно эти, казалось бы, обычные, даже тривиальные повседневные моменты и создают самые глубокие и стойкие воспоминания китайских туристов о России. Они привозят в Китай уже не абстрактные ярлыки и пустые концепции, а конкретные истории, живые лица и настоящие чувства. Этот реальный опыт обычных людей, передаваемый из уст в уста родственниками и друзьями и широко распространенный в социальных сетях, ненавязчиво обогащает и корректирует коллективное представление о России. Далекая страна, которая когда-то существовала только в новостях и кинофильмах, становится все более объемной, радушной и доступной.

Образ «жесткой» России сменятся другим в глазах китайских туристов – «нежным», как бы рефлексируя двустороннюю природу России. У китайцев, которые никогда не были в России, часто складывается предвзятое мнение о «воюющей нации». Через формируемое мнение, они воспринимают русских людей эмоционально холодными, с которыми трудно общаться, так как у них всегда серьезное выражение лица, они все делают прямолинейно и без эмоций. Эта концепция настолько укоренилась, что многие туристы первоначально испытывают некоторое беспокойство перед отправлением в путь, опасаясь, что столкнутся с недружелюбным отношением. Но, побывав в России, по возвращении они скажут, что настоящая Россия гораздо сложнее и богаче, чем можно себе представить. Она похожа на монету с двумя сторонами. Только испытав ее на собственном опыте, можно увидеть ее во всей красе[2].

С одной стороны, характерные черты «воюющей нации» действительно нашли яркое подтверждение во многих повседневных сценах. Прямота, откровенность и упорство, присущие русским, производят глубокое впечатление почти на каждого туриста. Русские не любят хитрить, и у них плохо получается лицемерная вежливость. Они говорят и делают все прямолинейно, соглашаясь или нет с другим мнением. Несмотря на сильный мороз, они могут спокойно гулять и кататься на коньках на открытом воздухе, поэтому, сталкиваясь с жизненными трудностями, они проявляют оптимизм и твердость духа[3]. Такой жесткий темперамент, в котором нет лицемерия и надуманности, является неотъемлемой частью русского национального характера, который разрушает ярлык «воюющая нация».

Китайских туристов больше всего привлекает мягкость, доброта и деликатность местных жителей, которые скрыты под холодной внешностью. Такого рода мягкость – это не стандартная профессиональная улыбка и не намеренная лесть, а своего рода простая доброта от всего сердца. Это незнакомый мужчина, который взял на себя инициативу протянуть руку помощи, не сказав

[1] 李兴. “一带一路” 框架下中俄旅游合作: 成效、挑战与对策[J].贵州省党校学报, 2023, (02): 114. [*Ли Син.* Туристическое сотрудничество между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: результаты, вызовы и контрмеры // Вестник партийной школы провинции Гуйчжоу. – 2023.– № 02. – С 114.] DOI: 10.16436/j.cnki.52-5023/d.2023.02.007.

[2] 周言艳.中俄在旅游领域的人文交流问题探究 [J]. 西伯利亚研究, 2020, (05): 97 [*Чжоу Яньянь.* Исследование проблем гуманитарного обмена между Китаем и Россией в сфере туризма // Сибирские исследования. – 2020. – № 05. – С. 97.

[3] 莎加.旅俄中国游客的城市目的地形象感知与满意度研究[D].陕西师范大学, 2019: 27 [*Ша Цзя.* Исследование восприятия образа городских направлений и удовлетворенности китайских туристов, путешествующих в Россию: диссертация на соискание ученой степени кандидата наук // Сиань-Шаньсийский педагогический университет. – 2019. – С. 27]. DOI:10.27292/d.cnki.gsxfu.2019.000459.

ни слова, когда увидел, что вы несете тяжелый багаж; это бабушка, которая терпеливо довезла до места назначения, когда вы запутались в карте; это официант, который проявил инициативу, порекомендовав вам блюда при заказе в ресторане; это молодой человек, который увидел вас с ребенком на руках в метро и сразу же встал, чтобы уступить свое место. Многие туристы также отмечают, что русские питают почти неизменную любовь к искусству[1]. Будь то музыканты и художники, которых можно встретить повсюду на улицах, или переполненные залы театров, – все они демонстрируют глубокое отношение к культурному наследию своей нации и свой нежный духовный мир.

Конечно, в процессе путешествия китайские туристы сталкиваются с языковым барьером, проблемами комфорта в гостиницах, но эти факты не вызывают у большинства туристов негативного впечатления о России, так как они считают, что эти реальные недостатки просто делают страну более привлекательной и заслуживающей доверия[2].

Сегодня туризм становится гражданской дипломатией, формируя глазами туристов взгляд на Россию. В условиях углубления сотрудничества между странами БРИКС и глубоких изменений в системе глобального управления, взаимопонимание и доверие между странами никогда не могут основываться только на официальных обменах мнениями и подписании документов. Они создают основу и мост для сотрудничества, а ежедневные контакты и эмоциональный обмен между обычными людьми – это плоть и кровь, которые наполняют основу, создавая простой и долговечный способ укрепления взаимного доверия. Ничто так не устраняет недоразумения и не сближает друг друга, как общение лицом к лицу и от сердца к сердцу.

Сегодня страны БРИКС благодаря туризму выполняют роль международного локомотива, становясь альтернативой западным направлениям, играя решающую роль в туристической индустрии, являясь основными экономическими источниками друг для друга. Формируя ключевые направления развития (создание цифровой информационной системы, регулируя визовой режим, формируя туристический поток взаимного обмена) они не только развивают новые формы и виды туризма (исторические, экологические, научные, фольклорные и т.п. маршруты), но и генерируют запросы на поездки в страны БРИКС, в том числе и в Россию. Благодаря развитию туризма не только модернизируется туристический бизнес, укрепляются межкультурные связи, но и формируется непосредственный образ страны в сознании туристов, что можно рассматривать как один из факторов многополярной интеграции. Туристические мосты, становясь важным способом укрепления взаимного доверия между различными цивилизациями, углубляют взаимопонимание между народами.

Продолжающееся развитие народного туризма между Китаем и Россией обеспечило прекрасную платформу для взаимопонимания и дружеских обменов между народами двух стран. Китай уже много лет подряд становится крупнейшим туристическим центром России[3]. Каждый год миллионы китайских туристов пересекают национальные границы и въезжают в российские города и села. Они являются не только потребителями, которые приезжают посмотреть достопримечательности, но и «ходячими» посланцами культуры, которые наводят мосты дружбы. Каждый китайский турист своими словами и поступками показывает русскому народу настоящий, трехмерный и всеобъемлющий Китай; и каждый русский, с которым они встречаются, показывает китайским туристам настоящую Россию. Такого рода двусторонний, равноправный и спонтанный гражданский обмен мнениями незаменим, так как он может достичь труднодоступных для официальных встреч уголков и установить самые искренние эмоциональные связи.

Реальный опыт туристов и распространение информации из уст в уста оказывают влияние, превосходящее всякое воображение. Искренняя похвала туриста иногда бывает более убедительной, чем десять официальных отчетов[4]. Это не только имеет большое значение для Китая и

---

[1]春香.中国赴俄罗斯旅游客源市场发展研究 [D].西安石油大学, 2020 : 33. [*Чун Сян.* Исследование развития туристического рынка Китая, направленного на Россию: диссертация на соискание ученой степени кандидата наук // Сиань Сианьский нефтяной университет. – 2020. – С. 33.] DOI: 10.27400/d.cnki.gxasc.2020.000075 .

[2] 葛新蓉.中俄旅游合作的新态势 [J]. 商业经济, 2017, (12): 61. [*Гэ Синьжун.* Новые тенденции туристического сотрудничества между Китаем и Россией // Коммерческая экономика. – 2017. – № 12. – С. 61].

[3] 于海志.加快发展中俄边境旅游合作的对策与建议[J].知识经济, 2015, (04): 76. [*Юй Хайчжи.* Контрмеры и предложения по ускорению развития приграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией // Знание – экономика. – 2015. – № 04. – С. 76]. DOI:10.15880/j.cnki.zsjj.2015.04.048.

[4] 初智巍.加快发展中俄旅游合作的对策与建议[J].西伯利亚研究, 2012, (06): 24. [*Чу Чживэй.* Контрмеры и пред-

России, но и становится ценным опытом и демонстрацией углубления культурных обменов между странами БРИКС, способствуя созданию более тесной общности судеб человечества[1]. Ежедневный опыт туристов определяет основу формирования образа страны, а его распространение из уст в уста разрушает старые представления и способствует переходу восприятия России от абстрактных ярлыков к трехмерной реальности. В контексте углубления сотрудничества стран БРИКС такого рода гражданские обмены являются прочной связью между сердцами и умами людей. Оптимизация туристической среды может не только способствовать развитию российского туризма, но и заложить прочную основу для культурных обменов между Китаем, Россией и странами БРИКС.

Сибиряков И.В.
д.и.н., профессор, профессор кафедры «Отечественная и зарубежная история»,
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БРИКС[2]

Ключевые слова: БРИКС, образ страны, медиапространство, современное информационное пространство.
Key words: BRICS, country image, media space, modern information space.

Российская Федерация, как и любая другая страна, играющая заметную роль в современных международных отношениях, заинтересована в формировании собственного положительного образа в мировом информационном пространстве. В условиях современных масштабных информационных войн, стремительной цифровизации социума, обострения межгосударственных противоречий и конфликтов, создание такого образа представляется очень сложной задачей. Медиапространство БРИКС – это важная часть мирового информационного пространства. Государства-участники БРИКС видят в нем эффективный инструмент выражения и защиты своих национальных интересов. Не случайно в последнее время проблемы медиапространства БРИКС вызывают большой интерес у исследователей самых разных стран[3]. Как справедливо отмечает Ю.И. Герасимова: «повышается потребность в разработке концептуальных основ универсальной медиасреды БРИКС, которая в равной степени будет представлять интересы каждого актора и иметь значение как интерактивный межкультурный центр с возможностью проведения онлайн-встреч и семинаров для студентов, деятелей науки и искусства, представителей бизнес-кругов, других заинтересованных групп»[4].

Несмотря на уже достаточно долгий исторический срок существования, медиапространство БРИКС все еще проходит очень болезненную стадию становления. Именно эти обстоятельства

ложения по ускорению развития туристического сотрудничества между Китаем и Россией // Сибирские исследования. – 2012. – № 6. – С. 24.

[1] 王娅萍,张磊.中俄旅游经济合作浅析 [J]. 广西大学学报(哲学社会科学版), 2008, (02): 243. [*Ван Япин, Чжан Лэй*. Краткий анализ экономического сотрудничества в сфере туризма между Китаем и Россией // Вестник Гуансиского университета (Философия и общественные науки). – 2008. – № 02. – С. 243]. DOI: 10.13624/j.cnki.jgupss.2008.s2.185 .

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, https://rscf.ru/project/24-18-00049.

[3] *Каминская Т.Л.* Создание медийной экосистемы БРИКС как стратегия коммуникативного доминирования // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 15-23; *Nordenstreng K., Thussu D.K.* BRICS Reshaping the Global Communication Order. – 2020 и др.

[4] *Герасимова Ю.И.* БРИКС в контексте информационного сотрудничества // Вестник ученых-международников. – 2023. – №1. – С. 381.

придают особую актуальность многим сюжетам, связанным с формированием положительного образа России в медиапространстве БРИКС.

К основным элементам образа России, который специалисты, создающие и распространяющие такие образы в медиапространстве БРИКС, презентуют особенно активно в последние годы, на наш взгляд, можно отнести:

1. Готовность страны к диалогу по широкому кругу проблем, существующих в многополярном мире, с учетом интересов каждой из стран, участвующих в этом процессе (конструкт «миролюбивая Россия»).
2. Готовность России к равноправному взаимовыгодному экономическому сотрудничеству со странами участницами объединения (конструкт «высокотехнологичная Россия).
3. Готовность к развитию межкультурных коммуникаций на самых разных уровнях и в разных формах (конструкт «гостеприимная Россия»).

Примечательно, что в этом самопрезентационном образе России присутствуют еще два очень важных компонента. Это способность одерживать победу даже в самых тяжелых сражениях (конструкт «побеждающая Россия») и особенности национальной культуры/менталитета, которые не всегда могут быть объяснены рационально (конструкт «загадочная Россия»).

В качестве главных инструментов формирования такого образа России в медиапространстве БРИКС сегодня наиболее активно используются:

А) Международная медиасеть TV БРИКС и связанные, с ней структуры и проекты. По словам Ж. Толстиковой генерального директора международной медиасети TV BRICS: «TV BRICS видит своей миссией создание единого информационного пространства БРИКС+ на условиях равноправного сотрудничества всех стран, распространение объективной информации о гуманитарной и экономической деятельности участников и партнеров объединения БРИКС. Медиасеть сегодня предлагает мировому сообществу качественно новый формат взаимодействия через медиа, продвигает медиадипломатию как способ формирования прочной основы для созидательного сотрудничества стран в самых разных сферах»[1]. Среди наиболее успешных проектов сети можно назвать Медиацентр БРИКС+, открытый совместно TV BRICS с Библиотекой иностранной литературы при поддержке МИД России, Министерства культуры Российской Федерации, Российского книжного союза в октябре 2024 г.; кинопоказы TV BRICS; цикл стажировок InteRussia, запущенный Фондом поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, международный симфонический оркестр TV BRICS и т.д. Система информационного обмена TV BRICS позволяет доводить информацию до аудитории в 1,5 млрд человек в 80 странах. Разветвленная система региональных медиапартнеров позволяет аккумулировать и продвигать консолидированную повестку на 35 языках мира[2].

Б) Проект BRICS ZONE. Его создатели позиционируют этот проект как «платформу для взаимодействия стран, входящих в БРИКС, а также источник новостей, информации об экономике и развитии этих государств»[3]. Они утверждают, что «BRICS ZONE акцентирует внимание на ключевых сферах сотрудничества в рамках БРИКС, включая экономическое партнерство, инвестиционные проекты, образовательные программы, технологические инновации, экологическое сотрудничество и культурный обмен. Платформа предлагает своим подписчикам самые актуальные и проверенные новости, анализирует тенденции и перспективы развития стран БРИКС, а также рассматривает влияние их взаимодействия на мировую экономическую и политическую арену»[4].

В) Медиафорумы различного формата. Один из самых известных медиафорумов – это медиасаммиты БРИКС[5]. Первый из них прошел в 2015 г. в Пекине. В его работе тогда приняли участие представители 25 печатных изданий, Интернет-изданий, радио и телевидения. В дальнейшем медиасаммиты БРИКС стали проходить регулярно (в среднем один медиасаммит в 1-2 года). На медиасаммите, который состоялся в Москве в 2024 г., присутствовали представители более

[1] *Толстикова Ж.* О роли медиасети TV BRICS в формировании единого информационного пространства. – https://expertnw.com/ekspertnoe-mnenie/o-roli-mediaseti-tv-brics-v-formirovanii-edinogo-informatsionnogo-prostranstva.

[2] Глобальное информационное присутствие. – https://tvbrics.com/about.

[3] BRICS ZONE. – https://brics.zone.

[4] BRICS.ZONE – новости объединения БРИКС. – https://vk.com/brics.zone?w=club222220706.

[5] *Сибиряков И.В.* Медиасаммиты БРИКС: история формирования нового медиапространства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2025. – № 3. – С. 32-36.

60 средств массовой информации из 45 стран[1]. В итоговой декларации медиасаммита было сказано: «Участники из стран БРИКС подтвердили приверженность принципам объективной журналистики, основанной на фактах, и выразили готовность координировать усилия по борьбе с дезинформацией. ... Участники из стран БРИКС заявили о необходимости для СМИ идти в ногу со временем и внедрять передовые технологии, при этом отметив, что использование искусственного интеллекта в медиа требует выработки соответствующих стандартов и этических норм. Участники будут поддерживать профессиональный диалог по теме искусственного интеллекта»[2].

Г) Электронные издания. Среди них особое место занимают: «Бюллетень Национального Комитета по исследованию БРИКС», журнал «Международная жизнь» и т.д.

Д) Косвенно задачу формирования положительного образа России в медиапространстве БРИКС решают и такие институты, как «Сетевой университет БРИКС»[3].

Анализ работы всех этих институтов позволяет выделить 2 типа наиболее важных проблем, без решения которых процесс формирования положительного образа России в медиапространстве БРИКС может затянуться на долгие годы, но так и не дать ожидаемого результата.

Во-первых, это проблемы, которые условно можно назвать «технологическими проблемами» (в их числе т.н. «языковая проблема», а именно отсутствие единого языка общения внутри объединения, что существенно осложняет формирование информационного контента БРИКС, а также «проблема цензурных ограничений», уровень последних в разных странах объединения существенно отличается).

Во-вторых, это проблемы, которые условно можно назвать «содержательными проблемами». В этом случае речь идет об универсальном характере многих элементов того положительного образа России, который его создатели презентуют в медиапространстве БРИКС. Очевидно, что у России нет монополии на образ «миролюбивой», «высокотехнологичной», «гостеприимной» страны. Более того, большинство стран, входящих в объединение, презентуют свой образ в медиапространстве БРИКС, почти в таких же языковых терминах и понятиях. (Впечатляет масштаб запущенного недавно Медиакорпорацией Китая на африканскую аудиторию мультимедийного проекта «Любимые крылатые выражения Си Цзиньпина». К нему присоединились более 200 ведущих СМИ из более чем 80 стран всего мира, в том числе порядка 50 стран Африки. Сериал рассчитан на мультиязычную аудиторию: он переведен на английский, французский, арабский, хауса, суахили, хинди и другие языки»[4]. (Тексты и визуальный ряд данного проекта способствуют формированию у зрителя образа современного Китая, как страны «миролюбивой», «высокотехнологической», «гостеприимной»). В 2025 г. проект был запущен и в России.

В силу специфики политической конструкции БРИКС в медиапространстве объединения нет возможности активно использовать нарратив «побеждающая Россия». А привлекательность такого элемента, как «загадочность» России», по мере становления медиапространства БРИКС стремительно снижается. Следует отметить, что создание идеального образа страны в современном социуме представляется не самой эффективной стратегией продвижения образа России, особенно в условиях конкуренции с образами других стран. Не следует сбрасывать со счетов и воздействие контробразов России, которые активно создаются и распространяются СМИ «недружественных» государств и объединений.

Таким образом, перед журналистами, пиар-специалистами, деятелями культуры и искусства России, политиками и государственными деятелями стоит целый ряд проблем, так или иначе связанных с формированием положительного образа Российской Федерации в медиапространстве БРИКС. Алгоритм решения некоторых из них понятен. Некоторые проблемы могут быть решены только в результате большой кропотливой совместной работы всех заинтересованных в этом участников межгосударственных и международных отношений, представителей гражданского общества.

---

[1] *Пархоменко Г.* Общаться напрямую и рассказывать правду. – https://rg.ru/2024/09/14/obshchatsia-napriamuiu-i-rasskazyvat-pravdu-v-moskve-otkrylsia-mediasammit-briks.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

[2] Итоговая декларация Медиа Саммита БРИКС. – https://iabrics.org/tpost/aiiprccbz1-itogovaya-deklaratsiya-media-sammita-bri.

[3] BRICS Network University (BRICS-NU). – https://brics-nu.org.

[4] *Васильчиков А.* Страны БРИКС создают общее информационное пространство. – https://rg.ru/2023/08/28/briks-zagovorit-v-polnyj-golos.html?utm_referrerhttps%3A%2F%2F yandex.ru%2F.

Хилтухина Е.Г.
д.филос.н., доцент, профессор Кафедры социальной и цифровой гуманитаристики
Московского института психоанализа

ЭТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Ключевые слова: современная культура, информационная культура, цифровизация, цифровая культура, этика, безопасность, гуманитарная безопасность, клиповое мышление, образование, технологии, социально-гуманитарная безопасность, глобализация, личность, мотивация, мышление, технологическая адаптивность, коммуникативность.

Key words: modern culture, information culture, digitalization, digital culture, ethics, security, humanitarian security, clip thinking, education, technology, social and humanitarian security, globalization, personality, motivation, thinking, technological adaptability, communication skills.

Современный мир – мир новых информационных технологий, который формирует и новую цифровую культуру. Еще в 70-е годы XX века членом Римского клуба Элвином Тоффлером [8]. было сказано, что мировое сообщество вступает в эру постиндустриального информационного общества, которое приведет к формированию посткультурного цивилизационного пространства, а значит, и к распаду культуры и человечества в целом. Получается, что информационное общество характеризуется актуальным началом бытия современного глобального сообщества. Современное общество и называется ***информационным*** в силу того, что информация обеспечивает в нем связь разных уровней и планов социального существования и деятельности человека. Информационные процессы лежат в основе функционирования всех систем общества. Развитие средств массовой коммуникации и информации усилило качество массовости, придало ему определенные черты социокультурного феномена.

Среди причин возникновения единой глобальной культуры человечества учёные называют, *во-первых*, кардинальное изменение в XX столетии образа жизни гигантских масс населения вследствие *изменения характера и условий труда, урбанизации, информатизации общества. Во-вторых*, в связи с указанными изменениями в образе жизни произошли и фундаментальные перемены в культурно-ценностной ориентации людей. Появились новые культурные стереотипы, связанные с формированием человека нового типа: динамичного, постоянно стремящегося к инновациям и нестандартным решениям, человека массового сознания, в основе которого лежит клиповое мышление. *Клиповое мышление* – это реальность, которую нужно принять и учитывать при взаимодействии с представителями цифрового поколения. В связи с этим многими исследователями поднимается вопрос о задачах, которые ставятся перед педагогами в ходе их работы с так называемыми «цифровыми аборигенами», подчеркивается необходимость перестройки образовательного процесса. Речь может идти о формировании «цифровой культуры», выражающаяся в освоении новых технологий, в формировании цифровой грамотности, во владении «компетенциями по эффективной реализации цифровых технологий в профессиональной деятельности» [3].

Таким образом, можно говорить о третьей и четвертой промышленных революциях, в основе которых лежат информатизация и цифровизация общественного развития и, в частности, образования. Ведь роль информационного общества явно проявляется в формировании информационной культуры и цифровизации общества. Информационная культура – это умение использовать современные технические средства и информационные технологии для получения, обработки и передачи информации, чтобы во-первых, отбирать и анализировать информацию, во-вторых, находить нужную информацию и использовать различные источники, в-третьих, формулировать свою потребность в информации, в-четвертых, обрабатывать информацию и создавать новую информацию. Эти особенности информатизации способствуют становлению цифровой культуры. Получается, что ***информационное общество и развитие цифровых технологий формируют цифровую культуру через изменения в коммуникации***, образовании и культурной сфере, а также через возникновение этических вопросов, которые появляются в течение **цифровизации учебного процесса**. Информационные технологии стали неотъемлемой частью образовательного процесса, привнося новые подходы и возможности. Вследствие этого можно представить некоторые аспекты влияния:

Повышение доступности образования – онлайн-платформы позволяют учиться из дома, что особенно ценно для жителей небольших населённых пунктов и удалённых районов. **Улучшение качества обучения** – интерактивные презентации, видеоматериалы, образовательные игры и электронные учебники помогают быстро обновлять и дополнять материалы. **Индивидуализация обучения** – с помощью различных источников информации ученики могут самостоятельно изучать интересующие их темы в удобном для них темпе. **Повышение мотивации у учащихся** – цифровизация стимулирует учеников к обучению благодаря использованию привлекательных способов получения информации, например, просмотра мультимедийного и интерактивного материала.

Получается, что цифровая культура становится частью информационной культуры общества, основанной на глобальных информационно-телекоммуникационных сетях, прежде всего, на использовании Интернета, и характеризующейся цифровизацией всех сфер общественной жизни. Она включает в себя не только владение техническими средствами и практику их использования, но и систему социальных взаимоотношений, норм, ценностей, характерных для цифровой среды, ключевыми элементами которой становятся: *а) Цифровое мышление, б) Технологическая адаптивность, в) Коммуникация, г) Культура инноваций, д) Цифровая этика и безопасность.* При этом нельзя забывать, что может возникнуть угроза безопасности, в современном обществе мы уже говорим **о гуманитарной безопасности**. Ведь само понятие безопасности возникает с началом деятельности человека, который одновременно формирует определенную защиту как от внешней среды, так и от духовной нищеты.

Поэтому необходимо говорить о безопасности, которая может уберечь от неприятностей как технологического, так и духовного плана. Вот здесь и проявляется новое понимание и связь этики с безопасностью. Если этика – наука о морали и нравственности, то мы можем говорить о духовной безопасности человека, который уже с появлением культуры начинает оберегать себя от ненужных невзгод. Безопасность – это и есть состояние защищённости. В современном мире безопасность часто связана с балансом между защитой и свободой – например, как обеспечить безопасность, не нарушая права человека. Поэтому безопасность тесно связана с этикой, поскольку она дает возможность человеку раскрывать именно человеческие качества и формировать ценности общечеловеческого плана. С формированием цифровой культуры начинает меняться понимание жизни в современных условиях, где происходит резкая переоценка ценностей, что приводит к формированию цифровой этики. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин наиболее ответственны за духовно-нравственное развитие молодого поколения. Тем более, что в современном образовании огромное влияние играет цифровая этика. Идея защиты человека от множества угроз неразрывно связана именно с концепцией ***гуманитарной безопасности***. По мнению доктора философских наук А.С. Капто, «гуманитарная безопасность – один из новых инструментов (общественных институтов) обеспечения безопасности, один из ее новых видов (наряду с военно-политической, экономической, экологической и др.). Ее главной целью является человек, его интеллектуальный, духовный, нравственно-этический потенциал» . Понятие «социально-гуманитарная безопасность» говорит само за себя. Это общественная и человеческая безопасность, в основе которой лежат нравственные основы бытия человека, но которые меняются, поскольку представляют собой систему условий, позволяющих обществу и его культурным ценностям сохранять жизненно важные параметры в рамках исторически сложившейся нормы. В центре внимания – духовный, нравственный и интеллектуальный потенциал человека. Поэтому в контексте образования социально-гуманитарная безопасность может означать как формирование личности, укоренённой в родной культуре, так и формирование идеалов свободного осмысленного выбора личности и планирование жизненных путей, защищённых от влияния готовых ценностей общества, которые стремятся к гедонистическому потреблению. Тем более, что обеспечение безопасности личности во всех сферах её деятельности и проявления для всестороннего раскрытия потенциала и профессиональных компетенций становится наиболее актуальной задачей этики. Ведь ***этика, особенно в современном образовании, предполагает формирование морального сознания личности***. Можно выдвинуть на первый план такие задачи этики, которые в образовательном процессе наиболее ярко проявятся или уже проявляются: во-первых, повышение интереса учащихся к моральному и нравственному в социальных отношениях; во-вторых, формирование способности оценивать свои поступки и поступки других людей с

точки зрения теоретической этики. Из этих двух задач вытекают некоторые принципы этики в образовании и не только:

- **Гуманизм** – уважительное отношение к каждой человеческой личности, понимание её неповторимости, самодостаточной ценности.
- **Оптимизм** – помогает развивать усилия учащихся и доброе начало в человеке.
- **Патриотизм и высокая гражданственность** – например, в профессиональной этике, в частности, педагога.

Получается, что этика раскрывает природу нравственности, изучает наиболее общие принципы морально-нравственного поведения человека в обществе и тем самым создает условия для социально-гуманитарной безопасности, которая способствует обращению к общечеловеческим морально-нравственным ценностям. В силу того, что весь образовательный процесс должен быть пронизан категориями морального сознания, и в этом заключается социально-гуманитарная безопасность. Поэтому принципы морально-нравственного знания не должны быть прерогативой только этики. По сути, **социально-гуманитарная безопасность – это этика, воплощённая в практической политике**. Она превращает абстрактные этические принципы (уважение к жизни, достоинству, правам) в конкретные меры защиты. Связь гуманитарной безопасности с этикой становится фундаментальной.

Тем более, что в XX веке этические начала начинают закрепляться в документах. Человек предстает именно личностью, а в современном обществе появляется понятие цифровая личность. Цифровая личность – это не набор картинок и сообщений. Это новая форма существования сознания в нематериальной среде. Когда человек взаимодействует с Интернетом, он оставляет после себя следы – мысли, чувства, идеи, реакции. Со временем эти фрагменты собираются в сложный узор, в уникальный цифровой «отпечаток», который начинает жить собственной жизнью. Цифровая личность включает в себя не только информацию о человеке, но и его цифровое поведение – стиль общения, привычки восприятия информации, способы реакции на внешние раздражители. Всё это формирует виртуальный образ, который в некоторых случаях может действовать независимо от реального человека. Такое понимание человека привело к созданию в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, в 2011 г. – Кодекса этики для информационного общества. А в 2014 году – Хартии цифровых прав.

Список литературы

1. *Викторова, Е.В., Бадаева, Е.В.* «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. – 2019. – № 1. – С. 100-112.
2. *Галкин, Д.В.* Digital Culture: методологические вопросы исследования культурной динамики // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3 (8). – С. 11-16.
3. *Гнатышина, Е.В., Саламатов, А.А.* Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 8.
4. *Марцинковская, Т.Д.* Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 26. – С. 7.
5. *Сергеева, И.Л.* Трансформация массовой культуры в цифровой среде // Культура и цивилизация. – 2016. – Т. 6, № 6А. – С. 55–65.
6. *Соколова, Н.Л.* Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3. – С. 6–10. – http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03%288%29_2012.pdf.
7. *Старицына, О.А.* Клиповое мышление и образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – № 2 (23). – С. 270-274.
8. *Тоффлер, Э.* Третья волна на Западе. – М.: АСТ, 2004. – 261 с.
9. *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. – 2001. – Vol. 9, N 5. – P. 1-6.
10. https://vc.ru/ai/1952023-tsifrovaya-lichnost-kak-ona-menyayet-nashe-vospriyatie-i-budushchee.

Чернякова Н.С.
д.филос.н., профессор, Российский государственный педагогический университет

ОТЧУЖДЕНИЕ ГРАЖДАН ОТ ВЛАСТИ И ДЕГРАДАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КАЧЕСТВ КАК ПРИЧИНЫ УТРАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Ключевые слова: общество потребления, массовая культура, культурная идентичность, суверенитет, государственная власть, отчуждение, деградация социокультурных качеств.
Key words: consumer society, mass culture, cultural identity, sovereignty, state power, alienation, degradation of socio-cultural qualities.

События, происходящие в мире с начала 80-х гг. XX века, позволяют сделать вывод о том, что необходимые условия суверенного существования государства, такие как: уровень экономического развития, дающий возможность самостоятельного существования; уровень развития социально-политической структуры, обеспечивающий стабильность и управляемость суверенного государства; уровень развития общественного сознания, позволяющий осознать необходимость суверенного существования[1], – не гарантируют суверенитета, если отсутствует одно-единственное, но достаточное условие: готовность граждан страны защищать суверенитет своего государства.

Государственный суверенитет как атрибутивный признак государства исключает подчинение органов власти кому бы то ни было, кроме собственных граждан, которые выражают и закрепляют свои права и обязанности в Конституции, принимаемой на всенародном референдуме.

Очевидно, что одна из причин уничтожения суверенных государств лежит в сфере взаимоотношений государственной власти и граждан. Только полным пренебрежением реальными жизненными условиями, потребностями и правами граждан можно объяснить глубочайшее отчуждение граждан от государственной власти. Даже самые наглые агрессоры могут позволить себе «изымать» из управления глав суверенных государств лишь тогда, когда точно знают, что граждане не встанут на защиту главы своего государства.

Не только Венесуэла, но и СССР стали примером того, что происходит с государством, когда граждане не дорожат суверенитетом своего государства и не защищают его суверенитет от внешних и внутренних захватчиков.

Вместе с тем, история России служит примером того, как народ отчуждает от себя всякую нравственную ответственность за деяния тех, кто исполняет роль власти, но при этом и народ, и власть осмысляют реально существующие отношения в превращённой форме идеологического мифа о силе государственной власти на Руси и особой любви русских к царствующим особам.

В действительности, русские всегда были едины в своём отношении к государственной власти как чему-то внешнему, чужеродному, изначально безнравственному, возникновение чего обусловлено объективными, но не зависящими от сути народной жизни факторами. Именно от сути, от существа, от Смысла, который находится за пределами тех функций, которые осуществляет государство.

Для всех русских государственная власть как таковая – это неизбежное зло, такое же, как смерть. Но так же, как в смерти, в наличии власти выражено некое Предопределение, дающее объективное основание для выбора нравственно оправданной линии поведения. А самая чёткая и ясно различимая всеми русскими линия пролегает между народом и властью, ибо власть – это не только земной символ Предопределения, но и сила, очерчивающая границы морального мира.

Глубокое убеждение в том, что порядочный, совестливый русский человек не должен иметь к власти никакого отношения, кроме страдательного, пронизывает русскую культуру вплоть до

[1] *Чернякова, Н.С.* Государственный суверенитет и поликультурность как основы многополярного мира // Многополярный мир от науки к практической реализации: состояние и перспективы развития: сборник научных статей по итогам Международной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24-25 марта 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Санкт-Петербургский центр системного анализа», 2023. – С. 25-30. – EDN NJZMOK.

последних глубин бессознательного. Идущие «во власть» создают для всех остальных русских вечное алиби, именуемое властью, а «все остальные» позволяют представителям власти включать любые беззакония в счёт народных долгов за непосильную для нормального человека мерзость государственной службы и, что особенно важно, – за возможность списания на счёт этой мерзости любых грехов «совестливых» граждан российского государства.

Тем не менее, отчуждение от государственной власти, управляющей жизнью в стране, которая является Родиной для большинства граждан, никогда не становилось для народов России поводом сдаваться на милость врагов собственной страны и превращаться в рабов оккупантов[1]. Однако в постсоветской капиталистической России отчуждение народа от власти не только постоянно возрастает, но и принимает характер, угрожающий суверенитету страны.

Анализ причин социокультурной деградации не только отдельных личностей, но и целых народов в начале XX[2] века уже не может ничего изменить в их судьбе, но может быть полезен тем, кто сохранил в себе человеческое достоинство и собирается воспитать достойных наследников .

Отсутствие реального суверенитета у большинства капиталистических стран в начале XXI в. обусловлено, в конечном счете, классовой сущностью самого государства, в основе возникновения и существования которого лежит экономическое господство одних классов над другими. Именно классовое общество неминуемо порождает транснациональные объединения представителей господствующих классов, стремящихся к глобальному экономическому и политическому доминированию, вопреки интересам как граждан собственного государства, так и граждан любых других государств. В свою очередь, граждане не готовы отстаивать суверенитет государства, подданными которого они являются, поскольку это государство выражает интересы только господствующего класса и в этих интересах само готово поступиться своим суверенитетом. Никакая степень демократизации выборов не влияет на основы экономического и политического строя капиталистического общества, поскольку реальная власть принадлежит буржуазии и её передовому отряду в борьбе с экономически зависимыми гражданами – олигархату.

Однако капитализм эпохи массового производства и высоких технологий – это не просто классовое общество. Это общество, которое порождает, воспитывает и клонирует массовых потребителей, которые не имеют никаких специфических, культурно-исторических отличий друг от друга, кроме тех, которые необходимы для прибыльного потребления производимых товаров.

Общество потребления – это такой субъект культуры, для которого смысл жизни сводится к удовлетворению материальных потребностей все более изощренными средствами. Какие бы физические и интеллектуальные силы ни затрачивал этот субъект на производство все более многообразных и высококачественных вещей, какими бы идеологическими средствами ни оправдывал и ни воспевал свое потребительство, суть дела не изменится: никакая степень материального комфорта не сделает человеческую жизнь ни осмысленной, ни одухотворенной, потому что массовая продукция не для того создается, чтобы делать жизнь осмысленной.

Дело не в том, что у субъекта культуры, постоянно озабоченного усовершенствованием способов удовлетворения собственных материальных потребностей, вообще нет духовной культуры. Дело в том, что сама духовная культура этого субъекта становится всего лишь одним из способов удовлетворения все тех же материальных потребностей. Сколь бы прекрасна ни была сантехника, она остается продуктом материальной культуры. И если субъект культуры озабочен исключительно проблемами интерьерно-сантехнического характера, то его духовный мир вырождается в средство производства мебели и сантехники – и ничего больше![3]

Бесспорно, размышления о все более полном, всестороннем и даже изощренном удовлетворении растущих материальных потребностей ведут к развитию и совершенствованию цивилизационной стороны культуры, ее вещно-предметного и универсально-нормативного содержания.

[1] *Чернякова, Н.С.* Историческая память как элемент социокультурной идентичности // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет - 25 лет развития: Материалы XIV международной научно-практической конференции, Москва, 03–04 апреля 2024 года. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. – С. 692-694. – EDN ZCGICR.

[2] *Чернякова, Н.С.* Национальные интересы и ценностные ориентации во взаимоотношениях государств и народов евразийского пространства // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 4-х частях, Москва, 27-29 ноября 2024 года. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2025. – С. 258-261. – EDN VXOBMS.

[3] *Чернякова, Н.С.* Аксиологические основы формирования духовной культуры личности // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2025. – № 4. – С. 37-41. – DOI 10.20339/AM.04-25.037. – EDN IPWHJI.

Но сами эти размышления есть не более, чем часть технологии человеческой жизнедеятельности. И в этой технологической сути размышления о дизайне унитаза ничем не отличаются от размышлений о свободе слова, поскольку отдельные индивиды и целые группы могут относиться не только к вещам, но и к словам как к средствам удовлетворения своих материальных потребностей.

Массовая культура сформировала несколько поколений индивидов, готовых удовлетворять не свои, а навязанные им потребности не своими, а имеющимися в продаже и широко разрекламированными товарами; подменяющих размышления о мире, человеке, Боге и ценностях пересудами и сплетнями о чужой жизни; руководствующихся нормами и правилами, почерпнутыми из мыльных опер и бульварного чтива; видящих смысл жизни лишь в том, что одобрено модной тусовкой или блогерами.

С культурологической точки зрения речь идет о процессе утраты культурной идентичности, о стирании специфических отличий в способах освоения мира, о превращении некогда уникальных и неповторимых культур в глобальное месиво бесконечно клонируемых стереотипов. Но дело не только в этом. Общество массового производства и потребления, озабоченное удовлетворением биологических потребностей человека, превращает людей в равнодушных, безвольных, лишённых чувства собственного достоинства существ, не способных думать ни о чём, кроме денег и удовольствий.

Суверенитет капиталистической России находится под угрозой, поскольку индивиды, воспитанные на идеологии безудержного потребления и лишённые понимания собственного достоинства в качестве социокультурных существ, не способны отстоять суверенитет страны, не ими завоёванный и не имеющий для них никакого значения. Если масса таких индивидов достигает критического уровня, страна обречена на исчезновение.

Взятые за основу государственной идеологии абсурдные по своей сути идеи о возможности существования общества без идеологии и о либерально-буржуазной идеологии как о «неидеологическом» самовыражении поборников «внеклассовой» рыночной экономики позволяют буржуазным идеологам через социальные институты образования, искусства и СМИ внедрять, распространять и укреплять в сознании граждан постсоветской России примитивную буржуазную идеологию потребительства и неискоренимости классового господства.

Зачем суверенитет России тем, кто живёт в других странах и рассматривает Россию только как территорию с ресурсами, на продаже которых можно наживаться? Зачем суверенитет России тем, кто готов в любую минуту отказаться от российского гражданства, если в других странах им больше заплатят или дадут возможность удовлетворять свои потребности в развлечениях и путешествиях? Вести разговоры о чести и достоинстве с теми, кто охотно переезжает в страны, которые открыто провозглашают и планомерно осуществляют уничтожение страны, гражданами которой отъезжающие пока остаются, бессмысленно. Деградация их социокультурных качеств уже произошла.

Однако всем, кто пытается оправдать потребительское отношение к нравственным нормам социокультурного бытия, необходимо напомнить, что не существует таких «оправдывающих» обстоятельств, которые могут превратить трусость, подлость и низость человеческих поступков в достойные деяния. Никакая степень отчуждения народа от власти не может оправдать измену Родине, предательство заветов предков и лишение потомков суверенного существования.

Суверенная территория – это не только атрибут государства, устанавливающий пределы распространения его власти, но и фактор этногенеза, определяющий возникновение, существование и развитие многонационального народа России. Именно поэтому защита Родины – это всегда защита её территории как необходимого условия существования народа[1].

[1] *Чернякова, Н.С.* Патриотизм как идеологическая основа суверенной системы образования // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы VI международной научно-практической конференции, Университет мировых цивилизаций, 22-24 ноября 2023 года. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2024. – С. 835-837. – EDN FSJNOM.

Чжан Фань
к.филос.н., преподаватель Института славянских языков Харбинского педагогического университета
zhangfan8595@126.com

ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ[1]

Ключевые слова: русское православие, Северо-восток Китая, история, русская эмиграция.
Key words: Russian Orthodoxy, Northeast of China, history, Russian emigration.

Историки считают, что Северо-восток Китая, особенно провинция Хэйлунцзян были важным узлом КВЖД, после открытия которой как русские, так и другие эмигранты, приехавшие более чем из 20 стран мира, привнесли много новых и необычных элементов на Северо-восток Китая. После подписания секретного русско-китайского договора царская Россия реализовала свои планы по строительству Сибирской железной дороги через три провинции Северо-Восточного Китая. В связи со строительством КВЖД, русская православная церковь была официально введена на эти территории. В 1897 г. в Суйфэньхэ состоялось открытие КВЖД, которая была освящена православным священнослужителем. Впоследствии на узкой полоске земли от Маньчжоули до Суйфэньхэ поселилось большое количество инженеров и техников, вооруженной дорожной стражи, священнослужителей, купцов и других переселенцев.

В конце XIX века в связи с полномасштабным строительством железной дороги число русских иммигрантов на Северо-востоке быстро росло. В районе Сянфан г. Харбина появилась скромная временная православная церковь, в которой были проведены первые религиозные службы в Маньчжурии. В том же году власти КВЖД планировали построить Свято-Никольский собор на бывшей Военной улице в районе Сянфан. В октябре 1899 года построили православную церковь – Свято-Никольский центральный собор – на улице Синьши в районе Нанган г. Харбина [1].

С 1901 по 1903 год на станциях КВЖД были построены православные церкви в аналогичных стилях. После официального открытия КВЖД православные священники были направлены в церкви вдоль железной дороги для участия в религиозной деятельности.

В начале XX века в провинции Хэйлунцзян было завершено строительство церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Во время русско-японской войны эта церковь, как и другие армейские церкви, служила тыловым госпиталем для раненых русской армии. Потом на улице Водного пути района Даоли был построен Свято-Софийский собор. После открытия КВЖД духовенство пользовалось такими же правами, как и железнодорожники, и получало ежемесячное пособие.

Во время Боксерского восстания по приказу царя в Северо-Восточный Китай вошла российская армия численностью 177000 чел. Вместе с армией прибыло и духовенство [3], в Хэйлунцзяне появилось много православных церквей, молитвенных домов и православных миссионеров.

В 1917 году в России произошла Октябрьская революция. Многие россияне бежали из России в Китай, число российских эмигрантов, прибывших в Харбин, составляет около 40 000 человек [4], в их числе было много православного духовенства и верующих. В 1918 году число русских эмигрантов в Харбине составляло 60200 человек [5].

В 20 годах XX века, согласно распоряжению Высшего административного управления зарубежных церквей, был создан независимый православный Харбинский епископfn [6]. Только в 1923 году было построено пять православных храмов. В 1927 году Харбинская епархия также открыла курсы подготовки по богословию, которые в 1937 году были преобразованы в богословский факультет Харбинского колледжа Святого Владимира для получения высшего богословского образования.

В 30 годах XX века Япония захватила всю территорию Северо-Восточного Китая, а также создала марионеточное государство Маньчжоу-го на северо-востоке Китая. Поэтому некоторые из русских эмигрантов стали возвращаться в Советский Союз, другие предпочли переехать в ма-

[1] Работа подготовлена при поддержке гранта Фонда общественных наук провинции Хэйлунцзян (номер ратификации:24ZXC003).

териковый Китай, в Тяньцзинь и Шанхай, или в европейские страны. В 1934 году число русских эмигрантов в Харбине составляло 34 178 человек, и с тех пор оно сокращалось год от года [5]. В 1938 году в Харбинской епархии насчитывалось более 25000 православных верующих [7]. В октябре 1947 года была официально учреждена Харбинская китайская православная церковь, главой которой стал Хэ Хайлинь.

В 50 годах XX века была создана независимая Китайская православная церковь. В 60 годах XX века произошла Культурная революция, большое количество православных храмов было разрушено или оккупировано, духовенство покидало Китай, православная деятельность на Северо-востоке Китая в результате культурной революции была прекращена..

Список литературы

1. *Гао Я*. Исследование истории православия провинции Хэйлунцзян // Исследования о мировых религий. – 1995. – № 1. – С. 64-72 (на кит. яз.).
2. Хэйлунцзянские хроники. – Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1999 (на кит. яз.).
3. *Ван Чжицзинь*. Исследование истории о Покровской церкви в Харбине // Исследование о Сибири, 2020. – № 3. – С. 76-119 (на кит. яз.).
4. *Аблова Н.Е*. КВЖД и российская эмиграция в Китае. – М., 2005.
5. *Ши Фан* и др. История русской эмиграции в Харбине. – Харбин, 2011 (на кит. яз.).
6. *Баконина С.Н*. Харбинская епархия в период распространения советского влияния в Китае (1923-1924 гг.) // Вестник ПСТГУ. – 2008. – Вып. 4 (29). – С. 84-105.
7. *Лю Сунфу*. Православные храмы в Харбине // Архитектура центрального Китая. – 1988. – № 3 (на кит. яз.).

Чэнь Хунли

преподаватель, ассистент-исследователь, Хулунбуирский институт

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ГУМАНИТАРНОГО ОБМЕНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМНОГО ОБМЕНА И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Ключевые слова: международное сотрудничество; гуманитарный обмен; цивилизационное развитие; страны БРИКС; признание уникальности цивилизаций; ценностная концепция; культурная уверенность.

Key words: International cooperation; humanitarian exchange; civilizational development; BRICS countries; recognition of the uniqueness of civilizations; value concept; cultural confidence.

В настоящее время глобальные кризисы переплетаются и накапливаются; усиливаются унилатерализм, протекционизм и антиглобалистские настроения; все острее проявляются дефицит доверия и дефицит развития, что серьезно подрывает систему глобального управления и ставит международное сотрудничество перед суровыми испытаниями. Человеческая цивилизация стоит на перекрестке исторического развития – разобщение между различными цивилизациями не только не удалось эффективно преодолеть, но оно и углубилось из-за «информационных коконов» (信息茧房), стереотипов и дисбаланса в сфере влияния на формирование дискурса. Так как цивилизационное развитие представляет процесс, то, по мнению Чжан Цзи «эволюция отношений между цивилизациями происходит не изолированно, а тесно связана с глубокими преобразованиями глобальной политической, экономической и социальной среды»[1]. В насто-

[1] 张骥.中外人文交流与新型文明间关系的构建[J/OL].2025年2月21日在马来西亚韩江传媒大学学院第三届“文明交流互鉴”系列讲座上的演讲稿 [*Чжан Цзи*. Гуманитарный обмен между Китаем и зарубежными странами и построение новых межцивилизационных отношений [J/OL]. Речь на третьей серии лекций «Взаимный обмен и взаимопо-

ящее время углубление экономической глобализации делает связи между странами мира все более тесными, и эта тенденция создает исторические возможности для диалога между цивилизациями. Лю Фэй утверждает: «Слияние цивилизаций и их взаимное влияние в форме «аккультурации» стали неоспоримым фактом»[1].

Каждая цивилизация обладает уникальным содержанием и ценностью, а многообразие цивилизаций является важной движущей силой прогресса человеческого общества. Лю Сяобинь полагает: «Несмотря на наличие противоречий и конфликтов, благодаря разуму человечества, в отношениях между различными цивилизациями в целом доминируют обучение, обмен, слияние и инновации»[2]. Поэтому слияние мудрости и опыта различных цивилизаций предоставляет многообразные идеи и решения для совместного преодоления глобальных кризисов. Заместитель председателя Российско-китайской ассоциации дружбы Сергей Санакоев отмечает: «Цивилизации многообразны, но стремление различных цивилизаций к общечеловеческим ценностям едино»[3].

Процветание и развитие цивилизаций невозможны без открытой и толерантной среды общения. Син Лицюй считает: «Только укрепляя взаимный обмен и взаимопознание цивилизаций, развивая диалог между ними, можно преодолеть разобщение и конфликты, порожденные культурными различиями, и избежать ловушки «столкновения цивилизаций»[4]. Следует четко понимать: современный мир не испытывает недостатка в финансовых и технических ресурсах, необходимых для решения общих вызовов. Стоит, однако, отметить, что сегодня нередко отсутствует уважение к различиям между разными странами и цивилизациями, недостаточно эффективны механизмы межцивилизационного диалога и сотрудничества, основанные на взаимопонимании. Доцент Уральского федерального университета РФ Анна Курумчина указывает: «В настоящее время стремление людей к культурному диалогу и взаимопознанию, а также запрос на реконструкцию мягкой силы через культурные ценности постепенно становятся новой тенденцией, которая проявляется в практике культурной дипломатии и народной дипломатии»[5].

Сегодня человеческая цивилизация стоит на перепутье, и ей назначена историческая миссия гуманитарного обмена. Столкнувшись с двумя актуальными вопросами — «как относиться к многообразию цивилизаций» и «как продвигать прогресс цивилизаций», гуманитарный обмен (人文交流) становится важным инструментом преодоления межцивилизационного разобщения, настроенным на международное объединение, на передачу ценностных концепций, которые обретают все более явное ценностное содержание. На примере практики гуманитарного обмена между странами БРИКС видно, что в процессе долгосрочного развития международное объединение неизменно придерживается принципов равноправного диалога и двустороннего взаимодействия, отвергает концепции превосходства одной цивилизации и столкновения цивилизаций, признает уникальную ценность каждой цивилизации, предлагая новые идеи для преодоления трудностей в их развитии, для совершенствования системы глобального управления.

Укрепление культурной уверенности (坚定文化自信) является предпосылкой и основой гуманитарного обмена. Ван Вэйвэй и Сюе Цзинь отмечают: «Практика гуманитарного обмена между странами БРИКС преодолела «культурные конфликты» и повысила влияние стран БРИКС в

знание цивилизаций» в Малазийском университете медиа и коммуникаций «Ханьцзян» 21 февраля 2025 г.] – https://fddi.fudan.edu.cn/53/60/c21257a742240/page.htm.

[1] 刘妃.对话与交融：文明交流互鉴的三重意蕴[N].重庆科技报, 2025-11-20(006). [*Лю Фэй*. Диалог и слияние: три значения взаимного обмена и взаимопознания цивилизаций // Чунцинская научная и техническая газета. – 2025. – 20 ноября. – С. 006].

[2] 吕晓斌.文明交流互鉴的价值意蕴、原则遵循和实践路径[J].河南社会科学, 2023, 31(01): 45. [*Лю Сяобинь*. Ценностное содержание, принципы и практические пути взаимного обмена и взаимопознания цивилизаций // Хэнаньские общественные науки. – 2023. – Т. 31, № 1. – С. 45].

[3] 交流互鉴点亮人类文明之光[N]人民日报,2023-12-25,第 03 版. [Взаимный обмен и взаимопознание освещают свет человеческой цивилизации // Жэньминь жибао. – 2023. – 25 декабря. – С. 03].

[4] 邢丽菊.全球文明倡议 以包容互鉴取代隔阂冲突[N].新华日报,2023-6-20(12). [*Син Лицюй*. Глобальная цивилизационная инициатива: заменить разобщение и конфликты толерантностью и взаимопознанием // Синьхуа жибао. – 2023. – 20 июня. – С. 12].

[5] 俄罗斯学者：金砖合作将重塑世界文化价值[EB/OL].习近平外交思想和新时代中国外交网站, 2025-07-02. [Российский ученый: сотрудничество в рамках БРИКС переформулирует мировые культурные ценности. – https://cn.chinadiplomacy.org.cn/2025-07/02/content_118020289.shtml.

формировании международного дискурса»[1]. Страны БРИКС учитывают, что каждая цивилизация обладает уникальной историей, культурным содержанием и современной ценностью – это объективное требование признания их многообразия и логическая отправная точка для межцивилизационного диалога. Хэ Хунмэй считает: «Достижения сотрудничества стран БРИКС показывают, что обмен между различными цивилизациями основан на уважении к их многообразию и способствует совместному процветанию»[2].

С момента своего создания механизм сотрудничества стран БРИКС был не только платформой экономического диалога, но и важным инструментом продвижения взаимопонимания и уважения между различными цивилизациями. Предпосылка гуманитарного обмена – признание уникальности каждой цивилизации, отсутствие иерархии и превосходства между ними. Как указал специальный представитель Южной Африки по азиатским вопросам и вопросам БРИКС в Министерстве международных отношений и сотрудничества Аниль Суклар: «Уникальность БРИКС как раз заключается в нашем многообразии в истории, культуре, религии, пути развития и формах управления. Именно это многообразие объединяет нас»[3]. Страны БРИКС через многоуровневый гуманитарный обмен в сфере культуры, образования и народных связей не только преодолели границы регионов, наций и культур, но и укрепили дружбу между людьми в процессе взаимного обмена и взаимопознания.

Гуманитарный обмен, в отличие от политической составляющей дипломатии, обладает большей широтой, толерантностью и близостью, способствуя сближению народов разных стран. В рамках серии мероприятий «Диалог цивилизаций стран БРИКС», прошедших в Казани в 2024 году, заслуженный работник физической культуры РФ Тамара Московина рассказала историю своей встречи с китайской фигуристкой на катке Санкт-Петербургского университета. Она отметила: «Мы передаем им знания, делимся накопленным опытом. Мы гордимся тем, что можем распространять наши технологии по всему миру через спортсменов, лидеров бизнеса и других людей»[4].

Трогательная история тренера, щедро делящегося опытом, является ярким примером глубокого сотрудничества в рамках гуманитарного обмена стран БРИКС. Через образовательное сотрудничество, художественные выставки, молодежные обмены и другие многообразные формы БРИКС постоянно продвигает равноправный диалог и обмен между различными цивилизациями, преодолевая оковы стереотипов и «информационных коконов», укрепляя эмоциональную идентичность людей.

С углублением гуманитарного обмена между странами БРИКС таких трогательных историй, как история Тамары Московина, будет становиться все больше. Вице-спикер законодательного собрания штата Рио-де-Жанейро (Бразилия), председатель фронта бразильско-китайских депутатов штата Рио Тья Жу подчеркнула: «Культурный обмен играет огромную стимулирующую роль в формировании светлого будущего стран БРИКС. Такой обмен расширяет наши горизонты, создает долговременные эмоциональные и культурные связи»[5].

Гуманитарный обмен стран БРИКС не только предоставляет эффективный путь преодоления межцивилизационного разобщения и преодоления когнитивных разногласий, но и обеспечивает надежную гарантию для устойчивого, здорового и последовательного развития механизма сотрудничества БРИКС.

---

[1] 王维伟,薛锦.金砖国家人文交流：进展、挑战与未来选择[J].河南社会科学, 2023, 31 (03): 24. [*Ван Вэйвэй, Сюе Цзинь.* Гуманитарный обмен между странами БРИКС: достижения, вызовы и будущие выборы // Хэнаньские общественные науки. – 2023. – Т. 31, № 3. – С. 24].

[2] 和红梅. "人类命运共同体" 视域下金砖国家人文交流的价值理念[J/OL].云南省社会科学院, 2020-11-23. [*Хэ Хунмэй.* Ценностные концепции гуманитарного обмена между странами БРИКС в перспективе «Сообщество единой судьбы человечества» // Юньнаньская академия общественных наук. – 2020. – 23 ноября. – https://www.sky.yn.gov.cn/xsyj/zgsd/048182045087417205 6 .

[3] 王妤心泓.金砖国家治国理政研讨会暨人文交流论坛[N].光明日报,2023-04-21(012). [*Ван Юйсиньхун.* Семинар по государственному управлению стран БРИКС и форум гуманитарного обмена // Гуанмин жибао. – 2023. – 21 апреля. – С. 012].

[4] 本刊综合报道.金砖国家文明对话：人文交流让世界变得更加亲密和友好[J].中国新闻发布(实务版), 2024, (11): 63. [Сводное сообщение редакции. Диалог цивилизаций стран БРИКС: гуманитарный обмен делает мир ближе и дружелюбнее // Китайская пресс-служба (практический выпуск). – 2024. – № 11. – С. 63.]

[5] Там же. – С. 62.

Регионы и города

Антонова Н.Е.
д.э.н., Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПРИОРИТЕТ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МАКРОРЕГИОНА

Ключевые слова: лесной комплекс, модернизация, глубокая переработка, Российский Дальний Восток.
Key words: forest complex, modernization, deep processing, Russian Far East.

Одним из государственных стратегических приоритетов в отношении Дальнего Востока на перспективу является превращение макрорегиона в территорию, где будут развиваться высокотехнологичные проекты. Природные факторы, на которых ранее базировались приоритеты развития Дальнего Востока, утрачивают свое безусловное значение под давлением новых технологий и условий их освоения и использования[1]. Тем не менее, природные ресурсы остаются одним из базовых факторов развития макрорегиона наряду с активным участием государства в региональном развитии[2].

Исходя из выше названных предпосылок, модернизация лесного комплекса дальневосточного макрорегиона является императивом его перспективного развития. Основным направлением модернизации для лесного комплекса следует признать дальнейшее развитие глубокой переработки лесных ресурсов. При этом, учитывая сокращение спроса на внешних рынках из-за санкций, производство продукции переработки должно быть ориентировано на внутренний спрос.

Каковы же в настоящее время существуют возможности для модернизации лесного комплекса на Дальнем Востоке, в том числе институциональные, и какие возникают ограничения для этого процесса?

Надо отметить, что задача модернизации лесного комплекса поднималась и поднимается органами государственного управления на протяжении многих лет. В федеральных стратегических документах – «Стратегия развития лесного комплекса России» (2008 г.), «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года» (2013 г.), Государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (2012 г.) – обозначено создание на государственном уровне условий, обеспечивающих устойчивое и динамичное развитие лесного сектора, увеличение производства продукции с высокой добавленной стоимостью, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках.

Одним из основных инструментов отраслевой политики с целью стимулирования вложения инвестиций в развитие переработки древесины с 2007 г. по настоящее время является механизм приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов. Его основными мерами являются снижение ставки платы за лесные ресурсы и предоставление лесных участков в пользование без аукциона.

С 2013 г. этот механизм был усилен рядом мер поддержки модернизации деревоперерабатывающих предприятий и строительства новых. К таким мерам относятся повышение доступности кредитных ресурсов, совершенствование механизмов выделения государственных субсидий и гарантий инвесторам для реализации проектов производства продукции с высокой добавленной стоимостью и т.д. В основном вся поддержка ограничилась выделением субсидий для погашения процентных ставок по кредитам, взятым на разные цели (техническое перевооружение; создание межсезонных запасов древесины, сырья и топлива; новых высокотехнологичных производств). Однако смогло получить такие субсидии ограниченное число предприятий, например, на Дальнем Востоке субсидии были выделены лишь 5 лесопромышленным предприятиям.

Новый этап активизации государственной поддержки лесного комплекса на федеральном уровне начался в 2023 г. и был связан с закрытием из-за санкций части мировых лесных рынков

[1] *Крюков В.А., Коломак Е.А.* Стратегия пространственного развития России в турбулентном мире: цели, приоритеты, основные подходы// Вестник Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 22-32.

[2] *Минакир П.А.* Экономика регионов: Дальний Восток. – М.: Экономика, 2006. – 848 с.

для российских лесопромышленников и необходимостью переориентации на другие рынки, а также на внутренний спрос[1].

Государством были выделены субсидии на компенсацию транспортных затрат до конечного потребителя, выросших в связи с удорожанием логистики из-за санкций при экспорте лесных грузов[2]. В 2024 г. можно было компенсировать до 80% затрат на транспортировку, при этом объем поставок по сумме должен был превышать размер предоставляемой поддержки не менее чем в 9 раз, но максимальная сумма компенсации для лесопромышленной организации была не больше 300 млн рублей в год[3]. В 2025 г. эта мера поддержки сохранилась, однако правила изменились: компенсировать можно не более 60% затрат на транспортировку продукции, при этом для лесопромышленных компаний компенсация из Сибирского и Дальневосточного федеральных округов – не более 30%. Максимальная сумма субсидии снизилась до 200 млн рублей. Кроме того, предоставление господдержки стало осуществляться по результатам конкурса, исходя из показателей результативности по наращиванию экспортных поставок, что в условиях продолжающейся неопределенности с рынками сбыта ограничивает число потенциальных получателей компенсации[4].

Для развития внутреннего спроса на лесопродукцию было предложено два направления – использование биотоплива в муниципальных котельных и развитие деревянного домостроения[5]. Для этого было предусмотрено выделение средств из федерального бюджета в 2023-2024 г. в общей сумме 25 млрд рублей. Часть средств пошла на модернизацию работающих на угле и мазуте котельных с переводом их на биотопливо (в том числе пеллеты) и строительство новых котельных на биотопливе, другая часть – на строительство малоэтажных жилых зданий из отечественных деревянных домокомплектов заводского изготовления по программе переселения граждан из аварийных жилых домов. Приоритетными территориями для реализации этих мер были выбраны регионы Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов. Были одобрены пять заявок дальневосточных регионов на модернизацию котельных за счёт специальных казначейских кредитов.

Отметим, что вышеназванный механизм приоритетных инвестиционных проектов в 2025 г. был пересмотрен в сторону ужесточения условий получения преференций: лесопромышленные предприятия, включенные в перечень таких проектов с сентября 2025 г., должны перерабатывать не менее 50% заготовленной древесины, к 2027 г. этот показатель увеличится до 80%. Таким образом, государство стимулирует увеличение производства продукции переработки. Вопрос сбыта этой продукции остается открытым.

Помимо федеральной поддержки в ДФО оказывается территориальная поддержка инвестирования в модернизацию в виде преференциальных режимов, включая территории опережающего развития (ТОР), Свободный порт Владивосток (СПВ), Арктическая зона РФ (АЗРФ). В 2025 г. в ДФО среди резидентов этих режимов 88 предпринимателей реализовывали инвестиционные проекты в лесном комплексе с общим объемом инвестиций 120 млрд руб., из которых 54% резидентов выбрали режим СПВ, 28% – ТОР. Фактически инвестировано 34 млрд руб., введено 43 проекта, создано 6,8 тысяч рабочих мест[6].

В рамках использования преференциального режима ТОР в 2025 г. холдинг RFP Group построил новый завод по производству лиственничной конструкционной фанеры (ТОР «Хабаровск»). Объем инвестиций – свыше 4,7 млрд руб., проектная мощность – 120 тыс. м^3 фанеры в год, создано свыше 200 рабочих мест. Производство ориентировано на рынки России и Юго-Вос-

---

[1] Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. – http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764

[2] Российский Дальний Восток: социально-экономическая конъюнктура. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2025. – 213 с.

[3] *Антонова Н.Е.* Тенденции развития лесного комплекса Дальнего Востока России: современная ситуация // Регионалистика. – 2024. – Т. 11, № 6. – С. 116–129.

[4] *Антонова Н.Е.* Лесной комплекс российского Дальнего Востока: внешние и внутренние ограничения в 2025 г. // Регионалистика. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 58–75.

[5] Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития лесопромышленного комплекса. – http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70764

[6] Бюллетень East Russia: отраслевой аналитический обзор леспрома ДФО-2025. – https://www.eastrussia.ru/material/byulleten-eastrussia-otraslevoy-analiticheskiy-obzor-lesproma-dfo-2025/?ysclid=mm5nu7ka8y326065740

точной Азии. У RFP Group уже есть предприятие по производству лущеного шпона, использование которого для производства фанеры как конечного продукта позволит компании увеличить добавленную стоимость и расширить географию сбыта продукции, ослабив зависимость от монопсонии Китая[1].

В рамках ТОР «Амурская» (Амурская область) компания «Аметис-Фарм» создала высокотехнологичное лесохимическое производство по переработке древесины лиственницы даурской с целью извлечения антиоксидантов и пробиотиков. Объем инвестиций составил свыше 400 млн руб., проектная мощность – 155 тонн продукции в год. Спрос на продукцию достаточно большой как в России, так и на внешних рынках.

В 2025 г. ООО «Гладий» заключило соглашение с Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики (КРДВ) о строительстве в рамках ТОР «Михайловский» (Приморский край) завода по производству пиленого шпона и других отделочных материалов из дерева мощностью 60 тыс. м^2 продукции в год. Объем инвестиций составит 106 млн руб., запуск производства намечен на 2027 год.

Приведенные примеры показывают, что несмотря на нестабильную экономическую ситуацию на Дальнем Востоке происходит модернизация лесного комплекса. Для более действенной работы резидентов в рамках преференциальных режимов необходимо решить проблему снабжения их сырьем в южной части Дальнего Востока, поскольку они не имеют преимущественного доступа к сырьевой базе, в отличие от участников приоритетных инвестиционных проектов в сфере лесопользования, что не позволяет расширять производство. Это потребует внесения изменений в федеральное законодательство.

Подводя итог, следует отметить, что сочетание федеральных механизмов с территориальными режимами позволяет осуществлять определенные шаги в направлении модернизации дальневосточного лесного комплекса, однако требуется активизация этого процесса со стороны государства.

Ломакина Н.В.
д.э.н., доцент, гл.н.с. Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск.

ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В НОВОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ

Ключевые слова: Стратегия ДФО-2036, приоритеты госполитики, структурно-технологические изменения, ресурсный регион, минерально-сырьевой комплекс, Дальний Восток.
Key words: Far Eastern Federal District Strategy-2036, state policy priorities, structural and technological changes, resource region, mineral resource complex, Far East.

В конце 2025 г. на Восточном экономическом форуме было обозначено, на наш взгляд, принципиальное изменение приоритетов государственной политики РФ на Дальнем Востоке, обусловленное актуальностью решения на национальном уровне задачи формирования проектов технологического суверенитета (лидерства) и существующими особенностями и ограничениями её реализации в Дальневосточном макрорегионе[2]. В рамках обозначенных новых приоритетов

[1] *Антонова Н.Е.* Лесной комплекс российского Дальнего Востока: внешние и внутренние ограничения в 2025 г. // Регионалистика. – 2026. – Т. 13, № 1. – С. 58–75.

[2] Выступление Путина В.В. на пленарном заседании ВЭФ-2025. 03.09.2025. http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927.

госполитики проектируются изменения не только стимулирующих инструментов регионального развития, но, что более важно, целевого назначения и сфер их приложения.

Перед минерально-сырьевым комплексом (МСК) ДФО, наряду с традиционными задачами сохранения позитивной динамики добычи и воспроизводства ресурсов, поставлена задача реального встраивания в контур национальной политики технологического суверенитета с соответствующими изменениями (прямыми и косвенными) институциональных механизмов государственного стимулирования этого процесса – переход от стимулирования добычи минеральных ресурсов к стимулированию их переработки и конечного потребления; упорядочение преференциальных режимов и льгот в пользу высокотехнологичных проектов вместо сырьевых; формирование новых критериальных оценок использования трудовых ресурсов в инвестиционных проектах (в т.ч. и в МСК) за счет структурных изменений занятости в пользу высококвалифицированных рабочих мест. Всё это, на наш взгляд, может существенно изменить тот институциональный фон, в рамках которого развивался минерально-сырьевой сектор в прошедшее 10-летие активной государственной политики на Дальнем Востоке.

Институциализация новых приоритетов госполитики РФ и механизмов их реализации в ДФО ожидается в период 2026-2027 гг. в стратегических документах развития (макрорегиональная и региональные Стратегии, «дальневосточные разделы» национальных госпрограмм и др.). Одним из важнейших документов является Стратегия развития Дальневосточного макрорегиона на период до 2036 года, проект[1] которой в настоящее время обсуждается на самых различных площадках и уровнях (федеральном, региональном, научно-экспертном, общественном).

В рамках проекта Стратегии целевые задачи перспективного развития ДФО структурированы по пяти важнейшим направлениям – преодоление инфраструктурных ограничений, запуск нового инвестиционно-технологического цикла, развитие науки и технологий, создание лучших условий для жителей и климатическая адаптация[2]. Именно в рамках реализации задачи «запуск нового инвестиционно-технологического цикла» формируются инструменты стимулирования и механизмы поддержки реализации национальной политики технологического суверенитета в ДФО с учетом особенностей его ресурсной специализации и богатого (количественно и качественно) потенциала его минерально-сырьевого комплекса.

Следует отметить, что сложившаяся ресурсная специализация экономики региона традиционно рассматривается в проекте Стратегии и как серьезная угроза для её развития (п. 30), и одновременно как потенциал для локализации технологических цепочек глубокой переработки различных видов минеральных ресурсов (п. 40). При этом в целевой области проекта Стратегии указано, что в прогнозируемом периоде «экономика федерального округа перейдет от преимущественно сырьевой модели к диверсифицированной структуре с высокой долей глубокой переработки полезных ископаемых» (п. 54)[3]. В качестве ключевого направления долгосрочного развития макрорегиона в Стратегии заявлено «не инерционное наращивание добычи, а последовательное выстраивание диверсифицированной экономики, в которой расширение минерально-сырьевой базы и углубление переработки ресурсов сочетаются с развитием высокотехнологичных отраслей» (п. 59).

В качестве целевой задачи заявлена «трансформация Дальнего Востока в ключевой промышленный макрорегион с развитыми технологическими цепочками глубокой переработки местных ресурсов и устойчивым ростом доли продукции обрабатывающих производств в экономике до не менее 10 процентов к 2036 году» (п. 68 проекта Стратегии). Эта задача является достаточно амбициозной, т.к. в настоящее время соответствующий показатель по обрабатывающему сектору промышленности ДФО колеблется на уровне лишь 5%. При этом если на среднероссийском уровне вклад и добывающих, и обрабатывающих секторов промышленности в ВВП сопоставим (порядка 13-17% с небольшим превышением обрабатывающего), то в ДФО соотношение этих сек-

[1] Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Официальный сайт Восточного центра государственного планирования (Востокгосплан). – https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/#strategy.

[2] Юрий Трутнев: стратегия социально-экономического развития ДФО в первую очередь должна быть направлена на улучшение качества жизни людей. 10.04.2026. – https://khabkrai.ru/events/news/215292.

[3] Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Официальный сайт Восточного центра государственного планирования (Востокгосплан). – https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/#strategy.

торов в ВРП совсем иное – добыча полезных ископаемых имеет преимущественное значение для формирования регионального конечного продукта. Так, например, в 2019-2023 гг. доля добывающего сектора в ВРП ДФО (на уровне 27-32% в различные годы) от 5,2 до 7,6 раз превышала соответствующий показатель по обрабатывающему сектору промышленности (4,2-5,2%). Такие соотношения иллюстрируют не только ресурсную специализацию Дальневосточного макрорегиона, но и не столь пока значимую роль перерабатывающего сектора промышленности в формировании конечных результатов его экономики[1].

В качестве мер, обеспечивающих значительный рост вклада обрабатывающих отраслей в экономику ДФО, в проекте новой Стратегии обозначены формирование и расширение мощностей глубокой переработки по ключевым отраслям (в т.ч. в металлургии); выстраивание региональных цепочек добавленной стоимости; развитие смежных производств и расширение рынков сбыта дальневосточной продукции (п. 69). Приоритетами реализации таких задач в минерально-сырьевом секторе названы «создание условий для локализации металлургических и металлообрабатывающих производств, ориентированных на переработку местных руд и концентратов (олово, медь, редкие металлы) в конечную продукцию (катоды, прокат, сплавы)» (п. 70)[2].

Гораздо менее проработанными в проекте новой Стратегии до 2036 года выглядят региональные приоритеты стратегического развития ДФО (раздел 7) с позиции изменения их структурно-технологических характеристик. Для дальневосточных субъектов РФ (в т.ч. с моносырьевой специализацией) не ставятся задачи по переработке добываемого минерального сырья, получению конечных продуктов и формированию на этой основе цепочек добавленной стоимости в макрорегионе. Возможно, эти задачи оставлены для следующего этапа институциализации новых приоритетов госполитики по развитию ДФО – подготовки региональных стратегий для каждого дальневосточного субъекта РФ. Однако, и в выступлении Президента РФ на ВЭФ-2025[3], и в Перечне поручений[4] по его итогам не только поставлены задачи, но и обозначены новые инвестиционные источники инновационно-технологического развития макрорегиона, обеспеченные институциональными решениями и механизмами, ожидаемыми к адаптации в ДФО. Поэтому такие задачи не могут быть «потеряны» в региональных разделах проекта новой Стратегии развития ДФО до 2036 года.

Кроме того, в регионах ДФО в последние годы уже запущены (либо находятся в стадии запуска) объекты, возвращающие дальневосточному МСК признаки «мультиресурсности» (медь, олово, железные руды), а также обсуждаются проекты (и даже заключаются соглашения, в т.ч. и на ВЭФах) по достройке МСК до конечных переделов[5]. Например, в Хабаровском крае прорабатывается проект создания металлургического комбината в оловодобыче с получением металлического олова и возможной достройкой цепочки добавленной стоимости (ЦДС) до проектов его конечного потребления, создания новых промышленных подотраслей в регионе. Подходы стратегического характера по глубокой переработке различных видов минеральных ресурсов (золото, медь, серебро, редкие металлы) формируются как на научно-экспертном, так и на управленческом уровнях и для других промышленных регионов ДФО[6].

---

[1] *Ломакина Н.В.* Особенности промышленной структуры в ресурсном регионе: Дальний Восток России // Пространственная экономика. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 142–164. https://dx.doi.org/10.14530/se.2025.3.142-164.

[2] Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года // Официальный сайт Восточного центра государственного планирования (Востокгосплан). – https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/#strategy.

[3] Выступление Путина В.В. на пленарном заседании ВЭФ-2025. 03.09.2025. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/77927.

[4] Перечень поручений по итогам Восточного экономического форума. 01.11.2025. – http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/78375.

[5] *Ломакина Н.В.* Минерально-сырьевой комплекс Дальневосточного федерального округа в национальных приоритетах: текущие тренды и перспективы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2025. – № 1 (192). – С. 33–43.

[6] *Дмитрий Демешин:* Горнодобывающий комплекс – один из ключевых драйверов экономики края. 29 марта 2026 г. // Официальный сайт Хабаровского края, Губернатора и Правительства Хабаровского края. – https://khabkrai.ru/events/news/215032; *Рассказов И.Ю., Архипова Ю.А., Крюков В.Г., Волков А.Ф.* Горная промышленность Дальнего Востока России: обеспечение баланса интересов государства и недропользования // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых. – 2023. – № 3. – С. 149-158. DOI: 10.15372/FTPRPI20230315 и другие.

Кроме реализации проектов глубокой переработки минеральных ресурсов в рамках одного субъекта РФ, прорабатываются возможности формирования крупных проектов межрегионального уровня на основе добычи, глубокой переработки и конечного потребления минеральных ресурсов ДФО. Потенциал таких межрегиональных проектов высок и для железорудных ресурсов, и для меди[1]. Такие крупные межрегиональные задачи могут быть решены только в рамках общей государственной стратегии развития макрорегиона с разработкой специальных институциональных мер.

Подобные подходы должны формироваться и для других видов стратегических минеральных ресурсов, осваиваемых в ДФО, с соответствующим отражением как в целевых, так и в региональных разделах разрабатываемой новой Стратегии развития Дальневосточного макрорегиона до 2036 года.

Мурко Е.В.
к.т.н., доцент, в.н.с. Отдела научно-методического обеспечения и аспирантуры,
Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ;
доцент Кафедры гуманитарных, социальных и общих дисциплин,
Всероссийский государственный университет юстиции Минюста России
e.murko@sudexpert.ru

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ВЫЗОВОВ

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономическая экспертиза, вызовы, угрозы, регионы России, стратегия, управление рисками.
Key words: economic security, economic expertise, challenges, threats, regions of Russia, strategy, risk management.

В последние годы для России формируется сложная геополитическая обстановка, связанная с введением пакетов бесчисленных санкций, затронувших многие секторы нашей экономики (энергетика, авиастроение, электроника, фармацевтика и др.), традиционные логистические центры, банковскую деятельность, бизнес-структуры. Это привело к формированию новых подходов к концепции взаимоотношений во внешней и внутренней зонах воздействия. «Структурная перестройка мировой экономики, перевод ее на новую технологическую основу (внедрение информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий) ускоряет процесс перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния» [1].

У нашей страны есть свои геополитические и экономические цели и интересы в мире, в силу чего она образует новые центры развития, сотрудничая с Китаем, Индией, Индонезией, странами Африки, а также такими дружественными международными организациями, как БРИКС, ОДКБ, ШОС и др. Российская экономика адаптируется к новым условиям международных связей и процессов – были определены новые национальные цели социально-экономического развития России, приоритеты и стратегии преобразований отраслей, сфер, регионов на основе «укрепления государственности, культурно-ценностного и экономического суверенитета, увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан» [3].

[1] Более детальная информация по этим проектам представлена в работе: Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальневосточного федерального округа в национальных приоритетах: текущие тренды и перспективы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. – 2025. – № 1 (192). – С. 33–43.

Если говорить о современных подходах к обеспечению экономической безопасности регионов России, то они, безусловно, опираются на Стратегию экономической безопасности РФ до 2030 года [4]. Этот документ, по сути, стал своего рода «дорожной картой», в которой четко обозначены вызовы и угрозы, с которыми сталкивается наша экономика, а также сформулированы ключевые цели государственной политики в этой области [5].

В последние годы мы видим, как меняется сам подход к вопросам экономической безопасности. Сейчас на первый план выходят практические инструменты – цифровизация, управление рисками, интеграция экспертных мнений в региональное управление. Всё это – не просто модные слова, а реальные механизмы, которые помогают регионам быть более устойчивыми к внешним и внутренним вызовам. Особенно важно, что теперь акцент делается не только на защите от внешних угроз, но и на развитии собственных конкурентных преимуществ, внедрении инноваций и повышении качества управления. Такой подход позволяет не только реагировать на вызовы, но и работать на опережение, создавая условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния людей. Эволюция подходов, направленных на устойчивость экономики – это не просто смена терминов, а глубокая трансформация взглядов на то, как защищать интересы регионов. В начале 2000-х годов акцент был на борьбе с бедностью и имущественным расслоением, а также на устранении деформаций в структуре экономики. Сегодня же мы видим, что на первый план выходят вопросы инновационного развития и устойчивости к внешним вызовам [4, 5].

Необходима выработка не только адаптивной, но и прогрессивной модели устойчивого экономического роста нашей страны и её регионов, охватывающей правовые, теоретические, финансово-кредитные, мониторинговые аспекты. Как справедливо замечают наши экономисты: «Мы живем в экономике, которая быстро меняется. Традиционная модель развития перестала функционировать. Поэтому для оценок нам нужны макроструктурные, межотраслевые модели» [7].

Для адекватной оценки ситуации нам необходимы макроструктурные, межотраслевые модели [8]. Сегодня внешние условия стремительно меняются, и уже недостаточно пассивно реагировать на возникающие угрозы – важно научиться заранее просчитывать риски. Именно поэтому критически важно, чтобы система государственного управления и стратегического планирования эффективно функционировала, позволяя своевременно выявлять и предупреждать потенциальные проблемы. Речь идет не только о внедрении новых технологий, но и о создании благоприятных условий, при которых эти технологии смогут приносить ощутимую пользу экономике [9].

Таким образом, трансформация подходов к обеспечению экономической безопасности представляет собой не отдельное событие, а постоянный, развивающийся процесс, определяемый непрерывными изменениями внутренней и внешней среды. Жесткая приверженность традиционным схемам в современных условиях оказывается малоперспективной; необходима высокая адаптивность управленческих решений, готовность оперативно перестраиваться и объективно анализировать накопленный опыт. Центральной задачей государственной политики становится не только устранение негативных последствий уже произошедших кризисов, но и активное создание такой экономической структуры, которая обеспечит устойчивое развитие и защищённость последующих поколений. Необходимо исследование на более высоком качественном уровне механизма мониторинга и экономической экспертизы на цифровой платформе, с учетом особенностей развития отдельных отраслей и регионов нашей страны. Достижение этой цели предполагает внедрение эффективных инструментов анализа и прогнозирования, а также организацию регулярного мониторинга, уделяющего повышенное внимание особенностям отдельных отраслей и регионов. Только на основе подобного всестороннего и глубоко проработанного подхода возможна реализация эффективной системы экономической безопасности, адекватно реагирующей на современные вызовы.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090.

2. Обзор экономики Европы и Центральной Азии за апрель 2026 года // Официальный сайт Всемирного банка. – https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update.
3. Михаил Мишустин утвердил поручения по итогам ежегодного отчёта Правительства в Госдуме // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/news/58162.
4. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921.
5. Путин утвердил стратегию экономической безопасности России до 2030 года // Официальный сайт государственного информационного агентства России «ТАСС». – https://tass.ru/ekonomika/4251459.
6. Совещание по экономическим вопросам от 15 апреля 2026 года // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79558.
7. Ежегодный отчет Правительства РФ в Государственной Думе от 25.02. 2026 г. // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. – http://duma.gov.ru/multimedia/video/meetings/126164.
8. *Бодрунов, С.Д.* Стратегия перехода к новому мирохозяйственному укладу и ноообществу: индустриальный аспект // Экономика промышленности. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 135-140. – DOI 10.17073/2072-1633-2023-2-135-140.
9. *Парамонов, И.С.* Особенности использования цифрового рубля в банковских расчетах / И.С. Парамонов, А.В. Русавская // Путеводитель предпринимателя. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 25-30. – DOI 10.24182/2073-9885-2023-16-4-25-30.
10. *Русавская, А.В.* Структурная перестройка региональной экономики в современных условиях / А.В. Русавская, К.А. Кирсанов, И.В. Датченко // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2023. – № 12. – С. 246-250.
11. *Кузнецова, Е.И.* Влияние цифровизации на изменение технологий и информационной модели современного медиабизнеса / Е.И. Кузнецова, А.В. Русавская // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 376-380. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-1-376-380.

***Никулина И.Н.*[1]**
д.и.н., доцент, в.н.с., Алтайский государственный университет, г. *Барнаул*
innikulina@mail.ru

***Потупчик М.Н.*[2]**
зав. сектором «Региональный центр доступа к ресурсам Президентской библиотеки в Алтайском крае»,
Алтайская краевая универсальная научная библиотека, г. Барнаул
p-mn@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: международное научно-культурное сотрудничество, университеты, библиотеки, международные конференции, научные журналы, выставки, Алтайский край, Россия, Барнаул.

Key words: international scientific and cultural cooperation, universities, libraries, international conferences, scientific magazines, exhibitions, Altai region, Russia, Barnaul.

[1] Профессиональные интересы: история политической ссылки XIX в. в Западной Сибири (на Алтае), проблемы науки и культуры. Приоритетные тематические направления Алтайского государственного университета: социально-культурные взаимодействия регионов Большого Алтая (исторический, философский и др. аспекты), Алтай в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII-начала XXI вв.

[2] Профессиональные интересы: история развития библиотек в Западной Сибири (на Алтае); современное состояние библиотечного дела на Алтае; сохранение культурно-исторического наследия, его популяризация.

Важной составляющей жизни современного общества является международное сотрудничество, в развитии которого большую роль играют научно-культурные отношения между народами различных государств. В данной статье отражены некоторые аспекты международного научно-культурного сотрудничества на основе имеющегося опыта работы в Алтайском крае (г. Барнаул), представлены конкретные предложения по развитию этого направления международного взаимодействия. Статья является продолжением темы, затронутой ранее на международной научно-практической конференции «Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире» (г. Москва, 2024 г.)[1]. Мы остановимся на наиболее значимых показательных мероприятиях, осуществлявшихся в данном направлении.

В развитии международного научного сотрудничества основная роль принадлежит научной общественности российских высших учебных заведений. Большое значение для сотрудничества имеют международные научные и научно-практические конференции. Среди них следует назвать состоявшиеся в России конференции с международным участием «Актуальные вопросы истории Сибири» (г. Барнаул, проводятся с 1998 г.), посвященные памяти известного ученого, доктора исторических наук, профессора А.П. Бородавкина, международные научно-практические конференции «Книгопечатание и коммуникации: история и современность» (г. Барнаул, 2014 г.), «Ползуновские чтения» (г. Барнаул, 2017, 2018 гг.) и др.[2] В ходе работы конференций рассматриваются многие дискуссионные вопросы истории и культуры, происходит обмен мнениями и опытом между исследователями разных стран. В целом, проведение международных конференций составляет основу дальнейшего успешного развития международного научного сотрудничества.

Отметим, что отдельные аспекты изучения истории и культуры находят освещение в публикациях периодических научных журналов «Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология» (г. Барнаул, Алтайский государственный университет, издается с 1996 г.), «Актуальные вопросы культуры, искусства, образования» (г. Барнаул, Алтайский государственный институт культуры, издается с 2001 г., в 2001-2022 – «Учёные записки»), тематических сборников научных статей «Проблемы истории и культуры в современном мире» (г. Барнаул, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова) и др. В данных изданиях принимают активное участие ученые Беларуси, Казахстана, Китая и других стран[3].

Одним из ключевых элементов взаимодействия стран в рамках международного взаимодействия выступает межкультурная коммуникация[4].

---

[1] *Никулина И.Н.* О роли историко-культурного наследия России и Казахстана в международном сотрудничестве: региональный аспект // Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй междунар. научн.-практ. конф. (Москва, 5-7 июня 2024 г.). Ч. 2. / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. – М., 2024. – С. 406-409.

[2] *Каланчина И.Б.* Судьбы книг// Книгопечатание и коммуникации: история и современность: сборник материалов междунар. научн.-практ. конф. и «круглого стола» / под научн. ред. И.Н. Никулиной. – Барнаул, 2014. – С. 5-11; *Гельманова З. С., Кривцова О.Н., Леонтьева М.А.* Современные подходы к управлению вузом // Актуальные вопросы гуманитарного знания: материалы междунар. научн.-практ. конф. «Ползуновские чтения -2018» (Барнаул, 12-13 декабря 2018 г.) / под общ. ред. О.Е. Контевой. – Барнаул, 2019. – С. 144-151; *Никулина И.Н., Серак Е.В.* Ссыльные католические священники-участники восстания 1863-1864 гг. на Алтае: некоторые аспекты изучения // Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научн. статей / под ред. В.А. Скубневского, Д.С. Боброва. – Барнаул, 2021. – С. 51-54 и др.

[3] *Султангазы Г.Ж.* Политическое пространство городов Северного Казахстана на рубеже XIX-XX вв. // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2021. – № 6. – С. 51-55; *Никулина И.Н., Потупчик М.Н., Калиева К.С.* Культурно-просветительская деятельность политических ссыльных в Усть-Каменогорске (80-е гг. XIX в. – начало XX в.): некоторые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2022. – № 6. – С. 32-36; *Федотова Г.В.* Международное сотрудничество Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова: культурно-просветительская и образовательно-просветительская деятельность в условиях глобализации // Учёные записки (АГИК). – 2017. – № 2. – С. 165-169; *Серак Е.В.* Правовая регламентация и деятельность судебно-следственных органов в системе наказания белорусских участников восстания 1863-1864 гг. // Проблемы истории и культуры в современном мире / отв. ред. И.Н. Никулина, О.А. Литвинова, Н.Г. Павлова. – Барнаул, 2016. – С. 64 -75 и др. издания.

[4] *Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В.* Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 100. – С. 7-18.

Ярким событием в культурной жизни России и Казахстана стала международная выставка, посвященная 175-летию выдающегося казахского поэта, гуманиста, мыслителя Абая Кунанбаева, организованная в Барнауле Восточно-Казахстанским государственным техническим университетом им. Д Серикбаева (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан) в Алтайском государственном университете и Алтайском государственном техническом университете им. И.И. Ползунова с участием представителей Алтайского государственного педагогического университета, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова, Алтайской краевой общественной организации национально-культурной автономии казахов в Барнауле[1].

Темы, поднимаемые Абаем в его произведениях, идеалы гуманизма и добра являются вечными, сохраняя свою актуальность и сейчас. Именно поэтому популяризация его творческого наследия, мысли о человеке имеют большое значение в настоящее время. По этому поводу председатель ОО «Казахстанского объединения членов Союза писателей России» И.Б. Каланчина (г. Усть-Каменогорск) отмечала, что «в духовном наследии великого поэта и мыслителя Абая... мы находим его размышления о необходимости развивать тесные связи между нашими народами, глубина мысли, значение и ценность которых непреходящи... Взаимосвязь народов Казахстана и России определяет единое человеческое пространство, общая история. Поэтому необходимо сохранить и приумножить все позитивное в отношениях дружественных государств, достигнутое за прошедшие годы. Это позволит укрепить взаимовыгодное сотрудничество»[2].

В 2025 г., объявленном Годом защитника Отечества и ознаменованном 80-летием Великой Победы, в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова (АКУНБ) были организованы значимые мероприятия, подтверждающие, что культура становится тем мостом, который соединяет народы. Литературным событием стала презентация сборника прозы, поэзии, воспоминаний и документальных свидетельств «Один народ – одна Победа», подготовленного Восточно-Казахстанским областным литературным объединением «Звено Алтая». Издательский проект был реализован при поддержке Департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по протокольной деятельности и внешним связям. Издание представили поэты и прозаики из Республики Казахстан – Н.С. Матвеева, И.Б. Каланчина; руководитель полиграфической компании С.В. Семёнов; руководитель фольклорного ансамбля «Товарки» Н.А. Ершова (г. Усть-Каменогорск); главный консультант департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по протокольной деятельности и внешним связям Е.Г. Базина.

АКУНБ совместно с Областной универсальной библиотекой им. Абая (г. Семей, Республика Казахстан) была организована и проведена литературно-патриотическая онлайн-программа «Солдатский путь. Писатели-фронтовики Республики Казахстан и Алтайского края». Участники встречи познакомились с жизнью и творчеством писателей, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Сотрудники Областной универсальной библиотеки им. Абая рассказали о творческом и боевом пути казахских писателей и поэтов, участвовавших в войне. Среди них – Бауржан Момышулы, Касым Кайсенов, Ади Шарипов, Малик Габдуллин и др. Алтайская краевая библиотека представила отрывки из произведений Николая Дворцова, Марка Юдалевича, Василия Гришаева, Георгия Егорова, Льва Квина, чей личный военный опыт и тема войны в литературе стали важнейшей частью всей их жизни.

В стенах Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова при организации и проведении различных мероприятий успешно реализуется многогранный процесс постижения культуры других стран. В рамках Лингвоклуба реализовано более 150 программ, в том числе посвященных культуре Китая: встреча «Хуаншань: горы императора. Символика достопримечательностей Китая», цикл встреч «Китайский для всех», занятие «Искусство китайской каллиграфии». Подготовленные тематические выставки и подборки всесторонне раскрывают особенности той или иной страны: «Индийская литература: от классики к современности», «Литературный мир Индии», «Китай: далекий и близкий», «Пусть соперничают сто школ: о философских

[16] Подробнее см.: *Никулина И.Н., Калиева К.С.* Наследие Абая – общее достояние народов мира // Grand Altai Research & Education / Наука и образование Большого Алтая. – 2020. – Вып. 1. – http://rectors.altstu.ru/ru/periodical.

[2] *Каланчина И.* Великая дружба великих людей // Листая жизнь-страницу за страницей. – Усть-Каменогорск, 2021. – С. 12.

направлениях Древнего Китая», «Мир китайской культуры». На заседаниях дискуссионного книжного клуба «БУКСИР» проходят обсуждения творчества зарубежных писателей (например, создателя популярных в Индии детективных циклов Ширшенду Мухопадхай) и др.

В АКУНБ проводятся мероприятия для иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях г. Барнаула. Эти мероприятия знакомят гостей с русской культурой и традициями: Дни информации, выставки-обзоры по изучению русского языка как иностранного, просмотры художественных фильмов, экскурсии, мастер-классы.

Таким образом, в настоящее время в регионе имеется определенный опыт практической работы по развитию международного научно-культурного сотрудничества, позволяющий представить некоторые предложения и рекомендации в данном направлении:

1. Обеспечение совместного осуществления научных исследований по исторической и культурной тематике, привлечение профессорско-преподавательского состава, студентов, создание совместных временных коллективов на базе вузов-партнеров с финансированием от национальных грантов.
2. Активная финансовая поддержка со стороны центральной и местной администрации в издании сборников научных статей, монографий, журналов, тематических справочников, каталогов музейных и библиотечных коллекций, а также в проведении совместных международных научных и научно-практических конференций и «круглых столов» по дискуссионным проблемам исследований с последующей публикацией материалов докладов. Размещение данных материалов в сетевых изданиях, на Интернет-сайтах с целью более широкого ознакомления с ними всех интересующихся различными вопросами истории и культуры.
3. Систематическое проведение выставок, в том числе виртуальных, документальных материалов, предметов материальной и духовной культуры, картин, посвященных знаменательным событиям, выдающимся деятелям науки, писателям, поэтам, художникам и другим мастерам искусств различных государств.
4. Расширение возможностей ознакомления широкой общественности с уникальными коллекциями музеев и библиотек по разнообразной историко-культурной тематике благодаря реализации совместных международных проектов и программ. Важным направлением является оцифровка и размещение в открытом доступе коллекций, связанных с различными культурно-историческими событиями.
5. Организация широкой рекламы проводимых мероприятий среди населения дружественных государств. Внедрение практики создания двуязычных (с переводом на языки стран-партнёров) анонсов, пресс-релизов, пост-релизов и видеосюжетов о совместных научных, образовательных и культурных событиях.

Надеемся, что изложенные предложения и рекомендации найдут применение в конкретной практической деятельности по развитию международного научно-культурного сотрудничества, направленного на достижение взаимопонимания между народами, так необходимое в настоящее время.

Русавская А.В.
д.э.н., профессор, в.н.с. Научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций,
Университет мировых цивилизаций
rusavskaya.alewtina@yandex.ru

Макаров Р.С.
аспирант Университета мировых цивилизаций
petavia@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: инфраструктурная модернизация экономики, региональная экономика, искусственный интеллект, цифровая экономика, экономическая безопасность, государственная политика, цифровизация, киберзащита.
Key words: infrastructural modernization of the economy, regional economy, artificial intelligence, digital economy, economic security, state policy, digitalization, cybersecurity.

Цифровая экономика занимает центральное место в современном развитии государств, являясь ключевым фактором повышения эффективности государственного управления и бизнес-процессов. В эпоху стремительного развития информационных технологий искусственный интеллект (ИИ) играет одну из центральных ролей в процессах цифровой трансформации. В целях реализации стратегии технологического лидерства утверждены национальные программы и приняты меры по активному внедрению технологий ИИ в ключевые отрасли национальной экономики [1-4].

Поддержка инновационного развития регионов является одним из приоритетных направлений государственной политики, поскольку именно на региональном уровне формируется внутренний рынок и обеспечивается стабильный рост страны. В этом контексте технологии искусственного интеллекта являются ключевым инструментом, который позволяет одновременно повысить производительность труда и снизить издержки, добиваясь эффективности, недостижимой для традиционных подходов.

Вместе с тем, наряду с очевидными преимуществами, широкое внедрение технологий искусственного интеллекта сопряжено с новыми вызовами. К их числу относятся угрозы информационной безопасности и уязвимость критически важной инфраструктуры. В этих условиях обеспечение экономической безопасности выходит на первый план, превращаясь в задачу, которая требует незамедлительного создания комплексной системы нормативных актов и стандартов для регулирования использования технологий ИИ.

Актуальность настоящего исследования определяется потребностью формирования методологии и конкретных предложений по модернизации региональных экономик на основе внедрения технологий искусственного интеллекта с соблюдением мер экономической безопасности. Выявление перспективных путей цифровизации регионального хозяйства, снижение рисков и создание надежной системы противодействия кибератакам позволят обеспечить необходимые предпосылки для динамичного экономического роста и укрепления конкурентоспособности российских регионов в условиях внешних и внутренних вызовов.

Влияние внешних факторов существенно отразилось на экономике России. Введенные санкционные меры в виде 20 пакетов ограничений в период с 2022 по 2026 годы резко сократили возможности для полноценного участия страны в международных рынках, затронув значительную часть отраслей экономики, включая торговлю нефтью, газом, углем, продукцией химической промышленности и сельское хозяйство. В то время как нарушение логистических цепочек из-за санкций создало серьезные трудности для транспортной отрасли, внешнее давление дало обратный эффект в сфере технологий. Оно послужило импульсом для мобилизации усилий государства и бизнеса, направив их на ускоренное развитие собственных компетенций в области искусственного интеллекта и анализа больших данных. В результате удалось не только смягчить

негативный эффект от ограничений, но и сформировать задел для перехода к более эффективной модели экономики [5].

В ответ на новые вызовы руководство страны инициировало незамедлительную переориентацию экономики и ее адаптацию к изменившимся условиям. Был взят курс на форсированный перевод национального хозяйства на рельсы инновационного развития, где возникающие трудности рассматривались в качестве катализатора необходимых структурных преобразований. Эта установка прозвучала, в частности, на «Российской экономической неделе» в 2023 году, где глава государства подчеркнул, что ключом к успеху становится способность адекватно реагировать на глобальные изменения [6].

В результате активных мер адаптации, предпринятых руководством страны, были сформированы основы новой модели экономического роста, направленной на использование преимуществ цифровых технологий и искусственного интеллекта. В 2024 году на Петербургском международном экономическом форуме Президент Российской Федерации обозначил десять ключевых направлений структурных преобразований, среди которых особое место заняли вопросы технического перевооружения, цифровизации и повышения продуктивности национального хозяйства [7].

Основные элементы стратегии включали:

– развитие отечественного сегмента искусственного интеллекта и информатики;
– локализацию производства высокотехнологической продукции;
– упрощение регуляторных норм для внедрения новых технологий;
– акцент на развитие цифровой инфраструктуры и электронной коммерции;
– формирование единой цифровой экосистемы для бизнеса и потребителей;
– подготовку высококлассных специалистов в области программирования и аналитики данных;
– организационно-финансовые механизмы поддержки отечественных разработчиков технологий ИИ;
– использование искусственного интеллекта для оптимизации бюджетных расходов и госуправления;
– искусственный интеллект как инструмент повышения качества медицинского обслуживания и образовательной сферы;
– формирование индустрии искусственного интеллекта как драйвер экономического роста.

Практическим воплощением намеченных планов являеися документ «План структурных изменений в российской экономике до 2030 года», утвержденный Правительством в 2025 году. По сути, речь идет о выстраивании новой экономической модели, где стержнем становятся развитие искусственного интеллекта и цифровая трансформация. Такой подход, безусловно, открывает уникальные возможности для технологического прорыва в ближайшие десятилетия.

Если же взглянуть на ситуацию шире, то нынешний опыт подтвердил важный и, на первый взгляд, парадоксальный тезис: искусственно созданные препятствия могут стать не тормозом, а мощным импульсом. Именно этот импульс позволяет форсировать развитие собственной инновационной и технологической базы, что в перспективе выводит страну на совершенно иной уровень конкурентоспособности и благополучия [8].

Сегодня решение стоящих перед страной задач невозможно представить без трех ключевых компонентов: государственного финансирования, внедрения эффективных бизнес-практик и стимулирования банковского кредитования. При этом именно развитие технологий ИИ и цифровизация являются главным драйвером прогресса. Они служат тем связующим звеном, которое интегрирует все эти усилия в единую систему.

Стоит подчеркнуть, что значительная роль в этой модернизации принадлежит и государственным национальным проектам. В настоящее время эта система включает 20 ключевых программ, рассчитанных на период до 2030 года. Среди этого широкого комплекса мер можно выделить несколько направлений, которые имеют особое значение для развития искусственного интеллекта и цифровой трансформации. К ним относятся:

1. «Экономика данных и цифровая трансформация государства» – это флагманский проект, нацеленный на форсированное внедрение цифровых технологий и ИИ в государственное управление и бизнес. С 2025 года его неотъемлемой частью стал федеральный

проект «Информационная безопасность», чья главная миссия – защита критически важных объектов от киберугроз.

2. «Эффективная и конкурентная экономика» – проект сфокусирован на повышении производительности и глобальной конкурентоспособности российской экономики. Это достигается за счет внедрения передовых технологий (включая ИИ), развития инфраструктуры, а также создания благоприятной среды для инноваций и устойчивого роста.
3. «Инфраструктура для жизни» – проект ориентирован на создание качественной, доступной и экологичной среды для граждан. Его реализация предполагает развитие современной транспортной, жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры. Широкая интеграция технологий ИИ позволяет повысить эффективность эксплуатации объектов, обеспечить безопасность населения и оптимизировать потребление ресурсов.
4. Национальный проект «Новые технологии сбережения здоровья» – это, по сути, заявка на смену самой парадигмы: от привычной нам медицины лечения к проактивному управлению здоровьем. Драйвером этого перехода является глубокая цифровизация. Внедрение ИИ и современных сервисов здесь бьёт по двум фронтам: с одной стороны, повышает точность диагностики и доступность помощи, а с другой – закладывает основу для масштабной профилактики, что должно увеличить период активной жизни граждан.
5. Проект «Средства производства и автоматизации» – это прямой и, пожалуй, единственный ответ на запрос о технологическом суверенитете. Здесь все довольно прагматично: стержневая задача – повышение производительности в реальном секторе через масштабную модернизацию. На практике это означает внедрение современных IT-инструментов, аналитики больших данных и алгоритмов ИИ для обновления производственных линий и создания конкурентоспособной продукции [9].

Цель проекта – реализация национального проекта «Экономика данных», ориентированного на комплексную трансформацию хозяйственной системы, а не на достижение точечных или локальных результатов. Речь идет о формировании фундаментальной базы для функционирования принципиально новой высокотехнологичной модели развития. Данная задача решается через синергию различных направлений – от полномасштабной цифровизации системы государственного администрирования и интеграции алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в производственные циклы до системного развития цифровых компетенций населения. Фундаментальным условием является обеспечение кибербезопасности инфраструктурных объектов, что гарантирует стабильность инновационной среды для внедрения передовых разработок. В свою очередь, такие процессы инициируют качественное обновление рынка труда, создавая спрос на высококвалифицированных специалистов и способствуя притоку молодежи в наукоемкие отрасли. Аналитический потенциал ИИ, заключающийся в способности оперативной обработки массивов, позволяет существенно повысить скорость принятия управленческих решений. Следовательно, проект является катализатором системной реформы, обеспечивая государству технологическую независимость и долгосрочные конкурентные преимущества.

Переход от концептуальных положений к практической плоскости подтверждается успешной апробацией интеллектуальных систем в различных субъектах РФ. Практическая значимость инициатив «Экономики данных» подтверждается уже не теоретическими прогнозами, а конкретными отраслевыми показателями регионального развития. Весьма репрезентативен опыт Республики Татарстан, где в структуре Республиканской клинической больницы функционирует специализированный радиологический дата-центр. Интеграция когнитивных технологий в процессы расшифровки диагностических снимков (КТ, рентгенография, маммография) позволила увеличить пропускную способность профильных отделений в два раза, одновременно сократив период ожидания экспертного заключения для пациентов в пять раз. В агропромышленном секторе Краснодарского края цифровизация проявляется в использовании беспилотных авиационных систем и данных дистанционного зондирования Земли. Применение нейросетевого анализа спутниковых изображений позволяет аграриям переходить к прецизионному земледелию, обеспечивая высокую точность прогнозирования урожайности и оптимизацию расхода материально-технических ресурсов. Отраслевое разнообразие внедрений дополняется опытом Москвы в сфере совершенствования городского управления и обеспечения общественной безопасности через интеллектуальные системы видеонаблюдения и биометрической идентификации,

что позволяет правоохранительным органам действовать превентивно. Параллельно с этим в Новосибирской области инновационный акцент смещен в сторону гражданской сферы и экологии: здесь успешно масштабируется проект «Умный дом», демонстрирующий высокую эффективность в вопросах энергосбережения и комфорта городской среды. Интеграция ИИ в жилые комплексы позволяет жильцам не только экономить на коммунальных платежах за счет оптимизации потребления энергии и тепла, но и обеспечивает высокий уровень комфорта и безопасности.

Приведенные примеры из региональной практики ярко демонстрируют, что внедрение ИИ становится катализатором не только для экономического роста, но и для качественного обновления ключевой инфраструктуры (от здравоохранения и ЖКХ до транспорта), что закладывает фундамент для дальнейшей модернизации страны [10-12].

Текущая трансформация региональной экономики ставит перед нами нетривиальную задачу – необходимо не просто освоить новые технологии, а выработать совершенно иные экономические компетенции, отвечающие специфике момента. Ранее мы уже указывали, что анализ цифровых новаций требует переосмысления самих основ традиционных экономических категорий для суверенного государства [13].

В рамках этого исследования мы трактуем институциональный механизм модернизации не как формальный набор предписаний, а как гибкую совокупность форм, методов и инструментов. Эта система должна быть нацелена на устойчивое развитие через структурные преобразования и запуск проектов в сфере ИИ и цифровизации, чтобы раскрыть потенциал территорий.

Мы считаем, что для практической реализации этого подхода целесообразно сформировать единый Центр инфраструктурных компетенций. Такой Центр должен стать точкой сборки для федеральных, региональных и муниципальных инициатив, интегрируя в себя проекты по цифровизации. Подобная архитектура управления обеспечит столь необходимую системность и преемственность, гармонизируя зачастую разнонаправленные интересы власти и бизнеса.

По сути, к модернизации можно отнести и создание центров цифровой трансформации, которые должны стать настоящими локомотивами экономики. Именно поэтому в работе предлагается авторская классификация городов-драйверов (табл. 1), основанная на их вовлеченности в эти процессы.

Таблица 1

Типология российских городов по уровню интеграции в цифровую экономику

Функциональный профиль города в цифровой экономике	Ключевые центры и регионы
Центры глобальной цифровой связности: Крупные агломерации, играющие роль стратегических узлов цифровой инфраструктуры. Они расположены на пересечении ключевых транспортных и информационных магистралей, обеспечивая трансграничные потоки данных.	Москва Санкт-Петербург Нижний Новгород
Опорные пункты региональной цифровой логистики: Города, координирующие потоки данных на уровне макрорегионов и обеспечивающие информационную связанность внутри обширных территорий.	Якутск Иркутск Южно-Сахалинск
Территории высокотехнологичных кластеров: Это территории, где концентрация технологических производств и научных центров создает среду для развития передовых отраслей (например, аэрокосмической или биомедицинской), с искусственным интеллектом (ИИ) в основе инноваций.	Омск Челябинск Пермь
Лидеры цифровой трансформации в АПК: Регионы, активно внедряющие технологии ИИ для повышения производительности и эффективности агропромышленного комплекса.	Ростов-на-Дону Саратов Краснодар
Цифровые туристические дестинации: Центры, использующие цифровые платформы для продвижения своего культурного и природного наследия, привлечения туристов.	Республика Бурятия Республика Алтай Севастополь

Создание реестра городов-драйверов позволяет сфокусировать усилия на регионах с максимальным потенциалом, где политика цифровизации даст наибольший эффект. Для успешной реализации этой стратегии необходима консолидация финансовых ресурсов и запуск механизма софинансирования с участием федерального, регионального и муниципального бюджетов. Важно также активно привлекать банковские кредиты и частные инвестиции. Эффективный контроль за ходом цифровой трансформации должны обеспечить современные инструменты мониторинга и аудита.

Результаты текущего года наглядно демонстрируют действенность данного подхода. Применение инфраструктурных бюджетных кредитов и специализированных казначейских займов уже способствовало запуску 780 объектов. Среди них – центры обработки данных и образовательные учреждения, ориентированные на подготовку специалистов в области цифровых технологий.

Процесс модернизации экономики страны сопровождается усилением роли крупных государственных банков, активно участвующих в реализации масштабных инфраструктурных проектов совместно с государственным финансированием и частными инвестициями. В частности, Сбербанк в 2025 году возглавил рейтинг номинантов Национальной премии «Наш вклад» в категории «Госкорпорации и госкомпании», представив 17 социально значимых инициатив, поддерживающих национальные проекты в области демографии, здравоохранения, культуры, образования, туризма, экологии и цифровой экономики [14].

Сбербанк также реализует программу финансового, правового и цифрового просвещения совместно с Благотворительным фондом «Вклад в будущее». За пять лет существования проекта были защищены сотни воспитанников детских домов от действий мошенников, сохранив на их банковских счетах сумму порядка 88,4 млн рублей. Программа охватывает 63 региона страны, привлекая более 120 волонтерских групп, и служит примером эффективного взаимодействия бизнеса и общественных институтов. Кроме того, Сбербанк развивает цифровые инициативы в здравоохранении, внедряя умные камеры здоровья, систему дистанционного мониторинга состояния пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями и услуги телемедицины, позволяющие удаленно консультироваться с ведущими специалистами независимо от географического расположения пациента.

В рамках национальной программы «Цифровая экономика» реализуется виртуальный ассистент по вопросам кибербезопасности – специализированный тренажер и помощник, предназначенный для обучения пользователей методам защиты от мошеннических атак. Платформа включает симуляции популярных схем обмана, образовательные тесты, видеоконтент и интерактивные учебные материалы. Сбербанк был ключевым разработчиком программного обеспечения искусственного интеллекта GigaChat, направленного на повышение качества обслуживания клиентов, ускорение процессов принятия решений и улучшение клиентского опыта. Такое решение способствует повышению уровня цифровизации банковской сферы и укрепляет позиции кредитной организации в условиях глобальных технологических изменений. Издание Sber Privacy Journal представляет собой важное дополнение к усилиям банка по информированию общественности о проблемах защиты персональных данных, регулировании оборота информации, применении технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта. Материал издания разработан экспертами Института DPO Сбербанка и адресован широкому кругу заинтересованных лиц, включая начинающих специалистов в области информационной безопасности [15].

Таким образом, деятельность Сбербанка направлена на реализацию комплексного подхода к обеспечению устойчивого экономического роста, социальной ответственности и технологической модернизации финансовых услуг, соответствующего современным требованиям цифровой трансформации экономики.

В 2026 году предусмотрено повышение ставки налога на добавленную стоимость и ряда других фискальных отчислений, что потенциально способно усилить теневое присутствие бизнеса. Следовательно, необходима параллельная реализация мер по легализации предпринимательской деятельности и выводу экономики из тени. Главой государства поручено приступить к выполнению плана структурных изменений в экономике Российской Федерации до 2030 года, предусматривающего формирование к следующему году условий для вывода темпов роста отечественной экономики на международный уровень [16].

Применение технологий искусственного интеллекта открывает широкие перспективы для модернизации экономики регионов России. Благодаря активной государственной поддержке инновационного развития регионы получают сильные стимулы для роста и привлечения инвестиций. Однако вместе с возможностями возникают серьезные вызовы, связанные с ростом риска информационной безопасности и уязвимости цифровых систем. Одной из главных угроз является возможность злоупотребления персональными данными граждан и коммерческой тайной предприятий. Другая опасность связана с зависимостью критической инфраструктуры от зарубежных технологий и возможностью внешних атак. В этих условиях важнейшими аспектами обеспечения экономической безопасности становятся: создание централизованной системы мониторинга и раннего предупреждения угроз информационной безопасности; регулярное проведение проверок и стресс-тестов на предмет устойчивости информационных систем к атакам злоумышленников; законодательное регулирование деятельности компаний, работающих с технологиями искусственного интеллекта, и контроль соблюдения ими установленных норм и стандартов; повышение квалификации сотрудников в области кибербезопасности и подготовка специалистов соответствующего профиля.

Нормативно-правовая база России в сфере регулирования ИИ включает в себя ряд ключевых законодательных актов. В частности, к ним относятся Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О защите персональных данных» [16, 17] и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [18]. Важную роль играют и стратегические документы: Концепция развития регулирования отношений в сфере ИИ и робототехники [20], Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 [21], а также паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [22]. В совокупности эти меры формируют надежное правовое пространство для безопасного внедрения технологий ИИ и обеспечивают стабильность экономики регионов в условиях нарастающих вызовов современности.

Применение технологий искусственного интеллекта создает значительные возможности для инфраструктурной модернизации региональной экономики России. Для эффективного управления рисками и достижения устойчивого экономического роста необходима комплексная стратегия, объединяющая технологическое обновление, правовые механизмы защиты и сотрудничество всех заинтересованных сторон. Это обеспечит стабильное развитие регионов и укрепление национальной конкурентоспособности в условиях глобальных изменений.

Список литературы

1. Роль технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации экономики / Е.А. Яковлева, А.Н. Виноградов, Л.В. Александрова, А.П. Филимонов // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 707-726. – DOI 10.18334/vinec.13.2.117710.
2. Информационные системы и технологии в АПК: учебник / А.В. Бабкина, И.Е. Быстренина, М.И. Горбачев [и др.]. – Москва: Российский государственный аграрный университет, 2025. – 615 с.
3. *Скворцова, И.В.* Экономическая безопасность и искусственный интеллект: опыт, проблемы, перспективы / И.В. Скворцова, С.В. Чаюк // Актуальные проблемы экономики и управления в строительстве: Материалы III Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 17-18 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2025. – С. 403-404.
4. *Малыгин, И.Г.* Предложения для концепции развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации / И.Г. Малыгин, В.И. Комашинский, О.А. Михалев // Транспорт Российской Федерации. – 2019. – № 4 (83). – С. 8-12.
5. *Мурко, Е.В.* Мобилизационная подготовка экономики: опыт последних лет и перспективы развития / Е.В. Мурко, Е.А. Захарова // Безопасность в современном мире. – 2025. – № 3 (8). – С. SMW20250305. – DOI 10.25629/SMW.2025.03.05.
6. Российская энергетическая неделя. Международный форум 11-13 октября 2023 г. // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72480.
7. Выступление Президента РФ Путина В.В. на Петербургском международном экономическом форуме, 5-8 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234.
8. План структурных изменений в российской экономике до 2030 года. Заседания Правительства РФ от 27 ноября 2025 г. № 41 // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/news/57110.

9. Национальные проекты России // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/rugovclassifier/section/2641.
10. *Русавская, А.В.* Укрепление финансовой устойчивости регионов России для формирования единого экономического пространства / А.В. Русавская, Е.В. Мурко // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 10. – С. 259-264.
11. *Захарова, Е.А.* Влияние современных методов интенсификации добычи углеводородов на состояние окружающей среды / Е.А. Захарова, Е.В. Мурко // Актуальные вопросы развития науки и технологий. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. – С. 106-132.
12. *Portola, V.A.* Open Pits Automobile Transport Impact on the Environment and Labor Safety / V.A. Portola, A. Bobrovnikova, E. Murko // Proceedings of the 9th China-Russia Symposium "Coal in the 21st Century: Mining, Intelligent Equipment and Environment Protection", Qingdao, 18-21 октября 2018 года. – Atlantis Press: Atlantis Press, 2018. – P. 345-347. – DOI 10.2991/coal-18.2018.63.
13. Платформы и инициативы Сбера победили в премии «Наш вклад». Сберегаем вместе и другие проекты Сбера победили в премии «Наш вклад» // Сберегаем вместе: информационная платформа Сбера. – https://www.sberegaem-vmeste.ru/publications/sberegaem-vmeste-i-drugie-proekti-sbera-pobedili-v-premii-nash-vklad.
14. *Русавская, А.В.* Укрепление финансовой устойчивости регионов России для формирования единого экономического пространства / А.В. Русавская, Е.В. Мурко // Финансовый менеджмент. – 2025. – № 10. – С. 259-264.
15. В.В. Путин анонсировал структурную перестройку экономики и новые меры поддержки семей. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам от 08.12.25 г. // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78672.
16. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О защите персональных данных». Роскомнадзор – нормативно-правовые акты // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). – https://03.rkn.gov.ru/directions/personal_data/act/.
17. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Роскомнадзор – нормативно-правовые акты // Роскомнадзор – нормативно-правовые акты // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). – https://03.rkn.gov.ru/directions/personal_data/act.
18. Федеральный закон от 29.12.2025 г. № 568-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/docs/all/162842.
19. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/docs/all/129505.
20. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731.
21. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Официальный сайт Правительства России. – http://government.ru/info/35568.

Рустамова Л.Р.
к.полит.н., н.с. Центра постсоветских исследований Института мировой экономики
и международных отношений РАН
leili-rustamova@yandex.ru.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС ПО ЛИНИИ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ, ЕГО ВЛИЯНИЕ НА УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЪЕДИНЕНИИ

Ключевые слова: страны БРИКС, сотрудничество регионов, интеграционные процессы, парадипломатия.
Key words: BRICS countries, regional cooperation, integration processes, paradiplomacy.

Большое количество исследований на тему роли регионов и городов в мировой политике, их способности направлять международную повестку и выступать с инициативами в области глобального управления постепенно сделало их отдельным направлением дипломатии, получившим название парадипломатия. С развитием интеграционных процессов парадипломатия становится неотъемлемым элементом выстраивания более тесных экономических связей, гуманитарного сотрудничества, сближения политических и общественных кругов. Наиболее развиты парадипломатические связи между странами ЕС, на постсоветском пространстве и именно этому направлению посвящена значительная часть работ российских и зарубежных авторов. В работах В.В. Тевлиной[1], И.В. Рогачева, С.И. Шубиной[2], Г.О Ярового[3], А. Кузнецова[4] отмечается, что накопленный опыт взаимодействия регионов на постсоветском пространстве и в рамках приграничных программ сотрудничества с ЕС позволил России выстроить солидную базу участия своих регионов в организациях местного самоуправления, разработки программ улучшения текущих социально-экономических показателей жизни населения и развития территории регионов-участников парадипломатии, развития отраслей экономики. В связи с резко возросшим количеством участников и обострившейся торгово-экономической ситуацией в мире, вызванной санкциями США и Запада против России и ее торговых союзников обострилась необходимость развития этого направления в рамках БРИКС, на него стали возлагаться надежды на преодоление западных санкций, снижения уровня экономических угроз безопасности и построения более справедливых экономических отношений. О важности связей регионов, городов и муниципалитетов в рамках БРИКС для качественного роста показателей устойчивого развития его участников стали, в частности, говорить главы стран-учредителей В.Путин[5] и Н. Моди[6], что подтолкнуло к принятию конкретных инициатив по развитию парадипломатии в рамках блока. В последние годы стало развиваться институциональное оформление, призванное решить такие задачи парадипломатии в рамках БРИКС, как обмен успешными практиками и включение в деловую повестку обсуждения тем, актуальных для отдельных территорий.

Институциональное оформление парадипломатических связей начало формироваться с введением экономических мер давления, когда в 2019 г. был создан Международный муниципальный форум стран БРИКС (ММФ БРИКС), в котором субнациональные единицы – города и внутригосударственные регионы – подключаются к усилиям по стимулированию туризма и

[1] *Тевлина В.В.* Социально-культурное направление в трансграничной политике Норвегии и России на Крайнем Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3.

[2] *Рогачев И.В., Шубин С.И.* Арктические университеты России и Норвегии расширяют сотрудничество в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 194-196. – https://doi.org/10.17223/19988613/58/29.

[3] *Яровой Г.О.* Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де)секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2021. – Т. 14, вып. 2. – С. 156-181. – https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.203

[4] *Кузнецов А.* Перспективы еврорегионов с российским участием с учетом новаций региональной политики ЕС // Балтийский регион. – 2009. – № 2. – С. 39-45.

[5] https://tass.ru/politika/22199209.

[6] https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2267589&reg=3&lang=1.

межкультурного обмена, более эффективного управления общественным транспортом, переработки отходов и развития высокотехнологичных производств. Он стал инструментом сближения общественности стран объединения через установление личных контактов между муниципальными властями и населением в рамках сотрудничества породненных городов, дополнительной институциональной структурой и рассматривался российскими исследователями как неотъемлемая часть социально-гуманитарного взаимодействия, культурной и спортивной дипломатии БРИКС. В таком ключе Международный муниципальный форум стран БРИКС рассматривали в частности А.О. Наумов[1], Ю.В. Николаева Ю.В., Н.М. Боголюбова[2], О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова[3]. Однако постепенно и на межгосударственном уровне, и в рамках новых исследований стало отмечаться, что ММФ может быть инструментом горизонтальной интеграции, который дополняет традиционные межгосударственные отношения и служит драйвером присоединения большего количества государств к его отдельным инициативам по сокращению бедности, выходу на новые рынки, обмену технологий, поскольку парадипломатия позволяет искать ресурсы и пути решения локальных проблем регионов в условиях, когда у государства такие возможности отсутствуют[4]. В 2025 ММФ БРИКС собрал около 6 тысяч участников из 767 муниципалитетов и стал местом подписания более 70 соглашений о сотрудничестве, и это говорит о большом интересе к его проектам в области цифровизации, здравоохранения, внедрения зеленых технологий.

Города и регионы Бразилии, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, России, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии являются участниками международных организаций местного самоуправления глобального и регионального характера: С 40, Местные органы власти за устойчивое развитие (ICLEI), Metropolis (Всемирная ассоциация крупных мегаполисов), Объединенные города и местные власти. В этих организациях они получают доступ к передовым технологиям управления человеческими ресурсами и территориями в условиях современных вызовов крупным агломерациям, к достижениям целей устойчивого развития, снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду, встраиваются в сети связей чиновников местного самоуправления, общественных кругов, оказывающих влияние на политические процессы внутри своих стран, и имеют возможность переносить этот опыт и контакты в проекты и инициативы Международного муниципального форума стран БРИКС. В свою очередь, в рамках форума БРИКС, выступая с общими идеями и единым видением политических процессов и повестки, они способны распространять их на площадках глобальных организаций и таким образом распространить влияние БРИКС в мире, его видение мировых политических процессов. Практически каждый участник объединения входит в субрегиональные сети местных властей через свои субнациональные единицы. Так, бразильские города входят в организацию стран Южной Америки Mercociudades, города ЮАР в аналогичную структуру на пространстве Африки – SALGA (Южноафриканская ассоциация местного самоуправления) и, поскольку они проявляют заинтересованность в реализации проектов за пределами региона по линии «Юг-Юг»[5] они могут содействовать привлечению своих участников к сотрудничеству в рамках БРИКС через присоединение к проектам парадипломатии.

Расширение состава участников и введение формата БРИКС+ открыло новые возможности для России использовать опыт парадипломатии на постсоветском пространстве, компенсировать потери в поставках санкционных товаров, восполнять пробелы в культурной и развлекательной деятельности после приостановки парадипломатических проектов с европейскими регионами и городами. Для этих целей задействуются институциональные возможности парадипломати-

[1] *Наумов А.О., Наумова А.Ю., Белоусова М.В.* Культурная дипломатия группы БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – №100. С. 7-18. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-7-18.

[2] *Николаева Ю.В., Боголюбова Н.М.* БРИКС: От культурного сотрудничества к формированию общей внешней культурной политики // Латинская Америка. –2024. – № 1. – С. 96-110.

[3] *Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М.* Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС // Дискурс-Пи. – 2022. – № 3. – С. 101-121. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_101.

[4] *Рустамова Л.Р., Бахриев Б.Х.* Проблемы и перспективы использования инструментов культурной дипломатии БРИКС в контексте институционализации объединения // Управление и политика. – 2025. – № 4. – С. 25-47. – https://doi.org/10.24833/2782-7062-2025-4-4-25-47.

[5] *Кузнецов А.* Перспективы еврорегионов с российским участием с учетом новаций региональной политики ЕС // Балтийский регион. – 2009. – № 2. – С. 39-45.

ческих площадок пространства бывшего СССР – Совет по межрегиональному и трансграничному сотрудничеству СНГ, Евразийская экономическая комиссия. Мероприятия этих институциональных структур – деловые встречи, региональные ярмарки, объединяя представителей бизнес-кругов, властей регионов и городов, экспертов-международников, представителей СМИ, создают условия для привлечения инвестиций, знакомства с продукцией регионов, выяснения возможностей для расширения взаимной торговли. 21 июня 2024 года в рамках Саммита БРИКС в Казани Россия выступила инициатором создания отдельной площадки Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС+, куда сейчас входят 18 000 городов. Ассоциация призвана содействовать обмену передовым опытом в области муниципального управления, установления партнерских связей прежде всего городов, крупные города как административные центры, где сосредоточена экономическая, культурная жизнь и процессы управления внутригосударственных регионов, улучшают качество жизни и стимулируют экономическое и социальное развитие всех субъектов федераций, провинций, штатов унитарных государств.

Помимо таких объективных проблем в развитии внешних связей регионов и городов объединения, как отсутствие единой международной платежной системы внутри БРИКС, эффективной системы расчетов, связанных прежде всего с внешнеэкономическими отношениями, существуют объективные ограничения, которые затрудняют реализацию программ парадипломатии и выход российских субъектов на прямые контакты с субнациональными единицами Индии, Бразилии, ЮАР и новых участников. Среди них:

1) удалённость большинства субъектов РФ от новых потенциальных регионов-партнеров в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке;

Между большинством участников объединения достигнуты соглашения, облегчающие условия пребывания и въезда, есть соглашения о безвизовом режиме, налажено прямое регулярное авиасообщение, тем не менее, географическая удаленность и финансовые затраты на логистику затрудняют взаимные визиты как чиновников, так и общественных деятелей. С учетом того, что согласно российским нормативно-правовым актам, регулирующим выход регионов на международную арену, содержание торговых и иных представительств за рубежом и прочие траты на парадипломатические связи ложатся на плечи самих регионов, без субсидирования и непосредственной поддержки инициатив со стороны федерального центра их развитие сложно реализуемо.

2) отсутствие исторического опыта взаимодействия регионов ряда государств БРИКС друг с другом и, как следствие, отсутствие необходимого задела для выстраивания отношений на основе общей культуры, исторических традиций, языковой, религиозной близости и т.д., которые, как правило, создают наиболее прочные основы для поддержания долгосрочных и устойчивых отношений.

За последние годы российские города устанавливали побратимские и межрегиональные связи преимущественно с китайскими городами и провинциями (например, в 2022 г. Нижний Новгород побратался с Харбином, Арзамас с Хуаншанем, Таганрог с Цзинином, Вознесенский муниципальный район заключил соглашение с уездом Шанчжи, в 2023 году состоялось установление побратимских связей между Каширой и Шоугуанем, Сергиевым-Посадом и Вэйхайем, Ступино и Циндао). Создание таких каналов связи регионов и городов стран БРИКС, как Международный муниципальный форум стран БРИКС привело к тому, что российские субнациональные единицы заключили ряд знаковых соглашений с Бразилией, Индией, ЮАР, Ираном, а также установили побратимские связи между городами: Ессентуками и Триссуром (Индия), Москвой и Сан-Паулу (Бразилия), Москвой и Алжиром (Алжир), Москвой и Тегераном (Иран). Согласно официальным данным такие связи растут: в 2024 году власти российских регионов заключили на 38% больше соглашений с партнёрами по БРИКС, чем в 2023 году[1], однако значительная часть партнёрского взаимодействия происходит в рамках общебриксовских мероприятий: Международный фестиваль театральных школ стран БРИКС, BRICS+ Fashion Summit, Международный фестиваль «Интермузей.БРИКС+», Международный фестиваль искусств стран БРИКС (BRICSART), Зимний фестиваль спорта и культуры БРИКС+ или таких глобальных российских проектов, как «Русские сезоны» не основана на исторических корнях или общей для регионов идентичности. Исключением является сотрудничество между бразильским городом Кампина-дас-Миссойнс

[1] https://www.economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_sotrudnichestvo_rossiyskih_gorodov_i_municipalitetov_so_stranami_briks_neobhodimo_dlya_ustoychivogo_razvitiya_regionov_rossii.html?ysclid=mq5tdfqxm1304106607.

(штат Риу-Гранди-ду-Сул), основанным русскими эмигрантами, и Иркутском, которое началось в 2022 году и стало результатом личной инициативы потомка русских переселенцев в Бразилию Эдгара Кавалейро, организовавшего фотовыставку, посвященную жизни небольшой русской общины в бразильской глубинке[1]. Поиск основ для долгосрочных контактов, которые ведут к выстраиванию сети связей по линии более широкой общественности, более тесной интеграции в экспортно-импортных отношениях, должен стать приоритетом при принятии решений о заключении соглашений, потому что в таком случае побратимские связи и межрегиональное взаимодействие менее подвержены конъюнктуре межгосударственных отношений, что в 2022 году серьезно отразилось на парадипломатических связях российских и европейских регионов.

3) участниками БРИКС являются крайне дифференцированными с точки зрения формы территориального устройства, нормативно-правового регулирования выхода субнациональных единиц на международную арену, политической и экономической системы, что отражается на степени заинтересованности государств оказывать финансовую поддержку внешнеполитической активности своих субнациональных единиц.

Исследователи относят БРИКС к «азиатскому» типу регионализма[2], где неформальный характер отношений, отсутствие большого количества институтов, гибкость форм сотрудничества с внешними партнерами позволяет на основе общих интересов относительно быстро принимать решения, рассматривать вовлечение таких негосударственных акторов, как бизнес-компании и общественные круги в политические процессы как условие, содействующее внешней политике. Большинство ключевых участников БРИКС рассматривают парадипломатию как инструмент сближения внутри БРИКС и продвижения собственных внешнеполитических и внешнеэкономических целей. Так, Китай активно поощряет свои провинции и города участвовать в культурно-гуманитарной дипломатии, проектах «умных городов» БРИКС, рассматривая их в качестве драйверов глобального проекта «Один пояс, один путь»[3]. Индия заинтересована в том, чтобы штаты участвовали в технологическом обмене, вовлечении молодежи в сеть международных связей Индии с другими государственными и негосударственными игроками[4]. Бразилия поощряет децентрализованное сотрудничество своих регионов, рассчитывая на усиление взаимодействия по линии Юг-Юг и решения проблем, характерных именно для развивающихся стран[5]. Для недавно присоединившихся участников и участников БРИКС+ большим стимулом к участию в парадипломатических связях становится дополнительное финансирование проектов инфраструктуры и управления территориями через Новый банк развития БРИКС (НБР БРИКС), который начал поддерживать субнациональные инициативы, особенно в областях, оказывающих значительное влияние на экономическое и социальное развитие. Центральное положение НБР в недавно созданной Ассоциации городов и муниципалитетов стран БРИКС+ отражает основную мотивацию парадипломатии в странах Глобального Юга[6].

Наконец, объективными препятствиями на пути общения между странами являются языковой барьер, нюансы законодательства участников объединения при заключении соглашений о сотрудничестве.

Заключение

Сотрудничество регионов как субнациональных единиц государств обычно рассматривается как второстепенный по степени важности элемент сотрудничества государств, который отдается

[1] https://tvbrics.com/news/u-irkutska-poyavitsya-gorod-pobratim-v-brazilii.

[2] *Лагутина М.Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Международная аналитика. – 2022. – № 1. – С. 66-82. – https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-66-82.

[3] *Liu X., Thomas N.* China's paradiplomacy: a pilot study of subnational relations with neighboring countries on and off the BRI // Frontiers in Political Science. – 2025. –Vol. 7, November. – https://doi.org/10.3389/fpos.2025.1666964.

[4] *Kumar S., Agarwal M.* Empowering the Global South: India's BRICS Presidency – Policy. Priorities and the Way Forward // RIS Policy Brief. – 2025. – N 125, December. – 12 p.

[5] *Balbim R.* City Networks and Diplomacy // Boletim de Economia e Política Internacional. – 2023. – N 37. – P. 11-34.

[6] *Dias K.A. da N.* A Associação de Cidades e Municípios BRICS+: Paradiplomacia e o Novo Banco de Desenvolvimento // Conjuntura Internacional. – 2026. – N 1. – P. 52–67. – https://doi.org/10.5752/P.1809-6182.2025v22n1p52-67.

на откуп институтам общественной дипломатии, однако на примере БРИКС видно, что взаимодействие между регионами дает дополнительные возможности для снижения экономических угроз, преодоления дипломатической и экономической изоляции в эпоху санкций и роста протекционистских мер, помогает усилить интеграционные процессы и способствует политическому сближению государств.

Севостьянов В.Л.
к.т.н., академик Российской академии естественных наук и Международной академии информатизации,
руководитель Экспертно-аналитического центра общественного объединения
«Федеральный консультативный совет»

НОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ОТРАСЛЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЛАНИРОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ – ФАКТОР ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ДЕМОГРАФИИ СТРАНЫ

Ключевые слова: глобализация экономики; внешнеторговая деятельность; социально-экономическая инфраструктура; транспортные коридоры; экономические санкции; международный терроризм.
Key words: economic globalization; foreign trade; socio-economic infrastructure; transport corridors; economic sanctions; international terrorism.

Неоспорима актуальность совершенствования распределения экономической активности по территории нашей страны. Освоение малонаселенных и недостаточно развитых территорий диктуется как чисто экономическими, так и геополитическими и военными соображениями. Однако мы до сих пор не воплотили в жизнь предсказание М.В. Ломоносова о том, что «богатство России Сибирью прирастать будет». Это отражается, в частности, в том, что наряду с общим снижением численности населения России стремительно убывает заселенность большинства районов Сибири и Дальнего Востока. А между тем имеются факторы, позволяющие использовать достижения научно-технического прогресса для решения и этих задач.

Примером учета новых экономических и технологических реалий может служить формирование мощной базы производства востребованного на мировом рынке товара – сжиженного газа – вблизи района его добычи на Ямале и порта Сабетта на важнейшем для нас международном транспортном коридоре – Северном морском пути .При этом решаются задачи сокращения транспортного плеча от месторождений до трассы магистральных перевозок, снижается расход энергии на замораживание добываемого природного газа как сырья.

Новые технологии со временем позволят существенно изменить сам подход к размещению производств – например, применение 3D-технологий в строительстве даст возможность максимально приблизить производство строительных конструкций к месту возведения сооружаемых объектов – вплоть до стройплощадки. Это не только резко сокращает транспортные расходы, но также и трудозатраты, сводя строительные работы на площадке возводимого объекта к монтажу готовых деталей.

Целый ряд современных производств требует больших энергоресурсов. Так, работы по использованию искусственного интеллекта с применением соответствующих баз данных требуют формирования DATA-центров, поглощающих при эксплуатации большие запасы электроэнергии. Следовательно, такие центры целесообразно размещать вблизи крупных электростанций (прежде всего ГЭС и АЭС).

Это следует отнести также и к задачам экономического возрождения новых российских регионов – Донбасса и Новороссии. Так, выключенная сейчас из процесса производства электроэнергии Запорожская АЭС является де-факто планово-убыточным предприятием. Не секрет, что её номинальная мощность превосходит нынешние потребности региона. Следовательно, на её базе целесообразно организовать создание DATA-центров и ферм майнинга криптовалют. Если формировать их с привлечением зарубежного капитала, то это послужит дополнительной гарантией от криминальных посягательств на АЭС из-за границы.

Новые агломерации на вновь осваиваемых территориях могут формироваться и как специализированные кластеры высокотехнологичных производств – точками «кристаллизации» в этом случае могут стать новые наукограды и учебные центры – положительных примеров много как за рубежом (включая «Кремниевую долину» в Калифорнии), так и у нас (Дубна, Новосибирск и т.д.).

На пути реализации новых масштабных планов пространственного развития экономики на основе научно-технологического прогресса следует преодолеть ряд тормозящих дело недостатков организационного и правового характера. Наши усилия следует направить прежде всего на интеграцию интеллектуального потенциала, «разбросанного» не только географически, но и по отраслям. Целесообразно увязать имеющиеся проекты технологического лидерства с Национальными проектами, координировать инновационную деятельность Федеральных университетов и Федеральных научных центров; надо решительнее формировать междисциплинарные научные учреждения.

Раньше говорили, что «скрепами» страны является система «рельсы-трубы – провода», т.е. совокупность транспортных путей, энергетических линий, а также сооружений и каналов связи. Достижения научно-технического прогресса позволяют эффективно реконструировать и обновить инфраструктуру экономики, что позволит решать социальные задачи.

Следует отметить, что современные ИКТ позволяют наладить беспрепятственные информационные обмены на практически любом удалении и почти во всех регионах, что умножает варианты географического размещения учреждений науки и высокотехнологичных производств. В этом отношении стоит упомянуть, что совершенно необязательно концентрировать интеллектуальный потенциал страны в нескольких крупнейших мегаполисах, которые разрастаются до циклопических размеров. К сожалению, в значительной мере эта модель реализуется в Москве. Целесообразно распределить хотя бы часть многообразных функций государственного центра. В области информационных коммуникаций актуальнейшей государственной задачей является создание отечественной системы низкоорбитальных спутников мониторинга и связи двойного назначения (гражданского и военного) – аналога американской системы «Стар Линк». Это обеспечит население широкополосным Интернетом, в т.ч. в удаленных и малонаселенных районах. Конструктивные разработки уже нашли воплощение – начато развертывание системы «Рассвет», но необходимо оперативно наращивать спутниковую группировку.

Исключительно важна роль развития «транспортного каркаса» страны –совокупности магистральных автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей (рек и каналов), трубопроводной и аэродромной сети (в нашей стране до сих пор много мест, куда «только самолетом можно долететь»). Необходимо признать – нынешние темпы строительства железных дорог существенно уступают советским, а водному сообщению несколько десятилетий не уделялось практически никакого внимания. Из истории известно, что именно транспортные узлы на пересечении торговых путей (начиная с древних караванных троп) становились центрами экономической и социальной активности, которые развивались вплоть до мегаполисов. И в настоящее время транспортные хабы могут вдохнуть новую жизнь в слаборазвитые регионы.

Развитие народного хозяйства невозможно без обеспечения энергоресурсами, следовательно, необходимо решительное наращивания генерирующих мощностей, прежде всего электростанций. Но это не предусматривается существующими государственными документами, что не обходимо срочно исправить. В отличие от ряда западных стран, спешащих осуществить мнимый «зеленый энергопереход», уже доказавший свою несостоятельность, в нашей стране приоритет следует отдать развитию ГЭС и АЭС. Следует иметь в виду, что современные технологии позволяют обеспечить высокие экологические стандарты даже на угольных электростанциях (это показывает опыт Китая).

Отдельно стоит рассмотреть развитие сельских поселений.

В интересах более равномерного развития пространства страны государству целесообразно стимулировать не столько формирование многоэтажных «человейников», сколько создание малоэтажных (коттеджных) поселков, создающих условия для более комфортного семейного проживания, что будет одновременно способствовать улучшению демографической ситуации. Нам необходимо продолжить развитие отечественного сельского хозяйства и медицины на основе развития биотехнологий. При этом можно приступить к масштабированию формирования новых биоэкопоселений. Конечно, там могут найти применение и методы «умной» конверсии достижений отечественного ОПК. Так, энергоснабжение таких биоэкопоселений (в том числе в удаленных и труднодоступных районах) можно осуществлять от микро-АЭС на базе компактных атомных энергетических блоков, созданных для систем «Посейдон» и «Буревестник».

Спасенов А.Ю.
магистр, руководитель проектов ООО «Тэктис»

Русавская А.В.
д.э.н., профессор, в.н.с. Университета мировых цивилизаций

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КООПЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: региональная экономика, устойчивость региональных экономических систем, межрегиональная кооперация, цифровые платформы, пространственное развитие, цифровизация, региональная связанность, межрегиональное сотрудничество.

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется одновременным воздействием внешних ограничений и внутренних структурных дисбалансов. Усиление санкционного давления, трансформация логистических и производственных цепочек, неравномерность распределения инфраструктурных и технологических ресурсов, а также различия в уровне цифровой зрелости субъектов Российской Федерации усиливают требования к устойчивости региональных экономических систем. В таких условиях устойчивость региона определяется не только наличием собственного ресурсного потенциала, но и способностью встраиваться в более широкие кооперационные контуры, обеспечивающие гибкость, связанность и адаптацию к внешним шокам.

В нормативном поле данная проблематика соотносится с положениями Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309, а также Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, в которых акцентируется необходимость повышения связанности территорий, сокращения межрегиональных диспропорций и формирования условий для устойчивого развития страны [1-3].

Особое значение в указанных условиях приобретает межрегиональная кооперация. Она позволяет регионам не только компенсировать дефицит отдельных факторов развития, но и совместно формировать новые источники роста – инфраструктурные, инвестиционные, технологические и кадровые. Однако традиционные механизмы координации межрегионального взаимодействия часто оказываются инерционными, фрагментарными и затратными. Это уси-

ливает запрос на цифровые инструменты, обеспечивающие оперативный обмен информацией, синхронизацию решений и прозрачность взаимодействия между участниками кооперации.

Цифровые платформы в данном контексте следует рассматривать не просто как технологическую оболочку для обмена данными, а как особый институциональный механизм согласования интересов и действий территорий, бизнеса, институтов развития и органов власти. Через платформенные решения возможно формирование единого цифрового пространства межрегионального взаимодействия, в котором снижаются транзакционные издержки, ускоряется запуск совместных проектов и повышается управляемость сложных территориально распределенных процессов.

Целью статьи является обоснование роли цифровых платформ межрегиональной кооперации в обеспечении устойчивости региональных экономических систем и определение ключевых направлений их практического использования в системе регионального управления. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: уточняется содержание устойчивости региональных экономических систем; раскрывается место межрегиональной кооперации в механизме устойчивого развития; анализируются функции цифровых платформ; выявляются эффекты и ограничения платформизации; формулируются практические предложения по развитию платформенных механизмов в региональной политике. Взаимосвязь инфраструктурных факторов и устойчивости региональных экономических систем получила развитие в ранее проведенных исследованиях, где обоснована ключевая роль инфраструктурных инвестиций как системообразующего фактора устойчивости региональной экономики [10].

1. Устойчивость региональных экономических систем и роль межрегиональной кооперации

В научной литературе устойчивость региональной экономической системы обычно трактуется как способность региона сохранять функциональную целостность, обеспечивать воспроизводство ключевых ресурсов и адаптироваться к изменяющимся внешним и внутренним условиям без утраты потенциала развития. Такая трактовка предполагает, что устойчивость не сводится к краткосрочной стабильности макропоказателей. Речь идет о более сложной характеристике, включающей структурную сбалансированность экономики, устойчивость занятости, гибкость отраслевой специализации, качество институтов, экологические ограничения и уровень инфраструктурной обеспеченности.

Для современной России особую значимость имеет пространственный аспект устойчивости. Регионы существенно различаются по плотности экономической активности, транспортной доступности, доступу к инвестициям и инновациям, кадровому обеспечению и уровню цифровой инфраструктуры. Вследствие этого один и тот же внешний шок по-разному воздействует на региональные системы: для одних территорий он становится стимулом перестройки, для других – фактором углубления зависимости и снижения адаптивности. Следовательно, устойчивость не может рассматриваться исключительно как внутреннее свойство отдельного региона; она во многом определяется характером его связей с другими территориями.

Межрегиональная кооперация в данном случае является не вспомогательным, а системообразующим фактором. Она создает возможности для совместного использования производственной, транспортной, инновационной и кадровой инфраструктуры, а также для перераспределения рисков между участниками взаимодействия. Кооперация позволяет формировать более длинные и устойчивые цепочки добавленной стоимости, расширять рынки сбыта и обеспечивать более быстрое тиражирование управленческих и технологических решений. В этом смысле устойчивость усиливается через связанность – чем плотнее и качественнее межрегиональные связи, тем выше способность национального экономического пространства компенсировать локальные сбои и дисбалансы.

Вместе с тем межрегиональная кооперация в России по-прежнему сталкивается с рядом ограничений. К ним относятся конкуренция регионов за инвестиции и налоговую базу, различия в нормативной и институциональной среде, слабая согласованность стратегических документов, низкая сопоставимость информационных систем и дефицит инструментов постоянной координации. Именно на преодоление этих ограничений могут быть ориентированы цифровые платформы, являющиеся средством регулярного взаимодействия и согласования экономических решений.

2. Цифровые платформы как механизм межрегионального взаимодействия

В последние годы цифровые платформы стали одним из наиболее обсуждаемых инструментов трансформации экономических отношений. Их значение выходит далеко за пределы электронной коммерции или автоматизации отдельных бизнес-процессов. Платформа объединяет множество участников, задает стандарты обмена данными, снижает издержки поиска партнеров и обеспечивает сетевые эффекты, при которых ценность системы возрастает по мере расширения числа пользователей [6; 8]. Для межрегиональной кооперации это особенно важно, поскольку взаимодействие между территориями по своей природе является распределенным, многоуровневым и требующим постоянного согласования.

Применительно к региональной экономике цифровая платформа может выполнять несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, она обеспечивает информационную функцию: аккумулирует данные о проектах, ресурсах, компетенциях, инфраструктуре и мерах государственной поддержки. Во-вторых, она выполняет координационную функцию, позволяя участникам синхронизировать инвестиционные, производственные и логистические решения. В-третьих, платформа реализует транзакционную функцию, создавая среду для заключения соглашений, обмена услугами, поставками и совместного участия в проектах. В-четвертых, она может выполнять аналитическую функцию, поддерживая мониторинг и оценку эффективности межрегионального взаимодействия [4].

Особый интерес представляют платформы, способные объединять не только хозяйствующих субъектов, но и органы власти, институты развития, университеты, научные организации и инфраструктурных операторов. В таком случае платформа становится элементом институциональной архитектуры регионального развития. Через нее возможно согласование приоритетов пространственной политики, координация мер поддержки, отбор совместных проектов и мониторинг их результатов. Тем самым цифровая платформа формирует новый уровень управляемости межрегиональной кооперации.

В логике устойчивого развития наиболее значимыми являются платформы, обеспечивающие работу с трансрегиональными цепочками добавленной стоимости. Они позволяют регионам комбинировать специализации, избегать дублирования функций и быстрее формировать производственные контуры, ориентированные на внутренний рынок и импортонезависимость. Кроме того, платформы содействуют развитию межрегиональных кластеров, индустриальных коопераций, совместной логистики и обмена квалифицированными кадрами. В условиях внешней неопределенности эти инструменты снижают чувствительность регионов к разрывам цепочек поставок и повышают скорость адаптации к новым рынкам и партнерам.

Таблица 1

Основные эффекты и ограничения цифровых платформ межрегиональной кооперации

Блок анализа	Положительные эффекты	Основные ограничения
Информационная функция	ускорение обмена данными о ресурсах, проектах, компетенциях и мерах поддержки	неполнота и несопоставимость региональных данных
Координация проектов	снижение времени согласования и рост прозрачности взаимодействия участников	различия в приоритетах регионов и слабая регламентация совместных решений
Транзакционная среда	расширение доступа МСП к межрегиональным рынкам и партнерам	цифровое неравенство и дефицит компетенций пользователей
Аналитика и мониторинг	возможность оценки KPI, прогнозирования рисков и корректировки политики	недостаточная интеграция с государственными информационными системами

Составлено авторами.

3. Влияние платформизации на устойчивость региональных экономических систем

Воздействие цифровых платформ на устойчивость региональных экономических систем проявляется по нескольким направлениям. Прежде всего речь идет о снижении транзакционных издержек. В межрегиональном взаимодействии значительная часть затрат связана с поиском контрагентов, согласованием условий сотрудничества, проверкой достоверности информации и сопровождением совместных проектов. Платформа стандартизирует эти процессы и тем самым повышает скорость и предсказуемость взаимодействия. Для регионов это означает сокращение времени реакции на шоки и более быстрое перераспределение ресурсов в пользу приоритетных направлений.

Второе направление связано с повышением прозрачности и управляемости межрегиональных связей. При наличии единого цифрового контура становится возможным мониторинг не только взаимодействия, но и его экономического результата – объема совместных проектов, структуры кооперационных связей, динамики участия бизнеса, показателей загрузки инфраструктуры. Такая аналитика особенно важна для органов публичной власти, поскольку позволяет принимать решения не на основе фрагментарной отчетности, а на основе данных, приближенных к реальному времени. Следовательно, цифровые платформы повышают качество стратегического и оперативного управления пространственным развитием.

Третье направление касается диверсификации региональных экономик. Платформенная кооперация облегчает доступ предприятий к межрегиональным рынкам, позволяет находить новых поставщиков и заказчиков, а также включаться в смежные сегменты цепочек добавленной стоимости. Это снижает зависимость регионов от узкой отраслевой специализации и расширяет спектр возможных траекторий адаптации. Для территорий с ограниченной внутренней емкостью рынка такой эффект имеет принципиальное значение, поскольку открывает новые возможности роста без необходимости полного переноса центра активности внутрь одного региона [11].

Четвертое направление связано с развитием инновационного потенциала. Цифровые платформы создают среду, в которой быстрее распространяются знания, технологии и управленческие практики. Регион получает доступ не только к товарам и услугам, но и к компетенциям, научным разработкам, образовательным программам, сервисам проектирования и инжиниринга. В результате формируется более плотная сеть обмена нематериальными ресурсами, а это усиливает долгосрочную устойчивость экономики, особенно в отраслях, ориентированных на технологическое обновление.

Однако платформизация межрегиональной кооперации не является автоматически положительным процессом. Существуют риски, связанные с концентрацией данных и инфраструктурной власти у ограниченного круга операторов, зависимостью от несовместимых программных решений, уязвимостью к киберугрозам, а также с возможностью воспроизводства уже имеющихся территориальных дисбалансов. Более цифровозрелые регионы способны быстрее извлекать выгоды из платформ, тогда как менее развитые территории рискуют закрепиться в роли периферийных участников. Следовательно, для достижения эффекта устойчивости требуется не просто внедрение цифровой платформы, а ее институционально выверенное встраивание в систему региональной политики.

4. Практические направления развития цифровых платформ межрегиональной кооперации

С практической точки зрения развитие цифровых платформ межрегиональной кооперации должно строиться на нескольких принципах. Первый принцип – межуровневая интеграция. Платформа не должна ограничиваться взаимодействием между хозяйствующими субъектами; в нее должны быть встроены органы исполнительной власти, институты развития, отраслевые центры компетенций, образовательные и научные организации. Это позволяет синхронизировать проектную, финансовую, кадровую и инновационную составляющие сотрудничества.

Второй принцип – модульность и адаптивность. Универсальная платформа для всех регионов в одинаковом формате вряд ли будет эффективной. Существенные различия в отраслевой

структуре, инфраструктуре и приоритетах развития требуют возможности адаптации платформенного решения к специфике макрорегионов, агломераций и отдельных групп субъектов Федерации. Оптимальным представляется создание базового цифрового ядра с возможностью подключения отраслевых и территориальных модулей – логистических, инвестиционных, кадровых, кластерных, экспортных.

Третий принцип – сопоставимость данных и стандартов. Без единой методологии обмена информацией цифровая платформа превращается в набор несвязанных интерфейсов. Поэтому важнейшим условием является выработка общих стандартов описания проектов, ресурсов, компетенций, мер поддержки и результатов реализации. Это повысит сопоставимость региональной информации и обеспечит основу для аналитики, прогнозирования и оценки KPI межрегионального сотрудничества.

Четвертый принцип – ориентация на прикладной результат. Платформа должна не просто фиксировать взаимодействие, а обеспечивать достижение измеримых экономических эффектов – рост числа межрегиональных проектов, увеличение загрузки инфраструктуры, расширение участия МСП в кооперации, ускорение запуска производственных цепочек, рост инвестиций и занятости. Иначе цифровизация останется формальной. Для этого необходима привязка платформенных сервисов к реальным управленческим и предпринимательским задачам [8].

Важным направлением может стать создание пилотных платформ в макрорегионах с высоким потенциалом кооперации: например, в пространствах, где уже существуют устойчивые транспортные связи, промышленные компетенции и взаимодополняющие специализации. На первом этапе такие решения могут быть ориентированы на промышленную кооперацию, логистику, обмен данными о производственных мощностях, совместную подготовку кадров и сопровождение инвестиционных проектов. На втором этапе возможно расширение функционала до уровня цифровой экосистемы пространственного развития.

Для государства это означает необходимость перехода от поддержки отдельных цифровых сервисов к формированию институциональной среды платформенной кооперации. Такая среда включает нормативное закрепление правил обмена данными, защиту информации, поддержку интеграции региональных систем, стимулирование участия бизнеса и институтов развития, а также подготовку кадров, способных сопровождать платформенные проекты. Только при наличии подобной среды цифровая платформа сможет стать устойчивым механизмом межрегионального взаимодействия, а не временным технологическим экспериментом.

Заключение

Таким образом, цифровые платформы межрегиональной кооперации следует рассматривать как перспективный инструмент повышения устойчивости региональных экономических систем. Их значение определяется способностью соединять территориально распределенных участников, обеспечивать прозрачность и предсказуемость взаимодействия, снижать транзакционные издержки и поддерживать формирование новых цепочек создания стоимости.

Платформизация межрегионального сотрудничества не заменяет институциональные механизмы пространственного развития, но существенно усиливает их результативность. При корректном проектировании и государственном сопровождении цифровые платформы могут стать важным элементом современной региональной политики, ориентированной на связанность, кооперацию и адаптивность экономического пространства России.

Научная значимость рассмотренного подхода состоит в расширении представлений о цифровой платформе как о самостоятельном организационно-экономическом механизме устойчивости. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов при разработке стратегий регионального развития, программ цифровой трансформации и инструментов поддержки межрегиональных проектов. В дальнейшем данная проблематика может быть развита в диссертационном исследовании через разработку методики оценки результативности платформенной кооперации и апробацию модели на примере конкретных регионов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года.
4. *Гранберг, А.Г.* Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.
5. *Клейнер, Г.Б.* Системная экономика. – М., 2021.
6. *Паркер, Дж., ван Альстайн, М., Чаудари, С.* Революция платформ. – М., 2017.
7. *Портер, М.* Международная конкуренция. – М., 2016.
8. *Кастельс, М.* Информационная эпоха. – М., 2000.
9. *Полтерович, В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 4.
10. *Русавская, А.В., Спасенов, А.Ю.* Роль инфраструктурных инвестиций в повышении устойчивости региональных экономических систем стратегических территорий России (на примере Дальневосточного федерального округа) // Финансовый менеджмент. – 2026. – № 3.
11. *Татаркин, А.И.* Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система // Экономика региона. – 2011. – № 1.

Тришкин Б.В.
к.б.н., старший преподаватель, Брянский филиал Российского экономического университета
botri77@gmail.com

Жирина Л.С.
к.б.н., доцент, координатор, Брянская региональная общественная организация «Виола»
zhirina@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ И МОНОГОРОДОВ В УСЛОВИЯХ ESG-ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: старопромышленные районы, моногорода, Мальцовский промышленный округ, устойчивое развитие.
Ke ywords: old industrial areas, single-industry towns, Maltsovsky industrial district, sustainable development.

Для достижения целей устойчивого развития в современном обществе происходит глобальная перестройка, в основе которой лежат принципы ESG. В условиях объективного неравенства стартовых возможностей различных территорий возникают специфические проблемы, связанные с модернизацией общественного устройства. Одним из типов таких отстающих территорий являются старопромышленные районы – территории, в которых индустриальное развитие началось в XVIII веке. К настоящему времени эти территории имеют ряд схожих черт – технологическую отсталость производственных мощностей, значительное изменение ландшафта и экосистемы, экономический упадок и риск развития кризиса.

Старопромышленные районы встречаются в различных странах, в том числе и странах БРИКС: Северо-Восток (Дунбэй) Китая, Штаты Джаркханд и Западная Бенгалия в Индии; штат Минас-Жерайс в Бразилии, Урал и Кузбасс в России. Для старопромышленных районов харак-

терно наличие моногородов сконцентрированных вокруг ресурсных центров и производства на их основе [1, с. 2386].

Современные исследования проблем старосоветских территорий строятся в основном на анализе регионального уровня и исследованиях крупных населенных пунктов, в то время как в России насчитывается 321 моногород, в которых проживает 10% населения страны. В связи с этим актуальным уровнем исследования старопромышленных территорий и моногородов является муниципальный уровень [4, с. 105].

Мальцовский промышленный округ – территория, сформированная в ходе становления промышленного капитализма на территории центральной России. В состав территории входят заводские поселки, созданные династией предпринимателей Мальцовых в XVIII-XIX веках. В настоящее время данная территория большей частью входит в состав Дятьковского муниципального района Брянской области. Здесь находятся 6 из 8 городских поселений, выросших из заводских поселков. Еще два находятся на территории Калужской области. Основная специализация – стекольная, чугунолитейная и машиностроительная отрасли. Особенностью территории является то, что в советский период специализация, заложенная предпринимателями Мальцовыми, сохранилась и углубилась; на территории округа в 80-е годы XX века начала формироваться Брянско-Людиновская городская агломерация [7, с. 45]. В табл. 1 представлены этапы формирования Мальцовского промышленного округа.

Таблица 1

Формирование Мальцовского промышленного округа

№ п/п	Название населенного пункта	Дата основания		Статус городского поселения
1	Дятьково	1626		1924 ПГТ (1938 город)
2	Фокино	1899		1929 рабочий поселок (с 1964 г. – город)
3	Любохна	1626		1939 ПГТ
4	Ивот	1785		1929 ПГТ
5	Старь	1785		1927 ПГТ
6	Бытошь	1626		1929 ПГТ
7	Людиново	1626		1738 рабочий поселок (с 1939 г. – город)

Источники: [9, 10, 11, 12, 13]

На основе табл. 1 можно четко выделить этапы формирования промышленного округа, его урбанизацию и начало формирования агломерации. В табл. 2 представлена характеристика производственного комплекса исторически сформировавшегося на территории Мальцовского промышленного округа – современного Дятьковского района Брянской области и Людиновского района Калужской области. Следует учитывать, что в ходе развития территории крупные поселки поглощали более мелкие, например, Сукремль вошел в состав Людиново; Старое Дятьково, Белая речка, Чижовка и Псурский хутор вошли в состав г. Дятьково. Таким образом, можно сделать вывод, что промышленное развитие территории сформировало каркас расселения и переопределило его развитие в индустриальную эпоху. С переходом экономики в постиндустриальную стадию на данной территории возникли социально-экономические проблемы весьма типичные для старопромышленных территорий – спад промышленного производства, отток населения, сокращение экономической активности в целом [3, с. 261].

Характеристика современного промышленного комплекса Мальцовского промышленного округа представлена в табл. 2. В первую очередь рассматривались исторически сложившиеся предприятия, которые сформировали промышленную специализацию промышленного округа, а именно их современное состояние. На основе анализа Инвестиционного паспорта Дятьковского района анализировались государственные программы поддержки предприятий. Анализировались только населенные пункты, входящие в состав Дятьковского муниципального района, что

представляется целесообразным, учитывая специфику административного управления территорией.

Анализ промышленного комплекса показал, что современные предприятия, возникшие на основе советских градообразующих фабрик, находятся в упадке и утратили статус градообразующих. Эти предприятия можно отнести к категориям малого и среднего бизнеса, а некоторые, в целом, прекратили свою работу.

Таблица 2

Характеристика современного промышленного комплекса Мальцовского промышленного округа

№ п/п	Название населенного пункта	Историческая отрасль промышленности	Основные градообразующие предприятия	Современное состояние	Примечание
1	Дятьково	Стекольная (производство хрусталя)	ООО «Дятьковский хрустальный завод», ООО «Дятьковское стекло», ООО «Дятьково-ДОЗ» ООО «ДХЗ плюс»		Промышленный туристический кластер «Хрустальный город»
2	Фокино	Цементная	АО Мальцовский Портландцемент		категория монопрофильных муниципальных образований (моногородов)
3	Любохна	Чугунолитейная	ОАО «Сантехлит»	Предприятие закрыто, корпуса снесены	категория монопрофильных муниципальных образований (моногородов)
4	Ивот	Стекольная	АО «Ивотстекло»		категория монопрофильных муниципальных образований (моногородов)
5	Старь	Стекольная	ОАО «Старьстекло»; ООО «Черняитинский стекольный завод»	Приостановка деятельности ОАО «Старьстекло»	категория монопрофильных муниципальных образований (моногородов)
6	Бытошь	Стекольная	ООО «Микросфера»		

Источники: [9, 10, 11, 12, 13]

Анализ нормативных документов показал, что подход к формированию инвестиционного предложения от муниципальных органов власти строится на сырьевой и индустриальной основе, что в корне неверно. Сложившийся и пришедший в упадок промышленный комплекс территории уже базировался на индустриально-сырьевой основе, в связи с чем, при поиске верной стратегии развития территории, нужно опираться на иные ресурсы нежели на ископаемое сырье [2, с. 275].

В частности, на данной территории сформировался уникальный селитебный ландшафт. А именно для обеспечения мануфактурного, а позднее фабричного производства водой на реке Болве и ее притоках, было сформировано большое количество гидротехнических сооружений. В XIX веке по измененному руслу Болвы ходили пароходы, в настоящее время это выражено в ландшафте спрямленными участками реки и большим количеством запрудных озер. В округе есть база для развития лесного комплекса – отрасли, использующей возобновляемые ресурсы. И самое главное – это человеческий капитал. Несмотря на систематическое сокращение численности населения в городах и поселках района, численность трудовых ресурсов находится на высоком уровне.

Однако занятость населения представляет собой существенную проблему. В табл. 3 представлен анализ развития предприятий малого и среднего бизнеса местной локализации и занятость в них местного населения.

Таблица 3

Развитие МСП в Мальцовском промышленном округе

№ п/п	Название населенного пункта	Кол-во предприятий, ед.	Общая численность работающих, чел.	Численность населения населенного пункта 2025 г., чел.	Доля работающих на местных предприятиях к численности Н.П., %	Количество предприятий МСП на 1000 жителей, ед.
1	Дятьково	138	1 800	24 278	7,4	5,7
2	Фокино	20	1 470	12 104	12,1	1,7
3	Любохна	6	180	4 774	4	1,3
4	Ивот	4	160	6 314	2	0,6
5	Старь	10	138	4 182	3	2,4
6	Бытошь	4	177	4 450	4	0,8

Источники: [9,10, 11, 12, 13]

Как видно из табл. 3, доля занятого в секторе МСП крайне невелика, при том, что средняя занятость по району составляет 59,6%, в реальном секторе экономики трудится от 2 до 12 процентов всех трудоустроенных, уровень безработицы в районе составляет 2,3%. Такое положение дел свидетельствует, что большая часть трудовых ресурсов Мальцовского муниципального округа работает за пределами данной территории, осуществляя маятниковые трудовые миграции (ежедневно в областной центр или более длительные – за пределы региона). Также следует отметить, что в табл. 4 учтены и «градообразующие» предприятия, которые сформировали современный облик территории промышленного округа, но в настоящее время находятся в статусе малых предприятий. Что позволяет нам сделать вывод, что рассматривать городские населенные пункты Дятьковского района Брянской области, как минимум, нецелесообразно, в виду того, что они не отвечают одному из критериев Постановления Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориям монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения», а именно: занятость 20% населения города на градообразующем предприятии. Тем не менее, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года N 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» (с изменениями на 21 января 2020 года) включило в перечень моногородов г. Фокино, пос. Любохна, пос. Бытошь, пос. Любохна, пос. Ивот.

В основе стратегии развития территории лежит модель гео-социо-экосистемы, которая наиболее близко отражает принципы ESG-трансформации экономических отношений. В основу стратегии положен модель территории опережающего развития, которой должен стать город Дятьково как административный центр, территория с наиболее диверсифицированной экономикой. Также для Дятьково разработана программа развития туристического кластера «Хрустальный город». Таким образом были предложены следующие стратегические направления развития:

1. «Диверсифицированная многоукладная экономика» – в составе территории 4 из 6 городских населенных пунктов отнесены к категории моногородов, основным направлением преодоления угроз экономическому процветанию моногородов является диверсификация экономики;
2. «Управление развитием» – в основе стратегии управления развитием территории лежит создание территории опережающего роста, которой, по сути, является г. Дятьково, где, несмотря на низкую предпринимательскую активность, уже складывается диверсифицированная экономика;

3. «Комфортная и безопасная территория» – данное приоритетное направление развития территории подразумевает сохранение тех преимуществ городской среды, которые являются наследием Мальцовского промышленного округа и дальнейшее их развитие;
4. «Развитие человеческого капитала и социальной сферы района» – это стратегическое направление подразумевает сохранение кадров для действующих предприятий, рост предпринимательской активности, обеспечение кадрами новых предприятий;
5. «Устойчивое экологическое развитие района» – район обладает сочетанием уникальных природных ресурсов, на основе которых можно строить новые формы хозяйственной деятельности и предпринимательской активности, основная задача – не нанести экологический ущерб данному сочетанию ресурсов.

Отметим, что стратегия развития старопромышленных районов, независимо от их специфики, должна строиться на развитии местных (муниципальных) сообществ, развитии малого и среднего бизнеса. Стратегия должна базироваться на экологически рациональном использовании антропогенно-измененного ландшафта, а технологически-устаревшие предприятия должны использоваться как промышленно-инвестиционные площадки для инновационных производств.

Список литературы

1. *Горкина, Т.И.* Старопромышленные районы в условиях трансформации экономического пространства в постиндустриальную эпоху // Экономические отношения. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 2385-2400. doi: 10.18334/eo.9.4.41413.
2. *Левицкая, Н.Л.* Методические подходы к оценке состояния экономической безопасности муниципального образования / Н.Л. Левицкая, Б.В. Тришкин // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 5. – С. 749-755. – EDN QWAEEP.
3. *Лобанов, Г.В.* Туристско-рекреационный потенциал развития Мальцовского промышленного округа / Г.В. Лобанов, Б.В. Тришкин // Актуальные вопросы гостинично-ресторанного бизнеса: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием преподавателей и молодых ученых, Донецк, 20 февраля 2025 года. – Москва: Перо, 2025. – С. 260-263. – EDN RZAQFY.
4. *Оборин, М.С.* Механизмы стимулирования инновационного развития моногородов арктических территорий // Государственное управление. Электронный вестник. – 2022. – № 91. – С. 105-119.
5. *Оборин, М.С., Фролова, Н.В., Мальцева, М.А.* Туристско-рекреационная деятельность как фактор диверсификации экономики моногородов региона // Сервис в России и за рубежом. – 2018. – Т. 12, вып. 4. – С. 16-26. – DOI: 10.24411/1995-042X-2018-10402.
6. *Печаткин, В.В.* Старопромышленные регионы как объект стратегического управления в условиях новой геополитической реальности // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 12. – С. 8265-8280. – DOI 10.18334/epp.15.12.124246. – EDN YIBEVD.
7. *Толкачева, В.К., Тришкин, Б.В.* Стратегия развития рекреационных ресурсов Мальцовского промышленного округа на основе туристического кластера «Хрустальный город» // Научное творчество молодежи в индустрии гостеприимства: сб. статей Н34 по материалам VIII Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием студентов, аспирантов и молодых ученых (в рамках Десятилетия науки и технологий в России). – Донецк, 12 марта 2026 г. – Т. 1. / ДОННУЭТ; [редкол.: Азарян Е.М. (пред. оргком.) и др.]. – Москва: Перо, 2026. – С. 345-350.
8. *Щеликова, Н.Ю.* Трансформация моделей государственно-частного партнерства (ГЧП) в условиях цифровизации / Н.Ю. Щеликова, Б.В. Тришкин, О.Н. Зайцева // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2026. – № 3. – С. 366-370. – EDN NAQISE.
9. Городские округа и муниципальные районы Брянской области. 2019: стат. сб. / под ред. Н.А. Муратовой. – Брянск, 2019. – 250 с.
10. Паспорт программы «Комплексное развитие моногородов Брянской области». – https://econom32.ru/activity/kompleksnoye_razvitie_monogorodov.
11. Инвестиционный паспорт Брянской области// инвестиционный портал брянской области // Инвестиционный портал Брянской области. – https://invest32.ru.
12. Справочник промышленных предприятий и производств России. – https://industrials.ru/zavody/bryanskaya-oblast?page=6.
13. Населенные пункты Брянской области. Брянский край. – https://www.kray32.com/dost.html.

Унтура М.В.
аспирант Российского университета кооперации;
руководитель направления регионального развития Фонда «Сколково».

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Ключевые слова: институциональная структура, инфраструктурная обеспеченность, технологическое предпринимательство, инновационная экосистема, технопарки, особые экономические зоны, венчурное финансирование, малые технологические компании, искусственный интеллект, квантовые технологии.
Key words: institutional structure, infrastructural security, technological entrepreneurship, innovation ecosystem, technology parks, special economic zones, venture financing, small technology companies, artificial intelligence, quantum technologies.

В современной экономической науке под институциональной структурой инновационной экосистемы понимается совокупность формальных и неформальных институтов, обеспечивающих взаимодействие между субъектами инновационной деятельности, а именно государством, научно-образовательными учреждениями, бизнесом и институтами развития. Ключевыми элементами такой структуры являются законодательные и нормативные акты, программы государственной поддержки, специализированные фонды и агентства, а также сложившиеся практики взаимодействия между участниками.

Технологическое предпринимательство, в свою очередь, представляет собой особый вид предпринимательской деятельности, ориентированный на создание и коммерциализацию инновационных продуктов и услуг с использованием передовых технологических решений. Эффективность развития технологического предпринимательства напрямую зависит от наличия разветвленной инфраструктуры – технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, венчурных фондов и других элементов, создающих благоприятную среду для зарождения и роста инновационных компаний. В последние годы наблюдается усиление внимания к проблематике региональных инновационных систем. Республика Татарстан в этом контексте является одним из наиболее показательных примеров успешного формирования региональной инновационной экосистемы, сочетающей активную государственную поддержку с развитой инфраструктурой и интеграцией в международные инновационные сети, включая объединение БРИКС.

Институциональная структура поддержки технологического предпринимательства в Татарстане представляет собой многоуровневую систему, включающую органы государственной власти, специализированные фонды, финансовые институты и организации инфраструктурной поддержки. Ключевым субъектом институциональной среды является Правительство Республики Татарстан и подведомственные ему министерства, в первую очередь Министерство экономики РТ и Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи РТ. Координацию международного инновационного сотрудничества осуществляет Агентство инвестиционного развития Татарстана.

Кроме того, важную роль играет Академия наук Республики Татарстан, которая участвует в оценке научно-технических проектов и выработке рекомендаций по развитию инновационной сферы. Как отмечает Раис Республики Татарстан Рустам Нургалиевич Минниханов, Татарстан принимает активное участие в интеграционных процессах в рамках БРИКС, ШОС, Евразийского экономического союза, динамично развивает отношения с партнерами из ближнего зарубежья, исламских государств, Китая, Индии, стран Азии и Африки.

Важнейшим элементом институциональной структуры является Инвестиционно-венчурный фонд Татарстана, являющийся ключевым звеном финансовой поддержки технологических стартапов. В I квартале 2026 года фонд профинансировал 19 вузовских проектов с участием аспирантов, кандидатов и докторов наук на сумму 143,2 млн руб. По итогам 2025 года при участии фонда с федеральными и региональными партнерами было направлено на развитие 37 стартапов порядка 2 млрд руб. Важным нововведением стало внедрение механизма кредитования под

залог интеллектуальной собственности – в рамках пилотного проекта уже выдано 7 займов на сумму более 61 млн рублей. Фонд содействия инновациям совместно с Минэкономразвития России и Минэкономики РТ проводит конкурсы «Старт-2» и «Бизнес-Старт», по которым малые технологические компании могут получить грантовую поддержку до 18 млн рублей, при условии внебюджетного софинансирования. За последние два года общий объем финансовой поддержки малых технологических компаний в Татарстане превысил 400 млн рублей.

Студенческие и университетские проекты поддерживаются через систему грантов. В 2025 году было реализовано 389 проектов на сумму 482 млн руб., в том числе 349 студенческих стартапов получили по 1 млн рублей. Университетская стартап-студия, крупнейший проект в РФ с капиталом 900 млн рублей, имеет в портфеле уже 31 проект. В воронку университетского венчурного фонда «Лобачевский» входят 50 проектов с совокупным инвестиционным запросом на 400 млн рублей. По линии национальных проектов университеты и исследовательские учреждения Татарстана привлекли около 3,2 млрд рублей по направлениям: «Средства производства и автоматизации», «Продовольственная безопасность», «Новые материалы и химия», «Новые технологии сбережения здоровья» и «Развитие многоспутниковой орбитальной группировки».

Помимо финансовых инструментов в республике сформирована система нефинансовой поддержки, включающая экспертную помощь, консультационные услуги через центры «Мой бизнес», льготное кредитование, микрофинансирование, поручительства и лизинг. Активно используется выставочная деятельность как инструмент трансфера технологий. Торгово-промышленная палата РТ предлагает субсидии на участие в выставках, льготное кредитование и создание специализированных реестров решений.

Сопоставление эффективности институциональной поддержки в Татарстане со среднероссийскими показателями представлено в табл. 1. Данные свидетельствуют, что республика опережает общероссийские значения по ключевым метрикам, а именно доля МТК в общем числе малых предприятий, средняя выручка на одну МТК и объем венчурных инвестиций на душу населения. Это подтверждает более высокую концентрацию технологического предпринимательства и лучшие условия для его роста в регионе.

Таблица 1

Сравнение ключевых показателей развития технологического предпринимательства Республики Татарстан, 2025 г.

Показатель	Республика Татарстан	Российская Федерация (среднее значение)
Количество малых технологических компаний (МТК) на 10 тыс. предприятий	7,2	4,1
Средняя выручка одной МТК, млн руб.	48,3	36,2
Объем венчурных инвестиций на душу населения, руб.	1 240	510
Доля МТК, получивших государственную поддержку, %	68	42
Количество технопарков и ОЭЗ на 1 млн жителей	2,1	0,9
Доля инновационной продукции в ВРП (ВРП/ВВП), %	7,8	5,1

Составлено автором по данным Минэкономразвития РФ, Минэкономики РТ, реестра МТК за 2025 г.

Инфраструктурная обеспеченность инновационной деятельности в Татарстане характеризуется наличием сети технопарков, особых экономических зон и университетских площадок. Особого внимания заслуживает особая экономическая зона «Алабуга», занимающая территорию 3903,5 га и сосредоточивающая сотни высокотехнологичных предприятий. В 2025 году ОЭЗ получила дополнительные 31,4 млрд рублей субсидий от Правительства России на развитие инфраструктуры индустриальных парков и технопарков, специализирующихся на высоких технологиях. Технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк» им. Башира Рамеева в Казани совместно с «Базисом» и ЦИТ РТ реализует масштабный проект по созданию защищенной

суверенной облачной цифровой инфраструктуры, включая перевод дата-центра на отечественное ПО для виртуализации и развитие сервиса безопасной разработки ПО для резидентов ИТ-парка. Планируется также развертывание защищенной инфраструктуры виртуальных рабочих столов и создание учебных площадок на базе ведущих колледжей и вузов.

Особое место в инновационной инфраструктуре занимает Иннополис, специализирующийся на высоких технологиях. В нем реализуется проект создания технопарка «Иннопарк» площадью 4,9 га, специализирующегося на робототехнике, беспилотниках и медицинской технике, на что выделено более 520 млн рублей. Приоритетными нишами признаны робототехника, микрочипирование, промышленная роботизация и цифровизация. ИТ-парк в Зеленодольске рассчитан на привлечение компаний не только из Татарстана, но и из соседних регионов, акцент сделан на ИТ-образование, робототехнику и ИТ-разработки. В этом же округе функционирует технопарк «Искра-Волга» площадью 42 тыс. кв. м, где размещены производства с общим штатом около 1000 человек.

Подготовка кадров для технологического предпринимательства ведется на базе ведущих вузов республики. «Алабуга Политех» готовит высококвалифицированных специалистов по дуальной программе обучения. В рамках партнерства ИТ-парка и компании Globus IT запущены совместные практические курсы, учебные клубы, хакатоны и проектные лаборатории. Совместный образовательный трек с компанией «Базис» позволит сформировать кадровый резерв инженеров, способных создавать и сопровождать ИТ-системы как внутри региона, так и за его пределами.

Одним из ключевых показателей развития сектора технологического предпринимательства является рост числа малых технологических компаний. В реестре МТК в 2025 году уже 240 компаний, что на 50% больше по сравнению с предыдущим годом, а их средняя выручка на 33% выше среднероссийской. Татарстан стабильно входит в тройку регионов-лидеров по числу МТК. На площадке ОЭЗ «Алабуга» обсуждались актуальные меры поддержки МТК. Участники представляют направления, ключевые для технологического суверенитета страны – инновации в транспортных системах, робототехнике, производстве новых материалов, приборостроении, разработке высокотехнологичного оборудования и цифровых решений для промышленности.

Мероприятия также играют значительную роль. Регулярно проводятся форумы, конференции и выставки. XX Российский венчурный форум, прошедший 8 по 10 апреля 2026 года в Казани и Иннополисе, собрал более 30 тысяч участников и представил свыше 1000 стартапов с подтвержденными инвестициями более 2 млрд рублей. Впервые на форуме представлен международный трек с участием более 40 стран СНГ, Азии, Африки и Ближнего Востока. II Международный деловой форум стран БРИКС по ИИ способствовал запуску платформы AI Success Hub с почти 80 кейсами применения ИИ из около 30 стран. Помимо этого, в республике регулярно проводятся Казанский форум «Россия — Исламский мир», форум «РОСТКИ: Россия и Китай» и другие крупные мероприятия. В табл. 2 приведена сводная характеристика ключевых инфраструктурных объектов с указанием их специализации и текущего статуса.

В 2025-2026 годах технологическая повестка БРИКС концентрируется на развитии искусственного интеллекта и квантовых технологий. Тезис об актуальности квантовых технологий вошел в итоговую декларацию саммита БРИКС, а решение о проведении международного квантового форума в России в 2026 году внесено в официальный календарь объединения. Ряд министерских встреч БРИКС поддержал включение квантовых технологий в качестве приоритетного направления, а также обсуждение трансграничных платежных инициатив в рамках Инновационного хаба БРИКС и использования ИИ в деятельности центральных банков.

Таблица 2

Основные инфраструктурные объекты поддержки технологического предпринимательства в Республике Татарстан

Наименование объекта	Тип объекта	Специализация	Площадь/ мощность	Ключевые резиденты / проекты
ОЭЗ «Алабуга»	Особая экономическая зона промышленно-производственного типа	Нефтехимия, машиностроение, фармацевтика, высокие технологии	3903,5 га	Сотни высокотехнологичных предприятий

Окончание табл. 2

Наименование объекта	Тип объекта	Специализация	Площадь/ мощность	Ключевые резиденты / проекты
ИТ-парк им. Башира Рамеева (Казань)	Технопарк	Информационные технологии, кибербезопасность, облачные сервисы	75 тыс. кв. м	Резиденты – 200+ ИТ-компаний
Иннополис / «Иннопарк»	Технопарк (в составе ОЭЗ)	Робототехника, беспилотники, медицинская техника, ИИ	4,9 га	Университет Иннополис, более 150 ИТ-компаний
ИТ-парк (Зеленодольск)	Технопарк	ИТ-образование, робототехника, разработка ПО	10 тыс. кв. м	Образовательные проекты, стартапы
Технопарк «Искра-Волга»	Промышленный технопарк	Электроника, приборостроение, энергетика	42 тыс. кв. м	E-PROM, «СКАТ», «Промэнерго» (ок. 1000 сотрудников)
Университетская стартап-студия	Институт развития	Венчурное финансирование студенческих проектов	Капитал 900 млн руб.	31 проект в портфеле
Фонд «Лобачевский»	Университетский венчурный фонд	Посевные и ранние инвестиции	50 проектов в воронке	Совокупный запрос 400 млн руб.

Составлено автором по данным Министерства экономики РТ, ОЭЗ «Алабуга», ИТ-парка, Университета Иннополис на 2025 и 2026 года.

Альянс БРИКС по развитию ИИ открыт для новых участников. Татарстан является активным участником этих процессов. На площадке Иннополиса состоялся Цифровой форум БРИКС, приуроченный к встрече министров связи стран БРИКС с основной темой «Суверенитет против взаимосвязанности: поиск баланса». В ноябре 2025 года Казань приняла круглый стол с участием более 60 представителей бизнеса и власти, посвященный формам экономической интеграции и расширению делового сотрудничества в рамках общественной дипломатии стран БРИКС. Дом БРИКС в Республике Татарстан организовал выездную сессию Дубайского инвестиционного форума БРИКС, одной из ключевых целей которой стало создание плацдарма для формирования татарстанской делегации на Дубайский инвестиционный форум. Со стороны Татарстана лидирует сотрудничество с Китаем.

Ведется активная работа по привлечению инвестиций из стран Ближнего Востока, развитию инструментов исламского банкинга и укреплению торгово-логистических связей. На РВФ-2026 были представлены зарубежные проекты из области химии с внедрением ИИ, промышленными и образовательными технологиями, а также один африканский проект по внедрению российских образовательных программ на Африканском континенте. Таким образом, Татарстан демонстрирует многоуровневую интеграцию в инновационную повестку БРИКС, сочетая институциональную, инфраструктурную и событийную составляющие.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Институциональная структура поддержки технологического предпринимательства в Республике Татарстан представляет собой многоуровневую систему, включающую органы государственной власти, финансовые институты и широкий спектр нефинансовых мер поддержки.

В 2025 году объем венчурных инвестиций достиг порядка 2 млрд руб., финансовая поддержка МТК суммарно превысила 400 млн рублей. Внедрены инновационные механизмы, такие как кредитование под залог интеллектуальной собственности. Сравнение со среднероссийскими показателями подтверждает, что Татарстан занимает лидирующие позиции по плотности МТК, объему венчурных инвестиций на душу населения и доле инновационной продукции в валовом региональном продукте.

Инфраструктурная обеспеченность инновационной деятельности характеризуется развитой сетью технопарков, особых экономических зон, а также университетской и кадровой инфраструктурой. Число малых технологических компаний в республике достигло 240 при средней выручке на 33% выше среднероссийской. Ключевые технологические приоритеты – это робототехника, новые материалы, ИИ, кибербезопасность, космические технологии.

Татарстан интегрирован в инновационную повестку БРИКС на институциональном уровне – это участие в рабочих группах по квантовым технологиям, ИИ, деятельности Дома БРИКС в РТ. Также Татарстан интегрирован на инфраструктурном уровне – это площадки Иннополиса и Казани для форумов БРИКС, и проектно-событийном – регулярное проведение форумов, привлечение иностранных стартапов, участие в Дубайском инвестиционном форуме и работе Ассоциации ОЭЗ БРИКС. Использование технологического потенциала региона в международном инновационном обмене может стать драйвером роста.

Список источников

1. Министерство экономики Республики Татарстан. Малые техкомпании Татарстана смогут получить до 18 млн рублей господдержки. – 2025. – https://mert.tatarstan.ru/index.htm/news/2443938.htm.
2. Инвестиционно-венчурный фонд Республики Татарстан. Накануне старта РВФ-2026 состоялся брифинг в Кабинете министров РТ. – 2026. – https://www.ivfrt.ru/news/nakanune-starta-rvf-2026-sostoyalsya-brifing-v-kabinete-ministrov-rt.
3. РБК-Татарстан. Татарстан вложил в стартапы с участием исследователей свыше 140 млн рублей. – 2026. – https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/69d4c95b9a7947767b19bbbc.
4. Tadviser. В Татарстане построят технопарк «Иннопарк». Правительство выделило на это 520 млн рублей. – 2025. – https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Иннопарк.
5. TASS. Tatarstan looking to become technological partners with China. – 2025. – https://tass.com/economy/2004549.
6. ТАСС Наука. В России в 2026 году пройдет международный форум по квантовым технологиям БРИКС. – 2025. – https://nauka.tass.ru/nauka/24491979.
7. Банк России. Центральные банки и министерства финансов стран БРИКС подвели итоги работы финансового трека. – 2025. – https://cbr.ru/press/event/?id=25747.

Страны БРИКС:
экологические аспекты развития
и сотрудничества

Алимов А.А.
к.и.н., действительный член Русского географического общества,
доцент Факультета международных отношений СПбГУ

МОЖЕТ ЛИ РАЗВИТИЕ СТРАН БРИКС БЫТЬ УСТОЙЧИВЫМ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ?

Ключевые слова: устойчивое развитие, неправильный перевод термина-понятия, проблемы неустойчивости социально-экономического, социально-экологического и политического развития мирового сообщества, возможности сотрудничества стран БРИКС в вопросах социально-экономического и социально-экологического развития.

Key words: sustainable development, incorrect translation of the term, problems of instability of the socio-economic, socio-ecological and political development of the world community, opportunities for cooperation between the BRICS countries in matters of socio-economic and socio-ecological development.

Посвящается памяти моей супруги Аллы Павловны Буркасовой, оказывавшей мне всемерную помощь и поддержку на протяжении 58-летней нашей счастливой совместной жизни.

Современное понятие «устойчивое развитие» вошло в научный оборот в 1992 г. на II Конференции ООН по окружающей среде и развитию в документе, представленном Международной Комиссией ООН по окружающей среде и развитию, работавшей под руководством известного политика, врача, деятеля в области охраны окружающей природной среды г-жи Гру Харлем Брунтланд (Брунтланн)[1]. Согласно внесённому предложению по понятию-термину «устойчивое развитие», приведенному в докладе Международной Комиссии по Окружающей Среде и Развитию «Наше общее будущее», – это развитие человечества по траектории экологической, социальной и **управленческой ответственности**, (выделено нами – *А.А.*), что должно обеспечить экономический рост, защиту окружающей среды и социальную справедливость[2]. В документе говорится: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два ключевых понятия:

- понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета;
- понятие ограничений, обусловленных технологией и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности.

Следовательно, задачи экономического и социального развития должны быть определены с учетом его **устойчивости** (выделено нами – *А.А.*) во всех странах – в экономически развитых или развивающихся, в странах с рыночной или плановой экономикой»[3].

Однако с самого начала введения в социально-экологический и экономико-политический научный оборот понятия «устойчивое развитие» (УР) оно получило ряд серьёзных замечаний, в том числе со стороны российских ученых и специалистов. Основное из них касалось ошибочности перевода понятия “sustainable development” как «устойчивое», поскольку в английском языке “to sustain” означает поддерживать (постоянно поддерживать).

Это расхождение в переводе отмечал академик Н.Н. Моисеев, который писал в работе «Заслон Средневековью» (раздел «Устойчивое развитие» или «Стратегия переходного периода»), что неправильность перевода заключалась в трактовке значимости понятия “sustainable” и

[1] Гру Харлем Брунтланн (Брунтланд) – 1939 г. рожд., общественный и политический деятель Норвегии: 1981-1996 гг. – Премьер-министр Норвегии, 1998-2003 – Глава ВОЗ; зам. Главы группы международных старейшин “The Elders”, выступающей за мир и права человека.

[2] Наше общее будущее. Доклад МКОСР. – М.: Прогресс, 1989. – С. 50.

[3] Там же, с. 50.

“sustainability”, которые он предлагал понимать как «допустимое развитие», включая «способность природы на самовосстановление»[1].

Вместе с тем известно, что В.И. Вернадский, выдающийся российский учёный и мыслитель, разработчик двух новых научных направлений – радиологии и биогеохимии, в своём фундаментальном труде «Биосфера и ноосфера» неоднократно упоминал понятие «устойчивость». Но он относил его к биосфере как громадной планетарной экосистеме. В экологии, как науке, есть понятие – «устойчивость», которое отражает способность экосистемы сопротивляться, воздействию на неё внутри её самой как за счет появления сильного вида-монополиста, так и в результате давления внешнего фактора, в том числе антропогенного характера[2].

Отметим, что устойчивости, как таковой, в социально-экономическом, социально-политическом и социально-экологическом плане быть не может, поскольку эти понятия и тенденции слишком далеки от биоэкологической трактовки устойчивости – они разноплановы, имеют различное происхождение и проявление. Происхождение «сбоев» в устойчивости развития может быть как космически-природного, так и антропогенного характера, а, следовательно, причины их могут быть социально-экологического, социально-экономического происхождения, обусловленными политическими трендами развития мирового сообщества. На это обращали внимание российские ученые мирового уровня, как, например, академик К.Я. Кондратьев, академик М.И. Будыко[3] и ряд других известных отечественных и зарубежных специалистов.

Академик Н.Н. Моисеев специально оговаривал, что неправильность трактовки понятия-термина УР, особенно неудачна в России, где это определение «породило многочисленные и опасные иллюзии и даже решения правительственного уровня, трактующие современные экологические трудности как нечто преодолимое технологическими средствами и относительно простыми правительственными решениями»[4]. Поэтому можно считать, что отношение к термину-понятию УР следует пересмотреть. Это подтверждается и новыми научными открытиями, сделанными российскими учеными в отношении определения перемещения геомагнитных полюсов на нашей планете.

Так, например, д.т.н., главный научный сотрудник московского Института прикладной геофизики им. Е.К. Федорова, А. Тертышников, отвечая на вопросы специального корреспондента газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» А. Долгошевой, отметил, что магнитные полюса нашей планеты перемещаются «вслед за магнитным её полем. А поле в свою очередь смещается вслед за движением расплавленного железа внутри Земли. Правда и географические полюса немного смещаются»[5] (это явление называется «нутацией» – *А.А.*). В 2020 г., говорит учёный, были зафиксированы изменения в «поведении» южного магнитного полюса: он «притормозился» в своем смещении и лет через 10-15 лет, согласно теории «магнитных рывков» может развернуться.[6] Одновременно с этим началось перемещение северного магнитного полюса в сторону Таймыра в Северном Ледовитом океане, и теперь он расположен в российских «магнитно-территориальных владениях», что сказалось на целом ряде природных явлений – усилились северные полярные сияния, которые «подсвечивают» прохождение морских судов, следующих с грузами по трассе Северного морского пути. Кроме того, произошедшие изменения сказываются и на состоянии здоровья людей, правда, в умеренной степени[7].

Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что прямолинейное поступательное социально-экономическое, социально-экологическое и политическое развитие мирового сообщества становится практически невозможным. Но, вместе с тем, совершенно очевидно, что дальнейшее

---

[1] См.: *Моисеев Н.Н.* Заслон средневековью. Агония России. Цивилизационные разломы. Экология в современном мире. – М., 2003. – С. 281.

[2] Экологический энциклопедический словарь. – М.: Ноосфера, 2002. – С. 697.

[3] К.Я. Кондратьев – гелиофизик, климатолог, принимал участие в разработке прогнозов погоды при запуске советских искусственных спутников с человеком; М.И. Будыко – климатолог, лауреат премии «Голубая Планета» (приравнивается к Нобелевской премии).

[4] *Моисеев Н.Н.* Заслон средневековью. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – С. 281-282. Н.Н.Моисеев выступал с докладом по этому вопросу на заседании Высшего экологического совета Государственной Думы РФ 1 декабря 1994 г. Он также известен, как разработчик теории «Ядерной ночи и ядерной зимы» с российской стороны, как и профессор К. Саган – с американской.

[5] *А. Долгошева:* Полюс пожаловал к нам // Санкт-Петербургские Ведомости. – 2025. – 9 сентября.

[6] Там же.

[7] Там же.

развитие как нашей отечественной, так и мировой науки даст новые объективные данные по рассматриваемому нами вопросу. Вполне возможно, что это произойдёт в ближайшее время в период проведения Международного Полярного Года (МПГ), подготовка к которому уже началась. Заинтересованы в успешном его проведении многие государства современного мира, включая страны-члены БРИКС, поскольку геоэкономические и геополитические условия всё больше привлекают государства всех регионов мира к использованию Северного Морского Пути (СМП) для транспортировки грузов из Европы в Юго-восточную Азию и в Южную Америку.

Значение современной науки очевидно, но развитие наук и знаний в современном мире, как писал ещё в первой половине прошлого века В.И. Вернадский, претерпевает значительные изменения: «Дело в том, – считал он, – что рост научного знания XX века быстро стирает грани между отдельными науками. Мы всё больше специализируемся не по наукам, а *по проблемам* (выделено у В.И. Вернадского – *А.А.*). Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения»[1]. Мы считаем, что такой взгляд и на науку XXI века должен способствовать определению и пониманию того, каким образом будет идти развитие мирового сообщества в социально-экологическом, социально-политическом и социально-экономическом плане, что и должно соответствовать понятию «устойчивое развитие», на теоретической основе естественных, технических и, несомненно, как считал В.И. Вернадский, гуманитарных наук. Вместе с тем, не вызывает сомнения, что следует учитывать и роль человеческого фактора, который активно действует в этом комплексе понимания современных и будущих трендов глобального развития, поскольку он связан как с экономическими закономерностями, так и с политическими событиями.

Для доказательства этого положения мы считаем необходимым привести пример работы, проведенной выдающимся российским ученым-экономистом Н.Д. Кондратьевым, который на основе широчайших по объёму исследований, опирающихся на анализ 140 летних изменений цен, финансовой и экономической активности разработал теорию конъюнктур, известную под названием «волны Кондратьева» или «длинные волны» – в западноевропейских и североамериканских странах.[2] Выводы этого российского и мирового научного таланта дают нам основание утверждать, что «устойчивость» как прямолинейное непрерывное и равномерное социально-экономическое развитие невозможна по «экономическому определению». Это мы уже отмечали выше, приводя слова академика Н.Н. Моисеев, который специально оговаривал ситуацию, сложившуюся в нашей стране, когда были предприняты попытки решения задач «устойчивого развития» путем принятия правительственных решений, и программ, – иными словами, как определялось в материалах Доклада МКОСР «Наше общее будущее», носивших «управленческий» характер.

Согласно теории конъюнктур Н.Д. Кондратьева, эти «волны» проявляются примерно каждые 50 лет в увеличительном или уменьшительном значении, что воздействует на ход мирового социально-экономического развития. В странах Западной Европы и Северной Америки теоретические положения теории «больших волн» используются при расчетах возможного возникновения социально-экономического кризиса. В настоящее время предполагается проявление ресурсно-сырьевого спада, что, как нам кажется, уже начинает происходить. В связи с этим возможны перебои в процессе «устойчивого развития» ещё и потому, что осложняется и геополитическая обстановка в связи с событиями, в том числе на Ближнем Востоке. Подписание документов, объявляющих конец американо-израильской войны против Ирана, ещё не гарантирует решение вопроса колебания цен на нефть. Все ещё остается проблема использования Ормузского пролива, нет гарантии возвращения Ирану «замороженных» его средств американским руководством. А эти многомиллиардные долларовые суммы могли бы быть использованы Исламской

[1] *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – С. 216.

[2] Николай Дмитриевич Кондратьев – известный ученый мирового уровня, который на основании подробного и тщательного изучения статистического материала примерно за 140 лет изобразил графически наличие больших циклов экономической конъюнктуры, – повышательные и понижательные волны, которые чередуются примерно через полвека. Этот его вывод, получивший название «волн Кондратьева» или «больших/длинных волн» используется в настоящее время в западных странах в рамках выявления возможного наступления социально-экономического кризиса. В настоящее время предполагается приближение ресурсно-сырьевого глобального спада. К сожалению, Николай Дмитриевич скончался, как человек и ученый рано – в 46 лет, пробыв последние шесть лет по навету в тюрьме. Академик Л.И. Абалкин назвал этот исторический факт преступлением как перед самим ученым, советским обществом, так и перед экономической наукой в нашей стране.

республикой для восстановления сырьевой инфраструктуры. Критическое состояние стратегических запасов нефти в США также способствует возрастанию цен на углеводороды, в том числе сохраняются высокие цены и бензин во многих странах. В России формируется иная ситуация с возможным повышением цен на бензин или ограничением его продажи: «украинские» беспилотники западного производства нацеливаются с помощью американской и западноевропейской системы навигации на нефтеперерабатывающие предприятия России, что предполагает возможность вызывать пожары и срывы в производстве и поставках бензина.

Вообще нужно отметить, что Вторая Конференция ООН, связанная с социально-экологической проблематикой (1992 г. – Рио-де-Жанейро, Бразилия), вошла в историю как «Форум по окружающей среде и развитию», что следует понимать как предупреждение о необходимости осознать сложившуюся проблемную глобальную социо-эколого-экономическую ситуацию: без сохранения окружающей природной среды в пригодном для человека состоянии становится невозможным дальнейшее социально-экономическое развитие человечества, но сохранение природной среды в названном состоянии также невозможно без развития. Но такое развитие должно носить научный, научно-технологический характер, нацеленный на разработку, производство и внедрение экологически ориентированных технологий и, конечно, на совершенствование экологического воспитания, образования и просвещения населения. Решение этой задачи возможно только на основе принципа, предложенного Программой ООН по Окружающей среде – ЮНЕП, созданной на I конференции по Окружающей среде (Стокгольм, Швеция, 1972 г.) и являвшейся на протяжении более полувека головным органом по организации сотрудничества всех государств нашей планеты в этом направлении: «Мыслить глобально. Действовать – локально»[1].

Конечно, невозможно остановить уже предпринятые шаги по обеспечению глобального «устойчивого развития». Были приняты к исполнению такие документы как «Повестка дна на XXI век», появился новый лозунг – «Какое будущее мы хотим?», разработаны 17 целей для устойчивого развития, которые уже начали реализовываться в десятках стран, но многие из этих целей носят именно тот «управленческий характер», который был подвергнут критике Н.Н. Моисеевым. Кроме того, эта тенденция не носит глобального характера по тем направлениям, которые намечены авторами 17 целей в силу разного уровня социально-экономического, политического развития и подготовки значительной массы населения мирового сообщества.

На наш взгляд, в теоретико-практической деятельности представителей современной науки, в том числе и в России, следует учитывать так называемые «законы Б. Коммонера» – известного американского ученого – биолога, эколога, преподавателя ряда американских университетов с «многомиллионной аудиторией», как его часто называют американские коллеги. Мы не будем их излагать в том виде, как приводит ученый в своей работе «Замыкающийся круг» – “The Closing Circle.”,[2] а просто перечислим: «Всё связано со всем», «Всё должно куда-то деваться», «Природа

[1] Программа ООН по окружающей среде была принята в декабре 1972 г. согласно решениям I конференции ООН по Окружающей среде (Июнь, 1972 г. – Стокгольм, Швеция). Штаб-квартира её была размещена в г. Найроби, Кения. На своей девятнадцатой сессии, состоявшейся в феврале 1997 года, Совет управляющих ЮНЕП принял решением 19/1 Найробийскую декларацию, в которой роль ЮНЕП была определена следующим образом: «Программа Организации Объединенных Наций по Окружающей Среде должна выполнять роль ведущего глобального природоохранного органа, определяющего глобальную экологическую повестку дня, содействующего согласованному осуществлению экологического компонента устойчивого развития в рамках системы Организации Объединенных Наций и являющегося авторитетным защитником интересов глобальной окружающей среды».

Однако в 2012-2013 гг. произошли большие изменения в структуре ЮНЕП. Если изначально Совет управляющих состоял из представителей 58 стран и собирался на свои заседания ежегодно, то в 2013 г. он был преобразован в Ассамблею ООН по окружающей среде (United Nations Environmental Assembly – UNEA) и его участниками стали практически все 193 государства-члены ООН). Заседания UNEA теперь проводятся один раз в два года.

[2] *Commoner B.* The Closing Circle. Nature. Man, and Environment. 6-th ed. – 1974.

Барри Коммонер – биолог, эколог, известен как ученый и преподаватель «в многомиллионной аудитории». Окончил Колумбийский ун-т, имеет степень доктора наук в области биологии. Работал в Вашингтонском унте, был директором Центра по экологии и природным системам, имеет более 120 печатных работ в области экологии и естественных наук, отмеченных американскими и международными грантами и поощрениями. Работал в качестве члена правления Американской ассоциации по развитию академических исследований. По крайней мере, две его книги «Замыкающийся круг»» и «Технология прибыли» были переведены на русский язык и изданы в нашей стране.

знает лучше», «За всё нужно платить». Нам представляется, что в обсуждаемой нами проблеме наиболее важен третий закон – «Природа знает лучше», поскольку он отражает необходимость понимать экологию как науку, а не как состояние окружающей среды. «Экология» не может быть хорошей или плохой как неоднократно писал и говорил Н.Н. Моисеев, а поэтому утверждать и считать, что экология плохая и её нужно улучшить, так же бессмысленно, как говорить, что нужно улучшить математику, географию и другие современные научные направления.

И, наконец, надо сказать ещё об одном факторе, влияющем на прерывание прямолинейного и последовательного процесса, о котором мы ведём речь – это войны, военные столкновения различных масштабов – от межплеменных столкновений до межгосударственных военных конфликтов. Об этом неоднократно в своих работах писал В.И. Вернадский, в основном ссылаясь на опыт первой Мировой войны, поскольку до конца Второй Мировой – нашей Великой Отечественной 1941-1945 г. – он не дожил, скончавшись в 1944 г.[1]

Однако современные войны, даже без применения ядерного оружия, использование которого абсолютно недопустимо, как показали Н.Н. Моисеев и К. Саган, становятся всё более опасными, поскольку создаются новые виды вооружения: беспилотные летающие аппараты сверхбольшой дальности полета, ракеты с предельно точным наведением на цель, а в американо-израильском военном противоборстве с Ираном даже использовался искусственный интеллект. Это говорит о настоятельной необходимости новых конструктивных способов предотвращения любых военных конфликтов, о важности формирования и использования новых форм дипломатии как науки, так и практики.

Всё сказанное выше по поводу антропогенного фактора, способного в разных формах и видах воздействовать на социально-экономические процессы лишь подтверждает нашу гипотезу о том, что «устойчивое развитие» в том его понимании, как было предложено авторами доклада МКОСР, работавшей под руководством г-жи Гру Брутланд, несостоятельно. Исходя из этого вывода, автор данной статьи, предложенной вниманию читателя, полностью солидарен с мнением академика Н.Н. Моисеева в том, что для обеспечениям поступательного развития всего мирового сообщества, независимо от отдельных факторов, следует на самом высоком уровне, возможно, по линии и при участии соответствующих институтов ООН, разработать новое, теоретически обоснованное и проверенное на практике понятие «устойчивого развития». Само название, при этом отменять не следует, поскольку оно широко вошло в научный оборот и закрепилось во многих национальных и международных документах.

Кроме того, возвращаясь к определению УР, приведенному в докладе МКОСР- «Наше общее будущее», напомним, что в среднем количество потребностей у современного Homo Sapience более 25 и он выбирает те, которые ему больше нравятся. Однако если говорить о необходимости обеспечения потребностей будущих поколений, то мы должны им обеспечить только одну – биологическую – чистый воздух, чистую воду, незагрязненную почву. С обеспечением остальных они справятся сами, исходя из своих пониманий и интересов жизни.

Конечно, мы должны показать, какими возможностями располагают государства-члены БРИКС в развитии экологии как науки. Это, несомненно, важная и сложная задача (вспомним «Законы Б. Коммонера!), поскольку решить проблему «окружающей среды и развития» как мы её представили выше, практически будет возможно только на основании научных выводов и рекомендаций. Научно-экологический потенциал стран, входящих в БРИКС, действительно огромен. Географически они расположены в разных регионах планеты, но испытывают планетарные изменения, происходящие на Земле: маятниковые изменения погодно-климатических ситуаций, подъём уровня Мирового океана, изменения динамики атмосферных потоков и пр.

Сопоставление экологических условий в упомянутых странах даст возможность разработать новую систему в рамках экологического права. Международного экологического права в настоящее время фактически нет, а определенные эколого-правовые и эколого-защитные меры заключены в международном Морском праве. Только в нем оговоренные эко-нарушения и эко-преступления могут быть наказаны.

Но есть эколого-правовая практика, как, например, в недружественной России международной организации – Европейском Союзе. В нём не принимаются одинаковые экологические законы для всех стран-членов ЕС, а формулируются и предлагаются директивы, в рамках которых

[1] См. например, *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – С. 198-199 и др.

каждая страна, исходя из характеристик основных на её территории экосистем, принимает свои эко-законы. Такой подход был бы важен для многих участников объединения стран БРИКС, и, в первую очередь, для России, поскольку на территории нашей страны имеется шесть крупных географических регионов (Европейская часть, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток и Арктика), каждый из которых отличается своими экосистемами, имеющими уникальные характеристики. Российские специалисты-экологи считают, что и в нашей стране следовало бы использовать такой «регионально-экосистемный» подход, с помощью которого можно разрабатывать рекомендации по допустимым нагрузкам на экосистемы.

Развитие новых направлений в науке и использование их на практике требует и перспективного понимания того, что может произойти в окружающей природной среде. В нашем случае следует опираться на научно-практические предложения, разрабатываемые в новом межнаучном (но не многонаучным) направлении, сформировавшимся к середине 1980-х годов и получившим название «социальная экология». Что собою представляет социальная экология? Мы считаем, что социальная экология, является одним из поднаправлений в рамках биоэкологического поля и имеет своим объектом процесс взаимодействия общества и природы в планетарном масштабе, предметом – закономерности этого взаимодействия, а целью – разработку оптимальных путей и способов взаимодействия человека и окружающей его (добавим – и им же уже измененной) природной среды[1]. В настоящее время социальная экология широко используется как в научно-исследовательском плане, так и в области экологического образования, в котором выделяются три составных части: биоэкология – для подготовки специалистов-экологов; прикладная экология – для всех профессий и специальностей для того, чтобы предотвратить возможные ошибки в действия по отношению к окружающей природной среде, что соответствует закону Б. Коммонера «за всё надо платить» и социальная экология – для широчайших масс населения планеты, поскольку именно она раскрывает сложности и противоречия взаимодействия общества и природы. В значительной степени социальная экология близка к ноосферной теории В.И. Вернадского, поскольку учитывает фактор человека, ставшего, по определению В.И. Вернадского геологической силой, изменяющей лик Земли и естественные процессы развития биосферы.

Мы допускаем возможность появления новых подходов и направлений научно-практической деятельности в решении вопроса разработки новой трактовки термина-понятия УР, в том числе формирования основ и дальнейшего развития экологической дипломатии, как принципиально нового вида дипломатии, в рамках которой должны будут учитываться пожелания не только двух сторон (как государств, так и международных организаций), а интересы всего населения планеты, за счёт чего станет возможным удовлетворение потребностей будущих поколений.

Заключение

Отвечая на поставленный в названии статьи вопрос: может ли развитие стран БРИКС быть устойчивым в современных социально-экономических и социально-экологических условиях – автор вынужден дать ответ, полученный по результатам проведенного краткого, но достаточно хорошо обеспеченного мнениями известных российских и зарубежных учёных и специалистов – нет, в настоящее время это невозможно.

[1] См.: *Алимов А.А.* Терминология и понятийный аппарат экологической проблематики. Социальная экология // Труды всероссийской конференции к 70-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки, профессора Льва Николаевича Карлина. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 51-53.

Андрианов В.Д.
д.э.н., академик РАЕН, заслуженный экономист России, профессор МГУ
andrianov_vd@mail.ru

РОЛЬ НОВОГО БАНКА РАЗВИТИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ В СТРАНАХ БРИКС+

Ключевые слова: устойчивое развитие, БРИКС+, цели устойчивого развития ООН, экологические проекты, Новый банк развития (НБР), мировая финансовая архитектура, новая мировая валютная система, валютные зоны, платежные системы, резервные и цифровые национальные валюты, расчетная единица «брикс».

Key words: sustainable development, BRICS+, UN Sustainable Development Goals, environmental projects, New Development Bank (NDB), global financial architecture, new global monetary system, currency zones, payment systems, reserve and digital national currencies, BRICS unit of account.

Концепция устойчивого развития

В конце 60-х годов прошлого столетия промышленно развитые страны столкнулись с глобальными проблемами, которые невозможно было решать в рамках старой парадигмы экономического развития.

Темпы использования человечеством важнейших видов природных ресурсов, нерациональная структура производства и потребления привели к истощению ряда видов природных ресурсов и загрязнению окружающей среды, которые превышали допустимые нормы. Основной причиной этого является значительный рост всех основных элементов глобальной социально-экономической системы – численности населения, использования природных ресурсов, промышленного производства, сельского хозяйства, нерационального потребления и соответственно нарастание экологических проблем. Причём этот глобальный рост носит экспоненциальный характер.

Поскольку наша планета развивается во времени без увеличения размеров и существующих природных ресурсов, поэтому ученые-экологи пришли к выводу, что вместо хаотичного беспредельного экономического роста необходимо сбалансированное устойчивое развитие как экономик отдельных стран мира, так и глобальной экономики в целом.

Глобальная экономика в качестве подсистемы конечной и не растущей Земли должна принять эту модель развития, так как нет пределов экономического развития, но есть весьма понятные, осязаемые и прогнозируемые пределы экономического роста.

Суть концепции устойчивого развития заключается в том, что рост экономики на страновом и глобальном уровне должен вписываться в пределы ресурсных и экологических возможностей планеты.

Следует отметить, что идеи, заложенные в концепции устойчивого развития, были впервые разработаны и представлены научному сообществу еще в 1937 г. выдающимся русским ученым Владимиром Ивановичем Вернадским (1863-1945), автором теории ноосферного развития, которая по своей сути идентична современной теории устойчивого развития.

В настоящее время термин устойчивость в теоретическом контексте следует рассматривать в двух аспектах – в широком смысле как концепцию развития мировой экономики, которая имеет ярко выраженный экологический приоритет и в узком смысле как динамическое равновесие экономической системы.

Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН и роль стран БРИКС+ в их реализации

В 2015 г. Генеральной ассамблеей ООН были разработаны и утверждены Цели устойчивого развития (ЦУР) – набор утвержденных ООН глобальных задач, направленных на улучшение жизни людей и защиту окружающей среды.

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. содержит 17 глобальных целей и 169 соответствующих задач. Эти цели включают в себя такие амбициозные задачи, как борьба с голодом, бедностью, доступное здравоохранение и образование, снижение неравенства, обеспечение чистой воды и санитарии, борьба с изменением климата и др.

Страны БРИКС, на долю которых приходится большая часть населения планеты и почти половина мировой экономики придают особое значение реализации концепции устойчивого развития и ЦУР и соответственно вносят существенный вклад в ее реализацию.

Важной частью этой концепции является соблюдение экологически устойчивых принципов при реализации экономических и социальных проектов и программ.

Руководители стран БРИКС осознают важность интеграции концепции устойчивого развития в свои национальные стратегии и мировое сотрудничество. В частности, Россия до 2030 г. намерена реализовать пять экологических целей устойчивого развития, в том числе ответственное потребление и производство, борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши, санитария и улучшение стандартов качества воздуха и воды.

Одной из ключевых областей сотрудничества между странами БРИКС является борьба с изменением климата и экологическая устойчивость. Страны БРИКС признают серьезные вызовы, связанные с изменением климата. Они активно участвуют в международных климатических соглашениях и внедряют меры по сокращению выбросов парниковых газов, развитию возобновляемых источников энергии и адаптации к изменению климата.

Страны БРИКС работают над снижением негативных воздействий на окружающую среду, связанных с экономической активностью. Это включает в себя более эффективное использование ресурсов, улучшение стандартов качества воздуха и воды, а также устранение загрязнения и вырубки лесов.

Государства активно обмениваются опытом и передовыми технологиями в области экологии и климата. Это способствует более эффективному решению общих проблем и поддерживает инновации в данной области. Страны, входящие в БРИКС, работают над повышением осведомленности населения и внедрением образовательных программ по экологии, защите окружающей среды и изменению климата[1].

Важную роль в реализации концепции устойчивого развития играют Международные финансовые институты развития,[2] объем финансирования экологических проектов которых в 2025 г. в совокупности достиг почти 140 млрд долл., в том числе на группу Всемирного банка приходилось около 85 млрд долл. Международные финансовые институты развития планируют к 2030 г. совместно предоставлять 120 млрд долл. и привлечь еще 65 млрд долл. частного финансирования для реализации проектов в области устойчивого развития, защиты окружающей среды и борьбы с климатическими изменениями.

Все большую роль в финансировании и реализации крупных проектов в сфере экологии играет Новый банк развития БРИКС (НРБ), обладая международным статусом, значительными финансовыми и политическими возможностями[3].

Страны БРИКС+ через Новый банк развития с привлечением капитала международных финансовых организаций осуществляет финансирование проектов в области экологии и устойчивого развития, такие как возобновляемая энергетика, обеспечение доступа к чистой воде и улучшение условий жизни в сельских районах.

История создания Нового банка развития (БРИКС)

Идея создания Нового банка развития (НБР) в рамках БРИКС принадлежит России. Первые концептуальные предложения о необходимости и принципах создания новой международной финансовой организации были сформулированы экспертами Департамента стратегического

[1] https://tvbrics.com/news/briks-i-ustoychivoe-razvitie-sotrudnichestvo-v-oblasti-ekologii-i-klimata.

[2] Группа Всемирного банка (МБРР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) Банка развития Совета Европы (СЕБ), Африканский банк развития (АфБР), Азиатский банк развития (АБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АИИБ), Группа Межамериканского банка развития (ММБ), Исламский банк развития (ИБР), Новый банк развития БРИКС (НБР).

[3] *Андрианов В.Д.* Новый банк развития и формирование альтернативной мировой валютной системы // Белорусский экономический журнал – 2024. – № 2 (107). – С.44-57.

анализа и разработок Внешэкономбанка (ВЭБ) после мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. В 2010 г. директором Департамента был подготовлен первый вариант проекта концепции создания банка БРИКС.

Одним из мотивов создания НБР была попытка изменения существующей мировой финансовой архитектуры, в которой безраздельно доминируют международные финансовые институты, контролируемые США – это Мировой банк, МВФ, региональные банки развития, контролируются финансовой элитой США. Новый банк задумывался как международный финансовый институт развития в противовес финансовым структурам, полностью контролируемым США, где страны БРИКС и другие развивавшиеся страны до сих пор не имеют адекватного количества голосов и соответственно не могут влиять на стратегию и принятие конкретных решений по предоставлению финансовых ресурсов на их развитие.

Незначительные доли голосов представителей развивающегося мира, в том числе государств-членов БРИКС, в международных экономических организациях не дают возможности им влиять на стратегию их развития и соответственно получения финансовых ресурсов для развития. Кроме того, коллективный Запад, пытаясь перенести доминирование в политической сфере в экономику, заставляет Международный валютный фонд и Всемирный Банк выдвигать политические требования при предоставлении финансовых ресурсов этим странам.

Предпосылкой создания НБР была разработка межбанковского механизма БРИКС и расширение их сотрудничества в финансовой и банковской сфере, в рамках которого в 2010 г. был заключен Меморандум о многостороннем сотрудничестве.

Межбанковское сотрудничество осуществлялось на уровне национальных финансовых институтов развития стран БРИКС. К ним относились – «Бразильский банк экономического и социального развития», российская государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», «Экспортно-импортный банк Индии», «АО Корпорация «Государственный банк развития Китая», «Банк развития Южной Африки».

Основной целью сотрудничества данных банков была разработка порядка предоставления финансовых и банковских услуг для инвестиционных национальных проектов развития. Фактически это был подготовительный этап создания Нового банка развития. В этой связи в продолжение совместной работы, в 2011 г. банки-члены межбанковского механизма БРИКС заключили Соглашение о развитии финансового сотрудничества и в 2012 г. – Генеральное соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах. Подобный документ, заключенный за два года до введения экономических и политических санкций против России, уже тогда предусматривал снижение зависимости национальных валют от доллара и евро.

Политическое решение о создании банка Нового банка развития было принято лидерами стран БРИКС на V Саммите организации, который состоялся в Дурбане (ЮАР) 27 марта 2013 г. Соглашение о создании НБР было подписано главами государств БРИКС 15 июля 2014 г. на VI Саммите этой организации в бразильском городе Форталеза. Соглашение предусматривало возможность присоединения к нему других участников. Официально о создании НБР было объявлено на Форуме деловых кругов БРИКС, который проходил в рамках этого Саммита.

Основной целью создания банка было провозглашено финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в государствах БРИКС, других развивающихся странах и странах с переходной экономикой.[1]

На этом форуме было принято решение о формировании Пула условных валютных резервов БРИКС, по аналогии с существующим механизмом в Международном валютном фонде. Управление Пулом было возложено на Постоянный комитет, в который вошли представители всех пяти стран. После решения о формировании пула президент РФ В. Путин отмечал: – «масштабы возможных операций в рамках Пула валютных резервов смогут достигать 100 млрд долларов. Этот механизм создает предпосылки для эффективной защиты национальных экономик наших стран от кризисов на финансовых рынках».

Ратифицированное Государственной Думой РФ соглашение о создании НБР было подписано Президент РФ В. Путиным 8 марта 2015 г.

[1] Соглашение о Новом банке развития, Форталеза, 15 июля 2014 г. // Официальный сайт НБР. NDB | New Development Bank.

Официальный старт деятельности банка был дан на инаугурационном заседании совета управляющих НБР под председательством главы Минфина РФ, которое состоялось в Москве 7 июля 2015 г.

На заседании представители стран-членов НБР избрали первого президента банка. Им стал известный, авторитетный индийский банкир Кундапура Вамана Каматха, имевший значительный опыт работы в других международных финансовых организациях, в том числе в Азиатском банке развития (АБР). Также были назначены вице-президенты, и определены приоритеты финансовой и кредитной деятельности банка на первые 5 лет. Штаб-квартирой нового банка был выбран китайский город Шанхай, который является одним из крупнейших финансовых центров в Азиатско-тихоокеанском регионе. Порядок размещения и регламентация деятельности НБР регулируется специальным соглашением с правительством Китая, которое было подписано 27 февраля 2016 г.

Капитал Банка

Первоначальный капитал банка был сформирован в форме Пула условных валютных резервов БРИКС, объем которого составил 100 млрд долларов. Китай вложит в него 41 млрд долларов, Россия, Бразилия и Индия – по 18 млрд долларов, ЮАР – 5 млрд долларов.

Несмотря на разный экономический потенциал стран-учредителей банка и их взносов в Пул условных валютных резервов голоса стран были распределены в равной пропорции по 20%, что соответствует одному из основных принципов НБР – равноправное партнерство. Следует отметить, это соотношение кардинально отличается от доли голосов стран БРИКС в других международных финансовых организациях и прежде всего в Мировом банке (МБРР) и МВФ. Например, доля голосов Китая в МБРР в 2023 г. составляла 5,61%, а в НРБ – 19,4%, соответственно Индии 3,23% и 19,4%, России – 2,82%, и 19,4%, Бразилии 2,31% и 19,4%, ЮАР 0,77% и 19,4%[1].

Фактически Пул представлял собой разрешенный к выпуску капитал банка в размере 100 млрд долл., который предназначался для финансирования национальных проектов развития. Первоначально Пул банка сформировался из распределенного капитала в размере 50 млрд долл., в том числе оплаченный капитал составлял 10 млрд долл., и капитал, оплачиваемый по требованию, – 40 млрд долл.

При создании банка оплаченный капитал составил 10 млрд долл. На указанную сумму было выпущено 1 млн акций номинальной стоимостью 100 тысяч долл. каждая. Акции пропорционально были распределены среди стран учредителей НБР.[2]

Согласно соглашению о создании НБР все члены Организации Объединенных Наций могут быть участниками банка. Учредители предусмотрели возможность членства для большего числа стран, чтобы расширить сферу деятельности и обеспечить банк дополнительной капитализацией.

Для придания развитию банка большей динамики и повышения его интернационализации к его деятельности привлекаются страны, которые готовы строить новый миропорядок и новую мировую финансовую инфраструктуру, без доминирования США и контролируемых ими мировой банковской элиты.

Согласно решению Постоянного комитета Банка от 2 сентября 2021 г. в состав его акционеров были приняты еще три страны – Бангладеш, Объединенные арабские эмираты (ОАЭ), Уругвай, что привело к увеличению акционерного капитала НБР и изменению его распределению среди стран. Оплаченный капитал банка за счет взноса новых стран увеличился на 1 млрд 498 млн долл. и по состоянию на конец 2021 г. составил 51 млрд 498 млн долл. В частности, Бангладеш внесла 942 млн долл., и ее доля в акционерном капитале НБР составила 1,08%, Объединенные арабские эмираты внесли 556 млн долл. их доля составила 1,08%. Соответственно доля каждой страны из числа первых учредителей банка – Бразилии, Индии, Китая, России, ЮАР сократилась до 19,42%[3]. В декабре 2021 г. было объявлено о присоединении к деятельности банка Египта. В долгосрочной перспективе расширение стран-членов НРБ будет происходить за счет новых членов БРИКС.

[1] IBRD subscriptions and voting power of member countries, 2022.

[2] NDB | New Development Bank.

[3] NDB | New Development Bank.

Заемные финансовые средства НБР

Кроме собственных средств НБР для финансирования проектов развития банк активно использует заемные средства.

Фактически сразу после объявлении о создании банка в июле 2016 г. НБР вышел на мировой рынок капитала, успешно разместив 18 июля 2016 г. на межбанковском рынке КНР дебютный пятилетний выпуск «зеленых облигаций» объемом 3 млрд юаней по номинальной ставке 3,07%.

Привлеченные средства были направлены на поддержку экологических инициатив стран-участниц объединения. НБР предоставил кредит Китаю на финансирование трёх проектов, связанных с зелёной энергетикой, и поддержал российскую инициативу «Чистые реки БРИКС». НБР оказался первым финансовым институтом развития, который выпустил «зеленые» облигации на межбанковском рынке Китая. Позднее для финансирования зеленых проектов банк выпустил облигации, номинированные в рупиях, рублях и южноафриканских рэндах.

Банк развития БРИКС имеет уникальный потенциал для развития рынка экологических инвестиций, что также может быть фактором усиления роли стран союза на международной арене, в том числе в глобальной финансовой системе.

В течение 2017-2021 г. НРБ практически каждый год размещал свои облигации на мировом рынке капитала. В частности, в 2021 г. было размещено пять выпусков корпоративных облигаций, номинированных как юанях, так и в долл. США. В юанях было два выпуска таких ценных бумаг. НБР разместил 24 марта 2021 г. на китайском межбанковском рынке 3-летние облигации на общую сумму в 5 млрд юаней и 16 сентября 2021 г. банк выпустил 5-летние облигации на общую сумму в 2 млрд юаней.

В американской валюте было три выпуска, в том числе:

- 20 апреля 2021 г. 5-летние облигации на общую сумму в 1,5 млрд долл.;
- 15 июля 2021 г. 3-летние облигации на 2,25 млрд долл.;
- 1 декабря 2021 г. 3-летние облигации с плавающей процентной ставкой на 500 млн долл.

Таким образом, НРБ в 2021 г. удалось осуществить заимствования и привлечь с мирового рынка капитала 4, 25 млрд долл. и с межбанковского рынка Китая 7 млрд юаней.

В 2023 г. международные кредитные агентства «Fitch» и «S&P» присвоили НРБ международный кредитный рейтинг на уровне «АА+», что позволяет эффективно привлекать долгосрочное фондирование на международных и локальных рынках капитала.

В начале 2024 г. НБР объявил о выпуске на китайском межбанковском рынке облигаций для финансирования проектов в области устойчивого развития на общую сумму 6 млрд юаней (около 845 млн долл.). За все время функционирования банка это крупнейший по объемам выпуск пятилетних панда-бондов, номинированных в юанях. Привлеченные средства от выпуска облигаций будут использованы в качестве общих корпоративных ресурсов банка для финансирования различных проектов в странах-членах. Таким образом, общий объем выпущенных банком ценных бумаг, номинированных в юанях, достиг 47,5 млрд (около 6,6 млрд долл.).

Еще одним источником финансирования для НРБ стали финансовые ресурсы международных банков развития, в том числе Азиатский банк развития (АБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Африканский банк развития (АБР), Европейский банка развития (ЕБРР), Межамериканский банк развития (МБР), Международный инвестиционный банк (МИБ), группа МБРР, которые участвуют в софинансировании проектов.

Основные приоритеты кредитно-инвестиционной деятельности НРБ

Кредитно-инвестиционная деятельность НБР осуществляется в соответствии с принципами, отраженными в Соглашении о создании банка и Стратегией его развития.

Первая стратегия была разработана и утверждена Советом управляющих НБР в апреле 2016 г. и была рассчитана на период 2017-2021 гг.

В соответствии с указанным документом приоритетным направлением деятельности Банка было провозглашено финансирование проектов в области «устойчивой инфраструктуры» (sustainable infrastructure), на которые должно приходиться около 2/3 кредитного портфеля банка. Инвестиции в инфраструктурные проекты поддерживаются банком как приоритетные ввиду их высокой капиталоемкости и длительных сроков окупаемости.

Как известно, инфраструктурный капитал страны включается в агрегированную производственную функцию и обеспечивает повышение производительности трудовых ресурсов и основного капитала. Реализация инфраструктурных проектов ведет к росту деловой активности, повышает мобильность факторов производства, расширяет связи периферийных территорий с центрами производства и концентрации материальных ресурсов, что, в свою очередь влияет на темпы экономического роста.

Следуя этим аргументам, эксперты НБР рекомендуют финансировать «связующую» инфраструктуру как ключевой фактор экономического роста территорий, обеспечивающий повышение плотности населения, сокращение расстояний и преодоление территориальных различий.

Однако способность инфраструктурных проектов к стимулированию территориального экономического роста должна дополняться другими факторами роста – такими как интеллектуальный и финансовый капитал, производственная и предпринимательская активность, конкурентоспособный малый и средний бизнес.

Первая стратегия Банка также предусматривала следующие приоритетные секторы экономики – транспортная и телекоммуникационная инфраструктура, зелёная энергетика и энергоэффективность, ЖКХ и городское развитие. Таким образом первоначально приоритетами стали проекты, оказывающие положительное влияние на экологию и окружающую среду.

Кроме того, особое внимание уделялось проектам, содействующим развитию торгово-экономических связей между странами БРИКС.

В соответствии со стратегией банк вправе предоставлять широкий набор финансовых инструментов для реализации инфраструктурных проектов в странах-членах, в том числе путем предоставления займов, гарантий, участия в капитале и использования других финансовых инструментов.

Финансово-кредитные операции НБР были разделены на три категории:

- суверенные операции (суверенные займы или кредиты под суверенные гарантии);
- финансирование через национальные, региональные, субрегиональные и международные финансовые институты развития;
- несуверенные операции.

Первоначально НБР преимущественно предоставлял суверенные займы, а также займы под суверенные гарантии в долларах США со средним сроком погашения до 19 лет. К несуверенным операциям относили финансирование государственных и частных компаний, кредиты под гарантии региональных субъектов, а также вложения в капитал (equity investments). Стратегия НБР на период 2017-2021 гг. предусматривала распределение между суверенными и несуверенными операциями в пропорции 70:30.

На начальном этапе своей работы банк предоставлял финансирование для проектов частично в валютах стран-участниц, поскольку это давало возможность сократить риски, связанные с колебаниями курсов валют.

Динамика роста кредитного портфеля банка в 2016-2026 гг.

В первой год своей деятельности в 2016 г. совет директоров НБР одобрил в общей сложности 7 проектов, предусматривающих предоставление финансирования на сумму более 1,5 млрд долларов. До конца 2016 г. было утверждено пять кредитов, по одному на каждую страну обшей стоимостью в 911 млн долл.

Самый крупный кредит в размере 300 млн долл. НБР предоставил Бразильскому банку развития (BNDES). Это финансирование использовалось для поддержки проектов в сфере возобновляемой энергии и строительства линий электропередач, а также для реализации субпроектов в области солнечной, ветровой, гидроэнергетики и в других областях, которые после реализации обеспечили ввод новых мощностей объемом 600 МВт.

Южной Африке НБР предоставил кредит в размере 180 млн долл., который был направлен крупнейшей генерирующей корпорации «Eskom Holdings SOC Ltd.» для развития электросетевой инфраструктуры в области возобновляемых источников энергии. Эта компания построила линии электропередач для передачи в сеть 670 МВт электроэнергии из возобновляемых источников энергии, а также построила дополнительные мощности по выработке 500 МВт независимыми производителями электроэнергии.

Для России, был одобрен кредит на 100 млн долл. на строительство двух малых гидроэлектростанций в Карелии «Белопорожской ГЭС-1» и «Белопорожской ГЭС-2». В софинансировании проекта участвовали многосторонние банки развития – Европейский банка развития (ЕБРР) и Международный инвестиционный банк (МИБ). Проект реализовала российская компания «Норд Гидро». Общая мощность двух «Белопорожских ГЭС» составила 49,8 МВт. Проект обеспечил около 400 рабочих мест на этапе строительства и 30 высококвалифицированных рабочих мест на этапе эксплуатации.

В Китае НБР предоставил финансирование в размере 81 млн долл. в местной валюте китайской компании «Shanghai Lingang Hongbo New Energy Development Co» на реализацию проекта в сфере распределяемой солнечной энергии в промышленной зоне Линьянь, общей мощностью 100 МВт.

Индии банк предоставил суверенную гарантию в размере 250 млн долл. индийскому «Canara Bank», который использовал этот финансовый инструмент для кредитования проектов в сфере развития солнечной и ветровой энергии, гидроэнергии общей мощностью 500 МВт.

В 2017 г. НБР увеличил кредитование проектов почти в три раза и одобрил финансирование проектов на общую сумму в 3 млрд долл. Проекты были пропорционально распределены между странами-членами. В частности, НБР одобрил финансирование в размере 790 млн долл. для трех проектов в Южной Африке. Больше половины из утвержденного финансирования 480 млн долл. было предоставлено угольной электростанции Медупи для закупки современного оборудования и совершенствования системы управления. Другая часть кредита предназначалась для снижения долговой нагрузки крупнейшей энергогенерирующей компании «Eskom Holdings SOC Ltd» и компенсации затрат по установлению современного сетевого оборудования.

В августе 2017 г. совет директоров НБР одобрил предоставление России второго кредита в размере 460 млн долл. на модернизацию и внедрение информационных технологий в рамках реализации Федеральной целевой программы развития судебной системы.

В 2018 г. НБР начал предоставлять прямое финансирование частным и государственным компаниям стран БРИКС,

В марте 2020 г. Совет управляющих НБР принял решение о создании специального механизма финансирования объёмом 10 млрд долл., предназначенного для оказания поддержки стран-участниц в борьбе с пандемией новой коронавирусной инфекции и реализации мер по поддержке экономики. Речь шла о предоставлении «экстренных» кредитов на нужды здравоохранения и выполнение социальных обязательств, а также на финансирование государственных программ по восстановлению экономики.

Всего в 2020 г. совет директоров банка одобрил 19 новых проектов на общую сумму 12,6 млрд долл., из них шесть проектов в России на сумму 1,8 млрд долл.

В течение 2021 г. из «Фонда чрезвычайной помощи», финансирующего программы, связанные с COVID-пандемией, были одобрены «коронавирусные кредиты» для всех пяти стран-членов Банка.

В том числе, в марте кредит получил Китай в размере 7 млрд юаней и России в размере 1 млрд долл., в апреле – ЮАР в размере 1 млрд долл.

Всего НБР на борьбу с коронавирусной инфекцией и финансирование государственных программ стран БРИКС по восстановлению экономики банк предоставил более 9 млрд долл. Оперативная деятельность банка по борьбе с пандемией коронавирусной инфекции обеспечила поддержку экономики стран пятёрки в наиболее острую фазу пандемии коронакризиса.

При этом сохраняется достаточно высокая эффективность инвестиционной деятельности банка в условиях глобальных вызовов. Несмотря на некоторое сокращение за первые 9 месяцев 2021 г. прибыль Банка составила 96 млн долл., что было на 24% меньше, чем за аналогичный период 2020 года.

В течение 2021 г. прошло четыре заседания Совета директоров НБР, на которых были утверждены следующие займы и кредиты:

- кредит России в размере 300 млн долл. для финансирования проекта расширения сети сотовой связи и облачных сервисов компании МТС (21 января 29 заседание);
- займ Китаю в размере 436 млрд евро на реализацию проекта в сфере СПГ (29 марта 30 заседание);

- займ в размере 153 млн долл. бразильскому штату Пара на реализацию транспортного проекта (29 марта 30 заседание);
- кредит Китаю в размере 340 млн евро на проект по развитию развития сети дорог в провинции Аньхой (29 июня 31 заседание);
- реструктуризация займа в размере 500 млн долл. со сменой заёмщика для бразильского Fundo Clima на поддержку смягчения последствий глобального изменения климата и адаптации к нему (29 июня 31 заседание);
- кредит Бразилии в размере 40 млн долл. на реализацию проекта по городскому развитию в муниципалитете Сорокаба (29 июня 31 заседание);
- займ в размере 300 млн долл. для ОАО «Российская корпорация жилищного строительства и городского развития» (ДОМ.РФ) для финансирования строительства доступного жилья в России (23 сентября 32 заседание);
- кредит Китаю в размере 3, 237 млн юаней на строительство Шестой линии метро в городе Циндао (15 декабря 33 заседание);

Таким образом, на конец декабря 2021 г. в кредитном портфеле НБР в общей сложности было 80 одобренных проектов на общую сумму более 29,5 млрд долл.

В конце 2023 г. НБР одобрил три новых кредита для Индии и Китая на общую сумму около 1,2 млрд долл. Два проекта для Индии касаются развития дорожной инфраструктуры в сельской местности, в частности 500 млн долл. пошло на улучшение дорожного сообщения в штате Гуджарат и 638 млн долл. на те же цели получит индийский штат Бихар. Третий кредит на сумму 50 млн долл. был реализован китайским Банком Ханчжоу для финансирования проектов в сфере чистой энергетике, водоснабжении, транспорта логистики.

В результате, на начало 2024 г. кредитный портфель увеличился до 100 проектов на общую сумму свыше 33 млрд долл., среди приоритетных направлений финансирования были транспорт, водоснабжение, чистая энергетика, цифровая и социальная инфраструктура, городское строительство и др.

Руководство НБР в сентябре 2025 г. утвердило кредит одному из старейших китайских банку «Shanghai Rural Commercial Bank Co. Ltd» (SHRCB) кредит стоимостью около 100 млн долл. Шанхайский банк будет финансировать экологические проекты, соответствующие стратегии развития зелёных и чистых городов Китая.

В декабре 2025 г. был одобрен проект финансирования крупной индийской компании «ReNew Vyoman Power Private Limited» (рыночная капитализация 2,8 млрд долл.) на сумму 13,2 млрд рупий для реализации в Индии проектов в области возобновляемой энергии и энергоэффективности.

По заявлению президента НБР Дилмы Роуссефф, на середину 2025 г. НБР было одобрено и профинансировано 120 проекта на общую сумму 39 млрд долл.

В марте 2026 г. был утвержден еще один проект в области устойчивого развития. Это проект строительства солнечной электростанции Райпура в Бангладеш, стоимостью 130,5 млн долл.

На середину 2026 г. руководством НБР было одобрено и профинансировано 140 проектов на сумму 42,9 млрд долл.

Высокая динамика, с которой развивается банк, наглядно демонстрирует потенциал консолидации усилий стран-участниц: для расширения сфер деятельности банка, в том числе и в сфере устойчивого развития, экологии и защиты окружающей среды[1].

В 2026 г. НРБ имел высокие международные рейтинги финансовой устойчивости и кредитоспособности. В частности, рейтинг агентства «Standard & Poor's» составил AA+, рейтинг от «Fitch Ratings» – AA, от японского агентства «Japan Credit Rating Agency» – AAA.

Экологические проекты стран БРИКС+ и финансовый инструментарий их реализации

Начало активного практического сотрудничества стран БРИКС в области устойчивого развития и экологии было положено на саммите стран-членов в Китае в сентябре 2017 г. В частности, в итоговой Сямэньская декларации руководителей стран БРИКС отмечалось: «Мы вновь

[1] http://www.ndb.int.

подтверждаем свое обязательство осуществлять в полном объеме Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[1].

Страны выразили готовность продолжать содействовать «зеленому» развитию и переходу к низкоуглеродной экономике в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты, укреплять сотрудничество в рамках БРИКС по борьбе с изменением климата и расширять «зеленое» финансирование. Подчеркивая значимость сотрудничества в сфере экологии в интересах устойчивого развития, страны БРИКС договорились предпринимать конкретные действия в таких областях, как предотвращение загрязнения воздуха и воды, утилизация отходов и сохранение биоразнообразия. При этом страны подтвердили важность формирования экологически чистой технологической платформы и повышения экологической устойчивости[2].

Новые возможности для разработки и внедрения механизмов «зеленого финансирования» в рамках БРИКС появились в 2018 г., когда председательство в БРИКС перешло Китаю, который имеет положительный опыт в этой сфере. В частности, еще в 2016 г. в рамках Группы G20 по инициативе Китая был запущен глобальный проект, целью которого стало увеличение вклада финансового сектора в «экологический устойчивый рост».

Специально созданная рабочая группа по изучению вопросов «зеленого финансирования» (Green Finance Study Group) подготовила подробный доклад, в котором были определены понятие, цели и масштабы «зеленого финансирования», конкретизированы существующие вызовы для наращивания его объемов, а также представлены рекомендации и инструменты для преодоления этих вызовов[3].

При этом потребности самого Китая в тот период в инвестициях в экологически чистые технологии оценивались экспертами примерно в 2 трлн юаней в год (308 млрд долл.). При этом на рынке «зеленых облигаций» долговых ценных бумаг, с которыми связывают будущее «чистой» экономики, доля китайских заемщиков составляла около 30%.

В 2016 г. для привлечения средств в экологические проекты Народный банк Китая выпустил бонды, деноминированные в долларах США объемом 2,25 млрд долл., в юанях – объемом 1,5 млрд и в евро – объемом 500 млн. В том же году на китайский рынок «зеленых облигаций» вышел Новый банк развития (НБР) БРИКС, разместивший на межбанковском рынке Китая дебютный выпуск пятилетних бумаг объемом 3 млрд юаней. Спрос на облигации превысил предложение в 3,1 раза, что свидетельствует, в частности о значительном интересе инвесторов к этому финансовому инструменту[4]. Фактически Китай стал основным драйвером роста мирового рынка «зеленых облигаций», который, по данным агентства Moody's, в 2016 г. достиг 93,4 млрд долл.[5]

Китайский опыт позволил разработать систему финансирования экологических проектов в рамках БРИКС и создать совместную «Платформу экологически чистых технологий БРИКС» (англ. BRICS Environmentally Sound Technology Platform). Создание платформы позволило странам БРИКС сформировать механизм взаимодействия представителей органов государственной власти, бизнеса, международных и национальных финансовых институтов, научных и общественных организаций, которые рассматривают развитие законодательства в сфере «зеленой экономики» как наилучшую практику внедрения экологически чистых технологий как на национальном, так и на международном уровне.

Совместная работа в этом направлении позволила эффективно мобилизовать существующие и запустить новые инструменты «зеленого финансирования» на рынках стран БРИКС, что способствовало реализации инфраструктурных проектов, улучшению взаимодействия стран БРИКС и повышению эффективности существующих механизмов сотрудничества.

Эта платформа стала универсальным механизмом взаимодействия, в рамках которого каждая страна БРИКС может определить приоритетную для себя тематику с учетом экологических, экономических и социальных особенностей развития каждой страны и сформулировать эту тему в качестве национальной инициативы по развитию. В частности, Россия выступила с

[1] BRICS Leaders Xiamen Declaration, September 4, 2017, Xiamen, China.

[2] Ibid.

[3] http://unepinquiry.org/wp-content/uploads/2017/01/2016-09-04-g20-communique-en.pdf.

[4] http://ndb.int/NDB-Successfully-Issued-First-RMB-denominated-Green-Financial-Bond.php#parentHorizontalTab2.

[5] http://www.kommersant.ru/doc/3211702.

инициативой разработать совместный проект «Чистые реки БРИКС», направленный на оздоровление водных бассейнов, очистки рек от пластикового мусора и недопущение его попадания в Мировой океан.

В рамках III заседания Рабочей группы стран БРИКС по окружающей среде в 2017 г. было официально заявлено о начале разработки и реализации программы «Чистые реки БРИКС», на базе «Платформы экологически чистых технологий БРИКС». Программа «Чистые реки БРИКС» направлена на реализацию шестой цели ООН в области устойчивого развития (ЦУР) – «Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех». Реализация программы предполагает взаимодействие государственных структур, частных предприятий, привлечение общественности; предусмотрено проведение акций по очистке берегов рек от накопленного мусора как на национальном, так и на многостороннем уровне.

Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации в 2021 г. заявило о разработке матрицы программы «Чистые реки БРИКС», позволяющей аккумулировать опыт стран-участниц в борьбе с загрязнением окружающей среды. В 2023 г. страны БРИКС подтвердили готовность представить конкретные предложения в матрицу совместной платформы[1]. После согласования матрицы программы всеми участниками, была направлена заявка в Новый Банк Развития (НБР) БРИКС, который уже зарекомендовал себя в качестве инструмента финансирования экологических проектов.

Руководство НБР в сентябре 2025 г. утвердило кредит одному из старейших китайских банку «Shanghai Rural Commercial Bank Co. Ltd» (SHRCB) стоимостью около 100 млн долл. Шанхайский банк будет финансировать экологические проекты, соответствующих стратегии развития зелёных и чистых городов Китая, что будет способствовать решению экологических проблем, с которыми сталкивается современный Шанхай – один из крупнейших городов Китая.

В декабре 2025 г. был одобрен проект финансирования крупной индийской компании «ReNew Vyoman Power Private Limited» (рыночная капитализация 2,8 млрд долл.) на сумму 13,2 млрд рупий для реализации в Индии проектов в области возобновляемой энергии и энергоэффективности. В среднесрочных планах Правительства Индии увеличить объем выпуска электроэнергии из возобновляемой источников энергии к 2030 г. до 500 ГВт. Достижение этой цели позволит Индии обеспечить 50% потребностей страны в электроэнергии из возобновляемых источников, что снизит интенсивность выбросов парниковых газов в атмосферу на 45%. В долгосрочной перспективе Индия прогнозирует достичь нулевого уровня выбросов вредных веществ в атмосферу к 2070 г.

В марте 2026 г. руководством НРБ был утвержден еще один проект в области устойчивого развития. Это проект строительства солнечной электростанции Райпура в Бангладеш, стоимостью 130,5 млн долл. В последние годы Бангладеш демонстрирует стабильный экономический рост и в 2026 г. по классификации ООН может выйти из числа наименее развитых стран. Энергетическая система Бангладеш по-прежнему сильно зависит от импорта ископаемых видов топлива. В этом контексте реализация проектов по расширению солнечной возобновляемой энергии предлагает Бангладеш экономичную и климатически безопасную альтернативу. Масштабирование солнечной энергии может составить конкуренцию дорогим тепловым электростанциям и внесет определенный вклад Бангладеш в рамках Парижского соглашения по климату.

Совместные климатические проекты стран БРИКС+, предотвращающие выбросы от природных ландшафтов или улучшающие поглощение ими углекислого газа, могут существенно повлиять на то, как будет развиваться сокращение парниковых газов. Поэтому даже сравнительно недорогие проекты по улучшению управления лесами, восстановлению степей и саванн, борьба с пожарами, озеленение тундры могут существенно снизить выбросы CO2.

Для природных климатических проектов нужен рынок, который стал бы мощным стимулом для их реализации, это можно сделать в рамках БРИКС+, сформировав условия для взаимного признания результатов климатических проектов странами при трансграничных операциях. Причем проекты могут реализовываться как в промышленности и энергетике, так и в природных экосистемах. Ведь страны БРИКС+ не только формируют 40% от мировых эмиссий парни-

[1] *Андрианов В.Д.* Совершенствование взаимных финансовых расчетов в рамках БРИКС+ как важный фактор устойчивого развития и реализации совместных проектов в области экологии // Страны БРИКС: экологические аспекты сотрудничества. – М.: Издательский дом «УМЦ», 2025.

ковых газов, но и имеют самый большой потенциал природных экосистем: более 30% мировой территории, около 40% мировых запасов лесов.

Предусмотрена возможность привлечения к этой работе потенциала Нового банка развития и создание платформы государственно-частного партнерства стран БРИКС+ с целью обмена опытом законодательного регулирования в области охраны окружающей среды, а также поиска, обмена и внедрения «зелёных технологий».

Весьма перспективным может стать экспериментальный проект, который предложила Россия на саммите стран БРИКС+ в 2025 г. Это проект – «Плейстоценовый парк», проект, направленный на борьбу с последствиями глобального потепления и изменения климата. Основная цель проекта – замедлить процесс таяния вечной мерзлоты в Арктике за счет восстановления экосистемы эпохи позднего плейстоцена.

* * *

На середину 2026 г. руководством НБР было одобрено и профинансировано 140 проекта на сумму 42,9 млрд долл., из них около трети приходилось на проекты в области устойчивого развития, экологии и защиты окружающей среды. В своей деятельности НБР интегрирует принципы экологической и социальной устойчивости в свою финансовую стратегию.

Говоря о перспективах развития НРБ руководство банка считает, что природные ресурсы жизненно важны для экономического роста, при этом устойчивое развитие включает в себя отделение экономического роста от деградации окружающей среды и загрязнения природы. Поддерживается стремление стран-членов БРИКС+ к переходу на развитие экономики с н

изким уровнем выбросов в атмосферу углекислого газа и других вредных веществ.

Банк рассматривает возможность финансирования внедрение новых и перспективных технологий, которые смогут смягчить влияние уже накопленных или текущих выбросов, с целью более быстрого и эффективного их к сокращению. При реализации проектов экологической направленности банк старается использовать новые зеленые технологии, при этом приоритет отдается проектам, включающим масштабное внедрение чистой и возобновляемой энергии, повышающие эффективность передачи, распределения и хранения электроэнергии.

В соответствии с твёрдой приверженностью целям устойчивого развития, банк не рассматривает возможность финансирования проектов, направленных на ввод в эксплуатацию новых угольных мощностей для производства электроэнергии.

В новой стратегии банка будет продолжена финансовая поддержка климатической устойчивости, финансирования инфраструктуры и инвестиций для повышения устойчивости к изменению климата.

Буркова Е.И.
к.полит.н., с.н.с. ИМЭМО РАН
Lenchen007@rambler.ru

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СТРАН БРИКС

Ключевые слова: устойчивое развитие, экополитология, экологическая политика, климатический переход, неправительственные экологические организации, климатический миропорядок.

Key words: sustainable development, environmental politics, ecological policy, climate transition, non-governmental environmental organizations, climate order.

Мировой процесс климатического перехода (транзита) основан на Соглашении, подписанном 189 странами 12 декабря 2015 г. на конференции Сторон Рамочной Конвенции ООН по измене-

нию климата в Париже, результатом чего, через 6 лет, стало официальное объявление о переходе государств мира к углеродной нейтральности. Парижское соглашение устанавливает добровольные определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ, цели по сокращению выбросов парниковых газов) для каждой страны. В планах стран – отказ от угля к 2030 году, от нефти – к 2045 году, от газа – к 2050 году.[1]

11 декабря 2019 г. ЕС был принят Зелёный пакт («Зеленая сделка», European Green Deal), план достижения ЕС нулевого нетто-выброса парниковых газов и суммарного загрязнения окружающей среды, и перехода к возобновляемым источникам, ВИЭ, к 2050 г., в результате чего Европа станет первым полностью климатически нейтральным континентом. Новый климатический режим, созданный с этой целью ЕС, иные системы осуществления Парижского соглашения, выдержаны в логике равной ответственности всех государств перед климатическим кризисом, логике, которая является парадигмой всей мировой климатической политики.

Но еще в 2008-2012 гг., группой стран, во главе с Индией и Китаем, была выдвинута формула «общей, но дифференцированной, ответственности» за стабилизацию климата планеты. Их союзниками выступили страны Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, и Россия. Развитые страны настаивали на том, что вся ответственность за «грязные» производства ложится на производителей. «Мировыми фабриками», между тем, являются Индия и Китай. Их призывы к развитым странам брать более высокие обязательства сокращения выбросов и оказывать помощь развивающимся странам, не имели реальных последствий, хотя сокращение выбросов в развивающихся странах проще и дешевле. А ведь страны-апологеты «общей, но дифференцированной, ответственности» являются ключевыми игроками на международной арене климатической политики!

Китай сегодня – на первом месте в мире по выбросам парниковых газов, более 30% (по данным, на 2026 год, 33%) от совокупного объема выбросов в мире. 2 место – у США, эмиссии которых около 12%. Индия, с почти 8%, занимает третье место в мире по выбросам CO2, страны ЕС сегодня – на 4 месте с немногим менее 6%, Россия сегодня – на 5 месте и ее выбросы составляют около 5%. На 6 месте по выбросам Япония (2,5%), на 7 месте – Иран (около 2%). Бразилия находится в рейтинге на 13 месте.[2] В 1991-2017 гг. выбросы парниковых газов в странах БРИКС, кроме России, росли – в Китае на 332 %, в Индии – на 300 %, в Бразилии – на 122%, в ЮАР – на 60%. (В России сократились на уровне 33%.)[3] В 2015-2024 гг. в Японии выбросы снизились на 20%, в ЕС – на 19%, в США – на 7%, в ЮАР почти не изменились, в Индии выросли на 32%, в Китае – на 20%, в России – на 15%[4].

Индия, Китай и их сторонники, включая Иран, Бразилию, являются партнерами России по БРИКС. Как и ЕС, все страны БРИКС разделяют консенсус по поводу наличия проблемы глобального изменения климата; они готовы идти на политические действия в этой связи и затрачивать на это финансовые ресурсы; и уже реально осуществляют активную национальную и международную климатическую политику. Члены БРИКС+, кроме Ирана, – стороны Парижского соглашения, и предоставляют информацию о своих ОНУВ и прочих действиях в области адаптации к изменению климата. Проблематика климата отражена в Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. как один из пунктов реализации повестки устойчивого развития. После встречи на высоком уровне стран БРИКС по вопросам изменения климата 13 мая 2022 года, проблема климата стала отдельным пунктом политической повестки дня данного со-

---

[1] *Companella E., Lawrence R.Z.* Populist revolt against climate policy // Foreign Affairs. – 2024. – September. – https://www.almendron.com/tribuna/the-populist-revolt-against-climate-policy.

[2] CO_2 Emissions by Country 2026. – https://worldpopulationreview.com/country-rankings/co2-emissions-by-country. См. также: Инфографика: топ-15 стран по объему выбросов парниковых газов. 16.07.2025. – https://www.vokrugsveta.ru/history/infografika-top-15-stran-po-obemu-vybrosov-parnikovykh-gazov-id6452288/?ysclid=mq6jhegvnh43226655.

[3] Россия, к 2030 г., обязалась достичь показателя менее 70% выбросов парниковых газов от уровня 1990 г., причем в 2018 г. уровень ее выбросов составил 52% от уровня 1990 г. В 2021 г. объявлено о намерении России достичь углеродной нейтральности к 2060 г. По выбросам Россия находится на 64 месте. (США – на 65 месте, это предпоследнее место). См.: Climate Change Performance Index 2025. – https://ccpi.org/country (дата обращения 11.06.2026).

[4] *Сафонов Г.* Десятилетие Парижского соглашения: почему странам не удалось решить проблему климата // Сайт Форбс. – 2025. – 14 ноября. – https://www.forbes.ru/sustainability/549757-desatiletie-parizskogo-soglasenia-pocemu-stranam-ne-udalos-resit-problemu-klimata?ysclid=mq49tb30m4341479984.

юза. Цель Китая – достижение углеродной нейтральности к 2060 г., ЮАР – к 2050 г., Индии – к 2070 г. Китай и Индия объявили, что достигли максимума своих выбросов, и планируют начать их сокращать с 2030 г.

После образования БРИКС+, на страны союза приходится более половины общемировых выбросов углекислого газа. В отличие от России, чьи климатические успехи являются скромными, Китай имеет собственную национальную климатическую стратегию, и провозгласил задачу строительства «экологической цивилизации». Китай – мировой лидер по производству солнечной электроэнергии и энергии ветра (ВИЭ по использованию ветра – 1 место в мире.) и 2 в мире – по выпуску «зелёных облигаций[1]. Индия довела долю ВИЭ в 2023 г. до 40% от общего объема. Страна так же обладает системой торговли разрешениями на выбросы парниковых газов[2]. ЮАР, у которой 1 место в Африке по выбросам парниковых газов, 3 место в мире по количеству поступающей солнечной энергии на единицу территории. И это единственная страна в Африке, где работает система торговли выбросами. ЮАР обязалась полностью отказаться от добычи угля[3]. Схожая ситуация у Бразилии, которая является лидером климатической политики на своем континенте.

С другой стороны, за физическими показателями выбросов скрывается совсем иная картина. У Китая показатель выбросов на душу населения (7,4 метрических тонны) составляет менее половины показателя в США, а у Индии – лишь 1,7 метр. тонны. Равная ответственность всех народов перед климатическим кризисом свидетельствует о росте развитых стран за счет остального мира и лишь усугубляет фактическое экономическое неравенство государств-участников РКИК. Такая климатическая политика непропорционально замедляет экономический рост в более бедных странах[4]. Логика «равной ответственности» сторон-участниц – компонент гегемонистской модели нынешнего миропорядка, вместо сплочения народов перед лицом планетарной опасности она обостряет политическое противостояние.

Выдающийся отечественный философ политики конца XX века А.С. Панарин рассматривал современный мировой политический процесс как «демократию» для безответственного привилегированного экстерриториального меньшинства, в ходе развертывания которого происходит подчинение глобальной индустриальной элитой правительств малых, средних и даже больших, стран, правительств, перестающих быть национальными и не представляющих более свои народы. В нынешней модели глобализации все больше народов и стран оказываются «неадаптированными», увеличивается число «неполноценных и неприкасаемых»[5]. Принцип «равной ответственности» – новая форма экологического неоколониализма, которую А.С. Панарин описывал в категориях эко- и этноцида[6]. Исламский мир, Ближний Восток, Китай, вместе с Россией – будут восставать против него, предсказывал ученый.

Чем продиктовано проигрышное и несправедливое положение государств БРИКС в мировом климатическом процессе? Прежде всего, неблагоприятной политической окружающей средой и кризисом значимых институтов климатической и экологической политики. Учет рисков принимаемого решения, долгосрочные временные рамки его принятия (то, на чем базируется принцип устойчивого развития), далеки от интересов государственной бюрократии. Государство – институт, в котором имеет место доминирование индустриальных элит (industrial elites), которые и являются виновником экологического и климатического кризиса. Любые решения в пользу их

---

[1] *Растопчина Ю.Л., Ковалева Е.И.* «Зеленая» экономика и «зеленые» инвестиции Китая: возможности и перспективы // Научный результат. Экономические исследования. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 29-40. DOI: 10.18413/2409-1634-2023-9-3-0-3.

[2] *Дорохина К.М., Сахаров А.Г.* Политика Индии в области смягчения последствий изменения климата: трудности и перспективы // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 29-40. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-04.

[3] *Игнатов А.А.* Проблемы и перспективы реализации политики справедливого энергетического перехода в ЮАР // Вестник международных организаций. – 2023. – Т. 18, № 4. – С. 124-146. DOI: 10.17323/1996-7845-2023-04-05); Cocks T. South Africa's revised carbon tax to be harsher but with more offsets // Reuters. – 2024. – November 15. – https://www.reuters.com/sustainability/south-africas-revised-carbon-tax-be-harsher-with-more-offsets-treasury-says-2024-11-15.

[4] Climate Debt: What the West Owes the Rest // Foreign Affairs. – 2020. – May/June. – https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/climate-debt.

[5] *Панарин А.С.* Православная цивилизация. – М.: Институт русской цивилизации, 2014.

[6] Там же.

преодоления требуют принести жертву в краткосрочной перспективе ради выживания в довольно отдаленном будущем, эти решения общенационального характера, они в интересах всех, а не каждого, они не в интересах лоббистов и корпораций. Их можно принять только общей волей народа, нацеленной на выживание во времени. Вот почему локомотивом эколого-климатических реформ стали новые политические игроки – негосударственные, неправительственные сегменты. Неправительственные организации эколого-климатического профиля представляют собой новые социальные движения, нацеленные на инновации в общественной системе с учетом соответствующих императивов, на участие в политическом процессе, формирование экологически активной позиции населения. Приоритетное направление их деятельности – расширение участия граждан и общественности в процессе развития на основе добровольного общественного участия. НПО, гибкие, укорененные в самом гражданском обществе, виделись как противовес экологически недружественному государству-бюрократии, внутри которого ведут бой чиновники и эксперты.

В реальности, спектр НПО оказался огромен. Верхушечные и низовые, экспертные и активистские, умеренные и радикальные, НПО варьируют от небольших добровольных групп из местных сообществ, до серьезных агентств по оказанию помощи и международных организаций, занимающихся вопросами регионального и мирового развития. Объединяет их лишь то, что эти организации действует в общественных интересах и имеют общественную повестку дня. Большая часть НПО создается под определенную миссию, поэтому эти институты имеют временный. неустойчивый характер, работа их может завершиться с завершением конкретного проекта[1].

Принципиальную роль здесь играет политическая культура, соотношение в системе «государство – гражданское общество»[2]. Отношения между НПО и государством – в идеале, не смертельная схватка, а хрупкое партнерство. Способность к инновациям – особое качество НПО. Ранее считалось, что наиболее могущественными НПО являются те, которые тесно связаны с гражданским обществом («низовые»). Здесь и притаилась главная опасность, ставшая причиной кризиса всей системы политики охраны природы в мире. В ряде стран на рубеже XX-XXI вв. произошла блокировка индустриальных элит с населением. Люди выбрали свои краткосрочные интересы. И, вот, уже правительства продвигают климатическую повестку, а их населения спасаться не хотят. Теория изменения климата (как и все, что сегодня базируется на экспертном знании) стала идеальной мишенью для популистов и всевозможных теорий заговора. В их риторике борьба с изменениями климата есть элитарный проект, направленный на то, чтобы НОВЫМИ СПОСОБАМИ лишить людей власти, денег, устойчивого положения в обществе. Климатическая нейтральность – игра вдолгую, скорее всего, она вообще не окупится. Инновации не бывают дешевы и безболезненны[3]. Увы, НПО, которые опирались на массовую поддержку, не смогли успешно выжить в этой среде.

Сегодня к ключевым игрокам в климатической политике относятся НПО, которые финансируются государствами и государственными организациями. НПО стали подотчетны донорам, а не общественности, которую должны представлять. А у тех – свои эксперты (в т.ч., внедренные в само НПО), не знакомые с местными опытом и спецификой. Международная система НПО как сеть участников, координирующих свои действия с помощью норм, стимулов, информации ныне находится под сильным влиянием государственных органов. Но не всех. А тех, которые играют лидирующую роль в нынешнем мировом порядке.[4] В результате:

1. НПО играют весьма значимую политическую роль в странах с высоким уровнем коррупции, нестабильным, неэффективным правительством, в несостоявшихся государствах (failed states). Они работают без оглядки на «свои» государства, часто, слепо следуют по-

[1] The State-NGOs roles and relationships in developing countries. – 2022. – 15 January. – https://www.academia.edu/73559846/The_State_NGOs_roles_and_relationships_in_developing_countries?email_work_card=thumbnail.

[2] См. подробнее: *Dryzek J.S., Downes D.* Green States and Social Movement: Environmentalism in the USA, UK, Germany and Norway. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

[3] *Companella E., Lawrence R.Z.* Populist revolt against climate policy // Foreign Affairs. – 2024. – September. – https://www.almendron.com/tribuna/the-populist-revolt-against-climate-policy.

[4] The State-NGOs roles and relationships in developing countries. – 2022. – 15 January. – https://www.academia.edu/73559846/The_State_NGOs_roles_and_relationships_in_developing_countries?email_work_card=thumbnail.

вестке дня, разработанных конкретно их донором. Они вынужденно заменяют государство в целых отраслях, что нельзя признать нормой. Философия «подлинного партнерства», основанного на «взаимном уважении, признании автономии» и независимости, предусматривает совместное консолидированные действия государства и НПО. Чрезмерная роль НПО в политике делает ее непредсказуемее, а их самих – уязвимее. В странах III мира государство, НПО и бизнес вынуждены конкурировать буквально за одни и те же ресурсы от одних и тех же доноров[1].

2. Политика распределения средств, идущая от крупных международных финансовых игроков в сфере климата, чаще всего, направлена на смягчение последствий экологического, климатического кризиса, а не на его корни и причины. С готовностью международные доноры дают деньги на то, чтобы развивающиеся страны не сжигали ископаемое топливо в процессе осуществления экономических реформ, тем самым, консервируя их отсталость. А финансирование мер по адаптации, помощи бедным странам в преодолении неблагоприятных климатических последствий, составляет не более 20% средств, выделяемых донорами стран Севера[2].
3. Традиционная посредническая роль НПО тоже сегодня пересматривается. НПО все больше работают на себя и заняты поиском источников финансирования, теряя связь с населением и гражданами. Какой смысл организовывать трудоемкий процесс гражданского участия, если есть возможность жить на гранты от спонсоров, реализуя их повестку? В связи с этим многие местные, региональные, национальные, международные НПО, прямо транслируют неолиберальную повестку и модели развития развитых стран Запада. А голос глобального Юга в их среде, как правило, не слышится.[3]

Поэтому, восприятие системы НПО как мощной мировой системы нового типа, отражающей глобальные властные отношения, в которые вовлечено мировое гражданское общество, отношения, меняющие природу и характер самих этих отношений, политический ландшафт по всему миру, как минимум, не вполне корректно. НПО бывают разные, но и самые «хорошие», «прогрессивные» их них, не играют определяющей роли в формировании глобальной политической повестки. Став инсайдерами политического процесса, они подключаются к системе оказания помощи, и далее должны следовать определенным правилам! В этой системе они структурно интегрированы, участвуют в передаче ресурсов и обмене информацией и вынуждены вовлекаться в *общий процесс выработки консенсуса*, который контролируют реальные лидеры климатической политики – государства-доноры, так что любые НПО как представители «глобального гражданского общества» «финансируются государством и работают в соответствии с правилами, изданными отдельными государствами или международной государственной системой»[4]. Деятельность НПО эффективнее государственной бюрократии – она маломасштабная, гибкая, динамичная, адаптивная, эффективная и инновационная, но это не значит, что она не служит государству и является альтернативой государству.

Международные сети климатической политики фактически захвачены антиэкологическими силами, транслирующими экологический неоколониализм. К сожалению, почти все страны БРИКС осуществляют свою климатическую активность с привлечением внешних финансовых ресурсов и через международную систему НПО.

Конечно, есть и внутренние причины того, что Россия и ее союзники по БРИКС занимают незначительное положение в мировом климатическом порядке[5]. Цели климатической нейтраль-

---

[1] The State-NGOs roles and relationships in developing countries. – 2022. – 15 January. – https://www.academia.edu/73559846/The_State_NGOs_roles_and_relationships_in_developing_countries?email_work_card=thumbnail.

[2] Climate Debt: What the West Owes the Rest // Foreign Affairs. – 2020. – May/June. – https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-04-13/climate-debt.

[3] *Roche Ch., Hewett A.* The end of the Golden Age of NGOs? // Development policy. – 2013. – 22 November. – https://devpolicy.org/the-end-of-the-golden-age-of-ngos-20131122.

[4] *Tvedt T.* Development NGOs: Actors in a Global Civil Society or in a New International Social System? // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. – 2002. – Vol. 13, N 4.

[5] Климатический порядок, как комплекс режимов, связанных с изменением климата, являет собой совокупность отдельных международных климатических режимов, а, так же, род международного сотрудничества, и совокупность принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых концентрируются ожидания основных акторов. См. Krasner S. International regimes. – 1983.

ности нередко входят в противоречие с энергетической политикой конкретной страны. Энергоизбыточные страны всегда проводят менее амбициозную климатическую политику и устанавливают самые скромные цели по сокращению выбросов по сравнению с энергодефицитными странами – их запасы ископаемого топлива служат источником государственных и корпоративных доходов (за которыми – все те же мировые финансово-промышленные элиты!). В БРИКС входят страны с самыми разными стратегическими ориентирами в области энергетики. Китай, Индия, ЮАР, Эфиопия, Египет, заинтересованы в сокращении зависимости от зарубежных поставок энергетических ресурсов, а Россия, Саудовская Аравия, ОАЭ стремятся продолжить их экспорт. Россия – одна из ключевых энергоизбыточных стран[1]. Все это влияет на политику России в отношении как НПО, так и всего «третьего» сектора[2]. Вовремя не поставив перед собой эту задачу – борьбу за контроль над международными сетями климатической политики – Россия проиграла (как и ее союзники). И когда возникла необходимость отстоять формулу «общей, но дифференцированной, ответственности», у стран содружества не нашлось средств и рычагов поддержать свою идею перед лицом участников мирового процесса.

Однако именно у России есть то, чего больше ни у кого нет. Россия, русская цивилизация способна мирно сосуществовать с другими цивилизациями[3]. Эта способность сложилась в силу климатических и географических причин, особенностей нашей адаптации к окружающей среде[4]. «Симбиоз народов, синтез различных культур, сплав, родивший общее миропредставление и общий образ жизни»[5] лежит в основе ее цивилизационного ядра. Россия может предложить миру экологическую версию глобализации и, на ее основе – проект экологически безопасного развития.

Давиденко Л.М.
к.э.н., ассоциированный профессор (доцент), Торайгыров университет[6], г. Павлодар
davidenkolm@rambler.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Ключевые слова: «зеленые» технологии, экологический брендинг, технологическая интеграция, устойчивость, экологический менеджмент, ЕАЭС, БРИКС.
Key words: green technologies, eco-branding, technological integration, sustainability, environmental management, EAEU, BRICS.

Введение

Устойчивое развитие получило повестку глобальных масштабов, включив в сферу своего воздействия страны и их экономические союзы, отрасли экономики и субъекты хозяйствова-

[1] *Буркова Е.И.* Россия и ЕАЭС: формирование общего климатического режима // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 2. – С. 101-114.

[2] Система НПО климатического и экологического профиля в России сейчас развита недостаточно. При этом изначально Россия была в числе передовых стран по масштабам и числу НПО. См. *Глушенкова Е.И.* Экополитология краткий курс лекций. – М.: Акад. МНЭПУ, 2010. – 207 с.

[3] *Моисеев Н.Н.* Русский вопрос // Русская цивилизация. – М., 2000.

[4] *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире // Трибуна русской мысли. – 2014. – № 15. – С. 60.

[5] *Моисеев Н.Н.* Русский вопрос // Русская цивилизация. – М., 2000. – С. 6.

[6] Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19676924 «Разработка технологии и продвижение экологического брендинга промышленного комплекса региона»).

ния. С начала реализации Целей устойчивого развития (ЦУР) прошло десять лет и вновь возникающие вызовы проявились в необходимости формирования новых форм финансирования, поиска бизнес-партнеров, трансформации нормативно-законодательной базы, что, в большинстве случаев, ускоряет достижение целевых индикаторов. Для реализации экологической повестки в Казахстане были приняты Экологический кодекс (2021 год)[1], Классификация (таксономия) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты (2021 год)[2], Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года (2023 год)[3], Цифровой кодекс (2026 год)[4], которые помогают регулировать новые процессы, объединяя сферы интересов государства, населения, промышленных компаний, финансовых институтов, научно-исследовательских и общественных организаций. Для раскрытия сущности устойчивого развития в условиях нарастающих экологических противоречий целесообразно систематизировать структурно-логические блоки исследования:

– во-первых, выявить тенденции модернизации экологической повестки в стране;
– во-вторых, рассмотреть действующие кейсы в области экологического менеджмента;
– в-третьих, предложить научно-обоснованные подходы по смягчению воздействия экологических факторов на жизнеобеспечение казахстанских регионов и их партнеров.

Модернизация экологической повестки в Казахстане

Для смягчения экологических противоречий в качестве зон ответственности специалистами выделяются наиболее чувствительные направления модернизации:

– «новая энергия»: включает решения для перехода к низкоуглеродной экономике;
– «водные ресурсы»: охватывает технологии повторного использования, эффективного орошения и фильтрации;
– «искусственный интеллект» (ИИ) и умные города: объединяет решения в области «умных» технологий для энергоэффективных населенных пунктов;
– «управление отходами»: представляет собой систему безотходной организации производства, ресурсосберегающего ведения домашнего хозяйства;
– «экологичные» технологии: базируется на улавливании углерода и ускоренной адаптации к изменению климата;
– ESG и «зеленые» финансы: привлекает «зеленые» инвестиции и реализует практики для перехода к экологичной экономике;
– циркулярная биоэкономика: ориентируется на технологическую интеграцию точного земледелия и устойчивого производства;
– «зеленое» строительство: использует природные решения для сохранения и восстановления экологических ресурсов;
– «зеленое» образование и искусство: стимулирует и продвигает передовые исследования в области экологических инноваций, экологического потребления и экологической культуры, в частности, направления моды на основе переработанных тканей и природных красителей; художественные экспозиции, представляющие природу, устойчивое будущее и экологические ценности; экологическое и социальное кино с публичными показами и обсуждениями.

Для достижения ЦУР активную гражданскую позицию по соблюдению экологических прав и обязанностей занимают объединения, имеющие вес в принятии решений о правомерности строительства и функционирования объектов, оказывающих негативное воздействие на окру-

[1] Экологический кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400.

[2] Классификация (таксономия) «зеленых» проектов, подлежащих финансированию через «зеленые» облигации и «зеленые» кредиты. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2021 года № 996. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000996.

[3] Стратегия достижения углеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2023 года № 121. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121.

[4] Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII ЗРК. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255.

жающую среду[1]. В частности, Общественное объединение «ЭКОМ»[2], представители объединений юридических лиц (ОЮЛ), в числе которых Казахстанская ассоциация по управлению отходами «KazWaste», Ассоциация экспертных организаций в сфере технического регулирования и стандартизации, Евразийская промышленная Ассоциация, Ассоциация возобновляемой энергетики Казахстана[3], Ассоциация экологических организаций Казахстана (АЭОК)[4], Казахстанская ассоциация региональных экологических инициатив «EcoJer»[5], являются слушателями на обсуждениях по строительству и вводу в эксплуатацию на территории страны объектов промышленного и хозяйственного назначения[6].

Кейс «Экологический менеджмент объектов возобновляемых источников энергии»

В борьбе с экологическими проблемами важно придерживаться принципов «зеленой» экономики. В последние годы российские менеджеры промышленных компаний выбирают инструменты циркулярной (круговой) экономики, нацеленной на создание замкнутых циклов[7]. Ответственное использование ресурсов становится ключевым инструментом для оптимизации энергопотребления, снижения воздействия на окружающую среду и сокращения эксплуатационных расходов[8].

Оптимизация процесса энергообеспечения постепенно происходит на казахстанских предприятиях. Электростанции, работающие на возобновляемых источниках энергии, становятся лидерами в новых отраслях экономики, предоставляя возможность непрерывного функционирования важных объектов инфраструктуры (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика функционирования ветряных электростанций (ВЭС), солнечных электростанций (СЭС), гидроэлектростанций (ГЭС) Республики Казахстан по итогам 2025 года[9]

Компания (учредители)	Тип	Мощность, МВт	Объем электроэнергии, млн кВт*ч	Выручка без НДС, млрд тенге
ТОО «ЦАТЭК Green Energy» (Александр Клебанов, Сергей Кан, РК)	ВЭС	100	315,0	31,2
ТОО «Жанатасская ВЭС» («State Power Investment Corporation», Китай; «Visor», Алмас Чукин, РК)	ВЭС	100	387,9	13,6
ТОО «M-KAT Green» («TotalEnergies Renewables, Франция)	СЭС	100	182	10,4
ТОО «Номад Солар» («TotalEnergies Renewables, Франция)	СЭС	28	50	2,7

[1] Об утверждении Инструкции по определению категории объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду. Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 13 июля 2021 года № 246. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 15 июля 2021 года № 23538. – https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2100023538.

[2] Общественное объединение «ЭКОМ». – https://aarhus-pavlodar.kz/.

[3] Ассоциация возобновляемой энергетики Казахстана. – https: //kazrenergy.com/.

[4] Ассоциация экологических организаций Казахстана. – https://aeok.kz/.

[5] Казахстанская ассоциация региональных экологических инициатив «EcoJer». – https://ecojer.kz/.

[6] Интерактивная карта общественного экологического мониторинга. – https://ecokarta.kz/#.

[7] *Румянцев М.Л.* Разработка и внедрение инновационных методов снижения экологических рисков на производстве // Актуальные вопросы современной экономики. – 2025. – № 10. – С. 457-462. – EDN VPSGQH.

[8] *Жильцов Н.А., Коровкина А.И.* Энергетический менеджмент и возобновляемые источники энергии как фактор устойчивого развития малых городов // Современные технологии, материалы и техника: Сборник научных статей 3 Всероссийской научно-технической конференции. В 2 т. – Воронеж: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 170-174. – EDN SUCAJD.

[9] Расчетно-финансовый центр по поддержке возобновляемых источников энергии (РФЦ по ВИЭ) Министерства энергетики Республики Казахстан. – https://rfc.kz/ru/single-purchaser-of-electricity/decoding-the-cost-of-electricity/.

Окончание табл. 1

Компания (учредители)	Тип	Мощность, МВт	Объем электроэнергии, млн кВт*ч	Выручка без НДС, млрд тенге
ТОО «ENEVERSE KUNKUAT» (Тао Чжичень, Китай)	СЭС	100	153	30
ТОО «KB Enterprises (Caspian Solar Holding)»	СЭС	100	149	8,2
ТОО «Первая ветровая ВЭС (Qazaq Green Power – «Самрук-Энерго»)	ВЭС	50	149	7,8
ТОО «ВетроЭнергоТехнологии» (Шамиль Хакимов, Владимир Сидельковский, Сайрамбек Жексембі, РК)	ВЭС	100	192	7,6
ТОО «SES Saran» (Евгений Гребенников)	СЭС	100	65	7,5
ТОО «Бурное Солар-1» (СПК «Тараз», ТОО Samruk Kazyna – United Green, UG Energy Limited)	СЭС	50	85	6,8
ТОО «Энергия Семиречья» («Самрук-Энерго», Power China)	ВЭС	60	208	6,4
ТОО «Ветроинвест» (Константин Гаврюшенко, РК)	ВЭС	60	104	5,5
ТОО «Бурное Солар – 2» (ТОО Samruk Kazyna-United Green)	СЭС	50	80	4,9
ТОО «Baikonyr Solar» (UG Energy Limited, Baiterek Venture Fund)	СЭС	50	79	4,6
ТОО «Жел Электрик» (Ораз Жандосов и китайские партнеры)	ВЭС	50	197	4,5
ТОО «Казсолар 50» (Евгений Гребенников, РК)	СЭС	50	74	4,3
ТОО «Коринская ГЭС-2» (ТОО «Энергия Жетысу»)	ГЭС	26	84	3,8
ТОО «Vista International» (Константин Гаврюшенко, РК)	ВЭС	21	72	3,8
ТОО «Жеруйык Энерго» (Валерий Овсянников, РК)	ВЭС	50	113	3,5
ТОО «Mistral Energy» («Mistral Energy PTE», Ораз Жандосов, РК)	СЭС	50	81	3,4
ТОО «Коринская ГЭС» (ТОО «Энергия Жетысу»)	ГЭС	26	101	3,1

Кейс «Экологический менеджмент на уровне регионов. Павлодарский промышленный регион»

Павлодарская область Республики Казахстан представляет собой крупный индустриальный центр, для которого устойчивое развитие напрямую связано с эффективностью экологического менеджмента промышленных компаний и инфраструктурных объектов (рис. 1).

Динамика расходов на мероприятия по охране окружающей среды является положительной, усиленный контроль над реализацией экологических проектов позволит достичь индикаторов ожидаемого эффекта (табл. 2).

Численность населения Павлодарской области по состоянию на 1 марта 2026 г. – 744,5 тыс. человек, в том числе городских жителей – 532,4 тыс. человек (71,5%), сельских жителей – 212,1 тыс. человек (28,5%)

Рост объема промышленного производства в действующих ценах: за январь-март 2026 г. – 1081426,2 млн тенге, что на 4,9% больше, чем в январе-марте 2025 г.

Рост объема валового выпуска продукции (услуг) сельского, лесного и рыбного хозяйства в январе-марте 2026 г. – 45100,2 млн тенге, или 104% к январю-марту 2025 г.

Снижение объема грузооборота в январе-марте 2026 г. – 8721 млн. тонно-километров (с учетом оценки объема грузооборота индивидуальных предпринимателей, занимающихся коммерческими перевозками), или 99,2% к январю-марту 2025 г. Снижение объема пассажирооборота – 463,6 млн пассажиро-километров, или 96,2% к январю-марту 2025 г.

Рост объема строительных работ (услуг) – 45,1 млрд тенге или 126,6% к соответствующему периоду 2025 г.

Рост объема инвестиций в основной капитал в январе-марте 2026 г. – 175,6 млрд тенге, или 114,6% к соответствующему периоду прошлого года

Количество действующих юридических лиц – 14196 единиц, среди которых 13836 единиц – малые предприятия. Количество зарегистрированных предприятий малого и среднего предпринимательства (юридические лица) – 14241 единица, уменьшилось по сравнению с соответствующим периодом 2025 г. на 1,5%

Взаимная торговля со странами ЕАЭС в январе-феврале 2026 г. – 210,8 млн долларов США, уменьшилась по сравнению с январем-февралем 2025 г. на 14,7%, в том числе экспорт – 114,7 млн долларов США (сокращение на 22,9%), импорт – 96,1 млн долларов США (сокращение на 2,4%)

Объем текущих затрат на охрану окружающей среды в 2024 г. – 50,7 млрд тенге (увеличение на 1,9%)

Рис. 1. Социально-экономическая характеристика Павлодарской области[1]

[1] Статистика регионов Республики Казахстан. Павлодарская область. – https://stat.gov.kz/ru/region/pavlodar/; Объем текущих затрат на охрану окружающей среды в Павлодарской области. – https://stat.gov.kz/api/iblock/element/region/22771/file/ru/.

Таблица 2

Расходы на мероприятия по охране окружающей среды, реализуемые Управлением недропользования, окружающей среды и водных ресурсов Павлодарской области Республики Казахстан на 2026-2028 годы, млн тенге[1]

Природоохранные мероприятия	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	Ожидаемый эффект
Осуществление ртутного мониторинга в районе Северной промышленной зоны г. Павлодар на территории проведения демеркуризационных работ	5,6	6,5	6,8	7,1	100% охват всех компонентов окружающей среды для анализа на содержание ртути на территории Северной промышленной зоны
Трансляция информации о текущем состоянии атмосферного воздуха	13,3	14,1	14,8	15,5	Информирование не менее 80% населения Павлодарской области о состоянии атмосферного воздуха в онлайн-режиме
Мониторинг целевых показателей качества окружающей среды по Павлодарской области	0,0	9,1	0,0	10,1	Объективная оценка качества окружающей среды и ее компонентов, достижение целевых показателей, оценить выполнение и эффективность проводимых мероприятий по улучшению экологии и достижению целевых показателей
Проведение оценки уязвимости к изменению климата Павлодарской области	0,0	7,1	0,0	0,0	Установление рамок воздействия, определение климатических опасностей и их воздействия и потенциальных уязвимостей к изменению климата
Проведение забора и анализа поверхностных вод и донных отложений реки Иртыш	3,7	4,2	4,4	4,6	Предотвращение загрязнения поверхностных вод, анализ на основные химико-физические показатели (47 показателей поверхностной воды и 21 показатель донных отложений)
Расчистка протоков реки Иртыш в селе Мичурино Павлодарского района Павлодарской области	0,0	1094,0	380,8	0,0	Улучшение мелиоративного состояния орошаемых земель. Повышение водности, предотвращение заиливания, поддержание оптимального гидрологического режима и санитарного состояния реки
Разработка ПСД по строительству ливневой канализации в г. Павлодар	0,0	0,0	12,0	0,0	Улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки в областном центре
Проведение мероприятий по экологической пропаганде и просвещению	15,4	20,9	22,0	23,1	Повышение экологической культуры населения региона в отношении окружающей среды

[1] Об утверждении плана мероприятий по охране окружающей среды Павлодарской области на 2026-2028 годы. – https://prg.kz/document/?doc_id=37516330.

Научно-обоснованные подходы в области устойчивого экологического менеджмента

Устойчивое развитие является как целью, так и регулируемым процессом на уровне регионального управления. Связь реального сектора экономики с законотворческой, нормативно-правовой базами в области экологии и «зеленых» технологий может быть укреплена благодаря специализированным научным исследованиям и разработкам ученых и специалистов стран ЕАЭС, БРИКС (табл. 3).

Таблица 3

Подходы по смягчению воздействия экологических факторов на жизнеобеспечение регионов

Подход	Реализуемые функции	Исследователи
Создание сквозных инновационных цепочек на межгосударственной основе	Опережение развития и укрепление позиций на внешних рынках под единым евразийским брендом, развитие межгосударственной кооперации («АгроТех-акселератор» с фокусом на ЕАЭС)	С.А. Кречко[1]
Развитие инструментов венчурного и проектного финансирования	Комплексные научно-технологические программы с «бесшовной» поддержкой на всех стадиях (гибкие партнерства между наукой, государственными и частными корпорациями с целью цифровизации, глубокой переработки, получения новых видов энергии в России)	Д.М. Молоков, В.Н. Котлобаев, Н.А. Фадеев[2]
Обеспечение прозрачности финансовых потоков, контроль сроков и анализ качества результатов в НИОКР	Создание учетно-аналитического регистра с метриками технологической готовности, экологической устойчивости, степени интеграции инноваций (внедрение инновационных решений в России)	И.П. Комиссарова, М.Д. Арбузова, А.А. Романова, А.Ю. Фомин[3]
Установление связей для продвижения национального «зеленого» брендинга	Оценка объемов инвестиционных вложений в реализацию технологии экобрендинга казахстанских компаний с учетом трансграничных партнерств в формате ЕАЭС	Л.М. Давиденко[4], М.М. Каверина, Е.В. Давиденко[5]

[1] *Кречко С.А.* Развитие кооперации в глобальных инновационных процессах // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 6-12. – EDN MEHXEG.

[2] *Молоков Д.М., Котлобаев В.Н., Фадеев Н.А.* Развитие инновационной экосистемы в топливно-энергетическом комплексе через интеграцию науки и бизнеса // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, № 6-1. – С. 410-420. – DOI 10.34670/AR.2025.93.96.041. – EDN OIPPZY.

[3] *Комиссарова И.П., Арбузова М.Д., Романова А.А., Фомин А.Ю.* Формирование регистра внутреннего контроля инноваций промышленного предприятия // Естественно-гуманитарные исследования. – 2025. – № 6 (62). – С. 427-431. – EDN HKDBCH.

[4] *Давиденко Л.М.* Оценка объемов инвестиционных вложений в реализацию технологии экобрендинга казахстанских компаний // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в современных условиях: Сборник материалов VII международной научно-практической конференции. В 3 ч. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 276-281. – EDN HJNLNJ; *Давиденко Л.М.* Программа масштабирования платформенной экологизации производства на регионы и установление связей для продвижения национального «зеленого» брендинга // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции. В 4 ч. – Москва: Издательский дом «УМЦ», 2025. – С. 110-115. – EDN YAVSGY.

[5] *Davidenko L.M., Kaverina M.M., Davidenko Ye.V.* «Green» world: ecological branding of the republic of Kazakhstan // Зеленая экономика: проблемы экологии и использования природных ресурсов в условиях формирования многополярной экономики: Материалы II международной научно-практической конференции. – Бухара: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. – С. 53-58. – EDN AICZZA.

Окончание табл. 3

Подход	Реализуемые функции	Исследователи
Платформенная экологизация и продвижение экологического брендинга	Управление межрегиональными торговыми связями с партнерами по ЕАЭС, странами БРИКС благодаря материальному и ресурсному обеспечению, развитой транспортно-логистической системе	Н.М. Шеримова, Л.М. Давиденко, А.А. Титков[1]
Обеспечение экономической безопасности в условиях многополярности	Разработка и внедрение собственных «чистых», открытие «умных» промышленных объектов внутри страны, внедрение программ технологического импортозамещения	В.А. Агрелова, О.Г. Аркадьева, М.И. Бажанова[2]
Маркетинг-менеджмент экономического роста применительно к системе ESG	Формирование устойчивых связей внутренней и внешней деятельности коммерческих структур с учетом факторов экологии, социализации и корпоративности (опыт ЕАЭС, стран БРИКС)	В.В. Шелепа, Л.М. Давиденко[3], И.Ю. Александрова, А.А. Аникин, И.А. Аренков[4]
Устойчивое потребление в системе социальных трендов трудовой активности	Программные решения объективных проблем со здоровьем, жилищных вопросов для повышения качества жизни людей (российский опыт)	Л.И. Грошева, И.Л. Грошев, И.А. Грошева[5]
Создание «зеленых» бизнес-моделей и инноваций	Поддержание устойчивости цифровых платформ, включая электронную коммерцию на рынке «зеленых» продуктов и услуг (казахстанский опыт)	Л.М. Давиденко[6], М.А. Амирова, С.К. Кунязова[7]

Обобщение наблюдений за функционированием промышленных компаний и их стейкхолдеров помогает вырабатывать меры устойчивого развития (рис. 2).

---

[1] *Шеримова Н.М., Давиденко Л.М., Титков А.А.* Платформенная экологизация и продвижение экологического брендинга промышленного комплекса Павлодарского региона // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2025. – № 4 (416). – DOI 10.32014/2025.2518-1467.1019. – EDN POLDSE.

[2] Проблемы экономической безопасности в условиях многополярности современного мира / В.А. Агрелова, О.Г. Аркадьева, М.И. Бажанова и др. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2025. – 316 с. – EDN PYHSZW.

[3] *Шелепа В.В., Давиденко Л.М.* Влияние рынка рекламы на развитие региональной экономики (на примере Павлодарской области) // Вестник науки. – 2025. – Т. 3. – № 12 (93). – С. 362-368. – EDN GNIUTL.

[4] *Александрова И.Ю., Аникин А.А., Аренков И.А.* и др. Маркетинг экономического роста. – Москва: Русайнс, 2025. – 166 с. – EDN TLCUQP.

[5] *Грошева Л.И., Грошев И.Л., Грошева И.А.* Демонстративное потребление в системе социальных трендов трудовой активности // Социально-экономические проблемы и перспективы развития трудовых отношений в инновационной экономике: Материалы Всероссийской научной студенческой конференции. – Омск: Омский государственный технический университет, 2025. – С. 25-31. – EDN MANDLQ.

[6] *Давиденко Л.М.* Промышленно-технологическое сотрудничество евразийских стран: перспективы роста // Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира: коллективная монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2023. – С. 582-588. – EDN HWMEES.

[7] *Амирова М.А., Давиденко Л.М., Кунязова С.К.* Концепция перехода к «зеленой» экономике на основе экологического брендинга: отечественный и международный опыт // Central Asian Economic Review. – 2024. – № 6 (159). – С. 152-165. – DOI 10.52821/2789-4401-2024-6-152-165. – EDN QZNYHE.

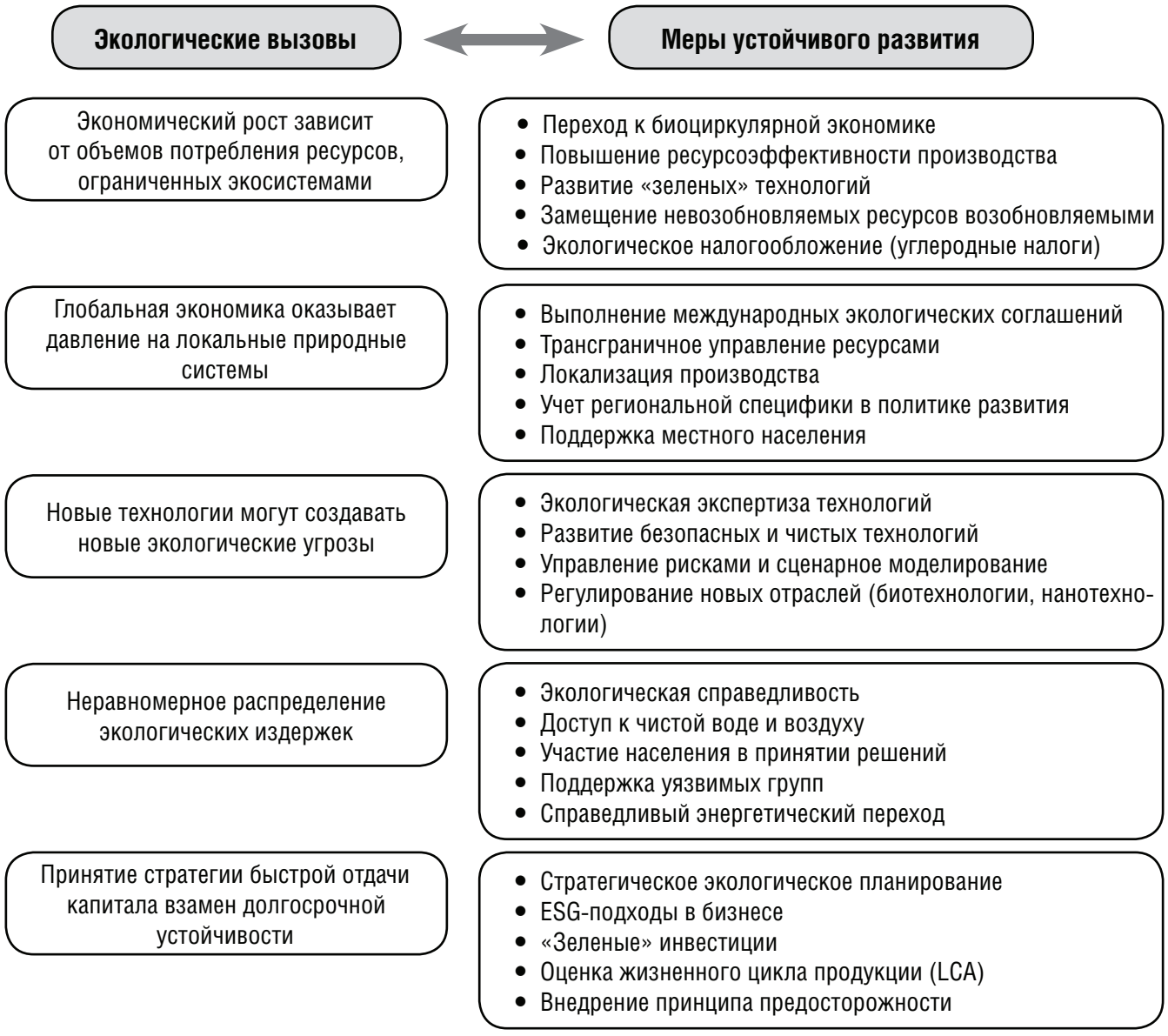

Рис. 2. Мероприятия в области устойчивого развития, вызванные экологическими противоречиями

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

– устойчивое развитие способствует созданию устойчивых моделей потребления ресурсов, тем самым укрепляя региональную экономическую безопасность;
– промышленные компании чаще прибегают к частичной замене традиционных источников энергоресурсов энергией, вырабатываемой ВЭС, СЭС, ГЭС;
– «зеленые» инвестиции стали привлекаться для ввода систем очистки воды с использованием природных методов, тем самым сокращая вред окружающей среде;
– набирает скорость цифровая трансформация в устойчивом управлении строительством объектов «умной» инфраструктуры, которая концентрируется в местах повышенной плотности населения;
– «зеленые» технологии стали опираться на анализ больших данных, искусственный интеллект, машинное обучение и передовые цифровые платформы, что позволяет организациям собирать, обрабатывать и анализировать большие объемы данных, способствуя

принятию более обоснованных и эффективных решений в области экологической безопасности;
- повышается эффективность жизненного цикла проектирования и эксплуатации современных сложных систем, таких как интеллектуальные энергосети, интеллектуальные транспортные сети, центры обработки данных и передовые производственные системы в странах ЕАЭС и БРИКС;
- растет общая академическая и институциональная приверженность устойчивому развитию и социальной ответственности жителей регионов, к чему непреклонно стремятся учреждения образования и науки в ходе реализации совместных проектов;
- укрепляются показатели устойчивого развития сельских районов, полученные в результате сотрудничества между крестьянскими хозяйствами, агропромышленными предприятиями, университетами, правительственными структурами и продовольственными банками.

Сложность внешних обстоятельств диктует необходимость корректировки целей и задач устойчивого функционирования социально-экономических систем, поэтому является очень важным поддержание и развитие связей в формате евразийского партнерства, которые лежат в основе экономического процветания и экологической безопасности всех государств.

Кожемяков С.А.
аспирант Института экологии РУДН
stepan2468@gmail.com

ЭКОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА: ПОЗИЦИЯ СТРАН БРИКС В ОТНОШЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНОГО УГЛЕРОДНОГО НАЛОГА ЕС

Ключевые слова: экология, устойчивое развитие, углеродные квоты и налоги, климатический нарратив ЕС, трансграничный углеродный налог, сотрудничество стран БРИКС+.
Key words: ecology, sustainable development, carbon quotas and taxes, EU climate narrative, cross-border carbon tax, BRICS+ cooperation.

На фоне «зеленой повестки» Европейского Союза (2019 г.) и устойчивого «экологического лидерства» ЕС в течение последних десятилетий в мировом масштабе, следует привлечь внимание к рассмотрению новых подходов и задач, ориентированных на системное и детальное рассмотрении практики концептуализации и практического решения ряда современных экологических проблем. Одной из таких тем является «Механизм трансграничного углеродного регулирования Европейского Союза» («трансграничный углеродный налог») – Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a carbon border adjustment mechanism – (CBAM – в англ. аббревиатуре) (принят 15 Марта 2022 г., переходный период 2023-2026 гг., вступление в силу с 1 января 2027 г.). Учитывая исторически значимое влияние Европы (европейской науки и технологий) в появлении и последующем становлении во всём мире (включая Россию) «экологической парадигмы», представляется значимым более подробно остановиться на этой достаточно проблемной новации Евросоюза (ведущую роль в её продвижении сыграла Европейская Комиссия).

В этой связи, привлекает особое внимание совсем недавняя работа к.э.н. С.А. Рогинко[1]. Отметим, что уже само её название (использование в нём термина «экспансия») не просто отличается от принятого дискурса, но нацелено на то, чтобы существенно «переориентировать сознание» читателя» (уйти от «теоретизирования» по теме и дополнить его развернутым анализом полити-

[1] *Рогинко С.А.* «Зелёная» экспансия ЕС [монография] /. – М.: РАН, 2025. – 230 с. – EDN: GZVVPQ. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-233-4.

ческих действий главных участников). В результате это позволяет по-новому взглянуть на мотивацию и практические намерения авторов «европейского экологического дискурса» последних десятилетий. Особенностью данного исследования С.А. Рогинко является и то, что оно является не только аналитическим, но и во многом фактологическим, т.к. представляет многолетний практический международный опыт автора, принимавшего участие в обсуждении данной темы на международном экспертном и правительственном уровнях. Отсюда читатель впервые получил возможность «заглянуть за кулисы» и узнать о действительных замыслах основных акторов этих процессов.

Для России упомянутая работа имеет, пожалуй, особое значение, ведь надо признать, что изначально разработка в России всей тематики «политической экологии» была западноцентричной. Необходимо здесь упомянуть одну из первых у нас обобщающих работ по этой теме – книгу Д.В. Ефременко «Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция» (2006 г.)[1], которая стала тогда принципиально «новым словом» в российской науке. Вместе с тем, эта знаменательная в те годы публикация в значительной степени опиралась на западные разработки и была своего рода «полезной перекличкой» с работами европейских авторов предшествующих десятилетий.

В свою очередь, упомянутая особенность работы С.А. Рогинко (совмещение обширной исторической фактологии, глубокой аналитики и многолетнего практического опыта) приобретает особую значимость, поскольку даёт серьёзные основания для критического переосмысления самых современных европейских подходов. В итоге, книга предстаёт, как некий «суммарный критический итог» европейской экологической мысли и, что ещё более важно, критический взгляд на истинные мотивы, цели и амбиций в практической политике ЕС в этой области за прошедшее десятилетие. Следует подчеркнуть также системный и комплексный методологический подход автора – сочетание генезиса поднятой проблематики, истории становления и современного состояния «экологической повестки» Евросоюза. В этой связи строятся и последующие научно-теоретические положения (экологические концепции и программы ЕС) и сопутствующие институционные и международно-правовые построения, а также официальное позиционирование европейских участников и проявленные на практике подходы самой Европейской Комиссии (в том числе, не всегда афишируемые реальные намерения). Неоспоримо, что Евросоюз давно выступает здесь с позиций «ведущего», а не «ведомого», фактически «задаёт всю актуальную мировую экологическую повестку», опираясь на многолетнее лидерство как в научном оформлении этой проблематики, так и в разработке многочисленных практических подходов (технологий) в природоохранной сфере. В работе С.А. Рогинко сделан скрупулёзный разбор причин и вероятных долгосрочных последствий столь своеобразного (чтобы не сказать «уникального») в историческом смысле инструмента, каким стал «трансграничный углеродный налог». В широком смысле, его последствия включают, в частности, формирование своего рода «экологической зависимости» для стран, которым уготована роль «объектов применения» этого налога, (т.е. стран, не включенных в «лидерскую группу»), а также их прямые финансовые потери.

Следует отметить, что две ключевые и самые актуальные на сегодня экологические темы – климатическая повестка и трансграничный углеродный налог содержательно и исторически взаимосвязаны, хотя их масштабность, экологическая и политико-экономическая значимость разнятся. В этой связи, следует упомянуть и о концепте «устойчивого развития», который изначально включал три аспекта: социальный, экономический и экологический (заметим, как последней в этой триаде). На сегодня, достаточно очевидно, что «климатическая повестка», упомянутая в Целях устойчивого развития (ЦУР ООН, 2015 г.) под № 13 (из 17 поставленных целей), уверенно и стремительно переместилась фактически на первое место в иерархии глобальных целей (напомним, для иллюстрации парадоксальности ситуации, что изначально под № 1 в ЦУР располагалась «ликвидация нищеты во всех её формах»). Объяснения этого факта (приобретшего статус «общепризнанной данности») существенно разнятся среди учёных, в зависимости от стран их происхождения, рода деятельности и степени привязки к сложившимся «группам влияния». С.А. Рогинко дает на него детальный и аргументированный ответ: помимо реально существующей «климатической угрозы», по его заключению, речь идёт преимущественно о консолидации западного (в данном случае ведомого прежде всего ЕС) подхода, с целью закрепления

[1] *Ефременко Д.В.* Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция / Российская акад. наук, Ин-т науч. информации по общественным наукам. – Москва: ИНИОН РАН, 2006. – 284 с.

своей позиционно лидирующей роли фактического «создателя» и «бенефициара» в продвижении и фактических финансово-экономических итогах внедрения CBAM. Сам этот процесс прошел долгий и сложный маршрут реализации – от Киотского Протокола (1997 г.) и Копенгагенского совещания ООН по климату (2009 г.), до Парижского Соглашения (2015 г.). Предварительным базовым намерением, как считает автор, стала нацеленность Евросоюза на отход от опоры на «традиционную (углеродную) энергетику», а для обоснования новой энергетической идеологии ЕС был привлечен аргумент «нарастания климатической угрозы человечеству» (как следствие нарастания выброса CO2). В результате этой стратегии, в международном общественном сознании был стремительно пройден путь от «гипотезы климатической угрозы», до её трансформации в «мейнстрим» – главный вызов современному биосферному и социальному сознанию всего Человечества.

В итоге, «климатическая повестка», ставшая ведущей темой ЦУР, трансформировалась в своего рода «движущую силу», для формирования нового в истории международных межгосударственных и экономических отношений инструмента – «трансграничного углеродного налога», как одного из конкретных средств преодоления столь драматического климатического развития. Помимо разработки системы «оценок национальных квот в углеродных выбросах, а также торговли квотами»[1] (одна «углеродная единица» условно соответствует одной тонне CO2-эквивалента) И хотя каждая страна выбирает свой путь в рамках оценки этих квот и выполнения задач по сокращению выбросов, наиболее эффективными инструментами контроля выбросов являются на сегодня «углеродный налог» и «система торговли квотами на выбросы» (СТВ). Исторически сложилось так, что EU ETS – европейский опыт углеродного ценообразования, с 2005 г. позиционируется как ключевой фактор декарбонизации в энергетике и промышленности в Европе. В силу такого положения, mutatis mutandis, логично появилась позднее и идея введения «трансграничного углеродного налога» (впервые сформулирована в декабре 2019 г. и оформлена к 2023 г., вплоть до принятия т.н. «Пакета упрощения CBAM» в феврале 2025 г., где Комиссия предложила ряд изменений с целью «упрощения CBAM и сокращения бюрократической волокиты». Таким образом CBAM был задуман и детально разработан Евросоюзом как тариф, взимаемый с зарубежных кампаний-экспортеров за выбросы CO2 (а по сути, косвенной формы наказания за выбросы CO2 стран, экспортирующих свои товары (преимущественно сырьевые) в ЕС.

Эта тема (отчасти в силу технологической сложности практического применения её изначально предложенного механизма) стала ещё более проблемной в практике исполнения (отсюда упомянутое выше упрощение процедуры CBAM). Упомянутая «процедурная сложность», наряду с выявленными на практике «выгодами» (для ЕС) и «потерями» (для стран-экспортеров в ЕС), дали основания С.А. Рогинко, в достаточно жесткой форме характеризовать эту систему как «углеродный рэкет». В данном случае, речь идет уже не о неких гипотетических прогнозных построениях, касательно будущего «зелёной экономики и энергетики» как, например, соотношении ВИЭ (возобновляемых источников энергии) и традиционной энергетики (помимо углеродной, в 2026 г. к этой группе вернулась и атомная энергетика, ограничение развития которой в ЕС было признано «ошибочным»), а об уже начавших действовать практических финансовых международных механизмах по реализации «углеродных стандартов» ЕС.

«Пограничный корректирующий углеродный механизм Евросоюза» (CBAM), действует с 1 октября 2023 г. в режиме «переходного периода», который касался экспорта в ЕС т.н. «продукции первого и второго переделов» (чёрная металлургия, цементная и алюминиевая промышленность, минеральные удобрения, водород). В недалекой перспективе (с 2026 г.) грядет расширение этого «ограничительного списка» (включая нефть, СПГ, а, в дальнейшем медь и другие цветные металлы, продукция основной химии и нефтехимии, бумага и целлюлоза). Намерения на перспективу – к 2030 г. включить все остальные производственные сектора, охваченные т.н. «Европейской системой торговли выбросами» (отметим, что речь идет пока о намерениях Евросоюза, реализация которых в современном изменчивом климате «торговых барьеров и войн, включая обмен встречными таможенными пошлинами», не всегда гарантировано будут применена на практике).

Сама по себе «технология применения CBAM» – это детально проработанный и достаточно сложный механизм, в смысле бюрократических правил и процедур фиксации обязательств от-

[1] См.: *Гостиева Н.К., Волкова К.С.* Система торговли квотами на выбросы: опыт внедрения и цены на углерод // Проблемы современной экономики, – 2025. – № 1 (93), – https://m-economy.ru/art.php?nArtId=7981.

дельных стран-участниц, проверки их исполнения и подведения итогов. Чтобы не занимать места для изложения многочисленных правил и процедур этого механизма (эта тема заслуживает самостоятельного исследования), приведем ссылку на работу российских авторов, кратко, но точно подытоживших его практическое функционирование – «Все, что нужно знать о Механизме трансграничного углеродного регулирования Европейского Союза (CBAM)»[1].

Не углубляясь в детальный анализ взаимосвязи «климатической повестки» и «углеродного налога», кратко отметим такой важный аспект: «красной нитью» через многочисленные исследования этой темы проходит сквозная мысль об их интегральной связи с общими трендами эволюции мировой экономики (с акцентом на энергетику, климат, выбросы CO2 и углеродные стандарты). В центре внимания здесь – позиционирование т.н. «великих держав» (включая, ЕС и его Комиссию) и других значимых игроков, а также стран «глобального Юга». Этот подход наглядно и полностью подтвердился недавним развитием ситуации вокруг кризиса в зоне Персидского залива начиная с весны 2026 г. (и в более широких рамках, последствия которых пока не считаются завершенными). Можно подытожить: будущее мировой энергетики и планов «зелёной экономики», а также «углеродный налог», как вновь было подтверждено, напрямую зависят от финансово-экономических расчетов и перспектив политического взаимодействия по теме «энергетические ресурсы» в регионе и далеко за его пределами.

О влиянии политической компоненты на решение экологических задач С.А. Рогинко рассуждает на примере Парижского соглашения (2015 г.), ставшего на сегодня «итоговым международным соглашением по климату» (повторный выход из него, с возвращением Д. Трампа в Белый Дом, также ожидает своих последствий). По мнению автора, это Соглашение стало иллюстрацией использования «небывалого по силе административного ресурса Евросоюза...и результатом стало то, что само это Соглашение стало классическим примером «климатической» экспансии ЕС». Это относится, прежде всего, к оценке автором глубинных целей Соглашении, которые он признает «ловушками Парижского Соглашения» (ссылаясь на изначальное наличие в нём de facto «двух треков» – для развитых и развивающихся стран). Более широкий взгляд на предмет – с позиций анализа мировой экономики и политики – логично подводит автора к мысли о том, что «климат являлся единственной глобальной повесткой, в которой объединённой Европе было позволительно лидировать, и уход в ней на вспомогательные роли грозил Брюсселю (Комиссии ЕС) потерей влияния не только в мировом сообществе, но и среди стран самого Евросоюза». Поэтому в Комиссии была сделана попытка системного анализа ситуации и формирования рекомендаций по выделению во внешней политике ЕС отдельного направления – «климатической дипломатии».[2] Трудно найти более аргументированную и наглядную иллюстрацию нарастающей взаимосвязи «климатической повестки» и собственно «политических расчетов и намерений» главных игроков.

Не менее убедительны и некоторые итоговые выводы С.А. Рогинко в отношении «трансграничного углеродного налога», а точнее, сопутствующих ему весьма важных для Еврокомиссии финансово-бюджетных вопросов. Возникает вопрос: в какой степени «колоссальные доходы», поступающие в ЕС от этого налога (автор оценивает их в 80 млрд евро в год к 2040 г., что заметно приближается к половине бюджета в распоряжении Комиссии ЕС)? Тот факт, что эти ресурсы поступят в непосредственное распоряжение Европейской Комиссии, способен изменить роль и влияние этого управляющего органа ЕС (в частности, нельзя исключать возможности укрепления её «глобальных амбиций», «более жестких и агрессивных». Подобная постановка вопроса, разумеется, лежит пока вне публичных и экспертных обсуждений, однако нельзя не признать её потенциальную значимость.[3]

Потенциально весьма проблематична и тема уже проявленных различий в подходах к CBAM со стороны отдельных, неевропейских стран, которая уже затронула страны БРИКС+, разумеется, в различной степени, (в книге С.А. Рогинко, в этой связи, введено понятие «климатическая справедливость», которое косвенно ставит и вопрос о возможности её нарушении при исполнении CBAM). Ограничимся кратким изложением позиции КНР: будучи главной страной-экспортёром в ЕС, Китай быстро оценил риск введения CBAM для собственного экспорта («карбоноёмкая»

[1] https://esg-library.mgimo.ru/upload/iblock/0d9/q5cvxdg1e1hutef8fwf0xe1tdkuneaur/2_stranichki_informatsii.pdf.

[2] Указ. соч., с. 73, 83.

[3] Указ. соч., с. 184.

продукция» из Китая, (алюминий, железо, сталь, для которых взимание «углеродного налога» ЕС (вокруг 100 Евро за тонну) сделает их экспорт в ЕС нерентабельным). Соответственно, он не только первым сформировал негативное отношение к CBAM (январь 2020 г.), но и в значительной мере стал «рупором позиций» т.н. «развивающихся стран». Была быстро сформирована коалиция стран на базе Группы BASIC – Бразилия, Южная Африка, Индия, Китай – и общая обеспокоенность Группы была столь же незамедлительно высказана уже в апреле 2021 г.: «профильные министры выразили серьёзную озабоченность в связи с предложением о введении торговых барьеров, таких как односторонняя корректировка углеродных границ, которые являются дискриминационными и противоречат принципам справедливости и общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей». Подходы CBAM, по мнению Группы, нарушают принципы ВТО о «свободе торговли», которые должны лежать также в основе подхода в области климата (на этом тезисе был в дальнейшем сделан главный и устойчивый акцент в позиции стран BASIC, что столь же упорно отрицается Евросоюзом). Здесь следует подчеркнуть, что этот подход (заявление о нарушении правил ВТО и дискриминационном характере этого налога, дополнялся важным принципом «общей, но дифференцированной ответственности», за который выступает BASIC, что включает также право каждой страны определять состав протекционистских «климатических мер», в зависимости от внутренней социально-экономической ситуации (в противовес попытки Евросоюза уравнять в целях обоснования различий в налогообложении, свои «климатические издержки» с издержками стран-экспортёров).[1]

Позднее, Китай вынес эту тему на высший политический уровень: после совещания Группы BASIC последовали выступления Председателя КНР Си Цзиньпина, который четко указал, что страна не собирается принять эту инициативу ЕС. Уже с 2021 года последовал ряд позиционирований КНР на различных международных форумах, в частности, на саммите по климату 2021 г., трёхсторонней встрече (Китай, Франция, Китай) по климату в 2022 г., встрече в ВТО по теме в 2023 г., (позицию Китая там поддержали (помимо стран BASIC) Австралия, Сингапур, Саудовская Аравия, Новая Зеландия, Колумбия и Филиппины, а также на климатических переговорах по линии РКИК ООН и Парижского соглашения (отметим Конференцию ООН по климату в Баку (КС-29) в 2024 г., где группа BASIC вновь подняла вопрос о CBAM и была поддержана G77 – крупнейшим переговорным блоком, объединяющим около 140 стран).

Наконец, нельзя не отметить достаточно разноречивые позиции, в отношении последствий введения «трансграничного углеродного налога» для России и стран БРИКС+. Вынужденно оставив вне данной статьи крайне сложную и весьма расходящуюся в оценках тему «расчета потенциальных последствий взимания углеродного налога» (цифровые данные здесь существенно разнятся), остановимся лишь на обобщенных экономико-финансовых и политических последствиях этого, без преувеличения беспрецедентного в экономической истории налога, для группы стран-экспортеров.

Для России, безусловно, следует учитывать структуру и основные позиции российского экспорта в ЕС (чёрная металлургия, алюминий, цемент, удобрения, электроэнергия). Помимо этого, действуют уже существующие здесь санкции (и налоги) ЕС, а также объявленные максималистские намерения (типа «полное прекращение экспорта в ЕС российских нефти и газа к 2030 году»), По оценкам С.А. Рогинко, наиболее значимые платежи от России по линии CBAM выпадут главным образом на период 2026-2028 гг. (оценочно, 700, 400 и 168 млн евро в соответствующий год). «По оставшимся небольшим объёмам российского экспорта, на которые будет распространяться CBAM, платежи не составят значительных величин (порядка нескольких десятков миллионов евро), что, разумеется, вряд ли может стать для России серьёзным фактором для политических решений»[2] (иными словами, они станут важным, но конъюнктурным фактором, что отнюдь не снимает вопроса о перспективе взаимных обменов). Тем не менее, применение CBAM к России вызвало (на экспертном уровне в стране) пока что оценки, варьирующие между «недобросовестная конкуренция», «несовместимость с правилами ВТО и другими нормами международного права», и «стремлением ЕС погасить конкурентные преимущества России». Верная в начале процессов применения CBAM оценка, свелась тогда к традиционной «озабоченности», стала общей тональностью для политического руководства и предпринимательского сообщества.

[1] Указ. соч., с. 170.

[2] Указ. соч., с. 196.

В то же время заметно возрастает и «политический потенциал» этой проблемы, с точки зрения общих перспективных интересов затронутых стран, что реализуемо при совместном подключении к теме стран БРИКС+ и (возможно) за его географическими пределами.

Представляется, что, как не раз бывало в истории науки и политической практики (политики и экологии), мы оказались перед лицом весьма конкретной проблемы (CBAM), вступив как бы «на перекресток» различных оценок достигнутых научных знаний, практических результатов (и замыслов). Под влиянием очевидных и тревожных сигналов, проявившихся в современном мировом развитии, формируется объективная потребность развернуться к их более системному и прагматическому переосмыслению.

***

Несмотря на очевидно сложившиеся различия взглядов в научных и политических кругах на практические последствия новоявленного «трансграничного углеродного налога ЕС», его замысел, тем не менее, устойчиво сохраняет пока в мировом общественном сознании общепризнанную цель – снижение углеродных выбросов в атмосферу. Другое дело, что до сих пор нет общего мнения в отношении итоговых последствий применения CBAM для большинства стран-экспортёров «углеродоёмкой продукции» в ЕС.

Следует ожидать в этой связи, постановку новых научных задач и практических исследований, находящихся на стыке политики, экономики и экологии (подчеркнём – стоящих в разной степени перед каждой из стран БРИКС+).

Выразим уверенность, что эти исследования, по мере их развития, получат должное обсуждение и практическую поддержку в координационных механизмах странах БРИКС+.

Кокин А.В.
д.г.-м.н., профессор, ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ
alex@avkokin.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ ПРИРОДНО-РЕСУРСНОГО И ПРИРОДООХРАННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЭПОХУ МНОГОВЕКТОРНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: БРИКС, исторические истоки глобального доминирования, заблуждения принципиальной политики глобального доминирования, многовекторность развития, ресурсный и экологический факторы, энергоэффективность, сомнительность попыток управления климатом, сбалансированность природопользования, ассимиляционный потенциал.

Key words: BRICS, historical origins of global dominance, fallacies of the principled policy of global dominance, multi-vector development, resource and environmental factors, energy efficiency, dubiousness of attempts to manage the climate, balanced use of natural resources, assimilation potential.

Введение

Природа периодической смены эпох глобального доминирования государств (союзов) связана с эволюцией мирохозяйственных укладов и перестройкой иерархии международных отношений; возникновением новых центров сил (военных, политических, экономических); идейными, религиозными и революционными преобразованиями общественных отношений в государствах и сменой векторов их развития; технологическими инновациями (например, морским доминированием с использованием флота в эпоху великих географических открытий, созданием ядерного оружия, искусственного интеллекта и др.); обеспеченностью одних и дефицитом у других природных ресурсов; возникновением кризисных ситуаций в мировой системе отношений, провоцирующих мировые и региональные войны. И было наметившаяся тенденция в единстве подхода к сохранению среды обитания, не имеющей границ раздела между государствами, вдруг

столкнулась с желанием мирового сообщества управлять естественными обменными процессами в биосфере. Например, на основе всем известных мировых соглашений по климату. Но на самом деле ничего не произошло. Инициаторами целей устойчивого развития оказались те же государства, которые добились превосходства относительно других в уровне жизни, экономике, технологиях. Исчерпав собственные природные ресурсы, они навязали миру внедрение более дорогих технологий производства энергии относительно существующих в области сжигания углеводородного топлива. А другие государства в кильватере глобальной экологической политики безропотно соглашаются с инициированными международными актами глобалистов без широкого обсуждения навязанных решений собственными специалистами в области природно-ресурсных и природоохранных отношений. Безропотно выделяют огромные территории под заказники и заповедники, исключая тем самым их из экономического потенциала развития собственных территорий. Примером может служить РФ. Являясь одной из самых больших территорий мира, страна под особо охраняемые объекты выделила около 13,5% своих площадей, соизмеримых с некоторыми европейскими государствами. Тем самым из экономического потенциала России изымается огромный природно-ресурсный потенциал ради сохранения мировой среды обитания, которую не сохранили в достаточной мере на своей территории доминирующие в экономике европейские государства. Но последние в удобное для них время в складывающейся политической ситуации перечёркивают международное право ради достижения собственных интересов. Как это происходит в современных условиях возрастания международной напряжённости, исходящей в основном из Израиля и США.

Попытка изъятия антропогенного CO_2 на основе Парижского соглашения не останавливает потепление климата. А в экономике крупнейших стран мира рост ВВП по-прежнему достигается в основном за счёт естественных залежей углеводородного топлива – угля, нефти, природного газа[1].

В условиях современного обострения политической обстановки доминирующие государства, перечёркивая международное право, которое ими же под эгидой ООН и создавалось, могут украсть президента независимой страны, обладающей крупнейшими запасами нефти. А затем развязать региональную войну. В перспективе могут объявлять и новые войны, искусственно создавая дефицит углеводородного топлива, как это произошло в Ормузском проливе. Тем самым ставя под угрозу развитие всей мировой экономики. Разве это не проявление неоглобализма? При этом самая крупная экономика мира (США) то вступает в Парижский Клуб, то выходит из него, тем самым как бы подчёркивая бесполезность усилий по управлению климатом в рамках современного «углеродного шовинизма».

Периодичность в смене эпох попыток глобального доминирования государств и их союзов. Проблемы перехода к многополярному миру

Периодическая смена эпох глобального доминирования стран и их союзов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика смены эпох мирохозяйственных укладов, политического, социально-экономического, военного и технологического доминирования империй, государств и союзов в двухтысячелетней мировой истории

Характеристика эпохи	Время существования эпохи в годах от и до	Длительность эпохи, лет	Отношение времени существования предыдущей к последующей эпохе	Примечание
Эпохи территориального доминирования				
Китайская империя Тан, Тибетская империя, Уйгурский каганат. Конфликты с Тибетской империей.	785	490		Китайская империя (длившаяся с 221 г. до н.э и до 1920 г. н.э). После восстания Ань Лушаня (755-763 гг.) империя слабеет. Теряет союзника – Уйгурского Каганата.

[1] https://naked-science.ru/community/1165635.

Продолжение табл. 1

Характеристика эпохи	Время существования эпохи в годах от и до	Длительность эпохи, лет	Отношение времени существования предыдущей к последующей эпохе	Примечание
Пик территориального могущества и доминирования Монгольской империи	1270-1280	305	1,606	Завоевание территорий многих русских княжеств, Волжской Булгарии, Восточной Европы, Китая, Средней и Юго-Восточной Азии.
Эпохи территориального, торгового и экономического доминирования				
Эпоха великих географических открытий как основа колонизации территорий морскими державами. Глобальная Европейская эпоха доминирования в мире (Испания, Португалия, Англия, Франция) в рамках завоеваний территорий и технологического превосходства на море. Освоение Восточной Сибири российскими землепроходцами.	1580-1760	180	1,694	По результатам походов 1639-1641 гг. И. Москвитина Курбат Иванов составил первую карту Дальнего Востока России. Камчатские экспедиции (1725-1730 и 1733-1743 гг.) под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова. Пётр I принимает титул Императора Всероссийского (1721 г.)
Эпоха промышленной революции (1760-1840 гг.). Усиление колониальной экспансии [12] (1870 -1871 г) и миропорядка в Европе, и Азии. В 1783 г. завершается война за независимость США с принятием в 1787 г. первой Конституции с разделением между законодательной, исполнительной и судебной властями. Признаки кризиса глобального европейского доминирования в мире.	1760-1871	111	1,621	Эпоха династии Цин в Китае, находится на пике своего развития, оставаясь крупнейшей в мире по объему производства товаров (чая, шёлка, текстиля, фарфора и др.) при ограничении внешних контактов. Победа России в Отечественной войне 1812 г. сделала её ведущей европейской державой.
США в 1890 г. становится крупнейшей экономикой мира. Борьба в мире за сферы влияния. Окончание европейского доминирования. Германия стремится к переделу Европы (попытка Германской империи в 1871 г перехватить общеевропейское доминирование). США из региональной превращаются в ведущую мировую экономическую и военную державу. Появление двух конкурирующих систем – капиталистической и социалистической.	1871-1945	74	1,500	Технологическое доминирование Европы и США. Признаки утраты доминирования империй. Переход США от внутренней экспансии к активной внешней политике (Испано-американская война 1898 г.). 1917 г. конец Российской империи. 1917-1922 гг. возникновение СССР. 1920 г. – конец Китайской империи. Две мировые войны начинаются и заканчиваются в Европе. Но это ещё не «закат Европы» [14].
Эпохи формирования нового глобального доминирования				
Эпоха биполярного мира двух систем – капиталистической (США) и коммунистической (СССР). Внутри биполярного мира создаются региональные организации: Лига арабских государств (1945) и межправительственная организация АСЕАН-1967. Европа становится сателлитом США. Для сохранения глобального доминирования США и Европа создают альянс НАТО (1949 г.)	1945-1991	46	1,609	Экономическое и технологическое соревнование на выживание двух социальных систем. Появление социалистических государств – Китая, 1946; КНДР, 1948; Кубы, 1959; Лаоса, 1975; Вьетнама, 1976. В противовес НАТО создан блок Варшавского договора (1955), объединивший СССР и страны социалистического лагеря Восточной Европы.

Окончание табл. 1

Характеристика эпохи	Время существования эпохи в годах от и до	Длительность эпохи, лет	Отношение времени существования предыдущей к последующей эпохе	Примечание
Кризис эпохи глобального доминирования. Стремление государств к многополярному вектору политического, экономического и технологического развития				
Эпоха монополярного мира (США) до 2020 г. Рубеж перехода к многополярному миру. **Создание СНГ(1991-1993 гг.), ОДКБ (1992 г.), ШОС (2001 г.), ЕАЭС (2015 г.),** БРИКС (2006-2011 гг.). Европа стремится снова утвердиться как самостоятельный полюс мирового влияния, объединившись в ЕС (1993). Попытка создания нового биполярного мира (США и Европа) взамен существовавшего США и СССР. При участии США и Европы осуществляется госпереворот на Украине (2014), чтобы не допустить усиление РФ в борьбе за многополярный мир. США и Европа расширяют альянс НАТО на восток, стремясь сдержать возрождение России как сверхдержавы на Евразийском континенте.	1991-2020	34	1,586	В 1991 г после распада СССР прекратил существование блок Варшавского договора. США и Китай по паритету покупательной способности в 2014 г обгоняет США, политически сохранив коммунистическое государство, а экономически сформировав **государственно-капиталистическую систему.** В 2020 г ЕС раскололся с выходом из него Британии, ослабив и без того геополитическое влияние Европы. Повышение роли развивающихся стран в глобальном управлении и реформировании международных финансовых институтов. Создание новых резервных валют.

Таким образом попытки глобального политического, социально-экономического и технологического доминирования одних держав над остальными во времени периодически меняются в близком к среднему отношению 1,603. Это мало отличается от так называемой золотой пропорции (числа 1,618) всего на 0,015 отн. ед. Отклонения появляются в результате не совсем точных выделений начала и конца рубежей смены эпох доминирования разными специалистами. Однако если авторские оценки периодичной смены подобных эпох верны, то смысл золотого сечения в таком сравнении заключается в попытке достижении во времени состояния устойчивого динамического равновесия в отношениях между доминирующими в развитии государствами и остальным миром [7]. В этом гармоничном сосуществовании государств развивается торговля, искусство, технологии. Прекращаются войны. Достигаются условия, когда мировая экономика делится на части так, что большая её доля производства относится к меньшей, как общая доля мировой экономики к большей её части. В подобной структуре отношений доминирующие в развитии страны, союзы, империи стремятся занять глобальную нишу управления мировым сообществом. Обладая ресурсами и волей, они создают предпосылки для формирования новых условий социально-экономического, политического и научно-технического развития.

Но возникающие противоречия между целями и задачами дальнейшего пути развития внутри государств-лидеров, союзов, империй создают в них самих, как и в остальных странах, условия неустойчивости динамического состояния. Менее развитые государства, видя эти политические, социально-экономические противоречия в одновекторном развитии, стремятся либо разрушить монополярный мир, либо вернуть своё прежнее влияние на остальной мир. Как правило, это приводит к новым войнам.

Особенность истории современного человечества состоит в том, что она периодична в смене доминирования в мире – от Азии к Европе, от Европы к США (новому центру силы), от США снова к Азии (центр силы Китай), приведший к образованию БРИКС, включающего в свой состав страны, расположенные на территории трёх континентов. Доля этого объединения в мировом ВВП по паритету покупательной способности к 2026 году уже достигла более 39% против 28%

в странах «Большой семёрки». При этом население БРИКС составляет около 40% мирового. Таким образом, уже этот пример говорит о формировании условий движения к многополярности мирового развития.

Процесс периодической смены государств-лидеров в политической, экономической, технологической сферах предполагает возможность в недалёком будущем (возможно, уже в конце этого или начале следующего столетия) достижения так называемой сингулярности в формировании единого мира, лишённого фундаментальных противоречий в достижении путей и целей устойчивого развития. Объединяющим моментом в этом случае мог бы служить ИИ, ликвидировав диктат и жажду наживы одних государств за счёт других в системе глобального управления устойчивым развитием и обеспечивая способность мировой цивилизации к освоению пространства Солнечной системы (по примеру эпохи великих географических открытий) для решении проблем ресурсной, энергетической и экологической безопасности будущего человечества.

Однако данные табл. 1 показывают и другое. Государства или их союзы стремятся любым способом продлить своё лидерство. Это хорошо видно на примере истории европейских государств и США. Борьба за лидерство и мировое господство стран не закончилась. Господство одних государств, союзов, объединений над другими – проявление периодической закономерности. Это связано с самой природой, подчиняющейся эволюционным законам, – достижение устойчивого динамического равновесия (даже временной гармонии) неизбежно сопряжено с возникновением новых неустойчивых состояний. Многополярность в развитии мира неизбежно приведёт к новому витку борьбы за природные ресурсы, за обладанием новыми территориями уже в космическом пространстве. Что уже и наблюдается в гонке за освоение Луны, за обеспечение собственной экологической безопасности.

Природоресурсное и природоохранное регулирование стран БРИКС в эпоху многовекторного развития

Многовекторность мирового развития даёт возможность государствам уйти от некоторых ошибок и заблуждений глобалистов в части решении ресурсных и экологических проблем, предотвратить международные конфликты в условиях возрастающих потребностей экономики в природных ресурсах и качестве окружающей среды [13].

Первое заблуждение заключается в принятии глобалистами концепции дефицита природных ресурсов. В случае не возобновляемых ресурсов это справедливо только в отношении стареющих технологий поисков, разведки, добычи месторождений полезных ископаемых, а также существующих технологий извлечения и переработки минерального сырья.

В условиях разработки и внедрения новейших технологий всегда возникают возможности не только увеличить добычу, но и запасы минерального сырья. В основном это происходит за счёт снижения кондиций как к совокупности требований к содержанию полезных компонентов, так и к горно-геологическим условиям разработки минерального сырья. Например, в Китае выявили месторождение золота с запасами до 1440 т со средними концентрациями металла всего 0,56 г/т[1], которые в прежние времена не представляли бы экономического интереса; выросли запасы и добыча золота в условиях перехода на технологию кучного выщелачивания при переработки бедных по содержанию золотых руд [4]. Эта технология позволила резко снизить кондиции минерального сырья и перейти к переработке более бедных по содержанию руд. В результате кратно увеличивается добыча и запасы золота в России и за рубежом. Разработанные технологии многостадийного разрыва пласта при добычи нефти и газа[2] привели к значительному приросту запасов и добычи нефти и газа. А главное – расширились перспективы поисков и разведки нефти и газа в иной геологической обстановке, включая, например, освоение морского шельфа в разных широтах планеты. Геологоразведка выходит на более глубокие горизонты, в том числе для научно-исследовательских проектов[3].

В рамках стремительного технологического развития возникают возможности замены исчерпаемых ресурсов новыми и лучшего качества ресурсами. В качестве примера можно привести вовлечение редких металлов и редких земель в технологическое развитие разных направлений

[1] https://science.mail.ru/news/39738-v-kitae-nashli-krupnejshee-mestorozhdenie-zolota/

[2] https://neftegaz.ru/tech-library/tekhnologii/142382-mnogostadiynyy-gidravlicheskiy-razryv-plasta-mgrp/

[3] https://russian.cgtn.com/news/2025-02-21/1892919003318493186/index.html

производства[1]. Таким образом, о будущем дефиците не возобновляемых природных ресурсов говорить преждевременно.

Второе заблуждение. Связано с якобы ограниченным воспроизводством возобновляемых ресурсов животного и растительного мира, производством продуктов питания в условиях роста народонаселения, хотя современная динамика народонаселения развитых стран (на примере Европы в целом и России по данным ООН явно демонстрирует обратное)[2]. Результаты «зелёной революции» во второй половине прошлого столетия [16] позволили накормить население развивающихся стран и предотвратить голод. А воспроизводство растений (в т.ч. сельхозкультур) за счёт внедрения новейших технологий, влияющих на скорость обменных процессов, открывают ещё более перспективные возможности для решения проблем обеспечения продовольствием.

Идея внедрения природоподобных технологий, инициированная М.В. Ковальчуком (президентом Национального исследовательского центра «Курчатовский институт») и поддержанная Распоряжением правительства РФ от 21 февраля 2026 года №337-р, предполагает, что подобная модель поможет в создании новой техносферы, не потребительской, извлекающей из Природы всё и любой ценой, а техносферы сбалансированного природопользования [9].

Трудность перехода к природоподобным технологиям заключается в том, что природа представляет собой более инерционную систему в воспроизводстве природных ресурсов и качестве окружающей среды, чем это необходимо людям. Нам хочется достичь благ быстрее, чем природа может удовлетворить наши потребности естественным путём. Но у неё нет дефицита времени в заложенном естественном механизме воспроизводства ресурсов. Она может не только воспроизвести всё, но и переработать созданное же ею в рамках существующих обменных процессов. Однако она делает это не с той скоростью, с какой это необходимо людям. У человека время всегда в дефиците. И только инновационные технологии могут обеспечить ускорение обменных процессов в биосфере, не нарушая фундаментальных законов природы. Только в условиях баланса производства, потребления в среде естественных обменных процессов человечество сможет избежать и экологических проблем при переходе от рационального к сбалансированному природопользованию. А его критерием может служить сохранение ассимиляционного потенциала природы территорий и природно-хозяйственных комплексов [8].

Третье заблуждение связано с попыткой глобалистов навязать всему миру процесс управления климатом путём регулирования выбросов CO2, которые, на самом деле, вовлечены в естественные обменные процессы его изъятия растениями, почвой, океаном. Растениями и почвой – пропорционально улучшению земледелия, сопровождающемуся возрастанием производства биомассы за счёт поглощения ею добавляемых объёмов углекислого газа хозяйственной деятельностью человека.

Однако сущность климата определяется естественными долгопериодическими процессами обмена энергией и веществом в атмосфере, гидросфере и литосфере Земли под влиянием не только солнечного излучения, но и эндогенного тепла Земли. В связи с эти отметим, во-первых, то, что биоэнергетический потенциал хозяйственной деятельности человека по величине не может сравниться с таковым биосферы. Он в миллионы раз меньше. Во-вторых, время возникновения хозяйственной деятельности человека в эпохе неолита (10-12 тыс. лет назад) совпадает с периодом потепления климата после окончания последнего ледникового периода 12-13 тыс. лет назад. Т.е. хозяйственная деятельность человека возникла благодаря потеплению климата, а не вопреки ему. И если действительно изменения климата – это естественный процесс, то за потеплением неизбежен процесс похолодания. Не исключено, что мы уже вблизи порога климатических изменений. Признаком этого может служить «странная» по температуре воздуха и влажности зима и весна 2026 года в большинстве стран Евразии – с более низкой температурой воздуха и аномальной влажностью.

Время же систематических наблюдений за изменениями климата относится только к XVII в. В 1645-1715 гг. был зафиксирован так называемый Минимум Маундера, связанный с сильным похолоданием в Европе, Африке и Азии. Эта холодная фаза в изменении климата интерпретируется как малый ледниковый период, а предшествующие 10 000 лет хозяйственной деятельности почему-то так и не обеспечили потепление... Причиной похолодания могло быть снижение солнечной активности.

[1] https://www.nkj.ru/archive/articles/9396/

[2] https://www.un.org/ru/global-issues/population

Но так уж сложилось, что проблему парникового эффекта обычно связывают с антропогенными выбросами CO2. В основном за счёт сжигания углеводородного топлива. Но с точки зрения специалистов в области естественных наук потепление климата на самом деле зависит от многих факторов – от уровня активности Солнца; изменения орбиты Земли с так называемыми циклами Миланковича, что влияет на количество солнечного света, получаемого планетой; изменения альбедо Земли; от интенсивности развития вулканизма; изменения угла наклона оси вращения Земли; круговорота основных парниковых газов (H_2O, CO_2, CH_4, N_2O, O_3) в составе биосферы и др. При этом основной вклад в парниковый эффект принадлежит водяному пару[1]. Его содержание в атмосфере Земли в среднем составляет 0,25% против около 0,04% CO_2. В приземном слое атмосферы водяной пар в холодных областях составляет около 0,1%, а в жарких – 3-4%. Таким образом, доминирующее влияние водяного пара на климат планеты связано с большой теплоёмкостью воды. Но исторически закрепилась точка зрения (прежде всего с помощью экологов и политиков) об антропогенном влиянии углекислого газа на потепление климата. В то время как периодичность потепления и похолодания может быть связана с большой теплоёмкостью мирового океана, периодически накапливающего и отдающего тепло. При потеплении возрастает испарение воды с поверхности океана, что неизбежно приведёт к понижению её температуры. Регулятором же обменных тепловых процессов мирового океана, как известно, являются Эль-Ниньо и Ла-Нинья, временами меняющими погоду по всей поверхности Земли. По некоторым прогнозам[2] за счёт тёплого течения Эль-Ниньо с вероятностью 61-90% ожидается аномально жаркое лето в Австралии и Юго-Восточной Азии, а на территории Канады и России – прохладнее относительно 2025 г.

Истоки антропогенной природы потепления климата относятся к XIX веку. И связаны с экспериментами Ж. Фурье, Ю. Фута, Д. Тиндалла. С. Аррениус рассчитал, что удвоение концентрации CO_2 приведет к значительному потеплению на поверхности Земли. Это в XX веке доказал М. Будыко [2], который дал первые прогнозы о росте средней глобальной температуры за счёт повышения CO_2 в атмосфере Земли, которые позже подтвердились в её тепловом балансе [15].

Однако сравнительная оценка влияния CO_2 на повышение температуры поверхности Венеры и Земли показывает следующее. Если представить себе, что именно CO_2 является источником повышения температуры на поверхности обеих планет, то из простых пропорций: средняя температура поверхности Венеры 465°С; давление атмосферы в 92 раза выше земного; количество углекислого газа в атмосфере Венеры около 96%, а на Земле всего около 0,04%, следует, что парниковые свойства CO_2 в жизни планет преувеличены, т.е., если средняя температура поверхности Земли действительно зависит от концентраций CO_2, то в этом случае она должна быть около 0,19°С, против существующих 14-15°С. Но поскольку температура поверхности планет зависит также от расстояния до Солнца и соотношения площади их поверхности, а Земля от Солнца отстоит в 1,39 раз дальше, чем Венера, наша планета получает тепла во столько же раз меньше. Введение поправки на расстояние показывает, что средняя температура поверхности планеты будет около 0,15°С. Но если даже учесть, что поверхность нашей планеты больше поверхности Венеры на 10%, то её температура всё равно не будет превышать 0,16°С, т.е. высокая температура на поверхности Венеры связана не столько с парниковым эффектом CO_2, сколько с естественным геологическими особенностями планеты и условиями её формирования. А современная температура поверхности Земли связана не столько с парниковым действием CO_2, сколько с влажностью её атмосферы [18, 3, 15], которая отсутствует на поверхности Венеры. Например, если теплоёмкость CO_2 при 0°С равна 0,82-0,85 кДЖ/кг·К, то теплоёмкость H_2O при этой же температуре достигает 4,186 кДЖ/кг·К, т.е. она в пять раз выше. При современном содержании CO_2 в атмосфере Земли около 0,04% в одном кубометре атмосферного воздуха при 0^0С содержание воды в нём достигает 1 г/м³. При 20°С – 7°С, а при 25°С – уже около 10 г/м³. Таким образом, парниковый эффект в атмосфере Земли преимущественно связан именно с парами воды, а не с углекислым газом. А совместное их влияние приводит не только к достижению современного теплового баланса Земли за счёт обменных реакций, но и к поддержанию жизни на нашей планете в рамках фотосинтеза.

[1] World Meteorological Organization.

[2] https://volgograd.bezformata.com/listnews/el-nino-povliyaet-na/159607828/

Союзниками по борьбе с парниковым эффектом являются отражательная способность сельскохозяйственных культур, городских агломераций [17] и мировой океан[1]. Для сравнения. Годовое потребление CO_2 растениями в среднем составляет около 120-150 млрд т. Почвой улавливается около 13 млрд т. Океан поглощает до 25-30% антропогенного CO_2. В 2021 г. глобальные выбросы CO_2 составили около 36,7 млрд тонн, а в 2024 г – 37,8 млрд тонн, т.е. естественное изъятие антропогенного CO_2, на самом деле, велико. И попытка управлять климатом посредством нормирования выбросов CO_2 не изменит сущность сбалансирования обменных процессов в биосфере по связыванию CO_2.

В рамках Парижского соглашения по климату[2] государства должны отчислять деньги за выбросы CO_2, чтобы удержать рост глобальной средней температуры на уровне доиндустриального периода. Вкладывая их в возобновляемые источники энергии. Правда, утилизация материалов ВИЭ всё равно потребует необходимые затраты энергии. А США по состоянию на январь 2025 г. объявили о выходе из Парижского соглашения, демонстрируя, прежде всего, приверженность собственным экономическим интересам, а не мифическим стараниям управлять климатом путём снижения выбросов CO^2. Отметим, что платежи на углерод по Парижскому соглашению выделяются без учёта площади государств, на территории которых осуществляются выбросы CO^2, хотя известно, что при одинаковых требованиях к платежам на углерод удельное давление парникового газа будет тем выше, чем меньше площадь государств (рис. 1а). В рамках таких представлений инвестиции (рис. 1б) в возобновляемую энергетику по объёму выбросов CO^2 превышаются Индией, Китаем и ОАЭ, поскольку характеризуются более высоким удельным давлением CO^2 на единицу площади от линейного тренда значений в интервале 500-750 отн. ед. В этом смысле инвестиции [19] в возобновляемую энергетику (ВИЭ) необходимы именно на долю превышения удельного давления CO^2 на единицу площади (млрд $), рис. 2, а не по объёму его выбросов в этих государствах.

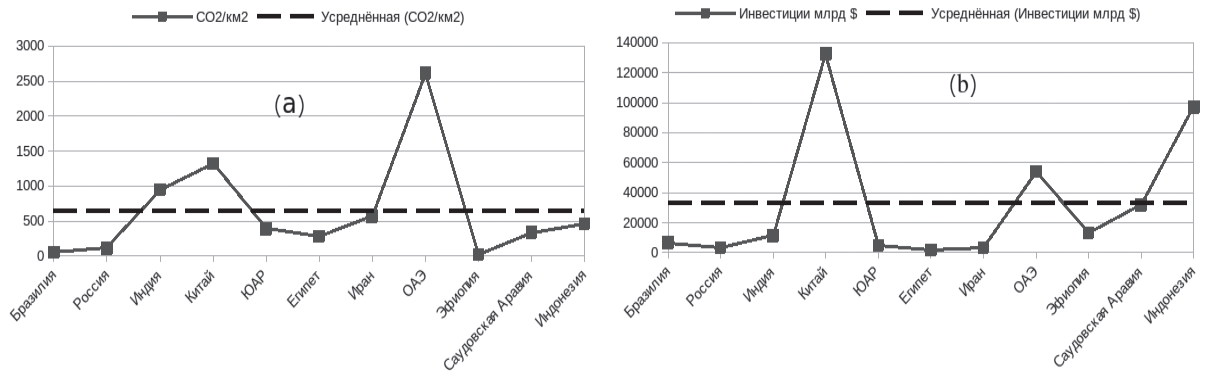

Рис. 1. Удельное давление выбросов углекислого газа относительно площади территорий государств БРИКС (a) и инвестиции [1] млрд $ в возобновляемую энергетику по объёму выбросов CO_2 (b)

На самом деле только Китай, ОАЭ и Индонезия должны отчислять средства на сокращение выбросов CO_2. Остальные страны БРИКС должны строить свой энергетический баланс в рамках достигнутого при использовании разных источников энергии, включая углеводородное топливо. При этом платежи за воспроизводство природных ресурсов и качество окружающей среды, в рамках закона сбалансированного природопользования *(T=1,618t·a)* будут зависеть от величины ассимиляционного потенциала (*a*) территории государств и темпов *(T)* экономического роста [9], т.е. экономику странам БРИКС необходимо строить в рамках достижения баланса между темпами экономического роста, темпами воспроизводства природных ресурсов и качеств окружающей среды *(t)* при сохранении ассимиляционного потенциала территорий государств [8].

Поскольку ассимиляционный потенциал определяет способность территорий государств к воспроизводству ресурсов растительного, животного мира, воды на уровне сохранения и воспроизводства качества окружающей среды, то усреднённое его значение для ведущих экономических стран мира находится на уровне 0,81 относительно ненарушенного потенциала природы

[1] https://www.un.org/ru/climatechange/science/climate-issues/ocean.

[2] Юридически обязательный международный договор, принятый в 2015 году 196 сторонами Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН).

равного 1,00. Это, в принципе, противоречит устоявшемуся представлению о ведущей роли хозяйственной деятельности человека влияющими на обменные процессы в биосфере. Они до сих (пор по большей части) подчиняются естественным обменным процессам. Задача же отчислений средств от *(T)* сводится к поддержанию и воспроизводству величины *(a)*. Необходимость при вложении инвестиций в экономику государств платить экологическую ренту возникает у тех государств, у которых *(a)*, например, ниже его усреднённого значения (0,81) на соответствующую разницу достигнутого ими *(a)*. Тем самым только такие государства должны расплачиваться за свой более низкий ассимиляционный потенциал территорий.

Возможные направления по снижению углеродного следа в странах БРИКС и сохранению их ассимиляционного потенциала территорий

Большое потребление CO_2 растениями в своё время натолкнуло В.И. Вернадского, исходя из предложенной им концепции автотрофности человечества, на мысль использовать углекислый газ в качестве источника повышения урожайности сельхозкультур [5]. Концепция в последующем была поддержана многими исследователями [6, 11]. Хотя другие к этой проблеме относились настороженно [10]. Но современная практика развития тепличного хозяйства всё-таки подтверждает положения В.И. Вернадского.

Пока современники пытаются управлять потеплением климата путём снижения количества выбросов CO_2 голландские тепличные хозяйства для повышения урожайности растений ведут строительство трубопровода для транспортировки CO_2 от нефтеперерабатывающего комплекса Shell Pernis к многочисленным теплицам... Опыт, который уже необходимо перенимать для увеличения производства сельхозкультур в тепличных хозяйствах по всему миру. По некоторым оценкам экспертов, современное производство овощей в теплицах в мире достигает уже около 17% от доли производства их в открытом грунте[1]. А на долю Китая приходится около 60% от их мировой площади[2]. Объем рынка тепличного садоводства в этом государстве в 2025 году составляет около $36,6 млрд США.

В России[3], например, производство овощей защищенного грунта в 2025 году достигло около 1,70 тыс. т. При средней рыночной цене овощной продукции в 200 руб. за 1 кг, объём производства в цене выращенной продукции может составить $34 млрд, а инвестиции в возобновляемую энергетику в 2022 г достигли $3,8 млрд. Т.е. тепличные хозяйства в стране (также за счёт поглощения углекислого газа) могут рассматриваться в качестве потенциала, снижающего его парниковый эффект. В Индии же на долю тепличного производства сельскохозяйственной продукции приходится уже около 18% ВВП страны[4].

Таким образом, развитие тепличного хозяйства не только ведёт к круглогодичному процессу выращивания продукции, увеличению объёма производимой биомассы, но и является важнейшим потенциалом снижения концентраций антропогенного CO_2 в атмосфере Земли.

Современная же мировая экономика своё благополучие строит и в ближайшие десятилетия будет строить в основном за счёт углеводородного топлива и атомной энергетики. Перспектива последней набирает обороты, благодаря заключению международных контрактов Россией на строительство атомных станций.

Заключение

Как показывает историческая динамика борьбы за доминирование в мире государств и их союзов, сотрудничество стран БРИКС неизбежно будет сталкиваться с попытками утрачивающих это влияние западных стран любыми способами диктовать свои условия в области природно-ресурсного и природоохранного регулирования в эпоху многовекторного развития.

Осознание навязываемых мировому сообществу сомнительных попыток управления климатом на основе контроля выбросов CO_2 заставляет даже такие страны как США выйти из Парижского соглашения, строить свою экономику в рамках достижения баланса между темпами эконо-

[1] https://science-education.ru/article/view?id=18883
[2] https://logisticos.ru/news/2024/06/7884
[3] https://vestnikapk.ru/articles/otraslevye-reytingi/25-teplichnykh-khozyaystv-rossii/
[4] https://cyberleninka.ru/article/n/selskoe-hozyaystvo-indii-perspektivy-razvitiya-i-sotsialnye-protivorechiya

мического роста, темпами воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды при сохранении ассимиляционного потенциала территории государства [8, 9], т.е. способности территорий существовать за счёт естественных обменных процессов в рамках существующих законов сохранения. Поэтому за основную стратегию природно-ресурсного и природоохранного регулирования странам БРИКС необходимо принять принцип сбалансированного природопользования, связывать темпы экономического роста с необходимостью отчислений средств на воспроизводство природных ресурсов и качества среды в рамках цены прироста от доли достигнутого ВВП и в рамках необходимой оценки ассимиляционного потенциала территорий государств, входящих в БРИКС. Для этого необходимо поддерживать и улучшать состояние ассимиляционного потенциала территорий, который предлагался автором давно [8] и отказываться от подписания навязываемых Западом сомнительных документов в попытке управлять естественными обменными процессами биосферы. Если каждое из государств в многовекторном развитии будет поддерживать свой ассимиляционный потенциал территорий, то исчезнет необходимость принятия международных соглашений в попытке вмешательства в естественные обменные процессы в биосфере в части воспроизводства природных ресурсов и качества окружающей среды.

Энергоэффективность экономики БРИКС необходимо по-прежнему обеспечивать за счёт использования углеводородного топлива, чтобы не подорвать свою экономику, которая в основном ещё держится на угле, нефти и газе, с постепенным развитием атомной энергетики, а также использованием потенциала прироста биомассы сельскохозяйственной продукции с последующей переработкой ее отходов и получения дополнительных источников возобновляемой энергии.

Список литературы

1. *Бондаренко Н.Е.* Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 19-33. DOI: 10.54861/27131211_2024_8_19.
2. *Будыко М.И.* Климат и жизнь. – Л.: Гидрометеоиздат, 1971. – 472 с.
3. *Будыко М.И.* Тепловой баланс Земли. – Л.: Гидрометеоиздат, 1978. – 46 с.
4. *Дементьев В.Е., Дружина Г.Я., Гудков С.С.* Кучное выщелачивание золота и серебра. – Иркутск: ОАО «Иргиредмет», 2004. – https://www.vnedra.ru/tag/obogashhenie-zolotosoderzhashhih-rud.
5. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // Химия и жизнь. – 1970. – № 8. – С. 17-22.
6. *Казначеев В.П.* Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1989. – 248 с.
7. *Кокин А.В.* Золотое сечение и эволюция: (введ. в общ. теорию нелокал. эволюции) / А.В. Кокин, А.А. Кокин. – Москва, 2022. – 231 с.
8. *Кокин А.В.* Ассимиляционный потенциал природы и территорий: нетривиальные следствия управления устойчивым эколого-экономическим развитием // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 1. – С. 158-168.
9. *Кокин А.В.* Приоритеты национальных интересов стран БРИКС в стратегии глобальной экологической политики // Страны БРИКС: экологические аспекты развития и сотрудничества. Материалы международного форума (5-6 июня 2025 года). – М., 2025. – С. 79-82.
10. *Кутырев В.А.* Становление ноосферы: надежды и угрозы // Философия русского космизма. – М., 1996. – С. 316-325.
11. *Магомедов И.М.* Современные представления и развитие концепции В.И. Вернадского об автотрофности человечества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 12 (ч. 1). – С. 78-81.
12. *Ризаева Г.А.* Колониальная экспансия великих держав в конце XIX века // История. Серия гуманитарные науки. – 2017. – № 7. – С. 29-35.
13. *Шишков Ю.В.* Вызовы новой исторической эпохи // Век глобализации. – 2012.–№ 1 (9). – С. 3-19.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы. – М.: Мысль, 1998. – 609 с.
15. *Dines W.H.* The heat balance of the atmosphere // Quarterly Journal of the Royal Meteorological Society. – 1917. – Vol. 43, N 151.
16. *Gaud W.S.* The Green Revolution: Accomplishments and Apprehensions. – https://agbioworld.org/biotech-info/topics/borlaug/borlaug-green.html.
17. *Oguntoyinbo J.S.* Reflection coefficient of natural vegetation, crops and urban surfaces in Nigeria // Quarterly Journal of the Royal Meteorological Society. – 1970. – Vol. 96, N 409. – P. 430-44.
18. Tables of temperature, relative humidity and precipitation for the world. P. 1-IV. – London, 1958.
19. Renewable energy statistics 2024 // International Renewable Energy Agency. – https://www.irena.org/Publications/2024/Jul/Renewable-energy-statistics-2024.Nimbus Roman

Никоноров С.М.
д.э.н., профессор Кафедры экономики устойчивого развития и природопользования,
Экономический факультет МГУ

Ефрем Р.Н.
аспирант, Экономический факультет Чувашского государственного университета)

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ЗЕЛЕНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ БРИКС

Ключевые слова: экологическое и зеленое строительство, благоустройство общественных пространств, зеленое финансирование в странах БРИКС, стратегия перехода к устойчивому развитию городских агломераций.

Key words: ecological and green construction, improvement of public spaces, green financing in BRICS countries, strategy for transition to sustainable development of urban agglomerations.

В условиях глобального экологического кризиса и стремительной урбанизации страны объединения БРИКС ощущают на себе ключевые противоречия современного развития. С одной стороны, для них характерен динамичный экономический рост и сосредоточие почти половины мирового населения, а с другой – они несут колоссальную ответственность, являясь источником более половины глобальных выбросов парниковых газов[1]. Этот двойственный статус превращает экологическую политику БРИКС из узконациональной задачи в вопрос глобальной устойчивости.

В таких условиях возрастает актуальность эффективного экологического и зеленого строительство в странах БРИКС как основа для устойчивого развития всего мира. Экологическое и зеленое строительство, понимаемое как создание энергоэффективной, ресурсосберегающей и низкоуглеродной инфраструктуры[2], становится одним из основных инструментов этой трансформации. Оно напрямую отвечает на вызовы стремительной урбанизации, породившей в мегаполисах БРИКС острый дефицит качественной среды, эффект «теплового острова» и социальную разобщенность[3].

В этом контексте благоустройство общественных пространств – парков, зон отдыха набережных, площадей в городах – перестает быть лишь эстетическим проектом. На основе принципов «зеленого строительства» оно эволюционирует в создание многофункциональной экологической инфраструктуры, выполняющей роль «зеленых легких», систем естественного дренажа, центров биоразнообразия и социальных хабов. Такие пространства, как парк «Зарядье» в Москве или «губчатые» парки в Шанхае, являются материальным воплощением нового подхода, где экология формирует основу для общественной жизни. Схема их создания и организация также является интересным примером для исследования.

Однако проблема реализация столь масштабных и технологичных проектов упирается в фундаментальный вопрос финансирования. Для развивающихся экономик и стран с формирующимся рынком мобилизация значительных капиталовложений в инфраструктуру, окупаемость которой часто носит социальный и долгосрочный характер, представляет собой сложнейшую задачу[4].

Страны БРИКС, обладая разнородными экономиками, активно экспериментируют, создавая уникальные гибридные модели финансирования, которые сочетают прямое государственное участие, механизмы ГЧП, международные «зеленые» кредиты и инновационные инструменты вроде муниципальных облигаций. Успех этой финансовой конфигурации определяет, сможет

[1] *Makarov I., Khlebnova A., Shuranova A.* Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change / HSE University, International and Comparative Law Research Center. – 2024. – https://we.hse.ru/data/2024/12/05/1923701533/Towards%20Global%20Green%20Leadership.pdf.

[2] Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. акад. Б.Н. Порфирьева. – СПб.: МБИ, 2018. – С. 6.

[3] *Бондаренко Н.Е.* Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 19-33.

[4] Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. акад. Б.Н. Порфирьева. – СПб.: МБИ, 2018. – С. 6.

ли объединение перейти от единичных пилотных проектов к системной «зеленой» трансформации своих городских ландшафтов.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью изучения накопленного опыта стран БРИКС в сфере адаптации концепции зеленого строительства, ее практического воплощения в общественных пространствах и механизма финансирования.

Коллективное видение БРИКС в области «зеленой» экономики базируется на принципах устойчивого развития и низкоуглеродного роста. Оно включает акцент на эффективное использование природных ресурсов, продвижение возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и внедрение «зеленых» технологий[1]. Это видение было подтверждено в Йоханесбургской декларации, где страны обязались «повышать устойчивость энергетических систем», «продвигать использование вариантов экологически чистой энергии» и содействовать исследованиям и инновациям. Ключевым принципом является «эффективное использование всех источников энергии», включая ВИЭ, ископаемое топливо (с оговорками), ядерную энергию и низкоуглеродный водород, что рассматривается как основа для «справедливого перехода»[2].

Однако путь к «зеленому» росту в странах БРИКС сопряжен с двойственным влиянием глобализации. С одной стороны, она стимулировала экономический рост и инвестиции в «зеленые» технологии. С другой – привела к увеличению нагрузки на окружающую среду из-за растущего спроса на ресурсы и энергию[3]. Особую проблему, иллюстрирующую этот вызов, представляет управление отходами электрического и электронного оборудования. На страны БРИКС приходится около 32% мирового объема ОЭЭО, при этом уровень переработки остается низким – менее 15%[4].

Сотрудничество в сфере экологии и климата в рамках БРИКС долгое время не было приоритетным, но ситуация меняется. Климатическая проблематика интегрирована в Стратегию экономического партнерства БРИКС до 2025 года[5]. Ключевым финансовым институтом является Новый банк развития (НБР), который финансирует проекты в области устойчивой инфраструктуры и «зеленой» энергетики, хотя его деятельность в России с 2022 года приостановлена[6].

Для промышленного сотрудничества создано Партнерство ради новой промышленной революции (PartNIR), однако «зеленая» промышленная политика не является его явным фокусом, за исключением инициативы «Биоиндустрия для поставок по всему миру»[7]. Деловой совет БРИКС (BBC) включает рабочую группу «Энергетика, зеленая экономика и климат», что также предоставляет площадку для диалога[8].

Кроме общих для объединения стратегий и программ, каждая страна БРИКС разработала собственный комплекс проектов, отражающих национальную специфику зеленого строительства[9]:

---

[1] *Huang J.* Resources, innovation, globalization, and green growth: The BRICS financial development strategy // Geoscience Frontiers. – 2024. – Vol. 15, N 2, March. 101741. – https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1674987123002086.

[2] Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504.

[3] *Luiz da Silva C.* A Framework for Public Policy Development in BRICS Countries to Support Circular Economy Development in the WEEE Value Chain // Recycling. – 2025. – Vol. 10, N 1. – https://www.researchgate.net/publication/387793609_A_Framework_for_Public_Policy_Development_in_BRICS_Countries_to_Support_Circular_Economy_Development_in_the_WEEE_Value_Chain.

[4] Ibid.

[5] Strategy for BRICS Economic Partnership 2025. – https://bricswomen.com/wp-content/uploads/2024/04/Strategy-for-BRICS-Economic-Partnership-2025.pdf.

[6] *Makarov I., Khlebnova A., Shuranova A.* Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change / HSE University, International and Comparative Law Research Center. – 2024. – https://we.hse.ru/data/2024/12/05/1923701533/Towards%20Global%20Green%20Leadership.pdf.

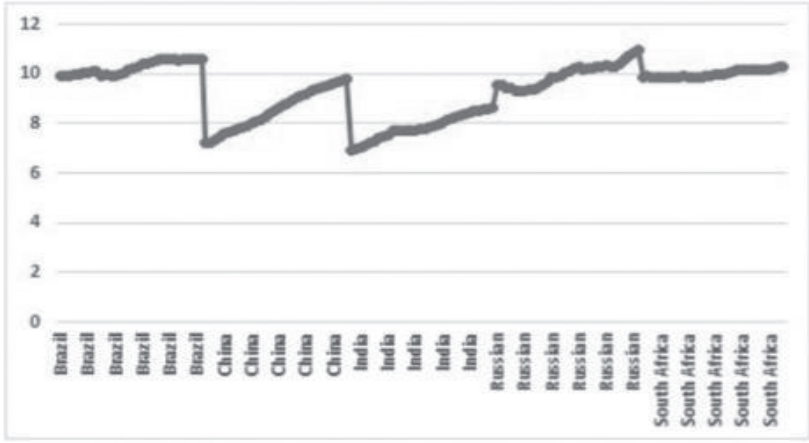
[7] *Soren H.* BRICS green industry potential. Briefings Net Zero Bulletin Renewables. – https://zerocarbon-analytics.org/energy/brics-green-industry-potential.

[8] BRICS Business Council. – https://bbcbrasil.org/brics-business-council.

[9] Составлено по данным: *Makarov I., Khlebnova A., Shuranova A.* Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change / HSE University, International and Comparative Law Research Center. – 2024. – https://we.hse.ru/data/2024/12/05/1923701533/Towards%20Global%20Green%20Leadership.pdf; Инвестиционное сотрудничество в области зеленой экономики БРИКС и БРИКС+. – https://roscongress.org/materials/investitsionnoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-zelenoy-ekonomiki-briks-i-briks.

- В Бразилии основной фокус сделан на борьбу с обезлесением (особенно в Амазонии) и развитие биоэкономики. Приоритеты в энергетике – гидроэнергетика и биотопливо.
- В России принята «Стратегия низкоуглеродного развития РФ до 2050 года», ее цель – углеродная нейтральность к 2060 году. Реализуется национальный проект «Экология» и федеральный проект «Низкоуглеродное развитие» (запущен в 2025 г.). Реализуется «Концепция развития водородной энергетики» (2021 г.). Акцент сделан на энергоэффективность, лесной климатический потенциал и экологическое благополучие населения.
- В Индии экологическая миссия определена в рамках «Национального плана действий по изменению климата» (NAPCC), а также программам по солнечной и водородной энергетике. Цель экологической политики Индии – достичь углеродной нейтральности к 2070 году. Активно развивает солнечную энергетику и устойчивый транспорт.
- Китай – мировой лидер в области ВИЭ и электромобильной промышленности. Страна взяла на себя обязательства достичь углеродной нейтральности к 2060 году. КНР имеет крупнейшую в мире систему торговли квотами на выбросы углерода. Стратегии развития водородной энергетики и «зеленого» строительства интегрированы в пятилетние планы социально-экономического развития.
- Южная Африка реализует «Стратегию низкоуглеродного развития» и «План справедливого энергетического перехода» (JETP). Их цель – углеродная нейтральность к 2050 году. Страна имеет систему торговли выбросами и запустила проект по производству зеленого водорода с привлечением крупных, международных инвесторов.
- В ОАЭ принята «Национальная энергетическая стратегия 2050», цель которой – достижение 44% чистой энергии в структуре энергопотребления. Также разработана «Стратегия водородной энергетики». Страна является активным участником добровольных углеродных рынков.
- Стратегия «Зеленая Саудовская Аравия» и «Зеленый Ближний Восток» делают акцент на диверсификацию экономики, солнечной энергетике и производстве синего (из воды) и зеленого водорода.
- Другие члены БРИКС также реализуют системную экологическую политику. В Египте приоритет сделан на адаптацию к изменениям климата и развитие ВИЭ. Планируется создание центра по водородной энергетике при сотрудничестве с Россией. В Эфиопии большое внимание уделяется адаптации и развитию гидроэнергетики. Хотя страна пока не имеет четкой стратегии углеродной нейтральности.
- Иран – единственный член БРИКС, который пока не является участником Парижского соглашения, и его «зеленая» политика наименее развита среди стран объединения.

Во всех странах БРИКС отмечается рост бюджетных расходов в развитие экологических программ и «зеленое» строительство. На рис. 1 представлена динамика этого показателя по ключевым странам – очевидна общая тенденция к росту «зеленых» инвестиций в странах БРИКС.

Источник: Huang J. Resources, innovation, globalization, and green growth: The BRICS financial development strategy // Geoscience Frontiers. – 2024. – Vol. 15, N 2, March. 101741. – https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1674987123002086

Рис. 1. Динамика инвестиций в «зеленые» проекты в странах БРИКС, % в расходах бюджета в 2020-2024 годах

Статистика демонстрирует прогресс, достигнутый Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой в области финансирования «зеленых» программ.

В контексте этих стратегий «зеленое» строительство выступает не только как отрасль, но и как общий кросс-секторальный ресурс для достижения экологических целей. Они напрямую связано со следующими направлениями общей экологической политики БРИКС[1]:

- Энергоэффективность. Снижение энергопотребления зданий и инфраструктуры – общий приоритет для всех стран БРИКС.
- Внедрение ВИЭ. Интеграция солнечных панелей, тепловых насосов и других технологий в здания.
- Циркулярная экономика. Использование вторичных материалов (например, переработанных отходов электронной промышленности или строительных отходов) и проектирование зданий с учетом их будущего демонтажа и утилизации.
- Устойчивая мобильность. Развитие инфраструктуры для электромобилей и общественного транспорта в рамках городской застройки, что является приоритетом для Китая, Бразилии, ОАЭ и Индии.

Потенциал для экологического сотрудничества внутри БРИКС огромен. Как отмечают эксперты, перспективными направлениями являются принятие общих принципов борьбы с изменением климата, создание экспертных партнерств, продвижение учета выбросов на основе потребления и, что особенно важно для строительства, создание общей инфраструктуры зеленого развития для трансграничного сотрудничества[2]. В частности, это включает гармонизацию «зеленых» стандартов для зданий, совместные НИОКР в области энергоэффективных материалов и технологий «умного города», а также обмен лучшими практиками в области управления отходами строительства и сноса[3].

Таким образом, страны БРИКС, обладая колоссальным экономическим и демографическим потенциалом, осознают свою особую ответственность в глобальной экологической повестке. Несмотря на значительные различия в экономических структурах, энергетических балансах и национальных приоритетах, их объединяет общее понимание необходимости перехода к «зеленому» строительству, основанному на эффективности ресурсов, развитии ВИЭ и технологических инновациях, снижающих потребление ресурсов и воздействие на окружающую среду. Документы экологической политики – от национальных стратегий низкоуглеродного развития до программ развития водородной энергетики – формируют основу для этого перехода на национальном уровне.

«Зеленое» строительство в этом контексте выступает как важная практическая область, где экологические цели пересекаются с задачами экономического развития и повышения качества жизни. Однако для полной реализации потенциала сотрудничества необходимо вывести «зеленую» промышленную политику и, в частности, вопросы «зеленого» строительства в более явный приоритет в деятельности институтов БРИКС. Укрепление сотрудничества в этой сфере позволит не только смягчить негативное экологическое воздействие, но и создать новые точки экономического роста, укрепив позиции БРИКС как лидеров в разработке инклюзивных моделей устойчивого развития для всего Глобального Юга.

Исходя из имеющегося опыта, у БРИКС есть возможность стать образцом, предложив миру новые подходы к экономическому росту, учитывающие климатические ограничения.

Стремительный экономический рост и урбанизация в странах БРИКС в XXI веке породила комплекс взаимосвязанных вызовов – критическое ухудшение экологии, острый дефицит

[1] Составлено по данным: Luiz da Silva C. A Framework for Public Policy Development in BRICS Countries to Support Circular Economy Development in the WEEE Value Chain // Recycling. – 2025. – Vol. 10, N 1. – https://www.researchgate.net/publication/387793609_A_Framework_for_Public_Policy_Development_in_BRICS_Countries_to_Support_Circular_Economy_Development_in_the_WEEE_Value_Chain; *Makarov I., Khlebnova A., Shuranova A.* Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change / HSE University, International and Comparative Law Research Center. – 2024. – https://we.hse.ru/data/2024/12/05/1923701533/Towards%20Global%20Green%20Leadership.pdf.

[2] *Горлачева Е.Н.* Формирование портфелей совместных экологических проектов стран БРИКС и обоснование подхода для их мониторинга на основе концепции оценки уровней готовности технологий / Е.Н. Горлачева, Ю.Г. Герцик, Д.В. Бабьяк // Экономические отношения. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 675-692.

[3] *Бондаренко Н.Е.* Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 19-33.

качественных общественных пространств, усиление негативных эффектов индустриализации и социальное расслоение. В этих условиях «зеленое» благоустройство городской среды перестает быть вопросом эстетики и комфорта, превращаясь в стратегическую задачу повышения устойчивости мегаполисов. Ответом становится интеграция принципов зеленого и экологического строительства в создание и обновление общественных пространств. Парки, набережные, бульвары и площади становятся не просто местами отдыха, а ключевыми элементами «зеленой» инфраструктуры, выполняющими экологические, социальные и климатические функции. Этот подход превращает их в «легкие» города, естественные дренажные системы, центры биоразнообразия и социальные хабы, формируя новую парадигму городского развития стран БРИКС.

Проекты благоустройства в странах БРИКС наглядно демонстрируют, как экологические задачи становятся основой для создания многофункциональных общественных пространств.

Например, в Китае реализован проект «Губчатые города» и умное управление водными ресурсами. Являясь лидером по темпам урбанизации, Китай сделал ставку на концепцию «Губчатых городов» («Sponge City»), где зеленые технологии являются основой дизайна. Яркий пример – редевелопмент набережной реки Хуанпуцзян в Шанхае, где бетонированная индустриальная зона была трансформирована в парк с проницаемыми покрытиями, биоплато и зелеными террасами, смягчающими паводки и очищающими воду. Еще более масштабным является парк Ханчжоу Ветланд, созданный на месте деградировавших сельхозугодий. Восстановленная гидрологическая система с каналами и прудами выполняет функции фильтрации воды, сохранения биоразнообразия и предоставления рекреационного пространства, наглядно показывая, «как экологическая инфраструктура становится основой для общественного пространства»[1].

Этот пилотный проект финансировался за счет муниципальных «зеленых» облигаций и кредитов от государственных «зеленых» банков, таких как Industrial Bank. Инвесторы получили гарантии, что их средства пойдут на строительство проницаемых покрытий, биодренажных канав и парков, выполняющих функцию резервуаров, что снижает риски наводнений и пополняет грунтовые воды.

В Бразилии реализуются планы модернизации инфраструктуры на основах зеленой парадигмы. В перенаселенном центре Сан-Паулу долгое время ощущалась острая нехватка зеленых зон. Проект парка Аугушта (Parque Minhocão), реализованный на месте заброшенной эстакады, стал знаковым. Хотя это временный парк (открывается по выходным), он иллюстрирует тренд на создание экологической инфраструктуры. Акцент сделан на озеленение – высадку тысяч местных растений, создание вертикальных садов и общественных огородов. Проект улучшил микроклимат района, снизив температуру и уровень шума, и стал катализатором социальной активности. Это пример «зеленого» подхода в условиях жестких пространственных и бюджетных ограничений, характерных для многих городов БРИКС[2].

Для Индии знаковым стал проект возрождения рек – «Sabarmati Riverfront», например, в городе Ахмадабаде. Река Сабармати в Ахмадабаде многие годы была загрязненным сточным каналом. Масштабный проект по благоустройству ее набережной (Sabarmati Riverfront Development Project) преследовал цели улучшения экологии, предотвращения наводнений и создания непрерывного общественного пространства протяженностью более 11 км. Были построены системы перехвата сточных вод, восстановлены естественные берега, высажены тысячи деревьев. Проект сочетает экологические задачи с социальными – созданы пешеходные и велодорожки, амфитеатры, площади и общественные сады. Несмотря на критику относительно переселения части жителей, проект стал моделью комплексного преобразования деградировавшей водной артерии в жизнеспособное общедоступное пространство[3].

В ЮАР воплощается на практике модель социальной экологии, примером является парк «Зеленая точка» в Кейптауне. В ЮАР ключевой вызов – социальное неравенство, отражающееся в городском планировании. Проект «Green Point Park» в Кейптауне, созданный к ЧМ-2010, представляет собой общественный парк, построенный на принципах устойчивого развития в

[1] Using Nature to Reshape Cities and Live with Water: An Overview of the Chinese Sponge City Programme and its Implementation in Wuhan. – https://growgreenproject.eu/wp-content/uploads/2021/01/Sponge-City-Programme-in-Wuhan-China.pdf.

[2] *Sotto D.* Parque Minhocão, São Paulo – Brazil: a case study on urban rehabilitation, place-making and gentrification // Revista de Direito da Cidade. – 2018. – Vol. 10, N 3. – P. 1895-1910.

[3] Sabarmati Riverfront: A Tale of Urban Transformation. – https://sabarmatiriverfront.com.

престижном районе. Его особенность – экообразовательная миссия. Парк оснащен системой сбора дождевой воды для ирригации, использует только местные, засухоустойчивые растения (финбош), а его информационные центры рассказывают о биоразнообразии и сохранении воды. Парк не только стал «зеленым буфером» между городом и океаном, но и доступной рекреационной зоной, способствующей экологическому просвещению[1].

В России реализована большая группа «зеленых» проектов, отвечающих требованиям устойчивого развития. Примером могут быть программа «Зеленый каркас» Москвы – парк «Зарядье» и программа «Моя улица». В России флагманским примером экологического благоустройства является парк «Зарядье» в Москве. Спроектированный международной командой, он реализует концепцию «природного урбанизма». На крыше подземного паркинга созданы четыре ландшафтные зоны, имитирующие разные климатические пояса России, с применением фиторемедиации для очистки воздуха. Парк использует геотермальную энергию для обогрева и охлаждения павильонов, систему «умного» освещения и сбора талой воды. Не менее важна программа «Моя улица», в рамках которой в центре Москвы были расширены тротуары, высажены сотни деревьев, установлены «дождевые сады» для сбора ливневых стоков и использованы дышащие покрытия. Эти проекты показывают переход от чисто декоративного озеленения к созданию сложной, многофункциональной экологической инфраструктуры[2].

Современное благоустройство в агломерациях БРИКС немыслимо без цифровых инструментов. Искусственный интеллект (ИИ) и технологии «умного города» становятся критическими для повышения эффективности и устойчивости общественных пространств. В государствах БРИКС уже реализован целый ряд проектов, которые объединяют «умные» технологии с «зеленым» строительством. Например, в Шанхае платформа «City Brain» оптимизирует городские системы, а в Шэньчжэне ИИ – прогнозирует спрос на энергию. В Индии алгоритмы помогают предсказывать зоны наводнений в Ченнаи и Мумбаи. Бразильский Рио-де-Жанейро в рамках проекта «Rio AI City» планирует использовать ИИ для анализа неформальных поселений, а лаборатория SENSEable Rio Lab будет способствовать устойчивому планированию[3].

Более половины исследуемых городов БРИКС имеют климатические стратегии, нацеленные на декарбонизацию. Ключевым направлением является развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Примеры масштабных проектов включают концентрированную солнечную тепловую электростанцию Redstone в ЮАР (100 МВт, питающая 200 000 домохозяйств) и ветроэнергетический комплекс Gameleira в Бразилии (экономия 129,6 тыс. тонн угля в год). На городском уровне растет тренд на распределенную генерацию, например, установку солнечных панелей на крышах зданий[4].

Новые члены БРИКС задают высокую планку. Проекты вроде NEOM в Саудовской Аравии и Масдар-Сити в ОАЭ задуманы как полностью интеллектуальные и устойчивые экосистемы, где ИИ управляет ресурсами, а общественные пространства неразрывно связаны с «зеленой» энергетикой[5].

Страны БРИКС осознают необходимость обмена опытом. Международный муниципальный форум БРИКС в Рио-де-Жанейро и Форум БРИКС по городскому будущему в Москве стали ключевыми площадками для диалога о гармоничном развитии мегаполисов, экологической инфраструктуре и городских технологиях. Эти события подчеркивают растущее значение сотрудничества стран БРИКС в выработке общих решений.

Таким образом, благоустройство общественных пространств в городских агломерациях стран БРИКС эволюционировало от декоративного озеленения к созданию сложной, многофункциональной экологической инфраструктуры. Это ответ на тройной кризис – экологический, социальный и климатический.

[1] Green Point Park – An Eco-Friendly Urban Oasis. – https://www.capetourism.com/green-point-park.

[2] *Makarov I., Khlebnova A., Shuranova A.* Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change / HSE University, International and Comparative Law Research Center. – 2024. – https://we.hse.ru/data/2024/12/05/1923701533/Towards%20Global%20Green%20Leadership.pdf.

[3] BRICS Urban Climate Agenda Report. – https://urbanclimate.moscow/downloads/BRICS_Climate_Agenda_Report.pdf.

[4] Ibid.

[5] Smart cities in the BRICS: artificial intelligence, South-South cooperation, and the future of sustainable urban development. – https://brics.br/en/news/articles/smart-cities-in-the-brics-artificial-intelligence-south-south-cooperation-and-the-future-of-sustainable-urban-development.

Существующие успешные примеры – от «губчатых» парков Китая и обновленных набережных Индии до «умных» пространств России и экообразовательных парков ЮАР – доказывают, что интеграция принципов зеленого строительства, «умных» технологий и климатического планирования способна трансформировать городскую среду государств БРИКС. Такие пространства становятся узлами новой городской экосистемы. Они смягчают последствия изменения климата, повышают энергоэффективность, сохраняют биоразнообразие и, что крайне важно, укрепляют социальную сплоченность, предоставляя равный доступ к качественной с точки зрения экологии среды. Дальнейшее укрепление сотрудничества в рамках БРИКС по обмену лучшими практиками и технологиями в этой сфере является ключевым условием для построения устойчивого будущего для миллиардов горожан объединения.

В контексте глобальной климатической повестки и целей устойчивого развития, «зеленое» финансирование стало критическим инструментом для модернизации экономик. Для стран БРИКС, мобилизация финансовых ресурсов для перехода к низкоуглеродной модели развития является стратегической задачей. Зеленое финансирование, направленное на проекты в области возобновляемой энергетики, энергоэффективности, экологического строительства и устойчивой инфраструктуры, является основой для реализации масштабных экологических программ. Анализ финансовых потоков и институциональных механизмов в объединении показывает формирование многоуровневой архитектуры, где государственные инициативы, международные институты и растущий частный капитал стремятся конвертировать экологические вызовы в инвестиционные возможности[1].

На начальном этапе формирования рынка зеленого финансирования в странах БРИКС ключевую роль играет прямое государственное участие. Государство выступает одновременно как регулятор, заказчик и соинвестор, формируя спрос и задавая стандарты.

В этом направлении важную роль играет прямое бюджетное финансирование и целевые программы. Ярким примером является российский национальный проект «Жилье и городская среда», где средства федерального бюджета софинансируют региональные проекты благоустройства, включающие обязательные «зеленые» элементы – водопроницаемые покрытия, системы сбора воды, высадку местных растений[2]. Это создает гарантированный рынок для экологических технологий.

В Китае стратегия «экологической цивилизации» реализуется через директивное планирование и прямое субсидирование мегапроектов, таких как «Губчатый город», где на начальном этапе до 80% финансирования пилотных городов обеспечивалось государством[3]. Гигантские солнечные и ветровые парки в провинции Цинхай (часть плана по созданию «чистой энергетической базы») получили льготные кредиты от China Development Bank (CDB) и были включены в портфель национальных «зеленых» инвестиционных фондов. Это пример директивного финансирования стратегических отраслей ВИЭ.

Фонд Green Growth Equity Fund (GGEF), созданный при поддержке правительств Индии и Великобритании и управляемый EverSource Capital, инвестирует в проекты ВИЭ, включая строительство солнечных парков. Это пример специализированного «зеленого» фонда прямых инвестиций, мобилизующего международный капитал под национальные цели.

На следующем этапе происходит создание рыночных инструментов и нормативной базы зеленого финансирования. Государства БРИКС активно развивают нормативную основу для привлечения частного капитала. Китай, лидирующий по объемам зеленых инвестиций (145 млрд долларов в 2022 году[4]), запустил общенациональную систему торговли выбросами в 2021 году. ЮАР ввела углеродный налог еще в 2019 году. Важным шагом стала гармонизация стандартов

[1] *Худякова Л., Урумов Т.* «Зеленое» финансирование в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 9. – С. 79-87.

[2] Зеленый переход в БРИКС: важнейшая роль зеленых финансов в управлении климатом. – https://roscongress.org/materials/zelenyy-perekhod-v-briks-vazhneyshaya-rol-zelenykh-finansov-v-upravlenii-klimatom/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

[3] Инвестиционное сотрудничество в области зеленой экономики БРИКС и БРИКС+. – https://roscongress.org/materials/investitsionnoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-zelenoy-ekonomiki-briks-i-briks.

[4] *Бондаренко Н.Е.* Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 24.

для зеленой продукции (электромобили, солнечные панели), согласованная министрами торговли БРИКС в июле 2024 года для противодействия «зеленому протекционизму».

Все эти инициативы привели к увеличению «зеленых» инвестиций в странах БРИКС (табл. 1).

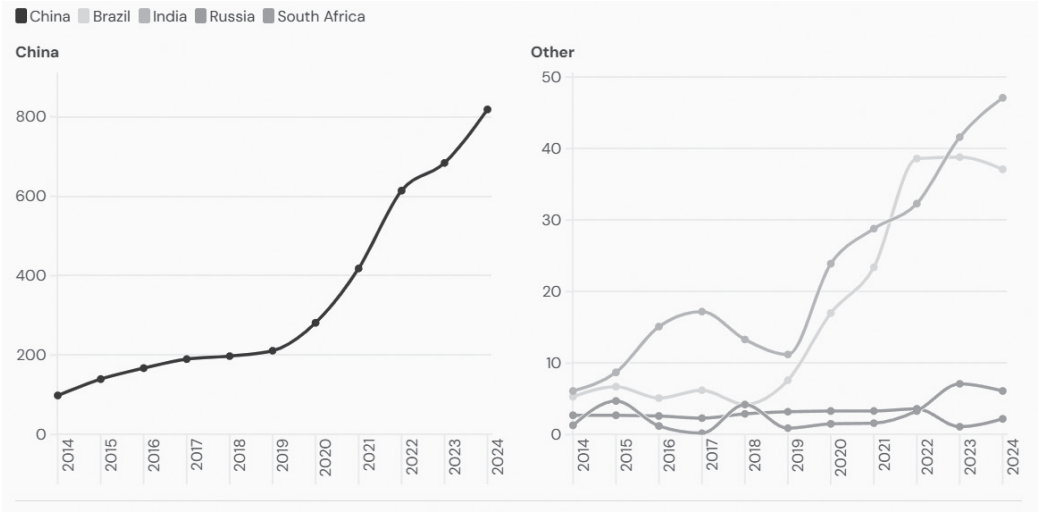
Таблица 1

Инвестиции в возобновляемую энергетику стран БРИКС (млн долларов)

Год	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
2018	6610	3280	11380	132600	4800
2019	7200	3450	11600	135500	5100
2020	6840	3620	10350	127500	4900
2021	7500	3700	12850	140000	5200
2022	7900	3800	13700	145000	5300

Источник: Бондаренко Н.Е. Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 24.

Таким образом, за период с 2018 по 2022 год пять государств-членов БРИКС резко нарастили объемы инвестиций в ВИЭ. Эту же динамику подтверждает статистика по инвестициям в «зеленую» энергетику (рис. 2). Например, Китай за период 2014-2024 гг. нарастил инвестиции на в 8 раз со 100 млрд долл. до 835 млрд долл. Индия увеличила поток «зеленых» инвестиций в 9 раз до 48 млрд долл., Бразилия – в 8 раз до 37 млрд долл. менее ярко выраженная динамика характерна для России (объем «зеленых» инвестиций около 2,5 млрд долл.) и ЮАР (5 млрд долл.).

Источник: Soren H. BRICS green industry potential. Briefings Net Zero Bulletin Renewables. – https://zerocarbon-analytics.org/energy/brics-green-industry-potential

Рис. 2. Инвестиции в зеленую энергетику в странах БРИКС в 201-2024 году, млрд долл.

Помимо бюджетных средств, страны БРИКС активно используют гибридные модели, позволяющие разделить риски и привлечь капитал частного сектора.

Распространенной является схема государственно-частного партнерства (ГЧП). Эта модель эффективна для капиталоемких инфраструктурных проектов. В Индии проект благоустройства набережной реки Сабармати (Sabarmati Riverfront) был существенно профинансирован по схеме BOT (Build-Operate-Transfer). Частные девелоперы получили права на коммерческую застройку прилегающих участков, а доходы от нее стали источником возврата инвестиций в создание общественных парков и очистных сооружений, реализуя модель «перекрестного субсидирования»[1].

[1] *Худякова Л., Урумов Т.* «Зеленое» финансирование в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 9. – С. 79-87.

В Бразилии концессии на управление крупными парками (например, Ибирапуэра в Сан-Паулу) позволяют привлекать частные инвестиции в модернизацию «зеленой» инфраструктуры в обмен на права на коммерческую деятельность на территории.

Часть стран БРИКС использует международное «зеленое» финансирование. Развивающиеся рынки БРИКС активно привлекают целевые средства международных финансовых институтов. Всемирный банк, Международная финансовая корпорация (IFC), а ранее (до 2022 года) и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) предоставляли кредиты на проекты устойчивого транспорта, управления водными ресурсами и адаптации к изменению климата в ЮАР, Бразилии и России. Эти кредиты часто носят «связанный» характер, требуя достижения конкретных экологических показателей (KPI), и привносят международные стандарты ESG.

Существует группа инновационных финансовых инструментов. Страны объединения экспериментируют с современными механизмами мобилизации капитала. Китай и ЮАР (муниципалитет Кейптауна) выпускают «зеленые» муниципальные облигации, привлекающие средства институциональных инвесторов под конкретные экопроекты. Например, в 2022 году правительство бразильского штата Амазонас выпустило первые в мире «зеленые» облигации, напрямую связанные с сохранением тропических лесов. Вырученные средства (около 41 млн долл.) направляются на финансирование программ по борьбе с обезлесением, поддержку устойчивого лесопользования и развитие «зеленой» экономики для местных сообществ. Это пример, когда экологический результат (сокращение выбросов от сведения лесов) становится базой для финансового инструмента.

Еще один пример «зеленого» финансирования – «зеленые» муниципальные облигации Кейптауна. Город выпустил одни из первых в Африке муниципальных «зеленых» облигаций для финансирования проектов в области энергоэффективности городских зданий, развития водородного транспорта и инфраструктуры для электробусов.

В Бразилии и Индии применяются механизмы платы за воздействие (Impact Fees), обязывающие девелоперов компенсировать нагрузку на среду путем взносов в фонд развития городской инфраструктуры или прямого создания общественных пространств[1].

По близкой схеме финансирования осуществлялся проект создания солнечной электростанции «Бурибаевская» (Башкортостан). Проект реализован компанией «Хевел» с привлечением проектного финансирования от ВЭБ.РФ и Сбербанка. Кредит был структурирован под выручку от будущей продажи электроэнергии и «зеленых» сертификатов. Это пример адаптации международной практики финансирования ВИЭ в российских условиях.

Особую роль в финансовой архитектуре объединения играет Новый банк развития (НБР), созданный в 2015 году. НБР позиционирует себя как катализатор устойчивой инфраструктуры, фокусируясь на чистых технологиях и низкоуглеродном развитии. Банк сообщает, что большая часть его финансирования согласована с ЦУР, особенно с целями по промышленности, инновациям, инфраструктуре (ЦУР 9–29%), устойчивым городам (ЦУР 11–15%) и чистой энергии (ЦУР 7–13%)[2].

Примеры его деятельности включают:

- Кредит в 300 млн долл. на проекты ВИЭ в Индии (2021 г.).
- Соглашения с Бразильским банком развития (BNDES) на 1,7 млрд долл. для климатических проектов (2023 г.).
- Выпуск «зеленых» облигаций на 1,25 млрд долл. для финансирования чистого транспорта и энергоэффективности (2024 г.)[3].

НБР предоставил ЮАР кредиты на развитие ВИЭ-мощностей и модернизацию сетей, что является ярким примером реализации мандата банка внутри объединения.

Однако НБР, обладая значительным потенциалом, мог бы играть еще более амбициозную роль в поддержке зеленого строительства. Примечательно, что в его стратегии на 2022-2026 гг.

---

[1] *Nguyen D.H., Khominich I.P.* The measurement of green economic quality in the BRICS countries: Should they prioritize financing for environmental protection, economic growth, or social goals? // Russian Journal of Economics. – 2023. – № 2. – https://rujec.org/article/101612.

[2] *Soren H.* BRICS green industry potential. Briefings Net Zero Bulletin Renewables. – https://zerocarbon-analytics.org/energy/brics-green-industry-potential.

[3] Ibid.

целевой показатель финансирования ВИЭ снижен с 60% до 40%, что может свидетельствовать о диверсификации портфеля или учете сложностей.

Анализ инвестиционных потоков внутри БРИКС показывает явный перекос в пользу определенных секторов[1]. Данные свидетельствуют, что большая часть инвестиций в энергетический переход приходится на электрификацию транспорта (44% – продажи пассажирских электромобилей), тогда как капиталоемкие «зеленые» промышленные сектора, такие как производство чистой стали (1,9%) или зеленого аммиака (0,1%), получают минимальное финансирование. Китай доминирует в этих инвестициях, нарастив их с 211,1 млрд долл. в 2019 до 818,4 млрд долл. в 2024 году, тогда как вложения других стран (Индия, Бразилия) на порядок скромнее[2].

Несмотря на прогресс, перед странами БРИКС стоят серьезные вызовы в развитии зеленого финансирования:

- Меньшая экономическая мощь, риски волатильности местной валюты и зачастую меньший масштаб проектов могут отпугивать крупных международных инвесторов, ищущих ликвидные и стабильные активы.
- Зеленые финансовые инструменты (например, облигации) могут предлагать более низкую доходность при высокой сложности структурирования и документации, повышая порог входа.
- Неопределенность экологической политики и институциональные риски в некоторых юрисдикциях создают барьеры для долгосрочных инвестиций.
- Требуется усиление координации внутри БРИКС для выработки общих принципов, взаимного признания стандартов и совместного решения проблем доступа к капиталу.

Таким образом, зеленое финансирование в странах БРИКС находится в стадии активного формирования, демонстрируя разнообразие подходов – от директивного государственного инвестирования в Китае или России до моделей ГЧП в Индии и Бразилии. Объединение вырабатывает общие рамки через гармонизацию стандартов и использует собственный финансовый институт – Новый банк развития. Однако рынок остается асимметричным как географически (с абсолютным доминированием Китая), так и секторально (с концентрацией на электрификации транспорта). Успешная мобилизация капитала для «зеленого» строительства и глубокой декарбонизации промышленности потребует от стран БРИКС преодоления структурных вызовов – снижения инвестиционных рисков, совершенствования регуляторной среды, развития локальных рынков капитала и углубления взаимного сотрудничества. Только комплексный подход позволит превратить «зеленое» финансирование из набора разрозненных инструментов в мощную систему, способную обеспечить справедливый и технологичный переход к устойчивому будущему стран объединения.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что страны БРИКС, несмотря на внутреннюю неоднородность, находятся на стратегически важном этапе формирования собственной, адаптированной модели «зеленого» строительства. Осознавая свою растущую роль и ответственность в глобальной повестке, эти государства последовательно интегрируют принципы «зеленой» экономики в национальные стратегии, видя в них не только инструмент решения экологических проблем, но и способ достижения долгосрочного социально-экономического развития. В этом контексте «зеленое» строительство и особенно благоустройство общественных пространств, выступает как одна из наиболее репрезентативных и значимых практических сфер, где теоретические установки реализуются на практики.

Эволюция от простого озеленения к созданию многофункциональной экологической инфраструктуры – от «губчатых» парков до «умных» и социально-ориентированных пространств – наглядно демонстрирует общую тенденцию. Общественные пространства в агломерациях БРИКС трансформируются в ключевые узлы, одновременно решая задачи экологической адаптации (смягчение последствий жары, управление ливневыми стоками и другие задачи), повышения экологической эффективности, сохранения биоразнообразия и укрепления социальной стабильности. Этот синтез экологии, инженерии и социологии, адаптированный к локальным зада-

[1] BRICS Urban Climate Agenda Report. – https://urbanclimate.moscow/downloads/BRICS_Climate_Agenda_Report.pdf.

[2] *Soren H.* BRICS green industry potential. Briefings Net Zero Bulletin Renewables. – https://zerocarbon-analytics.org/energy/brics-green-industry-potential.

чам, становится эффективным ответом комплекс экологических, социальных и климатических проблем.

Однако полная реализация колоссального потенциала «зеленой» трансформации упирается в системные вызовы, наиболее явным из которых является состояние «зеленого» финансирования. Несмотря на активное формирование рынка и развитие институтов, таких как Новый банк развития, сохраняется значительная асимметрия – как географическая (доминирование Китая), так и секторальная. Для финансирования масштабных проектов в сфере «зеленого» строительства и глубокой декарбонизации в странах БРИКС необходимо преодолеть структурные барьеры – снизить инвестиционные риски, гармонизировать и укрепить регуляторные рамки, развить локальные рынки капитала.

Пока мало масштабных примеров проектов **«зеленого» строительства** (например, «зеленых» районов или глубокой реновации ЖКХ) и **циклической экономики**, финансируемых исключительно через рынок. Эти сферы требуют более сложных финансовых моделей и пока сильно зависят от госинвестиций или пилотных программ.

Таким образом, дальнейший успех стран БРИКС в построении устойчивого будущего зависит от их способности правильно определить стратегические приоритеты и перевести их в плоскость совместных практических действий. По нашему мнению, это потребует:

- Повышения приоритетности «зеленого» строительства и экологической политики в рамках институциональной повестки БРИКС, создания постоянных рабочих платформ для обмена лучшими практиками, технологиями и нормативно-правовыми решениями.
- Углубления финансового сотрудничества между членами объединения для преодоления существующих диспропорций, совместной разработки механизмов, делающих «зеленые» проекты, включая комплексное благоустройство городов, более привлекательными для инвесторов как для государственных, так и частных.
- Институционализации обмена опытом по созданию устойчивой городской среды, где успешные примеры (от Китая до ЮАР и Бразилии) становятся основой для выработки адаптируемых стандартов, приемлемых для всего БРИКС.

Только комплексный подход, объединяющий политику, финансовые инновации и технологический обмен, позволит превратить декларируемые обязательства в реальные результаты. Укрепляя сотрудничество в этой сфере, БРИКС сможет не только решить внутренние задачи по улучшению экологии и качества жизни, но и утвердиться в качестве лидеров, предлагающих миру альтернативные, справедливые и технологически продвинутые модели развития, где экономический рост неразрывно связан с «зеленым» строительством и социальным благополучием.

Тагаева Т.О.
д.э.н., доцент, в.н.с. Института экономики и ОПП СО РАН; профессор Кафедры экономической теории Новосибирского национального исследовательского государственного университета
tagaeva@ieie.nsc.ru

Савина А.И.
к.э.н., с.н.с. Института экономики и ОПП СО РАН; доцент Кафедры менеджмента Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск
sai1417@mail.ru

ПРИРОДООХРАННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В СТРАНАХ БРИКС[1]

Ключевые слова: отходы, страны БРИКС, раздельный сбор отходов, переработка, утилизация отходов.
Key words: waste, BRICS countries, separate waste collection, recycling, waste disposal

Китай является одной из ведущих стран БРИКС с большой численностью населения, а следовательно, и с большими объемами образования отходов потребления. С 1990-х годов в стране развиваются две основных технологий утилизации твердых коммунальных отходов (ТКО) – мусоросжигания и захоронения на санитарных свалках. Развитие системы раздельного сбора в Китае началось с экспериментов на микроуровне, собственно как и в случае многих реализуемых в стране программ. В 1995 году комитет жителей деревни Цаоян в Шанхае установил в районе машину для компостирования, запустив первую в городе пилотную программу по отделению пищевых отходов от прочего бытового мусора. В 1996 году к эксперименту присоединился Пекин: в жилом квартале Дачэнсян стартовала пилотная программа по сортировке мусора. В 2000 году Министерство жилищного строительства и городского и сельского развития выбрало восемь городов-пионеров по раздельному сбору мусора: Пекин, Шанхай, Нанкин, Ханчжоу, Гуйлинь, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и Сямынь[2]. Этот шаг положил начало общенациональной программе по раздельному сбору отходов (РСО). Важнейшим нормативным актом стал первый в стране Закон о содействии развитию экономики замкнутого цикла, вступивший в силу в 2009 году[3]. Ключевым стал 2017 год, когда Государственный совет КНР направил план по классификации бытовых отходов во все органы власти на уровне провинций, министерств и ведомств. Цель была амбициозной – к концу 2020 года во всех муниципалитетах, столицах провинций и крупных городах должны были появиться законы, стандарты и воспроизводимые модели систем сортировки бытовых отходов, а доля перерабатываемых отходов должна была достичь 35 % и более[4]. В июле 2019 года вступило в силу первое в Шанхае[5] городское постановление об утилизации бытовых отходов, которое описывало правила классификации, раздельной транспортировки, переработки мусора, а также ввело штрафы для физических и юридических лиц за их нарушения. Завершил этап 2019 года совместный план девяти государственных органов, включая Национальную комиссию по развитию и реформам, Министерство жилищного строительства и Министерство экологии и окружающей среды. Согласно этому плану, к 2020 году системы классификации и утилизации должны были быть созданы в 46 крупных городах, а к 2025 году во всех городах уровня префектур и выше.

[1] Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Методология и методика разработки и обоснования приоритетов инвестиционной, кредитно-денежной и фискальной политики структурной трансформации российской экономики в новых геополитических условиях» № 126020516495-3.

[2] Объявление пилотных городов РСО в Китае. – https://www.110.com/fagui/law_152807.html.

[3] Закон о содействии развитию экономики замкнутого цикла в Китае. – https://jjjcz.mee.gov.cn/djfg/gjflfg/fl/200808/t20080801_444387.html.

[4] Цели переработки бытовых отходов в 46 городах Китая. – https://www.rmzxw.com.cn/c/2017-04-24/1498601.shtml.

[5] Правила обращения с отходами в Шанхае. – https://www.pudong.gov.cn/zwgk/zwgk_zfxxgkml_atc_mll/2022/287/72833.html.

В настоящее время (по данным Министерства жилья, городского и сельского строительства КНР), сортировка отходов действует в 92,6% жилых микрорайонов в городах страны на уровне округа и выше. В Китае используется многоконтейнерная (разных цветов) система РСО для четырех видов отходов:

- синий, куда размещается вторичное сырье (все, что можно переработать: бумага, пластик, стекло, металл);
- красный для размещения опасных отходов – предметов, представляющих угрозу для здоровья и окружающей среды;
- зеленый или коричневый для размещения органики – пищевых отходов, которые можно компостировать;
- серый – для остального мусора (всё, что не вошло в первые три категории).

В синий контейнер (рис. 1) попадают незагрязненные материалы: стекло, бумага, металл, некоторые виды пластика (1 PET, 5 PP). В китайской системе РСО в этот же бак отправляются старая одежда, игрушки, текстиль – всё то, что можно переплавить, переделать или использовать заново.

Источник: [1]

Рис. 1. Отходы синего контейнера

В красный контейнер (рис. 2) складывают опасные отходы. Сюда попадают батарейки, аккумуляторы, ртутные термометры, энергосберегающие лампочки, краски, просроченные лекарства и банки из-под них. Эти предметы нельзя смешивать с другими видами ТКО, так как они требуют специальной обработки для избежания отравляющего воздействия на почву и воду.

Источник: [1]

Рис. 2. Отходы красного контейнера

В следующий контейнер (рис. 3) выбрасывают так называемые «мокрые отходы». Цвет контейнера может отличаться в зависимости от города или провинции, например, в Шанхае цвет таких баков коричневый, в Пекине и Шэньчжэне – зелёный. Сюда отправляются остатки еды, очистки, испорченные фрукты и овощи, растительные отходы, корм для домашних животных. Китайская классификация добавляет еще то, что используется в традиционной китайской медицине, например, остатки трав после отваров, которые тоже считаются «мокрыми». Это органика, которая дальше пойдёт на компост или производство биогаза. Согласно исследованиям [2], извлечение 20-30% пищевых отходов и их последующее внесение в почву в виде компоста способно максимизировать совокупный экологический эффект от всей системы обращения с отходами.

Источник: [1]

Рис. 3. Отходы зеленого (коричневого) контейнера

В серый контейнер (рис. 4) попадают остальные отходы – всё то, что не попало в первые три контейнера. Это бумага и пластик, например, влажные салфетки, предметы личной гигиены, окурки, старые зубные щётки, ручки, разбитая керамика. Эти отходы не подлежат переработке, а предназначены для сжигания или захоронения.

Нарушение норм РСО влечет за собой четко определенные санкции: для граждан штрафы составляют от 50 до 200 юаней (около 2200 рублей), а для предприятий – до 50 000 юаней (около 550 000 рублей)[1]. Особенностью китайского государственного регулирования является автоматизированный надзор, в том числе с помощью камер видеонаблюдения, которые установлены повсеместно, в том числе на контейнерных площадках – там они фиксируют нарушителей, затем системы распознавания лиц позволяют идентифицировать конкретных граждан, выбрасывающих мусор не в тот контейнер. Спутниковый мониторинг и дроны выявляют крупные нелегальные свалки на окраинах городов, которые ранее были практически на любом свободном участке за городом. Особенно мощным инструментом стал социальный рейтинг – система, которая интегрирует экологическое поведение в общий цифровой профиль гражданина. Нарушение правил сортировки ведет к снижению баллов в рейтинге, что может повлечь за собой реальные последствия: отказ в кредите, ограничение на покупку авиабилетов или доступ к государственным услугам[2].

[1] Слежка за отходами. – https://sled35.ru/np/news/newsofbranch/?ELEMENT_ID=194217.
[2] Там же.

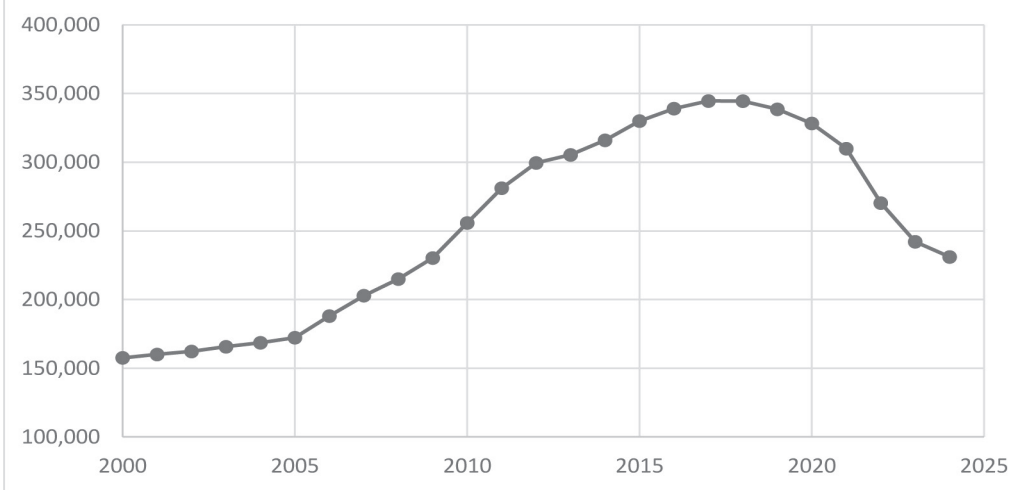

Источник: [1]

Рис. 4. Отходы серого контейнера

В таких крупных городах, как Ханчжоу, Чанша, Наньчан активно внедряются «умные» мусорные контейнеры, которые работают как автоматизированные пункты приема вторсырья. Житель города сканирует QR-код или вводит номер телефона, опускает отходы, и система автоматически взвешивает их, начисляя бонусы на виртуальный счет. За каждый килограмм сданного пластика, стекла или бумаги начисляется около 0,6 юаней (примерно 7 рублей). Самые активные участники, как, например, один житель Ханчжоу, сдавший 9 тонн отходов, заработали более 5400 юаней[1], для китайцев эта сумма сопоставима с месячной зарплатой в сельской местности. Заработанные бонусы можно обналичить, потратить на оплату коммунальных услуг, проезд в метро, покупки в партнерских магазинах или даже перевести в цифровую валюту, что позволяет каждому жителю стать участником экономики замкнутого цикла.

По данным [3] можно проанализировать динамику выбросов парниковых газов (ПГ) в секторе «Отходы» за период 2000-2025 гг., которая показывает, что несмотря на рост численности населения Китая, выбросы парниковых газов снижаются, начиная с 2018 года.

Источник: составлено авторами по данным [3].

Рис. 5. Динамика выбросов ПГ в секторе «Отходы» Китая за период 2000-2025 гг., млн т CO_2-экв.

[1] Поощрения за РСО. – https://24.kz/ru/news/in-the-world/760432-zhitelej-khanchzhou-pooshchryayut-za-sortirovku-musora.

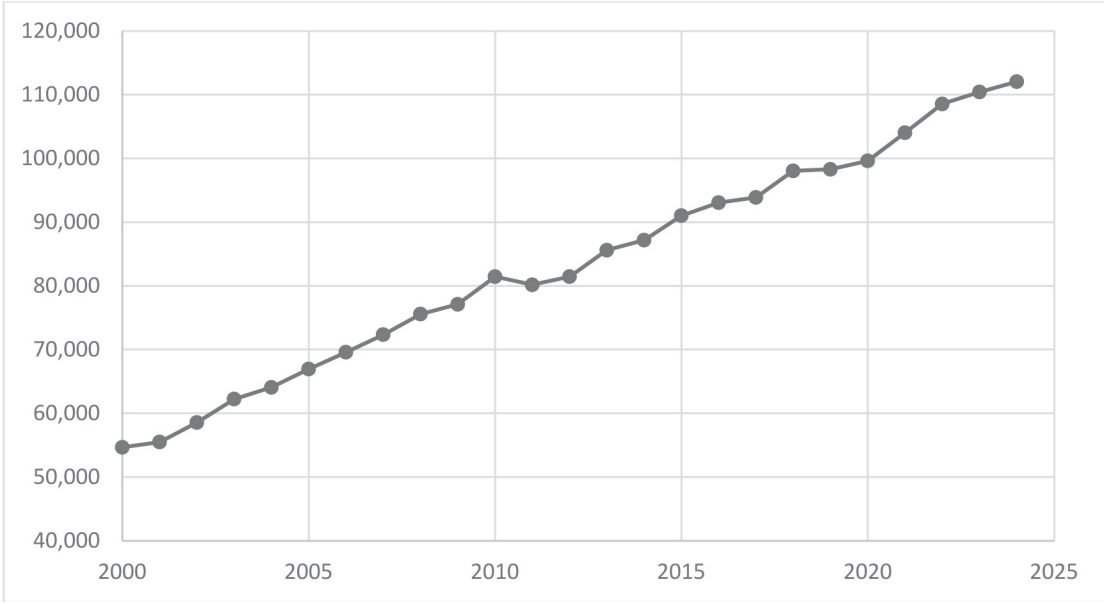
В частности, в 2005 году выбросы ПГ составляли 172 298 тыс. тонн CO2-экв при численности населения 1 308 млн человек (удельный показатель выбросов парниковых газов на душу населения составлял 0,13 т CO_2-экв./чел.). В 2024 году выбросы ПГ составляли 231 057 тыс. тонн CO_2-экв при численности населения 1 413 млн человек (удельный показатель выбросов парниковых газов на душу населения составлял 0,16 т CO_2-экв./чел.). Таким образом, удельные выбросы увеличились на 23% при росте населения всего лишь на 8%. Таким образом, в объемах выбросов парниковых газов в секторе «Отходы» наблюдается снижение с 2018 года, но для удельных показателей сохраняется рост.

В истории обращения с отходами Китая произошел масштабный переход от захоронения к сжиганию. Так, в начале 2000-х годов около 80% мусора просто складировалось на мусорных полигонах, что вело к огромным выбросам метана. На сегодняшний день ситуация изменилась кардинальным образом: в 2022 году на сжигание пошло 2,32 млрд тонн отходов, а на захоронение – лишь 0,59 млрд тонн. Этот переход позволил значительно сократить выбросы парниковых газов, по оценкам [4] (сжигание одной тонны отходов приводит к выбросу 0,20-0,33 тонны CO_2-экв., тогда как её захоронение – 0,50-0,70 тонны CO_2-экв). Следующим этапом в развитии системы обращения с отходами в Китае стало принятие программы энергетической утилизации Waste-to-Energy [5]. Современные заводы не только сжигают отходы при высоких температурах (более 850 градусов), но и используют полученное тепло для выработки электроэнергии. Так крупный завод в Чунцине перерабатывает 4500 тонн отходов в сутки, обеспечивая электричеством более 100 000 домохозяйств, что позволяет замещать ископаемое топливо, напрямую сокращая выбросы парниковых газов. Для свалок, которые всё ещё остаются в эксплуатации, активно внедряются технологии CCUS (Carbon capture, utilization and storage – система улавливания, использования и хранения метана). Этот газ улавливается с помощью системы скважин и трубопроводов и затем сжигается в специальных газопоршневых установках для выработки электроэнергии и тепла. Проект на полигоне в Ухане [6] мощностью 14,9 МВт является одним из таких примеров. В промышленности Китая действует программа «нулевых отходов» ZWC (Zero-waste city) [7], запущенная в 2018 году, которая стимулирует создание безуглеродных предприятий, работающих по принципам 3R (Reduce, Reuse, Recycle), что предполагает перепроектирование производственных процессов в целях минимизации образования отходов. В провинции Шаньси [8] научились перерабатывать скопившуюся в объеме миллиардов тонн угольную породу. Этот вторичный материал используется для закладки выработанного пространства шахт и для производства строительных материалов, а именно кирпичей. Этот метод не только утилизирует отходы, но и предотвращает эрозию почв и выделение вредных веществ.

В стране была внедрена система субсидирования строительства мусоросжигательных заводов. Заводы получают финансовую поддержку по трем основным направлениям – льготные тарифы на электроэнергию, оплата за утилизированный мусор, налоговые послабления и прямые субсидии из бюджета. Основной моделью владения стало государственно-частное партнерство [9]. Типичная схема выглядит следующим образом: государство выделяет землю для предприятия, инвестор строит завод и управляет им в течение 20-30 лет, забирая себе прибыль, после чего передает объект муниципалитету. Так, бизнес окупает затраты, а государство не тратит бюджетные средства на строительство.

К 2012 году в стране было построено 122 мусоросжигательных завода, уже к 2024 году их число достигло 1129. По оценкам [10], эти предприятия способны утилизировать от 800 тыс. до 1 млн тонн отходов в день. Совокупная установленная мощность генерации электроэнергии на сжигании отходов достигла 27,38 ГВт, что позволяет ежегодно вырабатывать около 145,3 млрд кВт·ч электроэнергии (для сравнения – в РФ мусоросжигательных заводов всего 7, а мусороперебатывающих – 260). Эти данные убедительно демонстрируют, что Китай совершил стремительный переход от модели, основанной на захоронении отходов, к модели, базирующейся на их термической переработке.

Для сравнения рассмотрим бразильскую сферу обращения с отходами, где ситуация намного сложнее. В отличии от Китая, В Бразилии наблюдается рост выбросов парниковых газов в секторе «Отходы».

Источник: составлено авторами по данным [11].

Рис. 6. Динамика выбросов ПГ в секторе «Отходы» Бразилии за период 2000-2025 гг., млн т CO_2-экв.

В частности, в 2005 году выбросы ПГ составляли 66 953 тыс. тонн CO_2-экв при численности населения 184,7 млн человек (удельный показатель выбросов парниковых газов на душу населения составлял 0,36 т CO_2-экв./чел). В 2024 году выбросы ПГ составляли 112 049 тыс. тонн CO_2-экв при численности населения 219,6 млн человек (удельный показатель выбросов парниковых газов на душу населения составлял 0,51 т CO_2-экв./чел). Таким образом, наблюдается рост как общего объема образования ПГ (на 67%) за рассматриваемый период, так и удельного показателя (увеличился на 41% при росте населения всего лишь на 19%).

Наиболее часто перерабатываемыми материалами в Бразилии являются бумага, алюминиевые и стальные банки, шины и пластмасса. В течение последних лет Бразилия удерживала статус мирового лидера по переработке банок: в 2007 году было переработано свыше 96% всех доступных на рынке алюминиевых банок. Такой высокий уровень переработки объясняется в первую очередь экономическими мотивами – большинство граждан и предприятий участвуют в этом процессе ради получения дохода, что стимулирует развитие системы переработки отходов в стране. Раздельный сбор отходов охватывает около половины городов. Более 60% вторсырья собирается и сортируется независимыми сборщиками. В Бразилии они имеют официальный статус и законное право участвовать в цепочке переработки. По сбору металлов (до 97%) страна входит в мировые лидеры. Однако в целом в Бразилии на переработку отправляется всего 4% отходов. Но к 2040 году в стране поставили цель увеличить эту цифру до 48% [12].

Среди программ, вводимых государством Бразилия через поощряющие стимулы, можно выделить:

1. Обмен перерабатываемых отходов на товары и услуги. Данная программа направлена на изменение отношения к мусору, делая его дополнительным ресурсом, который приносит доход (особенно распространено среди малообеспеченных граждан). В качестве примера можно привести программу, запущенную администрацией в 1991 году в городе Куритиба, по которой жители могли обменять 4 кг переработанных отходов на 1 кг свежих овощей или фруктов [13]. К 2007 году эта инициатива позволила избежать попадания на свалки Куритибы около 45 тысяч тонн мусора и снизила объем отходов на полигонах на 70%.
2. Создание системы отслеживания движения мусора. Была разработана система для отслеживания перемещения мусора, которая объединяет производителей, заинтересованных в обратной логистике своей тары или упаковки, с кооперативами, занимающимися переработкой отходов. Например, производитель передаёт компании данные о количестве выпущенной упаковки, а компания, в свою очередь, передаёт эту информацию ко-

оперативам, которые обязуются переработать эквивалентный объём. По итогам переработки производитель получает сертификат, признанный государственными органами, что даёт ему право на налоговые льготы.

3. Программа «Ноль свалок» запущена в 2019 году [14]. Это национальная инициатива Бразилии, направленная на полное искоренение открытых мусорных свалок по всей стране. Программа была запущена с целью улучшения экологической ситуации, повышения качества жизни населения и устойчивого управления отходами. Благодаря данной инициативе, было закрыто более 700 мусорных свалок (как официальных, так и несанкционированных), снизились объемы отходов, попадающих на полигоны за счет увеличения переработки и повторного использования отходов.

Опыт Бразилии и Китая был бы очень полезен для России. В России удельные выбросы ПГ в секторе «Отходы» на душу населения в 1990 году оставили 0,35 т CO_2 экв/чел., а в 2021 году выросли до 0,66 т CO_2 экв/чел. (на 88% при уменьшении численности населения на 1,4%). Таким образом, Россия превышает по удельным выбросам парниковых газов на душу населения такие страны как Китай и Бразилия, в которых численность населения увеличивается, а в Российской Федерации снижается.

Список литературы

1. Китай: сортируем, кто не хочет – штрафуем // Сайт «Энергия из отходов». – https://w2e.ru/blog/kitay-sortiruem-kto-ne-khochet-shtrafuem.
2. *Liu J., Yu S., Shang, Y.* Toward separation at source: evolution of municipal solid waste management in China // Frontiers of Environmental Science & Engineering. – 2020. – Vol. 14, N 36. – https://doi.org/10.1007/s11783-020-1232-2.
3. https://www.worldometers.info/es/greenhouse-gas-emissions/china-greenhouse-gas-emissions.
4. Влияние китайской модели сжигания отходов на выбросы парниковых газов. – https://www.solidwaste.com.cn/news/353741.html.
5. Waste-to-Energy. – https://www.ecns.cn/news/society/2025-06-23/detail-ihespkis5324238.shtml.
6. Wuhan Solid Waste Landfill Project. – https://www.power-technology.com/data-insights/power-plant-profile-wuhan-jiangxia-changshankou-municipal-solid-waste-landfill-project-china.
7. Insights and practices for industrial solid waste management under “zero-waste city” construction in China. – https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2773167725000305#sec2.
8. Turning Black Waste into a Green Resource. – http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/sl/202601/t20260105_800427402.html.
9. Мусоросжигательные заводы Китая. – https://www.forbes.ru/sustainability/554377-deficit-othodov-kak-musoroszigatel-nye-zavody-v-kitae-okazalis-na-grani-razorenia.
10. China’s waste incinerators. – https://news.cgtn.com/news/2026-01-28/China-s-waste-incinerators-quietly-power-cities-as-landfill-rate-falls-1KimVPk1vyM/p.html.
11. Worldometers. Info. – https://www.worldometers.info/es/greenhouse-gas-emissions/brasil-greenhouse-gas-emissions.
12. Как разделяют отходы в разных странах. – https://www.sberegaem-vmeste.ru/publications/kak-razdelyayut-othodi-v-raznih-stranah?ysclid=mb0ntchjps776532912.
13. Отходы в обмен на фрукты: как в разных странах приучали сортировать мусор. – https://dzen.ru/a/XZX-FCO_SACygwrC.
14. Переработка отходов в Бразилии. – https://thebrazilbusiness.com/article/recycling-of-waste-in-brazil.

Философова Т. Г.
д.э.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики»
tphil@mail.ru

Сырцов Д.Н.
к.э.н., доцент РАНХиГС при Президенте РФ
Dmitry_syrtsov@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БРИКС+: МЕХАНИЗМЫ, ВЫЗОВЫ, КООРДИНАЦИЯ

Ключевые слова: цели устойчивого развития, БРИКС+, Новый банк развития, координация, новые технологии, финансирование, технологический суверенитет.

Key words: Sustainable Development Goals, BRICS+, New Development Bank, coordination, new technologies, financing, technological sovereignty.

Введение

В настоящее время мировое сообщество вступило в важную фазу реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.[1] Согласно оценкам Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам на глобальном уровне, уровень показателей целей устойчивого развития (ЦУР), рассматриваемого как достижение сбалансированной системы социальных, экономических и экологических индикаторов, остается недостаточен[2]. В ряде стран ситуация крайне нестабильна и усугубляется геополитическими, экономическими и климатическими проблемами. Становится очевидной необходимостью ускорение действий по различным направлениям достижения ЦУР.

На региональном уровне страны «Глобального Юга»[3] все чаще выступают с инициативами по совершенствованию архитектуры глобального управления, ключевого элемента современного международного порядка, сформировавшегося после Второй мировой войны[4]. В этом процессе важную роль играют страны БРИКС, на долю которых после расширения состава в 2024 г. приходится значимая часть мировых ресурсов и населения[5]. Одновременно, несмотря на единство декларируемых целей, расширение формата сопряжено с новыми вызовами, которые усложняют выполнение новых задач и, в конечном итоге, достижение ЦУР.

С другой стороны, расширение формата и растущее влияние, повысило интерес к БРИКС+ как объекту научно-теоретических исследований и практических дискуссий, а новые реалии развития мирового хозяйства обуславливают необходимость особого внимания к целому ряду аспектов дальнейших взаимодействий стран БРИКС+.

---

[1] Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. (A/70/L.1). – https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf.

[2] The Sustainable Development Goals Report 2025 (обновленные данные) // United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA). – 2025. – 49 p. – https://unstats.un.org/sdgs/report/2025.

[3] «Глобальный Юг» в терминах ЮНКТАД – развивающиеся и наименее развитые страны, расположенные преимущественно в Азии, Африке и Латинской Америке см. Forging a Path Beyond Borders: The Global South. – https://unctad.org/publication/forging-path-beyond-borders-global-south.

[4] См. например: Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления/ РИА Новости. 01.09.2025. – https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html?ysclid=mqi2q5rip6135576665; *Вэн Хаомин.* Китайская инициатива изменения системы глобального управления в контексте усиления «Глобального Юга» // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 10. – С. 162–169; https://doi.org/10.24158/pep.2025.10.18; Gama C.F.P. BRICS and Global Governance Reform: A Two-Pronged Approach. – https://www.academia.edu/7709035/BRICS_and_Global_Governance_Reform_A_Two_Pronged_Approach; Radu A.M.E. BRICS+ and the Stakes of Global Governance Reform. – https://saisobserver.org/2025/10/31/brics-and-the-stakes-of-global-governance-reform.

[5] BRICS Data. – https://brics.br/en/about-the-brics/brics-data.

Целью является оценка проблем и перспектив реализации ЦУР странами БРИКС+ в условиях геоэкономической неопределенности и фрагментации, а также разработка концепции совершенствования механизмов координации между странами-участницами в области ЦУР.

Методы. Для достижения поставленной цели применяются методы сравнительного и институционального анализа, а также контент-анализа официальных документов международных организаций.

Научно-практическая новизна работы заключается в систематизации вызовов, специфичных для современного периода взаимодействий стран в рамках формата БРИКС+ и предложении концепции развития механизмов гибкой сетевой координации для ускорения процессов достижения ЦУР.

Теоретико-методологические основы исследования ЦУР странами БРИКС+

Первоначальная реакция стран БРИКС на принятие «Повестки-2030» в 2015 г. носила преимущественно адаптивный характер: страны интегрировали глобальные цели в национальные стратегии развития. Интеграция новых государств-членов (в их числе страны «Глобального Юга») значительно увеличила вес блока, но одновременно и повысила степень разнородности интересов и приоритетов, среди которых продовольственная безопасность, адаптация к изменению климата, технологический суверенитет и энергетика[1]. Однако устремления стран БРИКС+ направлены не к отмене ЦУР ООН, а к совершенствованию механизмов реализации, полнее учитывающих специфику развивающихся экономик[2].

Вопросы устойчивого развития стали одной из ключевых тем обсуждения на саммитах БРИКС. В официальных документах, в частности в Казанской декларации саммита в 2024 г. и Декларации саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро 2025 г. подчеркивается приверженность стран-участниц принципам устойчивого развития с акцентом на уважение национального суверенитета и отказ от политизации экологических и социальных аспектов[3].

Одновременно с усилением неоднородности состава при расширении БРИКС увеличился диапазон в параметрах оценок достижения ЦУР[4]. Это затрудняет применение унифицированных подходов к достижению ЦУР, включая финансирование ЦУР, и требует создания гибких, дифференцированных механизмов координации.

С другой стороны, странам БРИКС+ свойственны общие черты. В условиях санкционного давления и фрагментации глобальных цепочек создания стоимости[5] ряд стран БРИКС+ сталкивается с искусственными барьерами в доступе к передовым экологическим технологиям, финансированию, а также с другими затруднениями, например, при формировании инновационных экосистем энергосбережения[6] и пр. Это напрямую тормозит достижение ЦУР 7 и ЦУР 9 этими странами. Технологический протекционизм развитых стран вынуждает государства искать альтернативные, зачастую более затратные пути технологического развития, что негативно сказывается на темпах достижения ЦУР[7].

---

[1] BRICS Energy Research Cooperation Platform. 2024 BRICS Just Energy Transition Report. October 2024. – https://rosenergo.gov.ru/upload/press-center/BRICS-JET-Report-2024.pdf?ysclid=mqi8e5nk7992744557.

[2] *Stuenkel, O.* The BRICS and the Future of Global Order. – 2nd ed. – Lanham: Lexington Books, 2023. – 210 p.

[3] См.: XVI Саммит БРИКС Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация. 23 октября 2024 года. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf; Декларация Рио-де-Жанейро. Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления. Рио-де-Жанейро, Бразилия 6 июля 2025 года. – http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf.

[4] Sustainable Development Report 2025. Rankings. SDG Index Dashboards / Sustainable Development Solutions Network (SDSN). – https://dashboards.sdgindex.org.

[5] *Философова Т.Г.* Трансформация архитектуры мирового хозяйства, глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии COVID-19 // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 2. – С. 158–168. doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-2-158-168.

[6] *Kapitonov I.A., Voloshin V.I., Filosofova T.G., Syrtsov D.N.* The Impact of Innovative Technologies on the Formation of a New Strategy for the Development of the International Oil and Gas Business // Space and Culture. – 2019. – Vol. 7, N 2. – P. 27–38 DOI: 10.20896/saci.v7i2.451.

[7] Trade and Development Report 2024: Financing a just green transition in a fragmented world // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). – Geneva: UNCTAD, 2024. – https://unctad.org/publication/trade-and-development-report-2024.

БРИКС+ представляет собой классический пример неформального международного института. Координация осуществляется через механизмы «мягкого права»[1], включая декларации, дорожные карты, совместные решения. Такая архитектура с одной стороны, обеспечивает гибкость и сохраняет государственный суверенитет участников, что критически важно для стран с разными политическими режимами, а с другой стороны – отсутствие централизованного органа и единой, признанной и используемой всеми странами БРИКС+ системы метрик для оценки ЦУР затрудняет мониторинг общего процесса достижении ЦУР.

Таким образом, расширение формата БРИКС по состоянию на 2026 г. сопряжено с рядом вызовов и требует дальнейшего совершенствования системы механизмов координации.

Обсуждение результатов

Анализ официальных материалов и отчетов статистических агентств показал, что правительства стран БРИКС стремятся активно противодействовать новым вызовам глобальной нестабильности, проявляя высокую заинтересованность в укреплении национальной экономики и достижении ЦУР. Страны БРИКС последовательно наращивают потенциал сотрудничества, опираясь на существующие и создаваемые механизмы координации. Эффективность таких механизмов зависит от ряда факторов, включая возможность преодолевать странами-участницами внутренние различия[2].

Проведенное исследование позволило объединить механизмы координации в несколько групп и с учетом современных реалий выделить основные, на которых мы остановимся ниже.

Обеспечить с одной стороны формальную основу взаимодействия, а с другой – необходимую гибкость и привлечение различных групп участников для решения актуальных задач для достижения ЦУР позволяет сочетание дипломатических и сетевых механизмов координации. В рамках БРИКС существует опыт деятельности рабочих групп, охватывающих все ключевые направления налогового администрирования и налоговой политики[3]. В сфере цифровизации примером могут служить Рабочая группа по цифровой трансформации промышленности, Рабочая группа по безопасности использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), Рабочая группа по исследованию проблем конкуренции на цифровых рынках. Одновременно, создана и успешно работает Рабочая группа по новым и возобновляемым источникам энергии и энергоэффективности, деятельность которой сосредоточена на таких направлениях, как солнечная и ветровая энергетика, гибридные энергосистемы, накопители энергии, интеллектуальные сети, цифровизация энергетики, применение искусственного интеллекта в энергетических системах, «зелёный» водород, улавливание и использование углерода, а также подготовка кадров для отрасли возобновляемой энергетики[4].

Другую значимую группу составляют *механизмы координации комплекса взаимодействий в рамках научно-технологического сотрудничества в различных областях науки, техники и инноваций* с целью преодоления технологических разрывов стран БРИКС+. Примером стремления стран повысить устойчивость благодаря новейшим технологиям, прежде всего ИИ, служит созданный в китайском Сямэне Центр партнёрства БРИКС по новой промышленной революции. Эта структура занимается координацией политики, обучением кадров и реализацией совместных проектов в сферах телекоммуникаций, возобновляемой энергетики, интеллектуального производства и «зелёных» отраслей[5]. Деятельность Центра опирается на внутреннюю кооперацию и трансфер знаний внутри БРИКС+. Другим примером, может служить сформированная в

[1] *Abbott, K.W., Snidal, D.* Hard and Soft Law in International Governance. // International Organization. – 2000. – Vol. 54, N 3. – P. 421-456. – https://www.researchgate.net/publication/4770665_Hard_and_Soft_Law_in_International_Governance.

[2] *Философова Т.Г., Сырцов Д.Н.* Международное сотрудничество и привлечение финансового капитала для устойчивого развития стран БРИКС /// Банковские услуги. – 2025. – № 1. – С. 33-39.

[3] Налоговое сотрудничество БРИКС // Официальный сайт ФНС. – https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/brics.

[4] Страны БРИКС обсудили сотрудничество в сфере энергетики // Официальный сайт Минобрнауки России. – https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/85251; https://mpei.ru/news/Pages/newsItem.aspx?newsID=4753&ysclid=mqi7yp86a733813025.

[5] Члены БРИКС будут вместе развивать технологический потенциал // Российская газета. 22.10.2024. – https://rg.ru/2024/10/22/vtoroe-zolotoe-desiatiletie.html.

2019 г. по инициативе министров энергетики стран БРИКС Платформа энергетических исследований БРИКС (Энергоплатформа), которая объединяет экспертов из научно-исследовательских центров, компаний и университетов разных стран[1]. Сетевой университет БРИКС является объединяющей платформой для совместных исследований в области возобновляемой энергетики, водных ресурсов, изменения климата и др.[2]

Важную роль координирующих механизмов играют финансовые институты БРИКС, прежде всего Новый банк развития (НБР). Согласно Генеральной стратегии НБР на 2022-2026 гг., банк позиционирует себя как катализатор устойчивого развития, взяв обязательства направлять не менее 40% своего портфеля на проекты, связанные с климатом и экологией, что институционально закрепляет связь между финансовыми потоками БРИКС и конкретными ЦУР (в первую очередь, ЦУР 7, 9 и 13)[3]. К 2026 г. НБР не только увеличил портфель «зеленых» проектов, но и активно развивает механизм финансирования в национальных валютах[4]. Это позволяет странам-заемщикам хеджировать валютные риски, снижать стоимость заимствований и укреплять финансовый суверенитет, что напрямую способствует достижению ЦУР 8.

Механизм Пула условных резервных валют стран БРИКС служит инструментом предотвращения финансовых кризисов, защищая социальные достижения стран-участниц от внешних шоков[5].

Однако, разрыв между странами БРИКС+ в области достижения ЦУР делает невозможным применение унифицированных подходов к финансированию ЦУР и требует создания гибких, дифференцированных механизмов координации и перераспределения финансовых потоков через Новый банк развития.

В ранних исследованиях было доказано, что в изменяющемся мире формирование международной конкурентоспособности страны[6] и ЦУР[7] тесно связано с повышение ее инвестиционно-инновационного потенциала. Расширение и повышение эффективности механизмов координации в рамках БРИКС в сфере инвестиций позволит улучшить доступ к передовым технологиям стран-партнеров, создать дополнительные рабочие места, содействовать решению злободневных социальных вопросов, связанных с развитием человеческого потенциала, повышением качества жизни и благосостояния граждан стран БРИКС, что в конечном итоге может привести к значимому синергетическому эффекту, обеспечивающему достижение ЦУР странами БРИКС.

Проведенный анализ показал, что в современных реалиях для каждой из стран БРИКС достижение ЦУР связаны с доступом к банковскому капиталу и другим источникам финансирования внедрения результатов научно-технологического развития, в т.ч. в области цифровой трансформации, расширения сфер применения технологий ИИ, обработки больших баз данных, охраны окружающей среды, энергосберегающих и экологически чистых технологий, а также технологий замкнутого цикла, информационной безопасности и др. Не менее важны направления, связанные с широким проникновением новейших цифровых технологии в социальную сферу и домохозяйства, вплоть до создания инфраструктуры умных городов.

Новые реалии развития мирохозяйственных процессов усилили актуальность вышеперечисленных направлений развития, а следовательно, и необходимость усиления гибкости, и

---

[1] Ежегодная встреча Платформы энергетических исследований БРИКС 15 октября 2025 // Росконгресс. – https://roscongress.ru/sessions/rew-2025-programma-gostinnogo-dvora--ezhegodnaya-vstrecha-platformy-energeticheskikh-issledovaniy-briks/discussion/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

[2] BRICS Network University (BRICS-NU). – https://brics-nu.org.

[3] General Strategy 2022-2026. New Development Bank (NDB). – Shanghai: NDB, 2022. – https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2022/07/NDB_StrategyDocument_Eversion-1.pdf.

[4] Новый банк развития – расширение членства и результаты операционной деятельности с момента основания // Экспертный Совет БРИКС России. 8 августа, 2025. – https://bricscouncil.ru/ru/analytics/novyy-bank-razvitiya-rasshirenie-chlenstva-i-rezultaty-operacionnoy-deyatelnosti-s-momenta-osnovaniya.

[5] Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС // Бюллетень международных договоров. – 2020. – № 10. – С. 5-24. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50009.

[6] *Философова Т.Г. Быков В.А.* Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008; Философова Т.Г. Новые финансовые инструменты реализации инновационно-инвестиционных моделей конкурентоспособности // Лизинг. – 2013. – № 1. – С. 3-13.

[7] *Сырцов Д.Н., Колош А.В.* Устойчивое развитие, технологический суверенитет и повышение инновационного потенциала промышленности // Экономика и управление в промышленности. – 2023. – С. 25-30.

повышение эффективности финансирования. Важной составляющей сотрудничества в рамках БРИКС в инновационно-инвестиционной сфере, несомненно, остается координация финансовой поддержки. Увеличение доли взаимных инвестиций и диверсификация источников финансовых ресурсов невозможны без участия банковских структур и использования валют стран БРИКС, без привлечения частного капитала и разработки адекватных механизмов и инструментов для достижения ЦУР как отдельной страны, так и группировки БРИКС в целом. Поэтому вопросы поиска, координации, использования эффективных межгосударственных схем финансирования с участием банковских структур стран не теряют своей высокой актуальности. Изучение трендов развития мировой финансовой системы и опыта современного финансового обеспечения показывает, что в рыночной экономике для привлечения частного капитала в реальный сектор востребованы те технологии и схемы, которые находятся в процессе постоянного обновления и легко модифицируются в соответствие с потребительскими запросами. Среди таких инструментов особое положение занимают лизинговые схемы, способные обеспечить доступность и эффективность привлечения частного капитала в промышленность, реализовать мероприятия по ее модернизации[1].

Практические рекомендации

На основе проведенного исследования разработаны практические рекомендации по совершенствованию системы координирующих механизмов для нивелирования выявленных вызовов и повышения эффективности координации стран БРИКС+ в реализации ЦУР.

Для дальнейшего развития механизма сочетания дипломатической и сетевой координации необходимо перейти от их параллельного функционирования к глубокой институциональной интеграции. Учитывая высокую гибкость неформальных институтов, субнациональное сотрудничество обладает значительным потенциалом для достижения ЦУР (в частности, ЦУР 11). Целесообразно институционализировать платформу «Сеть умных городов БРИКС+» для непосредственного прямого обмена технологическими решениями в области управления отходами, энергоэффективности и цифровизации государственных услуг. Такой горизонтальный обмен лучшими практиками позволяет обходить геополитические ограничения на трансфер технологий на межгосударственном уровне.

Существующие глобальные рейтинги устойчивого развития часто содержат методологические подходы, позволяющие оценить прогресс на основе традиционных методик, разработанных в странах Глобального Севера. Странам БРИКС+ Необходимо инициировать создание совместного методологического центра (при поддержке Росстата и национальных статистических служб других стран БРИКС+) для разработки альтернативного индекса (например, «Индекса ЦУР БРИКС+»). Такой индекс должен учитывать специфику развивающихся экономик с акцентом на ликвидацию всех типов бедности, обеспечение энергетического и технологического суверенитета страны, адаптацию к климатическим изменениям и др.

Необходима разработка новых механизмов координации в рамках единой защищенной цифровой экосистемы (цифровой платформы обмена данными) в рамках БРИКС+ для решения проблем методологической несогласованности и отсутствия прозрачного мониторинга. Такая платформа позволит обеспечить стандартизированный сбор, верификацию и визуализацию статистических данных ЦУР, повысит достоверность отчетности, что может положительно сказаться на привлечение инвестиций к проектам в рамках ЦУР.

Требуется формирование механизмов координации на базе специализированной институциональной инфраструктуры для привлечения инвестиций и развития лизинга в рамках БРИКС, включающих гармонизацию нормативно-правовой базы развития трансфера технологий. Это позволит повысить результативность промышленной политики и обеспечения экономического и технологического суверенитета[2] стран-участниц. Перспективным направлением является уве-

[1] *Философова Т.Г., Сырцов Д.Н.* Международное сотрудничество и привлечение финансового капитала для устойчивого развития стран БРИКС /// Банковские услуги. – 2025. – № 1. – С. 33-39.

[2] *Философова Т.Г.* Технологический суверенитет и структурная перестройка экономик и России: проблемы и решения на фоне изменений архитектуры мирового хозяйства // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической информации. – 2024. – Т. 80, № 4. – С. 90-103.

личение доли финансирования инновационных проектов циркулярной экономики, направленных на климатическую адаптацию, социальную инфраструктуру (ЦУР 1, 3, 13).

Механизмы координации в рамках Университета БРИКС не только связаны с реализацией ЦУР 4 и предотвращением «утечки мозгов», создавая основу для достижения ЦУР 8, – они могут иметь комплексное значение, оказывая влияние на достижение ЦУР, став площадкой культурной памяти, развивая культуру и создавая новые идеи и практики, передавая знания следующим поколениям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что расширение формата БРИКС до БРИКС+ кардинальным образом трансформирует подходы к глобальной повестке устойчивого развития. Страны БРИКС+ не отвергают принципы Повестки дня на период до 2030 г., однако последовательно стремятся к их переосмыслению. Формируемая модель устойчивого развития в БРИКС+ базируется на приоритете национального суверенитета, праве на развитие и отказе от использования экологических или социальных стандартов в качестве инструментов политического давления.

Выявлены и исследованы основные вызовы, такие как неоднородность, фрагментация, методологические несоответствия в статистике, ставшие объективными особенностями БРИКС+. Однако, как показывает анализ, они успешно компенсируются за счет сочетания дипломатических, сетевых и проектно-ориентированных механизмов координации. Ключевую роль в этом процессе продолжают играть институты, такие как НБР, а также отраслевые рабочие группы, обеспечивающие синхронизацию национальных стратегий и новые площадки для достижения ЦУР.

Научное издание

СТРАНЫ БРИКС: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Материалы Третьей международной научно-практической конференции (20–22 мая 2026 г.)

В двух частях

Часть 2

Компьютерная верстка — *Е.А. Капнулина*

Подписано в печать ??.10.2026. Формат 60x90/8.
Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 46,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 50 экз.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 261-11-26
www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано в ООО «Стромынка Принт»
107076, Москва, ул. Стромынка, д. 18, кор. 5, этаж 5, пом. IX, комн. 25